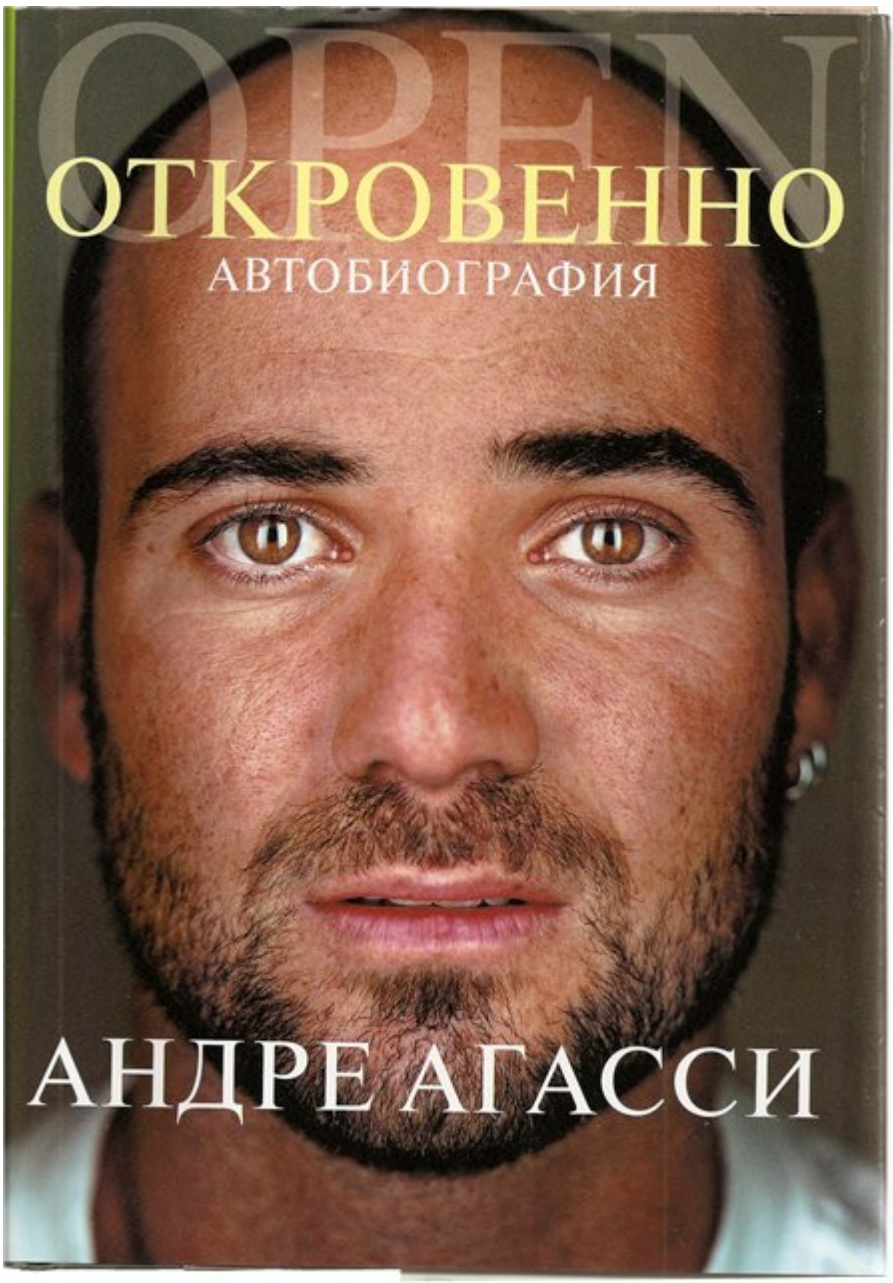
ОТКРОВЕННО. Автобиография

Андре Агасси

SHOUT
SHARE
IT

Annotation



А. Агасси.
"ОТКРОВЕННО. Автобиография."

•

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

○ 44
○ 45
○ 46
○ 47
○ 48
○ 49
○ 50
○ 51
○ 52
○ 53
○ 54
○ 55

ФИНАЛ

Я ОТКРЫВАЮ ГЛАЗА - и не могу понять: кто я? где я? Если подумать, в этом нет ничего необычного: я провел полжизни, не зная ответов на эти вопросы. И тем не менее сейчас все иначе. Сегодняшнее мое смятение куда глубже обычного. И это пугает.

Оглядываюсь вокруг. Я лежу на полу, рядом с кроватью. Да, точно: ночью я переполз с постели на пол. Я делаю это почти каждую ночь: так нужно для спины. За несколько часов сна на мягком матрасе приходится расплачиваться адскими болями. Считаю до трех, и начинается долгий и мучительный подъем. С кашлем и стонами перекатываюсь набок, сжимаюсь в позу эмбриона и, наконец, переворачиваюсь на живот. Теперь мне предстоит терпеливо ждать, пока сердце вновь разгонит кровь по всему телу.

Вообще-то я еще довольно молод: всего тридцать шесть. Но, когда я просыпаюсь, чувствую себя на все девяносто шесть. Тридцать лет ускорений и резких остановок, высоких прыжков, неудачных приземлений - и вот мое тело словно чужое, особенно по утрам. Да и разум мой будто витает где-то вдалеке. Открывая глаза, я каждый раз оказываюсь в шкуре незнакомца, и хотя это уже не новость, осознавать это приходится каждое утро. Я быстро восстанавливаю в памяти главное. Меня зовут Андре Агасси. Моя жена - Штефани Граф. У нас двое детей, дочь и сын, трех и пяти лет. Мы живем в Лас-Вегасе, однако сейчас находимся в номере люкс нью-йоркского отеля Four Seasons, потому что мне предстоит участвовать в Открытом чемпионате США по теннису 2006 года. Это мой последний чемпионат США и мой самый последний турнир.

Я играю в теннис всю свою жизнь, хоть и ненавижу его глубокой, тяжкой ненавистью. Всегда ненавидел.

- Как только последняя деталь головоломки встает на свое

место, я поднимаюсь на колени и шепчу:

- Пусть это, наконец, кончится!

И сразу:

- Но я не готов к тому, чтобы все кончилось…

Я слышу, как в соседней комнате завтракают, болтают, смеются Штефани и дети. Мне хочется увидеть их, прикоснуться к ним, еще больше хочется впрыснуть в организм утреннюю дозу кофеина. Эти желания придают сил, и я поднимаюсь на ноги. Вот так ненависть ставит меня на колени, а любовь позволяет выпрямиться во весь рост.

Бросаю взгляд на часы, стоящие возле постели. Половина восьмого. Штефани позволила поспать подольше. В последние дни на меня навалилась свинцовая усталость: и от физического напряжения, и от эмоциональной бури в связи с грядущим уходом из спорта. И вот теперь к изможднию добавляется физическая боль. Она пронзает спину, рука непроизвольно тянется к больному месту. Ощущение, будто ночью миниатюрный механик пробрался в мой позвоночник и установил титановый замок от противоугонной сигнализации. Как я могу играть в Открытом чемпионате США, если у меня не позвоночник, а негнущийся металлический штырь? Неужели последний матч в моей карьере закончится обидным поражением?

При рождении у меня диагностировали смещение поясничных позвонков: нижний, отделившись от остальных, встал так, как ему заблагорассудилось. (Кстати, именно поэтому при ходьбе я выворачиваю стопы внутрь.) Когда один из позвонков выбивается из общего ряда, места для нервных волокон в канале остается гораздо меньше и они не устают об этом напоминать при каждом движении. Если же к этому добавить две грыжи межпозвоночных дисков и кости, продолжающие расти в тщетной попытке выстроить защиту вокруг поврежденного места, то становится ясно: мои нервные волокна страдают жесточайшей клаустрофобией. Когда они протестуют против тесноты истерическими импульсами, боль пронзает ногу так, что перехватывает дыхание. В такие моменты помогает одно средство: лечь и ждать. Но иногда приступ случается прямо во время матча. В таких случаях единственный выход - резко изменить манеру игры: по-другому двигаться, бить по мячу, действовать совершенно иначе. Но тогда начинается мышечный спазм. Никто не любит перемен, мои мускулы - не исключение. Из-за резкого изменения нагрузки мышцы присоединяются к бунтующему позвоночнику - и вот уже мое тело, кажется, воюет с самим собой.

Джил - мой тренер, друг и второй отец - говорит в таких

случаях: «Значит твое тело дает понять, что больше не хочет этим заниматься». «Мое тело говорит об этом уже давно, - отвечаю я Джилу. - Почти с тех пор, как я сам научился говорить».

С января тело уже не говорит - оно вопит. Не просто требует отставки: по сути, оно уже ушло на покой. Оно купило себе белые брюки модной марки Sansabelt и переехало во Флориду. Все, что мне оставалось, - раз за разом договариваться с ним, чтобы оно вернулось к работе хотя бы на пару часиков - то тут, то там. Решающим доводом чаще всего становилась доза кортизона, способная на время унять боль. Увы, прежде чем начать действовать, кортизон приносил мучения.

Очередную дозу я принял как раз вчера, так что сегодня вечером смогу играть. В этом году уже третий укол, за всю карьеру - тринадцатый и самый ужасный. Врач - не тот, который лечит меня постоянно, а обычный доктор, - отрывисто приказал занять место на кушетке. Я лег лицом вниз, медсестра сдернула с меня шорты. Врач решил, что почти двадцатисантиметровой иглы будет достаточно, чтобы максимально близко подойти к воспаленным нервным окончаниям. Но не так-то просто сделать укол в нужную точку: помешали межпозвоночные грыжи и костный нарост. Он так и сяк пытался, а я обливался холодным потом. Введя иглу, врач придвинул к моей спине какой-то огромный агрегат, с помощью которого можно было увидеть, как близко подошел инструмент к нервному пучку.

«Надо подвести ее практически к нервам, - сказал он, - но ни в коем случае не дотронуться до них. Если игла хотя бы заденет нервные окончания, боль будет такой, что о турнире придется забыть. И это - еще не самое неприятное из последствий». Процедура продолжалась, и я уже еле сдерживал слезы.

Наконец - вот оно! «В яблочко», - сказал врач.

Кортизон начал растекаться по телу. Жжение заставило меня закусить губу. Затем стало нарастать давящее чувство, как будто меня накачали жидкостью до краев. Тонкий канал внутри позвонков, укрывший нервные пучки, будто закатали в вакуумную упаковку. Давление все нарастало, и под конец я не на шутку испугался, что спина вот-вот взорвется.

«Если давит - значит, действует», - говорит врач.

Золотые слова, док.

И вот уже боль кажется почти приятной, - я знаю, что это предшествует облегчению. Впрочем, возможно, это свойство любой боли.

ДОМАШНИЕ ЧТО-ТО РАСШУМЕЛИСЬ. Я ковыляю в гостиную. Сын, Джаден, и дочка, Джаз, тут же начинают кричать: «Папа! Папа!» Они скачут, пытаются залезть на меня. Я останавливаюсь

перед ними и, опустив руки, изображаю дерево с опавшей листвой. Они останавливаются: помнят, что с папой в эти дни надо обращаться осторожно, иначе ему будет очень больно. Я треплю их по головкам, целую в щечки, и мы все вместе садимся завтракать.

- Сегодня тот день? - спрашивает Джаден.

- Да.

- И ты будешь играть?

- Да.

- А потом ты идешь на пенсию?

Для моих малышей это новое выражение - «уходить на пенсию». Впрочем, они употребляют его только в настоящем времени, как будто этот поход будет длиться вечно и никогда не закончится. Быть может, они знают что-то, чего не знаю я.

- Нет, сынок. Если мне удастся победить в сегодняшнем матче, я продолжу играть.

- А если ты проиграешь, мы купим собаку?

Для детей моя отставка означает возможность завести щенка. Мы со Штефани уже пообещали: когда я перестану тренироваться и мы больше не будем так много путешествовать, купим щенка. Может, назвать его Кортизоном?

- Да, дорогой, когда я проиграю, мы купим щенка.

Сын улыбается. Он надеется, что папа проиграет, переживет и это унижение, которое, однако, может ударить больнее всех остальных. Джаден пока не понимает, что такое боль от игры, боль от потери. Смогу ли я когда-нибудь объяснить ему? Мне надо было прожить тридцать лет, чтобы понять обе эти ипостаси, взвесив их на весах собственной души.

Я спрашиваю Джадена о планах на день.

«Пойду смотреть на скелетов», - говорит он.

Я вопросительно смотрю на Штефани. Она напоминает: сегодня они собираются в Музей естественной истории - к динозаврам. Я думаю о своих перекособоченных позвонках и представляю свой скелет стоящим в музее рядом с костями доисторических чудовищ. Теннисозавр Рекс.

Мои размышления прерывает Джаз. Она протягивает мне свой кекс: я должен выковырять из него ягоды черники, лишь после этого она согласится съесть его. Это наш обычный утренний ритуал. Мне нужно удалить абсолютно все ягоды, требует недюжинной концентрации внимания. Вонзить нож, сделать круговое движение и вынуть ягоду, не коснувшись ее лезвием. С радостью отдаюсь этому занятию, оно позволяет некоторое время не думать о теннисе. Однако, передавая дочери кекс, я вдруг отчетливо осознаю: он лежит в руке точь-в-точь как

теннисный мяч. На это воспоминание мышцы спины реагируют мучительной судорогой. Час истины все ближе.

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА Штефани и дети прощаются со мной и убегают в музей, а я продолжаю сидеть за столом, оглядывая наш гостиничный номер. Ничего особенного - еще один люкс, неизвестно какой по счету. Роскошный, удобный, отдраенный - это Four Seasons, номера здесь отличаются изысканностью, и все же это лишь очередной, как я их называю, «не-дом». Именно в таких местах проходит вся жизнь спортсмена. Я стараюсь думать о предстоящем вечере, однако память упорно пытается отмотать время назад. В эти дни я почему-то постоянно вспоминаю прошлое. Сейчас, когда мой спортивный путь близок к завершению, разум все настойчивее пытается вернуться к тому, с чего все начиналось. Но я не позволяю ему. Еще не время. Пока я не могу разрешить себе нежиться в воспоминаниях о былом. Встаю и делаю несколько кругов вокруг стола, проверяя, вернулось ли ко мне чувство равновесия. Придя в себя, отправляюсь в душ.

Потоки горячей воды заставляют меня стонать и вскрикивать. Медленно наклоняюсь, разминаю мышцы бедер. Мускулы расслабляются, кожа размягчается, открываются поры, кровь все быстрее бежит по венам. Ко мне возвращается жизнь, возвращается надежда. Вскипают в крови последние капли юности. И все же я пока не делаю резких движений, не хочу раньше времени шокировать свой несчастный позвоночник - пусть себе спит пока.

Стоя перед зеркалом с полотенцем в руках, вглядываюсь в свое лицо. Покрасневшие глаза, седая щетина - нет, в юности я был совсем другим.

Особенно изменился за последний год. Сегодня я уже не тот мальчишка, который когда-то начал свой путь к спортивным вершинам. Но и не тот, кто три месяца назад объявил о грядущем завершении этого похода. Я словно старая теннисная ракетка: после того как хозяин четырежды заменил на ней ручку и семь раз - струны, останется ли она прежней? И все же откуда-то из глубины моих глаз по-прежнему смотрит тот мальчик, для которого теннис еще не стал единственным смыслом жизни, он ведь хотел бросить спорт - и действительно бросал его не раз. Я смотрю в глаза этому светловолосому мальчишке и думаю, что бы тот почувствовал, встретившись со мной сегодняшним - лысым мужчиной, который по-прежнему ненавидит теннис и все же продолжает играть? Шок? Удивление? Гордость? Задумавшись об этом, я понемногу впадаю в сонную, вялую одурь. А ведь еще только полдень.

Пожалуйста, пусть скорее все закончится!

Но я не готов к этому…

Конец карьеры ничем не отличается от окончания матча. Когда финиш близок, тебя вдруг переполняет какая-то волшебная сила. В ожидании финального свистка ты чувствуешь, как эта сила толкает вперед, помогая преодолеть последние минуты борьбы. Но стоит отдаться мощи этой волны, как другая невидимая волна пытается остановить тебя. Противодействие этих двух могучих, противоборствующих сил невозможно описать, но, поверьте, обе они существуют. Я точно знаю, ведь всю свою жизнь призывал первую и боролся со второй - и нередко чувствовал, будто меня швыряет, словно мячик, между этими двумя по-токами энергии, противостоять которым я абсолютно бессилен.

Напоминаю себе: сегодня вечером мне потребуется железная дисциплина, чтобы справиться с этими потоками, а заодно и с прочими неизбежными бедами: болью в спине, неловкими ударами, отвращением к самому себе. В этом напоминании столько же сожаления, сколько и медитативных раздумий. За двадцать девять лет своей теннисной карьеры я понял одно: жизнь сначала непременно воздвигает на пути множество преград, не испытав разве что огнем и мечом, а после этого с лихвой испытает огнем и мечом. Ваше дело - преодолевать препятствия. Если позволите им остановить вас, заставить свернуть с пути, значит, не сможете выполнять свою работу, а это, в свою очередь, парализует куда сильнее, чем боль в спине.

Я лежу на постели со стаканом воды, читаю. Устав, включаю телевизор. «Сегодня - второй раунд Открытого чемпионата США по теннису! Станет ли он последним в карьере Андре Агасси?» На экране - мое лицо. Совсем не такое, каким я вижу его в зеркале, а то, которое бывает у меня во время игры. Изучаю свое отражение в кривом телевизионном зеркале, и волнение возрастает еще на пару градусов. Будет ли эта реклама последней? Будет ли CBS еще когда-нибудь говорить о моих матчах?

Чувствую себя будто готовлюсь умереть.

В теннисе все как в жизни. Отбитые и пропущенные подачи, преимущество перед одними и отставание от других - все, что есть в игре, мы видим вокруг себя каждый день. Каждый матч - это жизнь в миниатюре. Карьера теннисиста подобна русской матрешке: очки складываются в геймы, те - в сеты, они - в турниры, каждый момент неразрывно слит с предыдущим, и каждый может стать решающим. Это похоже на течение времени: секунды складываются в минуты, минуты - в часы, и любой час может стать лучшим в нашей жизни. Или худшим. Нам самим

решать.

Но если теннис - это жизнь, то как называется та неизведанная пока пустота, которая наступит после того, как я брошу играть? От этой мысли меня бросает то в жар, то в холод.

Штефани с детьми вбегают в комнату и плюхаются на кровать. Сын спрашивает, как я себя чувствую.

- Прекрасно. Как динозавры?

- Класс!

Штефани вручает детям сэндвичи и сок, после чего выпроваживает их из комнаты. «У них сегодня - выходной», - говорит она.

Ну а мне еще предстоит работать.

Теперь самое время вздремнуть. Сейчас, когда мне уже тридцать шесть, дневной сон необходим, чтобы выдержать вечерний матч, который может затянуться за полночь. К тому же, как только я окончательно осознал свое место в окружающем мире, мне хочется немедленно спрятаться от этого знания.

Просыпаюсь через час. Пора! Прятаться дальше бессмысленно. Я ступаю под душ - совсем другой, нежели утром. Днем я принимаю душ дольше, чем с утра, - чуть больше двадцати минут - и вовсе не для того, чтобы проснуться или помыться. Это что-то вроде обязательной тренировки, которая помогает мне собраться с силами.

Теннисисты постоянно разговаривают сами с собой. Ни в каком другом спорте вы не встретите подобного. Бейсболисты, игроки в гольф, футбольные вратари - все они периодически бормочут что-то себе под нос, но лишь теннисисты разговаривают сами с собой в полный голос, задавая вопросы и тут же отвечая на них. В разгар матча игрок похож на сумасшедшего, бредущего по многолюдной улице: он ругает сам себя, тут же огрызается в ответ, ни на минуту не прекращая оживленные дебаты в одиночку. Почему? Потому что теннис - игра одиночек. Только боксеры, пожалуй, могут понять, сколь одинок теннисист на корте, - но у боксеров есть хотя бы менеджер и помощник, который встречает его в углу ринга в перерыве между раундами. Да и соперник у боксера - вот он, рядом, ты можешь ударить его или огрызнуться. Теннисист же стоит напротив своего противника, обменивается с ним ударами, но не в состоянии ни дотянуться до него, ни заговорить с ним или с кем-либо другим. Правила запрещают теннисисту, пока он на корте, разговаривать даже с тренером. Много говорят об одиночестве бегуна на дорожке, но бегун по крайней мере чувствует своих соперников, находящихся от него в считанных сантиметрах. Теннисист же как будто находится на необитаемом острове. Из всех игр,

придуманных человечеством, теннис более всего напоминает одиночное заключение, во время которого, рассказывают, человек тоже неизбежно начинает беседовать сам с собой. Лично я заговариваю со своим вторым «я» уже во время послеобеденного душа. Сообщаю себе кучу всяких глупостей, в которые в конце концов начинаю верить: хоть я почти калека, смогу играть в Открытом чемпионате США, в тридцать шесть сумею победить противника, только вступившего в пору профессионального расцвета. За свою карьеру я выиграл 869 матчей - это пятый результат за всю историю тенниса. И во многих из них победу я одержал еще во время послеобеденного душа.

В ушах шумит вода, и этот звук до боли напоминает рев двадцати тысяч фанатов на трибунах. Я вспоминаю свои самые яркие победы - не те, о которых с восхищением говорят поклонники, а те, что до сих пор заставляют учащенно биться мое сердце. Париж, Франко Скиллари. Нью-Йорк, Джеймс Блейк. Пит Сампрас, Открытый чемпионат Австралии. Затем вспоминаю о нескольких своих поражениях и вздыхаю. Я говорю себе: «Сегодня у тебя экзамен, к которому ты готовился двадцать девять лет. Но что бы ни случилось - он уже не первый». Я привык и к физическим, и к духовным испытаниям.

Скорее бы все, наконец, кончилось!

Но я не хочу, чтобы все кончалось…

Я понимаю, что сейчас заплачу. Прислоняюсь к стене и даю волю слезам.

Во время бритья внушаю себе: «Решай проблемы по мере их поступления. Заставляй соперника бороться за каждое очко. Что бы ни случилось, не теряй присутствия духа. И, главное, наслаждайся тем, что происходит на корте, или хотя бы постарайся получить удовольствие. Даже от боли. Даже от поражения, если тебе оно суждено».

Я думаю о своем сопернике, Маркосе Багдатисе. Интересно, чем он сейчас занят? Марк впервые выступает в Открытом чемпионате США, однако совсем не похож на зеленого новичка. Он - восьмая ракетка мира, здоровый греческий парень с Кипра в самом расцвете сил. Ему уже доводилось выходить в финал Открытого чемпионата Австралии, в полуфинал Уимблдона. Я прекрасно знаю его - в прошлом году, во время Открытого чемпионата США, мы сыграли с ним тренировочный матч. Как правило, я не практикую подобных игр, однако Багдатис обратился ко мне со столь обезоруживающей вежливостью, что я не смог ему отказать. В тот момент его снимало кипрское телевидение, и он попросил, чтобы я позволил телевизионщикам снять нашу игру. «Конечно, - сказал я, - о чем речь!» Тот матч я

выиграл со счетом 6-2, но Маркое после него просто сиял. Я понял: он - из тех людей, кто улыбается и от радости, и от напряжения. Кого-то он мне этим напомнил, вот только кого?..

Я сказал Марку, что его манера игры напоминает мне мою собственную. Он признался, что это не случайность: в детстве стены его спальни были завешаны постерами с моим изображением и свой стиль он старался копировать с меня. Что ж, значит, сегодня вечером мне придется сразиться с собственным двойником. Он станет играть с задней линии, мгновенно выходить на мяч, выкладываться по полной - как я. Это будет настоящая теннисная дуэль, в которой каждый попытается навязать свою волю, будет стараться бить пушечными ударами слева по линии. Ни один из нас не славится мощной подачей, значит, предстоят длинные розыгрыши очков, долгие обмены ударами, на матч наверняка уйдет много времени, много сил. Я готовлю себя к неожиданным броскам и комбинациям, к теннису на истощение - самой жесткой форме игры.

Безусловно, между мною и Багдатисом есть одно существенное различие: физическая форма. Наши тела не могут состязаться друг с другом. Таким, как у него, мое тело было давным-давно. Он быстр, ловок, проворен. Мне предстоит победить новую, улучшенную версию самого себя - если я смогу принудить к действию прежнюю, безнадежно устаревшую. Я закрываю глаза и говорю себе: «Контролируй то, что можешь контролировать».

Я говорю это еще раз, громко. Это придает мне смелости.

Выключаю воду, и меня тут же охватывает дрожь. Насколько же проще быть смелым, когда тебя окатывают струи горячей воды! Приходится напомнить себе: храбрость, которая зависит от горячей воды, - не настоящая. В конце концов, чувства не имеют никакого значения. Истинная смелость - в действиях.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ ШТЕФАНИ С ДЕТЬМИ. Пора готовить коктейль Джила [1]- изобретение Джила Рейеса , который тренирует меня уже семнадцать лет.

Я сильно потею - сильнее, чем большинство игроков. Поэтому задолго до матча мне приходится заботиться о том, чтобы в организме было достаточно жидкости. Я литрами пью коктейль Джила. В этот волшебный напиток входят углеводы, электролиты, соли, витамины и еще кое-какие ингредиенты, которые Джил хранит в глубокой тайне (не зря же он двадцать лет работал над рецептом!). Обычно Джил начинает вливать в меня свой коктейль вечером накануне матча и останавливается лишь перед самой игрой. Во время матча я тоже пью его - в разных модификациях, каждая - своего, особого цвета: розовая заряжает энергией,

красная помогает восстановить силы, коричневая пополняет организм питательными веществами.

Дети любят смешивать этот напиток вместе со мной, ссорятся за право зачерпнуть ложкой порошок, подержать воронку, смешать ингредиенты. А вот укладывать бутылки с готовым питьем в сумку буду я сам - так же, как и одежду, полотенца, книги, солнечные очки и напульсники (ракетки я уложу гораздо позже). Никто, кроме меня, не касается моей спортивной сумки. Вот она, наконец, уложена и стоит у двери, будто неприметный чемоданчик наемного убийцы, - знак того, что день клонится к вечеру и близится мой час.

В пять часов Джил звонит из холла гостиницы.

«Ты готов? - спрашивает он. - Пора. Все будет здорово, Андре. Все будет круто!»

«Все будет круто» - сейчас кто только не говорит так, однако Джил произносит эту фразу уже много лет, и никто не может произнести ее так, как он. Когда он говорит: «Все будет круто!» - во мне будто начинает работать огромный двигатель, железы литрами вырабатывают адреналин, и я, кажется, способен поднять машину над головой голыми руками.

Штефани зовет детей, говорит им, что мне пора уходить. «Что надо сказать папе?» - спрашивает она.

- Надери ему попу! - кричит Джаден.

- Надери попу! - повторяет за ним Джаз.

Штефани целует меня. Молча: она понимает, что слова не нужны.

В МАШИНЕ ДЖИЛ садится на переднее сиденье. Он одет с иголочки: черная рубашка, черный галстук, черный пиджак. На каждый матч одевается так, будто собрался на свидание вслепую или на мафиозную разборку. То и дело он бросает взгляд в боковые зеркала авто, придирчиво рассматривая свои длинные черные волосы: все ли в порядке с прической? Я сижу сзади рядом с Дарреном . Этот австралиец, вечно покрытый бронзовым загаром, всегда улыбающийся так, будто только что выиграл миллион в лотерею, - мой второй тренер. Несколько минут мы едем молча. Затем Джил начинает распевать одну из своих любимых кантри-баллад Роя Кларка, и его глубокий бас заполняет весь салон авто:

Он шел по привычке, куда ноги несли, Притворяясь, что хочет туда всей душой…

Он вопросительно смотрит на меня.

«Невозможно разжечь костер под дождем», - говорю я в ответ.

Джил хохочет. Я тоже начинаю смеяться. На несколько секунд напряжение отпускает меня.

Это нервное напряжение - забавная штука. Оно похоже на стаю бабочек, порхающих у тебя внутри. Иногда из-за них приходится каждые пять минут бегать в туалет. В другие дни они превращают тебя в сексуально озабоченного маньяка. А иногда - щекочут, заставляя хохотать до самого матча. Очень важно заранее, еще до игры, понять, что за бабочки сегодня владеют твоими нервами: бесцветные мотыльки? или разноцветные павлиноглазки? Разобравшись в этом, ты понимаешь многое о состоянии своего духа и тела, а значит - можешь заставить этих странных бабочек работать на тебя. Это - один из тысячи уроков, преподанных мне Джилом.

Я спрашиваю Даррена[2], что он думает о Багдатисе.

Насколько агрессивным мне следует быть сегодня? В теннисе существует несколько степеней агрессии, и тебе нужно выбрать именно ту, которая поможет контролировать игру, потому что если пережмешь, то утратишь контроль над полем и подвергнешь себя ненужному риску. Мой главный вопрос о Багдатисе: с какой стороны он попытается достать меня? Когда я в начале игры резко бью слева через весь корт, некоторые игроки теряются, другие отвечают столь же резкой игрой, пытаясь сильно бить по линии или выходя под сетку. Поскольку с Багдатисом я играл лишь однажды - в том самом тренировочном матче, - теперь важно понять, как он отреагирует на мою обычную манеру игры. Вступит ли в обычный обмен сильными ударами через весь корт или отойдет, выжидая подходящего момента?

- Слушай, мне кажется, ты слишком часто начинаешь матч своим ударом слева, - этот парень может отойти и достать тебя ударом справа, - говорит Даррен.

- Я понял.

- Когда он бьет слева, ему трудно попасть по линии. Он не сможет быстро исполнить этот фокус. Так что, если перейдет к ударам слева, и при этом будет бить по линии, значит, ты не вкладываешь в удары достаточно силы.

- Хорошо ли он двигается?

- Да, он подвижный игрок, но неуютно чувствует себя в обороне. Нападение для него гораздо комфортнее.

- Хм.

Мы въезжаем на стадион. Вокруг - толпа болельщиков. Я даю несколько автографов и ускользаю через небольшую дверь. Пройдя через туннель, оказываюсь в раздевалке. Джил идет к охране: он требует, чтобы служба безопасности точно знала как время выхода на тренировку, так и время возвращения. Мы с Дарреном бросаем сумки и идем в комнату для тренировок. Ложусь на стол, первый инструктор начинает массировать мне

спину. Даррен, отлучившись на пять минут, приносит восемь ракеток со свеженатянутыми струнами. Он кладет ракетки на мою сумку, зная: укладывать их я буду сам.

Сумка для меня - предмет почти священный. Я содержу ее в образцовом порядке и отнюдь не считаю подобную дотошность излишней. Сумка - это мой деловой портфель, саквояж с вещами, ящик с инструментами, коробка с завтраком и даже палитра с красками. Она необходима мне постоянно. Я сам приношу ее на корт и уношу обратно: в эти моменты все мои чувства обострены до крайности и я ощущаю каждый грамм ее веса. Если кто-нибудь подложит мне туда пару носков, я почувствую это. Теннисная сумка - почти как сердце: спортсмен всегда должен знать, в каком она состоянии.

Кроме того, это еще и вопрос удобства. Мои восемь ракеток должны быть сложены в определенном порядке: та, которую перетягивали позже всех, - внизу; перетянутая раньше других - наверху. Чем дольше стоят на ракетке струны, тем сильнее они теряют упругость. Я всегда начинаю игру с ракеткой, перетянутой раньше других: она мягче.

Мои ракетки перетягивает чех по имени Роман - представитель классической школы, в наше время таких людей уже не найти. Он - лучший, настоящий поэт своего дела, и неудивительно: ведь натяжение струн на ракетке может изменить судьбу матча, матч - оказать решающее влияние на карьеру спортсмена и на судьбы множества людей. Так что, когда во время матча я достаю из сумки свежеперетянутую ракетку, цена ее струн может достигать сотен тысяч долларов. Я играю ради моей семьи, моего благотворительного фонда, моей школы, и каждая струна на ракетке важна не меньше, чем провода в двигателе самолета. Я стараюсь не думать о том, чего не могу изменить, зато держу под неусыпным контролем то, что в моей власти, в том числе то, насколько хорошо натянуты струны на ракетке.

Роман всегда сопровождает меня на турнирах. Он живет в Нью-Йорке, но, когда я еду на Уимблдон, перебирается в Лондон, а когда собираюсь на Открытый чемпионат Франции - в Париж. Иногда мне вдруг становится грустно и одиноко в чужом городе, и тогда я отправляюсь к Роману и наблюдаю, как он работает. Не то чтобы я не доверял ему. Скорее, наоборот: видя его мастерство, я чувствую себя спокойно и умиротворенно. В такие минуты осознаю: хорошо сделанная работа - одна из опор, на которых держится мир.

Новые ракетки доставляют Роману прямо с фабрики в больших ящиках, где они свалены в полном беспорядке.

Непрофессионал не сможет найти в них отличия, однако для Романа они все разные, как лица в толпе. Он крутит их в руках, морщит лоб, долго возится с расчетами и вот, наконец, приступает к работе. Для начала снимает фабричную рукоятку и ставит мою собственную, сделанную на заказ: с четырнадцати лет я пользуюсь только такими. Рукоятка столь же индивидуальна, как отпечатки пальцев: она учитывает не только форму моей кисти и длину пальцев, но и каждую мозоль, и силу, с которой я сжимаю ракетку. У Романа есть специальный шаблон, он устанавливает его на ракетку, затем растягивает на ней лоскут телячьей кожи все сильнее и сильнее, пока рукоятка не достигает идеальной толщины. Разница в один миллиметр под конец четырехчасового матча будет отвлекать и раздражать не меньше, чем камешек в туфле.

Закончив с ручкой, Роман берет синтетические струны. Он то натягивает их, то ослабляет, то вновь натягивает, настраивая ракетку, будто альт. Затем наносит рисунок и энергично взмахивает ракеткой, чтобы краска просохла. Некоторые специалисты красят струны непосредственно перед матчем; на мой взгляд, это глупо и непрофессионально. Краска в этих случаях отпечатывается на мяче, а нет ничего хуже, чем играть с партнером, из-за которого мячи сплошь в красных и черных пятнах. Я люблю порядок и чистоту, в том числе - мячи, на которых не остается краска. Беспорядок отвлекает внимание, а стоит отвлечься - и результат матча может мгновенно измениться.

Даррен открывает две банки с мячами, заталкивает пару мячей себе в карман. Я делаю несколько глотков коктейля Джила - последних перед тренировкой. Входит Джеймс, охранник, вместе с ним мы идем по туннелю. Как всегда, он одет в обтягивающую желтую рубашку - униформу здешней охраны. Джеймс подмигивает мне, будто хочет сказать: «Вообще-то нам не положено иметь любимчиков… но я держу за тебя кулаки, имей в виду!»

Джеймс работает на этом чемпионате почти столько же, сколько я здесь выступаю. Он провожал меня по этому туннелю после громких побед и бесславных поражений. Огромный, добродушный, украшенный шрамами, которые он, как настоящий мужчина, носит с гордостью и чем-то напоминает мне Джила. Порой мне кажется, что он берет на себя обязанности тренера, пока я нахожусь на корте и тот не может общаться со мной. На Открытом чемпионате США я постоянно встречаю множество людей - клерков, мальчиков, подающих мячи, тренеров, - и присутствие каждого из них вдохновляет: ведь они помогают мне помнить, кто я и где. Джеймс занимает первое место в этом

списке. Именно его я в первую очередь высматриваю, едва появившись на стадионе имени Артура Эша[3]. И лишь увидев его, понимаю: я вновь в Нью-Йорке и в надежных руках.

После того как в 1993 году в Гамбурге один из зрителей во время матча выскочил на корт и ударил ножом Монику Селеш, организаторы Открытого чемпионата США стали приставлять по охраннику к креслу каждого игрока на время перерывов и смены площадок. Джеймс всегда дежурит возле меня. Его неспособность сдерживать свои симпатии кажется мне чрезвычайно трогательной. Во время трудного матча я часто ловлю на себе его сочувственный взгляд и тогда, улучив момент, шепчу ему: «Джеймс, спокойно! Я его сделаю!» Он ухмыляется в ответ.

Сейчас, провожая меня на тренировочный корт, он не улыбается. Напротив, печален: знает, что, вероятно, это наш последний совместный вечер. Тем не менее он ни в чем не отступает от нашего традиционного ритуала, как всегда, предлагая:

- Может, я понесу сумку?

- Нет, Джеймс, свою сумку я ношу сам.

Я уже рассказывал Джеймсу: однажды, когда мне было семь лет, видел, как кто-то из обслуги нес сумку за Джимми Коннорсом[4], как будто тот был не спортсменом, а римским императором. С тех пор я поклялся, что свою сумку всегда буду носить только сам.

- Окей, - улыбается Джеймс. - Я помню, помню. Просто хотел помочь.

- Джеймс, ты сегодня дежуришь у моего кресла?

- Да, конечно. Я прикрываю твой тыл. Так что ни о чем не волнуйся и делай свое дело.

Мы вышли на воздух - в туманный осенний вечер, расчерченный полосами смога на фоне неба в фиолетово-оранжевых пятнах. Перед тем как начать тренировку, я подошел к трибунам, где кучковались немногочисленные болельщики, пожал несколько рук и раздал автографы. На стадионе четыре тренировочных корта, и Джеймс знает, что я предпочитаю дальний: здесь мы с Дарреном можем, уединившись, без помех играть и обсуждать стратегию матча.

Со стоном я отбиваю слева по линии удар Даррена с правой руки.

- Не используй сегодня этот удар, - говорит Даррен. - На нем Багдатис тебя обойдет.

- Правда?

- Верь мне.

- И он подвижен, ты говоришь?

- Да, очень подвижен.

Мы играли двадцать восемь минут. Не знаю, почему запоминаю все эти мелочи: сколько времени я трачу на утренний душ, сколько - на тренировку, какого цвета рубашка на Джеймсе… Помимо моей воли они врезаются в память и остаются там навсегда. Моя память совсем не похожа на мою теннисную сумку: в ней можно обнаружить черт знает что. Она хранит все и, кажется, не теряет ни малейшей детали.

Со спиной, вроде, все нормально. Тянет, конечно, но мучительной боли нет. Спасибо кортизону! Я чувствую себя хорошо, хотя мое представление о хорошем самочувствии за последние годы существенно изменилось. Мне гораздо лучше, чем утром, когда я, лишь открыв глаза, думал только о поражении. Вполне возможно, я смогу победить. Конечно, завтра за это придется расплачиваться жестокой болью, но сейчас я столь же не склонен думать о дне завтрашнем, как и о дне вчерашнем.

Вернувшись в раздевалку, стягиваю с себя пропотевшую одежду и бегу в душ. Это мой третий душ за день - короткий, деловой. Нет времени настраивать себя на бой, нет времени плакать. Я натягиваю влажные шорты и футболку и направляюсь в тренировочную комнату. Снова пью коктейль Джила - как можно больше, сколько способен вместить: уже половина седьмого, до матча осталось меньше часа.

Над массажным столом работает телевизор, и я пытаюсь посмотреть новости. Нет, не могу! Иду в офис и наблюдаю за тем, как работают многочисленные клерки и их ассистенты. Все вокруг заняты, ни у кого нет времени на разговоры. Я выхожу через маленькую дверь. Штефани с детьми уже здесь. Сейчас они на небольшой спортивной площадке позади моей раздевалки. Джаден и Джаз катаются с пластиковой горки. Я знаю, Штефани рада, что дети здесь: они позволяют ей отвлечься. Она волнуется больше, чем я, и даже как будто сердится: «Скорее бы уже начинали, что ли!» Мне нравится, как жена настраивается на бой.

- Несколько минут я болтаю с ней и детьми, однако не слышу ни единого сказанного ими слова. Мои мысли уже далеко. Штефани замечает это - нет, скорее чувствует. Она не смогла бы победить в двадцати двух турнирах Большого шлема, не будь у нее столь потрясающей интуиции. Кроме того, она помнит, какой сама была накануне матчей. Штефи отправляет меня обратно в раздевалку: «Иди. Мы побудем здесь. Делай свое дело».

Она не будет смотреть матч с нижних трибун: для нее это слишком близко. Она сядет наверху, на VIP-трибуне, то вскакивая на ноги, то молясь, то зажмуриваясь от страха.

ВХОДИТ ПЕР, один из старших тренеров, с подносом: на нем лежит что-то вроде двух пончиков из пенной массы и пара дюжин полос коротко нарезанной ленты. Я ложусь на один из шести массажных столов, и Пер начинает работать над моими ногами. Готовить этих двух старых псов к очередной охоте - дело грязное, так что он сразу ставит мне под ноги корзину для мусора. Мне нравится аккуратность и дотошность Пера, как у Романа. Только работает он не с ракетками, а с мозолями. Для начала ватным тампоном наносит на ступни фиолетовую мазь. Кожа становится теплой, подъем краснеет. Эту мазь не придется смывать: без нее мне доводилось играть лишь в далекие времена президентства Рональда Рейгана. Теперь Пер брызгает спрей, укрепляющий кожу, дает ему высохнуть и накладывает пенные бублики на косточки у основания больших пальцев. Затем приходит очередь полосок толщиной с листок рисовой бумаги: они облепляют ноги, превращаясь во вторую кожу. Он оборачивает пальцы, пока каждый не становится толщиной с запальную свечу и, наконец, заклеивает стопы. Пер знает каждый сантиметр моих ног: на какие точки приходится самое сильное давление при прыжках и где, соответственно, нужно смягчить.

Я благодарю его и надеваю кроссовки, не зашнуровывая их. Движение вокруг, кажется, замедлилось, а вот шум стал сильнее. Только что стадион был тих - и вот он уже полон звуков. Гул, гомон, грохот: болельщики пробираются на свои места, спеша устроиться до начала матча, чтобы не пропустить ни минуты предстоящего зрелища.

Я встаю, встряхиваю ноги.

Больше садиться не буду.

Пробую пробежаться вдоль коридора. Неплохо. Спина держится. Все работает.

Напротив раздевалки вижу Багдатиса. Он уже одет, укладывает волосы перед зеркалом. Встряхивает ими, проводит по ним расческой, откидывает назад. Вау, сколько же у него волос! Теперь он надевает головную повязку - белую ленту, как у индейского вождя. Поправляет ее, после чего в последний раз проводит рукой по волосам, собранным в конский хвост. Этот ритуал накануне матча определенно более эффектен, нежели уход за мозолями на пальцах. Я вспоминаю начало своей карьеры, когда еще приходилось заниматься волосами, и на секунду меня охватывает зависть. Я скучаю по своим волосам. Но затем провожу ладонью по своему голому черепу - и благодарю судьбу за то, что к моим многочисленным заботам не добавляется еще и забота о волосах.

Багдатис начинает растягиваться, сгибаясь в пояснице. Он

стоит на одной ноге, подтягивая колено другой к груди. Ничто не способно выбить из колеи сильнее, чем вид противника, который занимается йогой, пилатесом и гимнастикой тай чи в то время, как ты толком не способен даже на приседания. А Багдатис тем временем начал двигать бедрами - так активно, как я не рисковал с семилетнего возраста.

И все же он явно слишком старается. Он нервничает. Я почти слышу, как вибрируют его нервы, издавая звук, сходный с гулом стадиона. Видно, как он общается с тренерами: они тоже на взводе. Их глаза, позы, цвет их лиц - все говорит о том, что они готовятся к битве не на жизнь, а на смерть и не уверены, что хотят ее. Их беспокойство вызывает у меня едва ли не удовольствие. Это хорошее предзнаменование, а также знак профессионального признания.

Багдатис замечает меня, улыбается. Я вспоминаю, что улыбается он, радуясь или нервничая, и очень сложно угадать, какое из чувств обуревает его в данный момент. И снова этим он напоминает мне кого-то, но кого - я не могу сообразить.

Я машу рукой. Удачи!

Он тоже машет рукой. «Идущие на смерть приветствуют тебя…»

Снова ныряю в туннель, чтобы перемолвиться напоследок еще парой слов с Джилом. Он обосновался в углу, где, оставаясь в одиночестве, сможет держать происходящее в поле зрения. Обнимает меня, говорит, что любит и гордится. Напоследок я целую Штефани, которая подскочила ко мне, чтобы обнять, переминаясь с ноги на ногу. Она отдала бы все, чтобы, натянув юбку и взяв ракетку, оказаться рядом со мной на корте. Моя драчливая женушка. Штефи пытается улыбнуться, но вместо улыбки получается судорожная гримаса. Я читаю на ее лице все, что она хотела бы сказать, но не может. Слышу каждое слово, которое она не решается произнести: получай удовольствие, наслаждайся, вбирай это в себя, подмечай каждую деталь, потому что она может оказаться важной, ведь, даже если ты ненавидишь теннис, возможно, ты будешь скучать по нему посте сегодняшнего вечера.

Вот что она хотела сказать. Но вместо этого целует меня и говорит обычные слова, которые всегда повторяет перед матчем. Они столь же привычны для меня, как воздух, сон и коктейль Джила.

«Пойди, надери ему задницу».

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОФИЦИАЛЬНЫЙ представитель турнира, в костюме и с рацией размером с мою ладонь. Кажется, он отвечает за связь и безопасность на корте. Однако создается впечатление,

что от него зависит буквально все, включая прибытие и отправление рейсов в аэропорту "Ла Гвардия"[5]. «Пятиминутная готовность!» - говорит он.

- Который час? - спрашиваю я.

- Пора идти, - отвечают мне.

Нет, я имею в виду, сколько сейчас времени? Семь тридцать? Семь двадцать? Вдруг это становится ужасно важным, а здесь нет часов.

Мы с Дарреном смотрим друг на друга. Его кадык ходит вверх и вниз.

- Парень, - говорит он, - ты хорошо сделал домашнее задание. Ты готов.

Я киваю.

Он протягивает руку, чтобы хлопнуть меня по ладони. Один хлопок - потому что также он проводил меня несколько дней назад, когда я выиграл в первом круге. Мы оба суеверны, поэтому всегда заканчиваем турнир тем же, чем начали его. Я смотрю на руку Даррена, решительно хлопаю его по ладони, однако не решаюсь поднять на него взгляд. Я знаю, что глаза у Даррена полны слез, и знаю, что будет со мной, если увижу это.

Последний штрих: зашнуровываю кроссовки и перевязываю запястье. С тех пор как я получил травму в 1993-м, всегда перевязываю себе запястье. Шнурки завязаны.

Скорее бы все кончилось!

- Мистер Агасси, пора.

- Я готов.

Иду по туннелю в трех шагах позади Багдатиса. Джеймс вновь сопровождает меня. Мы останавливаемся в ожидании сигнала. Гул вокруг нас становится громче. В туннеле холодно, как в морозильнике. Я изучил его не хуже, чем прихожую в собственном доме, однако сегодня в нем, кажется, на пятьдесят градусов холоднее, чем обычно, да и сам он вдруг стал длиннее футбольного поля. Я смотрю по сторонам: вдоль стен вывешены знакомые фото бывших чемпионов. Навратилова, Лендл, Макинрой. Штефани[6]. Я. Каждый портрет - в метр высотой. Они расположены свободно - слишком далеко друг от друга, словно деревья в новом районе города. Я говорю себе: «Прекрати замечать эту ерунду!» Пора переключить мозг, зашорить глаза.

Глава службы безопасности возглашает: «Внимание всем! Пора!»

Мы выходим.

Движемся по туннелю к свету, не меняя порядка: я в трех шагах позади Багдатиса. И вдруг нам в глаза ударяет еще один свет: яркий, слепящий. Телекамера. Журналист спрашивает моего

соперника о самочувствии. Он что-то отвечает, но я не слышу его ответа.

Теперь камера приближается к моему лицу. Репортер задает мне вопрос:

«Быть может, это ваш последний матч. Что вы сейчас чувствуете?»

Я что-то отвечаю - понятия не имею, что именно. Однако долгие годы тренировок не прошли даром: чувствую, что говорю именно то, что он хочет услышать, чего от меня ждут. Ответив, иду дальше. Ноги кажутся мне чужими.

Возле двери на корт температура заметно повышается. Гул, проникающий сюда, уже оглушает. Багдатис выходит первым. Он знает, сколько внимания привлек мой предстоящий уход из спорта. Он читает газеты и в курсе, что сегодня исполняет роль злодея. Я пропускаю его вперед, даю ему услышать, как шум стадиона перерастает в приветственные крики. Пусть думает, что приветствуют нас обоих. Затем выхожу я. Приветственные крики становятся втрое сильнее. Мой соперник поворачивается и понимает: если первые приветствия были его, то эти - мои, все мои. Такая мысль заставляет его изменить ожидания и наконец-то понять, каков сегодняшний расклад. Ни разу не ударив по мячу, я тем не менее пошатнул уверенность соперника. Вот он, секрет мастерства. Секрет старой школы.

Пока мы идем каждый к своему месту, шум толпы усиливается. Сейчас он сильнее, чем я ожидал, сильнее, чем когда бы то ни было здесь, в Нью-Йорке. Смотрю себе под ноги, крики волнами прокатываются над моей головой. Зрители наслаждаются этим моментом, они любят теннис. Интересно, что бы они подумали, если бы узнали мой секрет? Я не отрываю взгляд от корта. Он всегда сводил меня с ума, и вот сейчас он - единственный островок нормальной жизни в окружающем меня безумии. Именно на корте, где я чувствовал себя таким одиноким и беззащитным, надеюсь найти спасение от эмоций сегодняшнего дня.

Я ВЫИГРЫВАЮ ПЕРВЫЙ СЕТ со счетом 6-4. Мяч подчиняется каждому моему движению, спина - тоже. Тело разогрето, не обезвожено. Еще один коктейль - из кортизона и адреналина - действует безупречно. Выигрываю второй сет, 6-4. Я уже вижу финишную черту.

В третьем сете начинаю уставать. Уже не так сосредоточен на игре, теряю контроль. Тем временем Багдатис изменил план игры. Его подстегивает отчаяние - более сильное средство, чем кортизон. Он живет каждой секундой. Рискует, и его риск всякий раз оправдан. Теперь мяч, будто в сговоре с ним, отказывается

мне подчиняться: раз за разом отскакивает туда, куда нужно моему сопернику, и это вселяет в него уверенность. Я вижу, как уверенность загорается в его глазах. Его отчаяние сменилось надеждой. Нет, гневом. Он больше не восхищается мной. Он ненавидит меня, а я ненавижу его, и мы оба презрительно скалимся, и рычим от злости, и пытаемся вырвать друг у друга победу. Толпа жадно пожирает наш гнев, пронзительно крича и топая ногами после каждого очка. Они не аплодируют - они колотят одной рукой о другую, и звуки эти кажутся дикими, первобытными.

Он выигрывает третий сет 6-3.

Я не могу остановить стремительный напор Багдатиса. Напротив, все становится хуже и хуже. В конце концов, ему 21 год, и он только разогрелся, нашел свой ритм, убедился в своем праве играть на этом корте, в то время как я уже исчерпал второе дыхание и со страхом прислушиваюсь к тикающим внутри меня часам. Я не хочу играть пятый сет. Я не вынесу пятый сет. Я смертен и чувствую это. Теперь моя очередь рисковать. Я вырываюсь вперед, 4-0. Выигрываю две подачи, и вновь финиш близок, рукой подать. Я чувствую, как магическая сила переполняет меня.

Но вот я и почувствовал ту, другую силу, лишающую меня энергии. Багдатис демонстрирует свою лучшую игру в сезоне, вспомнил, что он - восьмая ракетка мира. Мой соперник делает такие удары, которых я никак не ожидал от него. Я задал опасно высокий класс игры, но теперь Багдатис ни в чем мне не уступает и даже, пожалуй, превосходит. Он выигрывает подачу, счет становится 4-1. Он удерживает свою подачу. 4-2.

Только теперь начинается главный гейм этого матча. Если я выиграю его, то верну себе контроль над игрой и мы оба решим, что ему просто повезло выиграть у меня подачу. Если он выиграет, счет дойдет до 4-3, и все начнется сначала. Нам придется брать новый старт. Мы били друг друга изо всех сил десять раундов; и если я проиграю гейм, нам придется заняться этим с нуля. Маркос идет ва-банк, отдает все без остатка, - он должен выиграть этот гейм!

Он лучше умрет, чем проиграет его. Об этом знает он, я и каждый человек на стадионе. Двадцать минут назад я был в двух геймах от победы и выхода в следующий круг. Теперь я на грани поражения.

Он выигрывает сет, 7-5.

Начинается пятый сет. Я подаю, и меня сотрясает дрожь: я не уверен, что мое тело выдержит еще хотя бы десять минут. Против меня играет мальчишка, который, кажется, становится моложе и

сильнее с каждым отыгранным очком. Говорю себе: «Ты не должен допустить такого конца!» Как угодно, только не так: проиграв после того, как вел два сета. Багдатис тоже разговаривает сам с собой, подстегивает себя. Мы то ли качаемся на качелях, то ли маятник движется между нами, поочередно наделяя энергией. Он ошибается. Я тоже. Он усугубляет ошибку. Я тоже. Я подаю при равном счете, и мы разыгрываем безумную подачу, в конце которой мой противник бьет укороченным ударом слева, и я с размаху гашу мяч в сетку. Ору на себя. Я отстаю от Багдатиса на очко.

Расслабься, Андре. Контролируй лишь то, что можешь контролировать.

Выигрываю следующее очко. Вновь поровну. Эйфория.

Я уступаю следующее очко. Удар слева в сетку. Багдатис выходит вперед. Отчаяние. Он выигрывает еще очко, выигрывает гейм на моей подаче. 0-1.

Мы идем к креслам. Слышу, как толпа скандирует мое имя. Я потягиваю коктейль Джила, жалею себя, чувствую себя старым. Смотрю на Багдатиса: интересно, выглядит ли он самоуверенным? Но он просит тренера размять ему ногу и запрашивает медицинский перерыв. У него свело левую ногу. Неужели он так играл при сведенной ноге?

Толпа, воспользовавшись перерывом, скандирует: «Андре, вперед! Андре, вперед!» Зрители пускают по трибунам волну, поднимают плакаты с моим именем.

«Спасибо за все, о чем мы помним, Андре!»

«Здесь - дом Андре!»

Но вот Багдатис готов. Его подача. Он вырвался вперед и, должно быть, полон энергии. Однако перерыв, похоже, сбил его с ритма. Я выигрываю его подачу.

Следующие шесть геймов мы оба стараемся держаться. Затем, при равном счете по четыре, на моей подаче играем гейм, растянувшийся, кажется, на неделю, один из самых тяжелых и утомительных геймов в моей карьере. Мы рычим, как звери, и бьемся, как гладиаторы: его удар справа, мой удар слева. Стадион затаил дыхание. Стих даже ветер, флаги бессильно обвисли на шестах. При счете 30-40 Багдатис проводит быстрый удар справа, который заставляет меня бежать через корт, и я едва успеваю подставить ракетку. Перебрасываю мяч через сетку, вскрикнув, как в агонии, - и тут он наносит еще один мощный удар, посылая мяч под мой удар слева. Стремглав несусь в противоположный угол - о, моя спина! - как раз успевая взять мяч. Но я, похоже, повредил позвоночник. Позвонки будто утратили способность гнуться, и каждый нерв кричит от боли. Прощай, кортизон!

Багдатис посылает выигрышный мяч в пустой корт, а я, провожая его взглядом, понимаю: все лучшее, что мог сделать сегодня вечером, я уже сделал. С этого момента мои возможности до обидного ограничены, и все, что еще смогу, будет лишь за счет будущего - здоровья и способности двигаться.

Я смотрю через сетку на Багдатиса, пытаясь понять, заметил ли он мой приступ боли. Он прихрамывает. Нет, он корчится в судороге. Он упал на корт, схватившись за ногу. Его боль куда сильнее моей. Справиться с врожденными проблемами позвоночника куда проще, чем с неожиданной судорогой. Пока соперник корчится на земле, я понимаю: мне нужно лишь устоять на ногах и постараться отбивать этот чертов мяч - совсем недолго, пока судороги сделают свое дело.

Я забываю о хитрых приемах, об игровой стратегии. Шепчу себе: «Думай об основном. Игра с непрекращающейся болью основана на инстинктах и реакции. Это больше не теннис, это поединок двух воль. Ни ударов, ни ложных выпадов, ни работы ног. Только обмен ударами».

Поднявшись на нога, Багдатис тоже перестал думать о стратегии, перестал думать вовсе и поэтому сделался еще более опасен. Я больше не могу предугадать его действия. Боль сводит его с ума, а безумцы непредсказуемы, особенно на корте. При равном счете я проигрываю свою первую подачу, затем, со второй, подаю ему смачный, мощный мяч на скорости больше 110 километров в час. Он отбивает. Преимущество у Багдатиса.

У меня внутри все опускается. Этот парень не может двигаться и при этом способен отбить мою подачу?

Я вновь оказываюсь в одном жалком, ничтожном шаге от счета 4-5, при котором противник выйдет на финальную подачу матча. Я закрываю глаза и вновь проигрываю первую подачу. Подаю во второй раз - осторожно, неуверенно, лишь бы разыграть это очко, - и тут у Багдатиса почему-то срывается несложный удар справа. Опять поровну.

Когда разум и тело балансируют на грани полного истощения, даже самая маленькая удача кажется официальным извинением от губернатора. Однако я чуть было не проморгал это извинение, упустив первую подачу. Подаю второй раз - и мяч едва не уходит в аут. Еще один подарок. Больше у Агасси.

Я в одном очке от счета 5-4 в мою пользу. Багдатис морщится, собирается с силами, он не сдастся. Выигрывает очко. Вновь поровну.

Обещаю себе: если опять вырвусь вперед, во что бы то ни стало сохраню преимущество.

Сейчас Багдатиса не просто мучают судороги. Он не держится

на ногах, в ожидании моей подачи согнулся почти до земли. Я не могу поверить, что он еще в состоянии стоять на корте и, более того, - демонстрировать такую игру. У этого парня в достатке не только волос, но и мужества. Я сочувствую ему и в то же время приказываю себе не питать к противнику жалости. Подаю, он отбивает, пытаюсь ударить в корт - мяч уходит далеко за линию. Аут. Я в шоке, действительно, в шоке. Больше у Багдатиса.

Тем не менее он не сумел воспользоваться преимуществом. При следующем розыгрыше ударил справа, и мяч упал примерно в метре за задней линией. Поровну. В четвертый раз.

Мы долго обмениваемся ударами, и, в конце концов, я сильно бью в заднюю линию, под правую руку соперника. Он пропускает удар. Снова больше у Агасси. Я обещал себе, что не упущу подобную возможность, если она представится, и - вот она. Но Багдатис не позволил мне сдержать обещание. Он быстро выиграл следующее очко. Поровну в пятый раз.

Обмен ударами длится неправдоподобно долго. Каждый мяч, который он отбивает со стоном, каким-то чудом попадает в линию. Каждый мяч, который я отбиваю с криком, все-таки перелетает через сетку. Удар слева, удар справа, трюковый удар, ныряющий удар - затем Багдатис бьет по мячу, который попадает точно в заднюю линию и коварно отскакивает в сторону. Я бью по нему на взлете; мяч падает в шести метрах от моего соперника - и от задней линии. Больше у Багдатиса.

Опять все сначала, Андре. Загоняй его, загоняй. Он же хромает, заставь его побегать. Я подаю, он отбивает, удар получается мягким, несложным. Я бью в разные стороны площадки, пока он, взвыв от боли, не посылает мяч в сетку. Поровну, в шестой раз.

Ожидая моей подачи, Багдатис опирается на ракетку, будто старик на посох. Однако, стоит мне упустить первую подачу, он из последних сил по-крабьи ползет вперед, прихрамывая, и, выбросив вперед свой импровизированный посох, отправляет мяч далеко за пределы досягаемости моего удара с правой. Больше у Багдатиса.

У него уже четвертый брейк-пойнт за эту игру. Я провожу первую подачу - такую слабую, жалкую, ничтожную, что и в семилетнем возрасте я бы ее постыдился, - и все-таки Багдатису не хватает сил на контратаку. Он отбивает мяч, я бью вправо, он посылает мяч в сетку. Поровну - дубль семь.

Я вновь подаю. Он попадает по мячу, но не в силах перебросить его через сетку. Больше у Агасси.

Снова подаю, и у меня еще раз есть возможность выиграть матч с этой подачи. Опять вспоминаю о своем обещании, дважды

нарушенном. Вот он, самый последний шанс. Спина болит чудовищно. Я едва могу повернуться, не говоря уже о том, чтобы подбросить мяч и послать его вперед со скоростью 120 км/ч. Разумеется, проигрываю первую подачу, мечтаю, чтобы вторая получилась сокрушительной, хочу быть агрессивным, но я не в силах. Говорю себе: «Сейчас будет твой удар с поворота в три четверти, мяч пройдет над его плечом, пусть он бегает из стороны в сторону, пока не начнет блевать кровью. Не ошибись вновь!»

Проще сказать, чем сделать. Я вижу, как корт стремительно уменьшается в размерах. Видит ли кто-нибудь то, что вижу я? Теперь поле размером с игральную карту - такое маленькое, что, наверное, мяч сможет уместиться там, лишь если я подойду и аккуратно положу его. Я подбрасываю мяч, мощно подаю. Аут. Разумеется. Вот она, повторная ошибка. Поровну, в восьмой раз.

Трибуны кричат, не веря.

Я все-таки ухитрился выполнить первую подачу. Багдатис искусно отбивает. Три четверти его площадки свободны, и я посылаю мяч к задней линии, в трех метрах от него. Он бежит к мячу, прихрамывая, выбрасывает ракетку вперед, не достает. Больше у Агасси.

При розыгрыше двадцать второго очка после быстрого обмена ударами Багдатис бьет слева и попадает в сетку. Гейм, Агасси.

Во время смены площадок я вижу, что Багдатис сидит. Огромная ошибка. Ошибка молодости. Никогда не садись, если у тебя судороги. Не обманывай свое тело, обещая ему отдых и тут же вновь загоняя работой. Тело - как федеральное правительство. Его девиз: делай, что хочешь, но, если тебя застукали, не надо врать! Теперь он не сможет выполнить подачу. Он не сможет даже встать с кресла.

Но он встает и подает.

Что держит его на ногах?

Ах, да. Молодость.

Счет по пяти, и мы играем в какую-то сверхъестественную игру. Он пытается мощно атаковать, ошибается. Я не упускаю такой возможности, выигрываю очко. 6-5, я веду.

Его подача. Он доводит счет до 40-15. Еще очко - и он доведет матч до тай-брейка.

Я выигрываю очко. Поровну.

Выигрываю еще одно очко. Матч-пойнт .

Быстрый обмен ударами, масса ошибок с обеих сторон. Он сильно бьет справа, и, едва мяч отлетает от ракетки, я уже знаю: он идет в аут. Я понимаю, что выиграл этот матч, и одновременно осознаю: у меня не хватило бы сил еще на один удар.

Подхожу к сетке, пожимаю Багдатису руку. Она дрожит. Я

торопливо покидаю корт, не решаюсь остановиться. Только не останавливайся. Шатаясь, иду по туннелю. Сумка висит на левом плече - а кажется, что на правом, настолько мое тело скручено болью. Добравшись до раздевалки, я уже не могу идти, не могу стоять. Падаю на пол и остаюсь лежать. Приходят Даррен и Джил, снимают с плеча сумку, укладывают меня на массажный стол. Команда Багдатиса устраивает его на соседнем столе.

- Даррен, что со мной?

- Парень, лежи тихо. Вытянись в полный рост.

- Я не могу, не могу…

- Где болит? У тебя судорога?

- Нет. Теснит в груди. Я не могу дышать.

- Что?

- Я не могу - Даррен - не могу - дышать.

Даррен помогает каким-то людям обкладывать мое тело льдом, поднимает мне руки, зовет врачей. Он уговаривает меня распрямиться, вытянуться во весь рост.

- Просто расслабься, парень. Разожмись. Твое тело зажато. Позволь ему расслабиться, отпусти его.

- Но я не могу. В этом-то и проблема, понимаешь? Не могу.

НАДО МНОЙ КРУЖИТСЯ калейдоскоп лиц. Джил, сжимая мою руку, протягивает напиток для восстановления сил. Я люблю тебя, Джил. Штефани целует меня в лоб и улыбается, - она счастлива, а может быть, нервничает, не могу понять. О, да, точно, вот у кого я раньше видел такую улыбку! Тренер говорит, что доктора уже идут, и включает телевизор над столом. «Чтобы тебе было не так скучно ждать», - добавляет он.

Я пытаюсь смотреть на экран. Спев а от меня раздаются стоны. Медленно поворачиваю голову и вижу на соседнем столе Багдатиса. С ним работает его команда, они разминают сведенные судорогой мышцы ноги, но у Маркоса начинается судорога подколенного сухожилия. Когда они переключаются на сухожилие, у него вновь сводит бедро. Он пытается лежать прямо, но тогда судорога схватывает паховые мышцы. Марк сворачивается в клубок и кричит, чтобы его оставили в покое. Все выходят из раздевалки, мы с ним остаемся вдвоем. Я вновь отворачиваюсь к экрану телевизора.

Минуту спустя что-то заставляет меня взглянуть на Багдатиса. Он улыбается мне. Он доволен или нервничает? Быть может, и то и другое. Я улыбаюсь в ответ.

Слышу, что из телевизора доносится мое имя: передают репортаж с матча. Первые два сета, такие обманчиво легкие. Третий, в котором Багдатис поверил в себя. Четвертый, жестокое столкновение. Пятый, бесконечный девятый гейм. Лучшая игра,

которую я способен был показать. Лучший матч, который я видел. Комментатор уже называет его классикой.

Боковым зрением замечаю какое-то движение. Я поворачиваюсь и вижу, что Багдатис протягивает мне руку. На его лице написано: «Мы сделали это!» Я, дотянувшись, пожимаю ему руку. Так мы и лежим, рука в руке, пока на экране мелькают кадры нашей жестокой схватки.

Наконец-то я могу позволить мыслям течь свободно. Я не в состоянии их остановить. Помимо воли разум увлекает меня в прошлое. А поскольку он постоянно фиксирует каждую мельчайшую деталь, я вижу людей и события с отчетливой, беспощадной ясностью: поражения, победы, столкновения, приступы гнева, доходы, подружек, измены, журналистов, жену, детей, экипировку, письма фанатов, неудачные матчи, истерики. Как будто надо мной висит еще один телевизор, по которому в самом высоком разрешении крутят кино о наиболее ярких моментах прошедших двадцати девяти лет.

Меня часто спрашивают, на что похожа жизнь теннисиста, и до этого я ни разу не смог ответить на этот вопрос. Но сейчас, кажется, нашел подходящее слово. Это вихрь - захватывающий, чудовищный и удивительный. В нем действует центробежная сила, с которой я боролся три десятилетия. И сейчас, лежа на спине в недрах стадиона имени Артура Эша, пожимая руку побежденному сопернику в ожидании, пока к нам обоим придет помощь, я делаю единственное, что еще способен сделать. Я прекращаю бороться - просто закрываю глаза и смотрю.

1

МНЕ СЕМЬ ЛЕТ. Я разговариваю сам с собой, потому что страшно и, потом, больше нет никого, кто хотел бы меня выслушать. Я шепчу себе под нос: «Брось, Андре, сдавайся! Положи ракетку и уходи с корта, прямо сейчас. Иди-ка домой, съешь что-нибудь вкусненькое. Поиграй с Ритой, Фили или Тами. Посиди с мамой, посмотри, как она вяжет или складывает пазл. Разве это не здорово, Андре? Просто уйти и никогда больше не играть в теннис?»

Но я не могу. И не только потому, что отец потом будет гонять меня ракеткой вокруг дома. Что-то глубоко внутри меня - в животе, в мускулах - не дает сделать это. Я ненавижу теннис, ненавижу всем сердцем, и все же продолжаю играть, играю все утро и весь день, потому что у меня нет выбора. Неважно, насколько мне хочется бросить, - не сделаю этого. Я продолжаю уговаривать себя остановиться и все-таки по-прежнему играю, и

эта двойственность, это противоречие между тем, чего я хочу, и тем, что я делаю, составляет суть моей жизни.

В какой-то момент моя ненависть к теннису сосредоточилась на «драконе» - машине, подающей мячи, модифицированной моим изрыгающим огонь папой. Угольно-черный, на больших резиновых шинах, с надписью PRINCE, напечатанной большими белыми буквами, мой дракон, на первый взгляд, ничем не отличается от тех машин, которые имеются в каждом загородном клубе. Но на самом деле он - живое, дышащее существо, будто сошедшее со страниц книжки комиксов. У дракона есть мозг, сила воли, злое сердце и ужасный голос. Засасывая в свое чрево очередной мяч, он тошнотворно чавкает. Когда в его глотке растет давление, он стонет, а когда мяч медленно падает ему в рот - пронзительно взвизгивает. Затем вдруг звук становится пронзительным, как у машины по изготовлению сладостей, проглотившей Августа Глупа в фильме «Вилли Вонка и шоколадная фабрика»[7]. А когда он, тщательно прицелившись, выпускает в меня мяч со скоростью 170 километров в час, ревет так, что кровь стынет в жилах. Я постоянно вздрагиваю.

Папа нарочно сделал дракона таким ужасным. Он приделал ему длиннющую шею из алюминиевой трубы и маленькую алюминиевую головку, которая отскакивает назад всякий раз, как дракон испускает очередной заряд. Он даже сделал его выше на несколько футов и установил прямо перед сеткой, так что дракон возвышается над моей головой. Мне семь, но я мал для своих лет, а выгляжу еще меньше - из-за того, что постоянно сжимаюсь от боли, а также из-за стрижки «под горшок», которую мне делает отец каждые два месяца. Когда я стою перед драконом, кажусь себе просто крошечным. Совсем крошечным и беспомощным.

Отец хочет, чтобы дракон был выше меня не только для того, чтобы я относился к нему с вниманием и почтением. Он хочет, чтобы мячи из пасти дракона падали мне под ноги, будто с самолета. Такая траектория не дает мячу отскочить на площадку: если я не поймаю мяч влет, он подпрыгнет над моей головой. Но и этого отцу мало. «Бей раньше, - кричит он, - бей еще раньше!»

Мой отец кричит все по два раза, а иногда и по три или даже по десять. «Сильнее, - орет он, - сильнее!» Но зачем? Неважно, насколько быстро и сильно я ударю по мячу, он все равно вновь прилетит ко мне. Каждый мяч, отправленный мной за сетку, присоединяется к тысячам уже рассыпанных по корту. Не сотням - именно тысячам. Они катятся на меня бесконечной волной. Мне некуда ступить, негде развернуться. Куда ни шагнешь - всюду мячи, но наступать на них нельзя, потому что отец не выносит этого и кричит так, будто я раздавил ему глаз.

Каждый третий мяч, вылетая из пасти дракона, ударяется о другой, уже лежащий на площадке, и летит в непредсказуемом направлении. Я улавливаю его движение в последнюю секунду, быстро бью и отправляю за сетку. Я знаю, что у меня прекрасная реакция. Знаю, что немногие дети в мире могли бы уловить, куда летит такой мяч, и отбить его. Но для меня это - не предмет гордости, на признание мне рассчитывать не приходится. Каждый удачный удар - нечто само собой разумеющееся, каждая ошибка - катастрофа.

Папа говорит, что если я отобью 2500 мячей за день, то за неделю это будет уже 17 500 мячей, а к концу года - около миллиона. Отец верит в математику. Он говорит, что цифры не могут врать. Ребенок, отбивший за год миллион мячей, станет непобедимым.

«Бей раньше, - кричит он. - Черт возьми, Андре, бей раньше! Ближе к мячу, ближе!»

Теперь он сам подошел ближе, кричит прямо в ухо. Недостаточно отбивать все, чем стреляет в меня дракон; отец хочет, чтобы я был быстрее и сильнее дракона. От этой мысли я впадаю в панику. Говорю себе: «Ты не можешь победить дракона! Как можно победить того, кто никогда не останавливается?»

Если подумать, дракон похож на моего отца. Только отец еще хуже. По крайней мере дракон стоит прямо передо мной. А отец всегда стоит сзади. Я не вижу его, лишь слышу, как он орет мне в ухо, днем и ночью. «Подкручивай сильнее! Бей сильнее! Бей сильнее! Не в сетку! Черт возьми, Андре, никогда не бей в сетку!»

Ничто не способно разъярить отца сильнее, чем попадание в сетку. Он раздражается, когда мяч летит вбок, кричит, когда я забрасываю его за заднюю линию. Но, если я ударил в сетку, у него просто пена на губах выступает. Ошибки - одно дело, но сетка - совершенно другое. Отец снова и снова повторяет: «Сетка - твой главный враг».

Отец натянул моего главного врага на 15 сантиметров выше, чем требуют правила, чтобы мне было сложнее перебросить мяч. Если я привыкну к такой сетке, считает отец, то без труда справлюсь с сеткой на Уимблдоне. Никого не волнует, что я совсем не хочу там играть. Мои желания вообще никого не волнуют. Иногда я смотрю репортажи с Уимблдона вместе с отцом. Мы оба болеем за Бьорна Борга[8] - потому что он лучший, он никогда не останавливается, почти как дракон. Но я не хочу быть Бьорном Боргом! Да, я восхищаюсь его талантом, энергией, стилем, его способностью раствориться в игре, - но если когда-нибудь смогу стать таким же, то лучше применю свои таланты где-нибудь еще, совсем не на Уимблдоне. В деле, которое я

выберу сам.

«Бей сильнее, - кричит отец. - Бей сильнее! Теперь бей слева. Бей слева!»

У меня, кажется, сейчас отвалится рука. Я хочу спросить: «Долго еще, пап?», но не спрашиваю. Веду себя так, будто уже получил ответ. Бью изо всех сил, затем - еще сильнее. В какой-то момент поражаюсь, как сильно и уверенно умею бить по мячу. Хотя я и ненавижу теннис, радуюсь, когда удается выполнить идеальный удар. Это - единственная радость. Когда делаю что-то отлично, могу насладиться несколькими мгновениями здравомыслия и покоя.

Однако на мой идеальный удар дракон отвечает, подавая следующий мяч еще быстрее.

«Короче замах, - говорит отец. - Пожалуйста, делай короткий замах. Проходи по поверхности мяча, как щеткой, будто чистишь его».

За обеденным столом отец иногда показывает мне движения. «Опусти ракетку на мяч, - говорит он, - и чисти его, чисти!» Он осторожно двигает рукой, будто художник кистью. Кажется, это единственное, что он способен делать нежно и ласково.

«Отработай удар с лета!» - кричит он или пытается кричать. Армянин, родившийся в Иране, отец говорит на пяти языках, но ни одного из них не знает в совершенстве. Даже по-английски он изъясняется с сильным акцентом. Иногда путает «б» и «в», и его команда звучит мягко - «равотай». Это его любимая команда, он выкрикивает ее так часто, что она начинает мне сниться: «Отравотай удар с лета, отравотай удар слета!»

Я «отравотал» столько ударов слета, что больше не могу смотреть на корт. Под ровным слоем желтых мячей уже не видно ни дюйма зеленой цементной площадки. Я иду в дом, волоча ноги, как древний старик. В конце концов, даже отец признает: мячей слишком много. Это непродуктивно. Если я не смогу двигаться, мы не отработаем дневную норму - 2500 мячей. Отец включает вентилятор, предназначенный, чтобы сдувать с корта воду после дождя. Но мы живем в Лас-Вегасе, это штат Невада, и здесь почти не бывает дождей. Отец использует вентилятор для сбора мячей - он переделал его, превратив в другое чудовище. Одно из первых моих детских воспоминаний: мне пять лет, отец забирает меня из детского сада и ведет с собой в сварочный цех. Там я наблюдаю, как он создает чудовищную машину, похожую на газонокосилку, способную сдуть зараз несколько сотен мячей.

Теперь он включает вентилятор, и мячи гуртом мчатся подальше от него. Я сочувствую мячам. Если дракон и вентилятор - живые существа, быть может, и мячи тоже? Наверное, они

делают то, что не могу сделать я, - бегут от моего отца? Согнав мячи в один угол, он лопатой ссыпает их в металлические контейнеры для мусора - сосуды, из которых кормят дракона.

Он оборачивается, видит, что я засмотрелся на него. «Куда это ты глядишь? - кричит он. - Продолжай равотать! Бей! Бей!»

У меня болит плечо. Я не могу отбить ни одного мяча.

Но отбиваю еще три.

Я не выдержу больше ни одной минуты.

И выдерживаю еще десять.

И вот, как будто случайно, забрасываю мяч за забор. Я ухитрился ударить его деревянной частью ракетки, так что со стороны это действительно выглядело как неудачный удар. Так я поступаю, когда нужен перерыв. Мне приходит в голову, что, должно быть, уже неплохо играю, если могу бить по мячу неудачно, когда сам этого хочу.

Отец слышит звук удара мяча о дерево и смотрит, в чем дело. Видит улетающий мяч и чертыхается. Но он слышал удар ракетки и не сомневается, что это случайность. Кроме того, я же не попал в сетку. Он выходит из нашего двора. У меня есть четыре с половиной минуты, чтобы перевести дыхание и посмотреть на кружащихся в небе ястребов.

Отец любит стрелять по ястребам. Крыша нашего дома покрыта его многочисленными жертвами так же плотно, как корт - мячами. Отец ненавидит этих птиц, говорит, что они пикируют сверху на мышей и других беззащитных пустынных жителей, а он не может видеть, как сильный преследует слабого. Это, кстати, относится и к рыбалке: поймав рыбу, отец целует ее в чешуйчатую голову и отпускает обратно в воду. При этом он не испытывает угрызений совести, преследуя меня, и вовсе не переживает, глядя, как я задыхаюсь у него на крючке. Отец не видит здесь никакого противоречия. Он не понимает, что я - самое беззащитное существо в этой забытой богом пустыне. Интересно, если бы он понял это, относился бы ко мне по-другому?

Отец заходит на корт, швыряет мяч в мусорный бак и видит, что я глазею на ястребов. Он бросает сердитый взгляд: «Черт возьми, чем ты занят? Опять задумался? Выкинь свою дурацкую задумчивость из головы!»

Если сетка - главный враг, то мысли - страшный грех. Мысли, считает мой отец, - корень всех зол, потому что они - противоположность действиям. Когда отец видит, что я задумался или замечтался на корте, реагирует на это так, будто поймал меня на краже денег из своего кошелька. Я частенько думаю о том, как бы мне отучиться думать. Возможно, размышляю я, он

кричит, чтобы я перестал задумываться, потому что знает, что я по природе задумчив? А может быть, таким задумчивым сделали меня его крики? Интересно, стоит ли считать мысли о чем-нибудь, кроме тенниса, способом сопротивляться отцу?

Мне нравится думать об этом.

НАШ ДОМ - РАЗРОСШАЯСЯ ХАЛУПА, выстроенная в 1970-х. Белая штукатурка, потемневшая и облупившаяся по углам. На окнах - решетки. Крыша, под слоем мертвых птиц, покрыта дранкой, местами доски покосились или отвалились. На двери висит колокольчик из тех, что вешают на шею коровам, он звонит всякий раз, когда кто-то входит или выходит. Его звон похож на гонг, возвещающий начало боксерского поединка.

Отец покрасил бетонный забор вокруг дома в ярко-зеленый цвет. Знаете почему? Потому что зеленый - цвет теннисного корта. А еще так удобнее объяснять гостям, как найти наш дом: поверните налево, пройдите вниз полквартала, ищите ярко-зеленый забор.

Правда, в гости к нам никто не ходит.

Вокруг нашего дома, куда ни глянь, - сплошная пустыня. Для меня это слово - синоним смерти. Место, где встречаются лишь колючие кустарники, перекати-поле и свернувшиеся в клубок гремучие змеи, не имеет права на существование, - разве только для того, чтобы людям было куда сваливать ставшие ненужными вещи. Матрасы, старые шины, других людей. Сверкающая иллюзия Лас-Вегаса с его казино, отелями, блестящей центральной улицей - Стрипом - стоит в стороне от всего этого. Отец каждый день ездит на работу в эту иллюзию. Он - менеджер казино. Жить поближе к работе он не стремится. Мы переехали сюда, в никуда, в центр пустоши, потому что лишь здесь отец мог позволить себе купить дом, двор которого был достаточно велик для обустройства идеального корта.

Еще одно воспоминание из детства: мы с отцом и агентом по недвижимости колесим вокруг Вегаса. Это было бы забавно, если б не было так страшно. Мы осматривали дом за домом. Не успевал агент притормозить у очередного строения, как отец выскакивал из машины, быстро направляясь ко входу. Агент что-то говорил о школах, уровне преступности, ставках по кредиту, но отец не слушал. Глядя прямо перед собой, он быстро заходил в дом, через гостиную и кухню мчался на задний двор. Там доставал рулетку и пытался отмерить площадку размером с теннисный корт - тридцать шесть на семьдесят восемь футов. Раз за разом он кричал: «Не годится! Поехали дальше!» И мчался обратно - через кухню, гостиную, по дорожке - прочь от дома, а агент торопился за ним, стараясь не отставать.

Один из осмотренных нами домов очень понравился моей старшей сестре Тами. Она умоляла отца купить его: ведь он был построен в форме буквы Т - первой буквы ее имени. Отец чуть не купил тот дом, быть может, потому, что Т - первая буква в слове «теннис». Дом пришелся по душе мне и маме тоже. Но задний двор все-таки оказался на несколько дюймов меньше, чем надо.

«Не годится! Поехали дальше!»

В конце концов мы его нашли. Задний двор оказался столь велик, что отцу не было нужды проводить измерения. Он просто стоял, медленно поворачиваясь кругом, пристально глядя вдаль, ухмыляясь, грезя о будущем.

«Этот беру», - сказал он тихо.

Не успели мы внести в дом последнюю коробку с вещами, как отец уже приступил к строительству корта своей мечты. Я до сих пор не знаю, каким образом он смог сделать это. Он ни дня не работал строителем, ничего не знал о бетоне, асфальте, дренажах. Он не читал книг, не советовался со специалистами. Просто у него в голове уже была готовая картинка, и он воплощал ее в реальность. Можно сказать, он создал этот корт лишь благодаря своей злости и энергии. Думаю, нечто подобное он делал и со мной.

Конечно, ему нужна была помощь. Лить бетон - тяжелая работа. Так что каждый день мы с ним ехали к Sambo - кафе на Стрипе, где отец вербовал нескольких потрепанных жизнью парней, шатавшихся без дела по парковке. Больше других мне нравился Руди. Покрытый боевыми шрамами, с грудью, как хороший бочонок, он всегда смотрел на меня с ухмылкой, будто знал: я не понимаю, кто я и где нахожусь. Руди и его компания отправлялись к нам домой, где отец объяснял, что надо делать. Через три часа мы с отцом отправлялись в McDonald's и возвращались с огромными пакетами, полными гамбургеров и картошки фри. Отец разрешал мне позвонить в коровий колокольчик, приглашая рабочих на обед. Мне нравилось угощать Руди, нравилось смотреть, как он ест, будто голодный волк. Мне было приятно думать, что тяжелая работа должна достойно вознаграждаться, - если, конечно, она не заключается в отбивании теннисных мячей.

Однако скоро дни с Руди и гамбургерами канули в Лету. В конце концов отец получил свой идеальный корт, а я - свою тюрьму. Я помогал кормить подневольных рабочих, строивших мою темницу. Сам измерял площадку и рисовал белые линии, которые ограничат мою свободу. Зачем я делал это? У меня не было выбора. Собственно, у меня никогда его не было.

Никто не спрашивал меня, хочу ли я играть в теннис, не

говоря уже о том, чтобы посвятить ему всю мою жизнь. Мать считала, что я рожден стать проповедником. Но, по ее словам, отец задолго до моего рождения решил, что я должен быть профессиональным теннисистом. Когда мне был год, он заметил, как я, глядя на игроков в пинг-понг, слежу за мячом одними глазами, не поворачивая головы.

«Видишь? - сказал он. - Настоящий самородок!»

Она рассказала, что, когда я еще лежал в колыбели, отец прикрепил к ней карусель из теннисных мячей и учил меня бить по ним ракеткой для пинг-понга, которую вкладывал мне в руку. Когда исполнилось три, он подарил мне укороченную теннисную ракетку и разрешил бить ей что угодно. Особенно я полюбил колотить по солонкам, целясь ими в оконные стекла. Я регулярно попадал в собаку. Отец никогда не раздра-жался. Его многое выводило из себя, но только не то, что я бью ракеткой по тяжелым предметам.

Когда мне исполнилось четыре, он начал устраивать мне встречи с великими теннисистами, приезжавшими в наш город. Первым стал Джимми Коннорс. Отец сказал, что это величайший из теннисистов, но меня больше впечатлило, что он был пострижен под горшок, как и я. После игры Коннорс сказал отцу, что меня определенно ждет успешная карьера.

«Я знаю, - сказал отец, явно задетый. - Не просто успешная. Он будет номером один в мире!»

Ему не нужно было подтверждение. Ему нужен был кто-то, кто научит меня играть.

Когда Коннорс приезжал в Вегас, отец перетягивал ему ракетки. Он классный специалист в этом деле (и вообще мастер создавать и поддерживать напряжение). Каждый раз все проходит по одной и той же схеме. Утром Коннорс отдает отцу ракетки, а восемь часов спустя мы отправляемся на встречу с ним в один из ресторанов на Стрипе. Отец отправляет меня в зал вместе с коробкой с уже перетянутыми ракетками. Я спрашиваю у метрдотеля, где сидит мистер Коннорс, тот показывает в дальний угол. Джимми сидит в центре стола, спиной к стене, в обществе нескольких человек. Бережно и молча протягиваю ему ракетки. Разговор за столом смолкает, все разглядывают меня. Коннорс небрежно берет коробку и ставит ее на стул. На мгновение я кажусь себе страшно важным, как будто принес остро заточенные шпаги одному из трех мушкетеров. Затем Коннорс ерошит мне волосы и отпускает какую-нибудь грубую шутку в наш с отцом адрес. Компания за столом разражается хохотом.

ЧЕМ ЛУЧШЕ Я ИГРАЮ В ТЕННИС, тем хуже обстоят дела в школе. Это меня беспокоит. Я люблю книги, но чтение дается с

трудом. Мне нравятся учителя, но я почти не понимаю, о чем они рассказывают. Кажется, я не могу выучить и понять все то, что ясно моим сверстникам. У меня идеальная память, но я не могу сосредоточиться. Мне все нужно объяснять по два-три раза. (Быть может, именно поэтому отец кричит каждую команду дважды?) Кроме того, я знаю, что отец проклинает каждую минуту, которую я трачу на учебу, ведь учиться приходится за счет времени на корте. Так что нелюбовь к школе и плохие отметки - это своеобразный знак уважения к отцу.

Однажды, отвозя меня в школу вместе со старшими детьми, отец вдруг, улыбнувшись, сказал: «У меня к вам предложение. Давайте вместо школы я отвезу вас в Кембриджский теннисный клуб? Можете играть все утро! Устраивает?»

Мы знали, чего он ждет от нас, поэтому дружно закричали: «Ура!»

«Только не говорите маме», - попросил он.

Кембриджский теннисный клуб - длинный сарай к востоку от Стрипа. Там есть десять асфальтированных кортов, и все время стоит тяжелый, противный запах: пахнет пылью, потом, какими-то мазями и еще чем-то скисшим, с истекшим сроком годности. Для отца Кембриджский клуб как второй дом. Он стоит с хозяином, мистером Фонгом, и следит, чтобы мы играли, а не тратили время на смех и болтовню. В конце концов отец дает короткий свисток, звук которого я никогда не забуду. Он свистит, заложив пальцы в рот, и этот пронзительный свист означает конец гейма, сета, матча, по этому знаку мы прекращаем играть и быстро забираемся в машину.

Мои братья и сестры всегда заканчивают раньше, чем я. Старшие сестры Рита и Тами и старший брат Фили неплохо играют в теннис. Мы - эдакая теннисная семья фон Траппов. Но я, самый младший, превосхожу всех. «Андре - избранный», - отец говорит это моим сестрам и брату, мистеру Фонгу и мне самому. Вот почему он уделяет мне максимум внимания. Я - последняя и самая большая надежда клана Агасси. Иногда мне нравится постоянное внимание отца, но временами я предпочел бы стать невидимкой, потому что он меня путает. Отец периодически делает странные вещи. К пример, часто засовывает в ноздрю большой и указательный пальцы и, невзирая на боль, от которой слезы льются у него из глаз, выдергивает пучок черных волос. Таким способом он приводит свой нос в порядок. К тому же он бреется без мыла или крема. Просто водит одноразовой бритвой вверх и вниз по щекам и челюсти, царапая кожу и позволяя крови стекать по лицу, пока она не засохнет.

Когда отец напряжен или расстроен, он смотрит куда-то в пространство и бормочет: «Я люблю тебя, Маргарет!» Однажды я спросил маму: «А с кем отец разговаривает? Кто такая Маргарет?»

Мама рассказала, что в моем возрасте, когда отец катался на коньках на пруду, лед под ним треснул. Он провалился в полынью и начал тонуть. Он уже не дышал, но его вытащила из воды и вернула к жизни женщина по имени Маргарет. Отец никогда не встречался с ней до того происшествия и ни разу не видел после. Но время от времени ее образ встает перед ним, и тогда он говорит с ней и благодарит за свое спасение самым

ласковым голосом. Он говорит, что видение Маргарет всякий раз возникает внезапно, а когда все проходит, он лишь очень смутно помнит, что произошло.

Вспыльчивый по натуре, отец всегда готов к сражению. Он постоянно ведет бой с тенью. В машине у него лежит рукоятка от топора. Выходя из дома, он насыпает в карманы несколько горстей соли и перца на случай, если ввяжется в уличную драку - чтобы ослепить соперника. Но самую жестокую битву он ведет с самим собой. У него хроническое защемление в шее, и он вечно пытается облегчить его, зверски вращая и тряся головой. Если это не помогает, он встряхивается, как собака, мотая головой из стороны в сторону до тех пор, пока шейные позвонки не издадут звук лопающегося попкорна. Если же и это не спасает, он прибегает к помощи тяжелой боксерской груши, свисающей на ремнях за домом. Отец снимает ее с ремня, встает на табурет, просовывает голову в ременную петлю, затем отшвыривает табурет - тогда его тело падает и повисает на ремне. Впервые увидев, как он повис в петле, а его ноги болтаются в метре от земли, я решил, что отец убил себя, и побежал к нему, истерически рыдая. Увидев мое перекошенное лицо, отец буркнул: «Что, черт возьми, с тобой стряслось?»

Но гораздо чаще он борется с окружающими. Как правило, эти битвы начинаются без предупреждения в самый неожиданный момент. К примеру, пока он спит. Во сне он нередко участвует в боксерских поединках и поэтому частенько с размаху бьет спящую маму. Или, к примеру, в машине. Мало найдется вещей, которые нравятся ему больше, чем сидеть за рулем нашего зеленого дизельного «олдсмобиля», подпевая кассете с записями Лауры Браниган[9]. Но стоит кому-то из водителей подрезать его, вытеснить из ряда или отказаться перестроиться по его требованию, пиши пропало. Как-то раз по пути в Кембриджский клуб он что-то не поделил с другим водителем. В итоге отец остановился, вышел из машины и потребовал, чтобы обидчик сделал то же самое. Поскольку отец размахивал рукояткой от топора, тот, разумеется, отказался покинуть авто. Тогда отец расколотил его фары и стоп-сигналы, засыпав все вокруг стеклянной крошкой. В другой раз отец, перегнувшись через меня, направил на водителя соседней машины пистолет. Дуло было прямо перед моим носом. Я сидел без движения, глядя перед собой. Я не знал, что натворил тот водитель, но подозревал, что это был автомобильный эквивалент попадания мячом в сетку. Я чувствовал, как палец отца напрягся на спусковом крючке. Затем услышал, как та, вторая машина с ревом унеслась прочь, сопровождаемая звуком, который мне редко

доводилось слышать, - отцовским смехом. У него трясется живот. Я тогда решил, что не забуду своего хохочущего отца с пистолетом у моего носа, даже если доживу до ста лет.

Убрав оружие в бардачок и вновь тронувшись с места, отец попросил меня не рассказывать об этом маме.

Зачем он это сказал? А что бы, интересно, сделала мама, если бы я рассказал ей об этом?

В один из нечастых дождливых дней в Вегасе мы с отцом поехали забирать маму с работы. Я забрался с ногами на сиденье, прыгал и пел. Мы перестроились в левый ряд, собираясь повернуть. Рядом загудел грузовик: мы явно забыли включить «поворотник». Отец показал неприличный жест столь поспешно, что едва не ударил меня по лицу. Водитель грузовика проорал что-то в ответ. Отец ответил залпом ругательств. Грузовик тут же остановился, шофер выскочил из кабины, отец последовал его примеру.

Я наблюдал за происходящим в заднее стекло. Дождь припустил еще сильнее. Шофер грузовика замахнулся, но отец тут же нырнул под его руку, отклонив ее макушкой, и провел серию ударов, завершив ее апперкотом. Его противник упал на асфальт: я был уверен, что он мертв. Или скоро умрет, ведь он лежит посреди дороги - его переедет первая же машина. Отец вернулся в машину, и мы тут же тронулись с места. Через заднее стекло видно водителя грузовика: он без сознания, его лицо залито дождем. Я оборачиваюсь и вижу, как отец бормочет ругательства, сжимая руль. Перед тем как зайти за матерью, он внимательно осматривает руки, сжимая и разжимая кулаки, убеждаясь, что суставы не разбиты. Потом оборачивается назад и смотрит прямо мне в глаза, хотя лицо у него такое, будто он опять видит Маргарет. «Не говори матери».

Эти и другие случаи всплывают в моей памяти, как только я подумываю сообщить отцу, что не хочу играть в теннис. Я люблю отца и хочу радовать его и не смею огорчать. В гневе он страшен, поэтому, когда отец говорит, что я должен играть в теннис и стану лучшим игроком в мире, я могу лишь кивать и подчиняться. И Джимми Коннорсу, и вообще любому человеку я посоветовал бы делать то же самое.

ДОРОГА К ЧЕМПИОНСТВУ лежит через плотину Гувера[10]. Незадолго до того как мне исполнилось восемь, отец решил, что с меня достаточно схваток с драконом на заднем дворе и махания ракеткой в Кембриджском клубе: пора переходить к участию в настоящих турнирах, которые регулярно проходят в Неваде, Аризоне и Калифорнии. Там бы я мог сразиться против настоящих живых мальчишек - своих ровесников. Теперь каждые

выходные вся семья забиралась в машину, и мы отправлялись либо на север по шоссе 95 в сторону Рино, либо на юг через Хендерсон по плотине Гувера в Феникс через пустыню мимо Скотсдейла или Тусона. Машина, которую ведет отец, - второе самое ненавистное мне место после теннисного корта. Но за меня все решили; я обречен провести детство между этими двумя тюрьмами.

Я выиграл семь своих первых турниров в возрастной группе младше десяти лет. Отец никак не отреагировал на это: в его глазах я лишь сделал то, что должен был сделать. По пути обратно, проезжая через плотину, я смотрю на воду, запертую в монолитных стенах. Я вижу надпись на постаменте флагштока: «В честь тех, кого вдохновляла идея превратить заброшенные земли в цветущие сады…» Эта фраза крутится у меня в голове. Заброшенные земли. Есть ли на земле места более заброшенные, чем наш дом посреди пустыни? Я думаю о ярости, распирающей отца, будто река Колорадо, запертая плотиной Гувера. Рано или поздно его прорвет, это лишь вопрос времени. Единственный выход - постараться заблаговременно вскарабкаться на возвышенность.

Для меня единственное спасение - побеждать. Всегда побеждать.

Мы едем в Сан-Диего, на стадион Морли Филд. Я играю с мальчиком по имени Джефф Таранго. Он владеет ракеткой гораздо хуже меня, и все же я проигрываю первый сет - 6-4. Я потрясен. Отец готов убить меня. Беру себя в руки и выигрываю следующий сет, 6-0. Сразу после начала третьего сета Таранго вроде бы подворачивает лодыжку. Я атакую его укороченными ударами, стараясь заставить ступать на больную ногу. Но он, оказывается, лишь притворялся: с ногой у него все в порядке, он лихо скачет по корту, отбивает мои удары, выигрывая очко за очком.

Отец кричит мне: «Хватит укороченных ударов! Не бей укороченными!»

Но я ничего не могу поделать. Если уж у меня есть стратегия, я неуклонно ей следую.

Тай-брейк. Игра навылет. Мы идем ноздря в ноздрю, и вот, наконец, у нас по четыре очка. Момент истины: одно очко решит судьбу целого матча. Я еще ни разу не терпел поражения и не представляю, как на это отреагирует отец. Я играю так, будто моя жизнь висит на волоске, что недалеко от истины. У Таранго, наверное, отец такой же, как у меня, потому что он действует столь же отчаянно.

Выждав момент, я резко и неожиданно бью слева через весь

корт. Бью так, чтобы противник никак не мог достать мяч, однако удар получается еще резче и сильнее, чем я рассчитывал. Это явно выигрышный мяч - за метр от края корта и далеко вне пределов досягаемости соперника. Я издаю победный клич. Таранго, стоя в центре корта, опускает глаза и, кажется, готов заплакать. Он медленно идет к сетке.

Но нет, останавливается. Неожиданно смотрит назад на мяч и ухмыляется.

«Аут», - говорит он.

Я останавливаюсь.

«Аут!» - Таранго радостно вопит.

Таковы правила юношеских турниров: игроки сами выполняют обязанности судей на линии. Если игрок сказал, что мяч в ауте, спорить бесполезно. Таранго предпочел ложь проигрышу, и он знает, что никто ничего не сможет с этим поделать. Он вскидывает руки в победном жесте.

Теперь я начинаю плакать.

На трибунах воцаряется хаос. Родители спорят, кричат и уже готовы перейти к оскорблениям. Это нечестно, это неправильно, но таковы правила. Таранго - победитель. Я отказываюсь пожать ему руку и убегаю в парк Бальбоа. Когда через полчаса возвращаюсь, наплакавшись, отец рвет и мечет. Не потому, что я исчез, а потому, что не выполнил его указаний во время игры.

«Почему ты меня не слушал? Почему ты продолжал укороченные удары?»

Но я впервые в жизни не боюсь отца. И пусть он в ярости - я разъярен еще сильнее, чем он. Я зол на Таранго, на Бога, на себя самого. Таранго обманул меня, я не должен был позволить ему это сделать! Я должен был не допускать, чтобы игра закончилась вот так. Теперь в моем послужном списке всегда будет числиться поражение. И ничего с этим не поделаешь. Я не в силах продолжить мысль, но она приходит сама: я могу ошибаться. Я несовершенен. Дефективен. Миллион мячей, отбитых в поединке с драконом, - выходит, все они зря?

Я много лет слушал, как отец кричит на меня за промахи. Одно- единственное поражение - и вот уже я сам жестоко казню себя. Я перенял его манеру - его нетерпение, перфекционизм, ярость, и теперь его голос не просто похож на мой: его голос стал моим. Чтобы мучить меня, отец больше не нужен. Я прекрасно справлюсь сам.

2

БАБУШКА, МАМА ОТЦА, живет вместе с нами -

отвратительная старуха из Тегерана, на кончике носа у нее висит бородавка размером с грецкий орех. Иногда я никак не могу понять, о чем она толкует, потому что не могу отвести взгляда от ее бородавки. Но это не имеет значения: она наверняка говорит все те же гадости, что и вчера, и позавчера. Скорее всего, отцу она говорит то же самое. Наверное, бабушка появилась на свет исключительно для того, чтобы его допекать. Еще в детстве она изводила его и частенько поколачивала. А за особые провинности принуждала ходить в школу в старой девчоночьей одежде. Именно это заставило его научиться драться.

Если бабушка не ругается на моего отца, она плачет по покинутой родине и по людям, которые там остались. Мама говорит, что бабушка скучает по дому. Когда я впервые услышал об этом, удивился: как можно скучать по дому? Дом - это место, где живет дракон. Место, попав в которое ты должен играть в теннис.

Если бабушка хочет уехать домой - я буду обеими руками за! Хотя мне всего восемь лет, я с удовольствием сам отвезу ее в аэропорт. Напряжение, которое она создает в доме, почти невыносимо. Из-за нее отец чувствует себя несчастным, она постоянно пытается командовать мной, моими братьями и сестрами, к тому же она постоянно глупо соперничает с мамой. Та как-то рассказала мне: когда я был еще младенцем, она, зайдя на кухню, застала там бабушку, которая пыталась кормить меня грудью. С тех пор отношения между двумя женщинами не стали менее напряженными.

Но в том, что бабушка живет с нами, есть один плюс. Она рассказывает нам о детских годах отца, и это иной раз заставляет его самого пуститься в воспоминания, немного приоткрыться перед нами. Если бы не бабушка, мы никогда бы не узнали о том, сколь одиноким и печальным было отцовское детство, не поняли бы, откуда его странное поведение, его кипящая ярость.

- О, - говорит со вздохом бабушка, - мы жили бедно. Ты не представляешь, как бедно. Мы голодали, у нас не было ни еды, ни водопровода, ни электричества, ни мебели.

- А где же вы спали?

- Мы спали на земляном полу! Все в одной комнате в старом многоквартирном одноэтажном доме, окна которого выходили в грязный двор. В углу двора была яма, которая служила туалетом для жильцов.

Отец подхватывает рассказ.

- После войны стало полегче, - говорит он. - По вечерам на улицах было полно английских и американских солдат. Мне они нравились.

- А почему?

- Потому что они давали конфеты и обувь.

Еще они научили его английскому. Первое слово, которому научили его солдаты, - «победа».

- Они все только об этом и говорили, - произносит он со своим непередаваемым акцентом. - О поведе. О, они были большие и сильные. Я везде бегал за ними, наблюдал, изучал и однажды пошел с ними туда, где они проводили все свободное время, - в парк с двумя грунтовыми теннисными кортами.

Вокруг кортов не было ограждения, так что мячи каждые несколько секунд летели в кусты. Отец бегал за ними, приносил их солдатам, как собачка, и в конце концов за ним закрепилась эта должность. А затем он стал официальным уборщиком корта.

- Каждый день, - говорил отец, - я подметал площадки, поливал водой, трамбовал тяжелым валиком. А еще подкрашивал разметку. Ну и работка была! Приходилось использовать известку.

- А сколько они тебе платили?

- Платили? Ничего они мне не платили. Они подарили мне теннисную ракетку. Очень плохую. Старая рассохшаяся деревяшка со стальной проволокой вместо струн. Но я ее очень любил. Я мог часами бить мяч об стенку сам с собой.

- А почему сам с собой?

- Потому что в Иране никто не играл в теннис.

Бокс был единственным видом спорта, в котором отцу были гарантированы противники. Поначалу его способности подверглись проверке на улицах, где он постоянно участвовал в жестоких драках. Затем, подростком, он пошел в спортзал и начал изучать сложную науку классического бокса. Тренеры считали его самородком. Быстрые удары, легкость в движениях - и бьющая через край агрессия. Его ярость, создававшая нам столько проблем, была настоящей находкой для ринга. Выступая в наилегчайшем весе, он завоевал место в иранской олимпийской сборной, в составе которой отправился в Лондон на Олимпийские игры 1948 года. Четыре года спустя он выступал на Олимпиаде в Хельсинки. Ни тут, ни там ему не удалось показать достойный результат.

- Все судьи, - жаловался он, - были подкуплены. Все было решено заранее. Весь мир ненавидел Иран! Может быть, сынок, они опять включат теннис в олимпийскую программу. И тогда ты завоюешь золотую медаль, и мы с ними сквитаемся.

Вот так он снова давит на меня, как будто ему до сих пор было мало.

Посмотрев мир и став олимпийцем, отец уже не мог

вернуться в свою комнату с земляным полом и поэтому сбежал из Ирана. По поддельному паспорту- на вымышленное имя он купил билет до Нью-Йорка, где провел шестнадцать дней на острове Эллис[11], а затем сел на автобус до Чикаго, где и переделал свое имя на американский манер. Эммануэль стал Майком Агасси. Днем он подрабатывал лифтером в одном из шикарных отелей города. Ночью дрался.

Его тренером в Чикаго стал Тони Зейл, бесстрашный чемпион в среднем весе по прозвищу Человек из стали, прославившийся своим участием в одной из самых кровавых схваток в истории спорта - знаменитой серии из трех боев с Роки Грациано. Зейл восхвалял моего отца, говорил, что в нем скрыт огромный талант, нуждающийся лишь в шлифовке, - но ему следует научиться бить сильнее. «Бей сильнее! - кричал он отцу, когда тот колотил по боксерской груше. - Бей сильнее! Вкладывай в каждый удар всю силу, сколько есть!»

Под руководством Зейла отец выиграл чикагский турнир «Золотые перчатки», а затем получил приглашение драться в прайм-тайм в Мэдисон-Сквер-Гарден. Это был его звездный час. Однако вечером перед боем его соперник заболел. Промоутеры выпрыгивали из штанов, чтобы найти ему замену, и нашли - гораздо более опытного боксера, к тому же второго полусреднего веса. Отец согласился на бой. Однако за несколько мгновений до начала он просто сдрейфил: выйдя в туалет, вылез через маленькое окошко и сел в поезд до Чикаго.

Сбежал из Ирана, сбежал из Мэдисон-Сквер - мой отец мастер спасаться бегством. Но от него скрыться невозможно.

Отец говорил, что всегда хотел испытать на себе лучший удар соперника. Однажды, стоя на корте, он признался: «Когда знаешь, что выдержал лучший удар противника и противник знает об этом, ты можешь вырвать сердце у него из груди. В теннисе все обстоит точно так же. Испытывай силу соперника. Если он умеет сильно подавать, бери все его подачи. Если он предпочитает силовую игру, пересиль его. Если он отлично бьет с правой - радуйся этому и вынуждай его играть с правой, пока он не возненавидит этот удар».

Для своей оригинальной стратегии отец придумал название: «Взрыв в мозгах соперника». С помощью этой брутальной философии он готовил меня к жизни, пытаясь превратить в боксера с теннисной ракеткой. В то время как большинство теннисистов гордятся своей подачей, отец учил меня отбивать чужие подачи, становясь мастером активной обороны.

ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ на отца тоже нападает ностальгия. Особенно он скучает по старшему брату Исару. «Когда-нибудь, -

вздыхает он, - твой дядя Исар тоже сбежит из Ирана, как и я».

Но прежде дяде Исару нужно вывести из страны свои деньги. Иран распадается на части, объясняет отец. Назревает революция, и там наблюдают за каждым, чтобы люди не выводили из страны свои банковские счета и не уезжали вслед за ними. Поэтому дядя Исар понемногу тайно закупает драгоценности и прячет в посылки, которые отправляет нам в Вегас. Каждый раз, когда мы получаем от дяди Исара очередную коробку, запакованную в коричневую бумагу, в дом будто приходит Рождество. Мы садимся на пол в гостиной, разрезаем веревки, рвем бумагу и вскрикиваем, когда в коробке с печеньем или в кексе с фруктами обнаруживаем бриллианты, изумруды, рубины. Посылки от дяди Исара приходят каждые несколько недель. И вот однажды приходит отправление куда более внушительное: дядя Исар собственной персоной. Он стоит на пороге, улыбаясь.

- Ты, должно быть, Андре?

- Да.

- Я ТВОЙ дядя!

Он наклоняется и целует меня в щеку.

Внешне он - зеркальное отражение отца, зато по характеру - его полная противоположность. Отец-резкий, строгий, легко впадающий в гнев. А дядя Исар - мягкий, снисходительный, веселый. Очень одаренный человек - в Иране он был инженером - по вечерам помогает мне с домашними заданиями. После отцовских объяснений это настоящее облегчение. Главный педагогический прием отца - объяснить один раз, потом второй, потом наорать за то, что ты, идиот, не понял с первого раза. Дядя Исар объясняет, затем улыбается и ждет. Если ты не понял - не беда, он объяснит еще раз, еще более терпеливо. У него всегда хватает на это времени.

Я смотрю, как дядя Исар ходит по комнатам и коридорам нашего дома. Я повсюду следую за ним, как отец в детстве - за американскими и английскими солдатами. Познакомившись с дядей Исаром ближе, я полюбил висеть у него на плечах и раскачиваться, уцепившись за его руки. Ему это тоже нравится. Ему нравится устраивать кучу-малу, возиться и щекотаться с племянниками и племянницами. По вечерам я прячусь за входной дверью и неожиданно выскакиваю, когда он приходит: это его смешит. Громкий смех дяди Исара - полная противоположность звукам, издаваемым драконом.

Однажды дядя Исар отправляется в магазин. Я считаю минуты до его возвращения. Наконец, калитка отворяется и затворяется: значит, через двенадцать секунд он войдет в дом. Путь от калитки до двери всегда занимает ровно двенадцать

секунд. Я прячусь, считаю до двенадцати и, как только дверь отворяется, выскакиваю из-за нее:

- Бу-у-у!

Это не дядя Исар. Это мой отец. Ошарашенный, он вскрикивает, делает шаг назад, затем резко выбрасывает кулак. Он вложил в удар лишь часть своего веса, и все же от его хука слева челюсть взорвалась болью, а я полетел вверх тормашками. Секунду назад я был вне себя от радости - и вот уже лежу на земле ошеломленный.

Отец стоит надо мной и хмурится: «Чего разлегся? Иди в свою комнату».

Я бегу в комнату и бросаюсь на кровать. Лежу там, вздрагивая, бесконечно долго. Час? Три? Наконец дверь отворяется, и я слышу отцовский голос:

- Бери ракетку, иди на корт.

Пора на битву с драконом.

Я бью по мячам полчаса. В голове у меня звенит, на глаза наплывают слезы.

- Бей сильнее! - кричит отец. - Черт возьми, бей сильнее! Только не в сетку, мать ее!

- Я поворачиваюсь и смотрю отцу в глаза. Следующий мяч, вылетающий из пасти дракона, отбиваю изо всех сил - далеко за забор. Я целюсь куда-то в сторону ястребов и не собираюсь притворяться, что это случайность. Отец пристально смотрит в мою сторону, угрожающе делает шаг вперед. Кажется, он сейчас швырнет за забор меня самого. Но вдруг он останавливается, извергает грязное ругательство и велит уйти и не попадаться ему на глаза.

Я бегу в дом, к маме. Она лежит на кровати с собачкой, притулившейся у ног, и читает роман. Мама любит животных, поэтому наш дом напоминает смотровой кабинет доктора Айболита: собаки, птицы, кошки, ящерицы и даже крыса по имени Леди Бат, страдающая чесоткой. Я хватаю одну из собак и швыряю через всю комнату; невзирая на ее возмущенный вопль, после чего зарываюсь головой в мамины руки.

- Почему отец такой злой?

- Что случилось?

Я рассказываю.

- Она ерошит мои волосы и говорит, что папа не умеет по-другому.

- У него во всем свои методы, - говорит она. - Странные методы. - Мы не должны забывать, что папа хочет для нас всего самого лучшего, ведь так?

Какая-то часть меня благодарна маме за ее бесконечное

терпение. Другая, та, о существовании которой я предпочел бы забыть, чувствует себя преданной ею. Она никогда не вмешивается. Никогда не отвечает. Никогда не защищает нас, детей, от отца. Она должна сказать ему, чтобы он притормозил, не давил так, ведь теннис - это еще не вся жизнь.

Но это не в ее характере. Отец постоянно нарушает мир, а мама хранит его. Каждое утро она отправляется в офис - она работает в администрации штата Невада - в практичном брючном костюме и возвращается в шесть часов вечера полумертвая от усталости. Но она никогда не жалуется. Из последних сил мама готовит ужин, после чего ложится в кровать со своими зверушками, книжкой или самым любимым развлечением - пазлами.

Лишь в самых исключительных случаях она теряет терпение, и тогда случается настоящий взрыв. Как-то раз отец заметил ей, что в доме, пожалуй, грязновато. Мама подошла к буфету, взяла две коробки с крупой и, размахивая ими над головой, будто двумя флагами, засыпала кухню ровным слоем овсяных хлопьев, вопя: «Хочешь, чтобы в доме было чисто? Пойди и убери!»

Пару минут спустя она уже тихо собирала пазл.

Она особенно любит пазлы с картинками Нормана Роквэлла[12]. На кухонном столе вечно лежит какая-нибудь наполовину собранная картинка, изображающая идиллический семейный быт. Лично я не представляю, что за удовольствие находит она в этом. Все эти кусочки, наваленные в беспорядке, весь этот хаос - разве можно так расслабиться? Из-за этого я думаю, что мы с матерью - полные противоположности. И все-таки мягкость, любовь и сочувствие к людям, которые я способен проявить, - это во мне от нее.

… Лежу рядом с мамой, она все еще гладит меня по волосам. Я думаю, что многого в ней не понимаю, начиная с выбора мужа. Я спрашиваю, как она вообще могла выбрать такого парня, как отец. Она издает короткий смешок, в нем явно сквозит усталость.

- Это было давно, - говорит она. - Еще в Чикаго. Друг приятеля твоего отца как-то сказал ему: «Тебе стоит познакомиться с Бетти Дадли, она - как раз твой типаж. А ты - ее». И вот он как-то позвонил мне в пансион для девушек, где я снимала комнату. Мы с ним долго разговаривали, и он показался мне очень ласковым.

- Ласковым?

- Да-да, знаю, звучит странно. И все-таки он казался именно таким. И я согласилась с ним встретиться. На следующий день он приехал на новеньком блестящем «фольксвагене». Катал меня по городу и рассказывал о своей жизни. Потом мы остановились

перекусить, и я рассказала ему о себе.

Тогда мама поведала отцу о своем детстве, которое прошло в Данвилле, штат Иллинойс, в 170 километрах от Чикаго, - маленьком городке, где выросли Джин Хэкман[13], Дональд О'Коннор[14] и ДикванДайк[15]. Рассказала о том, что у нее есть сестра-близнец, об отце - преподавателе английского, человеке своенравном, яростном поборнике правильного литературного языка. Наверное, моего отца с его чудовищным акцентом это задело. Хотя, всего вероятнее, он этого не услышал. Мне кажется, отец был просто не в состоянии слушать маму на первом свидании. Должно быть, он был загипнотизирован ее рыжевато-коричневыми волосами и ярко-синими глазами. Суда по фотографиям, она действительно была редкой красавицей. А может быть, ее волосы понравились ему, потому что были одного цвета с грунтовым теннисным кортом? Или его привлек ее рост? Она была на семь сантиметров выше него. Думаю, он воспринял это как вызов.

Мама говорит, что они провели вместе несколько счастливых недель, и этого ему хватило, чтобы убедить ее связать с ним свою судьбу. Он увез ее от своенравного отца и сестры-близняшки, увез далеко, аж в Лос-Анджелес. Но там они не смогли найти работу, и тогда он перевез ее через пустыню в новый, бурно растущий город - столицу азарта. Здесь маме предложили должность в администрации штата, а отец подвизался в отеле Tropicana, давая уроки тенниса и параллельно работая официантом в отеле Landmark. Вскоре, однако, он получил место менеджера в огромном отеле-казино MGM.

Работа отнимала все его время, так что два прежних места пришлось бросить.

За десять лет брака у них родились трое детей. Однажды, в 1969 году, мама попала в больницу с сильными болями в животе. Сначала врачи заявили, что ей потребуется удаление матки. Однако более подробное исследование показало, что она просто беременна. Мной. Я родился 29 апреля 1970 года в больнице Санрайз, в нескольких километрах от Стрипа. Отец назвал меня Андре Кирк Агасси - в честь двух своих боссов из казино. Я спрашивал маму, зачем ему это понадобилось? Был ли он дружен с этими своими начальниками? Восхищался ими? Или, может, был должен им денег? Она не знала. Что касается отца, ему такие вопросы задавать бесполезно. Впрочем, ему бесполезно задавать любые вопросы. Так что этого, как и многого другого, касающегося моих родителей, я никогда не узнаю. Пусть это станет еще одной утраченной деталью пазла по имени Андре Агасси.

ОТЕЦ МНОГО РАБОТАЕТ В КАЗИНО, постоянно выходит в ночные смены. И все-таки главным для него остается теннис, именно он заставляет отца вставать с постели. Свидетельства этой его неутолимой страсти разбросаны по всему дому. На заднем дворе, по соседству с кортом, где обитает дракон, он оборудовал себе лабораторию, которая по совместительству служит нам кухней. Его машинка для перетягивания ракеток и инструменты занимают половину кухонного стола. Вторая половина занята маминым пазлом от Нормана Роквэлла: две безудержные страсти, соперничающие за жизненное пространство в одном небольшом помещении. На кухонной стойке - несколько кип теннисных ракеток, некоторые распилены на части: отец изучает их внутреннее устройство. Он хочет знать все о теннисе, все без исключения: для этого ему приходится заниматься в том числе и теннисной анатомией. Он постоянно экспериментирует с деталями экипировки. Недавно, к примеру, решил использовать теннисные мячики, чтобы продлить жизнь обуви. Когда каучуковые подошвы начинают изнашиваться, он режет мячик пополам, приклеивая по половине на каждый ботинок.

«Мало нам того, что мы живем в теннисной лаборатории, - говорю я Фили, - так мы еще должны обуваться в теннисные мячи?»

Мне интересно, за что отец так любит этот вид спорта. Но это еще один вопрос, который ему бесполезно задавать. Тем не менее он случайно дает мне ключ к разгадке. Время от времени отец начинает разглагольствовать о красоте этой игры, об идеальном соотношении силы и стратегии. Несмотря на то что он далеко не совершенен - а может быть, именно из-за этого, - отец всегда стремится к совершенству. Он уверен, что ближе всего к совершенству находятся геометрия и математика, а теннис - это искусство углов и цифр. Лежа в постели, он видит на потолке воображаемый корт. Отец утверждает, что этот корт для него - как настоящий и что в своих мечтах он сыграл там множество матчей. Удивительно, как ему еще хватает сил ходить на работу.

В обязанности отца на службе входит рассаживать гостей перед началом шоу. Пожалуйста, сюда, мистер Джонсон. Рады видеть вас вновь, мисс Джонс. Зарплата в казино невелика, основной его доход - чаевые. Мы живем на чаевые, и это делает жизнь непредсказуемой. Иногда отец приходит домой с карманами, полными денег, однако в другие вечера его карманы остаются совершенно пустыми. Сколько бы он ни заработал, он всегда аккуратно пересчитывает купюры, складывает их в стопку и прячет в домашний сейф. Никто не знает, сколько там окажется в следующий раз, и это пугает.

Отец любит деньги, не скрывает этого и считает теннис способом отлично заработать. Я уверен, что его любовь к этому виду спорта связана не в последнюю очередь с деньгами. Он считает, что теннис - кратчайший путь к американской мечте. Отец берет меня в Лас-Вегас на теннисный турнир Алана Кинга[16]. Мы видим, как четверо полуголых дюжих парней в тогах выносят в центр корта красавицу в костюме Клеопатры, а следом за ними человек в костюме Цезаря везет полную тачку серебряных долларов. Это - приз победителю. Отец смотрит, как серебро блестит на ярком солнце, и его взгляд затуманивается. Он как будто пьян. Он хочет получить этот приз. Он хочет, чтобы его выиграл я.

Вскоре после того судьбоносного дня отец каким-то образом смог заполучить для меня на турнире Алана Кинга место мальчика, подающего мячи. Тогда мне не было и девяти, меня совершенно не волновало серебро, а все мои желания сосредоточились на маленькой Клеопатре. Ее звали Венди, она была моей ровесницей и тоже подавала мячи. В своей голубой униформе она казалась волшебным видением. Я влюбился жестоко и сразу, душой и телом. Ночами лежал без сна, рисуя на потолке ее милый образ. Во время матчей, когда мы с Венди смотрели друг на друга через сетку, я улыбался ей, пытаясь заполучить улыбку в ответ. В перерывах покупал ей колу и старался поразить своими познаниями в теннисе.

В турнире Алана Кинга участвовали игроки самого высокого уровня, и отец всячески пытался уговорить каждого из них сыграть со мной хоть пару сетов. Они реагировали по-разному. Борг согласился с готовностью. Коннорс явно хотел отказать, но не мог: ведь отец перетягивал ему ракетки. Победитель Уимблдона и Открытого чемпионата Франции, первая ракетка мира Илие Настасе явно предпочел бы заняться чем-нибудь другим, однако быстро понял, что отвязаться от моего отца практически невозможно.

Пока мы с Настасе играем, Венди наблюдает за нами, стоя возле сетки. Я ужасно нервничаю, Настасе явно скучает, пока не замечает Венди.

- Ого, - говорит он. - Это твоя подружка, клоп? Эта симпатяшка - дама твоего сердца, а?

Я останавливаюсь и сверлю Настасе сердитым взглядом. Мне хочется двинуть в нос этому глупому здоровому румыну, неважно, что он на полметра выше меня и на полсотни килограммов тяжелее. То, что он обозвал меня клопом, еще можно простить, но он посмел непочтительно отозваться о Венди! У корта уже собралась толпа, человек двести - не меньше. Настасе

начинает играть на публику, вновь и вновь называя меня клопом, отпуская шутки на тему Венди. Я думаю только о том, что мой отец - безжалостный человек.

В конце концов я уже готов сказать ему: «Мистер Настасе, вы меня смущаете, перестаньте, пожалуйста!» Но все, что я могу, это стараться бить как можно сильнее. Еще сильнее. Настасе отпускает очередную шутку про Венди, и я не выдерживаю. Бросаю ракетку и ухожу с корта. Ты победил, Настасе.

Мой отец смотрит на это, открыв рот. Он не зол, он не смущен - он не умеет смущаться - в этом поступке он тотчас узнает себя, узнает во мне свои гены. Я никогда не видел, чтобы он так гордился.

ПОМИМО НЕЧАСТЫХ ИГР с титулованными игроками, мои публичные выступления по большей части связаны с некоторым жульничеством. Я регулярно развлекаюсь заманиванием новичков. Это несложно. Для начала нахожу на видном месте пустой корт и упражняюсь там в одиночестве. Заметив проходящего мимо нахального тинэйджера или подвыпившего, я приглашаю покидать со мной мячик. Для начала безропотно даю себя разделать под орех, а потом жалостным голосом предлагаю сыграть на символическую сумму. Может быть, на доллар? Или на пятерку? И не успевает он оглянуться, как я уже бью матчбол и в мой карман перекочевывает двадцатка - достаточно, чтобы целый месяц угощать Венди колой.

Этому меня научил Фили. Он подрабатывает уроками тенниса и часто подбивает на такие игры своих учеников, предлагая в качестве ставки сумму, равную плате за занятие. «Ты, Андре, - говорит он, - маленький и тощий, так что будешь грести деньги лопатой». Он помогает мне придумать схему обмана и как следует ее отрепетировать. Иногда я думаю, что зря считаю свои занятия жульничеством, и на самом деле люди только рады заплатить за подобное шоу. Наверное, потом будут хвастаться знакомым: мол, видели девятилетнего мальчишку, теннисного фаната, который никогда не проигрывает.

Я не рассказываю отцу о своем маленьком бизнесе. Меня не страшит его осуждение, напротив, он хорошо относится к старому доброму жульничеству. Просто я не хочу говорить с ним о теннисе больше, чем необходимо. Кроме того, нынче он занят организацией собственной аферы в Кембриджском клубе. Однажды, когда мы приходим туда, отец указывает мне на человека, который разговаривает с мистером Фонгом.

- Это Джим Браун, - шепчет он. - Величайший футболист[17] в мире!

Браун - огромная гора мускулов, упакованная в теннисную

форму и гольфы. Я уже видел его здесь, в клубе. Если он не играет в теннис на деньги, то играет в нарды или кости - тоже не на интерес. Как и мой отец, мистер Браун много говорит о деньгах. Как раз сейчас он жалуется мистеру Фонгу на неудавшуюся коммерческую игру: партнер, с которым он должен был играть, не явился. Мистер Фонг должен слушать его и сочувствовать.

- Я пришел играть, - говорит Браун. - И я хочу играть.

Мой отец выходит вперед:

- Вы хотите играть?

- Да.

- С вами готов сыграть мой сын, Андре.

Мистер Браун смотрит на меня, затем вновь на отца.

- Я не играю с восьмилетками!

- Ему уже девять.

- Девять? О, извините, я не знал!

Мистер Браун хохочет. Посетители, которые слышат этот разговор, - тоже.

Мистер Браун явно не принимает отца всерьез. А зря. Я вспоминаю водителя грузовика, оставшегося лежать на дороге. Вижу, как его бесчувственное лицо заливало дождем.

- Имейте в виду, я не играю на интерес, - говорит мистер Браун. - Я играю на деньги.

- Мой сын сыграет с вами на деньги.

У меня немедленно начинают потеть подмышки.

- Да? И сколько вы ставите?

Отец со смешком отвечает:

- Я ставлю свой чертов дом!

- Мне не нужен ваш дом, - говорит Браун. - У меня есть дом. Как насчет десяти тысяч долларов?

- Окей, - говорит отец. Я выхожу на корт.

- Не спеши, - говорит Браун. - Сначала покажи деньги.

- Сейчас сбегаю домой и принесу, - отвечает отец. - Я быстро!

Отец убегает. Сидя на стуле, я представляю себе, как он открывает сейф и вынимает оттуда стопку денег. Все чаевые, которые он много лет пересчитывал у меня на глазах, все ночи, проведенные на работе. Сейчас он поставит их на меня. Я чувствую тяжесть в груди. Конечно, я горжусь тем, насколько мой отец верит в меня. Но страх гораздо сильнее гордости. А вдруг я проиграю? Что тогда будет со мной, отцом, мамой, братьями и сестрами, не говоря о бабушке и дяде Исаре?

Мне уже приходилось играть в подобном напряжении: отец уже выбирал мне противника без предупреждения, требуя обыграть его. Но это всегда был мальчик, почти мой ровесник. И

никогда еще речь не шла о деньгах. Обычно отец прерывал мой дневной сон криком: «Хватай ракетку! Придется тебе обыграть кое-кого!» Ему никогда не приходило в голову: я сплю днем, потому что измучен утренней борьбой с драконом, ведь девятилетние мальчики, как правило, не хотят спать в это время. Я тер глаза кулаками, пытаясь прогнать остатки сна, выходил во двор и видел очередного незнакомого мальчика - какое-нибудь юное дарование из Флориды или Калифорнии, оказавшееся проездом в Вегасе. Они всегда старше и сильнее меня - как тот странный парнишка, который только что переехал в Вегас и, услышав обо мне, просто позвонил в нашу дверь. У него была белая ракетка Rossignol и голова в форме тыквы. Он был минимум на три года старше и самодовольно ухмыльнулся, увидев меня, такого маленького. Даже после того как я победил его и стер с его физиономии эту самодовольную ухмылку, мне потребовалось несколько часов, чтобы успокоиться и избавиться от чувства, будто я только что прошел по канату, натянутому над плотиной Гувера.

Но мистер Браун - это совсем другое дело, и не только потому, что на кону - все сбережения моей семьи. Он неуважительно разговаривал с отцом, а тот не мог врезать ему как следует в ответ. Теперь мне необходимо сделать это. Так что эта игра - далеко не только на деньги. Это будет битва за уважение, мужество и честь - против величайшего футболиста в истории. Я бы лучше сыграл в финале Уимблдона. Против Настасе. С Венди в роли девочки, подающей мячи.

Вскоре я заметил, что мистер Браун внимательно на меня смотрит. Затем он подошел, представился и пожал мне руку. Его ладонь, казалось, вся состояла из одной огромной мозоли. Он спросил, давно ли я занимаюсь теннисом, сколько матчей выиграл, сколько проиграл.

- Я никогда не проигрываю, - тихо сказал я.

Его глаза сузились.

Мистер Фонг отвел его в сторону и тихо сказал: «Не делай этого, Джим!»

- Этот парень просто напрашивается, - шепнул мистер Браун в ответ. - Заберем у дурака его деньги!

- Ты не понял, - ответил Фонг. - Ты проиграешь, Джим.

- Ты о чем? Это же пацан!

- Не просто пацан.

- Ты с ума сошел!

- Послушай, Джим, мне нравится, что ты приходишь сюда. Ты мой друг, и потом, для бизнеса полезно иметь тебя в числе клиентов. Но, когда ты проиграешь этому пацану десять тысяч,

расстроишься и, возможно, перестанешь ко мне ходить.

Мистер Браун вновь внимательно разглядывает меня, как будто в первый раз пропустил что-то важное. Он подходит и начинает спрашивать:

- Ты много играешь?

- Каждый день.

- Нет, я имею в виду, как долго ты играешь подряд? Час? Два?

Я понимаю, что ему нужно. Он хочет понять, как быстро я устаю. Он пытается оценить, как лучше построить игру со мной.

Мой отец вернулся, неся в руках стопку стодолларовых купюр. Машет ими в воздухе. Однако мистер Браун уже принял решение.

- Вот что мы сделаем, - говорит он отцу. - Мы сыграем три сета, а ставку сделаем на третий - там решим, какую именно.

- Как скажете.

Мы играем на корте номер семь, рядом с выходом. Понемногу собирается толпа; зрители разражаются криками, когда я выигрываю первый сет - 6-3. Мистер Браун повесил голову и что-то бормочет себе под нос. Он швыряет ракетку на землю. Он явно не слишком доволен. Впрочем, это касается нас обоих. Не то чтобы я вдруг начал думать, вопреки строжайшему отцовскому запрету, но голова у меня идет кругом. Мне кажется, я в любой момент могу прекратить игру из-за того, что меня просто-напросто стошнит.

Я все-таки выигрываю второй сет, 6-3.

Мистер Браун в ярости. Встав на одно колено, он зашнуровывает теннисные туфли.

Отец подходит к нему:

- Ну что, десять тысяч?

- Не в этот раз, - говорит мистер Браун. - Давайте остановимся на пяти сотнях.

- Как скажете.

Меня сразу отпускает напряжение. Поняв, что не придется играть на десять тысяч, я готов танцевать вдоль задней линии. Теперь я могу действовать спокойно, не думая о последствиях.

Тем временем мистер Браун думает гораздо больше и играет заметно напряженнее. Он подает мячи в неожиданных направлениях, бьет к самой сетке и, наоборот, высоко над ней, целится в углы, пробует боковые и задние вращения - словом, использует весь арсенал теннисных трюков. Он заставляет меня бегать по корту, пытаясь вымотать. Но я так рад, что мне не придется играть на все содержимое отцовского сейфа, что меня не берет усталость и я не могу промахнуться. Я побеждаю, 6-2.

По лицу моего соперника струится пот. Он достает из

кармана пачку купюр, отсчитывает пять хрустящих сотенных, отдает их отцу, затем поворачивается ко мне:

- Здорово играл, сынок.

Он пожимает мне руку. Его мозоль стала еще грубее - моими стараниями.

Он спрашивает, к чему я стремлюсь, о чем мечтаю. Я открываю рот, чтобы ответить, но вмешивается отец:

- Он собирается стать лучшим теннисистом в мире.

- Готов поставить на него в тотализаторе, - заявляет мистер Браун.

ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ мы с отцом отправились сыграть тренировочный матч. Я выигрываю 5-2, подаю решающий мяч. Я никогда еще не выигрывал у отца, и выглядит он сейчас так, будто проигрывает куда больше 10 тысяч долларов.

Неожиданно он поворачивается и уходит с корта. «Собирай барахло, поехали», - буркает он.

Он не закончит этот матч. Лучше сбежит, чем проиграет собственному сыну. Почему-то я убежден, что этот наш матч был последним.

Укладывая сумку, застегивая чехол ракетки, я охвачен волнением более сильным, чем после победы над мистером Брауном. Это сладчайшая из моих побед, ее трудно будет превзойти. Для меня она дороже, чем тачка, полная серебряных долларов и нагруженная, сверх того, драгоценностями дяди Исара. Ведь именно эта победа наконец-то заставила отца бежать от меня.

3

МНЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ, я выступаю на национальном чемпионате. Второй раунд. Я безнадежно проигрываю какому-то парню старше меня. Говорят, он лучший в стране. Однако от этого не легче. Почему поражение оказывается таким болезненным? Почему мне так тяжело? Ухожу с корта, мечтая умереть. Нетвердой походкой иду на автостоянку. Пока отец собирает вещи и прощается с другими родителями, я сижу в машине и плачу.

В окне авто показывается чье-то лицо. Чернокожий парень. Улыбается.

- Привет, - говорит он. - Меня зовут Руди.

Его зовут так же, как того парня, что помог отцу построить корт у нас на заднем дворе. Странно.

- Как тебя зовут?

- Андре.

- Рад познакомиться, Андре, - пожимает мне руку.

Он рассказал, что работает со знаменитым чемпионом, Панчо Сегурой, который тренирует ребят моего возраста, и посещает крупные турниры, чтобы подбирать для Панчо подходящих воспитанников. Он положил руки на открытое окно, тяжело облокотился на дверцу, вздохнул. Объяснил, что дни вроде сегодняшнего - действительно тяжелые, очень сложные, но именно такие дни в итоге сделают меня сильнее. Голос у него теплый, глубокий, похожий на горячее какао.

- Парень, которому ты проиграл, он же на два года старше тебя, - говорит он. - У тебя есть еще два года, чтобы добиться такого же уровня. Два года - это целая вечность, особенно если как следует постараться. Ты действительно стараешься?

- Да, сэр.

- У тебя еще многое впереди, сынок.

- Но я больше не хочу играть! Я ненавижу теннис.

- Ха-ха-ха! Конечно, ненавидишь. Сейчас. Но там, глубоко внутри, ты вовсе не ненавидишь его.

- Нет, ненавижу!

- Тебе это только кажется.

- Нет, я, правда, ненавижу!

- Ты так говоришь, потому что ты сейчас зол, как черт, это лишь доказывает, что тебе не все равно. Что ты хочешь победить. Ты можешь это использовать - запомни сегодняшний день, и пусть он помогает тебе побеждать. Если не хочешь опять испытать туже боль, что и сегодня, будь готов на все, чтобы избежать этого. Ты готов на все?

Я киваю.

- Прекрасно. Теперь поплачь. Пусть эта боль останется с тобой еще ненадолго. А потом скажи себе: «Ну, все, хватит». И возвращайся к работе.

- Договорились!

Я вытираю слезы рукавом, благодарю Руди, и, когда он уходит, я уже готов к бою. К битве с драконом. Я готов часами бить по мячам. Если бы Руди стоял позади меня и шепотом подбадривал, я бы смог, наверное, победить дракона. Тут неожиданно появляется отец. Он садится за руль, и мы медленно, как головная машина похоронной процессии, выезжаем со стоянки. Напряжение между нами столь велико, что я сворачиваюсь калачиком на заднем сиденье и закрываю глаза. Я хочу выскочить из машины, убежать, найти Руди и упросить его тренировать меня. Или даже усыновить.

Я НЕНАВИЖУ ВСЕ ЮНОШЕСКИЕ ТУРНИРЫ без исключения, но особенно - общенациональные: ставки на них выше, а кроме того, они проходят в других штатах, а это значит - самолеты,

мотели, арендованные машины и ресторанная еда. Отец тратит деньги, инвестируя в мое будущее, и, если я проигрываю, часть его инвестиций потрачены впустую. Проигрывая, я обкрадываю весь клан Агасси.

Мне одиннадцать лет, я играю в национальном чемпионате в Техасе, на грунтовом корте. Среди участников юношеских национальных турниров я - один из лучших на грунтовых покрытиях, я никак не могу проиграть, и все же проигрываю в полуфинале. Я даже не попадаю в финал. Теперь мне предстоит играть утешительный матч, определяющий обладателей третьего и четвертого места. И, что еще хуже, в этом матче мне придется сойтись со своим заклятым врагом, Дэвидом Кассом. В рейтинге он стоит сразу после меня, однако во время наших с ним встреч он становится, кажется, совершенно другим игроком. Что бы я ни делал, Касс всегда побеждает, и сегодняшняя игра - не исключение. Проигрываю в трех сетах. Я разбит. Я разочаровал отца. Я ввел семью в расходы. Но я не плачу. Хочу, чтобы Руди гордился мной, и сдерживаю слезы.

Во время церемонии награждения сначала вручают первый приз, затем - второй, потом - третий. После этого организаторы объявляют: в этом году вручается специальная награда - за спортивное мастерство мальчику, показавшему самую интересную игру. Невероятно, но звучит мое имя - может быть, потому, что весь последний час я безостановочно кусал губы. Мне протягивают приз, приглашая подняться и взять его. Последнее, чего я хочу, это получить сейчас специальный приз за спортивное мастерство, - и все же забираю его, благодарю организаторов, и в этот момент что-то меняется во мне. Этот приз действительно классный. И я действительно играл здорово. Я направляюсь в машину, прижимая к себе трофей, отец идет в шаге позади меня. Я не говорю ни слова, молчит и он. Сосредоточенно слушаю, как наши туфли шаркают по цементу. Наконец я нарушаю молчание.

«Мне не нужна эта фигня», - говорю я, думая, что отец ждет именно этих слов. Отец подходит ко мне. Он вырывает кубок у меня из рук и изо всей силы швыряет его о землю. Осколки летят во все стороны. Отец подбирает самый большой кусок и вновь швыряет его о цемент, разбивая на мелкие части. Затем он собирает остатки моего спортивного трофея и швыряет в ближайший мусорный бак. Я молчу. Я знаю, что не надо ничего говорить.

ЛУЧШЕ БЫ Я ИГРАЛ В ФУТБОЛ[18], а не в теннис. Ненавижу спорт, но, если мне необходимо заниматься чем-то, дабы ублаготворить отца, я бы предпочел футбол. Трижды в неделю в школе я играю в футбольной команде: мне нравится, как ветер

треплет волосы, когда я бегаю по полю, нравится бороться за мяч и знать, что, если я не забью, небо не упадет на землю. Судьба отца, семьи и всей планеты не лежит на моих плечах. Если наша команда проиграет, виноваты будут все и никто не станет орать на меня за это. В командных видах спорта, думаю я, можно неплохо устроиться.

Отец не возражает против игры в футбол, считая, что это поможет мне лучше двигаться на корте. Однако как-то я получил травму, потянув ногу в схватке за мяч, и из-за этого был вынужден пропустить дневную тренировку на корте. Отец был недоволен. Он смотрел то на ногу, то мне в глаза, как будто я поранился нарочно. Но травма есть травма: с этим не может поспорить даже отец. И он куда-то ушел.

Через пару минут мама заглянула в расписание и обнаружила, что днем у меня - футбольная тренировка.

- Что будем делать? - спросила она.

- Команда на меня рассчитывает, - ответил я.

- Как ты себя чувствуешь? - вздохнула мама.

- Кажется, я смогу играть.

- Хорошо. Надевай форму.

- Думаешь, папа расстроится?

- Ты же знаешь отца. Он может расстроиться из-за чего угодно.

Она отвезла меня на футбол и оставила там. После небольшой пробежки вдоль поля моя нога чувствовала себя вполне прилично. Просто удивительно. Обхожу защитников, я ловок и дружелюбен, показываю, чтобы мне дали передачу, хохочу вместе с товарищами по команде. Мы вместе, мы стремимся к общей цели. Это очень хорошее чувство, приятное.

И вдруг я замечаю отца. Он в конце автостоянки. Вот он идет к футбольному полю. Вот говорит с тренером. Вот орет на него. Тренер машет мне рукой:

- Агасси! С поля!

Я бегу к ним.

- В машину! - говорит мне отец. - И быстро снимай форму.

Я бегу в машину. На заднем сиденье лежит мой теннисный костюм. Надев его, возвращаюсь к отцу, отдаю ему футбольную форму. Он идет на поле и бросает ее тренеру прямо в грудь.

По пути домой отец заявляет:

- Ты больше не будешь играть в футбол.

Я умоляю дать мне еще один шанс. Я объясняю отцу, что не люблю оставаться в одиночестве на огромном корте. Теннис - очень одинокая игра. Там некуда спрятаться, если что-то идет не так. Нет скамейки запасных, нет боковой линии, нет

персонального угла. Ты один, будто голый перед всеми.

В ответ он орет не своим голосом:

- Ты - теннисист! Ты будешь лучшим в мире и заработаешь кучу денег! Таков наш план, и хватит об этом!

Отец непреклонен, он в отчаянии. Ведь он хотел добиться того же поочередно от Риты, Фили и Тами, но у него ничего не вышло. Рита отказалась - категорически. Тами очень скоро перестала делать успехи. У Фили отсутствовал бойцовский дух. Он все время говорит так о Фили - мне, маме, даже самому Фили - прямо в лицо. Фили лишь пожимает плечами, демонстрируя таким образом, что инстинкта убийцы у него и вправду нет.

Но отец говорит Фили гадости:

- Ты прирожденный неудачник!

- Да, я такой, - отвечает Фили самым печальным тоном. Прирожденный неудачник. Я был рожден, чтобы стать неудачником.

- Ты! Ты сочувствуешь противнику! Не хочешь стать самым лучшим!

Фили даже не пытается это отрицать. Он хорошо играет, у него есть талант, но он не стремится к совершенству. А совершенство в нашем доме - это даже не цель. Это - закон. И если вдруг ты не совершенен, ты - неудачник. Прирожденный неудачник.

Отец записал Фили в эту категорию, когда ему было примерно столько же, сколько сейчас мне. Тогда он выступал на национальных юношеских чемпионатах. Он не просто проигрывал, он никогда не реагировал на попытки соперников сжульничать, отчего отец краснел, как рак, и во весь голос выкрикивал ругательства прямо с трибуны.

Фили как моя мать: он долго терпит, но потом все же взрывается. В последний раз это случилось, когда отец перетягивал теннисную ракетку, мама гладила, а брат, растянувшись на кушетке, смотрел телевизор. Отец почему-то стал выговаривать Фили, безжалостно критикуя его выступление на недавнем турнире. И вдруг тоном, которого я ни разу от него не слышал, Фили крикнул:

- Знаешь, почему я не выиграл? Из-за тебя! Потому что ты назвал меня прирожденным неудачником!

Фили задыхался от гнева. Мама расплакалась.

- Хочешь, я с этого момента буду роботом? - спросил брат. - Как тебе идея? Я буду роботом, ничего не буду чувствовать, и тогда я пойду и буду делать все, что ты скажешь!

Отец перестал натягивать струны ракетки. Он выглядел счастливым, почти умиротворенным.

- Ну надо же, - сказал он. - Ты, наконец, понял!

В отличие от Фили, я каждый раз ругаюсь с соперниками. Иногда мне хочется научиться у Фили умению пожимать плечами в ответ на несправедливость. Если противник пытается сжульничать, как Таран- го, кровь тут же бросается мне в лицо. Чаще всего я мщу оппоненту уже на следующей подаче: когда обманщик бьет в центр корта, я объявляю, что мяч упал за линией, и смотрю на него, всем видом давая понять: теперь мы квиты.

Я делаю это не для того, чтобы порадовать отца, но он всякий раз доволен.

«Ты смотришь на жизнь не так, как твой брат, - говорит он. - У тебя есть талант, энергия - и удача. Ты родился с серебряной ложкой во рту».

Он говорит это каждый день: иногда - убежденно, иногда - восхищенно, временами - с завистью. Я бледнею, когда слышу эти слова. Думаю, что мне досталась удача Фили, я, наверное, как-то сумел украсть ее, ведь если я родился с серебряной ложкой во рту, то он, кажется, был рожден неудачником. В двенадцать лет он сломал запястье, упав с велосипеда, и это несчастье стало первым в череде непрекращающихся проблем. Отец был так зол на Фили, что заставлял его выступать в юношеских турнирах, несмотря на сломанную руку. От этого проблема с запястьем у Фили стала хронической, и с мечтами о спортивной карьере пришлось расстаться. Чтобы поберечь поврежденную руку, Фили был вынужден постоянно использовать удар слева с одной руки, что сам он считает отвратительной привычкой, с которой тем не менее не смог расстаться, даже когда рука зажила.

Наблюдая за неудачами Фили, я думаю: дурные привычки и отсутствие удачи - воистину безнадежное сочетание. Я смотрю на брата, когда он приходит домой после тяжелых поражений: на его лице ясно написано, что он чувствует себя последним из бездарных неудачников. Отец же загоняет в него это чувство еще глубже. Фили сидит в углу и казнит себя за неудачу. Это, по крайней мере, похоже на честную битву один на один. Но потом вступает отец, помогая Фили есть поедом самого себя. В ход идут и пощечины, и оскорбления. Кажется, он делает все, чтобы Фили лишился рассудка. В крайнем случае - чтобы возненавидел меня и начал задирать при каждом удобном случае. Вместо этого после каждой порции обид и оскорблений, полученных от отца и себя самого, Фили относится ко мне с еще большей заботой и вниманием. Он хочет, чтобы я избежал его судьбы. Поэтому хоть отец и обзывает его неудачником, я считаю Фили победителем и горжусь, что у меня такой старший брат. Как можно радоваться,

что твой старший брат - неудачник? Возможно ли такое? Не глупость ли это? Что ж, это еще одно из моих противоречий.

МЫ С ФИЛИ проводим вместе все свободное время. Он забирает меня из школы на своем скутере, мы едем домой через пустыню, болтая и смеясь над тем, как пронзительно ноет мотор - точь-в-точь как комар. У нас общая спальня в задней части дома - наше убежище от отца и тенниса. Брат очень беспокоится о своих вещах - впрочем, как и я. Он провел посреди комнаты белую линию, которая делила ее пополам, будто теннисный корт: одна половина - моя, другая - Фили. Я сплю в передней половине. Моя кровать - рядом с дверью. Ночью, перед тем как выключить свет, мы совершаем ритуал, без которого я уже чувствую себя неуютно: пристроившись на краю кроватей, мы перешептываемся через нашу пограничную линию. Чаще всего говорит Фили, который на семь лет старше меня. Он раскрывает передо мной душу, повествуя о своих сомнениях и разочарованиях. Рассказывает, каково это - никогда не побеждать, постоянно слышать, что ты - прирожденный неудачник. Он делится мыслью занять у отца денег, чтобы продолжать заниматься теннисом и все-таки попытаться стать профессионалом. Хотя отец, соглашаемся мы оба, отнюдь не тот человек, на чью поддержку хотелось бы рассчитывать.

Однако из всех неудач, выпавших на его долю, самой тяжелой Фили считает проблему с волосами. Андре, говорит он, я лысею. Он сообщает это голосом, каким мог бы рассказать о том, что доктора оставляют ему лишь четыре недели жизни.

Но он не расстанется с шевелюрой без борьбы. Лысина - вот тот противник, с которым Фили дерется со всей яростью отчаяния. Он полагает, что лысеет из-за недостаточного прилива крови к голове, и поэтому каждый раз во время нашей ночной беседы он стоит на голове. Брат опирается головой о матрас и осторожно поднимает ноги вверх, для равновесия опираясь о стену. Я молюсь, чтобы это помогло, прошу Бога о том, чтобы мой братишка Фили, прирожденный неудачник, не потерял хотя бы свою шевелюру. Я лгу Фили, утверждая, что его странный метод лечения определенно помогает. Я люблю брата и готов говорить ему что угодно, если ему от этого станет лучше. Ради брата я сам готов, если понадобится, простоять на голове всю ночь.

После рассказа Фили о бедах наступает мой черед. Я восхищаюсь тем, как он умеет переключаться. Он выслушивает очередную гадость, сказанную отцом, оценивает, насколько глубоко она меня затронула, и выдает тщательно отмеренный кивок. Для мелких проблем - короткий кивок. Для крупных неприятностей - оживленный кивок и нахмуренные брови. Даже

стоя вниз головой, Фили умеет столько выразить в одном кивке, сколько другой человек не скажет вам в письме из пяти страниц.

Однажды ночью Фили просит кое-что пообещать ему.

- Конечно, Фили, что угодно.

- Если отец скажет тебе есть таблетки, никогда их не ешь!

- Таблетки?

- Андре, послушай, что я тебе скажу. Это очень важно.

- Да, конечно, Фили, я слушаю.

- В следующий раз, когда ты поедешь на национальный турнир, если отец предложит тебе таблетки, не ешь их.

- Он уже дает мне экседрин, заставляет принимать его перед матчем, потому что в нем полно кофеина.

- Да, я знаю. Но я говорю о других таблетках. Те - тонкие, белые и круглые. Не ешь их. Делай, что хочешь, только не ешь.

- А что, если отец меня заставит? Я же не смогу с ним спорить.

- Да, конечно. Хорошо, дай мне подумать.

Фили закрывает глаза. Я вижу, как кровь приливает к его голове, как его лицо багровеет.

- Я придумал, - наконец говорит он. - Если тебе придется глотать эти таблетки, если он заставит тебя, играй как можно хуже. Нарочно проиграй. А потом скажи ему, что тебя всю игру трясло и ты не мог сконцентрироваться.

- Ладно. А что это за таблетки?

- Это колеса.

- Что?

- Наркотики. Накачивают тебя энергией. Я знаю, он хочет попро-бовать тебе их подсунуть.

- Откуда ты знаешь?

- Он их мне давал.

Действительно, на национальном турнире в Чикаго отец дает мне таблетку. Протяни руку, говорит он. Это тебя поддержит. Выпей.

Он кладет таблетку мне на ладонь. Тоненькую, белую, круглую.

Я глотаю ее. Чувствую себя прекрасно, все как обычно. Но приходится притвориться, что мне не по себе. Противник старше меня, но, хотя он не представляет для меня проблемы, я поддаюсь, изо всех сил тяну время, проигрываю несколько геймов. Я делаю вид, что мне чертовски трудно играть, гораздо труднее, чем на самом деле. Уходя с корта, я говорю отцу, что плохо себя чувствую и, кажется, сейчас упаду в обморок. Он выглядит виноватым.

«Ладно, - говорит он, проводя рукой по лицу, - ничего не

получилось. Больше не будем это пробовать».

Когда турнир заканчивается, я звоню Фили и рассказываю о таблетке.

- Черт возьми! - говорит Фили. - Я так и знал!

- Я сделал, как ты мне велел, и у меня все получилось.

В голосе брата я слышу ноты, которые хотел бы слышать в голосе отца. Он гордится мной, но в то же время боится за меня. Вернувшись домой, я крепко обнимаю его, и первую мою ночь дома мы проводим, перешептываясь через белую линию и празднуя одну из наших нечастых побед над отцом.

Через некоторое время вновь играю с противником старше меня и побеждаю. Это тренировочный матч, ничего особенного, и играю я гораздо лучше соперника, - но поддаюсь, теряю очки, делаю вид, что игра для меня складывается гораздо тяжелее, чем на самом деле, - так же, как в Чикаго. Уходя с корта номер семь в Кембриджском клубе - того самого, где я обыграл мистера Брауна, - чувствую себя опустошенным, потому что мой соперник выглядит совершенно потерянно. Я ненавижу проигрывать, но сейчас ненавижу и выигрывать тоже: ведь побежденный противник - Фили. Доказывает ли это чувство опустошенности, что у меня нет бойцовского духа? Печальный, смущенный, я мечтаю найти того парня, Руди, или другого Руди, которого знал до него, и спросить у них, что все это значит.

4

Я УЧАСТВУЮ В ТУРНИРЕ, который проходит в загородном клубе Лас-Вегаса, веду борьбу за право выйти в чемпионат штата. Мой противник - Роди Паркс. Первое, что я замечаю: у этого парня тоже необыкновенный отец. У мистера Паркса на пальце - кольцо с огромной каплей янтаря с застывшим внутри муравьем. Перед матчем я спрашиваю его про кольцо.

- Понимаешь ли, Андре, когда весь мир сгорит в ядерном пожаре, выжить сумеют лишь муравьи. Вот я и хочу, чтобы моя душа переселилась в одного из них.

Роди тринадцать, на два года больше, чем мне. Он крупный для своих лет, с короткой военной стрижкой. Но я могу победить его. Очень быстро отмечаю пробелы и слабые места в его игре. Тем не менее он ухитряется как-то компенсировать их, не дает слабины. И выигрывает первый сет.

Я велю себе забыть об этом, продолжать борьбу. Второй сет за мной.

Теперь я стараюсь, играю умнее, быстрее. Чувствую, что финал близок. Роди мой, он уже готов. Что это вообще за имя такое - Роди? Однако я проигрываю несколько очков, и вот уже мой соперник победно вскидывает руки над головой. Он выиграл третий сет 7-5, и победа в матче - его. Я выглядываю на трибунах отца и вижу: он расстроен. Не зол - расстроен. Я тоже расстроен, но, черт возьми, я еще и очень зол, переполнен отвращением к самому себе. Жаль, что я не муравей, застывший в янтарном кольце мистера Паркса.

Складывая сумку, ругаю себя последними словами. Неожиданно подошедший мальчишка прерывает мои напыщенные тирады:

- Слушай, - говорит он. - Да не переживай ты так. Просто сегодня был не твой лучший матч.

Я поднимаю глаза. Мальчишка немного старше меня и на голову выше. Выражение его лица мне не нравится. В нем есть что-то странное. Нос и рот на нем не симметричны. И, в довершение, он одет в яркую рубашку с изображением человечка, который играет в поло. Да пошел бы он!..

- Ты что за чудо в перьях? - спрашиваю я.

- Перри Роджерс.

Я вновь отворачиваюсь к своей сумке.

Но он, кажется, не понимает намеков. Он продолжает разглагольствовать о том, что сегодня была не самая удачная моя игра, что я гораздо лучше Роди, что в следующий раз я обязательно его побью… и прочие благоглупости. Понимаю, что

он просто хочет быть вежливым, - но он несет свою чушь с видом всезнайки, эдакого Бьорна Борга-младшего. Так что я просто игнорирую его. Последнее, что мне сейчас нужно, это утешительная речь, еще более бессмысленная, чем утешительный приз, особенно если ее произносит идиот, на груди у которого играет в поло нарисованный человечек. Закинув сумку на плечо, я говорю ему:

- Ты ни хрена не понимаешь в теннисе!

Потом меня грызет раскаяние. Не стоило быть с ним таким грубым. Тем более, как я выяснил, этот парень играет в теннис и даже участвует в том же самом турнире. Я узнаю и еще кое-что: говорят, он втюрился в мою сестру Тами, и это явно было главной причиной, заставившей его утешать меня. Он просто пытался сблизиться с ней.

Но если я чувствую себя виноватым, то Перри оскорблен до глубины души. Мне советуют быть настороже: среди подростков Лас-Вегаса идет слух, что Перри жаждет мщения. Он рассказывает всем и каждому, что я оскорбил его и при следующей встрече собирается надрать мне задницу.

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ СПУСТЯ ТАМИ сообщает мне, что ее друзья, все старшие ребята, собираются в кино на фильм ужасов. Не хочу ли я составить компанию?

- А тот парень, Перри, идет?

- Может быть.

- Тогда я пойду.

Я люблю фильмы ужасов. Кроме того, у меня есть план.

Мама отвозит нас в кинотеатр заранее, у нас есть время купить попкорна и лакричных конфет и занять отличные места. Я всегда сижу в самом центре среднего ряда: это лучшие места в зале. Усаживаю Тами слева от себя, оставляя кресло справа свободным. Разумеется, вскоре появляется Перри собственной персоной. Я вскакиваю, машу рукой: «Сюда, Перри! Сюда!»

Перри поворачивается и щурится в нашу сторону. Я вижу, что застал его врасплох своим дружелюбием. Он пытается понять, что происходит, и решить, как реагировать. Наконец улыбается, явно растеряв весь свой гнев. Он идет вниз по проходу, протискивается вдоль нашего ряда и плюхается в кресло рядом со мной.

- Привет, Тами, - говорит он, перегнувшись через меня.

- Привет, Перри.

- Привет, Андре.

- Привет, Перри.

В ту минуту, когда лампы в зале гаснут и по экрану бегут первые кадры, мы обмениваемся быстрыми взглядами.

- Мир?

- Мир!

Фильм называется «Часы посещения». Он о маньяке, который преследует журналистку, проникает в ее дом, убивает служанку, а затем почему-то мажет губы помадой и набрасывается на свою жертву, едва она входит в дом. Журналистке удается вырваться, и она пытается скрыться от маньяка в больничной палате, однако он прорывается и в здание больницы, где разыскивает главную героиню, убивая всех, кто встает на его пути. Чушь ужасная, зато, правда, страшно.

Когда я испуган, я веду себя подобно кошке, брошенной в комнату, полную собак. Застываю, не в силах шевельнуть даже пальцем. А вот Перри, оказывается, парень нервный. Все время, пока напряжение на экране нарастает, он ерзает, дергается, проливает на себя газировку. Всякий раз, когда убийца выскакивает из шкафа, Перри выпрыгивает из своего кресла. Несколько раз я бросаю Тами изумленные взгляды, но не насмехаюсь над Перри. Я даже не упоминаю о происшедшем, когда в зале зажигают свет. Не хочу нарушать хрупкий мир, установившийся между нами.

МЫ ВЫВАЛИВАЕМСЯ ИЗ КИНОТЕАТРА и решаем, что кока-колы, попкорна и лакричных конфет было явно недостаточно. Мы идем на другую сторону улицы, в кафе Winchell's, где покупаем французские пончики. Перри берет с шоколадом, я - с разноцветной обсыпкой. Мы жуем, пристроившись у стойки, и болтаем. Перри любит поговорить, вещает не хуже адвоката, выступающего перед Верховным судом. Наконец, прервав пятнадцатиминутную историю, он обращается к парню за стойкой:

- Вы работаете круглосуточно?

- Да, - отвечает тот.

- Семь дней в неделю?

- Да.

- Триста шестьдесят пять дней в году?

- Угу.

- Тогда зачем вам замок на входной двери?

Мы все поворачиваемся и смотрим. Классный вопрос, ничего не скажешь! Я так хохочу, что выплевываю пончик. Разноцветная обсыпка летит изо рта, как конфетти. Это, наверное, самая смешная шутка всех времен. И уж, конечно, самая смешная из тех, что когда-либо звучали в Winchell's. Даже парень за прилавком улыбается и признает:

- Это сложный вопрос, дружище!

- В жизни всегда так, - говорит Перри. - Замки в круглосуточных кафе и прочие вещи, которые невозможно

объяснить.

- Ты прав.

Был уверен, что только я замечаю подобные вещи. И вот, оказывается, другой парень не только замечает, но и указывает на них другим. Когда мама приезжает за нами с Тами, мне жаль прощаться с Перри, моим новым другом. Даже его рубашка с игроком в поло меня уже не так раздражает.

Я СПРАШИВАЮ ОТЦА, можно ли мне переночевать у Перри.

Ни в коем случае, отвечает он.

Он ничего не знает о семье Перри. И не доверяет чужакам. Мой отец с подозрением относится ко всем, но особенно - к родителям наших друзей. Я не пытаюсь выяснить причины и не трачу времени на споры. Вместо этого приглашаю Перри переночевать у нас.

Перри до крайности приветлив с моими родителями и дружелюбен с остальной родней, особенно с Тами, хотя она вежливо отвергает его ухаживания. Я предлагаю ему устроить экскурсию по дому, и он охотно соглашается. Показываю ему нашу с Фили комнату, и он хохочет над белой полосой посредине. Привожу его на корт, и он отбивает несколько мячей, посланных драконом. Рассказываю, как ненавижу дракона, как в детстве считал его живым, дышащим существом. Кажется, он мне сочувствует. Он видел много фильмов ужасов, поэтому знает: монстры могут иметь самые разные формы и размеры.

Поскольку Перри, как и я, любитель ужастиков, я приготовил ему сюрприз - добыл кассету с «Изгоняющим дьявола». Помня, как он дрожал от страха, когда мы смотрели «Часы посещения», я сгорал от любопытства: какой будет его реакция на настоящий классический фильм ужасов? Когда все в доме ложатся спать, мы ставим кассету в магнитофон. Я дергаюсь всякий раз, когда Линда Блэр поворачивает голову, - но Перри даже ни разу не сдвинулся с места! «Часы посещений» страшно напугали его, а «Изгоняющий дьявола» - оставил равнодушным? Да, думаю я, этот парень - оригинал.

Потом мы сидим, пьем газировку и болтаем. Перри соглашается: мой отец ужаснее, чем любая голливудская страшилка, но его собственный отец - вдвое хуже. Страшный человек, тиран и настоящий нарцисс. Последнее слово в применении к человеку я слышу впервые. Перри объясняет, что нарцисс - это тот, кто думает только о себе. Кроме того, отец Перри считает ребенка своей личной собственностью. У папаши есть представление о том, как устроить жизнь сына, и мнение самого сына его совершенно не волнует.

Как же это знакомо!

Мы с Перри соглашаемся: жизнь была бы в миллион раз лучше, если бы наши отцы были такими же, как у других детей. Перри утверждает, что отец не любит его. Я же никогда не сомневался в любви своего отца, мне лишь хотелось, чтобы в ней было больше мягкости и заботы и меньше гнева. Честно говоря, иногда я даже мечтал, чтобы отец любил меня поменьше. Быть может, тогда он бы не стал так давить на меня и позволил самому выбирать, что для меня лучше? Я жалуюсь на то, что у меня нет выбора, мне не дают самостоятельно решать, кто я такой и чем заниматься, и это сводит меня с ума. Поэтому я всегда очень долго, неотвязно размышляю над любым выбором, который мне все-таки доводится делать, - будь то выбор одежды, еды или друзей.

Перри кивает. Он понимает.

Я счастлив, что в моей жизни появился Перри - друг, с которым я могу поделиться самыми сокровенными мыслями, рассказать, какими бессмысленными запретами полна моя жизнь. Я объясняю ему, каково это - играть в теннис, одновременно ненавидя его. Ненавидеть школу, и при этом любить книжки. Любить своего брата Фили, хоть он и неудачник. Перри слушает терпеливо, как Фили, но более участливо. Он отвечает мне, слушает и кивает в неизменной последовательности. Анализирует, шутит, помогая мне строить планы, как изменить мою жизнь к лучшему. Когда я рассказываю Перри о своих бедах, они кажутся дурацкими и запутанными, но он всегда умеет распутать их, подчинить логике, после чего они уже видятся вполне разрешимыми. Я чувствую себя так, будто много лет был изгнанником на необитаемом острове, от безысходности беседовавшим с пальмами, - и вот рядом со мной оказалась еще одна жертва кораблекрушения, глубокий, чуткий собеседник, чья душа созвучна моей, - пусть он и носит рубашку с дурацким игроком в поло.

Перри поведал мне тайну своего несимметричного лица. Оказывается, он родился с расщепленным небом - «волчьей пастью». Из-за этого, признался Перри, он стал болезненно застенчивым, особенно с девочками. Ему уже сделали несколько операций, будет еще одна. Я ответил, что это не очень-то заметно. В глазах Перри стояли слезы. Он тихо бормотал, что отец все время стыдит его.

О чем бы мы ни начинали говорить, мы очень скоро переходим на обсуждение наших отцов, а затем - на наше будущее. Рассуждаем о том, какими мужчинами станем, избавившись от отцовской опеки. Обещаем друг другу, что будем другими - не такими, как наши папаши, и как все остальные

мужчины, которых мы встречали, и даже те, которых мы видели в кино. Мы клянемся никогда не употреблять наркотики и алкоголь. А когда разбогатеем, сделать все возможное, чтобы спасти мир. Мы пожимаем друг другу руки в знак тайного обета.

Перри придется немало потрудиться, чтобы стать богатым. У него никогда нет и десяти центов, все наши развлечения оплачиваю я. Нельзя сказать, что у меня много денег: мне дают скромную сумму на карманные расходы, плюс кое-что я выручаю, играя в теннис на деньги с постояльцами отелей-казино. Меня эта ситуация не тревожит: все мое принадлежит и Перри тоже, ведь он - мой новый лучший друг. Отец каждый день дает мне пять долларов на еду, и половину из них я трачу на Перри.

Мы ежедневно встречаемся в Кембриджском клубе. Послонявшись без дела и немного покидав мяч через сетку, отправляемся перекусить. Удираем через заднюю дверь, перемахиваем через забор и бежим через пустую стоянку в 7Eleven[19], где играем в видеоигры и поедаем сладкие сэндвичи, пока не настанет время идти домой.

Сладкие сэндвичи с мороженым открыл Перри. Ванильное мороженое, упакованное между двумя толстыми пластами шоколадного печенья - лучшая еда в мире, по мнению Перри, который их просто обожает - даже больше, чем разговоры. Он может целый час разглагольствовать о том, какая классная штука - сладкие сэндвичи; и если что-то может заставить его в такой момент замолчать - это, собственно, сэндвич. Я покупаю их для Перри дюжинами и сочувствую ему, когда денег нет: это не дает ему наесться до отвала.

Однажды мы, как всегда, сидим в 7Eleven, и вдруг Перри перестает жевать свой сэндвич и смотрит на настенные часы.

- Черт, - говорит он. - Пора возвращаться в клуб, сегодня мама должна заехать за мной пораньше.

- Твоя мама?

- Ага. Она велела мне собраться и ждать ее у входа.

Мы изо всех сил мчимся через пустую стоянку.

- Скорее, вот она! - кричит Перри.

Я оглядываюсь и вижу, что в сторону клуба двигаются две машины: «фольксваген-жук» и «роллс-ройс» с откидным верхом. Я вижу, как «фольксваген» проезжает мимо и оборачиваюсь к Перри:

- Расслабься, у нас еще есть время. Она, должно быть, пропустила поворот.

- Нет, - выдыхает Перри. - Давай скорее!

Он будто включает пятую передачу и рвет следом за «роллс-ройсом».

- Перри, что за чушь? Ты что, шутишь? Твоя мама… ездит на «роллс-ройсе»? Вы что, богатые?

- Ну, в общем, да.

- А почему ты мне не сказал?

- Ты никогда не спрашивал.

Для меня это - несомненный признак богатства: если ты даже не считаешь нужным рассказать о нем лучшему другу и деньги для тебя - штука настолько само собой разумеющаяся, что ты даже не задумываешься, откуда они берутся.

Оказывается, Перри более чем богат. Он очень богат. Нет, он чудовищно богат. Он - настоящий богатей. Его отец, старший партнер в крупной адвокатской фирме, владеет местной телестанцией. «Он продает эфир», - говорит Перри. Подумать только: продавать воздух! Если можешь продавать воздух, значит, твоя жизнь удалась. (Быть может, поэтому отец дает Перри воздух на карманные расходы?)

Отец наконец-то разрешает мне отправиться в гости к Перри, и я обнаруживаю, что его дом - настоящий дворец. Мы едем вместе с его мамой на «роллс-ройсе», и мои глаза округляются, когда мы проезжаем через массивные центральные ворота, катимся вдоль аккуратных зеленых холмов, затем проезжаем под огромными тенистыми деревьями и, наконец, останавливаемся у здания, похожего на королевский замок. Целое крыло в этом фантастическом дворце принадлежит Перри. Там есть комната для развлечений - мечта любого подростка: в ней столы для настольного тенниса, бильярда и покера, телевизор с большим экраном, маленький холодильник и ударная установка. Через коридор - спальня Перри, стены которой украшают сотни обложек журнала Sports Illustrated.

У меня голова идет кругом. Я смотрю на портреты великих спортсменов и только и могу выдохнуть:

- Вау!!!

- Я сам их сделал, - говорит Перри.

В следующий раз, сидя в приемной у дантиста, я обрываю обложки с лежащих на столике журналов Sports Illustrated и прячу под курткой. Я отдаю их Перри, но он качает головой:

- Эта у меня уже есть. И эта. У меня они все есть, Андре. У меня под-писка на журнал.

- Ну, извини.

Я не только ни разу в жизни до этого не встречал богатых мальчиков, - я и мальчика с собственной подпиской на журнал вижу впервые.

ЕСЛИ МЫ НЕ ТУСУЕМСЯ в Кембриджском клубе или дома у Перри, то болтаем по телефону. Мы постоянно вместе. Поэтому

он приходит в отчаяние, когда я сообщаю, что мне придется уехать на целый месяц в Австралию, где я буду участвовать в серии турниров. McDonald's собрал команду лучших молодых теннисистов Америки и отправляет нас на юношеские соревнования.

- На целый месяц?

- Да. Мне жаль. Я не могу не поехать. Отец, ты же знаешь.

Я слегка лукавлю. Я - единственный двенадцатилетний мальчик, отобранный в команду, поэтому я горд и взволнован, хотя и слегка нервничаю в преддверии столь далекого путешествия: предстоит лететь четырнадцать часов. Ради Перри я преуменьшаю значение этой поездки для себя. Прошу его не расстраиваться слишком сильно: я вернусь, не успеет он и глазом моргнуть, и мы устроим фестиваль сладких сэндвичей.

Я один лечу в Лос-Анджелес и, едва добравшись, уже хочу немедленно вернуться в Лас-Вегас. Мне страшно. Не знаю, куда идти, как пробраться через весь аэропорт. Кажется, что все глазеют на мой теплый костюм с эмблемой McDonald's на спине и моим именем на груди. Внезапно я замечаю вдалеке группу ребят в точно таких же костюмах. Подхожу к взрослому, сопровождающему, и называю свое имя.

Он широко улыбается. Это тренер. Мой первый настоящий тренер.

«Агасси? - говорит он. - Маленький гений из Вегаса? Здравствуй! Рады, что ты в нашей команде!»

Во время полета тренер стоит в проходе и рассказывает, как будет проходить наша поездка. Нам предстоит играть в пяти турнирах в пяти городах. Самым важным будет третий турнир, он проходит в Сиднее. Именно там мы выставим наш лучший состав против лучших австралийских игроков.

«На стадионе, - говорит он, - соберется пять тысяч болельщиков. Матч будут транслировать по телевизору на всю Австралию».

И это что - этим он пытается на нас давить? Да он просто дилетант в этом деле!

«Но есть и хорошие новости, - продолжает тренер. - Победитель каждого турнира получит возможность выпить порцию холодного пива».

Я выиграл первый турнир в Аделаиде, и в автобусе тренер выдал мне банку холодного пива. Я вспомнил о Перри и нашем секретном пакте. Подумал, как странно для двенадцатилетнего мальчика пить алкоголь. Но пиво казалось таким освежающим, к тому же на меня смотрела вся команда. Эх, все равно, я за тысячи миль от дома - была не была! Я сделал глоток. Вкусно!

Выпив банку в четыре глотка, я весь день боролся с собственной совестью. Уставившись в окно, смотрел, как мимо пробегают безлюдные австралийские пустоши, и пытался представить, как Перри отреагирует на новость. Останется ли он моим другом?

Я выиграл еще три турнира. Еще три пива. Каждое казалось вкуснее предыдущего. Но в каждом глотке я чувствовал горький осадок вины.

МЫ С ПЕРРИ ВНОВЬ ВЕРНУЛИСЬ к привычной жизни. Ужастики. Долгие разговоры. Кембриджский клуб. 7Eleven. Сладкие сэндвичи. И все же, глядя на Перри, я всякий раз ощущал всю тяжесть своего предательства.

Мы шли из Кембриджского клуба в 7Eleven, когда я почувствовал, что не могу больше держать это в тайне. Оба в наушниках, воткнутых в плеер Перри. Мы слушаем «Purple rain» в исполнении Принца. Я хлопаю приятеля по плечу, прошу его снять наушники.

- Что?

- Я не знаю, как тебе сказать.

Он внимательно смотрит на меня.

- Сказать о чем?

- Перри, я нарушил наш договор.

- Ты врешь!

- В Австралии я пил пиво.

- Один раз?

- Четыре.

- Четыре!

Я опускаю голову.

Перри думает, разглядывая вершины далеких гор. «Знаешь, Андре, - наконец говорит он, - нам всем в жизни приходится делать выбор. Ты свой сделал».

Я догадываюсь, что он оставляет меня наедине с моей виной.

Однако через несколько минут ему становится интересно: каково пиво на вкус? Я вновь не хочу врать другу и признаюсь, что мне оно очень понравилось. И вновь прошу прощения. Но мне нет нужды изображать раскаяние. Перри прав: наконец-то мне предоставили выбор - и я его сделал. Конечно, лучше бы мне не пришлось нарушать наш с Перри пакт, и все-таки я не собираюсь сожалеть из-за того, что наконец-то проявил свободу воли.

Перри хмурится, как отец. Не как мой или его отец, а как папа, каким его показывают по телевизору. Ему бы очень пошли шерстяная кофта и трубка. Я думаю о том, что нашим пактом мы с Перри на самом деле пообещали стать друг другу отцами. Растить друг друга. Я вновь прошу прощения и вдруг понимаю,

как сильно скучал по нему. И тогда я вновь заключаю договор, на сей раз с самим собой, о том, что больше никогда не уеду из дома.

НА КУХНЕ КО МНЕ ПОДХОДИТ ОТЕЦ и говорит, что нам нужно кое-что обсудить. Я гадаю, слышал ли он про пиво.

Он приглашает меня за стол и садится напротив. Нас разделяет незаконченный пазл от Нормана Роквэлла. Отец сообщает: недавно смотрел телепрограмму, в которой шла речь о теннисной школе на западном побережье Флориды, недалеко от Тампа-Бэй. Это первая подобная школа, говорит он. Учебный лагерь для молодых теннисистов. Руководит ею бывший парашютист Ник Боллетьери.

- Ну и что?..

- Ты едешь туда.

- Что?

- Ты не сможешь продвигаться дальше здесь, в Лас-Вегасе. Ты побеждаешь всех местных ребят и вообще всех ребят здесь, на Западе. Андре, ты победил даже студентов местного колледжа! Мне больше нечему учить тебя.

Отец не говорит об этом, но и так понятно: он хочет воспитывать меня не так, как брата и сестер. Он не желает повторять прежних ошибок. Он сломал их спортивную карьеру, потому, что держал при себе слишком долго, слишком близко, попутно испортив и личные отношения с ними. С Ритой дела совсем плохи: недавно она сбежала с Панчо Гонсалесом, теннисной легендой старше ее по крайней мере на тридцать лет. Отец не хочет сдерживать меня, ломать или разрушать мое будущее. Поэтому он отправляет меня в ссылку. Отсылает, не в последнюю очередь, чтобы спасти от себя самого.

«Андре, - говорит он, - ты должен заниматься теннисом, даже когда ешь, пьешь и спишь. Только так ты сможешь стать лучшим из лучших».

Я и так занимаюсь теннисом, даже когда ем, пью или сплю.

Но отец хочет, чтобы я делал это вне дома.

- Сколько стоит эта теннисная академия?

- Около двенадцати тысяч долларов в год.

- Для нас это слишком дорого.

- Ты поедешь туда только на три месяца, это всего три тысячи.

- Это тоже слишком дорого.

- Это вложение в будущее. В тебя. Мы что-нибудь придумаем.

- Но я не хочу ехать!

По лицу отца я вижу, что он уже принял решение. Разговор окончен.

Я пытаюсь быть оптимистом. В конце концов, это всего три месяца, за это время можно вынести что угодно. А может, это будет не так плохо? Например, как в Австралии. Тогда мне даже понравится. А может быть, в этой школе будет еще что-то хорошее, о чем я пока не знаю. Вдруг это будет похоже на командную игру?

- А как быть со школой? - спрашиваю я. Я учусь в седьмом классе.

- Там есть школа, в городке неподалеку, - отвечает отец. - Будешь ходить туда по утрам на полдня. А днем и вечером заниматься теннисом.

Похоже, это будет утомительно. Позже мама призналась мне: в передаче «60 минут» довольно подробно рассказывали об этом Боллетьери, который на своем спортивном конвейере заставляет детей трудиться до седьмого пота.

В КЕМБРИДЖСКОМ КЛУБЕ устраивают прощальную вечеринку в мою честь. Мистер Фонг угрюм, Перри, кажется, готов наложить на себя руки, и даже отец выглядит не слишком уверенным. Мы едим торт, играем в теннис воздушными шариками, затем прокалываем их булавками. Каждый считает своим долгом хлопнуть меня по спине и сообщить, как здорово мне предстоит провести время.

«Знаю, -говорю я. - Жду не дождусь, когда познакомлюсь с ребятами из Флориды».

Ложь звучит неубедительно, будто удар мяча о деревянный обод ракетки.

Чем ближе день отъезда, тем хуже я сплю. Мечусь во сне, просыпаясь в поту на перекрученных простынях. Я не могу есть. Теперь понимаю, что это за штука - тоска по дому. Я не хочу покидать дом, брата и сестер, маму, лучшего друга. Несмотря на напряжение, царящее в нашем доме, иногда просто невыносимое, сейчас я готов отдать все, чтобы остаться. Отец, хоть и причинявший мне боль всю жизнь, все же всегда присутствовал в ней. Он всегда стоял у меня за спиной - и вот теперь его не будет. Я чувствую себя отверженным. Столько лет я мечтал освободиться от отцовской опеки, и вот теперь, когда он отсылает меня, я не нахожу себе места.

В последние дни дома я надеюсь, что мама придет ко мне на помощь. Я смотрю на нее с мольбой. Она отвечает мне взглядом, в котором читается: «Я видела, как он разбил жизнь трем моим детям. Ты счастливчик: уезжаешь отсюда, и жизнь твою не придется склеивать по кусочкам».

Отец отвозит меня в аэропорт. Мама тоже хотела поехать, но ее не отпустили с работы. Так что вместо нее с нами едет Перри.

Всю дорогу он болтает без умолку. Я не знаю, кого он пытается подбодрить - меня или себя. «Только три месяца, - говорит он. - Будем обмениваться письмами, открытками. Увидишь, все будет прекрасно. Тебя многому научат. Может быть, я даже приеду к тебе в гости».

Я вспоминаю «Часы посещений» - дурацкий фильм ужасов, который мы смотрели тем вечером, когда родилась наша дружба. Сейчас он ведет себя как тогда, как и всякий раз, когда боится, - ерзает, почти выпрыгивая из кресла. Я веду себя как обычно. Как кошка, брошенная комнату, полную собак.

5

АВТОБУС ИЗ АЭРОПОРТА доставляет меня на место после того, как стемнело. Теннисная академия Ника Боллетьери, выстроенная на месте старой фермы, где долгие годы выращивали помидоры, не впечатляет своим видом: это всего лишь несколько бараков, похожих на тюремные корпуса. И названия у них тюремные - «корпус В», «корпус С». Я оглядываюсь вокруг, почти готовый увидеть сторожевые вышки и колючую проволоку. Однако вместо этого вижу картину еще более зловещую: вдаль тянутся ряды теннисных кортов.

Солнце тонет в чернильной темноте окрестных болот, становится холоднее. Я в футболке поеживаюсь. Я-то думал, что во Флориде жарко. Местный служитель встречает меня прямо возле автобуса и провожает в барак. Он выглядит пустым и зловеще тихим.

Где же люди?

Все в учебном зале, объясняют мне. Через несколько минут начнется свободный час - время между занятиями в учебном зале и отбоем. Почему бы, предлагает служитель, тебе не пойти в рекреационный центр и не познакомиться с ребятами?

В рекреационном центре я вижу толпу из двух сотен буйных мальчишек и нескольких отчаянных девчонок. Все держатся небольшими спаянными группами. Самая большая компания кучкуется вокруг стола для пинг-понга, глядя на игру двух мальчишек и подзадоривая их оскорблениями. Прислонившись к стене, я внимательно оглядываю комнату. Некоторые лица мне знакомы, включая нескольких участников австралийского вояжа. Вон с тем мальчиком я играл в Калифорнии. А вон тот парнишка со злым лицом - мы сыграли с ним жестокий матч из трех сетов, это было в Аризоне. Все они, похоже, талантливы и бесконечно самоуверенны. Здесь, кажется, есть ребята со всего мира, с разным цветом кожи, разного роста и возраста. Младшему из

учеников семь лет, старшему - девятнадцать. Всю жизнь я был номером один в Вегасе - и вот теперь я словно мелкая рыбешка в огромном пруду. Или болоте. А самые огромные рыбины - лучшие игроки в стране, малолетние супермены. Их компания, обосновавшаяся в дальнем углу, держится теснее всех.

Пытаюсь наблюдать за игрой в пинг-понг. Даже здесь я не смог бы выступить достойно. Дома никто не мог обыграть меня, а тут половина ребят явно разгромит меня в пух и прах.

Я не представляю, как смогу отвоевать свое место в здешней иерархии, как найду здесь друзей. Мечтаю вернуться домой прямо сейчас или хотя бы поговорить по телефону с родными. Но мне пришлось бы звонить за их счет, а отец, я уверен, не согласится нести подобные расходы. Мысль о том, что я не могу услышать голос мамы или Фили, даже если буду смертельно нуждаться в них, вгоняет меня в панику. Когда перерыв заканчивается, я спешу в свой барак и укладываюсь на узкую койку, мечтая поскорее раствориться в черном болоте сна.

«Три месяца, - говорю я себе. - Всего три месяца».

АКАДЕМИЮ БОЛЛЕТЬЕРИ часто называют тренировочным лагерем, на самом же деле она похожа на комфортабельную зону для заключенных. Да и не такую уж комфортабельную, если разобраться. Кормят нас какой-то бурдой: отвратительное мясо; студенистая масса, изображающая рагу; рис, политый неаппетитным серым соусом. Спим мы на шатких койках, рядами стоящих вдоль фанерных стен в армейских бараках. Встаем на рассвете и ложимся спать вскоре после ужина, редко покидаем территорию академии и почти не общаемся с окружающим миром. Как и положено заключенным, мы либо спим, либо работаем, точнее тренируемся. Мы отрабатываем подачу, игру у сетки, удары справа и слева, время от времени играя друг с другом, чтобы установить в нашей компании иерархию, определив сильнейших и слабейших. Мы похожи на гладиаторов, которых натаскивают в недрах Колизея, - по крайней мере тридцать пять орущих на нас инструкторов явно чувствуют себя надсмотрщиками над рабами.

Между тренировками мы изучаем психологию тенниса. Мы учимся психологической устойчивости, позитивному мышлению, визуализации. Мы закрываем глаза и рисуем себя на пьедестале Уимблдона, воздевающими над головой золотой кубок. Затем мы отправляемся на аэробику, силовые тренировки или на стадион, где бегаем до упаду.

Постоянное напряжение, жесткая конкуренция, номинальный надзор со стороны взрослых - мы медленно превращаемся в животных. Живем по законам джунглей - эдакий «Повелитель

мух», только с мальчиками в спортивной форме и с ракетками. Как-то двое мальчишек - белый и азиат - поссорились вечером у себя в бараке. Белый, оскорбительно отозвавшись о цвете кожи оппонента, вышел. Азиат же целый час разминался, стоя в центре барака: растягивал мышцы, встряхивал мускулы рук и ног, вращал шеей. Проделав полный комплекс движений дзюдо, он тщательно, методично перебинтовал лодыжки. Когда белый мальчик вернулся, азиат подпрыгнул, выбросил ногу вперед и нанес сокрушительный удар, вдребезги разбивший челюсть обидчика.

Особенно шокировало нас то, что ни один из участников этой истории не был исключен из академии. Этот случай только усилил ощущение царящей вокруг анархии.

Двух других мальчишек связывала длительная, непримиримая вражда. До поры до времени дело ограничивалось насмешками и кол-костями, пока один из них не решил поднять ставки. Несколько дней он мочился и испражнялся в ведро и вот как-то вечером, вбежав в барак своего обидчика, надел этот сосуд нечистот ему на голову.

Я чувствую себя в джунглях, где повсюду разлита угроза и под каждым кустом ждет засада. Это чувство обостряется, когда однажды, незадолго до отбоя, издали доносится звук тамтама.

- Что это за чушь? - спрашиваю я одного из ребят.

- Это Курье. Родители прислали ему барабан, он любит поколотить в него.

- Кто?

- Джим Курье. Из Флориды.

Через несколько дней я впервые вижу главного смотрителя, создателя и владельца теннисной академии Ника Боллетьери. Ему пятьдесят с небольшим, но выглядит он на все двести пятьдесят из-за болезненного пристрастия к загару. Две других его страсти - теннис и женитьбы (он был женат пять или шесть раз, точное число не помнит никто). Он так много времени провел жарясь на солнце и впитывая в себя свет ультрафиолетовых ламп в бесчисленных соляриях, что навсегда изменит: пигментацию кожи. Единственная часть его лица, которая не приобрела интенсивный цвет вяленой говядины, - это усы: черные, тщательно подстриженные под испанского гранда. Ему явно не хватает бородки- эспаньолки, без нее усы смотрятся как пара нахмуренных бровей над губами. Я вижу, как он движется по территории - сердитый человек с красным лицом, в солнцезащитных очках, распекающий мальчика, который трусит рядом, стараясь подстроиться под его шаг, - и надеюсь, что мне никогда не придется общаться с ним лично. Я вижу, как он

вскакивает в красный «феррари» и, взревев мотором, уносится прочь, оставляя за собой плотный шлейф пыли.

Ребята сообщают, что мыть и полировать четыре спортивных машины Ника входит в наши обязанности.

Наши обязанности? Что за чушь!

«Скажи об этом судье», - отвечают мне.

Я пытаюсь расспросить старших мальчиков, много времени проведших в академии, о Нике. Кто он? Что им движет? «Он ловкий парень, - говорят мне. - Неплохо наживается на теннисе, хотя сам его не любит и даже толком не разбирается». Ник ничуть не похож на моего отца, которого завораживают углы и цифры, вся красота игры. И все же он напоминает моего отца: их обоих завораживают деньги. Ник не стал пилотом морской авиации, провалив экзамен, его выгнали с юридического факультета, и в один прекрасный день он решил заняться преподаванием тенниса. Немного работы и много удачи - и вот его уже считают гигантом этого вида спорта, воспитателем спортивных гениев. Конечно, кое-чему у него можно научиться, говорят, с его помощью я мог бы перестать ненавидеть теннис.

ИГРАЮ ТРЕНИРОВОЧНЫЙ МАТЧ, энергично гоняя по корту парнишку с Восточного побережья, и вдруг замечаю, что сзади стоит Габриэль, правая рука Ника, внимательно глядя на меня.

После нескольких очков Габриэль останавливает игру, спрашивает:

- Ник уже видел твою игру?

- Еще нет, сэр.

Он, нахмурившись, уходит.

Чуть позже по громкой связи, слышной на всех кортах академии Боллетьери, объявляют:

- Андре Агасси, на главный внутренний корт! Агасси, на главный внутренний корт, немедленно!

Я ни разу не был на главном внутреннем корте и понятия не имею, зачем меня вызывают. Прибежав туда, вижу стоящих рядом Габриэля и Ника.

- Тебе надо посмотреть, как он бьет, - говорит Габриэль.

Ник отходит в тень, Габриэль встает на противоположную сторону корта. Полчаса мы с ним перебрасываемся мячом. Украдкой я поглядываю через плечо, едва различая силуэт Ника, сосредоточенно поглаживающего усы.

- Ударь несколько раз слева, - говорит он. Голос его похож на скрип застежки-липучки.

Я делаю то, что мне велели, - бью слева.

- А теперь - несколько подач.

Я подаю.

- Ближе к сетке.

Подхожу.

- Достаточно.

Он выходит вперед.

- Ты откуда?

- Из Лас-Вегаса.

- Какое у тебя место в национальной классификации?

- Третье.

- Как я могу связаться с твоим отцом?

- Он на работе. Он работает в казино MGM.

- А твоя мать?

- Сейчас? Наверное, она дома.

- Идем со мной.

Мы идем в офис, где Ник просит продиктовать мой домашний телефон. Он сидит в высоком черном кожаном кресле, почти отвернувшись. Мне кажется, что лицо у меня покраснело сильнее, чем у него. Дозвонившись, Ник беседует с мамой, просит рабочий телефон отца, затем набирает номер.

- Мистер Агасси? - кричит он в трубку. - Ник Боллетьери! Да, да. Да. все хорошо. Послушайте, я должен сообщить вам нечто очень важное. Ваш мальчик талантливее всех, кого я видел здесь, в академии. Совершенно точно. Всех без исключения. И я собираюсь сделать его лучшим из лучших.

О чем это он? Я здесь только на три месяца. Через шестьдесят четыре дня я уеду домой. Неужели Ник хочет, чтобы я остался? Надолго ли? Навсегда? Разумеется, отец на это не согласится.

- Да, конечно, - говорит Ник. - Нет, это не проблема. Я займусь им, даже если вы не заплатите больше ни гроша. Андре может оставаться здесь бесплатно. Я рву ваш чек.

У меня сердце уходит в пятки. Я знаю, отец не сможет устоять перед словом «бесплатно». Моя судьба предрешена.

Ник вешает трубку и вместе с креслом поворачивается ко мне. Он ничего не объясняет. Не сочувствует. Не спрашивает, хочу ли я остаться. Он говорит лишь: «Возвращайся на корт».

Тюремщик добавил несколько лет к моему приговору. Единственное, что я могу сделать, - вновь взять кайло и вернуться к каторжным работам.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ В АКАДЕМИИ БОЛЛЕТЬЕРИ начинается с вони. На соседних холмах разместилось несколько фабрик по переработке апельсинов, источающих по окрестностям тошнотворный запах горелой апельсиновой корки. Этот запах - первое, что я чувствую, открыв глаза. Он напоминает о том, что я все еще не в Вегасе, сплю не в своей постели на половине нашей комнаты-корта. Я и раньше не особенно любил апельсиновый сок,

но после академии Боллетьери я не могу без дрожи смотреть на коробки с изображением апельсина.

Пока солнце разгоняет утренний туман над болотами, я стараюсь опередить всех на пути в душ: ведь горячая вода достанется лишь нескольким счастливчикам. Говоря по правде, это нельзя назвать душем: узкая насадка с трудом испускает тонкий пучок болезненно-острых водяных струек, так что намочить тело под ним удается с большим трудом, не говоря уж о том, чтобы как следует помыться. Затем мы несемся на завтрак: раздача пищи в столовой организована так бестолково, что это напоминает сумасшедший дом, где медсестры забыли принести пациентам таблетки. Поесть тоже нужно успеть как можно раньше, иначе масло окажется засыпанным хлебными крошками, хлеб закончится, а яйца, и так вкусом напоминающие резину, будут холодными.

После завтрака за нами приходит школьный автобус и везет на занятия в Брадентонскую академию. Дорога занимает двадцать шесть минут - и я, как могу, радуюсь этому отрезку времени между двумя академиями, двумя тюрьмами, из которых Брадентонская пугает меня больше, потому что в ее посещении еще меньше смысла. В академии Боллетьери я хотя бы узнаю кое-что новое об игре в теннис. В Брадентонской академии раз за разом удостоверяюсь в том, что я глуп.

В Брадентонской академии - покоробленный пол, грязные ковры, и все вокруг выкрашено в четырнадцать оттенков серого. В здании совсем нет окон, свет дают лишь флуоресцентные лампы, а воздух - спертый, наполненный мерзкими запахами, главным образом - рвоты, туалета и страха. Эта вонь еще отвратительнее, чем дух горелых апельсиновых корок вокруг академии Боллетьери.

Впрочем, остальные дети, живущие в городе и не играющие в теннис, ничего не имеют против. Кое-кто из них даже преуспевает в учебе, потому что график их жизни легко предсказуем. Им не приходится совмещать учебу с попытками вести жизнь полупрофессионального спортсмена. Им не приходится бороться с приступами тоски по дому, накатывающими волнами, подобно морской болезни. Они проводят в школе семь часов в день, а затем отправляются домой - ужинать и смотреть телевизор со своими родными. А мы, ученики академии Боллетьери, отбываем в классе четыре часа, после чего возвращаемся обратно, к основной работе. Мы гоняем ракеткой мячи, пока не начнет темнеть, после чего совершенно без сил падаем на расшатанные койки, чтобы успеть полчасика вздремнуть перед возвращением в дикие джунгли - то есть в рекреационный центр. Затем мы

проводим над книжками пару бесплодных часов, пока не получаем час свободного времени, за которым следует отбой. Мы постоянно отстаем от других учеников, и чем дальше, тем отрыв безнадежнее. Существующая система идеально заточена для того, чтобы плодить неуспевающих школьников с тем же успехом, с которым она производит прекрасных теннисистов.

Я совсем не трачу сил на учебу: не занимаюсь, не делаю домашних заданий, вообще не думаю о школе. Мне на нее плевать. На уроках тихо сижу за партой, уставившись на свои туфли, и мечтаю оказаться где- нибудь в другом месте, пока учителя разглагольствуют о Шекспире, битве при Банкер-Хилле[20] или теореме Пифагора.

Педагоги не обращают внимания на то, что я их игнорирую: ведь я - один из мальчиков Ника, а ссориться с ним они не хотят. Брадентонская академия до сих пор существует лишь потому, что каждый семестр академия Боллетьери присылает сюда целый автобус учеников. Все учителя понимают, что, не будь Ника, они давно остались бы без работы, так что никто далее не пытается ставить нам плохие отметки, а мы вовсю бравируем своим особым статусом. Чувствуем себя избранными, обладающими особыми правами, не понимая: главное наше право - на образование, и вот им-то нам не суждено воспользоваться.

Сразу за металлической парадной дверью Брадентонской академии располагается офис - нервный центр школы и источник большинства неприятностей. Здесь выдают табели успеваемости и вручают грозные письма. Сюда отправляют плохих мальчишек. Здесь окопались миссис Г и доктор Г, семейная парочка, управляющая академией, - мне кажется, в прошлой жизни они были второразрядными актерами-неудачниками. Миссис Г - долговязая женщина без талии. Такое ощущение, что ее плечи сразу переходят в бедра. Она почему-то пытается маскировать странности своей фигуры юбками, которые лишь подчеркивают всю ее нелепость. На лице у нее вечно выделяется пара толстых мазков румян и аляповатый шлепок помады - три этих пятна одинакового цвета создают на лице акцент, подобный тому, что возникает благодаря туфлям и ремню из одного комплекта. Эти пятна почти отвлекают внимание от горба на ее спине. Однако никакая одежда не способна заставить вас отвести взгляд от ее огромных рук. Она носит митенки размером с чехол для автомобиля, а когда я впервые удостоился ее рукопожатия, то чуть не упал в обморок.

Доктор Г в два раза меньше своей жены и тоже не лишен странностей. Нетрудно догадаться, почему эти двое почувствовали друг в друге родственные души. Он зловонный,

болезненно хилый, к тому же с сухой от рождения правой рукой. Казалось бы, доктор Г должен скрывать этот физический недостаток, к примеру: прятать руку за спину или в карман. Но нет, напротив, он постоянно размахивает ею, направляя на собеседника, словно оружие. Доктор Г любит отозвать в сторонку кого- нибудь из учеников для беседы один на один, после чего положить свою ссохшуюся руку бедолаге на плечо, оставив там на все время своего монолога. Если у вас от подобного не побегут мурашки по коже, наверное, уже ничто не сможет вывести вас из себя. Обычно, если рука доктора Г полежала на вашем плече, как кусок свиного филея, много часов спустя вы все еще будете непроизвольно вздрагивать не в силах отделаться от неприятного ощущения.

Миссис Г и доктор Г ввели в Брадентонской академии десятки правил, но одно из самых строгих - запрет на украшения. Поэтому я пошел и проколол себе уши. Это - бунт, мое последнее прибежище. Я бунтую по разным поводам ежедневно, а в этом акте неповиновения есть и еще один смысл: с ним я посылаю пламенный привет отцу, всегда ненавидевшему серьги в ушах мужчин. Много раз он говорил при мне, что прокалывать уши могут только гомосексуалисты. И теперь я жду не дождусь возможности продемонстрировать ему свои серьги (я купил сразу две пары - гвоздики и большие кольца). Он еще пожалеет, что отослал сына за тысячи миль от дома туда, где отпрыска непременно испортят.

Я делаю слабую и неискреннюю попытку скрыть мои новые украшения с помощью пластыря. Миссис Г, однако, сразу же замечает их, как я и рассчитывал. Вытащив меня в коридор, она приступает к допросу:

- Мистер Агасси, что это за повязка?

- Я поранил ухо.

- Поранили? Не говорите глупости. Снимите пластырь.

Я снимаю повязку. Она видит мои серьги-гвоздики и начинает тяжело дышать.

- Мы не разрешаем носить серьги в Брадентонской академии, мистер Агасси. В следующий раз, когда мы с вами встретимся, я хочу видеть вас без пластыря и серег.

К концу первого семестра я оказался в числе неуспевающих практически по всем предметам, кроме английского языка. У меня обнаружилась неожиданная склонность к литературе, особенно к поэзии. Учить наизусть известные стихотворения и даже самому писать стихи получается у меня запросто. Когда нам задают написать небольшое стихотворение о своей повседневной жизни, я с гордостью кладу выполненное задание на учительский

стол. Учительнице нравится мое произведение, она зачитывает его вслух перед всем классом. Позже некоторые одноклассники просят меня сделать за них домашнее задание. Нет проблем! Быстро выполняю все заказы в автобусе. Учительница английского просит меня задержаться после уроков и говорит, что у меня настоящий талант. Я улыбаюсь. У нее эти слова звучат совсем не так, как у Ника. После таких слов я бы не прочь заняться литературой. На секунду пытаюсь представить, каково это - заниматься чем-то, кроме тенниса, чем-то, что я выберу сам. Но начинается следующий урок - алгебра, и мечта тает, не в силах выдержать груза математических формул. Я не создан для интеллектуальных занятий. Голос математика доносится до меня издалека, как будто он - за много километров от меня. Очередной урок - французский. Он еще хуже. Я очень глуп, tres stupide. Потом иду на испанский, где я уже muy estupido. Испанский, кажется, скоро доведет меня до гроба. Из-за смертельной скуки и путаницы в голове я когда-нибудь испущу дух прямо за партой. И после урока меня обнаружат здесь окончательно и бесповоротно muerto.

Постепенно учеба становится для меня не просто сложной, но и физически вредной. Беспокойство, начинающееся уже при погрузке в автобус, двадцатишестиминутная тряска, постоянная конфронтация с миссис Г и доктором Г - из-за всего этого я заболеваю. Особый страх испытываю из-за того, что предстаю перед всеми в роли неудачника в учебе. Так Брадентон заставляет меня изменить свой взгляд на академию Боллетьери. Я мечтаю о тренировках и даже о напряженных турнирах - по крайней мере это не школа.

Из-за участия в крупном турнире я вынужден пропустить тест по истории в Брадентоне - тест, который с гарантией должен был завалить. Чтобы достойно отметить это чудесное избавление, громлю соперников в пух и прах. Однако в школе учитель заявляет: я все же должен пройти тестирование.

Это несправедливо. Я тащусь на тестирование, но по дороге прячу в карман заранее приготовленную шпаргалку.

В офисе только одна ученица: рыжая девчонка с толстой потной физиономией. Она, кажется, не заметила моего появления - даже не моргает и выглядит впавшей в кому. Я заполняю тест, быстро списывая со шпаргалки, и вдруг ощущаю на себе чей-то взгляд. Поднимаю глаза: рыжая девица вышла из комы и внимательно смотрит на меня, затем закрывает книгу и выходит. Я быстро заталкиваю шпаргалку в трусы, затем вырываю еще один лист из тетради и пишу на нем, имитируя девичий почерк: «Я думала, ты сообразительнее! Позвони мне!» Я едва успеваю

спрятать этот лист в карман, как в комнату врывается миссис Г.

- Положи ручку, - говорит она.

- Что случилось, миссис Г?

- Ты списываешь?

- Что? Это? Если бы я что-нибудь списывал, то не историю. Я все знаю назубок. Вэлли-Фордж. Пол Ривер. Кусок пирога.

- Выверни карманы.

Я выкладываю на стол несколько монет, пачку жевательной резинки и записку от моей воображаемой поклонницы. Миссис Г хватает записку и читает ее на одном дыхании.

- Миссис Г, я все думаю, что мне написать в ответ. Может, подскажете?

Она бросает на меня сердитый взгляд и выходит. Я успешно сдаю тест и записываю это на свой счет как моральную победу.

ЕДИНСТВЕННАЯ, КТО МЕНЯ ЗАЩИЩАЕТ, - учительница английского. Она, кроме того, дочка доктора и миссис Г, так что ей регулярно приходится доказывать своим родителям, что я гораздо умнее, чем можно судить по моим оценкам и поведению. Она даже заставляет меня пройти тест на уровень IQ, результаты которого доказывают ее правоту.

«Андре, - говорит она, - ты должен взяться за ум. Докажи миссис Г, что ты не тот, кем она тебя считает».

Я объясняю, что не валяю дурака, что я учусь настолько старательно, насколько могу с учетом обстоятельств. Но постоянно устаю из-за тенниса, у меня голова идет крутом из-за напряженных турниров и так называемых «вызовов»: раз в месяц мы должны сыграть с кем-то, кто стоит выше в табели о рангах. Пусть учителя объяснят мне, как мне сосредоточиться на спряжении глаголов или поиске значения иксов, если мне нужно собраться для предстоящей после обеда жестокой битвы из пяти сетов с каким-нибудь идиотом из Орландо.

Я не рассказываю ей всего, просто не могу. Я чувствовал бы себя сопливой девчонкой, если бы рассказал ей о том, как страшусь школы, как раз за разом, сидя на уроках, обливаюсь потом от страха. Я не могу рассказать, что мне сложно сконцентрироваться, об ужасе, который я испытываю перед вызовом к доске, и о том, как иногда из-за этого ужаса в нижней части кишечника вдруг начинает скапливаться воздух, как его становится все больше и больше, пока не приходится опрометью бежать в туалет. Из-за этого мне часто приходится проводить перемены в туалетной комнате.

А ведь есть еще и проблема социальной напряженности в академии, и необходимость соответствовать местным стандартам. Увы, все мои попытки в этом направлении заранее обречены на

провал. В Брадентонской академии соответствие принятым условностям стоит денег. Большинство ребят - записные модники, тогда как у меня - трое джинсов, пять футболок, две пары теннисных туфель и хлопчатобумажный свитер в серо-черную клетку. Поэтому вместо того, чтобы размышлять в классе над письмом Скарлетт, я прикидываю, сколько дней в неделю смогу ходить в школу в свитере и что делать, когда на улице потеплеет.

Чем хуже идут дела в школе, тем отчаяннее я бунтую. Я пью, курю траву и вообще веду себя как последняя шпана. Смутно догадываюсь о том, что плохие оценки провоцируют меня на такое поведение, но не хочу всерьез задумываться об этом. Предпочитаю теорию Ника: он утверждает, что я плохо учусь из-за того, что имел я весь этот мир вместе со школой. Возможно, это единственная его мысль обо мне, хоть вполовину соответствующая действительности. (Вообще-то он считает меня озабоченным выпендрежником, думающим лишь о том, как привлечь к себе внимание. Даже отец понимает меня лучше.) Моя манера вести себя напоминает эрекцию: она столь же неистова, неконтролируема и неудержима - и я принимаю ее столь же покорно, как и изменения, которые происходят с моим телом.

В конце концов моя школьная успеваемость падает до абсолютного нуля, а бунтарство, напротив, достигает апогея. Я иду в парикмахерскую в торговом центре Брадентона и прошу изобразить у меня на голове ирокез. Мне хочется, чтобы выбрили обе половины черепа, оставив в центре толстую полосу волос, торчащих пиками вверх.

- Парень, ты уверен?

- Да, и пусть он торчит повыше, такими пиками… А потом покрасьте в розовый цвет.

Парикмахер восемь минут возит машинкой по моей голове, затем произносит: «Готово!» - и разворачивает меня лицом к зеркалу. Смотрю на свое отражение. Серьги в ушах были хороши, но эта идея гораздо лучше. Не могу дождаться встречи с миссис Г, чтобы увидеть, какую она скорчит физиономию.

Пока после парикмахерской я жду обратного автобуса в академию Боллетьери, меня никто не узнает. Ребята, с которыми я играю и сплю на соседних койках, смотрят мимо меня, не замечая. На взгляд стороннего наблюдателя, мой поступок - лишь отчаянная попытка выделиться. На самом же деле это - попытка компенсации мне настоящему. По крайней мере к этому я стремился.

Я ЛЕЧУ ДОМОЙ НА РОЖДЕСТВО. Когда самолет пролетает над Стрипом и ряд казино, уже показавшихся под нашим правым крылом, мерцает, как строй новогодних елок, стюардесса

сообщает, что нам задерживают посадку.

По салону проносится ропот.

- Мы знаем, что вам не терпится отправиться в казино, - говорит она. - Поэтому подумали, что вы не откажетесь провести время за игрой, пока нам не дадут посадку.

Пассажиры выражают всеобщее одобрение.

- Пусть каждый положит по доллару в этот бумажный пакет. Теперь напишите номера своих кресел на бумажках, я соберу их в другой пакет. Мы вытащим один из номеров наугад, и победитель сорвет джекпот!

Она получает с каждого из нас по доллару, другая стюардесса тем временем собирает бумажки с номерами кресел. Девушка, встав у первых рядов кресел, засовывает руку в пакет:

- И первый приз получает… барабанная дробь… номер 9F!

9F - это мой номер. Я выиграл. Выиграл! Я стою, покачиваясь. Пассажиры, оборачиваясь, смотрят на меня. По салону проносится шепот. Вот это номер: победитель - пацан с панковским ирокезом!

Стюардесса неохотно отдает мне пакет с 96 купюрами. Остаток полета я провожу считая и пересчитывая их, вознося благодарности своей госпоже удаче.

Как я и думал, отец в ужасе от моего пирсинга и ирокеза. Он, однако, не обвиняет ни академию Боллетьери, ни самого себя. Он не желает признать, что отсылать меня из дома было ошибкой, и не собирается даже разговаривать о моем возвращении. Он лишь спрашивает, педик ли я.

- Нет, - отвечаю я и ухожу в свою комнату.

Фили идет за мной. Ему нравится мой новый имидж. Даже ирокез лучше, чем лысина. Я рассказываю ему о своем неожиданном выигрыше.

- Вау! - восклицает Фили. - И что ты будешь делать с этой кучей денег?

Вообще-то я думал купить на них браслет на щиколотку для Джейми.

Она ходит в одну школу с Перри и разрешила мне себя поцеловать, когда я был дома в последний раз. Но, с другой стороны, мне очень нужна новая одежда для школы. Я больше не могу обходиться одним-единственным серо-черным свитером. Я не хочу быть хуже одноклассников.

Фили кивает: мол, трудный выбор, брат.

Он не спрашивает, зачем мне серьги в ушах и ирокез на голове, если я хочу быть таким же, как мои одноклассники. Он считает мой выбор трудным, противоречия - понятными и старается помочь мне определиться с выбором. Мы решаем, что

деньги надо потратить на подарок подружке, наплевав на одежду.

Однако, когда вожделенный ножной браслет оказывается у меня в руках, я раскаиваюсь в своем выборе. Я представляю, как, вернувшись во Флориду, вновь буду пытаться придумывать комбинации из нескольких предметов своего гардероба. Признаюсь в этом Фили, он слегка кивает.

Проснувшись на следующее утро, я обнаруживаю Фили, склонившегося надо мной с загадочной ухмылкой. Он смотрит мне на грудь. Скосив глаза, я вижу там стопку денег.

- Что это?

- Вечером ходил играть в карты, брат. Сорвал нехилый куш. Шестьсот баксов.

- Ну, и?..

- Это твои три сотни. Пойди купи себе пару свитеров.

ОТЕЦ ХОЧЕТ, чтобы во время весенних каникул я участвовал в турнирах для полупрофессиональных игроков - так называемых сателлитов. Квалифицируют для участия в турнире всех подряд: кто угодно может выйти на поле и провести хотя бы один матч. Проходят подобные соревнования в местах, которые и городами назвать трудно: к примеру, в Монро, штат Луизиана, или в Сент-Джо, Миссури. Я не могу путешествовать без сопровождения, ведь мне всего четырнадцать, так что отец отправляет со мной Фили в качестве наставника. Заодно и он примет участие в играх: Фили с отцом все не оставляют надежды, что мой старший брат способен продвинуться дальше в спортивной карьере.

Фили берет в аренду бежевый фургон, который тут же превращается в передвижную версию нашей спальни. Одна сторона принадлежит Фили, другая - мне. Мы преодолеваем тысячи миль, останавливаясь, лишь чтобы перекусить в придорожных забегаловках, поспать и принять участие в том или ином турнире. В городах, где проходят соревнования, ночлег для нас бесплатный: мы останавливаемся в семьях, которые согласились безвозмездно приютить у себя спортсменов. Большинство хозяев - люди чрезвычайно радушные, только очень уж увлеченные теннисом. Непривычно останавливаться у незнакомых людей, а беседовать о теннисе за утренним кофе с блинчиками - и вовсе тяжкая обязанность. По крайней мере для меня. Фили, напротив, всегда готов поболтать, и мне всякий раз приходится уводить его чуть ли не силой, когда приходит время уезжать.

Мы с Фили чувствуем себя преступниками, живущими дорогой и свободными делать все, что заблагорассудится. Мы бросаем коробки от фастфуда на заднее сиденье машины, ругаемся на все подряд, говорим то, что приходит на ум, не боясь

быть пойманными на ошибке или высмеянными. И все же мы ни разу не упоминаем, что цели путешествия у меня и у Фили различны. Фили хочет заработать очко в классификации Ассоциации профессионалов тенниса: всего одно, просто для того, что-бы, наконец, узнать, каково это - попасть в классификацию среди профессионалов. Я же мечтаю избежать игры с Фили, ведь в этом случае мне вновь придется одержать верх над любимым братом.

На первом же турнире я наголову разбил своего соперника, а Фили потерпел поражение от своего. После игры, сидя в машине, припарко-ванной на стоянке позади стадиона, Фили, оглушенный, неотрывно смотрит на рулевое колесо. Почему-то это поражение оказалось для него больнее других. Вдруг он изо всех сил колотит кулаком по рулю.

Затем опять. Он бормочет что-то себе под нос, но так тихо, что я не слышу ни слова. Постепенно его речь становится громче, и вот он уже кричит во весь голос, обзывая себя прирожденным неудачником, колотя кулаком по рулю с такой силой, что я боюсь за его кости. Я вспоминаю отца: то, как он нокаутировал водителя грузовика, а после еще долго наносил воображаемые удары сопернику над рулевым колесом.

Будет здорово, если я сломаю свою чертову руку, говорит Фили. По крайней мере тогда все закончится. Отец был прав. Я, и правда, прирожденный неудачник.

Внезапно он останавливается. Теперь он спокоен. Безропотен. Как мама. Он улыбается: гроза миновала, яд вышел из раны.

- Ну вот, мне уже лучше, - говорит он, улыбаясь и шмыгая носом.

Выезжая со стоянки, брат уже подсказывает мне, как лучше играть со следующим соперником.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ в академию Боллетьери я иду в Брадентонский торговый центр. Пользуясь случаем, звоню домой за счет абонента. Уф, повезло: к телефону подходит Фили. Голос его звучит так же, как тогда, на парковке:

- Мы тут получили письмо из Ассоциации теннисных профессионалов.

- Ну?

- Хочешь знать свое место в классификации?

- Ну… какое?

- Ты-номер 610.

- Честно?

- Шестьсот десятый в мире, братишка.

Значит, в мире есть лишь 609 человек, которые играют лучше меня. На планете Земля, в Солнечной системе я - номер 610. Я

бью кулаком по стенке телефонной будки и испускаю радостный клич.

На другом конце линии - тишина. Затем я слышу шепот Фили:

- Скажи, каково это?

- Черт, как же это я не подумал, - радостно ору Фили в ухо, а он, наверное, и без моих криков достаточно расстроен. Если б я мог, бросил бы ему на грудь половину своих очков. Скучающим тоном, деланно зевая, я отвечаю:

- Знаешь, ничего особенного. Этот рейтинг явно переоценивают.

6

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ? Ник, Габриэль, доктор и миссис Г - никто из них больше не обращает внимания на мои выходки. Я изуродовал свою шевелюру, отрастил ногти, один из которых, выкрашенный в огненно- алый цвет, уже достиг пяти сантиметров в длину. Я сделал пирсинг, нарушал распорядок, не спал после комендантского часа, дрался, изводил всех приступами раздражительности, прогуливал занятия и даже залезал в девичий барак после отбоя. Я литрами поглощал виски, частенько беззастенчиво устраиваясь для этого на собственной койке. И наконец, в качестве заключительного аккорда моих наглых выходок, выстроил пирамиду из моих павших бойцов - метровое сооружение из пустых бутылок из-под Jack Daniels. Я жую табак - ядреную отраву, вымоченную в виски. После каждого поражения засовываю за щеку устрашающую порцию табачной жвачки размером со сливу. Чем крупнее поражение, тем больше моя жвачка. Какие формы сопротивления я еще не использовал? Какой еще грех мне изобрести, чтобы все вокруг, наконец, поняли: я несчастен и хочу домой?

О новых каверзах я не думаю лишь в час отдыха, когда слоняюсь без дела по рекреационному центру, и в субботу вечером, когда отправляюсь в Брадентонский торговый центр клеить девчонок. Итого в сумме - десять часов в неделю, когда я чувствую себя довольным жизнью или по крайней мере не ломаю голову, изобретая новые способы гражданского неповиновения.

Мне еще не исполнилось пятнадцати, когда академия Боллетьери, арендовав автобус, отправила нас на север на большой турнир в Пенсаколе. Ученики академии катаются на подобные турниры через всю Флориду несколько раз в год: Ник полагает, что это хорошая проверка.

«Померяйтесь членами», - говорит он в подобных случаях.

Флорида - теннисная Мекка, уверен Ник, и если мы окажемся круче лучших игроков Флориды, значит, никто в мире с нами не сравнится.

Я без труда выхожу в финал в своем разряде, успехи других ребят, однако же, не столь впечатляют: все выбыли из борьбы раньше. Им велено прийти и наблюдать за моей игрой. Уходить куда-либо еще строго запрещено. Когда я закончу игру, мы вновь погрузимся в автобус и отправимся в двенадцатичасовой путь домой, в академию.

Можно не торопиться, шутят ребята.

Никому не хочется еще двенадцать часов трястись в медленном вонючем автобусе.

Ради хохмы я решаю играть финал в джинсах. Не в теннисных шортах, не в тренировочных брюках, а в рваных, потертых, грязных джинсовых штанах. Знаю, что на итог встречи это не повлияет. Мой соперник - полный болван. Я бы выиграл у него, даже если бы на меня надели костюм гориллы, предварительно привязав одну руку за спину. Для пущего эффекта я подвел глаза карандашом и вдел в уши свои самые огромные серьги.

Я выиграл матч с сухим счетом. Товарищи по академии приветствовали меня дикими криками, заявив, что я заслужил дополнительные очки за стиль. В автобусе оказываюсь в центре всеобщего внимания: все хлопают меня по спине и бурно выражают свое одобрение. Мне кажется, что наконец-то я стал для них своим и даже выдвинулся в число крутых лидеров. Кроме того, мне удалось достать директора школы.

На следующий день после обеда Ник неожиданно собирает нас.

- Все сюда! - орет он.

Он ведет нас к дальнему корту с трибунами. Когда все двести воспитанников рассаживаются и затихают, он начинает говорить, меряя шагами корт. Рассказывает о прославленном имени академии Боллетьери, о том, что мы должны быть счастливы, оказавшись здесь. Он создал академию на пустом месте и гордится тем, что она носит его имя. Академия Боллетьери - совершенство. Высокий класс. Академию знают и уважают во всем мире.

Он сделал паузу.

- Андре, встань на минуту!

Я встаю.

- Ты осквернил академию, опозорил ее своей вчерашней выходкой! Надел джинсы на финал, накрасил глаза, нацепил серьги! Мальчик, я вот что тебе скажу: если ты думаешь вести себя таким образом, если хочешь одеваться, как девчонка, то на

следующий турнир я заставлю тебя надеть юбчонку! Я уже связался с одной фирмой, попросил прислать для тебя упаковку юбок. И ты наденешь юбку, точно тебе говорю, потому что если ты девчонка, то так мы и будем к тебе относиться!

Все двести человек смотрят на меня. Четыре сотни глаз. Многие смеются.

«Теперь свободное время для тебя отменяется, - продолжает Ник. - С этих пор у вас будет занята каждая минута, мистер Агасси. Между девятью и десятью часами вы будете чистить все уборные на территории школы. Когда закончите с туалетами, начнете убирать остальную территорию. Если вам это не нравится - что ж, уходите. Собираетесь вести себя, как вчера? Тогда вы нам здесь не нужны. Не сможете доказать, что цените школу так же, как мы, - до свидания!»

Финальное «до свидания» долго звенит в воздухе, отдаваясь эхом между пустыми кортами.

«Это все, - говорит Ник. - Возвращайтесь к работе».

Ребята быстро расходятся. Я стою, пытаясь понять, что мне делать. Могу обругать Ника, попытаться ввязаться в драку с ним или поднять крик. Вспоминаю Фили, затем Перри. Что бы они сделали на моем месте? Я помню, как бабушка отправила моего отца в школу в девчачьей одежде, чтобы унизить его. Именно в тот день он стал бойцом.

Нет времени на раздумья. Габриэль говорит, что мое наказание начинается прямо сейчас. Я должен полоть траву.

В СУМЕРКАХ, наконец-то бросив мешок с выполотыми сорняками, я иду в свою комнату. Я принял решение. Собираю вещи и бреду к шоссе. В голове крутится мысль, что я нахожусь во Флориде, где мне может запросто встретиться какой-нибудь полоумный маньяк, - и поминай как звали. Но лучше уж полоумный маньяк, чем Ник.

У меня в бумажнике лежит одна-единственная кредитная карточка - ее дал отец на случай чрезвычайных обстоятельств. Нынешняя ситуация - чрезвычайнее некуда. Надо двигать в аэропорт. Завтра в это время буду сидеть в спальне у Перри и рассказывать ему о своих приключениях.

Настороженно всматриваюсь, не видно ли света фонаря, прислушиваюсь к собачьему лаю в отдалении. Я выставляю вперед большой палец. Вскоре рядом тормозит машина. Открываю дверь, собираясь забросить свой чемодан на заднее сиденье. За рулем Хулио - в команде Ника он ведает вопросами дисциплины. Мой отец сейчас на проводе, говорит он, там, в академии, и он хочет поговорить со мной - тотчас же.

Я бы предпочел встречу с кровожадными псами.

ЗАЯВЛЯЮ ОТЦУ, что хочу вернуться домой. Я рассказываю ему, что произошло.

- Ты одеваешься как педик, - говорит он. - Так что ты заслужил это.

Тогда я перехожу к плану Б.

- Папа, - говорю я. - Он портит мою игру. Мы все время играем с задней линии, вообще не работаем у сетки. Не отрабатываем подачу, не занимаемся ударами с лета.

Отец говорит, что побеседует с Ником о моей игре. Кроме того, он заверяет меня, что наказание продлится всего лишь пару недель - чтобы Ник мог показать всем, что он тут главный. Они не могут позволить одному-единственному мальчишке плевать на правила. Им нужно поддерживать хотя бы видимость дисциплины.

В заключение отец заявляет, что мне все равно придется остаться. Разговор окончен. Трубка падает на рычаг. Короткие гудки.

Хулио закрывает дверь. Ник забирает трубку из моей руки и говорит, что отец велел отобрать у меня кредитную карту.

Ни за что не отдам ему кредитку. Чтобы я расстался со своей единственной надеждой выбраться отсюда? Через мой труп.

Ник пытается со мной договориться. И тут я понимаю, что нужен ему. Он послал Хулио, позвонил отцу, теперь пытается уговорами забрать у меня кредитку. Сказал, чтобы я уходил, но стоило сделать это - тут же вернул меня назад. Я разгадал его блеф. Несмотря ни на что, я явно представляю для Ника ценность.

ДНЕМ Я - ОБРАЗЦОВЫЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ. Выпалываю сорняки, чищу туалеты, ношу аккуратную теннисную форму. Ночами - тайный мститель. Я украл ключи, отпирающие все двери академии Боллетьери, и после того, как все погрузится в сон, совершаю дерзкие набеги вместе с группой таких же отчаянных узников. Стараюсь сдерживать свои разрушительные порывы, ограничиваясь пустяками вроде швыряния бомбочек из крема для бритья. А вот мои товарищи расписывают стены граффити, однажды даже написали на двери кабинета Боллетьери «Ник - хрен с горы». После того как Нику перекрасили дверь, они нанесли надпись вновь.

Мой самый верный товарищ по ночным набегам - Роди Парке, тот самый мальчик, что обыграл меня в день нашей первой встречи с Перри. Но однажды Роди взяли с поличным, его заложил сосед по бараку. Я узнал, что Роди исключили из академии. Зато теперь мы все знаем, что нужно сделать, чтобы быть исключенным: достаточно написать «Ник - хрен с горы» на

двери. Роди самоотверженно взял всю вину на себя, не выдав никого из нас.

Помимо мелкого вредительства, мой главный способ неповиновения - молчание. Я поклялся, что никогда в жизни больше не заговорю с Ником. Это - мой закон, мое жизненное кредо. Я - мальчик, который не будет говорить. Ник этого, разумеется, не замечает. Он бродит вдоль кортов, говорит мне что-то, я не отвечаю. Он пожимает плечами. Но остальные ребята видят, что я молчу. Мой авторитет растет.

Безразличие Ника отчасти объясняется тем, что он занят организацией турнира, который, как он надеется, соберет всех лучших молодых игроков Америки. В связи с этим я выдумываю еще один способ насолить Нику. По секрету сообщаю одному из его сотрудников о мальчике из Вегаса, которого было бы здорово пригласить на турнир. «Он чертовски талантлив, - говорю я. - Мне всегда было непросто играть с ним». Как его зовут? Перри Роджерс.

Ловушка, предназначенная для Ника, захлопнулась, ведь главная его цель - открывать новых теннисных звезд, выставляя их на своих турнирах. Новые звезды создают шум вокруг академии, добавляют ей очков и укрепляют репутацию самого Ника как великого тренера. Разумеется, через несколько дней Перри получает персональное приглашение принять участие в турнире вместе с билетом на самолет. Он прилетает во Флориду и на такси добирается до академии Боллетьери. Я встречаю его во дворе: мы обнимаемся и громко хохочем над тем, как нам удалось обдурить Ника.

- С кем мне надо будет играть? - интересуется Перри.

- С Мерфи Дженсеном.

- Только не это! Он меня порвет!

- Не переживай, впереди еще несколько дней. А сейчас давай расслабляться.

Помимо прочих увеселений, участников турнира ожидает поездка в знаменитый парк развлечений Тампы. В экскурсионном автобусе я ввожу Перри в курс дел, рассказываю о публичном унижении, которое мне пришлось перенести от Ника, жалуюсь, что чувствую себя несчастным в академии Боллетьери, не говоря уже о Брадентонской. Признаюсь, что готов бросить учебу, но Перри меня не понимает. Впервые мои проблемы кажутся ему высосанными из пальца. Он любит школу и мечтает поступить в престижный колледж на восточном побережье, а затем - на юридический факультет.

Я меняю тему разговора, забрасываю его вопросами о Джейми. Спрашивала она обо мне? Как она выглядит? Носит ли

подаренный мной браслет? Я собираюсь послать для нее в Вегас какой-нибудь подарок с Перри. Может быть, какой-нибудь сувенир из парка развлечений Тампы.

«Это будет круто», - соглашается он.

Не успели мы и десяти минут побродить по парку, как Перри замечает киоск с мягкими игрушками. На верхней полке сидит огромная черно-белая панда, раскинув ноги в стороны и вывалив изо рта тонкий красный язык.

- Андре, ты должен купить ее для Джейми!

Увы, панда не продается. Чтобы получить ее, нужно выиграть главный приз в игре, в которой еще никто не выигрывал. Это похоже на жульничество. Не люблю, когда жульничают.

Ха! Оказалось, нам нужно всего-навсего набросить два резиновых кольца на горлышко бутылки из-под кока-колы. Мы же спортсмены! Для нас это - раз плюнуть.

Мы тратим полчаса, засыпав кольцами весь пол палатки, но ни одно из них даже близко не падает рядом со злополучной бутылкой.

- Давай сделаем вот что, - предлагает Перри - Ты отвлечешь хозяйку палатки, а я тем временем подкрадусь с обратной стороны и надену на горлышко пару колец.

- Ну, не знаю… А если нас поймают?

Но, в конце концов, это же для Джейми! А ради нее я готов на все.

- Прошу прощения, - обращаюсь я к женщине за прилавком. - Можно у вас спросить?

- Да? - оборачивается она.

Я спрашиваю какую-то глупость о том, как именно надо бросать кольца. Краем глаза я замечаю Перри, проскальзывающего внутрь палатки. Через четыре секунды он возвращается.

- Смотрите, я победил! Я выиграл!

Женщина поворачивается и видит, что на горлышках двух бутылок висят резиновые кольца. На ее лице - безграничное удивление, которое, однако, быстро сменяет подозрительность.

- Мальчик, одну минутку…

- Я выиграл! Дайте мне панду!

- Но я не видела…

- Это ваша проблема! В правилах ничего нет о том, что вы должны видеть. Где сказано, что вы должны смотреть, как я бросаю? Вызовите вашего начальника! Вызовите директора парка! Я вас всех засужу! Что это за мошенничество? Я заплатил доллар за эту игру, и вы должны соблюдать условия! Вы должны мне эту панду. Я на вас в суд подам! Мой отец на вас в суд подаст! У вас

есть три минуты, чтобы отдать мне мою панду, которую я выиграл, черт побери, честно, по вашим чертовым правилам!

Перри занят своим любимым делом - говорит. Он делает то же, что и его отец, - продает воздух. А женщина за прилавком занята делом, которое явно ненавидит, - следит за работой палатки в парке развлечений. Ей не нужны проблемы, она не хочет лишней головной боли. Поэтому она сбрасывает панду с полки с помощью длинного шеста и швыряет ее на прилавок. Панда ростом с Перри. Он тут же алчно хватает ее с прилавка, словно гигантский сладкий сэндвич, и мы бежим, пока владелица палатки не передумала.

Остаток вечера проводим втроем: Перри, я и панда. Мы ведем ее в кафе, в туалет, на американские горки. Такое ощущение, что нам выпало развлекать четырнадцатилетнего подростка-коматозника. Наверное, легче было бы провести время в компании живой панды. Когда приходит время вновь садиться в автобус, мы счастливы сгрузить панду на отдельное сиденье, которое она занимает целиком. Ее объемы впечатляют не меньше, чем рост.

- Думаю, Джейми она понравится, - говорю я.

- Да она будет в восторге, - откликается Перри.

Позади нас сидит девочка, ей лет восемь-девять. Она не в силах от-вести взгляд от нашей панды и, сюсюкая, гладит ее плюшевый мех.

- Какая хорошая панда! - произносит она. - Где вы ее взяли?

- Выиграли.

- А что вы с ней сделаете?

- Подарим подруге.

Она просит позволить ей посидеть с пандой в обнимку. Я великодушно разрешаю. Надеюсь, Джейми игрушка понравится хотя бы вполовину так же сильно, как этой малышке.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО МЫ С ПЕРРИ тусуемся в бараке, когда в дверях показывается голова Габриэля:

- Старик хочет видеть тебя.

- Зачем?

Габриэль пожимает плечами.

Я иду медленно, не торопясь. Остановившись у двери, вспоминаю надпись: «Ник - хрен с горы». Мы будем скучать по тебе, Роди.

Ник сидит за столом, откинувшись на спинку высокого черного кожаного кресла.

- Андре? Входи, входи.

Я сажусь на деревянный стул напротив. Ник прокашливается:

- Ты, кажется, вчера ездил в Тампу? Тебе понравилось?

Я молчу. Он вновь откашливается и опять пытается начать разговор:

- Ты привез с собой большую панду, да?

Я продолжаю смотреть прямо перед собой.

- Знаешь, моя дочь просто влюбилась в эту панду.

Я вспомнил о маленькой девочке в автобусе. Ну да, это была дочка Ника, как я не сообразил!

- Она только и говорит об этой панде. Я как раз для этого тебя позвал: хочу купить у тебя эту игрушку.

Молчание.

- Ты меня слышишь, Андре?

Молчание.

- Ты понимаешь?

Молчание.

- Габриэль, почему он молчит?

- Он с вами не разговаривает.

- Давно?

Габриэль хмурит брови.

- Андре, - продолжает Ник. - Просто скажи, сколько ты хочешь за нее, вот и все.

Я не поднимаю глаз.

- Я понял. Может быть, просто напишешь сумму?

Он подталкивает в мою сторону лист бумаги. Я не двигаюсь.

- Я готов заплатить 200 долларов.

Молчание.

Габриэль обещает позже потолковать со мной о панде.

- Хорошо, - изрекает Ник. - Хорошо. Подумай об этом, Андре.

- ТЫ НЕ ПОВЕРИШЬ,-сообщаю я Перри, вернувшись в барак.- Он хотел панду. Для дочки. Та девочка в автобусе - она его дочь.

- Шутишь? И что ты ответил?

- Ничего.

- В каком смысле - ничего?

- Я поклялся никогда не разговаривать с ним, помнишь? Никогда. -Андре, ты совершенно не прав! Ты должен сейчас же все исправить. Вот

что: сейчас же берешь панду, отдаешь ее Нику и говоришь, что тебе не нужны его деньги, нужна свобода. А еще - приглашения на турниры, возможность участвовать в них на льготных условиях, и вообще ты требуешь особого подхода. Лучшей еды и всего самого качественного. И главное, чтобы тебе разрешили не ходить в школу. Это твой шанс получить свободу. Теперь у тебя есть возможность надавить на Ника.

- Но я не хочу отдавать панду этому уроду. Просто не могу. И потом, а как же Джейми?

- О Джейми мы подумаем позже. Сейчас надо подумать о твоем будущем. Ты обязан отдать Нику панду!

В бараке давно погас свет, а мы все еще спорим, настойчивым шепотом что-то доказывая друг другу. В конце концов Перри удается меня убедить.

- Итак, завтра отдай ему эту панду, - говорит Перри, зевая.

Нет, черт возьми. Я пойду в его офис прямо сейчас. Я войду с помощью своего ключа и усажу панду прямо на его высокое черное кожаное кресло. Пусть утрется.

УТРОМ, ПЕРЕД ЗАВТРАКОМ, ко мне вновь заходит Габриэль:

- В офис. Бегом!

Ник сидит в кресле. Панда разлеглась в углу, прислонившись к стене и уставившись в пространство. Ник смотрит на нее, затем - на меня. Он произносит:

- Ты не разговариваешь со мной. Красишь физиономию. Играешь в джинсах на турнире. Заставляешь меня пригласить на турнир твоего приятеля Перри, хотя он не только не умеет играть в теннис - он не в состоянии одновременно идти и жевать жвачку. И эта твоя прическа… лучше уж нам не начинать о ней разговор. И вот теперь ты отдаешь мне вещь, о которой я просил, - но для этого ты вламываешься в мой офис среди ночи и усаживаешь ее на мой стул. Как ты смог попасть в офис? Парень, да что у тебя за проблемы?

- Рассказать о моих проблемах?

Даже Ник поражен звуком моего голоса.

- Вы , черт возьми, вы - моя проблема! - ору я. - Если этого еще не поняли, значит, вы на самом деле такой дурак, каким кажетесь! Хотя бы немного представляете, каково мне здесь? Каково это - жить в трех тысячах милях от дома, в этой тюрьме, вставать каждый день в половине седьмого утра, за тридцать минут съедать паршивый завтрак, тащиться на убитом автобусе, торчать четыре часа в этой идиотской школе, затем тащиться обратно, чтобы опять за полчаса съесть еще одну порцию дерьма - и валить на корт, день за днем, день за днем? Вы это понимаете? Понимаете, что единственное удовольствие, которого я жду всю неделю, - это возможность пойти пошататься по местному торговому центру в субботу вечером, но и этой радости меня лишили? И ее вы забрали! Ваша ублюдочная школа - ад, и я хочу сжечь ее к черту!

Глаза у Ника стали больше, чем у панды. Но он не разгневан. И даже не расстроен. Кажется, он даже польщен, поскольку я, наконец, заговорил с ним на понятном ему языке. Он напоминает мне Аль Пачино в «Лице со шрамом» - ту сцену, где женщина кричит ему: «Не твое собачье дело, с кем, где, когда и зачем я

трахаюсь!» - а он отвечает: «Наконец-то ты разговариваешь со мной, детка».

Похоже, Нику нравятся разговоры на повышенных тонах.

- Хорошо, я тебя понял, - говорит он. - Чего же ты хочешь?

У меня в ушах звучит голос Перри.

- Я не хочу больше ходить в школу, - заявляю я. - Собираюсь учиться заочно и все время тратить на совершенствование своей игры. Мне нужна ваша помощь, а не вся эта чушь, которой вы меня пичкаете. Нужны приглашения на турниры, особые условия участия в соревнованиях. Хочу стать профессионалом.

Разумеется, я хочу вовсе не этого. Это то, чего я хочу по мнению Перри. Но это лучше, чем все, что я сам мог бы потребовать. Даже сейчас эти просьбы вызывают во мне двойственное чувство. Однако Ник смотрит на Габриэля, Габриэль - на Ника, а панда глазеет на нас всех.

- Я подумаю, - бросает мне Ник.

Через несколько часов после того, как Перри улетел в Вегас, Ник сообщил мне через Габриэля: я буду участвовать в большом турнире в Ла-Квинта без предварительной квалификации. Потом он отправит меня на следующий сателлитный турнир, который будет проходить во Флориде. Кроме того, я могу считать себя свободным от Брадентонской академии. Ник организует для меня какую-нибудь заочную программу обучения, как только у него дойдут до этого руки.

Габриэль ухмыльнулся:

- Парень, ты победил.

… Смотрю, как все наши ребята загружаются в автобус, как он стартует в сторону Брадентонской академии, громыхая и отплевываясь черным дымом. Я сижу на скамейке, нежась в лучах солнца, и говорю про себя: «Мне четырнадцать лет и больше никогда не придется ходить в школу». Отныне каждое утро для меня станет Рождеством, помноженным на первый день летних каникул. Улыбка расползается по лицу - первая за много месяцев. Больше не будет ручек, учебников, мерзких учительских взглядов. Ты свободен, Андре. Тебе больше никогда не придется учиться.

7

Я ВДЕВАЮ В УШИ НАУШНИКИ и отправляюсь на корт с твердым покрытием. Это утро - мое. Мое! И я проведу его, колотя по мячам. Буду бить сильнее, еще сильнее. Стучу по мячам два часа, вкладывая вновь обретенную свободу в каждое движение. Мячи градом отлетают от ракетки. Подошедший Ник покачивает головой:

- Сочувствую твоему следующему противнику!

Тем временем в Вегасе мама начинает заочно учиться за меня. Самое первое ее письмо адресовано мне: в нем сообщается, что ее сын может отказаться поступать в колледж, но он обязан окончить школу. В ответ я благодарю ее за ту самоотверженность, с которой она делает за меня домашние задания и пишет контрольные работы. Но, добавляю я, когда она получит аттестат, может оставить его себе.

В марте 1985 года я лечу в Лос-Анджелес в гости к Фили. Он живет в гостевом домике у знакомых, подрабатывает, давая уроки тенниса, и решает, чем бы заняться в жизни. Фили помогает мне готовиться к турниру в Ла-Квинта, одному из крупнейших в этом году. Гостевой домик - крошечный, меньше, чем наша спальня в Вегасе, меньше когда-то арендованного фургона, но нам это не мешает. Мы счастливы вновь быть вместе и полны надежд по поводу моего будущего. Нас беспокоит одна проблема - отсутствие денег. Мы живем на чечевичной похлебке и печеной картошке. Трижды в день запекаем пару картофелин и варим котелок чечевичной похлебки, затем заливаем картошку супом - и получаем завтрак, обед или ужин, в зависимости от времени суток. Это питательное блюдо стоит восемьдесят девять центов и помогает спастись от голода на целых три часа.

ЗА ДЕНЬ ДО ТУРНИРА мы с Фили катим в его побитом жизнью рыдване в сторону Ла-Квинта. Машина извергает огромные клубы черного дыма, нам кажется, что мы движемся в центре небольшого самоходного тайфуна.

- Может, нам запечь картошку в выхлопной трубе? - спрашиваю я Фили.

Первая наша остановка - у бакалейного магазина. Однако стоило взглянуть на мешки с картошкой, как я почувствовал желудочные спазмы. Нет, еще одной картофелины я не вынесу. Прохаживаюсь по магазину, и в отделе замороженных продуктов мой взгляд падает на соблазнительнейший пакет. Сэндвичи с мороженым и печеньем Oreo. Я двигаюсь к ним походкой лунатика. Схватив вожделенную коробку, подхожу к кассе, около которой уже стоит брат, и кладу сэндвичи перед ним на движущуюся ленту у кассы.

Фили смотрит на коробку, затем на меня:

- Мы не можем себе это позволить.

- Я лучше съем это вместо картошки.

Брат берет коробку, смотрит на ценник, издает удивленный свист:

- Андре, это стоит, как десять картофелин. Мы не можем…

- Я знаю. Черт с ним.

Несу коробку обратно в отдел замороженных продуктов. «Ненавижу Фили, - думаю я. - Нет, я люблю Фили. Но ненавижу картошку».

Одурманенный голодом, я выхожу на корты в Ла-Квинта и обыгрываю Бродерика Дайка в первом раунде, 6-4, 6-4. Во втором раунде я побеждаю Рилла Бакстера, 6-2, 6-1. В третьем раунде обыгрываю Рассела Симпсона, 6-3, 6-3. Затем побеждаю в первом раунде основной сетки, выиграв у Джона Остина, 6-4, 6-1. Проиграв подачу, я все же сумел переломить ход матча. Мне пятнадцать лет, а я обыгрываю взрослых игроков, разбиваю их наголову, прокладывая себе путь наверх в мировой классификации. Где бы я ни появился, на меня то и дело показывают пальцами и перешептываются: «Это тот самый мальчик, о котором я говорил… Чудо-ребенок!» Это - лучшие слова обо мне, которые я когда- либо слышал.

За выход во второй раунд на турнире в Ла-Квинта полагается вознаграждение - две тысячи шестьсот долларов. Но я - любитель, так что денег мне не дают. Зато Фили выясняет, что организаторы турнира возмещают игрокам расходы, связанные с участием в соревнованиях. Мы сидим в нашем драндулете и составляем список воображаемых расходов, включая перелет первым классом из Лас-Вегаса, номер в пятизвездочном отеле и обильные трапезы в ресторанах. Мы считаем себя ловкачами, потому что сумма наших придуманных расходов зашкаливает за две тысячи шестьсот долларов.

У нас с Фили хватает наглости запросить эту сумму, ведь мы из Вегаса. Наше детство прошло возле казино. Мы считаем себя прирожденными ловкачами, умеющими играть по-крупному. Мы, и правда, научились удваивать ставки раньше, чем проситься на горшок. Не так давно я и Фили, проходя через игровой зал в Cesar Palace, остановились у «однорукого бандита», названивавшего мелодию популярной песенки времен Великой депрессии «We're in the money»- Песню мы впервые услышали от отца, поэтому решили, что это - знак. Нам, разумеется, не пришло в голову, что игровой автомат наигрывает одну и ту же мелодию весь день напролет. Мы подошли к ближайшему столу для игры в «блэк джек» - и выиграли. И вот теперь с тем же нахальством, замешанным на наивности, я понес составленный нами список расходов в офис директора турнира Чарли Пассарела. Фили остался ждать в машине.

Чарли - бывший спортсмен. В 1969 году он сыграл с Панчо Гонсалесом самый длинный матч в истории тенниса между мужчинами в одиночном разряде. Сейчас Панчо - мой шурин: он недавно женился на Рите. Это - еще одно свидетельство того, что

деньги на сей раз не пройдут мимо нас с Фили. А вот и самый верный знак: один из старых друзей Чарли - Алан Кинг, организатор того самого турнира в Вегасе, где я увидел Цезаря, Клеопатру и тачку, полную серебряных долларов. Именно там я был мальчиком, подающим мячи, впервые ступил на профессиональный корт хоть и в скромной роли, но все же с полным на то правом. Знаки, знаки, кругом сплошные знаки. Я кладу список на стол Чарли и скромно отступаю назад.

- Н-да, - хмыкает Чарли, читая список. - Очень интересно.

- Простите?

- Редко приходится видеть столь тщательно составленный список расходов.

Я чувствую, что краснею.

- Ваши расходы, Андре, практически равны той сумме, которую вы получили бы, будь вы профессионалом.

Чарли смотрит на меня поверх очков. Я чувствую, как сердце сжимается до размеров горошины. Мне непреодолимо хочется сбежать. Представляю, как мы с Фили будем жить в гостевом домике до конца наших дней. Но тут Чарли, сдерживая улыбку, лезет в сейф и достает оттуда стопку купюр.

- Тут две тысячи, парень. И не приставай ко мне насчет остальных шести сотен.

- Спасибо, сэр! Огромное спасибо!

Я выскакиваю из здания и ныряю в машину, где меня ждет Фили. Он так бьет по газам, будто мы только что ограбили Первый банк Ла- Квинта. Я отсчитываю тысячу и бросаю брату.

- Твоя часть.

- Что? Нет! Тебе пришлось много потрудиться ради этого, братишка.

- Не глупи. Нам обоим пришлось потрудиться. Я бы не смог этого сделать без тебя. Мы в одной лодке, брат.

В этот момент мы оба вспоминаем то утро, когда я, проснувшись, увидел 300 долларов, лежащие у меня на груди. Мы вспоминаем ночи, когда мы сидели каждый на своей половине комнаты, разлинованной под корт, болтая обо всем на свете. Не отрываясь от дороги, Фили наклоняется и обнимает меня. Затем мы обсуждаем, куда бы пойти поужинать. От перечисления названий местных ресторанов рты у нас наполняются слюной. В конце концов мы приходим к заключению, что сегодня - исключительный случай, такой бывает один раз в жизни, а значит, нам требуется нечто воистину особенное.

Стейк-хаус Sizzler.

- Я уже чувствую вкус их фирменного стейка, - мечтательно произносит Фили.

- А я не буду мучиться с ожиданием заказа. Лучше пойду опустошу салат-бар. У них там есть специальное предложение: креветки - ешь, сколько сможешь!

- Думаю, сегодня они пожалеют, что им пришла в голову такая идея!

- Ты знал, брателло!

Мы закатываем впечатляющий ужин в Sizzler, опустошая тарелки до последней крошки. Потом мы садимся и разглядываем оставшиеся деньги. Тщательно раскладываем купюры, складываем в стопку, поглаживаем, шутим про нашего нового приятеля - Бенджамина Франклина. Мы настолько опьянели от калорий, что добываем паровой утюг и аккуратно проглаживаем каждую бумажку, тщательно разглаживая морщинки на лице старины Бена.

8

Я ВСЕ ТАК ЖЕ ЖИВУ И ТРЕНИРУЮСЬ в академии Боллетьери. Ник - мой тренер и попутчик в путешествиях, хотя он сам говорит, что работает моим рупором. На самом деле он уже стал моим другом. Наше временное перемирие неожиданно переросло в удивительно гармоничные деловые отношения. Ник уважает меня за то, что я сумел противостоять ему, а я его - за верность своему слову. Мы вместе истово работаем, чтобы достичь поставленной цели - завоевать теннисный мир. Я не жду многого от Ника в том, что касается схем игры и прочих профессиональных умений: от него мне нужно сотрудничество, а не знания. Он же ожидает от меня побед, о которых протрубит пресса, что, разумеется, пойдет на пользу академии. Я не плачу ему зарплату: у меня нет на это денег. Но он догадывается, что, когда я стану профессионалом, он может рассчитывать на бонусы из моих заработков. По его мнению, этого более чем достаточно.

Ранняя весна 1986 года. Я мотаюсь по всей Флориде, играя в серии сателлитных турниров. Киссими, Майами, Сарасота, Тампа. После года тяжелой работы, практически целиком проведенного на корте, я играю прекрасно, добираясь до пятого турнира, собравшего лучших игроков по итогам серии. И хотя, дойдя до финала, в нем я терплю поражение, все же как финалист получаю чек на тысячу сто долларов.

Я очень хочу его взять. Нам с Фили, разумеется, пригодятся эти деньги. Останавливает меня лишь одно: взяв этот чек, я стану профессиональным теннисистом - навсегда, и пути назад не будет.

Звоню отцу в Лас-Вегас и спрашиваю, что мне делать.

- Ты о чем? - искренне удивляется отец. - Давай, бери деньги!

- Если я возьму деньги, я больше ничего не смогу изменить. Я стану профессионалом.

- И что с того?

- Пап, если я обналичу этот чек, пути назад не будет.

Он как будто не слышит, о чем я говорю:

- Ты бросил школу! У тебя восемь классов образования! Чего же ты хочешь? Чем еще желаешь заняться? Стать врачом?

Я все понимаю. Но меня раздражает то, как он это преподносит.

Сообщаю директору турнира, что беру деньги. В тот момент, когда эти слова слетают с моих губ, я чувствую, как вокруг меня рушатся многочисленные возможности. Не знаю, какие именно шансы теперь потеряны для меня навсегда, - и уже никогда не узнаю. Директор отдает мне чек, и я иду к выходу, чувствуя, что ступаю на дорогу, которая, вполне возможно, ведет в темный, зловещий лес.

На календаре - 29 апреля 1986 года. Мой шестнадцатый день рождения.

Весь день, все еще до конца не веря, повторяю себе: «Теперь ты - профессиональный теннисист. Спорт - твоя профессия. Твоя судьба». Но, сколько бы я ни говорил эти слова, они звучат неправдоподобно.

Решение стать профессионалом принесло мне, как минимум, одну бесспорную радость: отец заявил, что отныне Фили будет путешествовать со мной постоянно, чтобы помогать мне решать бесчисленные проблемы, без которых не обходится жизнь профессионального теннисиста, - от аренды автомобиля и бронирования отелей до перетяжки ракеток.

«Он тебе пригодится», - сказал отец. Но и он, и я, и сам Фили понимали: мы нужны друг другу.

В день, когда я стал профессионалом, Фили позвонили из компании Nike: ее представитель хотел встретиться со мной, чтобы обсудить одно коммерческое предложение. Мы назначили встречу в Ньюпорт-бич, в ресторане «Ржавый пеликан». Собеседника звали Йен Гамильтон.

Я назвал его «мистером Гамильтоном», но он попросил называть его просто Йеном и улыбнулся - так, что я сразу проникся к нему доверием. Фили, однако, был настороже.

- Ребята, - произнес Йен. - Я думаю, у Андре - прекрасное будущее.

- Спасибо.

- Мы хотели бы, чтобы компания Nike внесла свой вклад в это будущее и стала вашим партнером.

- Спасибо.

- Я собираюсь предложить вам двухгодичный контракт.

- Спасибо.

- По этому контракту мы будем снабжать вас всей необходимой экипировкой и сверх того выплачивать двадцать тысяч долларов.

- За два года?

- Нет, двадцать тысяч в год.

- Да? - Фили сразу берет быка за рога. - А что Андре должен будет делать для вас за эти деньги?

- Ну, - говорит Йен, явно озадаченный. - Андре должен будет делать то же, что делает сейчас. Оставаться Андре. И пользоваться продукцией Nike.

Мы с Фили смотрим друг на друга - два пацана из Вегаса, все еще уверенные в своем непревзойденном умении блефовать. Однако от нашей невозмутимости давно не осталось и следа. Мы оставили ее за столиком Sizzler. Не можем поверить свалившемуся на нас счастью и не в состоянии скрыть это. Фили лишь хватает присутствия духа заявить Йену: если он не возражает, мы хотели бы на несколько минут отлучиться, чтобы обсудить его предложение.

Мы спешим к телефону-автомату в укромном углу ресторана и набираем номер отца.

- Пап, - шепчу я. - Мы с Фили тут сидим с парнем из Nike, и он предлагает нам двадцать тысяч! Что скажешь?

- Просите больше!

- Что?

- Больше! Просите больше!

Он кладет трубку. Мы с Фили репетируем нашу ответную речь: он говорит за меня, я - за Йена. Люди, идущие мимо нас в уборную, полагают, что мы кого-то пародируем. В конце концов мы безмятежно возвращаемся за стол. Фили озвучивает наше встречное предложение. Больше денег. Он мрачен. Он, замечаю я вдруг, очень похож на отца.

- Хорошо, - говорит Йен. - Думаю, это можно уладить. За второй год я могу предложить вам двадцать пять тысяч. Идет?

Мы пожимаем друг другу руки и покидаем «Ржавый пеликан». Фили и я едва можем дождаться, пока Йен отъедет от ресторана, после чего начинаем прыгать, как сумасшедшие, распевая во все горло приснопамятную «We're in the money».

- Ты в это веришь?

- Честно? - отвечает Фили. - Если честно - нет, не верю!

- Можно, на обратном пути я сяду за руль?

- Нет. У тебя руки трясутся. Ты врежешься в отбойник, а этого

сейчас никак нельзя допустить. Ты ведь теперь стоишь двадцать штук, брат!

- А в следующем году буду стоить двадцать пять.

По дороге к дому мы обсуждаем, какую машину - классную, но недорогую - мы с ним купим. Главное - чтобы у нее из выхлопной трубы не валили клубы черного дыма. Отправиться в Sizzler на машине, которая не дымит, как паровоз, - вот отныне наш идеал роскошной жизни.

ПЕРВЫЙ ТУРНИР, в котором я участвую уже в качестве профессионала, проходит в Скенектади, штат Нью-Йорк. Я дохожу до финала, за победу в котором платят сто тысяч долларов, где проигрываю Рамешу Кришнану, 6-2, 6-3. Однако я ни капли не расстроен. Кришнан - один из великих, он даже превосходит свою сорок седьмую позицию в мировой классификации, а я - никому не известный подросток, который сумел выйти в финал крупного турнира. Это исключительно редкий случай - поражение без боли. Я горжусь собой. И еще - во мне рождается новая надежда, ведь я знаю, что мог играть еще лучше, и знаю, что Кришнан заметил это.

Следующий пункт назначения - Страттон-Маунтин, штат Вермонт, где я одерживаю победу над Тимом Майоттом, двенадцатой ракеткой мира. В четвертьфинале играю с Джоном Макинроем - для меня это все равно что для музыканта сыграть с Джоном Ленноном. Он - легенда. Я вырос на игре Макинроя, восхищался ею, хотя мне часто приходилось болеть против него: ведь моим кумиром был его заклятый соперник Борг. Я был бы счастлив выиграть у самого Мака, но ведь это - его первый турнир после небольшого перерыва, так что он хорошо отдохнул и рвется в бой. К тому же недавно он стал первой ракеткой мира. Перед тем как мы вышли на корт, я пытался понять: зачем столь блестящему и искусному игроку, как Макинрой, нужен отдых между турнирами? Затем он продемонстрировал мне всю ценность отдыха, разгромил меня наголову: 6-3, 6-3. Тем не менее мне удалось выиграть один мяч, отбив подачу соперника ударом справа, который тот не сумел парировать. Во время послематчевой пресс-конференции Макинрой заявил журналистам: «Я играл с Беккером, Коннорсом и Лендлом, однако никто из них ни разу не сумел так сильно отбить мою подачу. Я не успел даже заметить, как мяч пролетел мимо».

Эта цитата Макинроя, в которой столь высоко оценивалась моя игра, принесла мне общенациональную известность. Об Агасси пишут газеты. Фили заваливают просьбами организовать интервью со мной. Получая очередной журналистский запрос, брат всякий раз ухмыляется.

- Хорошо быть знаменитым! - говорит он.

Тем временем мое положение в мировой квалификации растет вместе с популярностью.

В КОНЦЕ ЛЕТА 1986 ГОДА я отправляюсь на свой первый Открытый чемпионат США. Я полон решимости вступить в борьбу, однако, когда вижу из окна самолета расстилающуюся внизу панораму Нью-Йорка, моя решимость тает. Этот потрясающий пейзаж способен вселить страх в человека, выросшего в пустыне. Очень много людей. Очень много желаний. Очень много мнений.

При ближайшем рассмотрении, с уровня земной поверхности, Нью-Йорк не столько путает, сколько раздражает. Отвратительные запахи, пронзительные звуки и постоянное вымогательство чаевых. Я вырос в доме, благосостояние которого зависело от чаевых, поэтому отношусь к ним с большим уважением. Однако в Нью-Йорке получение мелкой мзды, кажется, превратилось в настоящий бизнес. По дороге из аэропорта до номера мне пришлось раздать не менее ста долларов. После того как мне пришлось дать на лапу таксисту, швейцару, коридорному и консьержу, я остался без цента в кармане.

Я повсюду опаздываю, поскольку не могу правильно определить время, необходимое для поездки из пункта А в пункт Б в пределах Нью-Йорка. В один из дней перед началом турнира отправляюсь на тренировку, которая должна начаться в два часа. Выхожу из отеля с запасом времени, который полагаю более чем достаточным для того, чтобы добраться до стадиона «Флашинг Мидоус». Сажусь на автобус, курсирующий между отелем и стадионом. Увы, когда мы, преодолев пробки в центре города, добираемся до места, я уже безнадежно опоздал. Служительница сообщает, что мой корт занят. Я умоляю ее выделить другое время для тренировки.

- Вы кто? - спрашивает она.

Я показываю документы, изображаю слабую улыбку.

Позади - стенд с именами спортсменов, который она изучает со скептическим видом. Она отчаянно напоминает мне миссис Г. Служительница водит пальцем вверх и вниз по левой колонке.

- Хорошо, - произносит она. - Четыре часа. Восьмой корт.

Я смотрю на фамилию игрока, с которым мне предстоит тренироваться.

- Простите, но с этим человеком я тренироваться не могу. Вполне возможно, нам предстоит играть во втором раунде.

Она вновь разглядывает стенд, в раздражении хмыкает, и я вновь задаю себе вопрос: не было ли у миссис Г сестры, с которой

ее разлучили в детстве? Я уже не ношу ирокез, иначе был бы ей еще более неприятен. С другой стороны, моя нынешняя прическа немногим лучше: высоко взбитые волосы, торчащие рваными прядями, коротко выстриженные на макушке, ниже спускающиеся по плечам и к тому же выкрашенные в два цвета - угольно-черные у корней и выбеленные на концах.

- Ладно, - нарушает молчание псевдосестра миссис Г. - Пять часов, корт семнадцать. Но там будут еще три игрока.

- Я в этом городе тону, - жалуюсь я Нику. Тот смеется:

- Ничего, выплывешь!

- Издали он выглядит гораздо лучше!

- Так про что угодно можно сказать.

В первом раунде играю против Джереми Бейтса из Великобритании. Наш матч проходит на дальнем корте, в стороне от толпы и главных событий. Я возбужден и горд. Затем меня охватывает ужас. Чувствую себя так, будто сегодня - последнее воскресенье турнира. У меня в животе порхает целая колония бабочек.

Это - турнир Большого шлема, и поэтому энергетика игры отличается от всего, что мне пришлось испытать до этого. Она неистовствует, бушует. Скорость игры все время меняется, с таким ритмом я встречаюсь впервые. Кроме того, день сегодня ветреный, а значит, мячи будут носиться по корту, как фантики от жвачки в клубах пыли. Это, кажется, даже не похоже на теннис. Бейтс - игрок не лучше, чем я, но сейчас он играет удачнее, потому что заранее знал, к чему быть готовым. Он обыгрывает меня в четырех сетах, затем смотрит на Фили и Ника, сидящих в ложе, и с размаху бьет кулаком по сгибу локтя, демонстрируя универсальный жест презрения. В свое время они с Ником явно что-то не поделили.

Я разочарован и слегка сконфужен. Не был готов ни к моему первому Открытому чемпионату США, ни к Нью-Йорку. Вижу, какая пропасть отделяет меня нынешнего от того, каким я должен стать, и уверен, что смогу перепрыгнуть эту пропасть.

- У тебя все получится, - утешает меня Фили, приобняв. - Это лишь вопрос времени.

- Спасибо, я знаю.

И я это действительно знаю. Никаких сомнений. Но с этого момента почему-то начинаю проигрывать. Не просто проигрывать - продувать с позором. Убого. Жалко. В Мемфисе вылетаю в первом раунде. В Ки-Бискейн - тот же результат.

- Фили, что со мной происходит? - в отчаянии спрашиваю у брата.

- Ничего не понимаю. Чувствую себя любителем, играющим

по воскресеньям. Я пропал.

Хуже всего мне приходится в Спектруме, штат Филадельфия. Игра проходит не на теннисном корте, а на баскетбольной площадке не лучшего качества. Бугристое, плохо освещенное поле сумело вместить два корта, матчи на которых идут одновременно. Ровно в тот момент, когда я принимаю подачу соперника, кто-то принимает подачу на соседнем корте, и если его мяч летит далеко от центра поля, а мой отскакивает, нам обоим надо стараться не столкнуться головами. Я и так с трудом концентрируюсь, а тут еще приходится заботиться о том, чтобы не столкнуться с другим игроком. После первого же сета в голове не остается ни единой мысли, а в ушах звучит лишь стук сердца.

Мой оппонент откровенно слаб, и это тоже ставит меня в невыгодное положение. Я в своей худшей форме выступаю против игрока еще более слабого. Опускаюсь до его уровня. Не могу наладить собственную игру, пока пытаюсь приспособиться к стилю оппонента: это похоже на попытку вдохнуть и выдохнуть одновременно. Играя против великих, я пытаюсь подняться до их уровня. Если же мне достается слабый противник - приходится его прессовать, что в теннисе означает - не пускать игру на самотек. Прессинг - одна из самых неприятных вещей, с которыми приходится сталкиваться в игре.

Мы с Фили в унынии возвращаемся в Вегас. Мы удручены и расстроены, и, что еще более существенно, у нас нет ни гроша. Я не получал призовых уже несколько месяцев, при этом практически все деньги от Nike мы ухитрились разбазарить на перелеты, гостиницы, аренду авто и ужины в ресторанах. Из аэропорта еду к Перри. Мы устраиваемся у него в спальне вместе с парой стаканов газировки. Здесь я успокаиваюсь, ко мне возвращается рассудительность. Вижу, что на стенах появилось несколько дюжин новых обложек Sports Illustrated. Рассматриваю лица великих спортсменов и говорю: «Я всегда знал, что стану знаменитым спортсменом. Был уверен, что так и будет. Это моя жизнь, и я если и жалел, то только о том, что судьбу не изменишь. Зато я знал, что меня ждет. А вот сейчас я не знаю, что будет дальше. Оказалось, что единственное, что я делаю, я делаю не так-то хорошо. Неужели для меня все закончилось, так и не начавшись? И если так, то что нам с Фили, черт возьми, делать дальше?»

Я говорю, что хочу быть обычным шестнадцатилетним подростком, но вместо этого моя жизнь все больше отклоняется от нормы. Это ненормально - подвергаться унижениям на Открытом чемпионате США. Это ненормально - бегать по спортивному залу, рискуя столкнуться лбами с каким-то

великаном из России. Это ненормально - прятаться в раздевалках…

- А почему ты прячешься?

- Потому что мне шестнадцать, а я уже вошел в первую сотню мировой классификации. Кроме того, Ника многие не любят, а меня ассоциируют с ним. У меня нет друзей, нет товарищей. У меня даже девушки нет!

С Джейми мы давным-давно расстались. Моя последняя подружка, Джиллиан, еще одна одноклассница Перри, не отвечает на звонки. Она хочет встречаться с парнем, который не проводит все время в разъездах. И я ее понимаю.

- Не думал, что у тебя такие проблемы, - произносит Перри.

- Но самое неприятное, - продолжаю я, - то, что я - банкрот.

- А где же твои двадцать тысяч от Nike?

- Ушли на разъезды, на прочие расходы. Я же путешествую не один - со мной Фили, Ник, из-за этого расходы растут. А если не выигрывать, они растут еще быстрее. Двадцать тысяч разлетаются очень быстро.

- А ты не можешь занять у отца?

- Исключено. Его помощь слишком дорого мне обходится. Пытаюсь освободиться от его опеки.

- Андре, все будет хорошо.

- Ага, как же.

- Правда! Скоро все изменится к лучшему, и ты опять начнешь выигрывать. Не успеешь оглянуться, и твой портрет будет на обложке Sports Illustrated.

- Скажешь тоже.

- Точно тебе говорю! Я уверен. И брось переживать насчет Джиллиан! Она - проходной вариант. У тебя всегда будут проблемы с девчонками, это нормально, такова уж твоя животная натура. Но скоро девушкой, с которой у тебя будут проблемы, станет не кто-то, а Брук Шилдз!

- Брук Шилдз? С чего ты взял?

Перри хохочет:

- Я не знаю, просто читал о ней недавно в Time. Она скоро окончит Принстон. Брук - самая красивая женщина в мире, умная и знаменитая. Когда-нибудь ты пригласишь ее на свидание. Пойми меня правильно, твоя жизнь, скорее всего, никогда не станет нормальной, - но скоро ее ненормальности все будут завидовать.

Приободренный Перри, я отправляюсь в Азию. Денег, которые у меня остались, как раз хватит нам с Фили на поездку туда и обратно. Я участвую в Открытом чемпионате Японии и выигрываю несколько матчей, прежде чем потерпеть поражение в четвертьфинале от Андре Гомеса. Затем лечу в Сеул, где дохожу до финала. Там я проигрываю, но все же получаю семь тысяч долларов призовых. Этого хватит, чтобы еще три месяца искать свою игру.

Когда мы с Фили приземляемся в Вегасе, я радуюсь и чувствую себя свободным. Отец приезжает нас встречать, и, когда мы с братом идем через залы международного аэропорта Маккаран, сообщаю, что принял важное решение: хочу обнять отца.

- Обнять? А зачем?

- У меня хорошее настроение. Я счастлив, в конце концов! Почему бы и нет? Вот и сделаю это. Живем только один раз.

Отец стоит у выхода в бейсбольной кепке и солнечных очках. Я решительно подхожу к нему и сжимаю в объятиях. Он застывает в совершенной неподвижности. Мне кажется, что я обнимаю чучело.

Разжимаю объятия… И обещаю себе никогда больше не делать этого.

В МАЕ 1987 ГОДА МЫ С ФИЛИ летим в Рим. Я в основной сетке турнира, так что наше проживание оплачивают организаторы. Мы меняем забронированную Фили затрапезную

гостиницу, где нет ни телевизора, ни занавесок в душе, на первоклассный отель Cavalieri, гордо глядящий на город с вершины самого высокого из римских холмов.

Перед турниром у нас есть несколько свободных дней, чтобы побродить по городу и посмотреть достопримечательности. Мы отправляемся в Сикстинскую капеллу и долго разглядываем фреску, на которой Иисус передает святому Петру ключи от Царствия Небесного, разглядываем потолок, расписанный Микеланджело. Экскурсовод говорит: «Микеланджело всю жизнь мучительно стремился к совершенству, впадая в ярость всякий раз, когда замечал мельчайший недостаток в своей работе или в материале, который он собирался использовать».

Мы проводим целый день в Милане, посещая церкви и музеи. Пол-часа стоим перед «Тайной вечерей» Леонардо да Винчи. Мы узнаем о записных книжках Леонардо, где можно найти беглые эскизы человеческих тел, а также футуристические изображения вертолетов и уборных современного вида. Мы оба поражены тем, что в одном человеке может уместиться столько идей. «Главное - вдохновение, - говорю я Фили, - в этом весь секрет».

Открытый чемпионат Италии проходит на кортах с красным грунтовым покрытием - оно сразу показалось мне неестественным. До этого мне приходилось играть лишь на зеленых грунтовых кортах, они считаются довольно быстрыми.

Красный грунт - это горячий клей и расплавленная смола, уложенные поверх зыбучих песков.

- Если уж человек погряз в эту чертову красную глину, то его уже не вытащишь, - жалуюсь я Нику на первой же тренировке.

- Все нормально, - ухмыляется он. - Нужно только привыкнуть. Не будь таким нетерпеливым, не пытайся забить каждый мяч.

Что он имеет в виду? Я проигрываю во втором раунде.

Мы летим в Париж, на Открытый чемпионат Франции. Здесь - тоже красное грунтовое покрытие. Я ухитряюсь выиграть в первом раунде, но вылетаю после второго. Мы с Фили вновь стараемся посмотреть город, узнать что-нибудь для общего развития. Отправляемся в Лувр, его бесчисленные картины и скульптуры ввергают нас в панику. Мы не знаем, куда свернуть, где остановиться, не в силах понять то, что видим. Оглушенные, переходим из зала в зал и вдруг видим картину, которую понимаем даже слишком хорошо. Это полотно эпохи итальянского Возрождения: молодой обнаженный мужчина стоит на вершине скалы. Одной рукой он схватился за голую, надломленную ветку дерева, другой держит женщину и двоих детей. Вокруг его шеи обвил руки старик, возможно, отец,

сжимающий сумку с чем-то, похожим на деньги. Под скалой распростерлась бездна, усыпанная телами не сумевших удержаться. Все зависят от силы обнаженного мужчины, от его хватки.

- Чем дольше смотришь, тем, кажется, крепче рука старика сжимает шею этого парня, - говорю я Фили.

Фили кивает. Он смотрит на обнаженного мужчину и тихо говорит:

- Держись, брат.

В ИЮНЕ 1987 ГОДА мы отправляемся на Уимблдон. Я буду играть с французом Анри Леконтом на корте номер два. Его называют «кладбищенским кортом» из-за позорных поражений, которые неоднократно доводилось терпеть на нем самым разным игрокам. Впервые мне предстоит играть на священном для любого теннисиста стадионе, - и с первого же взгляда он мне категорически не нравится. Я, простой необразованный парень из Лас-Вегаса, не люблю все чужеродное, а Лондон для меня чужероден до крайности. Британская пища, автобусы, освященные веками традиции. Как ни странно, даже трава на газоне Уимблдона пахнет не так, как дома.

Чтобы еще больше сбить с толку игроков, официальные лица Уимблдона с удовольствием снобов, облеченных властью, рассказывают участникам, как следует себя вести. Меня же выводят из себя любые правила, особенно - бессмысленные. Почему я должен носить белое? Вообще, почему кого-то волнует, во что я одет?

Я почувствовал себя оскорбленным: почему меня здесь постоянно ограничивают и принуждают? Может быть, я здесь не очень-то нужен? Почему спортсмен должен показывать пропуск, чтобы пройти в раздевалку? Я участвую в этом турнире, но ко мне относятся как к чужаку, даже не давая тренироваться на кортах, где мне предстоит выступать. Приходится тренироваться в помещении, вне стадиона. Попробовать себя на травяном покрытии я впервые смог лишь в начале турнира. И с ужасом обнаружил, что мяч не отскакивает в нужном направлении, да он вообще не отскакивает, черт возьми, потому что эта трава не похожа на траву - скорее, на лед, тщательно залитый вазелином. Я так боялся поскользнуться, что старался двигаться на цыпочках. Оглядываюсь на британских болельщиков: заметили ли они, насколько мне дискомфортно? И тут меня охватывает ужас: болельщики нависают прямо надо мной! Этот корт скроен как кукольный дом. Леконт расправляется со мной, и вот мое имя пополнило список жертв «кладбищенского корта». Обещаю Нику никогда больше сюда не возвращаться. Скорее я вновь обниму

своего отца, чем паду в объятья Уимблдона.

Несколько недель спустя все еще в омерзительном настроении я лечу в Вашингтон. На игру с Патриком Кюхненом в первом раунде выхожу совершенно опустошенным. Силы ушли все, без остатка. После утомительных разъездов по Европе я больше ни на что не способен. Переезды, поражения, стрессы выпили из меня все жизненные соки. К тому же день выдался на редкость жаркий, чувствую себя не лучшим образом. Остается лишь покинуть корт, хотя бы мысленно, что я и делаю. Когда за каждым из нас остается по одному сету, отключаюсь от игры. Разум покидает мое тело и отправляется вольно бродить куда-то за пределы стадиона. В третьем сете я исчезаю полностью. Проигрываю 6-0.

Я подхожу к сетке, чтобы пожать руку Кюхнену, он что-то говорит, но я не слышу и даже не вижу его. Он - лишь сгусток энергии в конце туннеля. Я подхватываю сумку и, спотыкаясь, бреду со стадиона. Перехожу через улицу в сторону парка Рок Крик, плетусь между стволов и, убедившись, что вокруг никого, ору деревьям:

- Мне все это дерьмо осточертело! Мне, черт побери, конец! Я выдохся!

Я шагаю куда глаза глядят и выхожу на какую-то поляну, где расположилась группа бездомных. Кто-то сидит на земле, другие спят, растянувшись на бревнах, пара мужчин играет в карты. Они похожи на троллей из детской сказки. Я подхожу к одному из них, настороженно глядящему на меня, открываю сумку и вытаскиваю несколько теннисных ракеток Prince:

- На, парень, хочешь - забирай! Мне это больше не нужно!

Бездомный пока не понимает, что происходит, зато видит, что

наконец-то встретил кого-то более безумного, чем он сам. Его товарищи потянулись в нашу сторону.

- Идите сюда, ребята, скорее! - объявляю я. - Пусть сегодня у нас тридцать восемь градусов в тени, все равно предлагаю превратить этот вечер в рождественский!

Я вываливаю из сумки оставшиеся ракетки, каждая из которых стоит несколько сотен долларов, и швыряю их бродягам:

- Забирайте, все забирайте! Мне это уж точно не понадобится!

После этого, наслаждаясь необычайной легкостью своей спортивной сумки, я отправляюсь в отель, где мы с Фили остановились. Я сижу на кровати, Фили - на другой, как в старые добрые времена.

- С меня довольно! - объявляю я. - Я больше не могу.

Он не пытается спорить. Он понимает. Кто поймет меня

лучше него? Мы хотим спланировать дальнейшие шаги. Как сообщить Нику? А отцу? Чем я смогу зарабатывать себе на жизнь?

- Чем бы ты хотел заняться вместо тенниса?

- Не знаю.

Мы идем ужинать, продолжая обсуждать мое будущее, анализируя финансовое положение, - на моем счету осталась пара сотен долларов. Мы шутим: кажется, снова приближается эпоха картошки и чечевичного супа.

В нашем номере на телефонном аппарате мигает лампочка: принято новое сообщение. Организаторы из Северной Каролины сообщают, что один из игроков отказался участвовать в их турнире, интересуются, смогу ли я сыграть. За это гарантируют две тысячи.

Фили считает, что уходить из тенниса хотя бы с деньгами в кармане мне было бы гораздо легче.

- Хорошо, - соглашаюсь я. - Последний турнир. Надо бы достать хоть пару ракеток.

НА ЖЕРЕБЬЕВКЕ мне выпадает играть в первом раунде с парнем по имени Майкл Чанг. Я вырос, регулярно играя с ним. Сражался против него на всех юношеских турнирах и ни разу не уступил. С ним у меня никогда не было проблем. К тому же ему всего пятнадцать - он на два года моложе меня, а ростом едва ли мне до пупка. Для расшатанной психики Андре Агасси подобный матч - то, что доктор прописал. Заведомая победа. Выхожу на корт, улыбаясь.

Хм, а Чанг-то заметно изменился за то время, что мы не виделись. Уровень его игры растет, похоже, с космической скоростью. Он прыгает по корту шустро, как блоха. Мне потребовалось напрячь все силы, чтобы добиться победы. И все-таки я одержал верх. Моя первая победа за много месяцев! Наверное, стоит повременить с уходом хотя бы несколько недель. Сообщаю Фили, что хочу поехать в Страттон-Маунтин, где год назад мне сопутствовал успех. Это будет подходящее место для прощальной гастроли.

Мы летим в Вермонт с двумя знакомыми игроками - Питером Духаном и Келли Эверденом. Келли сообщает, что перед отъездом ему удалось добыть сетку турнира в Страттоне.

- Кто хочет узнать имя своего соперника?

- Я!

- Нет, Андре, лучше бы тебе этого не знать.

- Да ладно! Кто же мне достался?

- Люк Дженсен.

- Черт!

Люк - лучший молодой спортсмен в мире, безоговорочный

фаворит турнира. Отворачиваюсь к окну и смотрю на облака. Ну почему я не ушел победителем? Почему не сделал этого после матча с Чангом?

ЛЮК ОДИНАКОВО ХОРОШО подает справа и слева, за что заслужил прозвище Двурукий. На его подаче мяч летит со скоростью 130 километров в час, с какой бы руки он ни бил. Тем не менее сегодня его первая подача уходит в аут, после чего мне удается выиграть и вторую. Победив в трех сетах и продвинувшись дальше в сетке турнира, я, кажется, поражен куда больше, чем Люк.

Следующий мой соперник - Пат Кеш. Он недавно выиграл Уимблдонский турнир - через двенадцать дней после того, как мои надежды похоронил «кладбищенский корт». Кеш - настоящая машина, спортсмен до мозга костей, он прекрасно двигается и столь искусно играет, что, кажется, находится в десяти точках корта одновременно. Однако в самом начале встречи я замечаю, что соперник не силен в подаче крученых мячей, получаю прекрасные, прямо-таки джентльменские пасы прямо на уровне глаз, имея возможность отвечать ударами, которые он не в состоянии парировать. Поскольку у меня нет шансов победить, хочу продемонстрировать достойную игру, чувствую себя свободным и раскрепощенным, и это заставляет Кеша нервничать. Он, кажется, шокирован происходящим. Он пропускает первые подачи, а, поняв, что призрак поражения отступил, я вкладываю все свои силы и умение в то, чтобы отбивать его подачи. Всякий раз, пропуская мой мяч, Кеш сердито смотрит на меня из-за сетки, будто хочет сказать: «Мы так не договаривались! Ты не должен был этого делать!»

В своей самонадеянности он делает глупую ошибку: все больше времени проводит у сетки с озадаченным видом, вместо того чтобы отступить к задней линии и придумать новую стратегию игры. После того как я в очередной раз отлично отбиваю его подачу, он отвечает довольно средненьким ударом с лета, и я вновь выигрываю мяч. Он стоит, уперев руки в бедра, на его лице - обида от жуткой несправедливости происходящего.

- Вот так и смотри, - думаю я. - Продолжай в том же духе!

Ближе к концу игры каждый мяч соперника представляет для меня столь легкую цель - так послушно летит в мою сторону, так легко отбивается, - что это кажется несправедливым. Легко выигрываю каждое очко: хотелось лишь провести игру достойно, но я завершаю ее триумфально! Поразительно, победа за мной: 6-7, 6-7.

Прихожу к выводу: Стратton-Маунтин - моя волшебная гора. Мой анти-Уимблдон. Годом раньше я показал здесь лучшую свою

игру, сейчас же демонстрирую уровень вдвое более высокий. Это место завораживает меня, помогает расслабиться. Здесь - настоящая Америка. В отличие от заносчивой британской публики, болельщики в Страттоне узнают меня - или по крайней мере того идеального Андре Агасси, которым я хочу казаться. Они ничего не знают о напряжении последних двенадцати месяцев, о ракетках, подаренных бездомным, о моем предстоящем уходе. А если бы и знали, то не поставили бы это мне в вину. Они приветствовали меня во время матча с Дженсеном, а после того как я выиграл у Кеша, и вовсе считают меня родным. «Этот парень - наш! Он классно играет здесь!» Вдохновленный бурной поддержкой болельщиков, я дохожу до полуфинала, где мне предстоит встретиться с Иваном Лендлом, первой ракеткой мира. Самый важный матч в моей карьере. Отец прилетает на игру из Вегаса.

За час до игры Лендл бродит по раздевалке в одних кроссовках. Глядя на него, голого и такого расслабленного перед матчем, я понимаю, что сейчас произойдет. Поражение, которое увенчает все мои поражения. Я проигрываю в трех раундах. Однако ухожу с корта удовлетворенным: я выиграл второй сет. Целых полчаса давал прикурить первой ракетке мира. С этим можно жить. Я доволен. Но - ровно до тех пор, пока не прочел отзывы Лендла о моей игре в прессе. На расспросы обо мне он лишь фыркал: «Прическа и удар справа!»

9

Я ЗАВЕРШИЛ 1987 ГОД С ТРИУМФОМ, выиграв свой первый профессиональный турнир - это произошло в Бразилии, в Итапарике. Победа оказалась тем более впечатляющей, что за моей игрой наблюдала целая толпа бразильских болельщиков, изначально настроенных весьма враждебно. Но даже после того, как я выиграл у сильнейшего бразильца Луиза Маттара, болельщики, кажется, вовсе не испытывали недовольства. Напротив, меня посвятили в почетные бразильцы. Толпа выбежала на корт и, подняв меня в воздух, начала качать. Многие зрители пришли на стадион прямо с пляжа, и их тела были вымазаны кокосовым маслом, которым вскоре сказался покрыт и я. Женщины в бикини и стрингах покрывали меня поцелуями. Гремела музыка, кое-где начались танцы, кто-то сунул мне в руку бутылку с шампанским, чтобы поливать им толпу. Атмосфера карнавала соответствовала моему собственному победному настроению. Я все-таки сломил судьбу, выиграл пять матчей подряд. «Правда, чтобы выиграть Большой шлем, - подумал я с

тревогой, - придется победить в семи».

Мне протягивают чек: девяносто тысяч долларов.

С этим чеком, все еще спрятанным в кармане джинсов, два дня спустя сижу в отцовской гостиной и занимаюсь прикладной психологией.

- Пап, - спрашиваю я. - Как ты думаешь, сколько я заработаю в следующем году?

- Миллионы, разумеется! - смеется отец.

- Хорошо, - отвечаю я. - В таком случае ты наверняка не будешь возражать, если я куплю машину.

Отец хмурится. Шах и мат.

Я знаю, какую машину хочу. Белый «корвет» с полным фаршем. Отец настаивает: они с мамой отправятся в автосалон вместе со мной и убедятся, что продавец меня не надувает. Не могу отказаться. Отец - мой квартирный хозяин и одновременно надсмотрщик. Теперь я редко живу под крышей академии Боллетьери, гораздо чаще обитаю у родителей, а значит, под отцовским контролем. Я путешествую по всему миру, зарабатываю неплохие деньги, понемногу обретаю славу, и все-таки приходится спрашивать у отца разрешения на каждый шаг. Да, это неправильно - но, черт возьми, вся моя жизнь неправильна. Мне всего семнадцать, я не готов жить один, с трудом выношу одиночество даже на теннисном корте. И все-таки я недавно был в Рио и держал в одной руке чек на девяносто тысяч долларов, другой обнимая девушку в стрингах. Я - подросток, который видел слишком много, мужчина- ребенок без собственного счета в банке.

В автомобильном салоне отец бродит туда-сюда вместе с продавцом, их торг все больше становится похожим на ссору. Почему я не удивлен? Всякий раз, когда отец выдвигает новое предложение, продавец отправляется к менеджеру за консультацией. Отец сжимает и разжимает кулаки.

В конечном счете они договариваются о цене. Еще чуть-чуть - и я стану владельцем автомобиля своей мечты. Отец надевает очки, в последний раз проглядывает документы, ведя пальцем по строчкам с цифрами…

- Постойте, что это такое? За что еще пятьдесят баксов?

- Это доплата за оформление документов, - объясняет продавец.

- Эти чертовы бумажки не мне нужны, а вам, вот и платите за них из своего кармана!

Продавца не заботит тон, с которым говорит отец. Но оскорбительные слова уже произнесены. Отец смотрит на продавца так же, как когда-то смотрел на водителя грузовика

перед тем, как сбить его с ног. Один лишь вид всех этих машин привел его в прежний дорожный раж.

- Пап, машина стоит тридцать семь тысяч, а ты поднимаешь шум из- за какого-то полтинника!

- Они пытаются надуть тебя, Андре! И меня! Весь мир пытается меня надуть!

Он выскакивает из офиса продавца в главный демонстрационный зал, где за своими компьютерами сидят менеджеры. Он кричит им:

- Думаете, вам тут ничего не грозит? Думаете, вы в безопасности за своим прилавком? Может, осмелитесь выйти сюда, ко мне?

Он сжимает кулаки - готов подраться с пятью мужчинами сразу.

Мама обнимает меня за плечи, предлагает выйти и подождать снаружи. Это - лучшее, что мы можем сделать, считает она.

Мы стоим на тротуаре и видим сквозь огромную витрину автосалона, как отец продолжает изливать свой гнев. Он машет руками и стучит кулаком по столу. Все это похоже на ужасное немое кино. Я напуган и в то же время слегка завидую. Мне бы хотелось обладать хотя бы частицей отцовской ярости. Было бы здорово иметь ее в своем распоряжении во время трудных матчей. Интересно, многого ли я смогу добиться в теннисе, если научусь вот так аккумулировать свой гнев, направляя его на противоположную сторону площадки? Увы, весь свой гнев я направляю исключительно на себя.

- Мам, - спрашиваю я, - как ты все это терпишь столько лет?

- Сама не знаю, - отвечает она. - При всем при том он пока еще не попал в тюрьму и его никто не убил. Нам везет. Будем надеяться, что и сейчас этого снова не случится и все успокоится.

Помимо ярости моего отца, мне бы хотелось иметь хоть частицу материнского терпения.

Мы с Фили возвращаемся в автосалон на следующий день. Продавец, вручая ключи от новенького «корвета», смотрит на меня с жалостью. Он замечает, что я совсем не похож на отца, и хотя в его глазах это, безусловно, комплимент, я чувствую себя несколько обиженным.

По пути домой радость от обладания «корветом» выветривается. Я объясняю Фили, что отныне наши дела пойдут по-другому. Перестраиваясь из ряда в ряд, до упора выжимая педаль газа, говорю:

- Дальше ждать невозможно. Я должен сам распоряжаться своими деньгами. А заодно - и своей дурацкой жизнью.

ДОЛГИЕ МАТЧИ выжимают из меня все силы. А поскольку

моя подача оставляет желать лучшего, таких матчей большинство. Не получается зарабатывать легкие очки на собственной подаче, так что с соперниками приходится биться все двенадцать раундов. Мое умение играть растет, а вот тело, напротив, начинает сдавать. Я тощий, даже хрупкий, мои ноги быстро устают, начинают сдавать нервы. Объясняю Нику, что моя физическая форма не позволяет тягаться с лучшими игроками планеты. Тот соглашается: ноги - это все.

Я нахожу в Вегасе тренера - отставного армейского полковника по имени Ленни. Крепкий, как мешок из рогожи, он ругается, как матрос, и хромает, как пират. Походку свою он получил на память о какой-то из давних войн, о чем не любит вспоминать. После часа занятий с Ленни я мечтаю, чтобы меня кто-нибудь пристрелил. Мой наставник ловит кайф, гоняя меня и попутно осыпая отборными ругательствами.

В декабре 1987-го на нашу пустыню неожиданно обрушились холода. Уличные зазывалы надели шапки Санта-Клаусов. Пальмы в гирляндах. Проститутки на Стрипе вышли на работу в сережках с рождественским орнаментом. А я признался Перри, что жду этого нового года с нетерпением: я почувствовал в себе силы, начал постигать теннис.

Выигрываю свой первый турнир 1988 года в Мемфисе. Мяч кажется живым, когда он отлетает от ракетки. Мой удар справа становится все сокрушительнее - бью, будто простреливая соперников. Все они смотрят на меня удивленно, в глазах читается вопрос: «Черт возьми, откуда это взялось?»

Нечто новое вижу и на лицах болельщиков. Их взгляды, просьбы об автографах и приветственные крики вызывают неловкость, но в то же время и тайную радость, как будто сбылось мое заветное желание, запрятанное так далеко, что и сам я не подозревал о его существовании. Я стесняюсь, но внимание подкупает. Меня раздражает, когда фанаты начинают одеваться, как я, но в то же время балдею от этого.

Одеваться, как я в 1988 году, означает носить джинсовые шорты. Это - мой отличительный знак, мой автограф. О них упоминается в каждой статье обо мне. Как ни странно, я не выбирал их - напротив, они выбрали меня. Это произошло в 1987 году в Портленде. Я участвовал в международном турнире, организованном компанией Nike, и представитель фирмы пригласил меня в свой номер люкс, чтобы показать последние модели спортивной одежды. Там уже был Макинрой, который, конечно, получил право первого выбора. Рассматривая вещь за вещью, он взял в руки пару джинсовых шортов и недоуменно спросил:

- Что это за ерунда?

У меня загорелись глаза. «Черт возьми, круто! - подумал я, облизнув губы. - Мак, если ты отказываешься, то, чур, они мои!»

Стоило Макинрою отложить шорты в сторону, как я вцепился в них мертвой хваткой. Теперь надеваю их на каждый матч, и именно такие шорты носят мои многочисленные фанаты. Спортивная пресса готова меня убить. Журналисты пишут, что все это результат моего стремления выделиться. На самом деле, как и в случае с ирокезом, я, наоборот, хочу спрятаться. Они пишут, что я пытаюсь сломать традиции тенниса. В реальности же я лишь делаю все, чтобы теннис не сломал меня. Они называют меня бунтарем, хотя бунтарского духа во мне ничуть не больше, чем в среднестатистическом подростке. Я всего лишь хочу быть собой, но, поскольку не знаю, каков я на самом деле, попытки поиска собственной идентичности выглядят бессистемными, неуклюжими и противоречивыми. Я веду себя как когда-то в академии Боллетьери: отвергаю авторитеты, экспериментирую с имиджем, пытаюсь достучаться до отца, бунтую против отсутствия свободы. Только теперь за этим наблюдает куда более многочисленная аудитория.

Любой мой шаг становится темой для пересудов. Меня называют спасителем американского тенниса, что бы это ни значило. Думаю, это из-за атмосферы моих матчей. Мои фанаты не только носят одежду, как у меня, но и копируют мою прическу. Я вижу ее у мужчин и женщин - честно говоря, на женщинах она смотрится лучше. Подражание льстит мне и в то же время смущает. Не могу поверить, что все эти люди мечтают быть Андре Агасси, ведь даже я не хочу им быть.

Раз за разом стараюсь объяснить это во время интервью, но у меня ничего не получается. Пытаюсь шутить, но мои слова звучат либо из-лишне льстиво, либо, напротив, оскорбительно. Пускаюсь в философские рассуждения, но выходит бессмыслица. Тогда решаю обходиться стандартными ответами и общеизвестными банальностями, озвучивая журналистам лишь то, что они, как мне кажется, хотят от меня услышать. Это лучшее, что я могу сделать. Если я не в состоянии разобраться с мотивами собственных поступков и справиться с собственными бесами, как же я могу рассказать о них журналистам, при этом не сорвав сроки сдачи интервью в печать?

Хуже всего то, что журналисты записывают мои слова, будто они - истина в последней инстанции. «Постойте! - хочу я их попросить. - Не пишите это, я лишь размышляю вслух! Вы спрашиваете меня о том, в чем я не разбираюсь, - обо мне. Позвольте же поразмышлять над ответом, поспорить с самим

собой!» Но у них нет времени. Им нужны четкие ответы, черно-белые герои, добро и зло, простые сюжеты на семьсот слов - чтобы затем, не останавливаясь, двигаться к следующей теме. Если бы у меня было время, если бы я лучше понимал себя, объяснил бы журналистам, что лишь пытаюсь выяснить, кто я такой, пока же могу лишь сказать, кем не являюсь. Я - это не то, во что одеваюсь, не то, как я играю. И вообще я - совсем не такой, каким меня представляет публика. Не шоумен, несмотря на то что провел всю жизнь в Лас-Вегасе и люблю яркую одежду. Не enfant terrible, хотя без этого эпитета не обходится ни одна статья об Андре Агасси. (Разве можно обзывать человека словами, которые он сам не в состоянии произнести?) И, ради всего святого, не называйте меня панком или рокером! Я слушаю глупенькую мелодичную музыку вроде Барри Манилоу и Ричарда Маркса.

Я теряю волосы! Вот разгадка индивидуальности, мой секрет, который не могу сообщить журналистам. Я ношу длинную пышную стрижку, чтобы не было заметно, насколько стремительно я лысею. Об этом знают лишь Фили и Перри, оба - мои товарищи по несчастью. Фили недавно летал в Нью-Йорк, чтобы встретиться с владельцем «Мужского клуба причесок» и приобрести пару накладок. Он бросил свои стойки на голове. По телефону брат рассказал мне о потрясающем разнообразии накладок, которые предлагает «Мужской клуб».

- Ты даже не представляешь, сколько их тут, - сообщил он. - Это как салат-бар в Sizzler, только из волос.

Прошу Фили привезти накладку и для меня. Каждый день я нахожу часть своей индивидуальности на подушке, в раковине, в ванне.

«Ты будешь носить парик? - спрашиваю себя. - Играть в нем на турнирах?»

И отвечаю себе: «А что остается делать?»

В ФЕВРАЛЕ 1988 ГОДА в Индиан-Уэллс дохожу до полуфинала, где встречаюсь с немцем Борисом Беккером, самым знаменитым теннисистом мира. Он - счастливый обладатель прекрасной фигуры, копны волос цвета новенького пенни и мускулистых ног толщиной с мою талию. К моменту нашей встречи он в своей лучшей форме, но все же я выигрываю первый сет. Затем проигрываю два сета, включая третий - тяжелый, изматывающий. Уходя с корта, мы недобро косимся друг на друга, как пара быков. Обещаю себе: во время следующей нашей встречи непременно выиграю.

В марте в Ки-Бискейн я встречаюсь с Аароном Киркштейном, старым приятелем по академии Боллетьери. Нас часто

сравнивают: и из-за того, что мы оба учились у Ника, и из-за рано развившихся способностей. Легко выигрываю два сета, но потом силы покидают меня. Киркштейн берет верх в следующих двух сетах. В начале пятого сета у меня начинаются судороги. Я по-прежнему в плохой физической форме, не могу выйти на следующий уровень. Я проигрываю.

Отправляюсь на остров Пальме неподалеку от Чарлстона (Южная Каролина), где выигрываю свой третий турнир. Мой восемнадцатый день рождения приходится на разгар соревнований. Директор турнира выкатывает в центр корта торт, все поют. Вообще-то я никогда не любил дни рождения. В моем детстве никто даже не вспоминал о наступлении этого дня. Но сейчас все по-другому - я стал совершеннолетним, об этом не устают повторять со всех сторон. Теперь в глазах закона я взрослый.

А, в задницу закон!

Лечу в Нью-Йорк на турнир чемпионов. Это знаменательная веха для любого спортсмена, ведь именно здесь встречаются на корте сильнейшие теннисисты планеты. Вновь мне приходится столкнуться с Майклом Чангом, который за время, что мы не виделись, успел обзавестись странной привычкой: всякий раз, обыгрывая кого-то, он воздевает руки к небу. Истово благодарит Бога за победу. Меня это раздражает. Мысль о том, что Бог принимает чью-либо сторону в теннисном матче, что он болеет против меня, сидя в ложе Чанга, оскорбительна и нелепа. Я одолеваю Чанга, наслаждаясь каждым своим святотатственным ударом. Затем мщу Киркштейну за недавнее поражение. В финале встречаюсь со Слободаном Живойиновичем, сербом, известным по игре в парном разряде, и обыгрываю его в трех сетах.

Я стал выигрывать чаще. Надо бы радоваться, однако я напряжен и встревожен. Я был доволен этим триумфальным для меня сезоном, проведенным на кортах с твердым покрытием, мне прямо-таки физически хочется продолжать играть на твердых кортах. Но начинается сезон грунта. Со сменой покрытия меняется все: на грунте иной теннис, разум и тело должны приучиться играть по-другому. Вместо того чтобы на скорости носиться из одного края корта в другой, быстро останавливаться и мощно ускоряться, ты должен скользить, наклоняться, танцевать. Натренированные мышцы теперь выступают лишь в качестве группы поддержки, а доминируют мышцы, которые традиционно были на вторых ролях. Это само по себе болезненно, тем более я до сих пор не понимаю, кто я и какой. Необходимость стать другим, грунтовым человеком, добавляет мне разочарования и беспокойства.

Друзья рассказывали: четыре вида покрытий в теннисе - как четыре времени года. Каждое хочет от тебя чего-то нового, дарит подарки и запрашивает за них свою цену. Каждое кардинально меняет виды на будущее, перестраивая твое тело на молекулярном уровне. После трех раундов Открытого чемпионата Италии в мае 1988 года я больше не Андре Агасси. Я вылетел.

Отправляясь на Открытый чемпионат Франции 1988 года, я ожидаю провала. Зайдя в раздевалку Ролан Гаррос, я обнаружил, что здесь уже собрались все великие специалисты по грунтовому покрытию. Подпирают стенку, глядят исподлобья… Ник называет их крысами. Они провели здесь много месяцев, тренируясь и поджидая, пока все остальные закончат сезон на кортах с твердым покрытием и прилетят сюда, в их грунтовую ловушку.

Париж сбивает меня с толку, как и любое новое место, даже, пожалуй, сильнее, чем остальные. Здесь в изобилии те же самые проблемы, что были в Нью-Йорке и Лондоне, но к ним добавляется языковой барьер, да и присутствие собак в ресторанах меня напрягает. Впервые зайдя в настоящее французское кафе на настоящих Елисейских полях, я с изумлением увидел, как одна из этих собак поднимает ногу и щедро орошает ножку соседнего столика.

Ролан Гаррос тоже полон странностей. Это единственный стадион из виденных мной, насквозь пронизанный запахом сигар и трубок. Когда в критический момент матча я выполняю подачу, кольца трубочного дыма вьются вокруг моего носа. Хотелось бы мне найти этого курильщика и объяснить ему кое-что - хотя, с другой стороны, я предпочел бы избежать встречи с ним, потому что не могу - себе даже представить того мохноногого хоббита, который способен сидеть на теннисном матче под открытым небом и курить трубку.

Невзирая на дискомфорт, ухитряюсь разбить трех соперников. Я даже обыгрываю признанного мастера грунтовых покрытий Гильермо Переса-Ролдана в четвертьфинале. В полуфинале мне предстоит играть с Мэтсом Виландером. Он третья ракетка мира, однако, на мой взгляд, Виландер на данный момент непобедим. Когда матч с его участием показывают по ТВ, бросаю все свои дела и прилипаю к экрану. Думаю, это его лучший год. Он уже выиграл Открытый чемпионат Австралии, и здесь, на Ролан Гаррос, считается фаворитом. Умудряюсь сыграть с ним на равных четыре сета, в пятом у меня начинаются сильные судороги. Проигрываю 6-0.

Напоминаю Нику, что собираюсь пропустить Уимблдон. Зачем переключаться на травяные покрытия, тратить столько энергии? Может быть, лучше месяцок отдохнуть, чтобы набраться

сил для летнего сезона на кортах с твердым покрытием?

Ник счастлив, что ему не придется ехать в Лондон. Он любит Уимблдон не больше, чем я. Кроме того, он стремится побыстрее вернуться в Штаты, чтобы найти для меня лучшего тренера.

НИК НАНИМАЕТ ДЛЯ МЕНЯ чилийского силача по имени Пат. Я уважаю его: он никогда не заставляет меня делать то, что не готов сделать сам. Однако у Пата есть неприятная привычка брызгать слюной во время разговора, а также наклоняться надо мной, когда я работаю с тяжестями, роняя капли пота мне на лицо. Я уже подумываю о том, чтобы надевать на тренировку с Патом пластиковое пончо.

Главный элемент наших тренировок - изматывающая ежедневная пробежка вверх и вниз по холму в окрестностях Вегаса. Уединенно стоящий холм раскаляется на солнце; и по мере того как я поднимаюсь все выше, он становится горячее, словно действующий вулкан. Кроме того, он расположен в часе езды от отцовского дома, что, мне кажется, далековато - все равно что ездить на пробежку в Рино[21]. Пат, однако, настаивает: именно этот холм поможет мне решить проблему физической формы. Когда, доехав до подножия, мы выходим из машины, он сразу же трусцой направляется вверх, приказывая, чтобы я следовал за ним. Через минуту я уже прижимаю руку к ноющему боку, с меня градом катится пот. Когда мы добираемся до вершины, я почти не могу дышать. Пат говорит, это хорошо. Полезно для здоровья.

Однажды, когда мы с Патом штурмуем холм, рядом с ним появляется побитый жизнью грузовик. Из кабины вылезает дряхлый индеец, в руках у него палка. Если он захочет убить меня, не смогу защищаться, так как не в силах даже поднять руку. И убежать тоже не смогу - для этого у меня не хватит дыхания.

- Что вы здесь делаете? - интересуется индеец.

- Тренируемся. А вы что здесь делаете?

- Ловлю гремучих змей.

- Здесь водятся гремучие змеи?!

- А вы думали, здесь спортивный центр?

После того как я отсмеялся, старый индеец заявил: должно быть, я родился в рубашке, потому что это место не зря называется Холм Гремучих Змей, черт возьми. Он ловит их здесь каждый день по двенадцать штук и сегодня собирается поймать очередную дюжину. Это просто чудо, что я ни разу не наступил ни на одну из этих тварей - большую, толстую, готовую к прыжку.

Я смотрю на Пата и испытываю острое желание плюнуть ему в лицо.

В ИЮЛЕ УЛЕТАЮ В АРГЕНТИНУ, я самый молодой в истории

игрок американской команды, выступающий на Кубке Дэвиса. Успешно играю против аргентинца Мартина Хайте, толпа бурно выражает мне свое одобрение. Я выигрываю в двух сетах, веду в третьем 4-0, подача Хайте. Ежусь от холода: в Аргентине настоящая зима, температура, должно быть, уже упала до нуля градусов. Хайте подает неудачно, получая право на переподачу. Мяч срывается снова, но на этот раз права на переподачу у моего соперника уже нет. Дотянувшись, ловлю мяч рукой. Толпа взрывается. Зрители решили, что я смеюсь над их земляком, нарочно проявляя неуважение. Меня освистывают, шум не умолкает несколько минут.

На следующий день газеты смешивают меня с грязью. Вместо того чтобы защищаться, впадаю в ярость. Заявляю, что мне всегда хотелось сделать что-то подобное. На самом же деле я просто замерз и не думал о том, что делаю. Это была глупость, но не грубость. Моей репутации нанесен сокрушительный удар.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ СПУСТЯ меня бурно приветствует толпа в Стратton-Маунтине. Я играю, чтобы доставить им удовольствие, поблагодарить их за то, что помогли стереть из памяти мысли об Аргентине. Все поддерживает меня здесь: эти люди, эти изумрудные горы, этот вермонтский воздух. Выигрываю турнир. Вскоре с изумлением узнаю, что стал четвертой ракеткой мира. Но я слишком измучен, чтобы бурно праздновать это. Между тренировками Пата, Кубком Дэвиса и тяжким однообразием турне я сплю по двенадцать часов в сутки.

В конце лета лечу в Нью-Йорк, чтобы принять участие в небольшом турнире в Нью-Джерси, размяться перед Открытым чемпионатом США 1988 года. Я дохожу до финала, где встречаюсь с Таранго. Громлю его с наслаждением. Это сладчайшая победа: ведь, закрывая глаза, я все еще вижу, как он обманул меня, восьмилетнего. О, мое первое незабываемое поражение! Всякий раз, посылая на его половину площадки победный мяч, я думаю: «Черт бы тебя побрал, Джефф! Черт. Тебя. Побери».

На Открытом чемпионате США дохожу до четвертьфинала. Мне предстоит встреча с Джимми Коннорсом. Накануне матча, стесняясь, подхожу к нему в раздевалке и напоминаю, что мы уже встречались.

- В Лас-Вегасе, - подсказываю я, - мне тогда было четыре года. Вы играли в Cesar Palace и как-то раз согласились перекинуться со мной несколькими мячами, помните?..

- Не помню, - говорит он.

- Но ведь мы и позже встречались! - напоминаю я ему. - Мне было семь лет, я приносил вам ракетки! Отец всегда перетягивал

для вас ракетки, когда вы приезжали в Вегас, а я относил их в ваш любимый ресторан на Стрипе.

- Нет, не помню, - говорит он, ложится на скамью и, положив на ноги длинное белое полотенце, прикрывает глаза.

Свободен.

Что ж, именно так мне и описывали Коннорса знакомые спортсмены. Настоящая сволочь, говорили они. Грубый, высокомерный, эгоистичный. Но я рассчитывал на другое. Я надеялся, что он отнесется ко мне тепло - в память о давнем знакомстве.

- Только за это я разобью этого парня в трех сетах, - обещаю я Перри. - Дам ему выиграть девять геймов, не больше.

Толпа приветствует Коннорса. Это вам не Страттон. Здесь я выступаю в роли плохого парня. Агасси - нахальный выскочка, осмелившийся бросить вызов великому человеку. Они мечтают, чтобы Коннорс сокрушил само время, и лишь я один препятствую этому волшебному сценарию. Всякий раз, когда толпа взрывается приветствиями, я думаю: догадываются ли они, как этот парень ведет себя в раздевалке? знают ли, что говорят о нем знакомые? могут ли представить, как он отвечает даже на дружеское приветствие?

Я без особых усилий веду в матче, победа близка, и вдруг какой-то человек с трибун громко кричит:

- Давай, Джимми! Он - никто, а ты - легенда!

Слова на мгновение повисают в воздухе, оглушительные, огромные, как плывущий над стадионом дирижабль с рекламой Goodyear, и двадцать тысяч фанатов разражаются хохотом. На лице Коннорса появляется слабая улыбка, он кивает и одним ударом отправляет мячик кричавшему: сувенир.

Толпа неистовствует, Коннорсу аплодируют стоя.

Подхваченный волной адреналина и гнева, в последнем сете я разбиваю легенду в пух и прах. 6-1.

После матча рассказываю репортерам о разговоре с Коннорсом, состоявшемся накануне игры. Они пересказывают мои слова Коннорсу.

- Мне нравится играть с ребятами, которые по возрасту годятся мне в дети, - заявляет он в ответ. - Может, мы и правда сталкивались с этим парнем: ведь я проводил много времени в Вегасе.

В полуфинале вновь уступаю Лендлу. Мне удается дотянуть игру до четвертого сета, но все же он слишком силен. В попытке истощить его силы окончательно выматываюсь. Несмотря на все усилия Хромого Ленни и Плюющегося Пата-Чилийца, я не в состоянии противостоять игроку такого масштаба. Обещаю себе,

что, вернувшись в Вегас, не пожалею сил на поиски человека, который сумеет как следует подготовить меня к предстоящим битвам.

А ВОТ НАУЧИТЬСЯ СРАЖАТЬСЯ С ПРЕССОЙ меня не сможет никто. Это даже не сражение, а бойня. Каждый день какая-нибудь газета или журнал разражается статейкой, направленной против Агасси. Колкость от коллеги-спортсмена. Обличения от спортивных журналистов. Свежая порция клеветы, замаскированная под аналитику. Я - панк, я - клоун, я - жулик. Мой высокий рейтинг - результат тайного сговора, действий темных сил, неуемного фанатизма подростков. Я не стою такого шума, ведь не выиграл ни одного из турниров Большого шлема.

Миллионы поклонников любят меня, присылают мешки писем, некоторые - с фотографиями обнаженных женщин и их телефонами, нацарапанными на полях. Тем не менее меня ежедневно поносят за внешний вид, поведение, да и вообще безо всякой причины. Я осваиваюсь в роли злодея-бунтаря, привыкаю к ней, врастаю в нее. Эта роль - часть моей работы. Очень скоро превращаюсь в ее заложника. Я злодей - бунтарь навсегда, на каждом матче.

Обращаюсь за советом к Перри. Лечу на противоположное побережье США, чтобы провести с ним уик-энд. Перри изучает бизнес в Джорджтауне. Мы закатываем грандиозные ужины, он ведет меня в свой любимый местный бар Tombs и за стаканом пива приступает к тому, что у него всегда получалось: переформулирует мои проблемы, и они на глазах становятся более определенными. Если я - человек действия, то Перри, безусловно, человек слов. Сначала он заявляет, что моя проблема - в организации общения между мной и окружающим миром. Затем он уточняет предмет этого общения. Перри признает: для ранимого, чувствительного человека невыносимо, когда с него ежедневно прилюдно сдирают кожу. Но, утверждает он, это лишь временно, пытка продлится недолго. Дела пойдут куда веселее, когда я начну выигрывать турниры Большого шлема.

Выигрывать? Так в этом вся проблема? Почему мои победы должны менять мнение людей обо мне? Выигрываю или проигрываю - я остаюсь прежним. Я должен выигрывать, чтобы заставить всех заткнуться? Чтобы удовлетворить толпу спортивных писак, с которыми даже не знаком?!

ФИЛИ ВИДИТ, что я страдаю и не знаю, что делать. Он тоже в поисках. Он искал себя всю жизнь, сейчас делает это еще более напряженно. Брат признался, что ходит в церковь, ну, что-то вроде церкви в офисном комплексе в западной части Вегаса. Эта церковь не относится ни к одной из основных религий, рассказал

он, и пастор там тоже не такой, к каким мы привыкли.

Однажды он затащил меня на службу, и я вынужден был признать: пастор, Джон Паренти, действительно отличается от других: носит джинсы и футболку, у него длинные песочно-бежевые волосы. Он больше похож на серфингиста, чем на пастора. Он необычен, а это мне нравится. Не побоюсь этого слова, он - бунтарь. Мне нравится его крупный орлиный нос, его по-собачьи грустные глаза. Я попадаю под бесхитростное обаяние его служб. Джон делает Библию простой. Без самомнения, без догматизма - лишь здравый смысл и ясность мысли.

Паренти не любит обращения «пастор», предпочитая, чтобы мы звали его Джей Пи. Он говорит, что старается сделать так, чтобы церковь больше напоминала дом, в котором собираются друзья. Он признает, что у него нет готовых ответов, просто он много раз читал Библию с начала до конца и хочет поделиться своими соображениями по поводу прочитанного.

Я думаю, что на самом деле он знает много ответов, а мне они нужны. Я всегда считал себя христианином, но церковь Джей Пи - первая, где я почувствовал себя действительно близко к Богу.

Мы с Фили ходим на службы каждую неделю. Предпочитаем приходить, когда Джей Пи уже начал говорить, всегда садимся в задние ряды, ссутулившись и опустив головы, чтобы не быть узнанными. Как-то раз в воскресенье Фили заявляет, что надо повидаться с Джей Пи. Я упираюсь. Часть меня тоже хочет увидеться с пастором, другая предостерегает от нежелательных встреч. Я и раньше был застенчив, но недавний вал обличительных статей почти превратил меня в параноика.

Несколькими днями позже я еду по Вегасу в отвратительном настроении из-за очередных журналистских нападок. Сам не замечаю, как подъезжаю и паркуюсь у церкви Джей Пи. Уже поздно, в окнах нет света, во всех, кроме одного. Заглядываю внутрь. Секретарша возится с бумагами. Стучусь в дверь и объясняю, что хотел бы поговорить с Джей Пи. «Он ушел домой», - отвечает моя собеседница так, будто очень хочет добавить: «Да и вам в это время следовало бы сидеть дома». Дрожащим голосом прошу позвонить ему: мне очень нужно с ним поговорить. Она набирает номер и передает мне трубку.

- Да? - раздается на другом конце провода.

- Здравствуйте. Извините. Вы меня не знаете. Меня зовут Андре Агасси, я теннисист. Дело в том, что…

- Я вас знаю. Вижу у себя на службах последние полгода. Я, конечно, вас узнал. Просто не хотел быть навязчивым.

Благодарю его за скромность и уважение к моей частной жизни. В последнее время мне нечасто приходится сталкиваться с

подобным.

- Скажите, могли бы мы с вами встретиться? Поговорить?

- Когда? - спрашивает Джей Пи.

- Может быть, прямо сейчас?

- Хорошо. Сейчас подъеду в офис.

- Простите, а может быть, лучше я подъеду к вам? У меня быстрая машина, так что, где бы вы ни находились, я подъеду к вам быстрее, чем вы доберетесь сюда.

- Хорошо, - говорит он после паузы.

Через тринадцать минут я уже у дома пастора. Он встречает меня в дверях.

- Спасибо, что согласились встретиться со мной. Мне больше некуда было обратиться.

- Что же вам нужно?

- Может быть… гм, стоит получше узнать друг друга?

- Имейте в виду, - улыбается он. - Отец из меня плохой.

Я киваю, мысленно смеясь над собой.

- Разумеется, - говорю я ему. - Но, может быть, вы мне кое-что под-скажете? Про жизнь или хотя бы про то, какие книжки читать?

- Как учитель?

- Да.

- Учитель из меня тоже не самый лучший.

- Да?..

- Разговаривать, слушать, быть другом - это я могу.

Я хмурюсь.

- Послушайте, - произносит Джей Пи. - Для меня жизнь так же сложна, как и для любого другого. Даже еще сложнее. Поэтому от меня не стоит ждать той пастырской помощи, о которой вы просите. Я - не такой пастор. Если нужен совет - увольте. Если нужен друг - иное дело.

Я вновь киваю.

Стоя у распахнутой двери, он приглашает меня войти. В ответ предлагаю прокатиться по окрестностям: за рулем мне лучше думается.

Вытянув шею, он смотрит на мой белый «корвет». Такое ощущение, что у его дома приземлился небольшой частный самолет. Пастор слегка бледнеет.

Я везу его кататься по городу, вдоль Стрипа, затем по дороге в горы, окружающие Вегас. Демонстрирую ему возможности машины, разгоняя двигатель в полную силу на пустой ленте шоссе. Затем начинаю говорить о себе. Рассказываю свою историю, перескакивая с одного на другое. Однако Джей Пи, как и Перри, обладает способностью переформулировать мои

проблемы, делая их более понятными. Он видит мои внутренние противоречия и улаживает некоторые из них.

- Ты еще ребенок, который живет с родителями, - рассуждает он. - Но тебя знает вся планета. Конечно, это нелегко. Ты пытаешься выразить себя творчески, в соответствии со своим вкусом - и оступаешься на каждом повороте.

Рассказываю о нападках на меня, о разговорах про украденное мною место в рейтингах, про отсутствие побед над сколь-нибудь сильными соперниками, про то, что все мои успехи - лишь благодаря удаче. И это называется «родился в рубашке»? Джей Пи утешает: это обратная сторона успеха.

Я улыбаюсь.

- Наверное, это странно, когда одни незнакомые люди считают, что знают тебя и любят, другие - считают, что знают, и ненавидят - вне вся-кой логики, - задумчиво произносит он. - А между тем для себя самого ты - незнакомец.

- Полное безумие, что все это связано с теннисом , - признаюсь я, - а я, между прочим, теннис ненавижу.

- Правильно. Но на самом деле у тебя нет ненависти к теннису.

- Есть.

Я рассказываю Джей Пи об отце и его воплях, о постоянном давлении, гневе, о своей вечной заброшенности. Тот смотрит на меня с забавным выражением лица:

- Но ведь ты понимаешь, что Бог совсем не похож на твоего отца?

Я чуть было не наезжаю колесом на бордюр.

- Бог, - продолжает он, - полная противоположность твоего отца. Он не злится на тебя. Не орет тебе в ухо, не твердит навязчиво о том, что ты несовершенен. Тот голос, который постоянно звучит у тебя в ушах, - это не голос Бога. Это голос твоего отца.

Я поворачиваюсь к нему:

- Пожалуйста, повторите это еще раз.

Он повторяет слово в слово.

- И еще раз, пожалуйста.

Я снова слышу эту фразу.

Благодарю его и в свою очередь задаю вопросы о его жизни. Он рас-сказывает, что ненавидит свою работу. Он просто не в состоянии быть пастором. Он больше не способен нести груз ответственности за чужие души. Эта работа - круглосуточная, без выходных, с ней не остается времени даже на чтение и раздумья. (Гадаю, не в мой ли адрес этот скрытый упрек.) Кроме того, ему уже не раз угрожали смертью. В его церковь приходят

проститутки и наркодилеры, они встают на путь исправления, а потом к нему являются сутенеры, клиенты и родственники, существовавшие только на их доходы, и обвиняют во всем.

- А чем бы вам хотелось заняться вместо этого?

- Я композитор - пишу песни и хочу зарабатывать на жизнь музыкой.

Джей Пи признается, что написал песню «When God Ran», которая стала настоящим хитом, в хит-парадах христианской поп-музыки она на первых позициях. Джей Пи напел несколько отрывков. Его голос оказался приятным, мелодия - бодрой.

Я заверил его, что, если действительно хотеть чего-то и много работать, непременно достигнешь задуманного.

Заметив, что говорю, как ведущий тренинга для желающих стать успешными, я понял, что устал. Смотрю на часы: три утра.

- Вот это да! - я широко зеваю. - Может быть, подвезете меня к дому родителей? Они живут прямо здесь, за углом, а я уже засыпаю на ходу и больше не могу везти. Возьмете мою машину, доедете до дома и вернете, когда сможете.

- Я не хочу брать эту машину.

- Почему? Классная тачка. Быстрая, как ветер.

- Да, я это заметил. А вдруг я ее разобью?

- Если вы разобьете ее, а сами останетесь целы, я только порадуюсь. На машину наплевать.

- И сколько я могу… в смысле, когда мне вернуть машину?

- Когда вам удобно.

Он вернул «корвет» на следующий день.

- Было очень неловко ехать на ней в церковь, - признался Джей Пи, отдавая мне ключи. - Ведь я веду заупокойные службы. Нельзя приез-жать на похороны на белом «корвете».

Я ПРИГЛАСИЛ ДЖЕЙ ПИ в Мюнхен на Кубок Дэвиса. Мне очень важно попасть туда, ведь эти соревнования не для меня лично, они - для страны. Кажется, я наконец-то близок к тому, чтобы играть в команде. Поэтому уверен, что поездка будет приятной, а матчи - легкими, и хочу поделиться этим новым опытом с моим новым другом.

В начале турнира мне приходится выйти на корт против Бориса Беккера, которого в Западной Германии считают чуть ли не божеством. Фанаты готовы разнести по кусочкам стадион, двенадцать тысяч немцев освистывают меня. Но я не боюсь - у меня есть собственная защита. Я просто не могу проиграть. Много месяцев назад пообещал себе, что больше никогда не проиграю Беккеру, и вот теперь изо всех сил постараюсь выполнить обещание. Я веду во втором сете подряд. На стадионе меня приветствуют лишь Джей Пи, Фили и Ник, я слышу их крики

ободрения. Прекрасный день в Мюнхене.

Затем мое внимание рассеивается, а вслед за ним я теряю уверенность. Проигрываю гейм и, дождавшись смены сторон, иду на свое место расстроенный.

Вдруг слышу, как немецкие организаторы что-то кричат мне. Оказывается, меня зовут обратно на корт.

- Игра не закончена. Вернитесь, мистер Агасси, вернитесь!

Беккер ухмыляется. Весь стадион хохочет.

Я выхожу на корт, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Как будто вновь я в академии Боллетьери, униженный Ником на глазах у других ребят. Надо мной и так все время насмехаются в прессе, выносить насмешки в лицо я уже не в состоянии. Проигрываю гейм. Проигрываю матч.

Приняв душ, выхожу и забираюсь в машину, стоящую за стадионом. Делая вид, что не замечаю Джей Пи, поворачиваюсь к Нику и Фили и говорю:

- Первый, кто заговорит со мной о теннисе, будет уволен.

СИЖУ В ОДИНОЧЕСТВЕ на балконе своего номера в Мюнхене, глядя сверху на город. Не думая ни о чем, начинаю поджигать разнообразные предметы. Бумаги, одежду, обувь. Это мой секретный способ справляться с сильными стрессами. Я делаю это неосознанно - просто что-то изнутри вдруг толкает меня, и я тянусь за спичками.

Стоило мне развести небольшой костерок, как появляется Джей Пи. Он смотрит на меня, спокойно отправляет в костер лист гостиничной бумаги для писем, затем - салфетку. Я добавляю меню обслуживания в номерах. Мы поддерживаем костер пятнадцать минут, не говоря ни слова. В конце концов, когда огонь затухает, он спрашивает:

- Не хочешь пройтись?

Прогуливаемся через парк в центре Мюнхена. Повсюду шумит народ, вокруг царит праздничное настроение. Люди пьют пиво из литровых кружек, поют и хохочут. От их смеха меня начинает трясти.

Мы подходим к большому каменному мосту, выложенному булыжником, идем по нему. Далеко внизу бежит река. Останавливаемся на середине моста. Мы одни. Смех и песни смолкли в отдалении, слышен лишь шум бегущей воды. Глядя вниз, под мост, я обращаюсь к Джей Пи:

- А что если из меня никогда не выйдет толка? Что, если сегодня не худший, а, напротив, - мой лучший день? Я все время сочиняю себе оправдания, когда проигрываю: мол, я бы запросто победил, если бы не то-то и то-то. Если бы я этого, и правда, хотел. Если бы сегодня был в состоянии играть лучше. Если бы

меня поддерживали. А что, если я делаю все, что могу, хочу выиграть, стараюсь изо всех сил и все равно не лучший в мире? Лучше уж умереть, чем так жить!

Я рыдаю, уткнувшись в перила. У Джей Пи хватает скромности и мудрости молчать и ждать. Он знает, что никакие слова и жесты не помогут, - нужно лишь подождать, пока все выгорит дотла.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ я встречаюсь с Карлом-Уве Штеебом, еще одним немецким игроком. Истощенный физически и эмоционально, выбираю категорически неверную тактику игры. Да, я заставляю его бить слева, в этом он совсем не силен, но сам ударяю по мячу слишком сильно. Если бы я бил слабее, ему пришлось бы вкладывать силу в удар и тогда он допускал бы больше ошибок, а я смог бы воспользоваться его главным недостатком. Теперь же, используя силу моих ударов, он может посылать низкие резаные мячи, неизменно летящие к цели на этих быстрых кортах. Я помогаю сопернику лишь потому, что бью сильнее, чем надо. С радостной улыбкой Штееб выжимает все возможное из своих мощных ног и усиленных мною ударов и прекрасно себя чувствует. Позже капитан нашей команды обвиняет меня в том, что я подыгрывал сопернику. Ну прямо как какой-нибудь спортивный журналист, ей-богу.

ЧАСТЬ ПРОБЛЕМ в моей игре 1989 года связана с ракеткой. Я всю жизнь пользовался ракетками Prince, пока Ник не убедил меня подписать контракт с другой компанией - Donnay. Почему? Потому что у Ника возникли финансовые проблемы, а за контракт с Donnay он сам получал неплохой куш.

- Ник, - объясняю я. - Мне нравится Prince.

- Какая разница? - недоумевает он. - Ты можешь играть даже ручкой от метлы.

И вот теперь, вооруженный ракеткой Donnay, я действительно чувствую, будто мне дали ручку от метлы. Словно я играю левой рукой или перенес травму головы. Все не так! Мяч не слушается меня, не желает делать то, что я ему велю.

Я в Нью-Йорке, мы с Джей Пи пошли прогуляться. Уже давно перевалило за полночь. Мы сидим в захудалой забегаловке, залитой ослепительным светом флуоресцентных ламп. За прилавком продавцы громко спорят на нескольких восточноевропейских языках. Мы взяли по чашке кофе. Сижу, обхватив голову руками, твердя своему спутнику:

- Этой новой ракеткой я бью по мячу - и не знаю, куда он полетит.

- Ты найдешь выход, - утешает он.

- Как? Какой именно?

- Не знаю. Но у тебя получится. Это лишь временный кризис, Андре. Один из многих. Будут и другие - это так же верно, как то, что мы с тобой сейчас сидим здесь. Относись к любому кризису, как к тренировке перед следующим.

Кризис удается преодолеть во время тренировки. Несколько дней спустя я уже во Флориде, тренируюсь в академии Боллетьери. Кто-то протягивает мне новую ракетку Prince. Я отбиваю три мяча, только три, - и переживаю что-то вроде религиозного экстаза. Каждый мяч, словно лазерный луч, летит точно в назначенную мной точку. Корт открывается передо мной, словно райский сад.

- Мне наплевать на контракт, - заявляю я Нику. - Я не собираюсь жертвовать жизнью ради контракта.

- Я все улажу, - обещает он.

Он колдует над ракеткой от Prince, раскрашивает ее под Donnay - и я легко добиваюсь нескольких побед на турнире в Индиан-Уэллс. И хотя я проигрываю в четвертьфинале, это уже неважно: ко мне вернулась моя ракетка, а с ней и моя игра.

На следующий день в Индиан-Уэллс прибывают три менеджера Donnay.

Они заявляют, что происходящее совершенно неприемлемо, ведь любой сразу поймет: я играю переделанной ракеткой Prince. По их мнению, это может повредить компании и именно мы будем ответственны за ее крах.

- А ваши ракетки будут отвечать за мой крах, - парирую я.

Поняв, что я не собираюсь ни каяться, ни торговаться, представители Donnay обещают сконструировать для меня ракетку получше. Они создают стилизованную копию Prince, их изделие выглядит гораздо убедительнее, чем у Ника. С этой ракеткой я лечу в Рим на игру с парнем, знакомым мне еще с юниорских турниров. Какой-то там Пит… Сампрас, кажется. Грек из Калифорнии. В детстве я запросто его обыгрывал. Тогда мне было десять, ему - девять. С тех пор я единственный раз видел его несколько месяцев назад на турнире - каком именно, не помню. Выиграв матч, я сидел на поросшем травой холме позади отеля, рядом с Фили и Ником. Мы растянулись на травке, наслаждаясь свежим воздухом, и в этот момент увидели Пита, только что проигравшего свой матч. Он проводил послематчевую тренировку на корте отеля, и почти каждый его удар выглядел убого. У него не получались три из четырех ударов по мячу, удар слева выходил неловким, к тому же бил он всегда с одной руки, что было для нас в новинку. Кто-то неправильно поставил ему удар слева, и это определенно должно было стоить парню карьеры.

- Парню не суждено побеждать в турнирах, - произнес Фили.

- Пусть радуется, если его вообще допустят к участию в них, - отозвался я.

- Тому, кто учил его играть, следовало бы сгореть со стыда, - присовокупил Ник.

- Да его судить надо! - воскликнул Фили. - У парня идеальные физические данные: рост шесть футов один дюйм, прекрасная подвижность, - и все это кто-то ухитрился угробить. Кого-то следует привлечь к ответственности за такое. Кто-то должен за это расплатиться!

Подобная горячность Фили застала меня врасплох. Затем я понял: Фили видел в Сампрасе себя. Он знал, каково это - стараться, но без конца проигрывать на турнирах, тем более из-за своего непроизвольного удара слева одной рукой. В судьбе Сампраса он видел свою судьбу.

Сейчас в Риме я отметил, что с того дня Пит стал играть лучше, но ненамного. У него хорошая подача, но не выдающаяся, не как у Беккера. У него быстрая рука, отличная реакция, он прекрасно двигается и, похоже, выжимает максимум из того, что умеет. Он пытается обойти соперника - и промахивается. Проблемы начинаются у Пита сразу после подачи. Он играет неровно, не в состоянии попасть в корт тремя мячами подряд. В тот раз я выиграл 6-2, 6-1 и, уходя, думал, что путь Сампраса в теннисе будет недолгим и болезненным. Я жалел его. Похоже, Пит неплохой парень. Совершенно не предполагал вновь встретиться с ним на корте.

Тем временем я продвигаюсь к финалу и встречаюсь с Альберто Манчини. Крепкий, коренастый, с ногами мощными, как древесные стволы, он посылает мяч с чудовищной пробивной силой и ураганным вращением, из-за которого он врезается в ракетку, как пушечное ядро. В четвертом сете у меня матч-пойнт, но Манчини его отыгрывает, и я проигрываю матч.

И вновь сижу в своем номере, смотрю итальянское телевидение и поджигаю попавшиеся под руку предметы. Люди, думаю я, не понимают, как больно проигрывать в финале. Ты тренируешься, мотаешься по городам, готовишься изо всех сил. Ты побеждаешь целую неделю, четыре матча подряд. (А на турнирах Большого шлема - две недели и шесть матчей.) И вдруг проигрываешь в последнем матче - и тебе не достается ни кубка, ни места на скрижалях. Всего одно поражение - и ты неудачник.

Я отправляюсь на Открытый чемпионат Франции 1989 года и в третьем раунде встречаюсь с Курье, однокашником по академии Боллетьери. Я - признанный фаворит, Курье сдерживает обиду, чтобы потом, на корте, растоптать меня вместе с моей самонадеянностью. Он победно сжимает кулаки, сердито смотрит

на нас с Ником. Позже, в раздевалке, он демонстративно, так, чтобы видел каждый, зашнуровывает свои беговые кроссовки и отправляется на пробежку. Все должны понять: победить Агасси можно, даже не сбив дыхания.

А уж когда Чанг, выиграв турнир, благодарит Иисуса Христа за то, что тот помог мячу перелететь через сетку, меня начинает тошнить. Почему именно Чангу суждено было выиграть турнир Большого шлема раньше меня?

И вновь я пропускаю Уимблдон. Снова слышу глумливый хор журналистов: «Агасси проигрывает в турнирах Большого шлема, а затем почему-то пропускает главный из них». Но меня это уже не трогает - ерунда, еще одна капля в океане мерзостей. Я, похоже, становлюсь нечувствительным к ним.

НЕСМОТРЯ НА ТО ЧТО ЖУРНАЛИСТЫ лягают меня при каждом удобном случае, крупные корпорации одолевают просьбами поучаствовать в продвижении своей продукции. В середине 1989-го один из моих спонсоров, Canon, организует фотосессию, в том числе - съемки в пустыне Невады, в Долине огня. Мне нравится это название. Я каждый день бреду через свою долину огня.

Съемки - часть рекламной кампании новой камеры, и режиссер хочет, чтобы фото были цветными. Живыми, как он выражается. Кинематографичными. Он выстраивает настоящий теннисный корт посреди пустыни, и, глядя на суету рабочих, я вспоминаю отца, который так же строил в пустыне свой корт. С тех пор я прошел долгий путь. Хотя - далеко ли ушел?

Целый день режиссер снимает, как я играю в теннис сам с собой на фоне огненно-алых гор и оранжевых скальных фигур. Я изжарился на солнце, устал и давно жду перерыва, однако режиссер все никак со мной не закончит. Он просит меня снять рубашку. Все знают, что в приступе юной удали я запросто могу, сорвав рубашку, бросить ее в толпу.

Затем он хочет снять меня в пещере, посылающим мяч в камеру, как будто намереваясь расколотить объектив.

Затем мы снимаем несколько кадров на фоне водной глади озера Мид.

Все это выглядит глупо, бестолково, но безобидно.

Вернувшись в Вегас, мы делаем серию снимков на Стрипе и на бортике бассейна. Мне повезло: для этих кадров они выбирают бассейн старого доброго Кембриджского клуба. Наконец мы едем в загородный клуб, чтобы сделать последний кадр. Там режиссер облачает меня в белый костюм, в котором я подъезжаю к главному входу за рулем белого «ламборгини».

- Выходи из машины, - командует он, - затем взгляни на нас

поверх темных очков и произнеси: «Имидж - все!»

- Имидж - все?

- Да. Имидж - все.

В перерывах между съемками я разглядываю толпу зевак и вдруг вижу в ней Венди - девочку, когда-то подававшую мячи, мою детскую страсть, теперь уже совсем взрослую. Она, несомненно, сильно изменилась со времен турнира Алана Кинга.

У нее в руках чемодан. Оказывается, она только что окончила колледж и теперь возвращается домой.

- Именно тебя я и хотела увидеть здесь первым, - говорит Венди.

Она просто красавица: длинные, вьющиеся каштановые волосы и

невероятно зеленые глаза. Пока режиссер дает мне указания, я думаю только о ней. Как только заходит солнце и режиссер объявляет об окон-чании съемок, мы с Венди запрыгиваем в мой новенький открытый джип со снятой крышей и дверцами и, рыча мотором, уносимся прочь, как Бонни и Клайд.

- Что за слоган ты должен был произносить в камеру? - интересуется Венди.

- Имидж - все!»

- Что это значит?

- Без понятия. Это для фирмы, которая делает фотоаппараты.

ЧЕРЕЗ ПАРУ НЕДЕЛЬ я уже слышу этот слоган дважды в день, затем - шесть раз в день и, наконец, все десять. Это напоминает мне бури в Вегасе, которые начинаются со слабого шелеста листвы, таящего в себе невнятную угрозу, чтобы вскоре превратиться в пронзительно воющий ураган, не стихающий трое суток кряду.

В считанные дни слоган стал ассоциироваться со мной. Спортивная пресса заявляла, что в нем - моя суть, мое истинное «я». Этот слоган, разглагольствовали журналисты, - моя философия, моя религия и он же, по-видимому, станет моей эпитафией. По их мнению, я - лишь имидж без содержания, ведь я не выиграл ни одного турнира Большого шлема. Они назвали меня рекламным агентом, торгующим своей популярностью и озабоченным деньгами, но никак не теннисом. Во время матчей болельщики начали в насмешку выкрикивать этот слоган: «Давай, Андре, имидж - все!» Стоит мне продемонстрировать чувства на корте, они тут же выкрикивают эти слова. Впрочем, если я не демонстрирую чувств, их тоже выкрикивают. И когда я проигрываю.

Вездесущесть этого слогана мучительна, равно как и вызванная им волна озлобленности, критики и сарказма. Я

чувствую, что меня все предали: рекламное агентство, менеджеры из Canon, спортивная пресса, фанаты. Я ощущаю себя брошенным. Испытываю то же, что в дни, когда я впервые переступил порог академии Боллетьери.

Самое неприятное - слышать утверждения, будто я по доброй воле объявил себя лишь имиджем без содержания, тогда как всего лишь говорил то, чего требовал сценарий рекламного ролика. Они считают этот дурацкий, бессмысленный слоган моей религией - столь же разумно было бы арестовать Марлона Брандо за убийства, которые он совершал в «Крестном отце».

Рекламная кампания ширится, чертов слоган уже упоминается в каждой посвященной мне статье - и я меняюсь. Начинаю вести себя грубо. Перестаю давать интервью. Набрасываюсь с кулаками на судей, соперников, журналистов и даже болельщиков. Считаю, что таким образом восстанавливаю справедливость, потому что весь мир против меня, все пытаются меня кинуть. Я превращаюсь в собственного отца.

Когда толпа улюлюкает и вопит: «Имидж - все!», я хочу заорать в ответ. «Вы не хотите видеть меня? Прекрасно! Но вы даже не представляете, как мне самому не хочется здесь находиться!» В Индианаполисе после особенно обидного поражения под аккомпанемент особенно обидного свиста трибун какой-то репортер поинтересовался, что в игре пошло не так. «Вы сегодня на себя не похожи! - произнес он с неискренней улыбкой. - Вас что-то беспокоит?»

В цветистых выражениях я предложил ему поцеловать меня в зад.

Никто и никогда не объяснял мне, что ни при каких обстоятельствах нельзя срывать зло на журналистах: если демонстрировать им зубы, они станут лишь злее. Нельзя показывать им свой страх и огрызаться. Впрочем. даже если бы кто-нибудь в то время дал мне этот дельный совет, я вряд ли сумел воспользоваться им.

Я начинаю скрываться. Теперь я - беглец, и в побеге меня сопровождают лишь Фили и Джей Пи. Каждый вечер мы идем в старую кофейню Peppermill на Стрипе. Мы пьем кофе литрами, едим пироги, разговариваем, разговариваем - и поем. Джей Пи уже не пастор, он - музыкант и композитор. Он переехал в округ Орандж и посвятил свою жизнь новой цели - музыке. Втроем с Джей Пи и Фили мы распеваем наши любимые песни, пока на нас не начинают оборачиваться другие посетители.

Джей Пи - еще и неудачливый актер, поклонник Джерри Льюиса. Он то и дело изображает всякие дурацкие сценки, а мы с Фили смеемся над ними до слез и, в свою очередь, пытаемся

перешутить Джей Пи: танцуем с официантками, ползаем по полу, хохоча до изнеможения. Я смеюсь больше, чем в детстве, и хотя в этом смехе есть привкус истерики, он лечит мои раны. На несколько ночных часов смех помогает мне стать тем, прежним Андре. Кем бы он ни был.

10

НЕДАЛЕКО ОТ ОТЦОВСКОГО ДОМА раскинулись бетонные строения кампуса университета Невады. В 1989 году он стремительно завоевывал известность за счет спортивных успехов своих студентов. Университетские баскетболисты - настоящие профи, достойные играть в командах НБА, да и футбольная команда стремительно приближалась к профессиональному уровню. «Бегущие бунтари» славились высокими скоростями и прекрасной физической формой. Их название - «Бунтари» - мне очень подходило. Пат пообещал, что кто-нибудь из университетской команды поможет нам с тренировками.

В тот день мы приехали в кампус и направились в новый спортивный клуб, который поразит меня не меньше Сикстинской капеллы: множество прекрасных тел, мускулистых мужчин. Мой рост - сто восемьдесят сантиметров, вес - шестьдесят семь килограммов, одежда от Nike висит на мне, как на вешалке. Уговариваю себя не смущаться. Проблема не только в том, что я чувствую себя недорослем на общем фоне; я нервничаю, стоит лишь попасть в школу, пусть даже спортивную.

- Пат, что мы здесь делаем? - интересуюсь я. - Меня здесь на смех поднимут!

- Ничего, - говорит он, брызгая слюной.

Мы находим местного инструктора по силовой подготовке. Прошу Пата подождать: я сам поговорю с парнем. Сунув голову в дверь, вижу в дальнем углу комнаты стол размером с мой «корвет», за которым сидит настоящий гигант. Он похож на статую Атланта перед Рокфеллеровским центром в Нью-Йорке, которую я видел во время первого своего Открытого чемпионата США. У этого Атланта - длинные черные волосы и черные глаза, круглые, как блины для штанг. Кажется, он готов превратить в отбивную любого, кто осмелится его побеспокоить.

Я отпрыгиваю от двери:

- Пат, иди лучше ты!

Пат заходит, я слышу, как он произносит какую-то фразу, как глубокий баритон, заставляющий вспомнить о реве двигателя грузовой машины, что-то рокочет ему в ответ. Пат зовет меня в кабинет.

Я делаю глубокий вдох и вновь заглядываю в кабинет:

- Здравствуйте.

- Привет, - отвечает гигант.

- Меня зовут Андре Агасси, я теннисист, я живу здесь, в Вегасе, ну и…

- Я знаю, кто ты такой.

Он встает. В нем метр восемьдесят три росту, его грудь в обхвате достигает по меньшей мере сто сорок два сантиметра. Мне вдруг кажется, что гигант разгневался и сейчас запросто перевернет свой стол. Вместо этого он подходит к нам, протягивая руку. Такой огромной лапы мне еще не приходилось видеть. Впрочем, его плечи, бицепсы и ноги тоже отличаются рекордными размерами.

- Джил Рейес, - представляется он.

- Здравствуйте, мистер Рейес.

- Зовите меня Джил.

- Хорошо, Джил. Я знаю, вы, должно быть, очень заняты. Неудобно отрывать вас от дел. Я лишь хотел узнать - вернее, мы с Патом хотели узнать: не возражаете, если время от времени мы будем заниматься в вашем зале? Понимаете, мне просто необходимо работать над своей физической формой.

- Конечно, - рокочет он. Его голос, глубокий, но в то же время мягкий, заставляет вспомнить о глубинах океана и ядре земли.

Он устраивает нам экскурсию, знакомит с несколькими студентами- спортсменами. Мы обсуждаем теннис и баскетбол, их сходства и различия. Тут в зал входят ребята из футбольной команды.

- Прошу прощения, - произносит Джил. - Мне надо поговорить с парнями. Чувствуйте себя как дома. Используйте любые тренажеры, любые штанги. Но, пожалуйста, будьте осторожны. И благоразумны. Формально говоря, это ведь против правил.

- Спасибо.

Мы с Патом занимаемся на тренажерах для пресса и ног, но мне интереснее наблюдать за Джилом. Футболисты сгрудились вокруг него, глядя на гиганта с благоговением. Он похож на испанского генерала, напутствующего своих конкистадоров. Отдает приказы: ты - на эту скамью! Ты - на тот тренажер! Ты - сюда, к штанге. Он дает указания, и спортсмены слушают каждое его слово. Джил не добивается внимания, а мгновенно подчиняет спортсменов своей воле. В конце концов, заканчивая свое напутствие, он напоминает им, что тяжелый труд - это ответ на все вопросы, единственный ответ:

- Пусть каждый запомнит это! Руки сюда! Раз, два, три,

«Бунтари!»

Разбив групповое рукопожатие, парни расходятся по залу и начинают работу с тяжестями. Я думаю о том, как здорово было бы выступать вместе с командой.

МЫ С ПАТОМ ходим в университетский спортзал каждый день. Работая на тренажерах, качая пресс на скамьях, я чувствую, что Джил все время следит за нами. Понимаю, что он видит мою плохую физическую форму. Знаю, что для других спортсменов она тоже не остается незамеченной. Я кажусь себе неуместно неуклюжим, то и дело порываясь сбежать, но Пат останавливает меня.

Через несколько недель Пату необходимо лететь на восток: неожиданные семейные проблемы. Я иду к Джилу и объясняю, что Пат уехал, но оставил программу, по которой мне предстоит заниматься. Затем протягиваю ему листок с инструкциями от Пата и прошу, если возможно, помочь мне с занятиями.

- Конечно, - вяло произносит он. В голосе сквозит нежелание брать на себя эту непредвиденную работу.

Глядя на мои упражнения, Джил поднимает брови. Он читает инструкцию, оставленную Патом, смотрит на обратную сторону листка, хмурится. Я спрашиваю, что его смущает, но он лишь сильнее хмурит брови.

- Какова цель этого упражнения? - вдруг спрашивает он.

- Не знаю.

- Сколько времени, ты говоришь, делаешь его?

- Давно.

Я настойчиво прошу его поделиться своими соображениями.

- Я не хочу никому делать гадости исподтишка, - произносит он наконец. - Не хочу лезть не в свое дело. Но скажу откровенно: если твою программу занятий можно написать на клочке бумаги, значит, она не стоит и клочка, на котором написана. Ты просишь позаниматься с тобой по программе, но в этом случае я не смогу учитывать твое текущее состояние, самочувствие, актуальные задачи. Такой план не оставляет возможности для изменений.

- Это разумно. А могли бы вы помочь мне? Может быть, что-то под-сказать?

- А чего ты добиваешься?

Я рассказываю, как проиграл недавно аргентинцу Альберто Манчини. Он обошел меня лишь за счет физической формы, гоняя, как быка по арене, пуская песок мне в глаза. Этот матч был у меня в кармане, я уже держал соперника за горло, мне банально не хватило сил завершить дело. Уже дошло до матч-пойнта, но Манчини выиграл его у меня, затем выиграл тай-брейк и победил в пятом сете. У меня не осталось физических ресурсов. Мне

необходимо стать сильнее, чтобы подобное больше никогда не повторилось. Одно дело - проиграть, другое - ощутить непреодолимое превосходство соперника. Последнего я не хочу испытывать еще раз!

Джил слушает. Не двигаясь, не перебивая, он впитывает мои слова.

Мяч непредсказуем, и его прыжки непредсказуемы, объясняю я Джилу. Невозможно контролировать каждый отскок. Но собственным телом я могу управлять. По крайней мере мог бы, если бы знал как.

Джил вдыхает, наполняя воздухом всю свою почти полутораметровую грудную клетку, затем медленно выдыхает.

- Какой у тебя сейчас график?

- Меня не будет пять недель: летний сезон турниров на кортах с твердым покрытием. Но потом, когда я вернусь, сочту за честь, если мы будем работать вместе.

- Хорошо, - произносит Джил. - Мы что-нибудь придумаем. Удачи на турнирах! Увидимся, когда вернешься.

НА ОТКРЫТОМ ЧЕМПИОНАТЕ США 1989 года я вновь играю в четвертьфинале с Коннорсом. Здесь я впервые после пяти поражений подряд выигрываю матч из пяти сетов. Однако это приносит лишь новый шквал критики: утверждается, что мне должно было хватить трех сетов, чтобы разгромить соперника. Кто-то заявляет даже, будто слышал, как я кричал Фили в нашей ложе: «Я дам ему пять сетов - пусть помучается!»

Майк Лупика, колумнист нью-йоркской Daily News, указывает на девятнадцать моих сознательных ошибок в третьем сете, предполагая: я затянул матч с Коннорсом, лишь желая доказать, что могу играть долгие матчи. Если раньше меня смешивали с грязью за поражения, то теперь - еще и за то, что неправильно побеждаю.

ВЕРНУВШИСЬ В ТРЕНАЖЕРНЫЙ ЗАЛ, по лицу Джила я вижу: он ждал меня. Мы пожимаем друг другу руки. Это - начало.

Он ведет меня к стойкам со штангами и объясняет, что многие упражнения из тех, что я делал раньше, безнадежно плохи, но еще хуже - то, как именно я их делал. Со мной запросто могло случиться несчастье, я мог получить серьезную травму.

Он делает для меня беглый обзор человеческого тела, вкратце останавливаясь на его физических свойствах, циркуляции влаги, анатомическом строении. Джил утверждает: чтобы понимать, чего хочет твое тело, требуется одновременно быть инженером, математиком, художником и мистиком. Вообще-то я не любитель лекций, но если бы все они были похожи на ту, что прочитал мне Джил, я бы до сих пор ходил в школу. Внимаю

каждому его слову, каждой догадке и верю, что никогда не забуду услышанного.

- Удивительно, - рассуждает Джил, - сколько существует заблуждений, касающихся человеческого тела, как мало мы знаем о собственном физическом устройстве. Вот, к примеру: для того чтобы накачать грудные мышцы, спортсмены используют наклонные скамьи. Но ведь это - напрасная трата времени. Я не пользовался наклонной скамьей уже тридцать лет. Станет ли моя грудная клетка больше от наклонов?

- Нет, сэр.

- Теперь - о твоих упражнения с нагрузкой, когда ты кладешь тяжелый вес на плечи и шагаешь на тренажере, имитируя подъем. Это может закончиться серьезной травмой. Просто чудо, что ты до сих пор не травмировал колени.

- Почему?

- Здесь главное - угол, Андре. Шагая под определенным углом, ты задействуешь квадрицепсы. Это прекрасно. А под другим углом работать будет уже колено, именно на него придется нагрузка, излишнее давление. Если слишком сильно нагрузить колени, непременно их травмируешь.

По мнению Джила, лучшие упражнения основаны на эффекте силы тяжести. Он объясняет, как использовать силу тяжести и силу сопротивления, чтобы нагружать мышцы. Показывает, как правильно делать упражнения для бицепсов. Он ведет меня к доске для записей и схематически изображает на ней мои мышцы, руки, суставы, связки. Джил рассказывает принцип действия лука и стрелы, показывает, на какие точки лука приходится максимальная нагрузка, когда тетива туго натянута, и использует эту модель, чтобы объяснить, что происходит с моей спиной и почему она болит после матчей и тренировок.

Я говорю ему, что у меня смещены поясничные позвонки. Он что-то кратко записывает, пообещав найти нужную информацию в медицинской литературе.

- Подведем итоги, - резюмирует, наконец, Джил. - Если будешь продолжать действовать, как раньше, твоя карьера окажется недолгой: тебе гарантированы проблемы со спиной и коленями. А если будешь сгибать бицепсы так, как сейчас это делаешь, то и неприятности с локтями тебя не минуют.

Объясняя все это, Джил временами переходит к буквальным толкованиям слов. Он любит подчеркивать значимость той или иной мысли, обращая мое внимание на ключевое слово, расшифровывая его значение, со звоном расщелкивая и раскрывая смысл, будто добывая из сердцевины ореха питательную мякоть. Вот, к примеру, «калории». Джил говорит, это слово происходит

от латинского calor, обозначающего тепло. Люди считают калории злом, тогда как это всего лишь тепло, а тепло нужно каждому. Пищей мы подкармливаем свой внутренний очаг. Что же в этом плохого? Все зависит от того, когда ты ешь, сколько и что именно. В этом весь секрет.

- Люди считают, что есть - плохо, - пожимает плечами он. - Но это необходимо для поддержания огня внутри нас.

Все верно, думаю я. Мой внутренний огонь требуется подкормить.

Говоря о тепле, Джил замечает, что ненавидит жару, потому что плохо ее переносит. Он необычайно чувствителен к высокой температуре, и худшая пытка для него - сидеть под прямыми солнечными лучами. На этих словах он включает кондиционер.

Я мотаю все это на ус.

Рассказываю Джилу, как мы с Патом бегали на Холм гремучих змей, как паршиво я чувствовал себя, добравшись до вершины.

- Сколько ты пробегаешь ежедневно? - интересуется он.

- Восемь километров.

- Зачем?

- Не знаю.

- Приходилось ли тебе когда-нибудь пробегать восемь километров во время матча?

- Нет.

- Часто ли во время игры тебе приходится пробегать больше пяти шагов до очередной остановки?

- Не слишком часто.

- Я не слишком-то разбираюсь в теннисе, но мне кажется, что после третьего шага тебе лучше думать о том, как остановиться. Иначе ты, ударив по мячу, будешь продолжать бежать и не сможешь оказаться в нужной точке для следующего удара. Тебе нужно сбросить скорость, ударить по мячу, резко остановиться и метнуться назад. Насколько я понимаю, теннисисту не нужно уметь бегать - ему нужно уметь резко ускоряться и останавливаться. Соответственно, тебе нужно развивать мускулы, которые нужны для ускорения и остановки.

Засмеявшись, я объявляю: кажется, это самое разумное, что я слышал о теннисе в своей жизни.

Перед закрытием я помогаю Джилу убрать в спортзале и выключить свет. Потом сидим в моей машине, беседуя. Внезапно Джил замечает, что мои зубы выбивают дробь.

- В этой фантастической машине нет обогревателя?

- Есть.

- Почему ты его не включишь?

- Потому что вы плохо переносите жару.

Он изумлен. Он и не надеялся, что я запомню. И ему ужасно неловко думать, что я страдал из-за него все это время. Он выворачивает ручку обогревателя на максимум. Мы продолжаем разговор, и вскоре я замечаю капли пота у него на бровях и над верхней губой. Я выключаю обогреватель и опускаю стекла. Еще через полчаса беседы Джил обращает внимание на то, что я медленно синею, и вновь включает обогрев. Так, из тепла в холод, по очереди демонстрируя уважение друг другу, мы общаемся до утра.

Я рассказываю Джилу кое-что о себе. Мой отец, дракон. Фили, Перри, ссылка в академию Боллетьери. Потом слушаю его историю. Он вырос недалеко от города Лас-Крузес в штате Нью-Мексико, в фермерской семье. Орехи пекан и хлопок. Тяжелая работа. Зима - время сбора орехов. Лето - сбор хлопка. Затем семья переехала в Восточный Лос-Анджелес, и там, на улицах, в борьбе за выживание Джил быстро повзрослел.

- Это была настоящая война, - рассказывал он. - Меня подстрелили, в ноге осталась дырка от пули. Кроме того, я не говорил по-английски. только по-испански, так что в школе все время просидел молча, стесняясь. Я выучил английский, читая статьи Джима Мюррея в Los Andgeles Times и слушая, как Вин Скалли комментирует игру Dodgers[22] по радио. У меня был маленький транзистор, и я слушал радио KABC[23] каждую ночь, Вин Скалли был моим учителем английского.

Поработав как следует над своим английским, Джил решил поработать и над телом, данным ему Господом.

- Выживают только сильные, - рассказывал он. - Мы, конечно, не могли купить штанги, поэтому сделали свои собственные. Нас научили ребята, которым довелось побывать в тюряге. Мы заливали кофейные жестянки цементом и прикрепляли их по сторонам шеста. Мы сделали и скамью для качания пресса из молочных ящиков.

Джил рассказал, как получил черный пояс карате, как провел двадцать два профессиональных боя, во время одного из которых ему сломали челюсть. «Но нокаута-то не было!» - говорит он с гордостью.

Небо уже светлеет, нам пора прощаться. Мне не хочется уезжать, но все же пожимаю ему на прощание руку:

- Я приду завтра!

- Знаю, - улыбается Джил.

ВСЮ ОСЕНЬ 1989 ГОДА я работаю с Джилом. Улучшения впечатляют. Наши дружеские узы тоже крепнут. Джил на восемнадцать лет старше и во многом заменяет мне отца. Я

догадываюсь, что он, в свою очередь, видит во мне сына, которого у него никогда не было. (У него трое дочерей.) Этот момент - один из немногих, не обсуждаемых нами. Все остальное мы всегда проговариваем.

У Джила и его жены Гей есть замечательная традиция: в четверг вечером каждый член семьи имеет право заказать на ужин любое блюдо, и Гей непременно приготовит заказанное. Одна из дочек хочет хотдоги? Прекрасно. Другой захотелось блинчиков с шоколадом? Нет проблем. Я взял за правило заезжать к Джилу в четверг вечером на ужин и пробовать понемногу со всех тарелок. Вскоре я уже ужинаю у Джила чуть ли не ежедневно; а если вечером мне не хочется ехать домой - что ж, я всегда могу спать на полу.

У Джила есть еще одна традиция: любого заснувшего он оставляет спать там, где того сморил сон. Пусть другим кажется, что спящему неудобно, - Джил считает, что, если человек спит, значит, он чувствует себя достаточно комфортно. Так что, если я засыпаю, он никогда не пытается меня растолкать, лишь набрасывает на меня шерстяное одеяло и оставляет в покое до утра.

- Слушай, - обращается он как-то ко мне. - Мы всегда рады видеть тебя здесь, и все-таки я должен задать тебе один вопрос. Ты симпатичный, к тому же богатый парень, ты можешь проводить время где угодно и все-таки каждый четверг приезжаешь ко мне, чтобы съесть хот-дог и заснуть, скрючившись на полу…

- Я люблю спать на полу. Так спине комфортнее.

- Я не про полы. Я имею в виду, что ты всякий раз приезжаешь к нам. Тебе действительно нравится здесь бывать?

- Джил, я никуда не езжу с такой охотой!

В ответ он обнимает меня. Я думал, что неплохо разбираюсь в объятиях, но поверьте: если вас никогда не обнимал мужчина с почти полутораметровым обхватом грудной клетки, вы не знаете об объятиях ничего!

НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА 1989 года Джил спрашивает, не хочу ли я встретить праздник вместе с его семьей.

- Думал, ты никогда меня не пригласишь, - отвечаю я.

Пока Гей печет печенье, а девочки спят наверху, мы с Джилом сидим на полу в гостиной, собирая кукол и модели железной дороги от Санта Клауса. Я признаюсь, что никогда еще не чувствовал себя настолько умиротворенно.

- Может быть, тебе было бы веселее на вечеринке с друзьями?

- Я пришел туда, куда хотел прийти.

Все еще держа в руках игрушку, я посмотрел Джилу в глаза:

- Джил, моя жизнь никогда еще, ни одного дня мне не принадлежала. Она всегда принадлежала кому-то другому. Сначала отцу. Потом Нику. И теннису - всегда, всегда. И даже мое тело не было моим до тех пор, пока я не встретил тебя - человека, взявшегося сделать то, с чем обычно справляются отцы. Сделать меня сильнее. Поэтому здесь, с тобой и твоей семьей, я впервые в жизни чувствую себя на своем месте.

- Я понял. Больше не буду спрашивать. С Рождеством, сынок.

11

УЖ ЕСЛИ Я ЗАНИМАЮСЬ ТЕННИСОМ, самым одиноким видом спорта, то вне корта пусть меня, черт возьми, окружает как можно больше людей. У каждого из них - своя, особая роль. Перри умеет приводить мои разрозненные мысли в порядок. Джей Пи приносит покой моей измученной душе. Ник - помощник в отработке азов теннисной науки. Фили занимается бытовыми мелочами и всегда на моей стороне.

Спортивная пресса регулярно обрушивается на мою свиту. Журналисты заявляют, что я путешествую с толпой приближенных, чтобы потешить свое тщеславие. Мол, я окружаю себя людьми, потому что не выношу одиночества. Что ж, они наполовину правы: я не люблю быть один. Но люди, которые рядом со мной, - не свита, они - моя команда. От них я жду общения, совета. Они - мой экипаж, мои учителя, мое тщательнейшим образом подобранное жюри присяжных. Я учусь у них, а иногда и краду что-то - словечко у Перри, историю у Джей Пи, позу или жест у Ника. Подражая, я узнаю и в то же время создаю себя. А что еще мне может помочь, кроме подражания? Мое детство прошло в изоляции, ранняя юность - в пыточной камере.

Поэтому я вовсе не собираюсь сокращать свою команду, наоборот, планирую ее увеличить. Я хочу, чтобы к ней присоединился Джил, и думаю официально пригласить его работать исключительно на меня: заниматься моей силовой подготовкой и физической формой.

Я звоню Перри в Джорджтаун и рассказываю об этом.

- В чем проблема? - спрашивает он. - Хочешь работать с Джилом? Так найми его!

Но у меня ведь уже есть Пат, Плюющийся Чилиец. Я не могу просто взять и уволить его. Я вообще не могу увольнять людей. А даже если бы мог, как бы я попросил Джила бросить престижную, высокооплачиваемую работу в университете Невады, чтобы посвятить все время мне? Кто я, черт возьми, такой?

Перри предлагает мне договориться с Ником, чтобы тот предложил Пату работу с другими своими игроками.

- А потом, - продолжает он, - сядешь с Джилом и выложишь ему все. И пусть сам решит.

В январе 1990 года я сообщаю Джилу, что буду безмерно благодарен, если он согласится работать со мной, тренируя и сопровождая меня в поездках.

- Я должен буду бросить работу в университете? - интересуется он.

- Да.

- Но я ничего не понимаю в теннисе!

- Не волнуйся, я тоже.

Он смеется.

- Джил, я думаю, что смогу многого добиться. Смогу сделать нечто… выдающееся. Но теперь, пообщавшись с тобой, я уверен, что смогу сделать это лишь с твоей помощью.

Джила не приходится долго уговаривать.

- Буду рад работать с тобой, - произносит он.

Он не спрашивает, сколько я буду платить. Он вообще не упоминает о деньгах. Он утверждает, что мы - две родственные души, отправившиеся навстречу великим приключениям, что знал об этом с того самого дня, когда мы встретились. По его мнению, у меня есть судьба. К тому же он считает меня похожим на Ланселота.

- Кто это такой, Джил?

- Рыцарь Ланселот. Ну, знаешь, король Артур, рыцари Круглого стола… Ланселот был величайшим рыцарем при дворе короля Артура.

- А он убивал драконов?

- Каждый рыцарь убивает драконов.

На нашем пути есть только одно препятствие: дома у Джила нет тренажерного зала. Ему приходится оборудовать зал у себя в гараже. Это отнимает много времени: ведь все тренажеры Джил изготавливает сам.

- Ты, правда, хочешь сделать все сам?

- Я хочу сварить металлические конструкции, протянуть тросы и поставить шкивы и блоки своими руками. Не допущу никаких случайностей. Мне не нужно, чтобы ты себя травмировал. Только не с моей помощью.

Я вспоминаю отца, самостоятельно строившего машины для подачи мячей и для сбора их в одну кучу. Интересно, это - единственное, что роднит их с Джилом?

Пока зал не готов, мы продолжаем заниматься в университетском спортивном центре. Джил все еще работает с

университетской баскетбольной командой. Под его руководством она проводит великолепный сезон, который венчает убедительная победа над командой университета Дюка и завоевание высшего национального титула. Доведя команду до конца сезона и практически закончив свой тренажерный зал, Джил объявляет, что готов.

- Андре, а ты готов? В последний раз спрашиваю - ты уверен, что тебе это нужно?

- Джил, я уверен больше, чем когда-либо был уверен в чем бы то ни было.

- Я тоже.

Он говорит, что с утра поедет в университет и сложит с себя полномочия.

Несколько часов спустя, когда Джил выходит из университетских ворот, я уже поджидаю его неподалеку. Он смеется, увидев меня, мы отправляемся съесть по чизбургеру - отметить наш сегодняшний старт.

ИНОГДА ТРЕНИРОВКИ с Джилом превращаются просто в беседы, мы даже не подходим к штангам. Вместо этого сидим на скамьях и предаемся свободным ассоциациям. Джил утверждает: есть много способов стать сильным, и беседа - один из них. Если он не рассказывает мне о моем теле, я рассказываю ему о теннисе, о жизни в постоянных разъездах. Рассказываю о том, как организована игра, о множестве мелких турниров и о четырех главных - турнирах Большого шлема, которые стали для игроков мерилом успеха. Я говорю о теннисном календаре, в соответствии с которым мы начинаем сезон на другом краю земли на Открытом чемпионате Австралии, а далее следуем за Солнцем. После Австралии начинается европейский период грунтовых кортов, кульминация которого наступает в Париже, на Открытом чемпионате Франции. Потом - июнь, время травяных кортов и Уимблдон (тут я высовываю язык и корчу страшную рожу). Затем наступает мертвый сезон, время кортов с твердым покрытием, в конце которого нас ждет Открытый чемпионат США. Следующий - сезон выступлений в помещениях: Штутгарт, Париж, чемпионат мира. Настоящий день сурка: те же стадионы, те же соперники, различается лишь год и счет, хотя с течением времени любой счет теряет смысл, превращаясь в череду таких же и складываясь в подобие телефонных номеров.

Я пытаюсь раскрыть душу перед Джилом и начинаю с самого начала, с главного.

- Нет, на самом деле ты вовсе не ненавидишь теннис! - смеется он.

- Ненавижу! - отвечаю я.

Судя по изменившемуся выражению лица, Джил, кажется, начал жалеть об оставленной работе в университете.

- Если это правда, - интересуется он, - то зачем ты продолжаешь играть?

- Я больше ни на что не способен. Больше ничего не умею делать. Теннис - единственное, в чем я разбираюсь. Ну и потом, у отца будет истерика, если я займусь чем-то другим.

Джил чешет ухо. Такое он слышит впервые. Он знает сотни атлетов, но ни один из них не признавался в ненависти к спорту. Джил не знает, что сказать. Я заверяю его, что говорить тут нечего. Сам этого не понимаю, знаю лишь факт, которым и поделился.

Рассказываю Джилу о конфузе со слоганом «Имидж - все!». Я чувствую, что он должен и об этом знать, чтобы лучше понимать, во что ввязался. Вся эта история до сих пор повергает меня в ярость, правда, ярость эта притаилась глубоко внутри. Она - будто ложка кислоты, влитая в желудок. Услышав эту историю, Джил тоже злится. Он, в отличие от меня, умеет выплеснуть свою злость, хочет действовать, не медля ни минуты, - к примеру, вздуть пару менеджеров по рекламе.

- Какой-то хрен с горы на Мэдисон-авеню придумал идиотскую рекламную кампанию, а потом заставил тебя сказать дурацкие слова перед камерой, - какое это имеет отношение лично к тебе?

- Миллионы людей думают, что имеет. И говорят об этом. И пишут.

- Они просто использовали тебя - легко и просто. Это не твоя вина. Ты не знал, как это будет воспринято, что все поставят с ног на голову.

Наши беседы продолжаются и за порогом спортзала. Мы вместе завтракаем и ужинаем. Созваниваемся по шесть раз в день. Однажды я позвонил ему поздней ночью, и мы проговорили несколько часов. В конце беседы он поинтересовался:

- Не хочешь завтра прийти на тренировку?

- Я бы с удовольствием, но я в Токио.

- Мы проговорили три часа, а ты, оказывается, в Токио? Я думал, ты в городе. Чувствую себя виноватым - совсем тебя заболтал…

Тут он остановился и вдруг сказал:

- А знаешь что? Я чувствую гордость: ведь тебе нужно было позвонить и поговорить со мной, неважно, в Токио ты или в Тимбукту. Я рад, слышишь? Очень рад.

С самого начала Джил ведет записи моих тренировок. Он использует коричневый гроссбух, где фиксирует каждый повтор,

каждый комплекс, каждое упражнение. Записывает мой вес, мою диету, мой пульс, мои поездки. На полях рисует диаграммы и даже картинки. Он говорит, что собирается фиксировать мои успехи, чтобы составить базу данных и обращаться к ней в будущем. Джил тщательно изучает меня и поэтому может создать меня заново, с нуля. Он - как Микеланджело, разглядывающий глыбу мрамора, только вот мои недостатки его ничуть не раздражают. Он - как Леонардо да Винчи, фиксирующий все в своих записных книжках. По этим книжкам, по тому, как тщательно он ведет их, не пропуская ни дня, я вижу, что работа со мной вдохновляет его. А это, в свою очередь, вдохновляет меня.

Разумеется, Джилу придется часто ездить со мной на турниры. Ему необходимо следить за моей физической формой во время матчей, за моей диетой, за тем, чтобы я пил достаточно жидкости (у него есть собственный рецепт воды с углеводами, солями и электролитами, и этот напиток я должен пить вечером накануне каждого матча). Во время поездок его работа не заканчивается, наоборот: в ходе турниров его помощь особенно важна.

Мы договорились, что наша первая совместная поездка должна состояться в феврале 1990 года. Мы направимся в Скоттсдейл. Предупреждаю, что нам следует прибыть на место за пару дней до турнира, чтобы принять участие в играх на лужайке.

- На какой лужайке?

- Это просто так называется. Мероприятие со знаменитостями и сбором денег на благотворительность, чтобы порадовать спонсоров и развлечь болельщиков.

- Звучит забавно.

Кроме того, я сообщаю, что поедем мы туда на моем новом «корвете». С нетерпением жду возможности продемонстрировать ему скоростные качества машины.

Лишь подъезжая к его дому, я понял, что не учел одну важную деталь. Моя машина невелика, а Джил, наоборот, огромен. На фоне моего маленького авто он выглядит вдвое больше обычного. Тем не менее Джил тщательно упаковывается на пассажирское сиденье, опустив под-локотники и упираясь головой в крышу. Под этой тяжестью «корвет», кажется, готов развалиться в любую минуту.

Чтобы Джилу меньше пришлось страдать в тесном салоне, гоню изо всех сил. Хотя я всегда так езжу. Машина суперскоростная. Мы врубаем музыку и гоним прочь из Лас-Вегаса через плотину Гувера, по северо- западной Аризоне с ее скалами и зарослями юкки. Мы решили остановиться на обед в

Кингмане. Предвкушение обеда, скорость «корвета», громкая музыка и присутствие Джила - все это заставляет меня вдавливать педаль газа в пол. Мы, кажется, уже превысили скорость звука. Я вижу, как Джил, состроив гримасу, крутит пальцем у виска. Смотрю в зеркало заднего вида: за моим бампером мигают огни патрульной ма-шины.

Полицейский быстро выписывает мне штраф за превышение скорости.

- Не в первый раз, - говорю я Джилу. Он качает головой.

В Кингмане мы идем в Carl's и заказываем внушительный обед. Мы оба любим поесть, к тому же питаем тайную слабость к фастфуду. Загружаем в себя целый вагон калорий, заказывая одну жареную картошку за другой, снова и снова наполняя стаканы лимонадом. Когда Джил с трудом забирается обратно в «корвет», я понимаю, что мы здорово опаздываем. Надо нагонять. Я выжимаю газ и вылетаю на шоссе 95. Две сотни миль до Скоттсдейла. Два часа пути.

Двадцать минут спустя Джил вновь крутит пальцем у виска.

И вновь встреча с полицией. На сей раз патрульный, взяв мои права и документы на машину, интересуется:

- Давно ли вас в последний раз штрафовали за превышение скорости?

Я смотрю на Джила. Тот хмурится.

- Два часа назад - ведь это не так давно, да? Значит, недавно.

- Ждите здесь.

Он уходит в свою машину, минуту спустя возвращается:

- Вам придется вернуться в Кингман для встречи с судьей.

- Что? В Кингман?

- Пройдите, пожалуйста, со мной.

- Пройдите? А как же машина?

- Ваш друг ее поведет.

- Но, может быть, я могу просто следовать за вами на машине?

- Сэр, вы будете слушать то, что я говорю, и делать то, что я приказываю, только в этом случае вам не придется следовать в Кингман в наручниках. Вы сядете на заднее сиденье моей машины, а ваш друг поедет за нами. Сейчас. Пойдемте.

Я сижу на заднем сиденье патрульной машины. Позади нас едет Джил на «корвете», который обтягивает его, будто корсет из китового уса. Мы застряли в забытой богом дыре, у меня в ушах звучит мерзкое треньканье банджо из фильма «Освобождение»[24]. Через сорок пять минут добираемся до городского суда Кингмана. Вслед за полицейским я вхожу в боковую дверь и оказываюсь перед маленьким пожилым судьей в ковбойской шляпе, чей

ремень украшает пряжка размером с блюдце.

Банджо звучит еще громче.

Шарю взглядом по стенам в поисках сертификата или любого другого документа, удостоверяющего, что я действительно в суде, а этот человечек и вправду судья. Но на стенах висят лишь чучела диких животных.

Для начала судья обрушивает на меня град вопросов:

- Вы собираетесь играть в Скоттсдейле?

- Да, сэр.

- Вам уже приходилось участвовать в этом турнире?

- Да, сэр.

- Какое у вас место в турнирной сетке?

- Простите?

- С кем вы играете в первом раунде?

Судья оказывается большим поклонником тенниса. Кроме того, он пристально следит за моей карьерой. По его мнению, я просто обязан был победить Курье на Открытом чемпионате Франции. У него есть собственное мнение о Коннорсе, Лендле, Чанге, о современном состоянии тенниса и нехватке великих игроков в Америке. Потратив двадцать пять минут на то, чтобы вывалить передо мной свои мысли по этим животрепещущим вопросам, он спрашивает:

- Кстати, не могли бы вы оставить автограф? Для моих детей.

- Пожалуйста, сэр… Ваша честь.

Я ставлю автографы на всем, что он раскладывает передо мной, и жду приговора.

- Хорошо, - произносит судья. - Я приговариваю вас к тому, чтобы порвать всех в лоскуты на турнире в Скоттсдейле.

- Простите, я не… я имею в виду… Ваша честь, я ехал сюда, возвращался на тридцать с лишним миль назад, думая, что меня посадят в тюрьму. Или хотя бы оштрафуют.

- Нет-нет-нет, я просто хотел встретиться с вами. Тем не менее пусть лучше ваш друг ведет машину дальше. Если вы получите сегодня еще один штраф за превышение скорости, боюсь, вам придется задержаться в Кингмане на долгий срок.

Выхожу из суда и мчусь к «корвету», в котором меня ждет Джил. Я объясняю: местный судья - фанат тенниса, он всего лишь хотел познакомиться со мной лично. Джил думает, что я вру. Прошу его поскорее увезти нас как можно дальше от здания суда. Он медленно трогается. Джил - аккуратный водитель. К тому же встреча с Фемидой посреди Аризоны так напугала его, что всю дорогу до Скоттсдейла он держит скорость не выше семидесяти двух в час.

Разумеется, на благотворительную игру я опоздал.

Теннисную форму натягиваю недалеко от стадиона, на подъезде к стоянке. Мы останавливаемся у будки охраны и говорим, что меня ждут, я - один из игроков. Он не верит. Приходится предъявить ему водительские права (которые все еще со мной лишь по счастливому стечению обстоятельств) . Только после этого нас пускают на территорию стадиона.

- Не волнуйся насчет машины, - Джил хлопает меня по плечу. - Я о ней позабочусь. Играй.

Я хватаю теннисную сумку и рысью убегаю со стоянки. После Джил сказал мне, что слышал аплодисменты, когда я вышел на корт, - несмотря на то что окна в машине были закрыты. В тот момент, признавался он, до него дошло, что именно я пытался ему сказать. После встречи со старым судьей, после того, как стадион взорвался криками при моем появлении, он все понял. До этой поездки Джил не ожидал, что я живу настолько сумасшедшей жизнью. Он действительно не знал, на что подписывается.

- Это нас обоих касается, - ответил ему я.

В СКОТТСДЕЙЛЕ мы отлично проводим время. Ближе узнаем друг друга, как это бывает в путешествиях. Во время одного из дневных матчей я, остановившись, жду, пока служитель поднесет зонт туда, где сидит Джил: его кресло - на открытом солнце, и он обливается потом. Увидев зонт, Джил смущается, затем, взглянув на корт, видит, как я машу ему рукой, все понимает и улыбается в ответ во все тридцать два зуба. Мы оба хохочем.

Однажды вечером мы отправляемся ужинать в Village Inn. Уже поздно, так что заказанная нами трапеза - нечто среднее между ужином и завтраком. Тут в ресторан вваливается четверка парней, усаживается через столик от нас и начинает упражняться в остроумии по поводу моей прически и одежды.

- Может, он гей? - спрашивает один.

- Точно, педик! - отзывается его товарищ.

Джил прокашливается, вытирает рот салфеткой и предлагает мне заканчивать трапезу в одиночестве. Он уже поел.

- Ты уже сыт?

- Не хотелось бы драться на пустой желудок.

Когда я заканчиваю есть, Джил заявляет, что у него есть дело к парням за соседним столиком.

- Если что, не переживай, - говорит он. - Я знаю дорогу домой.

Джил медленно встает и подходит к тем четырем парням, облокачиваясь об их стол. Тот жалобно скрипит. Он выпячивает грудь и раздраженно произносит:

- Вам нравится портить людям ужин? Вас это забавляет, не так ли? Ну, что ж, теперь я сделаю то же самое. Что это тут у вас?

Гамбургер?

Он берет бургер с тарелки одного из парней и отхватывает половину одним укусом.

- Гм, кетчупа не хватает, - чавкает он. - Знаете, что? Теперь я хочу пить. Думаю, отхлебну у тебя содовой. Да. А потом вылью остаток вам на стол. Я очень, очень хочу, чтобы кто-нибудь из вас попытался мне помешать.

Джил делает из стакана большой глоток, затем медленно - так же, как он водит машину, - выливает остаток на стол.

Никто из парней даже не пытается двинуться с места.

Джил ставит на стол пустой стакан, смотрит на меня:

- Андре, пойдем?

Я НЕ ВЫИГРАЛ ТОТ ТУРНИР, но это не имело значения. Я счастлив, и мы стартуем обратно в Вегас. Перед отъездом из города останавливаемся перекусить в забегаловке Joe's Main Event. Мы болтаем обо всем, что случилось за прошедшие семьдесят два часа, и соглашаемся, что наша поездка похожа на начало куда более долгого путешествия. В своей записной книжке Джил да Винчи делает набросок: я в наручниках.

Выйдя из кафе, мы сидим на стоянке и глазеем на звезды. Я чувствую к своему спутнику совершенно ошеломительную любовь и благодарность. Благодарю его за все, что он сделал для меня.

- Не надо, не благодари, - отвечает Джил.

Затем он вдруг разражается речью. Человек, учивший английский по газетам и бейсбольным трансляциям, произносит гладкий, стройный, поэтичный монолог прямо на стоянке рядом с кафе. Я безмерно жалею о том, что у меня тогда не было с собой диктофона. Впрочем, я до сих пор помню ту его речь почти дословно.

- Андре, я не буду пытаться изменить тебя, как никого до сих пор не пытался изменить. Если бы в моих силах было кого-то изменить, я бы начал с себя. Но знаю, что в моих силах предложить план работы, который поможет тебе достигнуть желаемого. Между крестьянской лошадкой и скаковой лошадью существует гигантская разница, и относиться к ним одинаково нельзя. Мы часто слышим о том, что ко всем людям нужно относиться как к равным, однако я считаю, что равный - не значит точно такой же. Ты - скаковой рысак, и я буду относиться к тебе соответственно. Я буду тверд, но честен, буду вести, а не подталкивать. Я не из тех, кто умеет много и цветисто говорить о чувствах, но хочу, чтобы с сегодняшнего дня ты знал: игра началась, парень, и мы в игре. Понимаешь, о чем я? Мы уже вступили в бой, и ты можешь рассчитывать на меня в любой момент, пока кто-то из нас не падет на поле брани. Где-то там,

наверху, есть звезда, на которой написано твое имя. Может, я и не смогу помочь тебе отыскать ее, но плечи у меня здоровые, и ты можешь встать на них и искать ее сам. Слышишь? Ищи, сколько угодно. Встань мне на плечи и найди ее, парень. Найди.

12

НА ОТКРЫТОМ ЧЕМПИОНАТЕ Франции 1990 года я произвожу фурор, выйдя на корт в розовом. Эта новость открывает все спортивные полосы, просачиваясь иногда и на первые страницы газет. «Агасси в розовом!» Точнее, в розовых «велосипедках» под вареными шортами.

- Строго говоря, это не розовый. Эго цвет «горячая лава», - объясняю я репортерам.

Меня поражает, насколько сильно их интересует этот вопрос. Не меньше я удивлен собственной заботой о том, чтобы журналисты поняли меня правильно. Но я решил, что предпочту видеть в прессе статьи о цвете моих штанов, а не об изъянах моего характера.

Мы с Джилом и Фили не слишком стремимся общаться с толпами, прессой, да и вообще с Парижем. Нам не нравится чувствовать себя чужестранцами, затерянными в городе, где каждый глазеет на нас лишь из-за английской речи. Отсиживаемся в моем номере, включаем кондиционер и посылаем коридорных за едой в McDonald's и Burger King.

У Ника, однако, случается тяжелый приступ раздражительности из- за отсутствия общества. Он хочет гулять, смотреть достопримечательности.

- Парни, мы же в Париже! - восклицает он. - А как же Эйфелева башня? А как же, черт его побери, Лувр?

- Да были мы там, видели, - лениво отвечает Фили.

Я не хочу в Лувр. Мне туда не нужно. Я и сейчас, стоит закрыть глаза, вижу ту страшную картину: юноша, цепляющийся за скалу, в то время как отец держится за его шею, а жена и дети - за плечи.

- Ничего и никого не хочу видеть, - отчеканиваю я. - Хочу поскорее выиграть и вернуться домой.

УСПЕШНО ПРЕОДОЛЕВАЮ ПЕРВЫЕ РАУНДЫ. Игра ладится. И вот - снова встреча с Курье. Он выигрывает первый сет на тайбрейке, но затем ослабляет напор и уступает мне второй сет. Я выигрываю и третий, а на четвертый у него уже не остается сил: 6-0. Его лицо краснеет. Скорее даже приобретает цвет «горячая лава». Мне ужасно хочется спросить: надеюсь, сегодня тебе пришлось побегать достаточно? Но я молчу. Быть может, это

возмужание? В любом случае я однозначно стал сильнее.

Следующий матч - с Чангом. Он защищает свой чемпионский титул. Моя обида до сих пор жива: не могу поверить, что он выиграл турнир Большого шлема раньше меня. Я завидую его этике, восхищаюсь дисциплиной на корте, но сам он мне не нравится. Чанг все так же без стеснения заявляет, что Христос - на его половине корта, и этот коктейль из религиозности и эгоизма меня безумно раздражает. Беру верх в четырех сетах.

В полуфинале играю с Йонасом Свенссоном. У него пушечная подача - когда берешь его мяч, кажется, будто мул лягнул тебя копытом. Кроме того, он никогда не боялся играть у сетки. При этом он лучше играет на твердом покрытии, надеюсь переиграть его на грунте. Поскольку у него мощный удар справа, начинаю подавать ему мяч под левую руку. Снова и снова заставляю его играть с левой, веду- 5-1. Свенссон не в состоянии мне ответить. Сет за Агасси.

Во втором сете я вновь лидирую, 4-0. Затем Свенссон отыгрывается, и вот счет уже 3-4. Подпускать его ближе к победе совсем не входит в мои планы. Однако, к его чести, Свенссон все же выигрывает третий сет. Раньше я непременно начал бы паниковать. Но теперь смотрю в ложу - и вижу Джила. Вспоминаю его монолог на стоянке - и выигрываю четвертый сет, 6-3.

Наконец-то я в финале. Мой первый финал на турнире Большого шлема! Мне предстоит играть с эквадорцем Гомесом. Несколько недель назад я уже обыгрывал его. Ему тридцать, пенсионный возраст, - честно говоря, я считал, что Гомес уже закончил карьеру. Газеты пишут: наконец-то у Агасси есть шанс реализовать свой потенциал.

И ВДРУГ ПРОИСХОДИТ КАТАСТРОФА. Вечером перед финалом, во время душа, купленная Фили накладка из волос расползается прямо у меня в руках. Кажется, я использовал не тот бальзам. Сделать ничего нельзя: проклятая штука развалилась на куски.

В панике зову Фили к себе в номер.

- Катастрофа, - сообщаю я. - Мой парик - гляди!

Он тщательно осматривает повреждения.

- Пусть просохнет, затем прикрепи на голову, - советует он.

- Как?

- Зажимами.

Фили обегает весь Париж в поисках тонких заколок-невидимок - но их нет! Он сообщает мне об этом по телефону:

- Чертов городишко! Их нет нигде!

В холле отеля он встречает Крис Эверт, спрашивает ее о заколках. У нее тоже нет. Она спрашивает, зачем они ему

понадобились, но остается без ответа. В конце концов он встречает подружку нашей сестры Риты, у той есть целый пакет зажимов. Фили помогает мне привести искусственные волосы в относительный порядок и закрепить их на голове по меньшей мере двадцатью заколками.

- Будет держаться? - опасливо спрашиваю я.

- Да, будет. Только много не вертись.

Мы мрачно хихикаем.

Разумеется, я мог бы играть без парика. Но после многих месяцев критики, насмешек и издевательств я не слишком-то уверен в себе. «Имидж - все»? Что бы они сказали, узнав, что все это время я ходил в парике? Выиграю или проиграю - в любом случае о моей игре никто и не вспомнит. Они будут говорить только о моих волосах. Сначала надо мной смеялась кучка мальчишек в академии Боллетьери, затем - двенадцать тысяч немцев, теперь же надо мной засмеется весь мир. Я закрываю глаза - и, кажется, слышу этот смех. Не смогу его вынести.

Во время предматчевой разминки я молюсь: не о победе - о том, чтобы удержалась накладка. В обычных обстоятельствах, впервые оказавшись в финале турнира Большого шлема, я не смог бы побороть беспокойство. Но чертов парик ввергает меня в подобие ступора. Как там эта штука, не сползает? Я представлял себе, что будет, если это случится. Во время каждого рывка, каждого прыжка я уже видел, как моя накладка тихо падает на грунт, как ястреб, подстреленный отцом, на крышу нашего дома. Я слышу изумленный вздох толпы. Прямо вижу, как миллионы людей в едином порыве подвигаются ближе к телевизорам, спрашивая друг у друга на десятках языков одно и то же: «Неужели у Андре Агасси только что отвалились волосы?»

Мой план игры учитывает и мои натянутые нервы, и мое смущение. Гомес уже не молод, ему тяжело двигаться: я знаю, что к пятому сету силы покинут его. Соответственно, я собираюсь всячески затягивать матч, идти на долгие обмены ударами и в конце концов измотать соперника. Однако в самом начале игры становится понятно: Гомес тоже помнит про свои годы, поэтому, наоборот, стремится ускорить матч. Он играет в рискованный, быстрый теннис. Он торопливо выигрывает первый сет, затем столь же спешно проигрывает второй. Я понимаю: максимум, на что можно рассчитывать, - это три часа игры, быть может, четыре, хотя вряд ли. А значит, физическая форма не будет иметь значения. Это короткий матч - именно такой, в котором Гомес вполне в состоянии одержать победу. После двух сетов, выдержанных в быстром темпе, мне противостоит соперник, готовый продержаться до конца игры, даже если она затянется на пять сетов.

Разумеется, мой план с самого начала никуда не годился. Настоящая катастрофа. Он не мог сработать, сколько бы ни продлился матч: ты не можешь рассчитывать на победу в турнире Большого шлема, мечтая, что соперник решит сдаться. Мои

попытки организовать долгий обмен ударами только подбадривают Гомеса. Он - опытный спортсмен, понимающий, что сейчас, быть может, идет его последний матч в турнире Большого шлема. Единственный способ выиграть - лишить его веры и стремления своим напором, своей агрессией. Когда он видит мою консервативную игру, мои попытки планировать вместо того, чтобы идти напролом, это дает ему силы.

Гомес выигрывает третий сет. В начале четвертого я обнаруживаю еще один свой просчет. Большинство игроков, утомившись к концу матча, несколько ослабляют подачу: им трудно высоко приподниматься на усталых ногах. Однако у Гомеса своеобразная манера подачи: он будто стреляет из пращи. Вместо того чтобы высоко приподниматься на мысках, наклоняется в сторону подачи. Когда устает, то склоняется лишь сильнее, и удар, соответственно, получается более резким. Я ожидал, что подача соперника по ходу матча будет ослабевать, а она становится лишь сильнее.

Выиграв матч, Гомес вовсю демонстрирует свое очарование и любезность. Он плачет. Он машет рукой камерам. Он знает, что на родине, в Эквадоре, станет национальным героем. Я пытаюсь представить, на что он похож, этот Эквадор. Может, мне туда переехать? Возможно, это единственное место, где я могу скрыться от охватившего меня стыда.

Сижу в раздевалке, повесив голову, и представляю себе, что теперь скажут обо мне сотни репортеров и колумнистов, не говоря уже о знакомых. «Имидж - все, Агасси - ничто». «Мистер Горячая лава обделался кипятком».

В раздевалку заходит Фили, по его лицу видно: он не просто сочувствует - он живет моей бедой. Это и его поражение. Его боль. Затем он говорит то, что нужно, к тому же правильным тоном, - и я знаю, что всегда буду любить его за это:

- Поехали из этого сраного городишки.

ДЖИЛ ТЯНЕТ ЗДОРОВЕННУЮ ТЕЛЕЖКУ с нашими сумками по залам аэропорта имени Шарля де Голля, я иду на шаг впереди. У таблички с надписью «Вылеты и прилеты» останавливаюсь. Джил продолжает двигаться. У меня на ногах - мокасины без носков, и металлический край тележки врезается в незащищенное ахиллово сухожилие. На пол падает капля крови, другая, и вот уже кровь льется вовсю. Джил торопливо лезет в сумку за бинтом, но я останавливаю его. Не стоит торопиться. Все хорошо. Все правильно. Пока мы еще здесь, моя кровь непременно должна залить парижскую землю.

Я ВНОВЬ ПРОПУСКАЮ УИМБЛДОН, проведя все лето в беспрерывных тренировках под руководством Джила. Спортивный

зал в гараже оборудован дюжиной самодельных тренажеров и множеством других уникальных приспособлений. В окне Джил установил мощный кондиционер, пол обил пористым покрытием для спортивных площадок, а в углу поставил старый бильярдный стол, за которым мы играем в пул между упражнениями и подходами. Иногда мы занимаемся ночи напролет, уходя из зала лишь в четыре утра. Джил ищет способы изменить к лучшему не только мое тело, но и мое мышление, нарастить и мышцы, и уверенность в себе. Случившимся во Франции он потрясен не меньше меня. Однажды утром, еще до восхода солнца, он сказал мне то, что ему когда-то часто повторяла его мать:

- Que lindo es sonar despierto. Как приятно грезить наяву. Ты должен грезить наяву, Андре. Во сне это каждый может, но ты должен все время мечтать, и рассказывать о своих мечтах вслух, и верить в них.

Иными словами, в финале турнира Большого шлема я должен грезить. Грезить о победе.

Я благодарен и дарю ему золотую цепочку с кулоном-пирамидкой, внутри которого заключены три кольца, символизирующие Отца, Сына и Святого Духа. Я сам придумал ее дизайн и заказал ювелиру во Флориде. У меня есть такая же сережка.

Джил носит мой подарок, и я уверен: скорее в аду выдадутся холодные дни, чем он снимет его.

Джил любит покрикивать на меня во время тренировок, но в этих криках нет ничего общего с тем, как кричал на меня отец. Джил делает это с любовью. Если я хочу установить личный рекорд или поднять максимальный вес, он кричит, стоя позади меня: «Давай, Андре, давай!

Раз, два, три!» Его крики заставляют сердце колотиться о ребра. Иногда, в приступе вдохновения, он велит мне отойти и выжимает свой рекордный вес - 250 килограммов. Удивительно видеть человека, выжимающего от груди такую гору железа. Глядя на это, я думаю: все возможно. Как здорово мечтать! И тем не менее как-то раз в спокойную минуту я признаюсь Джилу, что мечты чертовски утомительны.

Он смеется.

- Не могу обещать, что тебе не придется уставать, - произносит он. - Но помни: по другую сторону усталости тебя ждет масса хорошего. И именно там, по другую сторону усталости, ты сможешь наконец-то узнать себя.

Под руководством Джила к августу 1990 года я наращиваю четыре с половиной килограмма мышечной массы. Мы едем на Открытый чемпионат США. Я чувствую себя стройным, гибким,

опасным. Я обыгрываю Андрея Черкасова из СССР в несложном матче из трех сетов. Прогрызаю себе путь в полуфинал, где встречаюсь с Борисом Беккером и разбиваю его в четырех жестоких сетах, все еще чувствуя себя после этого бодрым и полным сия. Мы с Джилом едем в отель смотреть второй полуфинал, в котором решится, с кем я встречусь завтра: с Макинроем или Сампрасом.

Как это ни поразительно, но парнишка, которого я не рассчитывал больше встретить на турнире, сумел полностью изменить свою игру. Сейчас он бьется с Макинроем не на жизнь, а насмерть. Впрочем, замечаю я, это Макинрой отчаянно сражается, защищаясь, - и проигрывает. Вот чудо: завтра моим соперником будет Пит Сампрас.

Камера крупным планом показывает лицо Пита, и я вижу, что он отдал игре все. Комментаторы замечают, что туго перевязанная нога теннисиста сплошь покрыта волдырями. Джил до тошноты накачивает меня своим коктейлем. Я отправляюсь спать, улыбаясь, размышляя о том, как весело будет завтра надрать Питу задницу. Буду гонять его из края в край, слева направо, от Сан-Франциско до Брадентона, пока из его волдырей не потечет кровь. Вспоминаю отцовское наставление: «Пусть у него мозг волдырями покроется!» Спокойный, самоуверенный, я сплю без задних ног, как пирамида гантелей в зале у Джила.

Утром себя готовым сыграть десяток сетов. Теперь я не волнуюсь о парике, поскольку больше не ношу его. У меня новая, простая в использовании система маскировки: толстая головная повязка и ярко выкрашенные пряди. Я просто не могу проиграть Питу - мальчику, на которого я с жалостью смотрел год назад, увальню, не умеющему даже удержать мяч в пределах корта.

Однако сегодня передо мной другой Пит - он не ошибается. Мы долго разыгрываем каждое очко, и в каждом из этих непростых розыгрышей Сампрас безупречен. Он достает каждый мяч, бьет точно в цель, прыгая взад и вперед по корту, точно газель. Мощно подает, в одно мгновение перемещается к сетке, заставляя меня плясать под его дудку. Он энергично отражает мои подачи. Я беспомощен. Я зол. Говорю себе: этого не может быть.

Но это происходит.

И вот, вместо того чтобы думать о победе, я начинаю искать способ уйти от поражения. Та же ошибка, что в матче с Гомесом, - и с тем же результатом. После матча я заявляю репортерам: Пит совершил настоящее разбойное нападение в лучших нью-йоркских традициях. Метафора вышла не очень удачной. Да, меня ограбили, забрав нечто, принадлежавшее мне по праву. Но мне не

на кого писать заявление в полицию и нет надежд на правосудие: все обвинения падут на голову жертвы.

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ СПУСТЯ я резко открыл глаза. Я лежу в постели в своем номере. Это был лишь сон?! На какое-то счастливое мгновение я подумал, что всего лишь задремал на холме, где дует теплый ветер, а Фили и Ник посмеиваются над неуклюжей игрой Пита Сампраса. Мне приснилось, что именно Пит, а не кто-то другой разгромил меня в финале турнира Большого шлема?

Но нет, это был не сон. Я вижу, как в комнате понемногу становится светлее, в то время как мои разум и чувства погружаются во тьму.

13

МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ С ВЕНДИ с тех пор, как увидели друг друга на съемках рекламы «Имидж - все!». Она путешествует со мной, заботится обо мне. Мы прекрасная пара: мы выросли вместе и надеемся, что можем взрослеть вместе и дальше. У нас одинаковые вкусы. Мы любим друг друга до умопомрачения, хотя, по взаимному согласию, наши отношения остаются «открытыми» - это словечко Венди. Она говорит, что мы слишком юны, наша жизнь слишком беспорядочна. Она еще плохо знает себя. Венди выросла в мормонской вере, но, повзрослев, разочаровалась в догматах этого учения. Она поступила в колледж, но вскоре решила, что он ей совсем не подходит. Пока она не разберется в себе, считает Венди, она не может полностью посвятить себя мне.

В 1991 году в Атланте мы с Венди и Джилом отмечаем мой 21-й день рождения. Мы сидим в районе Бакхед, в обшарпанном баре, где бильярдные столы прожжены сигаретами, а пиво подают в пластиковых кружках. Мы хохочем, пьем, и даже Джил, обычно не позволяющий себе алкоголя, сегодня навеселе. Чтобы сохранить воспоминания об этой вечеринке для потомства, Венди принесла с собой камеру. Передав ее мне, просит снять, как она кидает мячи в корзины на аттракционе.

- Учись! - говорит она.

Я снимаю ее, бросающую мячи, секунды три, затем начинаю медленно перемещать объектив, снимая наиболее выдающиеся части ее тела.

- Андре, - возмущается Венди, - прекрати снимать мою задницу!

В бар вваливается громко галдящая толпа. Парни примерно моих лет, если не младше, похожи на игроков местной

футбольной или регбийной команды. Отпустив несколько грубых замечаний в мой адрес, они переключают свое внимание на Венди. Они пьяны и грубо пытаются унизить меня в ее глазах. Я вспоминаю Настасе, пытавшемся сделать то же самое четырнадцать лет назад.

Регбисты шлепают стопку монет на край нашего бильярдного стола.

- Мы следующие! - заявляет один из них. Они отходят, ухмыляясь.

Джил, отставив пластиковую кружку, сгребает со стола монеты и медленно идет к торговому автомату. Купив пакет арахиса, возвращается за столик. Не торопясь, начинает грызть орешки, не сводя глаз с регбистов до тех пор, пока они, тихо снявшись с места, не уходят благоразумно в поисках другого бара.

Венди, хихикнув, предлагает Джилу, в дополнение к прочим обязанностям, взять на себя еще и функции моего охранника.

Я отвечаю, что он уже и так мой охранник. На самом деле его обязанности гораздо шире: он охраняет мое тело, разум, мою игру, душу и девушку. Он - точка отсчета моей жизни, мой ангел-хранитель.

Меня забавляет, когда журналисты, болельщики, просто сумасшедшие спрашивают Джила, правда ли, что он - мой охранник. В таких случаях он улыбается и отвечает: «Троньте его - увидите».

НА ОТКРЫТОМ ЧЕМПИОНАТЕ Франции 1991 года я с боем прохожу через шесть матчей и выхожу в финал. Мой третий финал на турнирах Большого шлема. Мой соперник - Курье. Я считаюсь фаворитом и просто обязан победить. Не могу даже представить себе, как переживу третий подряд проигранный финал Большого шлема.

Хорошая новость заключается в том, что я знаю, как победить Курье - я уже сделал это год назад на этом же турнире. Но есть и плохая новость, которая заставляет меня нервничать. Мы с Курье начинали вместе в академии Боллетьери, в одном и том же бараке; наши койки стояли по соседству. Ник считал меня более способным, так что проиграть Джиму в финале борьбы за Большой шлем мне будет не менее обидно, чем зайцу - отстать в беге от черепахи. Достаточно того, что Чанг выиграл турнир Большого шлема раньше меня. И Пит. Но чтобы еще и Курье? Я не могу этого допустить.

Выхожу на корт, чтобы победить. Я учел ошибки двух предыдущих финалов. Я побеждаю в первом сете, 6-3. Во втором, при счете 3-1, добыл брейк-пойнт. Если выигрываю это очко, то

сет и матч - мои. И вдруг на нас обрушивается дождь. Болельщики накрывают головы и разбегаются в поисках укрытия. Мы с Курье возвращаемся в раздевалку, где ходим из угла в угол, как львы в клетке. Заходит Ник. Я жду от него совета или ободрения, но он молчит. Молчит! Я давно знаю, что держу его в своей команде отчасти по привычке, отчасти - из соображений лояльности. Как тренер он мне уже не нужен. Однако сейчас я жду не профессиональной подсказки, а обычной человеческой поддержки, которую может оказать своему подопечному любой тренер. Мне нужно несколько слов ободрения в момент, когда нервы на пределе. Неужели я многого прошу?

После дождя Курье встает далеко за задней линией, надеясь, что мои удары дойдут до него уже ослабленными. У него было время отдохнуть, подумать, восстановиться, и он устремляется вперед, отыгрывает брейк-пойнт, затем выигрывает второй сет. Теперь я разозлился. В ярости я выигрываю третий сет, 6-2. Доказываю Курье и себе самому, что второй сет был для него случайной удачей. Два сета к одному. Я вижу впереди финишную линию. Мой первый Большой шлем. Шесть игр позади.

Но после начала четвертого сета теряю двенадцать из первых тринадцати очков. Получается, я потерял силы? Или Курье стал играть лучше? Не знаю, отчего так, и никогда не узнаю. Зато я прекрасно знаю, что мне знакомо это чувство неизбежности и невесомости, когда силы утекают, будто в песок. Курье выигрывает этот сет 6-1.

В пятом сете, при равном счете 4-4, соперник выигрывает подачу, а я неожиданно начинаю мечтать о проигрыше.

Да, иначе не описать это состояние. Если в четвертом сете я потерял волю, то в пятом - желание. Насколько в начале матча был уверен в победе, настолько под конец не сомневаюсь в грядущем поражении. И с нетерпением жду его. Говорю себе: «Пусть это случится быстро. Поражение - смерть, так пусть она будет мгновенной».

Я больше не слышу криков толпы и даже собственных мыслей: в голове - сплошной шум. Не чувствую ничего кроме желания проиграть. Я проигрываю десятый и решающий гейм пятого сета - и поздравляю Курье с победой. Друзья потом говорили, что более жалкого выражения на моем лице они не видели никогда.

Зато в этот раз я не браню себя. Холодно объясняю себе самому: «В тебе нет чего-то важного, чтобы перешагнуть этот барьер. Ты не способен на большее - и должен выйти из игры».

ОТ ПОРАЖЕНИЯ ОСТАЕТСЯ ШРАМ. Венди говорит, что видит его воочию - похожий на след от удара молнии. Больше она не

говорит ничего на протяжении всего долгого пути до Лас-Вегаса.

Мы входим в родительский дом. Отец встречает нас в холле. Он напускается на меня прямо с порога: почему я не поговорил с судьями после того, как закончился дождь? Почему я не заставлял соперника играть с левой? Не отвечаю и не двигаюсь. Я ждал этой тирады последние двадцать четыре часа и сейчас уже эмоционально глух к ней. Но Венди - нет. Она совершает то, чего никто до сих пор не делал, хотя когда-то я надеялся, что мама отважится. Она встает между нами - и произносит:

- Можно не говорить о теннисе хотя бы два часа? Два часа - без тенниса?!

Отец застывает, пораженный. Я уверен, что сейчас ударит ее. Но вместо этого он, резко отвернувшись, быстро уходит по коридору в спальню.

Я смотрю на Венди, оторопев. Сейчас я люблю ее больше, чем когда бы то ни было.

НЕ ПРИКАСАЮСЬ К РАКЕТКАМ. Не открываю спортивную сумку. Не хожу на тренировки к Джилу. Валяюсь на диване и вместе с Венди смотрю фильмы ужасов. Только ужастики могут меня отвлечь: в них есть что-то от чувства, охватившего меня в том пятом сете против Курье.

Ник изводит меня советами участвовать в Уимблдоне. Я смеюсь, глядя в его дубленую коричневую физиономию.

- Возвращайся в седло! - увещевает он. - Это - единственный путь, мальчик мой!

- Да иди ты со своим седлом.

- Да брось ты! - утешает Венди. - Хуже уже точно не будет.

Слишком мрачный, чтобы спорить, я позволяю Нику и Венди запихнуть себя в самолет до Лондона. Мы снимаем прелестный двухэтажный дом недалеко от Английского теннисного и крокетного клуба. Позади дома - очаровательный садик с розовыми кустами и множеством певчих птиц, укромное убежище, сидя в котором почти забываю, зачем я в Англии. Благодаря Венди, дом становится по-домашнему уютным. Она приносит продукты, расставляет свечи и распространяет повсюду запах своих духов. Вечером она готовит чудесные ужины, а утром собирает мне на тренировку коробку с ланчем.

Турнир отложен на пять дней из-за дождя. На пятый день, несмотря на весь уют нашего дома, мы начинаем сходить с ума. Я мечтаю выйти на корт, стремлюсь избавиться от мерзкого, оставленного Открытым чемпионатом Франции, привкуса, в крайнем случае, проиграть - и вернуться домой. Наконец дождь прекращается. Мой первый противник - Грант Коннел, специалист по подачам и ударам с лета, любитель быстрых кортов.

Неожиданный соперник для первого раунда в первом за этот год матче на травяном корте. Все ждут его уверенной победы. Тем не менее, хоть и с большим трудом, я выигрываю в пяти сетах.

Дойдя до четвертьфинала, играю с Дэвидом Уитоном. После трех сетов я впереди, 2-1, и уже отыграл две подачи в четвертом сете, но чувствую, что потянул сгибающую мышцу бедра, которая отвечает за подвижность сустава. Хромой я не могу продолжать игру. Уитон без труда одерживает победу.

Вернувшись с корта, говорю Венди, что мог бы выиграть турнир: здесь я чувствовал себя куда лучше, чем во Франции. Чертово бедро.

Хорошо, что наконец-то я захотел победить. Быть может, мои желания, сделав круг, устремились в правильном направлении?

НА МНЕ ВСЕ ЗАЖИВАЕТ БЫСТРО. Через несколько дней бедро уже в порядке, но меня все еще гложет беспокойство. Отправляюсь на Открытый чемпионат США и проигрываю в первом раунде. Подумать только, в первом раунде! Но хуже всего то, как я это делаю. Я играю с Киркштейном, старым добрым Киркштейном, - и мне вновь совершенно не хочется бороться. Я знаю, что могу победить, но мне не нужна победа. Не хочется тратить на нее силы. Я ясно осознаю, что такое безразличие - от нехватки вдохновения. Даже не пытаюсь делать вид, что настроен на победу. Пока Киркштейн бегает, тяжело дыша, я взираю на него, утратив всякий интерес. И лишь потом мне становится стыдно.

МНЕ НУЖНО СОВЕРШИТЬ какой-то решительный шаг, чтобы вырваться из железной хватки неудач. Уверен, что таким шагом может стать переезд в собственное жилище. Я покупаю типовой дом с тремя спальнями в юго-западной части Вегаса и обустраиваю в нем идеальное жилище холостяка - точнее, пародию на него. Одну из спален превращаю в зал игровых автоматов, устанавливая туда классические игры - «Астероиды», «Космические захватчики», «Защитник». Я мастерски играю в каждую из них и намереваюсь еще больше отточить свое мастерство. Устраиваю в гостиной домашний кинотеатр с суперсовременным звуковым оборудованием и сабвуферами, вмонтированными в диваны. Столовую переделываю в бильярдную. По всему дому расставляю кожаные кресла - кроме гостиной, где разместился огромный, обтянутый плотным зеленым шелком и туго набитый гусиным пухом диван, состоящий из нескольких модулей. В кухню я заказываю автомат для разлива газированной воды, заполняемый моим любимым лимонадом Mountain Dew. Здесь же установлено несколько кранов с разливным пивом. На заднем дворе - большая ванна и

бассейн с черным дном.

В полный восторг меня приводит спальня, стилизованная под пещеру: все предметы в ней - густого черного цвета, а темные шторы не пропускают внутрь ни малейшего солнечного блика. Это дом для подростка, находящегося в изоляции, мальчика-мужчины, который стремится отгородиться от мира. Я хожу по дому, по этой супермодной детской площадке, - и восхищаюсь собственной взрослой самостоятельностью.

В 1992 году вновь пропускаю Открытый чемпионат Австралии. Я еще ни разу не участвовал в нем, и, похоже, сейчас не время начинать. Зато участвую в Кубке Дэвиса, и очень удачно, - может быть, потому, что проходит он на Гавайях. Мы встречаемся с командой Аргентины, и я выигрываю в обоих своих матчах.

Вечером накануне последнего дня турнира мы с Венди отправились выпить в компании Макинроя и его жены Татум О'Нил. Перебрав, я завалился спать около четырех утра, надеясь, что кто-нибудь сможет подменить меня в субботу в проходном матче, никак не влияющем на исход турнира. Увы, ничего не получается: с похмелья, мучимый жаждой, я все-таки должен играть с Джайте, чью подачу когда-то поймал рукой. К счастью, у соперника тоже похмелье. Мы оба не в состоянии держать ракетки. Чтобы спрятать налитые кровью глаза, я играю не снимая темных очков. Тем не менее играю неплохо. Не напрягаюсь. Выигрываю матч и, уходя с корта, размышляю, какой урок могу извлечь из этой победы. Могу ли я оставаться столь же расслабленным, когда ставки высоки, когда речь идет о Большом шлеме? Может быть, мне на каждый матч выходить с похмелья?..

Через неделю обнаруживаю на обложке журнала Tennis свою фотографию, на которой я забиваю победный мяч в темных очках Oakley. Через несколько часов после того, как журнал поступил в продажу, мы с Венди сидим в моей холостяцкой берлоге. Неожиданно у ворот сигналит грузовик службы доставки. Мы выходим.

- Распишитесь здесь, - представитель службы доставки протягивает мне бумагу.

- Что это?

- Подарок. От Джима Джаннарда, основателя компании Oakley.

Кузов грузовика медленно открывается, и из кузова выезжает красный Dodge Viper.

Что ж, приятно осознавать, что, даже если я проиграл в теннисе, мне есть место в рекламе.

МОЯ ПОЗИЦИЯ в мировой классификации все ниже - уже не

вхожу в первую десятку. Единственные соревнования, на которых я чувствую себя уверенно, - это Кубок Дэвиса. В Форт-Мейерс помогаю американской команде разгромить Чехословакию, выиграв оба своих матча. За исключением этого, успехи я демонстрирую лишь в игровом автомате «Астероиды».

На Открытом чемпионате Франции 1992 года я, наконец, беру верх над Питом. Затем вновь встречаюсь с Курье, на этот раз - в полуфинале. Воспоминания о прошлогоднем фиаско еще болезненны - и я вновь проигрываю, на сей раз в трех сетах. И вновь Курье, зашнуровав кроссовки, отправляется на послематчевую пробежку: победа надо мной все еще не требует от него значительного расхода калорий.

Побитый, я отправляюсь во Флориду к Нику залечивать раны. Там даже не беру в руки ракетки. С неохотой выхожу на единственную тренировку на корте с твердым покрытием в академии Боллетьери, после чего мы летим на Уимблдон.

В 1992 году этот стадион собрал целое созвездие теннисных гениев. Курье, после двух недавних побед в турнирах Большого шлема завоевавший статус первой ракетки мира. Пит, чья игра становится все лучше и лучше. Стефан Эдберг, демонстрирующий совершенно сумасшедшие успехи. Я посеян двенадцатым, хотя, судя по уровню игры, должен был оказаться еще ниже.

В первом круге моим соперником оказывается россиянин Андрей Чесноков. Проигрываю первый сет. Я разочарован, ругаю себя, судья уже сделал мне несколько замечаний за нецензурную брань на корте; в ответ едва не разражаюсь новым залпом ругани. Но вместо этого решаю поразить его, а заодно и остальных тем, что сумею взять себя в руки и остаться невозмутимым. Так и выходит: выигрываю три следующих сета.

Я в четвертьфинале играю против Беккера - финалиста шести из семи последних Уимблдонских турниров. Фактически здесь его домашний корт, его место силы. Но в последнее время я неплохо изучил подачу Беккера. Обыгрываю его в двухдневном матче из пяти сетов. Воспоминания о Мюнхене, покойтесь с миром!

В полуфинале мой соперник - Макинрой, трижды победитель Уимблдона. Ему тридцать три, его карьера близка к завершению, и на этом турнире он - несеяный игрок. Сегодня Макинрой - аутсайдер, однако, памятуя о его былых заслугах, болельщики, разумеется, мечтают о его победе. Где-то в глубине души я тоже желаю ему выигрыша. Но побеждаю в трех сетах, я - в финале.

Рассчитываю встретиться с Питом Сампрасом, однако он проигрывает свой полуфинал Горану Иванишевичу - огромной и мощной хорватской машине, специалисту по подачам. Я встречался с ним дважды и оба раза терпел сокрушительное

поражение в трех сетах, так что сочувствую Питу и рассчитываю вскоре присоединиться к нему. Против Иванишевича у меня нет шансов, как у боксера среднего веса против супертяжа. Вопрос лишь в том, будет ли нокаут или все обойдется поражением по очкам.

ПОДАЧА ИВАНИШЕВИЧА достигает невероятной силы. Он подает мячи, которые невозможно взять, они летят то вправо, то влево, а их скорость, как показывает специальная аппаратура, достигает 220 километроов в час. Сложность не только в скорости, но и в траектории: мяч летит к земле под углом 75 градусов. Успокаиваю себя тем, что проигрывать очки с одного удара соперника случалось каждому. Повторяю про себя: он не может так бить постоянно; Андре, просто двигай на другую сторону и приготовься. Судьбу матча решат несколько вторых подач.

Горан побеждает в первом сете, 7-6. Я ни разу не смог выиграть мяч на его подаче. Стараюсь размеренно дышать, оставаться спокойным. Как только ко мне в голову пытается просочиться мысль о том, что я в шаге от поражения в своем четвертом финале Большого шлема, гоню ее прочь. Во втором сете Иванишевич дарит мне несколько очков, допуская глупые ошибки, и я выхожу вперед. Выигрываю второй сет. В начале третьего мне становится еще тяжелее: ведь я вновь в одном сете от Большого шлема.

В четвертом сете к Иванишевичу приходит второе дыхание, и он учиняет мне разгром. Похоже, я по-настоящему разозлил хорвата. За весь сет он теряет лишь несколько очков. Вот оно, опять!!! Кажется, я вижу заголовки завтрашних газет так же отчетливо, как ракетку в своих руках. В начале пятого сета бегаю на месте, чтобы разогнать кровь, и твержу себе одно и то же: ты хочешь победить! ты не хочешь снова проиграть! ты просто недостаточно хотел выиграть Большой шлем в предыдущие три попытки - вот и не выиграл его. Так что в этот раз дай Иванишевичу и всем остальным понять, что ты действительно хочешь победить.

На счете 3-3 я подаю, брейк-пойнт. Весь этот сет мне не давалась первая подача, но сейчас, к счастью, все идет как по маслу. Соперник отбивает мяч в центр корта, я бью ему под левую руку, он выполняет высокую свечу. Отступаю на два шага назад. Оверхед, удар над головой, - наверное, самый простой в теннисе. Он, однако, напоминает о моих попытках выиграть Большой шлем, - он слишком прост. Я с подозрением отношусь ко всему, что кажется простым. Взять его ничего не стоит, но возьму ли я его? Качнувшись, бью из-за головы, как по учебнику, и выигрываю

очко. Удерживаю свою подачу.

Теперь очередь Иванишевича подавать. Он дважды ошибается на своей подаче. И еще дважды. Проигрывает 0-30, не выдерживает напряжения. В предыдущие полтора часа мне не удалось сломить этого парня, и вот он сломался. Он вновь упускает первую подачу. Он готов. Никто лучше меня не сможет распознать это с первого взгляда: я ведь сам знаю, каково это - сломаться. Понимаю, что происходит сейчас с телом моего соперника: горло перехватило, ноги дрожат… Но Иванишевич унимает дрожь и со второй подачи бьет мяч в самый конец корта: он мелькает желтой вспышкой и едва касается задней линии. Взмывает облачко мела, будто в линию попала пуля. Следующая его подача столь же успешна. Неожиданно счет равный, 30-30.

Потом он вновь неудачно подает, зато вторая подача получается. Я изо всех сил отбиваю, он бьет с полулета, я выбегаю и вновь спешу к задней линии. «Ты можешь выиграть одним взмахом ракетки, - говорю себе. - Ты еще никогда не был так близко. И, возможно, не будешь».

В этом вся проблема. Что будет, если, подойдя столь близко, я все же проиграю? Это издевательство. Это - приговор. Пытаюсь сосредоточиться на Иванишевиче. Я должен угадать, куда он подаст в следующий раз. Кажется, назревает скользящий удар в левую часть корта, в дальнюю точку: мяч едва коснется корта, что должно заставить меня с разбегу вылететь за пределы площадки. Типично для левши. Но Иванишевича никак нельзя назвать предсказуемым. Пушечным ударом он посылает мяч через центр корта, почти параллельно земле. Не знаю, почему он выбрал именно такую подачу. Ему стоило ударить иначе, но он ударил именно так. Я это предчувствовал, знал, что он будет бить через центр корта. Каким-то чудом, однако, он попадает мячом в сетку. Мое счастье: ведь мяч с огромной скоростью летел прямо в линию. Даже правильно угадав направление и мгновенно метнувшись к предполагаемому месту падения мяча, я не сумел бы взять эту подачу.

Зрители встают. Я беру короткий тайм-аут, во время которого говорю сам себе вслух: «Ты должен выиграть это очко, иначе никогда не дойдешь до конца. Не надейся, что он вновь совершит двойную ошибку, не рассчитывай, что он промахнется. Ты должен контролировать то, что ты в состоянии контролировать. Отбей эту подачу изо всех сил: если ты отобьешь ее, но промахнешься, ты сможешь с этим жить. Ты это переживешь. Всего один удар, и никаких сожалений».

Бей сильнее!

Он подает мне под удар слева. Я подпрыгиваю, изо всех сил

замахиваюсь, но я так напряжен, что мой удар под левую руку соперника получается неожиданно слабым. Он, однако, каким-то чудом пропускает мой несложный удар с лета. Посланный им мяч летит в сетку - и вот в двадцать два года, сделав двадцать два миллиона ударов ракеткой по мячу, в 1992 году я - чемпион Уимблдона.

Я падаю на колени, потом на живот. Не могу поверить в происходящее. Когда поднимаюсь на ноги, Иванишевич уже стоит на моей половине корта. Он обнимает меня, тепло поздравляет:

- Молодец, чемпион! Сегодня ты это заслужил.

- Классно играл, Горан.

Он хлопает меня по плечу, улыбается, затем идет к своему креслу и обматывает голову полотенцем. Я понимаю его чувства лучше, чем свои собственные. Часть моей души остается там, с ним, пока я сижу в своем кресле, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

Ко мне подходит человек с типично британской внешностью и просит встать. Он вручает мне большой золотой кубок. Я не понимаю, как его держать, куда нести. Британец показывает пальцем на корт: я должен сделать круг, подняв кубок над головой.

Обхожу корт, держа кубок повыше. Болельщики ликуют. Другой британец пытается отобрать у меня трофей, но я крепко вцепился - не выпускаю его из рук. Британец объясняет, что на кубок предстоит нанести гравировку. Мое имя.

Бросаю взгляд в сторону моей ложи, машу Нику, Венди и Фили. Они улыбаются в ответ, аплодируют. Фили обнимает Ника, Ник - Венди. Я люблю тебя, Венди! Отвешиваю поклон в сторону королевской ложи и покидаю корт.

В раздевалке долго, не отводя глаз, смотрю на свое искривленное отражение в кубке и шепчу ему:

- Сколько же пришлось страдать ради тебя!

Я так счастлив, что мне страшно. Не думал, что эта победа столько значит для меня. Внутри меня продолжают бушевать волны эмоций: восторг и какое-то истерическое облегчение - наконец-то хоть на короткое время я сумел заставить замолчать критиков, включая того, кто сидит внутри меня.

ПОЗЖЕ ИЗ АРЕНДОВАННОГО НАМИ ДОМА я звоню Джилу. В этот раз он не смог поехать с нами: после долгого сезона грунтовых кортов ему было необходимо побыть с семьей. Он безумно жалеет, что не может быть в этот момент со мной. Мы обсуждаем с ним матч во всех подробностях - удивительно, как много он успел узнать о теннисе за столь короткое время. Я звоню Перри, потом - Джей Пи, затем трясущейся рукой набираю номер

отца в Вегасе:

- Папа? Это я! Ты меня слышишь? Ну, как тебе?..

Тишина.

- Папа?

- Ты не должен был проигрывать четвертый сет!

Я ошеломленно молчу, боясь выдать свои чувства дрожью в голосе. Затем спрашиваю:

- Надеюсь, ты рад хотя бы, что я выиграл пятый?

Он молчит. Нет, не потому, что не согласен или не одобряет. Он плачет. Пораженный, я слышу, как отец всхлипывает и вытирает слезы. Я знаю, что он гордится мной, хотя, увы, не в состоянии высказать это. Не могу обвинять его за неумение высказать то, что у него на душе. Это наше общее семейное проклятие.

ВЕЧЕРОМ В ДЕНЬ ФИНАЛА проходит знаменитый Уимблдонский бал. Я много раз слышал о нем и жду его с дрожью нетерпения, потому что мне как победителю в мужском разряде предстоит танцевать с победительницей среди женщин, а в этом году, как и в другие годы, это Штефи Граф. Я схожу с ума по Штефи с тех пор, как увидел ее интервью французскому телевидению. Меня охватил благоговейный восторг от ее невыразимого изящества и естественной красоты. В ней угадывалась нравственность, добродетель и то достоинство, какое сейчас уже редко встретишь. Мне показалось, что на какую-то долю секунды я увидел нимб над ее головой. На прошлогоднем Открытом чемпионате Франции я попытался завязать с ней переписку, но она не ответила. И вот сейчас мне не терпится закружить ее в танце по бальной зале - и плевать, что я совсем не умею танцевать.

Венди знает о моих чувствах к Штефи, но ничуть не ревнует. У нас ведь открытые отношения, напоминает она. К тому же мы оба уже совершеннолетние, нам стукнуло по 21 году. Вечером накануне финала мы с ней отправляемся в Harrods, чтобы купить мне смокинг - а вдруг понадобится? Венди шутит с продавщицей, говорит, что я мечтаю о победе лишь для того, чтобы танцевать со Штефи Граф.

Итак, впервые в жизни облачившись в смокинг, я отправляюсь на бал под руку с Венди. На нас тут же налетают британские седовласые парочки: у мужчин из ушей торчат пучки волос, перезрелые дамы пахнут ликером. Похоже, они рады моей победе, но лишь потому, что с ней в их клуб вливается свежая кровь. «Наконец-то появился кто-то новенький, с кем можно поболтать на этих ужасных светских тусовках», - говорит кто-то. Мы с Венди стоим спина к спине, будто пара аквалангистов в компании акул.

Я мучительно продираюсь сквозь чудовищный британский акцент собеседников и объясняю какой-то женщине, похожей на Бенни Хилла, что очень жду традиционного танца с победительницей в женском разряде.

- Увы, - сокрушается Бенни Хилл в женском обличье, - в этом году танцев не будет.

- Что?

- В прошлые годы игрокам не очень-то нравился этот танец. Так что теперь его отменили.

На ее глазах мое лицо вытягивается. Венди, обернувшись, видит это и хохочет.

Итак, мне не придется танцевать со Штефи, взамен мне предлагают что-то вроде утешительного матча: меня формально представят ей. Я жду этого весь вечер, - и вот, наконец, момент настал. Пожав Штефи руку, я рассказываю, как пытался связаться с ней в прошлом году на чемпионате Франции, и выражаю надежду, что мои намерения не были поняты превратно.

- Мне бы очень хотелось как-нибудь поговорить с вами, - завершаю я свою речь.

Она не отвечает, лишь улыбается своей загадочной улыбкой, по которой я никак не могу понять, довольна ли она услышанным или нервничает.

14

СЧИТАЕТСЯ, ЧТО, ВЫИГРАВ БОЛЬШОЙ ШЛЕМ, я стал другим человеком. Так говорят все. Лозунг «Имидж - все!» - в прошлом. Теперь, пишут спортивные журналисты, для Андре Агасси все - это победа. Два года они называли меня аферистом, артистом погорелого театра и бунтовщиком без причины - и вот превозносят на все лады. Теперь я, видете ли, стал победителем, настоящим спортсменом, лидером, а моя победа на Уимблдоне заставила их осознать мой истинный масштаб.

Сам, однако, не замечаю в себе перемен. Мне, похоже, открылся один маленький постыдный секрет: победа ничего не меняет. Теперь, когда выиграл Большой шлем, я знаю то, что открыто лишь немногим избранным: победа не столь приятна, сколь мучительно поражение. Неприятные эмоции остаются с нами куда дольше, нежели радостные переживания. Гораздо, гораздо дольше…

Летом 1992 года я действительно чувствую себя счастливым и независимым. Но причина - не в Уимблдоне, а в Венди. Мы стали ближе. Мы обменялись самыми романтическими обещаниями. Я смирился с тем, что мне не суждено быть со

Штефи: эта мечта была прекрасна, но теперь я весь принадлежу Венди, а она - мне. Она не работает и не учится: она перепробовала уже несколько колледжей, но ни один ей не подошел, так что теперь она круглосуточно со мной.

В то же время нам становится все сложнее побыть вдвоем. Неважно, идем мы в кино или в ресторан, мы нигде по-настоящему не можем остаться наедине. Какие-то люди все время появляются, будто из-под земли, хотят сфотографироваться со мной, просят автограф, задают вопросы или просто стремятся обратить на себя мое внимание. Уимблдон сделал меня знаменитостью. Я-то считал себя знаменитостью уже давно, ведь свой первый автограф дал в шестилетнем возрасте, но лишь теперь понял, что такое настоящая слава. Уимблдон утвердил меня в почетном статусе, многократно усилив мою привлекательность, по крайней мере для агентов, менеджеров и специалистов по маркетингу, с которыми я теперь встречаюсь практически ежедневно. Я знаю, что в Америке за все приходится платить, а теперь осознал, что цена за спортивные успехи - необходимость уделить хоть пятнадцать секунд каждому твоему фанату. Умом я могу это принять, и все же хотелось бы, чтобы слава оставляла мне хотя бы пятнадцать минут, которые можно провести наедине с моей девушкой.

Венди не обращает на это внимания. Она спокойно выдерживает постоянные вторжения. Помогает мне ни к чему не относиться слишком серьезно, даже к себе. С ее помощью решаю, что лучший способ быть знаменитым - забыть о том, что ты знаменит. Стараюсь выкинуть свою славу из головы.

Но слава - сила, остановить ее невозможно. Если ты гонишь ее в дверь, она лезет в окно. Я уже успел обзавестись десятками знаменитых друзей, причем не помню, где и когда мы знакомились. Меня приглашают на вечеринки и в VIP-залы, на мероприятия и концерты, где собираются знаменитости, множество людей тут же спрашивают мой номер телефона или подсовывают мне свой. Победа на Уимблдоне обеспечила мне не только пожизненное членство в Английском теннисном клубе, она автоматически ввела меня в некий Клуб знаменитостей. Среди моих знакомых уже числятся Кенни Джи[25], Кевин Костнер и Барбра Стрейзанд. Я получаю приглашение в Белый дом, на обед с президентом Джорджем Бушем-старшим перед его встречей с Горбачевым. Я ночую в спальне Линкольна.

Сначала все это казалось сюрреалистичным, затем - абсолютно нормальным. Я поражен тем, насколько быстро научился воспринимать самые удивительные вещи как данность. Я удивляюсь тому, как это скучно - быть знаменитым, и тому, что

знаменитости - обычные люди. Им знакомы чувства смущения, неуверенности, беззащитности. Эта мысль, в сущности, столь же стара, как и идея о том, что за деньги счастья не купишь, - однако мы не верим ни в одно, ни в другое, пока не убедимся на собственной шкуре. Я получил такую возможность в 1992 году, что, безусловно, добавило мне уверенности в себе.

ПРОВОЖУ ВРЕМЯ на яхте возле острова Ванкувер вместе с новым другом - музыкальным продюсером Дэвидом Фостером. На яхту Фостера прибывает Кевин Костнер и предлагает перебраться на его судно, стоящее на якоре в сорока пяти метрах. Мы тут же соглашаемся. Даже если бы у него не было яхты, Костнер все равно выглядел бы как настоящий мужчина - самец и покоритель вселенной. С легким характером, забавный, одним словом, - классный. Он любит спорт и занимается им с удовольствием, полагая, что я разделяю его хобби. Я смущенно признаюсь, что не особенно увлекаюсь спортом, можно сказать, не люблю его.

- Как так?

- Мне просто не нравится спорт.

Он хохочет:

- В смысле, кроме тенниса?

- Теннис я ненавижу больше всего.

- Да, понимаю. Это - настоящая дробилка для мозгов. Но на самом деле ты не ненавидишь теннис.

- Ненавижу.

Мы с Венди проводим время, наблюдая за тремя детьми Кевина. Воспитанные, спортивные, они еще и очень миловидны. Мне кажется, что с них Норман Роквэлл мог бы рисовать картины для любимых пазлов моей мамы. Четырехлетний Джо Костнер сразу уцепился за мою штанину и взглянул на меня огромными голубыми глазами. «Давай играть в рестлинг!» - кричит он. Я поднимаю его и переворачиваю в воздухе; звук его смеха - один из самых приятных звуков в мире. Мы с Венди просто очарованы маленькими Костнерами, мы пытаемся играть в родителей. То и дело я замечаю, как Венди тайком сбегает из нашей взрослой компании, чтобы еще раз взглянуть на детей. Я уверен, что из нее получится отличная мать. Фантазирую о том, каково это - все время быть рядом с ней, строить семью, вместе растить троих белобрысых малышей с зелеными глазами. Эти мысли волнуют меня - и ее. Я заговариваю с Венди о будущем, о создании семьи. Она не удивлена: ведь ей тоже этого хочется.

Несколько недель спустя Кевин Костнер приглашает нас в свой лос-анджелесский дом на предпремьерный просмотр нового фильма «Телохранитель». Сам фильм нам не слишком понравился, зато мы в полном восторге от главной музыкальной

темы фильма - песни «I Will Always Love You».

- Это будет наша песня, - шепчет Венди.

- Всегда.

Мы поем ее друг другу, говорим друг с другом цитатами из нее. Как только песню ставят на радио, мы, прервав свои занятия, глядим друг на друга влюбленными глазами. Окружающие посмеиваются, но нас это совсем не волнует.

Я рассказываю Фили и Перри, что думаю провести с Венди всю жизнь, что собираюсь сделать ей предложение. Фили одобряет, и Перри дает зеленый свет.

- Венди - моя избранница, - сообщаю я Джей Пи.

- А как же Штефи Граф?

- Я ей не нужен. Забудь. Венди - моя вторая половинка.

Я ХВАСТАЮСЬ СВОЕЙ НОВОЙ ИГРУШКОЙ перед Джей Пи и Венди.

- Как, ты говоришь, он называется? - переспрашивает Джей Пи.

- «Хаммер». Такие использовались в войне в Персидском заливе.

Мой автомобиль - один из первых, проданных на территории США.

Мы катаемся по пустыне вокруг Вегаса и наконец вязнем в песке. Джей Пи шутит: «Должно быть, во время войны в заливе солдатам не доводи-лось ездить по песку». Мы выбираемся из машины и идем пешком через пустыню. Сегодня днем у меня самолет, завтра - матч. Слишком много людей будут расстроены, если я не сумею выбраться. Но чем дольше мы идем, тем менее значимым кажется матч. Главной становится проблема выживания. Во всех направлениях перед нами расстилается песок, а между тем закат уже совсем скоро.

- Похоже, в нашей жизни наступает поворотный момент, - сообщает Джей Пи. - Причем в плохом смысле этого слова.

- Спасибо за то, что подбодрил!

В конце концов мы подходим к какой-то хибаре. Обитающий в ней старик соглашается одолжить нам лопату. Мы тащимся обратно к машине, и я торопливо начинаю откапывать задний мост. Вдруг лопата натыкается на что-то твердое. Слой селитроносной породы - твердый, как камень, он скрыт под песками. Вместе с резким ударом лопаты что- то щелкает у меня в запястье. Я вскрикиваю.

- Что случилось? - встревоженно спрашивает Венди.

- Не знаю.

Рассматриваю запястье.

- Натри грязью, - советует Джей Пи.

Я откапываю «хаммер», лечу на игру и даже выигрываю матч. Однако через несколько дней просыпаюсь с безумной болью в руке. Мне кажется, что кисть сломана, я едва могу согнуть ее. Такое ощущение, что в сустав воткнули несколько швейных игл, добавив к ним пару ржавых лезвий. Это очень серьезно.

Боль уходит, и я успокаиваюсь. Но затем она возвращается, приступы становятся регулярными. По утрам они, как правило, вполне терпимы, однако днем я не способен думать ни о чем, кроме игл и лезвий в запястье.

Врачи говорят, что это тендинит. Точнее, дорсальный капсулит. Это значит, что у меня в запястье - множество мелких разрывов, которые не хотят заживать. Врачи уверены, это из-за тяжелых нагрузок. Лечится такое состояние либо отдыхом, либо хирургическим путем.

Я выбираю отдых. Отказываюсь от всех занятий, связанных с нагрузками на кисть. Несколько недель ношу свое запястье нежно, как раненую птицу. Однако это ничего не дает: я по-прежнему не в состоянии отжаться или даже открыть дверь без гримасы боли.

Единственное, что радует меня в травме запястья, - возможность проводить больше времени с Венди. В начале 1993 года вместо сезона кортов с твердым покрытием я открываю сезон Венди - и наслаждаюсь им изо всех сил. Она рада, что я могу уделить ей так много внимания, хотя и сокрушается из-за пропущенных занятий, она ведь вновь поступила в колледж, уже пятый. Или шестой. Я давно сбился со счета.

Мы едем по бульвару Рейнбоу, опустив стекла и включив радио. Веду машину левой рукой, чтобы не побеспокоить больное запястье. Весенний ветер треплет Венди волосы. Она выключает радио и говорит о том, как давно пытается понять, кто она такая.

Я киваю и вновь включаю приемник.

Венди опять выключает радио и продолжает: она пыталась учиться во всех этих колледжах, жила в разных штатах, она все время искала цель и смысл жизни, но у нее ничего не получается. Она не в состоянии разобраться в себе.

Я киваю. Мне знакомо это чувство. Победа на Уимблдоне его ничуть не изменила. Затем я внимательно смотрю на Венди, осознавая, что она говорит все это не просто так. Она пытается сообщить мне что-то важное. Повернувшись на сиденье, она заглядывает мне в глаза:

- Андре, я долго думала обо всем этом, и мне кажется, я не смогу быть счастлива, по-настоящему счастлива, если не смогу понять, кто же я на самом деле и какой должна быть моя жизнь. Но у меня ничего не получится, если я останусь с тобой.

Слезы бегут по ее лицу.

- Я не могу больше быть твоим закадычным другом, товарищем по путешествиям, фанатом. Вернее, я всегда останусь твоим фанатом, но… ты понимаешь, да?

Она будет искать себя, а для этого она должна быть свободна.

- И ты тоже, - добавляет она. - Каждый из нас не сможет достигнуть своих целей, если мы останемся вместе.

Даже открытые отношения для этого слишком закрыты.

Не могу с ней спорить. Если она так считает, что ж, мне нечего сказать. Я хочу, чтобы она была счастлива. И как раз в этот момент по радио начинает звучать наша песня. «I Will Always Love You». Я пытаюсь поймать ее взгляд, но она отводит глаза. Тогда я разворачиваюсь и еду обратно, к ее дому. Мы вместе доходим до входной двери, и Венди еще один, последний раз обнимает меня на прощание.

Я едва в состоянии добраться до конца квартала. Вывалившись из машины, я звоню Перри. Когда он берет трубку, не могу говорить: горло сжимают рыдания. Кажется, он принимает мой звонок за чью-то неудачную шутку.

- Алло! - раздраженно повторяет он. - Говорите же!

И вешает трубку.

Я перезваниваю вновь, но все еще не в состоянии говорить. Перри вновь кладет трубку на рычаг.

НИКОГО НЕ ХОЧУ ВИДЕТЬ. Запираюсь в своей холостяцкой берлоге, где напиваюсь, сплю и питаюсь фаст-фудом. У меня начинаются стреляющие боли в груди, на которые я жалуюсь Джилу. «Диагноз - разбитое сердце», - отвечает он.

- Кстати, что у нас насчет Уимблдона? - интересуется он. - Пора начинать думать об Англии. Пора работать, Андре. Время не ждет.

Я с трудом могу удержать телефонную трубку, не говоря уже о теннисной ракетке. И все же собираюсь в Англию. Быть может, это поможет мне отвлечься. В пути можно будет пообщаться с Джилом, это полезно. Кроме того, я все-таки чемпион прошлого года и должен защищать свой титул. У меня нет выбора.

Незадолго до вылета Джил договаривается с одним из лучших врачей Сиэттла об уколе кортизона для меня. Укол помогает: прилетаю в Европу, свободно двигая запястьем, не испытывая боли.

Мы летим в немецкий город Халле на предварительный турнир. Там нас встречает Ник, который сразу заводит со мной разговор о деньгах. Он залез в долги; чтобы расплатиться с ними, продал академию Боллетьери - и это была самая большая ошибка в его жизни. Он отдал ее слишком дешево. Теперь ему нужны

деньги. Он не в себе или, напротив, сейчас больше похож на себя, чем когда бы то ни было. Он заявляет, что я плачу ему гораздо меньше, чем следует, что его инвестиции в меня не окупились. Он потратил на меня сотни тысяч долларов и хотел бы получить эти сотни тысяч, вдобавок к тем сотням тысяч, что я уже заплатил ему. Я прошу его отложить объяснения до дома: сейчас мои мысли заняты другим.

- Конечно, - говорит он. - Когда вернемся.

Я настолько выбит из колеи этим разговором, что на турнире в Халле проваливаю матч первого крута против Штееба. Он обыгрывает меня в трех сетах. Неплохо для предварительного турнира.

В прошедшем году я почти не играл, а когда это все-таки случалось, результаты были откровенно плохи. Неудивительно, что из прошлых чемпионов Уимблдона за всю его историю я посеян ниже всех. Мой первый соперник - Бернд Карбахер, немец, чьи густые черные волосы к концу матча выглядят не хуже, чем в начале, а это, разумеется, не может меня не раздражать. Весь внешний вид Карбахера невольно приковывает внимание. Помимо шикарной прически, он - обладатель впечатляюще кривых ног. У Бернда не просто кавалерийская походка, он ходит так, будто только что слез с лошади после долгой скачки, отбившей ему всю задницу. Да и играет он весьма странно. У него очень сильный удар слева, один из лучших в мире, но он использует его лишь чтобы поменьше бегать по площадке. Он ненавидит бегать. С подачей тоже справляется далеко не каждый раз: при агрессивной первой, его вторая подача оставляет желать лучшего.

Впрочем, при больном запястье и у меня хватает проблем с подачей. Приходится менять привычный ход руки, укорачивая мах назад и избегая резких движений. Это создает немало проблем. В первом сете отстаю от противника - 2-5. Похоже, мне предстоит стать первым за десятилетия экс-чемпионом, вылетевшим прямо в первом круге. Беру себя в руки, укорачиваю подачу и в итоге добиваюсь победы. Карбахер скачет на своем коне обратно в туман.

Британские болельщики отличаются доброжелательностью. Они приветствуют меня, ревут от восторга, ценят усилия, которые я пред-принимаю, чтобы привести в порядок больную руку. Британские таблоиды - совсем другое дело: они сочатся ядом. Из всей информации обо мне они повторяют лишь историю о том, как я побрил себе грудь. Всего-то удаление волос, а шуму подняли, будто я отрезал себе конечность. У меня сломано запястье, а они пишут о бритой груди. Моя пресс-конференция

превращается в шоу цирка «Монти Пайтон»: каждый второй вопрос посвящен красоте моей груди. Таблоиды озабочены темой волос - хорошо еще, что они не знают о моих проблемах с растительностью на голове. Один репортер заявляет, что я растолстел, остальные подхватывают, с жестокой радостью дразня меня «королем гамбургеров». Джил пытается приписать мой внешний вид влиянию инъекции кортизона, которая вызывает отечность, но никто ему не верит.

Тем не менее появление Барбры Стрейзанд поражает британцев в самое сердце. Когда она возникает на центральном корте, чтобы посмотреть мою игру, ее встречают фанфары. Хотя знаменитости - не редкость для Уимблдона, визит Барбры произвел фурор, равного которому я не видел никогда. Репортеры пристают к ней, затем начинают докучать мне вопросами о ней, пытаясь вскрыть подробности нашего знакомства и хоть как-нибудь принизить нашу с ней искреннюю и пылкую дружбу.

Меня спрашивают, как мы познакомились, но я отказываюсь отвечать на этот вопрос, ведь Барбра - человек очень скромный и тщательно оберегает от посторонних свою личную жизнь.

Нашим знакомством я обязан Стиву Уинну, импресарио из казино, которого я знаю с детства. Как-то раз мы с ним играли в гольф, и я упоминал о том, что люблю песни Барбры Стрейзанд. Стив, в свою очередь, сообщил, что давно с ней дружит. Затем последовало несколько телефонных бесед, в ходе которых и состоялось наше первое знакомство. Когда я выиграл Уимблдон, она прислала мне милую поздравительную телеграмму: как это здорово, писала она, когда голос и лицо одинаково прекрасны.

Несколько недель спустя Барбра пригласила меня на свое ранчо в Малибу, где планировалась небольшая дружеская вечеринка. «Будет Дэвид Фостер, - сообщала она в приглашении, - и еще несколько ближайших друзей». Там, наконец, мы увиделись.

На территории ее ранчо несколько коттеджей, один из них переоборудован в кинотеатр. После обеда мы отправились туда на закрытый показ фильма «Клуб удачи» («Joy Luck Club») - типичное женское кино, на сеансе я чуть не умер от скуки. Затем отправились в другой коттедж - музыкальный салон с огромным роялем, стоявшим у окна. Мы расположились вокруг, болтая и закусывая, в то время как Дэвид наигрывал попурри из популярных романтических баллад. Несколько раз он пытался упросить Барбру спеть, но она сопротивлялась. Он продолжал настаивать, это уже казалось странным. Даже мне хотелось, чтобы он перестал. Барбра стояла, опершись локтями на рояль и повернувшись спиной ко мне. Я видел, как затвердела ее спина.

Перспектива петь перед гостями сегодня явно была ей неприятна.

Однако минут через пять она все же взяла несколько нот. Звук наполнил комнату до краев - от стропил до половиц. Мгновенно смолкли разговоры. Опустились стаканы. Звякнули о столешницы тарелки. Мои ребра завибрировали, равно как и запястье. Я вспомнил, как кто- то поставил один из альбомов Барбры на мощный проигрыватель Bose и включил звук на полную мощность. Я тогда не поверил, что человеческий голос способен звучать столь мощно, заполняя собой каждый квадратный сантиметр комнаты.

С этого момента я еще больше увлекся Барброй. Мысль о том, что она обладает таким грандиозным инструментом, таким гигантским талантом, и при этом лишена возможности использовать его свободно, лишь ради своего удовольствия, - эта мысль меня потрясла. Это было так знакомо! И так грустно…

Вскоре мы встретились во второй раз. Она пригласила меня к себе на ранчо, там мы ели пиццу и говорили много часов подряд. Выяснилось, что между нами много общего. Она оказалась упрямой перфекционисткой, ненавидящей повторять то, в чем уже однажды преуспела. И все же, несмотря на годы, проведенные в тени, несмотря на сомнения и навязчивые страхи, она призналась, что обдумывает возвращение к концертной деятельности. Я горячо поддержав эту идею, заявив, что она не вправе лишать мир такого потрясающего голоса. Кроме того, я убеждал ее, что уступать страху опасно. Страх - как первый в твоей жизни наркотик: стоит уступить, попробовав самую малую дозу, и очень скоро доза начнет увеличиваться.

Поэтому, уговаривал я ее, если не хочешь петь на публике, значит, это делать необходимо.

Всякий раз, произнося перед Барброй подобные речи, я чувствовал себя лицемером. В моих собственных битвах со страхом и перфекционизмом поражения случались куда чаще побед. Я разговаривал с ней, как с журналистами, высказывая мысли, казавшиеся мне истинными, но в большинство из которых я так и не смог поверить, и уж тем более последовать своим советам.

Однажды весной, после того как мы провели целый долгий день за игрой в теннис, я рассказал ей о певице, которую видел в Вегасе, - девушке с шикарным голосом, чем-то напоминающей саму Барбру.

- Может быть, хочешь послушать? - поинтересовался я.

- Конечно.

Мы пошли в мою машину, и я вставил в проигрыватель диск с песнями новой звезды - канадки Селин Дион. Барбра слушала

внимательно, покусывая большой палец. Я знал, о чем она думает: «Я могу сделать это!» Она уже видела себя вновь на сцене. Я чувствовал, что смог ей помочь.

Ощущение собственного лицемерия достигло апогея, когда Барбра в конце концов все же решилась выйти на сцену. Я сидел в первом ряду, надвинув черную бейсболку на глаза. У меня опять начались проблемы с париком, и я боялся, что люди заметят это и пойдут разговоры. Тем вечером я был не просто лицемером, но еще и рабом своих страхов.

Мы с Барброй смеемся над тем, сколько изумления и возмущения вызывают наши с ней встречи. Мы оба решили, что могли бы стать идеальной парой, - и что с того, что она на двадцать восемь лет старше? Мы прекрасно понимаем друг друга, а публичное осуждение лишь добавляет нашей связи остроты. Так она приобретает привкус запретности, нарушения табу, - еще один штрих к моему вечному бунтарству. Встречаться с Барброй Стрейзанд - то же самое, что носить одежду цвета «горячая лава».

Однако, если я устал или в дурном настроении, как, к примеру, на Уимблдоне, язвительность публики может меня больно ранить. Барбра невольно сыграла на руку злопыхателям, заявив какому-то журналисту, что я - мастер дзен. На следующий день газеты наперебой упражнялись с этими словами. Я слышу их регулярно, они заменили печально знаменитое «Имидж - все!». Честно говоря, я совершенно не понял массового интереса к этой фразе, быть может, потому, что до сих пор не знаю, кто такой «мастер дзен». Могу лишь предположить, что это не так уж плохо, ведь Барбра не скажет плохого о своем дуге.

КОГДА Я НЕ РАЗМЫШЛЯЮ О БАРБРЕ, не интересуюсь газетами и телевидением, я думаю лишь о главной задаче - Уимблдоне 1993 года. После Карбахера я обыгрываю португальца Жоао Кунью Сильву, австралийца Патрика Рафтера и голландца Рихарда Крайчека. И вот я в четвертьфинале, мне предстоит встретиться с Питом. Старина Пит… Пытаюсь понять, сможет ли мое запястье выдержать его подачу, которая прибавила в силе. Однако у Пита - свои боли и травмы. У него проблемы с плечом, это ослабляет его игру. По крайней мере так говорят. Невозможно угадать, чем удивит Пит в игре со мной. Он выигрывает первый сет быстрее, чем я одевался перед матчем. Второй сет он тоже оставляет за собой.

Смотрю на свою ложу: там сидит Барбра, вокруг нее сверкают вспышки фотоаппаратов. Действительно ли это моя жизнь?..

В начале третьего сета Пит резко сбавляет. У меня, напротив, открывается второе дыхание. Я выигрываю этот сет, а затем и четвертый. Колесо фортуны поворачивается в мою сторону. Я

вижу на лице Пита гримасу страха. Мы оба устали, оставив за собой по два сета каждый, и неуверенность наползает на лицо моего соперника, словно длинные вечерние тени на траву Уимблдона. Впервые не я, а Пит кричит и проклинает себя.

В пятом раунде он морщится от боли, потирая плечо, и подзывает тренера. Во время паузы, пока мой соперник окружен врачами, говорю себе, что этот матч - мой. Две подряд победы на Уимблдоне - что может быть лучше? Посмотрим, что тогда запоют таблоиды. И что скажу им я. К примеру: «Ну, и как вам теперь Король гамбургеров?»

Однако, когда мы возвращаемся к игре, Пит - совсем другой человек. Он не просто восстановил силы и получил необходимую помощь - он полностью изменился. Сбросил с себя охваченного сомнениями Пита, будто змея - старую кожу. И теперь расправляется со мной. При счете 5-4 в свою пользу он начинает десятый гейм этого сета, выигрывая с одного удара три подачи подряд. Удары даже звучат по-новому, словно пушки Гражданской войны. Тройной матч-пойнт.

И вот Пит уже идет вдоль сетки, протягивая руку и празднуя победу. Его рукопожатие доставляет мне физическую боль. И поврежденное запястье тут совсем ни при чем.

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ после этого матча я вновь оказываюсь в своей холостяцкой берлоге, пытаясь не думать о теннисе в течение семи дней. Мне нужен перерыв. У меня болит сердце и запястье, ноют от усталости кости. Мне нужна неделя покоя, в течение которой я буду просто тихо сидеть дома. Без боли, без драм, без подач, без таблоидов, без певиц, без матч-пойнтов. Я выпиваю первую чашку кофе и проглядываю USA Today. Внезапно мне бросается в глаза мое имя в одном из заголовков: «Боллетьери расстается с Агасси». Ник рассказывает журналисту о том, что порвал со мной. Он хочет проводить больше времени с семьей. Мы были вместе десять лет, и вот теперь он не нашел лучшего способа дать мне знать о своем уходе. Он даже не оставил в моем кресле плюшевую панду.

Несколько минут спустя курьер FedEx доставляет конверт с письмом от Ника. В нем лишь то, что я уже прочел в газетной статье. Я перечитал его несколько десятков раз, прежде чем бросить в мусор. Подхожу к зеркалу. Нельзя сказать, что я чувствую себя плохо, я вообще ничего не чувствую, разве что оцепенение. Будто кортизон, вколотый в запястье, растекся по моей душе.

Я еду к Джилу, и мы с ним сидим в тренажерном зале. Он слушает, злится и негодует вместе со мной.

- Похоже, расставание с Андре - это тенденция сезона, -

резюмирую я. - Сначала Венди, теперь Ник.

Моя свита тает быстрее, чем моя шевелюра.

ХОТЯ В ЭТОМ ТЕПЕРЬ НЕТ НИКАКОГО СМЫСЛА, я все же хочу вновь выйти на корт. Жажду испытать боль, которую мне дает лишь теннис.

Но не физическую боль. Кортизон уже не действует, и ансамбль игл и ржавых лезвий в моем запястье звучит в полную силу. Иду к врачу, который настаивает на хирургическом вмешательстве. Еще один эскулап утверждает, что нужно лишь отдохнуть подольше. Это предложение нравится мне больше, но, ступив на корт после четырех недель отдыха, при первом же взмахе ракеткой понимаю: без хирурга не обойтись.

Честно говоря, я не доверяю хирургам. Я вообще нечасто доверяю людям, и особенно невыносима для меня мысль о том, чтобы довериться незнакомцу, ведь он некоторое время будет полностью меня контролировать. Я вздрагиваю, представляя, как буду лежать на столе без сознания, пока кто-то будет полосовать кисть, которой я зарабатываю себе на жизнь. А если он чем-то расстроен? Или сегодня просто не в настроении? Я часто наблюдаю подобное на корте, чаще всего - в собственном исполнении. Я вхожу в десятку лучших теннисистов мира, но порой меня можно принять за любителя. Что, если хирург окажется эдаким Андре Агасси от медицины? Если у него сегодня не ладится игра? Если он пьян или под кайфом?

Я прошу Джила оставаться в операционной на всем протяжении процедуры. Хочу, чтобы он был часовым, наблюдателем, заслоном, свидетелем - другими словами, тем, чем он был для меня всегда. Чтобы он оставался на посту. Разница лишь в том, что в этот раз ему придется надеть халат и маску.

Джил хмурится и качает головой. Он не уверен, что сможет это выдержать.

У Джила есть несколько милых, подкупающих слабостей, взять хотя бы его страх перед солнцем. Но самая, на мой взгляд, очаровательная из них - это страх перед медицинскими процедурами. Он не переносит вида игл, а перед прививкой от гриппа его трясет крупная дрожь.

Однако ради меня Джил готов взять себя в руки.

- Как-нибудь переживу, - обещает он.

- Я твой должник, - благодарю я.

- Брось, какие долги между нами?

19 декабря 1993 года мы с Джилом, прилетев в Санта-Барбару, отправляемся прямо в больницу. Пока вокруг порхают медсестры, готовя меня к операции, признаюсь Джилу: я так

нервничаю, что могу упасть в обморок.

- Тогда им не придется давать тебе наркоз.

- Джил, моя карьера может на этом закончиться.

- Нет.

- А если да? Что я тогда буду делать?

На нос и рот ложится маска. Мне велят глубоко дышать. Веки тяжелеют. Я пытаюсь не закрывать глаза, сражаясь за остаток контроль над собой. Не уходи, Джил. Не оставляй меня. Я смотрю в его черные глаза, не мигая глядящие из-под хирургической маски. Джил здесь, говорю я себе. Джил следит, он на посту. Все будет хорошо. Я разрешаю себе закрыть глаза и тут же уплываю в туман, а долю секунды спустя уже просыпаюсь и вижу, как надо мной склоняется Джил.

- С запястьем все оказалось хуже, чем они думали, - произносит он. - Гораздо хуже. Но они все почистили, Андре, так что мы можем надеяться на лучшее.

Я ОБОСНОВАЛСЯ на своем зеленом диване с шелковой обивкой, набитом пухом: пульт от телевизора в одной руке, телефонная трубка - в другой. Хирург велел несколько дней держать запястье приподнятым, так что я устроил его на большой, высокой подушке. Я принимаю сильные болеутоляющие таблетки, и все же чувствую себя раненым, разбитым, уязвимым. Но по крайней мере мне есть чем отвлечься. Это женщина. Линди, подруга жены Кенни Джи.

С Кенни Джи меня познакомил Майкл Болтон, с которым мы, в свою очередь, встретились на Кубке Дэвиса. Мы жили в одном отеле. И вот теперь Линди вынырнула из небытия, позвонив и сообщив, что встретила прекрасную женщину.

- Я люблю все прекрасное.

- Думаю, вы друг другу понравитесь.

- Почему?

- Она красива, умна, утонченна и с чувством юмора.

- Не думаю, что что-нибудь получится. Я еще не отошел от расставания с Венди. И потом, я не люблю легких побед.

- Эта легкая победа тебе понравится. Ее зовут Брук Шилдс.

- Я о ней слышал.

- Андре!

- Я подумаю. Оставь мне ее телефон.

- Ты не сможешь ей позвонить. Она сейчас в Южной Африке, снимается в кино.

- У нее должен быть телефон.

- Нет. Она сейчас в какой-то дикой местности. В палатке или в хижине, где-то в дебрях. С ней можно связаться только по факсу.

Она дает мне номер факса Брук и просит оставить мой. Но у меня нет факса: это, кажется, единственный гаджет, которого не найти в моем доме. Поэтому я даю номер факса Фили.

Перед самой операцией Фили звонит мне:

- Для тебя тут факс.

- От Брук Шилдс?

Так все и началось. Я отправлял и получал факсы, переписываясь через многие километры с женщиной, которую никогда не видел. За странным началом знакомства последовало еще более удивительное продолжение. Наше общение текло необычайно медленно, но это устраивало и меня, и ее: нам некуда было спешить. Зато громадное расстояние быстро усыпило бдительность обоих. За несколько факсов мы перешли от невинного флирта к обсуждению самых сокровенных тайн друг друга. Наши послания стали сначала по-настоящему любовными, а затем и интимными. Мне казалось, что женщина, с которой я еще ни разу не виделся, уже стала моей постоянной подружкой.

Я совсем перестал звонить Барбре.

Лишенному подвижности, с забинтованной кистью, заботливо уложенной на подушку, мне больше ничего не оставалось делать, кроме как постоянно обдумывать факсы для Брук. Время от времени меня навещал Джил, он даже помог набросать черновики нескольких посланий. Меня пугало то, что Брук закончила Принстон, получив степень по французской литературе, тогда как я вылетел из девятого класса школы. Джил отметал подобные страхи, вселяя уверенность.

- Не волнуйся о том, понравишься ли ты ей, - убеждал он меня. - Волнуйся лучше о том, понравится ли она тебе.

- Да, - соглашался я. - Ты прав.

Я попросил его принести мне из проката фильмы, в которых снималась Брук, и мы устроили кинофестиваль на двоих. Нажарили поп-корна, приглушили свет, и Джил поставит первый фильм - «Голубая лагуна». В нем Шилдс предстала передо мной юной русалкой, которую вместе с каким-то мальчишкой кораблекрушение выбросило на берег райского острова. Эдакий пересказ истории Адама и Евы. Мы прокручивали пленку взад и вперед, останавливали ее на избранных кадрах, споря о том, мой ли она типаж.

- Неплохо, - заключил наконец Джил. - Совсем неплохо. Явно стоит послать еще один факс.

Ухаживание посредством факса шло много недель - до тех пор, пока Брук не прислала коротенькое сообщение о том, что съемки закончены и она возвращается в США. Прилетает в Лос-Анджелес через две недели.

По случайному совпадению я тоже должен быть в Лос-Анджелесе - через день после ее прилета. Мне предстоит интервью с Джимом Роумом[26].

В ПЕРВЫЙ РАЗ мы решили встретиться у нее дома. Я еду к ней прямо из студии, не успев смыть плотный слой грима после съемок с Роумом. Она порывисто открывает дверь. Брук выглядит как настоящая кинозвезда в своем летящем шарфике, обмотанном вокруг шеи. Никакого грима (по крайней мере гораздо меньше, чем на мне). А вот ее короткая стрижка меня неприятно поражает: ведь я всю дорогу представлял ее с длинными, струящимися волосами.

- Я их обрезала для роли, - говорит она.

- Для какой? Пацанки в фильме «Плохие новости для «Медведей»[27]?

Откуда ни возьмись появляется ее мама. Мы вежливо здороваемся. Она ведет себя радушно, однако чувствуется, что напряжена. Инстинктивно понимаю: что бы ни случилось, мы с этой женщиной никогда не найдем общего языка.

Я везу Брук ужинать. По дороге интересуюсь:

- Ты живешь с мамой?

- Да. То есть нет. Не совсем. У нас все сложно.

- С родителями всегда так.

Мы едем в Pasta Maria, небольшой итальянский ресторанчик в Сан-Винсенте. Я прошу посадить нас в дальний угол, чтобы мы могли побыть одни. Очень скоро я забываю о матери Брук, о короткой стрижке и вообще обо всем. У Брук замечательное самообладание, она обаятельна, и у нее чудесное чувство юмора. Мы хохочем, когда подошедший к столику официант спрашивает:

- Девушки, вы уже посмотрели меню?

- Кажется, пора стричься, - говорю я.

Я спрашиваю, что за фильм, в котором она снималась в Африке. Нравится ли ей профессия актрисы? В ответ Брук начинает увлеченно рассказывать о том, в какие приключения приходится попадать на съемках, об удовольствии работать с талантливыми актерами и режиссерами. Я поражаюсь: она - полная противоположность Венди, вечно не знавшей, чего хочет. Брук видит свои мечты воочию и описывает их во всех подробностях, даже если пока не знает, как воплотить их в жизнь. Пятью годами старше меня, она опытнее, мудрее, но при этом ее окружает аура невинности и беспомощности, так что хочется немедленно взять ее под защиту. Она будит моего внутреннего Джила - часть меня, о существовании которой я и не подозревал.

Мы говорим о том же, о чем писали в своих факсах, но теперь, при личной встрече, над тарелками со спагетти, все

звучит гораздо интимнее. В беседу вступают подтекст, язык тела, феромоны. Она смешит меня и с удовольствием хохочет сама. У нее прелестный смех. Как во время операции на запястье, три часа пролетают в одну секунду.

Брук очень мило беспокоится о моей руке, рассматривает розовый шрам длиной в три сантиметра, касаясь его и задавая вопросы. Она сочувствует мне, ведь сейчас ее тоже изучают хирурги, ей предстоит операция на обеих ногах. После многих лет занятий танцами у Брук деформированы пальцы ног, так что доктора собираются ломать их и собирать заново. Рассказываю, как Джил охранял меня во время операции, и она шутливо спрашивает, нельзя ли одолжить у меня Джила.

Оказывается, несмотря на такие, казалось бы, разные биографии, мы начинали совершенно одинаково. Брук знает, что такое расти с жестким, настырным, амбициозным родителем. Ее мать стала ее менеджером, когда Брук было всего одиннадцать месяцев. Только, в отличие от моего отца, ее мать по-прежнему на этой должности. Сейчас дела идут из рук вон плохо, карьера Брук катится под гору. Тот африканский фильм был первой большой работой за долгое время. Она снимается в рекламе кофе в Европе, только чтобы выплачивать кредит за дом. Она говорит со мной столь откровенно, как будто мы знакомы десятилетия. И дело не только в том, что мы уже знаем друг друга благодаря переписке по факсу. Она такая и есть - всегда естественная и открытая. Хотел бы я быть хотя бы наполовину таким открытым. Я не могу столь же откровенно рассказывать ей о своих бедах и терзаниях, но все же признаюсь, что ненавижу теннис. Она смеется:

- На самом деле ты его совсем не ненавидишь.

- Нет, ненавижу.

- Вряд ли ты говоришь это искренне.

- Честное слово! Я его ненавижу всей душой.

Мы беседуем о путешествиях, любимых блюдах, музыке и кино. Мы сходимся во мнениях о недавно вышедшем фильме «Страна теней» - картине о жизни британского писателя Клайва Льюиса. Этот фильм задел сентиментальную струну в моей душе, признаюсь я Брук. Особенно та часть, что повествует об отношениях Льюиса с братом. Это была сторона его жизни, скрытая от посторонних глаз. В ней его страх перед рискованным шагом и боль его любви. Лишь потом одна смелая женщина заставляет его понять, что эта боль - лишь цена человечности и ее, безусловно, стоит заплатить. В конце фильма Льюис говорит своим студентам: «Боль - это громкоговоритель, с помощью которого Господь пробуждает оглохший мир… Мы подобны глыбам камня, и удары его долота, столь болезненные, на самом

деле делают нас лучше». Мы с Перри смотрели этот фильм дважды, говорю я ей, и выучили его чуть ли не наизусть. Я тронут тем, что Брук тоже любит «Страну теней», а когда я узнаю, что она к тому же прочла Льюиса, меня охватывает благоговейный трепет.

Уже глубоко заполночь, наши кофейные чашки давно пусты. Мы больше не можем игнорировать нетерпеливые взгляды официантов и владельца заведения. Пора идти. Я отвожу Брук домой. Пока мы стоим на тротуаре напротив ее дома, меня не покидает ощущение, что ее мать наблюдает за нами сквозь занавески из окна верхнего этажа. Я целомудренно целую Брук и прошу разрешения как-нибудь еще позвонить ей.

- Звони, я буду рада.

Разворачиваюсь, чтобы идти к машине, и тут Брук замечает на моих джинсах дыру, чуть ниже поясницы. Она быстро просовывает туда палец и легонько царапает копчик, хитро улыбается - и убегает в дом.

Еду на взятом в аренду авто по бульвару Сансет. Я собирался улететь в Вегас, не ожидая, что свидание окажется столь удачным и продлится так долго. Теперь уже слишком поздно, не успеваю ни на один рейс. Решаю переночевать в первом попавшемся отеле. Им оказывается Holiday Inn, знававший лучшие времена. Десять минут спустя лежу в постели в пропахшей плесенью комнате на втором этаже, слушая, как машины пролетают по бульвару Сансет и шоссе 405. Вспоминаю наше свидание и пытаюсь разобраться в нем, понять, что оно для меня значило. Веки тяжелеют, но я пытаюсь бороться со сном, как всегда, не желая терять контроль над собой: ведь потеря контроля оборачивается обычно отсутствием выбора.

15

НАШЕ ТРЕТЬЕ СВИДАНИЕ С БРУК ПРОХОДИТ накануне ее операции на ногах. Мы сидим в гостиной на первом этаже ее манхэттенского особняка. Мы целуемся, дело заходит все дальше, но, прежде чем все случится, я должен сказать ей правду про свои волосы.

Она чувствует, что меня что-то гнетет:

- Что-то не так?

- Нет, все в порядке.

- Скажи мне.

- Я кое в чем тебя обманывал.

Мы лежим на диване. Я сажусь, бью кулаком в подушку, глубоко вдыхаю. В поисках правильных слов разглядываю стены.

На них висят африканские маски - лысые, с прорезями вместо глаз. Они выглядят зловеще и вместе с тем смутно знакомо.

- Так что случилось, Андре?

Мне нелегко в этом признаться. Брук… Понимаешь, я давно начал лысеть, и я ношу накладку, чтобы скрыть лысину.

Я беру ее за руку и кладу ее ладонь на свой парик. Она улыбается:

- Я так и думала.

- Правда?

- Нетрудно догадаться.

- И ты ничего не говорила?

- Мне нравятся твои глаза. И твое сердце. А волосы мне безразличны.

- Я смотрю в безволосые, безглазые лица, и мне кажется, что я пропал.

ЕДУ В ГОСПИТАЛЬ ВМЕСТЕ С БРУК и жду ее в палате. Брук ввозят на каталке; ее ноги перевязаны так же, как мои во время матча. Когда она приходит в себя, я сижу рядом. Меня окатывает громадной волной нежности, желания защитить ее. Но волна эта спадает, как только раздается телефонный звонок от ее близкого приятеля Майкла Джексона. Я не понимаю этой ее дружбы с Джексоном, с учетом всех слухов и обвинений в его адрес. Но Брук говорит, что он похож на нас - еще один вундеркинд, у которого не было детства.

Я отвожу Брук домой и остаюсь у ее постели, пока она восстанавливается после операции. Однажды ее мать застает меня спящим на полу возле кровати Брук. Разражается скандал. Спать на полу? Нет, это невозможно! Я объясняю, что предпочитаю спать именно на полу из-за больной спины. Она уходит, возмущенно пыхтя.

Я нежно целую Брук и желаю ей доброго утра.

- Мы с твоей мамой сегодня встали не с той ноги, - говорю я ей.

Мы оба смотрим на ее ноги. Неудачная шутка.

Однако мне пора уезжать. Я еду на турнир в Скоттсдейле - мой первый турнир после операции на руке.

Увидимся через пару недель, говорю я ей, нежно поддерживая и вновь целуя.

Жеребьевка в Скоттсдейле была для меня удачной, однако это не рассеяло мои страхи. Сейчас рука пройдет первую настоящую проверку. Что, если она не зажила? Что, если стала работать еще хуже? Мне снится навязчивый кошмар, в котором в середине матча рука вдруг перестает меня слушаться. Я лежу в своем номере, закрыв глаза и пытаясь представить себе, как

хорошо работает кисть и как удачно проходит матч, - как вдруг в дверь стучат.

- Кто там?

- Брук.

С перевязанными ногами она приехала сюда, ко мне.

Я выиграл этот турнир, не почувствовав никакой боли.

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ СПУСТЯ мы с Питом соглашаемся дать совместное интервью корреспонденту одного из журналов. Войдя в мой номер, где должна состояться беседа, Пит с изумлением видит перед собой Пичез.

- Что это? - спрашивает он.

- Пит, это Пичез, моя старая попугаиха. Я спас ее из зоомагазина в Вегасе, который собирались закрыть.

- Хорошая птичка, - насмешливо произносит Пит.

- Она действительно хорошая птичка - не кусается и имитирует людей.

- Например, кого?

- Например, меня. Она чихает, как я, разговаривает, как я, правда, словарь у нее побогаче. А каждый раз, когда звонит телефон, она начинает кричать: «Телефон! Телефон!» Ужасно смешно!

Дома, в Вегасе, рассказываю я Питу, у меня целый зверинец. Кот Кинг, кролик Бадди - они помогают мне справляться с одиночеством. Мы с ними словно на необитаемом острове. Пит качает головой. Он явно не считает теннис таким уж одиноким видом спорта.

В ходе интервью мне вдруг кажется, что в комнате уже два попугая. Когда я рассказываю журналистам всякие глупости, я по крайней мере делаю это эмоционально, с человеческими интонациями. Пит же говорит еще более механически, чем Пичез.

Я, разумеется, не сказал об этом Питу, но считаю Пичез еще одним членом своей команды, которая постоянно растет и меняется. Я потерял Ника и Венди, зато теперь к ней добавились Брук и Слим, чудесный парнишка из Вегаса. Мы вместе ходили в школу и даже родились в одной и той же больнице с разницей в сутки. Слим - потерянная душа, но хороший парень и мой персональный ассистент. Он следит за домом, приглашает чистильщиков бассейна и прочих необходимых мастеров, сортирует почту, отвечает на письма фанатов с просьбами о фото и автографах.

Сейчас, мне кажется, настало время добавить к моей команде менеджера. Как-то в приватной беседе я попросил Перри оценить моих нынешних менеджеров: не слишком ли дорого они мне обходятся? Просмотрев контракты, он заявил: по его мнению,

ситуацию можно улучшить. Обняв его и поблагодарив за заботу, я сказал:

- А почему бы тебе не стать моим менеджером? Мне нужен человек, которому я доверяю.

Я знаю, что Перри занят. Он учится на втором курсе юридического факультета Университета Аризоны - старательно, аж пар идет из ушей. Но я все-таки упрашиваю его взяться за мои дела хотя бы в порядке частичной занятости.

Дважды просить не пришлось. Перри хочет работать у меня и планирует приступить немедленно. Он будет трудиться между занятиями: по утрам, в выходные дни - словом, когда получится. Помимо того, что эта работа открывает перед ним блестящие перспективы, она дает ему возможность вернуть мне долг. Я одолжил Перри денег для учебы на юридическом, поскольку он не хотел просить об этом отца. Однажды во время ночной беседы Перри рассказал мне, как с помощью денег его отец контролирует людей, в том числе родного сына.

Я хочу освободиться от него, - заявил он. - Раз и навсегда.

На свете найдется мало аргументов, которые я посчитал бы столь же убедительными. Я сразу же выписал ему чек.

Первая задача Перри-менеджера - найти мне тренера, который смог бы заменить Ника. Он составляет список кандидатов, который возглавляет парень, недавно написавший целую книгу о теннисе - «Победа любой ценой».

Перри вручает мне ее и просит прочесть. Я бросаю в него чертов том: спасибо, не надо, больше никакой учебы!

Мне не нужно читать эту книгу, потому что я знаю ее автора, Брэда Гилберта. Я знаю его, он - тоже теннисист. Часто встречался с ним, в последний раз - несколько недель назад. Его стиль игры противоположен моему. Он - настоящий пройдоха: в игре использует смену скорости и темпа, обманные указания направлений удара и прочие жульнические трюки. Он не силен в технике игры, чем откровенно гордится. Если я - пример игрока, выступающего ниже своих возможностей, то он - классический пример игрока, добившегося незаслуженно высоких результатов. Он не пытается превзойти соперника, вместо этого мешает ему играть, паразитируя на ошибках. И на мне он не раз сумел вот так оттоптаться.

Впрочем, я заинтригован возможностью поучиться его трюкам, но, к сожалению, это нереально: Брэд до сих пор играет. Учитывая операцию на руке и множество пропущенных турниров, он, вполне возможно, даже обогнал меня в рейтинге.

- Ты неправ, - спорит Перри. - Брэд скоро заканчивает карьеру, ему уже тридцать два года, и, вполне вероятно, идея

стать тренером его заинтересует.

Перри вновь и вновь твердит, что книга Брэда произвела на него неизгладимое впечатление и что в ней содержится именно та практическая мудрость, которая мне необходима.

В марте 1994 года, во время турнира в Ки-Бискейне, Перри приглашает Брэда на обед в итальянский ресторан на Фишер-Айлэнд. Это ресторан на воде под названием Cafe Porto Cervo - один из наших любимых.

Ранний вечер. Солнце заходит, скрываясь за мачтами и парусами яхт, заполнивших причал. Мы с Перри подходим чуть раньше назначенного времени, Брэд появляется минута в минуту. Оказывается, я уже успел забыть, как он выглядит. Темноволосый, грубоватый, он, безусловно, красив, но не классической красотой. У него грубые черты лица. Я никак не могу избавиться от мысли, что Брэд похож на первобытного человека, он как будто только что выпрыгнул из машины времени, все еще возбужденный недавним открытием огня. Быть может, все эти мысли лезут мне в голову из-за черных волос, которыми покрыты его голова, руки, плечи, лицо. Растительность такая, что я одновременно ужасаюсь и завидую. Даже его брови вызывают оторопь: думаю, я мог бы сделать себе неплохой шиньон из одной его брови.

Ринато, метрдотель, предлагает нам сесть на террасе с видом на причал.

- Звучит заманчиво, - соглашаюсь я.

- Нет, - встревает Брэд. - Нет-нет. Мы должны сесть внутри.

- Почему?

- Из-за Мэнни.

- Прости, но кто такой Мэнни?

- Москит Мэнни. Москиты - ух, как я их ненавижу! Поверьте, мне: Мэнни здесь, Мэнни повсюду, и Мэнни меня любит. Посмотрите на них! Так и кишат! Нет, я буду сидеть внутри. Подальше от Мэнни!

Он поясняет, что именно из-за москитов ему пришлось надеть джинсы вместо шортов, хотя на улице тридцать восемь градусов жары, да к тому же ужасная духота. «Все из-за Мэнни», - повторяет он в последний раз, ежась.

Мы с Перри переглядываемся.

- Ну хорошо, - произносит Перри. - Внутри так внутри.

Ринато усаживает нас за столик у окна и приносит меню. Просмотрев его, Брэд хмурится.

- У нас проблемы, - вздыхает он.

- Что случилось?

- У них нет моего пива Bud Ice.

- Быть может, у них есть…

- У них должен быть Bud Ice. Я пью только это пиво.

Поднявшись, он объявляет, что идет в соседний магазин за своим пивом.

Мы с Перри заказываем бутылку красного вина и ждем. Пока Брэда нет, не обмениваемся ни единым словом. Он возвращается через пять минут с шестью бутылками Bud и просит Ринато поставить их на лед.

- Только не в холодильник, - приказывает он. - Там недостаточно холодно. На лед или хотя бы в морозилку.

Наконец Брэд чувствует себя удовлетворенным. Полбутылки пива уже плещется у него в желудке. Перри приступает к делу.

- Слушай, Брэд, у нас есть к тебе предложение. Может быть, ты сможешь заняться игрой Андре?

- Что?

- Игра Андре. Может, скажешь нам, что ты о ней думаешь?

- Вы хотите знать, что я думаю о его игре?

- Точно.

- Мне говорить честно?

- Разумеется.

- По-мужски?

- Все как есть.

Он делает чудовищный глоток пива и начинает тщательный, подробный и грубый подсчет моих игровых недочетов.

- Это не бином Ньютона, - говорит он. - На твоем месте, с твоей техникой, талантом, ударом и ногами я был бы царем горы. Но ты где-то растерял огонь, который горел в тебе в шестнадцать лет. Тот парнишка, который пулей вылетал на мяч, - что с ним случилось?

По мнению Брэда, главная проблема, из-за которой моя карьера грозит завершиться раньше времени, - перфекционизм, доставшийся, похоже, в наследство от отца.

- Ты все время хочешь быть безупречным, - продолжает Брэд. - И постоянно терпишь неудачи. Это не дает тебе жить спокойно. Ты не веришь в себя. Стараешься выиграть каждый мяч, тогда как в девяноста процентах случаев тебе было бы достаточно просто демонстрировать стабильную игру.

Он говорит монотонно, со скоростью сто слов в минуту, чем-то напоминая жужжание москитов. Он уснащает свои доводы метафорами из разных видов спорта - всех подряд, не обижая никого. Похоже, перед нами истинный любитель спорта - равно как и метафор.

- Прекрати вести себя как неудачник! - вещает Брэд. - Хватит стремиться к недостижимому! Тебе нужно лишь проявить твердость. Одиночный разряд, парный разряд - продвигайся и тут,

и там. Перестань думать о себе и вспомни, что у парня по другую сторону сетки есть слабости. Атакуй их! Тебе не нужно быть лучшим в мире всякий раз, когда ты выходишь на корт. Достаточно быть лучше одного-единственного парня. Вместо того чтобы самому стремиться к успеху, подтолкни его к поражению. Или позволь ему провалиться самому. Это все - вопросы вероятности и процентов успеха. Казино всегда выигрывает, ведь так? А почему? Потому что на его стороне - законы вероятности. Сейчас, пытаясь филигранно исполнить каждый удар, ты играешь против теории вероятности и рискуешь. Этого делать нельзя. Брось! Просто заставляй мяч продолжать движение. Туда-сюда, легко и надежно. Добиваясь совершенства, считая его своей главной целью, ты знаешь, что делаешь? Преследуешь фантом, делаешь всех вокруг и себя несчастными. Совершенство? Примерно пять раз в году ты, просыпаясь, чувствуешь совершенное счастье - потому что ты в этот день никому не проиграешь. Но эти пять дней в году не сделают из тебя теннисиста. И даже человеком так не стать. Сейчас другие времена, парень. Больше всего ценится умение работать головой. С твоим талантом, даже если умения играть у тебя лишь на пятьдесят процентов, но житейской мудрости при этом - на целых девяносто пять, ты непременно выиграешь. А вот если техники у тебя на девяносто пять процентов, а ума - лишь на пятьдесят, ты будешь проигрывать. Давай, поскольку ты из Вегаса, попробуем сформулировать это иначе. Чтобы выиграть Большой шлем, нужно сыграть двадцать один сет. И все! Тебе нужно выиграть двадцать один сет. Семь игр, каждая - до трех побед. Итого - двадцать один. В теннисе, как в картах: выигрывает двадцать одно. Сосредоточься на этой цифре - и не ошибешься. Все упрощай. Каждый раз, выиграв сет. говори себе: «Еще один у меня в кармане». Это и есть позитивное мышление, понимаешь? Хотя, честно говоря, лично я, играя в блэк-джек, предпочту выиграть с шестнадцатью очками. Это и есть победа любой ценой! Не нужно быть совершенством.

Он говорит четверть часа. Мы с Перри не перебиваем, не смотрим друг на друга, не прикасаемся к бокалам. Наконец Брэд допивает второе пиво и объявляет:

- Ну, и где здесь кабинет заседаний? Мне надо отлить.

Как только он выходит из зала, я шепчу Перри:

- Это тот, кто нам нужен.

- Согласен.

Брэд возвращается, и официант подходит к нашему столику принять заказ. Он требует пенне арабьята с цыпленком гриль и моцареллой.

Перри заказывает цыпленка с пармезаном. Брэд смотрит на него с отвращением и произносит:

- Плохая идея.

Официант перестает писать.

- Тебе надо заказать отдельно куриную грудку, - продолжает Брэд, - и отдельно - моцареллу и соус. Тогда у тебя будет свежая, хрустящая куриная грудка, и ты сможешь добавлять к ней столько соуса и сыра, сколько тебе захочется.

Перри, поблагодарив Брэда за кулинарную консультацию, предпочитает все-таки не менять свой заказ. Официант вопросительно смотрит на меня. Я указываю ему на Брэда:

- Я буду то же, что и он.

Брэд ухмыляется.

Перри, прокашлявшись, произносит:

- Брэд, как ты относишься к тому, чтобы стать тренером Андре?

Брэд напряженно думает - секунды три.

- Да, - говорит он. - Мне нравится эта идея, и, думаю, я буду ему полезен.

- Когда начинаем? - интересуюсь я.

- Завтра, - отвечает Брэд. - Встречаемся на корте в десять утра.

- Хм. Я не начинаю играть раньше часа.

- Мы начнем в десять, Андре.

КОНЕЧНО, Я ОПОЗДАЛ. Брэд смотрит на часы.

- Мы договаривались на десять.

- Друг, я даже не знаю, как выглядит мир в десять утра.

Начинаем тренировку, Брэд говорит и говорит. Он не останавливается ни на минуту, как будто несколько часов, прошедшие между вчерашним вечерним монологом и сегодняшней утренней тренировкой, были лишь антрактом. Он придирается к моей игре, предугадывает удары и анализирует их. Главное - это удар слева.

- При любой возможности бей слева, ты должен это делать, - твердит он мне. - Это твой удар на миллион. Ты можешь озолотиться с его помощью.

Мы играем несколько геймов, и он то и дело останавливается, подходит к сетке, объясняет, что я выбрал самый глупый вариант из возможных:

- Зачем ты это сделал? Я знаю, что это убойный удар, но не каждый удар должен быть убойным. Иногда лучший - тот, который ты придержал, спокойный удар, который даст сопернику шанс промахнуться. Дай этому парню поиграть!

Мне все это нравится. Я заражаюсь энтузиазмом Брэда, его

энергией и идеями. Меня успокаивает его мысль о том, что перфекционизм - добровольный выбор. Я свободен и должен выбрать что-нибудь другое. Раньше никто не говорил мне об этом. Я всегда считал, что перфекционизм - мое врожденное свойство, подобно выпадающим волосам или деформированному спинному мозгу.

После легкого второго завтрака отдыхаю: смотрю телевизор, читаю газеты, сижу в тени деревьев,- после чего иду на игру и побеждаю Марка Петчи, моего ровесника из Великобритании. Следующий матч играю против Беккера, которого теперь тренирует Ник. Он не раз заявлял на публике, что никогда не возьмется тренировать моих соперников, - и вот теперь работает с одним из самых заклятых моих конкурентов. Ник сидит в ложе Беккера. Борис подает, как всегда, мощно, со скоростью 217 километров в час, - но вид Ника за его спиной переполняет меня адреналином, и я, кажется, могу взять любой пущенный им мяч. И Беккер понимает это. Он прекращает бороться и играет для болельщиков. Проиграв сет на тай-брейке, он отдает ракетку девочке, подносящей мячи, как будто говоря: ты справишься с этим не хуже меня.

«Ты прав, - думаю я. - Пусть она играет за тебя - я разобью вас обоих».

Победа над Беккером выводит меня в финал. Кто мой соперник? Пит. Как обычно.

Матч транслируют по национальному телевидению. Мы с Брэдом решительно идем в раздевалку, где обнаруживаем Пита, лежащего на полу, со стоном подтягивающего колени к животу. Над ним склонились врач и тренер, позади маячит директор турнира.

- Пищевое отравление, - выносит вердикт врач.

- Тебя, кажется, можно поздравить с победой в Ки-Бискейн, - шепчет мне Брэд.

Директор отводит нас с Брэдом в сторону, спрашивает, согласимся ли мы немного отложить матч, дав Питу время поправиться. Я чувствую, как напрягся Брэд. Я знаю, каких слов он ждет от меня. Но я отвечаю:

- Мы подождем, сколько надо.

Директор с облегчением вздыхает и кладет ладонь мне на локоть:

- Спасибо! - говорит он. - У нас ведь четырнадцать тысяч зрителей. Плюс телевидение.

Мы с Брэдом шатаемся по раздевалке, щелкаем пультом от телевизора, болтаем по телефону. Я звоню Брук - она сегодня на прослушивании на Бродвее на роль в «Бриолине». Иначе бы была

здесь.

Брэд бросает на меня убийственные взгляды.

- Расслабься, - советую я ему. - Может, ему еще не полегчает.

Доктор ставит Питу внутривенную инъекцию и поднимает его на

ноги. Пит шатается, как новорожденный жеребенок. Он не справится.

К нам подходит директор турнира:

- Пит готов.

- Зашибись, - отвечает Брэд. - Мы тоже.

- Я с ним быстро закончу, - бросаю я Брэду.

Но Пит вновь выпускает на корт своего злобного двойника. Это уже не тот Пит, который скручивался в клубок на полу раздевалки. Не тот, который шатался, едва стоя на ногах после инъекции. Этот Пит - в форме, он подает мячи с невероятной силой, при этом даже не вспотев. Он играет гениально, не оставляя противнику никаких шансов. Вскоре он уже ведет 5-1.

Но тут уж я разозлился по-настоящему Как будто подобрал раненую птицу, принес домой, лечил, вернул к жизни, а она вдруг вознамерилась выклевать мне глаза. Даю отпор и выигрываю сет. Я уверен, что выдержал единственную атаку, на которую у Пита могло хватить сил. Он наверняка уже сделал все что мог.

Но во втором сете он выглядит еще лучше. А в третьем вообще играет как сумасшедший. Он побеждает по итогам трех сетов.

Я врываюсь в раздевалку, где меня ждет кипящий от ярости Брэд. Снова он повторяет, что на моем месте заставил бы засчитать Питу поражение и вынудил бы директора выдать мне чек за победу на турнире.

- Это не для меня, - отвечаю я. - Не хочу выигрывать вот так. Кроме того, если я не могу обыграть отравившегося парня, который катается по полу, значит, я недостоин этой победы.

Брэд резко замолкает, таращит на меня глаза, затем кивает. Он не может спорить с тем, что я сказал, он уважает мои принципы, даже если не разделяет их.

Мы выходим со стадиона вместе, словно Хэмфри Богарт и Клод Рейнс в финале «Касабланки». Начало прекрасной дружбы. Новый, жизненно необходимый член моей команды.

И ТУТ МОЯ КОМАНДА вступает в полосу неудач.

Применять концепции Брэда - все равно что учиться писать левой рукой. Он называет свою философию «Брэд-теннисом». Я называю ее «бредософией». В любом случает идет она туго. Чувствую себя так, будто вновь сижу за партой, ничего не понимая и мечтая скорее уйти. Бред настаивает, чтобы я был

последовательным. «Будь как сила тяжести, - повторяет он вновь и вновь. - Дави не переставая. Задави своего противника». Он пытается заставить меня постичь радость победы любой ценой, радость достижения цели без оглядки на средства. Но без оглядки я умею лишь проигрывать. И погружаться в пучину мрачных мыслей я тоже способен отчаянно, безоглядно. Я доверяю Брэду, знаю, что он говорит дело, и выполняю все его указания - так что же не выигрываю? Я отказался от перфекционизма - почему же моя игра все равно далека от идеальной?

Я лечу в Осаку, где вновь проигрываю Питу. Нет, я не похож на силу тяжести, скорее на мыльный пузырь.

Лечу в Монте-Карло, где проигрываю Евгению Кафельникову - в первом же круге.

К досаде примешивается чувство оскорбленного достоинства. На послематчевой пресс-конференции Кафельникова спрашивают, каково было взять верх над Агасси в присутствии стольких болельщиков, поддерживавших его.

- Это было сложно, - отвечает Кафельников. - Ведь Агасси - почти Иисус.

Я не понимаю, что он имел в виду, но, на мой взгляд, это мало похоже на комплимент.

Лечу в Дулут, штат Джорджия, где проигрываю Маливаю Вашингтону. После матча, сидя в раздевалке, чувствую себя уничтоженным. Брэд входит, улыбаясь.

- Скоро настанут хорошие времена, - мурлычет он.

Я смотрю на него в изумлении.

- Тебе нужны страдания, - поясняет Брэд. - В ближайшее время ты проиграешь кучу матчей. Но однажды все-таки выиграешь один матч, небеса разверзнутся, и ты взлетишь к звездам. Тебе нужен один- единственный прорыв, одна победа, - и уже ничто не остановит тебя, станешь лучшим в мире.

- Ты сошел с ума.

- Ты учишься.

- Ты ненормальный.

- Увидишь.

В 1994 ГОДУ ЕДУ на Открытый чемпионат Франции и играю пять отвратительных сетов с Томасом Мустером. В момент, когда я проигрываю в пятом сете 5-1, со мной что-то происходит. Философские концепции Брэда в последнее время бродят у меня в голове, но теперь они исходят не извне, а изнутри. Я впитал их в себя, как когда-то впитал голос отца. Я бросаюсь в бой и отыгрываюсь до равного счета, 5-5. Мустер отыгрывает мою подачу. Он подает решающий мяч. И все же я добиваюсь счета 30-40, и у меня есть надежда. Я собран, готов к бою, но он бьет с

левой, и я не успеваю обработать мяч. Я достаю его, но он уходит в аут.

Матч Мустера.

Возле сетки Мустер треплет меня по голове, ерошит волосы. Этот жест не просто унизителен, он чуть было не срывает у меня с головы накладку.

- Хорошая попытка, - говорит Мустер.

Я смотрю на него с нескрываемой ненавистью. Серьезная ошибка, Мустер. Никогда, ни за что не трогай мои волосы.

- Только за этот жест обещаю больше никогда не проигрывать тебе, - произношу я.

В раздевалке Брэд подходит ко мне с поздравлениями.

- Скоро настанут хорошие времена, - повторяет он.

- Что?

- Верь мне, - кивает он. - Грядут хорошие времена.

Он, кажется, даже не понял, сколь болезненно для меня это поражение. Что ж, если человек не понимает, то и объяснять ему бессмысленно.

На Уимблдоне в том же году я выхожу в четвертый круг, но проигрываю в очень нервном матче с Тодом Мартином. Я задет, испуган, разочарован. В раздевалке Брэд улыбается и говорит:

- Все хорошо.

Мы летим на Открытый чемпионат Канады. В самом начале турнира Брэд шокирует меня, сообщив: пока, как он думает, ничего хорошего не предвидится. Наоборот, мне предстоит пережить несколько крупных неприятностей.

- Пфф, - говорит он, просмотрев результаты жеребьевки.

- Что, черт возьми, за «пфф»?

- Полная фигня. Жеребьевка ужасная.

- Дай взглянуть!

Я вырываю листок у него из рук. Он прав. Первый матч - ерунда, мой соперник - швейцарец Якоб Хласек, зато во втором раунде я встречаюсь с Дэвидом Уитоном, который традиционно доставляет мне немало головной боли. Впрочем, люблю, когда меня недооценивают. В конце концов всегда можно что-нибудь придумать. Сообщаю Брэду, что собираюсь выиграть турнир.

- А после этого ты проткнешь себе ухо наденешь серьгу, - присовокупляю я.

- Я не люблю драгоценности, - отвечает Брэд.

Он что-то обдумывает:

- А впрочем, договорились.

НА ОТКРЫТОМ ЧЕМПИОНАТЕ Канады корт кажется удивительно маленьким, а соперник, напротив, огромным.

Уитон - и так крупный парень, но здесь, в Канаде, он кажется

трехметровым великаном. Это всего лишь оптическая иллюзия, но я не могу отделаться от чувства, что он стоит в пяти сантиметрах от моего носа. Отвлекшись на эти мысли, я обнаруживаю, что проигрываю два матч-пойнта на тай-брейке в третьем сете.

Тут, вопреки обычному своему поведению, я собираюсь. Забываю об отвлекающих факторах, оптических иллюзиях, иду вперед - и побеждаю. Я делаю то, что предсказывал Брэд: выигрываю матч.

- Вот и матч, в котором ты предсказал мне выигрыш, - позже говорил я ему. - Тот самый, который все изменит.

Он улыбается, как будто я заказал в ресторане куриную грудку и соус с сыром - отдельно: «Давай-давай, работай, так держать».

Я играю все сильнее, а размышляю все меньше, я прорываюсь сквозь турнирную таблицу - и выигрываю чемпионат Канады.

Брэд выбирает бриллиантовую серьгу-гвоздик.

ПЕРЕД ОТКРЫТЫМ ЧЕМПИОНАТОМ США 1994 года я на двадцатом месте в мировой классификации, поэтому еду туда несеяным. Несеяные игроки не выигрывали этот чемпионат с шестидесятых годов.

Брэд доволен. Он хочет, чтобы я был джокером в колоде.

- В первом раунде тебе придется встретиться с кем-то из сильных игроков, - говорит он. - Победишь его - выиграешь турнир.

Он уверен в моей победе. Уверен настолько, что обещает побрить себе все тело после того, как мне вручат кубок. Я вечно говорю, что у него слишком много волос. По сравнению с ним снежный человек - просто безусый юнец. Ему нужно подбрить грудь и руки - и, разумеется, брови. Или привести в порядок, или уж дать им собственные имена.

- Поверь, - увещеваю я его, - просто побрей грудь, и ты поймешь, каких потрясающих ощущений лишал себя раньше.

- Выиграй Открытый чемпионат США, - отвечает он. - Тогда побрею.

Незавидное место в классификации привлекает ко мне особое внимание. Оно было бы еще более пристальным, если бы часть его не отвлекала на себя Брук: фотографы сопровождают щелчками затворов каждый поворот ее головы. Я в деловом настроении - и в соответствующем стиле: черная шляпа, черные шорты, черные носки, черно-белые туфли. Однако в начале своего первого матча с Робертом Эриксоном чувствую знакомое нервное напряжение и слабость в желудке. Я стараюсь преодолеть его, вспоминаю Брэда, отбрасываю прочь все мысли о совершенстве.

Пытаюсь играть надежно, спокойно, позволяя Эриксону проиграть. И он проигрывает, подарив мне пропуск во второй круг.

Потом побеждаю француза Ги Форже - буквально на последнем дыхании. За ним следует Уэйн Феррейра из Южной Африки, которого я обыгрываю в трех сетах.

Следующим идет Чанг. Утром перед игрой у меня начинается чудовищная диарея. К моменту матча я слаб, выпотрошен до дна и способен лишь невнятно бормотать, подобно Пичез. Джил вливает в меня ударную дозу своего витаминного коктейля. Он густой и плотный, как масло. С усилием глотаю, несколько раз с трудом удержав жидкость в себе. «Спасибо, что доверяешь!» - шепчет Джил, когда я проталкиваю в себя последние глотки.

И вот, наконец, я попадаю под циркулярную пилу Чанга. Это тот редкий случай, когда партнер хочет выиграть так же, как я, - ни больше ни меньше. С самой первой подачи мы оба знаем, что не сумеем решить наш спор за время матча. Необходим фотофиниш, иначе выявить сильнейшего будет невозможно. Однако в пятом сете, будучи уверенным в предстоящем тай-брейке, я ловлю ритм и развиваю наступление. Наношу сумасшедшие удары и чувствую, что соперник теряет волю к победе. Это почти нечестно - утащить у противника победу в матче после столь долгой равной игры. По справедливости финал должен был стать куда более напряженным, однако последние минуты игры оказываются до смешного легкими.

На послематчевой пресс-конференции Чанг явно говорит о какой- то другой игре, не имеющей отношения к той, в которой я только что участвовал. Он утверждает, что мог бы сыграть еще два сета, а мне просто-напросто повезло. Более того, он хвастается, что сумел обнаружить слабые места в моей игре, за что остальные участники турнира должны быть ему благодарны. По его словам, с этого момента я уязвим. Я фактически спекся.

Следующий мой соперник - Мустер. Я выполнил свое обещание не проигрывать ему больше. После матча, однако, мне потребовалось собрать волю в кулак, чтобы не потрепать его по волосам.

Я в полуфинале. В субботу предстоит игра с Мартином. В пятницу днем мы с Джилом обедаем чизбургерами на поджаристых английских оладьях в P.J.Clark’s. Нас обслуживает наша любимая официантка: уверен, что у этой дамы есть что рассказать о себе тому, кто рискнул бы ее расспросить. В ожидании заказа мы листаем нью-йоркские газеты, и я замечаю в одной из них колонку о себе. Конечно, не стоило читать ее, и все же я не смог удержаться. Открытый чемпионат США, утверждает

ее автор, спортивный обозреватель Майк Лупика, вновь дает мне прекрасную возможность проиграть, - и можно быть уверенным, что я найду способ сделать это.

«Агасси просто не рожден чемпионом», - утверждает журналист.

Я сворачиваю газету и чувствую, как стены надвигаются на меня и поле зрения сужается до размера булавочной головки. Лупика пишет так уверенно, как будто он знает будущее. А что, если он прав? Что, если это - мой момент истины и я так и останусь неудачником? Если не сейчас, когда я еще получу шанс выиграть Чемпионат США? Слишком много всего должно для этого совпасть. Финалы не растут на деревьях. Что, если я никогда не выиграю этот турнир и всю жизнь буду с сожалением вспоминать нынешний момент? Что, если идея взять в тренеры Брэда была ошибкой, а Брук - неподходящая для меня пара? Что, если моя с таким трудом собранная команда никуда не годится?

Джил видит, как я побледнел.

- Что случилось?

Я прочел ему колонку. Он не двигается.

- Хотел бы я как-нибудь потолковать с этим Лупикой, - произносит

он.

- А что, если он прав?

- Контролируй то, что можешь контролировать.

- Конечно.

- А вот и наш заказ.

Мартин, недавно победивший меня на Уимблдоне, - серьезный соперник. Он отлично играет и в защите, и в нападении. У него мощное телосложение, рост метр девяносто восемь, и он отбивает мяч с обеих рук уверенно и аккуратно. Мартин способен вколотить в соперника почти любой удар, это вселяет неуверенность в тех, чья подача оставляет желать лучшего, - и в меня в том числе. Со своей подачей он сверхъестественно аккуратен: если и промахивается, то лишь на толщину волоса. Он метко бьет в линию, при этом игнорируя ее внутреннюю часть и посылая мяч точно во внешнюю половину. Мне же гораздо симпатичнее обладатели мощной подачи, которые часто промахиваются мимо площадки. Мне нравится, когда я могу- заранее догадаться, куда пойдет мяч, а с такими игроками, как Мартин, угадать удается нечасто - значит, не остается возможности для маневра. Словом, он - отвратительный соперник для игрока с моими проблемами, и в начале нашего полуфинала я оцениваю шансы Мартина (а вместе с ним и Лупики) гораздо выше своих.

Тем не менее несколько геймов спустя я обнаруживаю несколько обстоятельств в свою пользу. Оказывается, на жестком покрытии (а это мой любимый тип) он чувствует себя гораздо хуже, чем на траве. Кроме того, Мартин играет куда ниже своих возможностей, просто потому, что не умеет справляться со своими нервами. Так что я хорошо понимаю его глубоко личные проблемы. А информация о противнике, как известно, сама по себе мощное оружие.

А еще у Мартина есть одна причуда. Некоторые игроки во время подачи смотрят на соперника. Другие - в никуда. Мартин обычно смотрит в определенную точку в зоне подачи. Я понял: если он вглядывается в это пятно в течение долгого времени, значит, он будет подавать в противоположном направлении. Если же он лишь взглянет в эту точку, стало быть, мяч полетит точно в нее. При счете 0-0 или 15-0 этого можно и не заметить, но перед брейк-пойнтом он таращится в свою любимую точку, как убийца в фильме ужасов, и смазывает по ней взглядом, будто неумелый игрок за покерным столом.

Этот матч складывается так легко, что мне не нужны подсказки от Мартина. Он выглядит неуверенным, маленьким, в то время как я играю с непривычной для меня решительностью. Вижу, что он не уверен в себе, почти слышу его мысли - и сочувствую ему. Победив в четырех сетах, покидаю корт и думаю: «Мартин, тебе еще предстоит повзрослеть». Эта мысль поражает меня: неужели я действительно мог сказать нечто подобное о ком-то другом?

В финале я встречаюсь с Михаэлем Штихом из Германии. Это его третий финал в турнире Большого шлема, и, в отличие от Мартина, он опасен на любом покрытии. Вдобавок Штих - прирожденный спортсмен с впечатляющим размахом рук. У него прекрасная первая подача, сильная и быстрая, она может зашвырнуть вас на Луну. Штих настолько аккуратен, что каждый его промах вызывает у противника изумление. От его промахов сопернику не легче: ведь в распоряжении Михаэля остается его коронная «пушечная» подача, ненамного слабее первой - от нее соперника запросто может бросить на землю. А чтобы он окончательно растерялся, Штих играет оригинально, не использует стандартных схем, так что сопернику ни за что не догадаться, собирается ли он подавать ударом с лета или отойдя предварительно к задней линии.

В надежде установить контроль над игрой и диктовать условия я сразу приступаю к решительным действиям, бью по мячу четко, резко, стараясь не испытывать страха. Мне нравится звук, издаваемый мячом при ударе о ракетку, нравится шум

толпы, охи и ахи болельщиков. Тем временем Штих ведет себя легкомысленно. Но, когда ты проигрываешь первый сет 6-1, да еще так быстро, инстинкт велит паниковать, и если верить языку тела, Штих уже поддается этому инстинкту.

Во втором сете Михаэль собирается и дает мне бой с обеих рук. Я выигрываю 7-6 и чувствую, что мне повезло: все вполне могло сложиться иначе.

В третьем сете мы оба поднимаем ставки. Я уже вижу перед собой финишную ленточку, но и мой соперник полностью отдался игре. В прежние времена он иногда проигрывал мне, не веря в себя и рискуя без нужды. Но не сейчас: он играет умно, ловко, давая понять, что кубок мне придется вырвать у него силой. Что ж, мне ничего не остается. После моей подачи мы долго обмениваемся ударами, пока Штих не понимает: я мечтаю выиграть этот матч и готов, если понадобится, не покидать корт до конца дня. Вижу, что противник, задыхаясь, хватается за бок. Я представляю, как будет выглядеть кубок в моем холостяцком жилище в Вегасе.

За третий сет ни один из нас ни разу не потерял подачу. До счета 5-5. В конце концов я выиграл на чужой подаче. Я подаю на матч и слышу голос Брэда - так же ясно, как если бы он стоял у меня за спиной: «Подавай под удар справа. Когда не знаешь, куда бить, - под удар справа, справа». Бью мяч под удар справа, он пропускает. Итог матча уже ясен нам обоим.

Я падаю на колени. Глаза наполняются слезами. Я смотрю на свою ложу - на Фили. Перри, Джила и, разумеется, Брэда. Вы можете узнать все, что требуется, о любом человеке, если посмотрите ему в лицо в минуту своего величайшего триумфа. С самого начала я верил в талант Брэда, но сейчас, видя его искреннюю, ничем не сдерживаемую радость, поверил в него без оглядки.

Журналисты сообщают: я - первый несеяный игрок, выигравший Открытый чемпионат США с 1966 года. Более того, единственный человек, который смог сделать это до меня, - Фрэнк Шилдз, дед человека, сидящего сейчас в моей ложе. Брук, которая не пропустила ни одного моего матча, сейчас выглядит не менее счастливой, чем Брэд.

Моя новая девушка, мой новый тренер, мой новый менеджер, мой приемный отец.

16

- ДУМАЮ, пора избавиться от этого парика, - произносит Брук. - И от хвоста. Обрей волосы и ходи так.

- Это невозможно. Я буду чувствовать себя голым.

- Ты будешь чувствовать себя свободным.

- Не свободным, а уязвимым.

Это равнозначно совету выдрать все зубы. Я категорически отказываюсь. Затем несколько дней обдумываю идею Брук. Думаю о том, сколько перенервничал из-за этих волос, о неудобных париках, о лицемерии, притворстве и лжи. Возможно, она права. Может быть, это первый шаг к здравому смыслу.

Однажды утром подхожу к Брук и заявляю:

- Давай сделаем это!

- Что именно?

- Сбреем это все. Под ноль.

Мы запланировали церемониальное бритье на ночные часы, традиционные для спиритических сеансов и рейв-вечеринок. Это должно произойти на кухне в доме Брук, после того как она вернется из театра (все-таки получила роль в «Бриолине»).

- Устроим из этого праздник, - говорит Брук. - Пригласим друзей.

К нам приходит Перри. И, несмотря на наш разрыв, Венди. Брук откровенно раздражена присутствием Венди - впрочем, та тоже не в восторге от встречи с моей нынешней девушкой. Из-за этого и Перри тоже чувствует себя не в своей тарелке. Я объясняю Брук и Перри: несмотря на то что наш роман в прошлом, Венди - мой друг, друг на всю жизнь. Процесс стрижки - важный и сложный, нужны друзья, которые смогут меня морально поддержать в это время, - точно так же, как мне было необходимо, чтобы Джил был рядом во время операции на руке. Тут мне пришло в голову, что было бы неплохо получить наркоз и для этой операции. Мы посылаем за вином.

Мэтью, парикмахер, который стрижет Брук, засовывает мою голову в раковину, моет волосы и собирает их в хвост:

- Андре, ты уверен?

- Нет.

- Готов?

- Нет.

- Хочешь, мы сделаем это перед зеркалом?

- Нет, не хочу на это смотреть.

Мэтью усаживает меня на деревянный стул и щелкает ножницами. Мой хвост падает на пол.

Все аплодируют.

Он начинает стричь остатки волос по бокам - коротким ежиком. Я вспомнил, как делал себе ирокез в Брадентонском торговом центре. Закрываю глаза и чувствую, что сердце колотится, будто перед финальным матчем. Это была ошибка.

Быть может, она определит всю мою дальнейшую жизнь. Джей Пи предупреждал, что я не должен делать этого. Он рассказывал, что, когда бы ни пришел на мой матч, люди на трибунах всегда обсуждали мои волосы. Женщины любят меня за них, мужчины - ненавидят. Теперь, когда Джей Пи забросил пасторскую деятельность и посвятил себя музыке, он периодически подрабатывает в рекламе - пишет джинглы для телевидения и радио. Так что знал, что говорил, когда объяснял мне: «Для бизнеса Андре Агасси важны волосы. Не будет волос - не будет и корпоративных спонсоров». После чего с некоторой долей юмора предложил мне перечитать библейские строки о Самсоне и Далиле.

Пока Мэтью бесконечно щелкает ножницами, осознаю: надо было слушать Джей Пи. Он еще никогда не давал мне дурных советов. Клочья моих волос падают на пол, и, кажется, я сам разваливаюсь на куски.

Стрижка занимает одиннадцать минут. Потом Мэтью сдергивает с меня покрывало:

- Та-даммм!

Я подхожу к зеркалу и не узнаю человека, которого вижу. Передо мной - незнакомец. Не то чтобы мое отражение изменилось - нет, это просто не я. Но, черт возьми, что я такого потерял? Возможно, быть этим парнем проще и приятнее. Все это время, работая с Брэдом и пытаясь бороться с тем, что сидело у меня в голове, я и не подумал обратить внимание на то, что растет на ней снаружи. Я улыбаюсь своему отражению, провожу рукой по черепу. Привет. Рад познакомиться.

К утру, когда мы уговорили уже несколько бутылок вина, я повеселел, и меня накрыло чувство признательности к Брук.

- Ты была права, - говорю я. - Парик для меня - как кандалы. Да и мои волосы, отросшие до этой дурацкой длины, убитые тремя перекрашиваниями, тоже висели, как груз, тянули к земле. Казалось бы, такая простая штука - волосы. Но они стали частью моего имиджа, моего самоощущения, и все это было обманом.

Теперь клочья этого обмана лежат на полу в доме Брук жалкими кучками. Я рад, что избавился от волос. Чувствую, что я настоящий. Свободный.

На моей игре это тоже сказывается. На Открытом чемпионате Австралии 1995 года я выскакиваю на корт, как чертик из табакерки. На своем стремительном пути к финалу не проигрываю ни одного сета. Впервые играю в Австралии - и не понимаю, что заставляло меня так долго ждать. Мне нравится покрытие, сам стадион - и даже жара. Я вырос с Вегасе, поэтому переношу жару гораздо легче других игроков, а ведь высокая

температура - одна из отличительных характеристик австралийского чемпионата. Если при мысли о Ролан Гарросе в памяти сразу всплывает стелящийся дым от трубок и сигар, то Мельбурн оставляет после себя воспоминания о теннисных матчах, проведенных в жерле гигантской печи.

Кроме того, мне очень понравились австралийцы и я им тоже, несмотря на то что нынешний я - уже не я, а какой-то лысый парень в бандане с козлиной бородкой и кольцом в ухе. Газеты тут же уцепились за мой новый имидж. Никто не упустил возможности высказать свое мнение. Мои болельщики сбиты с толку. Те, кто болеет против меня, нашли новые поводы для своей неприязни. Куда ни пойду, повсюду слышу шутки насчет пиратов. Я и не знал, что люди способны изобрести столько шуток про пиратов. Но мне плевать. Повторяю себе, что, как только выиграю этот турнир, мой пиратский имидж все тут же воспримут как должное.

В финале снова вляпываюсь в Пита. Не успев моргнуть глазом, проигрываю первый сет. Проигрываю глупо, из-за двойной ошибки на подаче. Опять.

Перед вторым сетом пытаюсь взять себя в руки. Смотрю на свою ложу. Брэд выглядит разочарованным. Он никогда не верил, что Пит играет лучше меня. На его лице написано: «Ты играешь лучше, Андре. Не надо его переоценивать».

Пит подает, как из пушки, - привычная для него артподготовка. Но в середине второго сета я чувствую, что он начинает уставать. Не так-то просто даются ему эти пушечные удары. Он измотан физически и эмоционально, поскольку последние несколько дней были для него сущим адом. Его старый тренер Тим Галликсон пережил два инсульта, затем врачи обнаружили у него опухоль мозга. Пит очень переживает. Поэтому, как только игра начинает складываться в мою пользу, я чувствую себя виноватым. Даже был бы не против остановиться, позволить Питу пойти в раздевалку и сделать укол, после чего он смог бы выпустить против меня того, другого Пита, любителя надрать мне задницу в борьбе за Большой шлем.

Я дважды выигрываю подачу. Пит опускает руки, уступая сет.

Третий сет завершается на нервах. Тай-брейк. Я веду 3-1, но следующие четыре очка выигрывает Пит, и вот он уже ведет 6-4, подавая на сет. Издав крик пещерного человека, такой же, с каким я поднимаю тяжести в зале с Джилом, вкладываю всю свою силу в ответный удар. Мяч задевает сетку и остается внутри площадки. Пит внимательно смотрит на мяч, затем на меня.

Он бьет с правой руки, мяч улетает за пределы площадки. По шести очков. Мы застряли. Очередной бешеный обмен ударами заканчивается, когда я неожиданно выхожу к сетке и бью укороченный удар с лета слева. Это срабатывает, и в следующий раз я повторяю тот же прием. Сет Агасси. Уже второй.

Итог четвертого сета предрешен. Я не снимаю ногу с педали газа и побеждаю 6-4. Питу нелегко принять поражение. Тем не менее, когда я вижу его у сетки, он поражает меня своим равнодушием.

Это мой второй Большой шлем подряд, а в общей сложности - третий. Говорят, эта победа была самой яркой из трех: ведь мне наконец-то удалось победить Пита в финальной битве за Шлем. Но и сейчас, много лет спустя, я помню этот турнир в первую очередь как мой первый «лысый» турнир.

ТУТ ЖЕ НАЧИНАЮТСЯ РАЗГОВОРЫ о том, что я займу первое место в мировой классификации. Пит был первым семнадцать недель, и теперь вся моя команда наперебой говорит, что я определенно столкну его с этой почетной вершины. В ответ объясняю, что в теннисе нет ничего предопределенного. Судьбе есть чем заняться вместо того, чтобы подсчитывать очки в таблице Ассоциации профессионалов тенниса.

Тем не менее ставлю своей целью достигнуть первого места, ведь моя команда страстно хочет этого.

Я не покидаю наш с Джилом спортивный зал, тренируясь с яростным упорством. Посвящаю Джила в свои планы, и он разрабатывает план кампании. Для начала планирует для себя курс обучения: составляет список телефонных номеров известнейших спортивных врачей и специалистов по питанию, организует частные консультации с каждым из них. Он встречается с экспертами Американского центра олимпийской подготовки в Колорадо-Спрингз. Совершает перелеты с одного побережья на другое, встречаясь с лучшими, известнейшими специалистами в разнообразных областях медицины и здорового образа жизни, записывая все сказанное ими в свою записную книжку. Он читает все подряд, от журналов для культуристов до сухих медицинских отчетов и материалов каких-то не-понятных исследований. Оформляет подписку на «Медицинский журнал

Новой Англии». В кратчайшие сроки Джил превращается в передвижной университет с одним преподавателем и одним-единственным предметом для изучения. Студент в этом университете тоже единственный - я.

В итоге он нагружает меня тренировками до предела моих физических возможностей. Вскоре я уже выжимаю от груди почти два своих веса - сто тридцать шесть килограммов, от пяти до семи подходов. Джил учит меня в три подхода поднимать двадцатитрехкилограммовые гантели, заводя руки назад, что заставляет гореть три разных вида плечевых мышц. Затем мы работаем над бицепсами и трицепсами, и они пылают, как в огне. Мне нравится, когда Джил говорит о необходимости заставить мышцы загореться: таким образом я как будто направляю свою пироманию в конструктивное русло.

Потом мы занимаемся поясничной областью и животом, начиная работу со специального тренажера, изобретенного и сконструированного Джилом. Как и все остальные тренажеры, этот он сначала разобрал до основания, а затем сварил заново. (В его блокнотах можно найти удивительно красивые чертежи этих машин на кальке.) Это единственный тренажер такого рода во всем мире, уверен Джил, он позволяет тренировать мышцы пресса, не затрагивая при этом мою больную спину.

- Сейчас мы нагрузим как следует пресс, - говорит он, - поработаем над ним, пока он не запылает, а потом займемся «русскими поворотами»: ты возьмешь двадцатикилограммовый металлический диск и будешь поворачиваться влево и вправо, влево и вправо. Так мы как следует прогреем твои боковые и косые мышцы.

Наконец, мы переходим к тренажеру для мышц спины. В отличие от любого другого подобного агрегата в любом спортзале мира, этот не подвергает опасности мою шею и позвоночник. Штанга, которую я выжимаю в ходе тренировки, находится передо мной, и я все время остаюсь в комфортном для спины положении.

В ходе тренировки по поднятию тяжестей Джил каждые двадцать минут скармливает мне порцию специализированного питания: четыре части углеводов на одну часть протеина. Время приема пищи рассчитано до миллисекунды. «Главное - когда и как ты ешь», - повторяет он. Всякий раз, если я отворачиваюсь от тренажеров, он впихивает в меня чашку овсянки с высоким содержанием белков, или сэндвич с беконом, или бублик с арахисовым маслом и медом.

В конце концов верхняя часть тела и живот начинают молить о пощаде. Тогда мы идем на улицу и приступаем к пробежкам по

холму за домом Джила. Я быстро набираю скорость и в полную силу бегу вверх и вниз, вверх и вниз: бегаю, пока разум не запросит перерыва, а потом еще немного, игнорируя его слезные просьбы.

Вечером, садясь в машину, я не уверен, что смогу доехать до дома. Иногда даже не пытаюсь сделать это. Если у меня не хватает сил даже на то, чтобы повернуть ключ в замке зажигания, я плетусь обратно, сворачиваюсь клубком на одной из скамеек в зале и засыпаю.

После ударных занятий в тренировочном лагере Джила я выгляжу так, будто сменил свое старое тело на новую усовершенствованную модель. Однако и сейчас мне есть куда расти - надо бы лучше следить за тем, что я ем вне зала. Джил, однако, не слишком строг к моим слабостям. Разумеется, он не в восторге от того, что между тренировками я то и дело питаюсь в забегаловках вроде Taco Bell или Burger King, однако считает, что необходимо иногда есть просто для удовольствия. Джил утверждает, что моя душа требует еще более бережного обращения, чем моя спина, и боится поранить ее. Кроме того, любому человеку простительна пара грешков.

Джил полон парадоксов, и мы оба знаем об этом. Он может читать мне лекцию о правильном питании, глядя, как я потягиваю сладкий молочный коктейль. И не станет вырывать у меня стакан с коктейлем, наоборот, вполне возможно, сам сделает пару глотков. Мне нравятся противоречивые люди. Еще больше подкупает то, что Джил не ведет себя как надсмотрщик. Он понимает меня, заботится обо мне и время от времени - лишь иногда - позволяет побаловаться фастфудом, быть может, потому, что сам к нему не равнодушен.

Я вновь встречаюсь с Питом на турнире в Индиан-Уэллс. Если смогу победить, то окажусь в шаге от первой позиции в рейтинге. Я на пике формы, но матч получается небрежным, полным ошибок, которых можно было избежать. Ни один из нас не в состоянии сосредоточиться на игре. Пит все еще переживает по поводу своего тренера, а я волнуюсь об отце, которому через несколько дней предстоит операция на открытом сердце. В этот раз ему удалось отрешиться от своих проблем, тогда как я капитулировал перед своими. Я проигрываю в трех сетах.

Приезжаю в медицинский центр Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и вижу отца, опутанного множеством трубок, присоединенных к каким-то агрегатам. Эти машины напоминают мне дракона из детства. А дракона победить невозможно. Мама обнимает меня.

- Вчера он видел твою игру, - говорит она. - Видел, как ты

проиграл Питу.

- Извини, пап.

Он лежит на спине, беспомощный, одурманенный лекарствами. Его глаза широко открыты. Он видит меня, машет рукой: подойди.

Я наклоняюсь. Отец не может говорить. Через рот в гортань идет трубка. Он издает какие-то звуки.

- Пап, я не понимаю.

Еще несколько движений рукой. Я по-прежнему ничего не могу различить. Теперь его жесты выражают раздражение. Если бы он смог, встал бы с постели и вышвырнул меня вон. Он знаками просит ручку и бумагу.

- Скажешь позже, пап.

Он качает головой: нет, нет. Он должен сказать сейчас.

Медсестра приносит блокнот и ручку. Он царапает несколько слов, затем делает взмах рукой - будто художник кистью, оставляющей легкий мазок на холсте. Наконец я понимаю.

Удар слева, пытается сказать он. Бей Питу под удар слева. Чаще бей ему под левую руку.

- Отравотай удар с лета. Бей сильнее.

Меня вдруг охватывает непреодолимое стремление простить его - я вдруг понимаю: отец никогда не мог себя сдержать, так же, как не мог разобраться в себе. Мой отец - такой, какой он есть, и пусть он не может провести границу между любовью ко мне и любовью к теннису - это ведь все равно любовь. Мало кому из нас выпадает счастье понять самих себя, и, пока нам это не удалось, лучшее, что нам остается, - быть настойчивыми. А уж в настойчивости отцу не откажешь.

Кладу руку отца вдоль тела, останавливая его жестикуляцию. Я понял, говорю ему. Да, да, под удар слева. Буду бить ему под удар слева на следующей неделе в Ки-Бискейн. И надеру ему задницу. Не волнуйся, папа. Одолею его. А теперь отдыхай.

Он кивает. Его ладонь еще несколько раз поднимается, он закрывает глаза и вскоре засыпает.

Через неделю я выиграл у Пита финал турнира в Ки-Бискейн.

После матча мы вместе летим в Нью-Йорк, там предстоит пересадка на рейс в Европу, где мы оба будем участвовать в розыгрыше Кубка Дэвиса. Но, едва приземлились, я потащил Пита в театр Юджина О'Нила, чтобы вместе с ним посмотреть на Брук в роли Риццо в «Бриолине». Похоже, Пит впервые в жизни попал на бродвейское шоу, а я смотрю «Бриолин» уже в пятнадцатый раз. Знаю наизусть финальную песню «Together» - как-то даже прочел ее текст наизусть на «Вечернем шоу с Давидом Леттерманом» ко всеобщей радости публики.

Мне нравится Бродвей. Близок дух театра. Работа актеров - тяжелая, физически изматывающая, забирающая все силы без остатка. Каждый вечер на сцене обеспечивает им дозу стресса. Лучшие бродвейские актеры напоминают мне спортсменов: не сумев показать наилучший результат, они первыми видят свои ошибки, а если не видят - публика тут же даст знать о них. Однако Пита все это явно не волнует. С первой минуты спектакля он зевает, вертится в кресле, смотрит на часы. Ему не нравится театр, он не понимает актеров, поскольку в его жизни не было места притворству. В призрачном свете рампы я улыбаюсь его раздражению. Если честно, заставив его высидеть «Бриолин» до конца, я ощутил большее удовлетворение, чем после победы в Ки-Бискейне. Как поется в «Бриолине: «Мы вместе, рама-лама-лам…»

УТРОМ САДИМСЯ В «КОНКОРД», который должен доставить нас в Париж, а оттуда летим частным рейсом в Палермо. Едва я успел расположиться в номере, как зазвонил телефон.

Это Перри.

- У меня в руках, - объявляет он, - последняя версия мировой классификации.

- Ну, порази меня!

- Ты - номер один.

Я сбросил Пита с пьедестала. После восьмидесяти двух недель на Олимпе Пит вынужден смотреть на меня снизу вверх. Я - двенадцатый теннисист, занявший первую позицию за последние двадцать лет, с тех пор как начал использоваться компьютерный подсчет. Следующий звонок - уже от какого-то журналиста. Я рассказываю ему, что рад своему первому месту и что быть лучшим - прекрасно.

Это ложь. Это не мои чувства, а чувства, которые я должен испытывать. То, что я уговаривал себя почувствовать. На самом же деле не чувствую ничего.

17

ДОЛГИЕ ЧАСЫ я гулял по улицам Палермо, пил крепкий черный кофе, думал, что, черт возьми, со мной не так. Все-таки добился этого: я - номер один в мире тенниса. А внутри меня - пустота. Если даже первый номер в мировом рейтинге не приносит никакого удовлетворения, то в чем же дело? Почему бы не бросить все это?

Пытаюсь представить, как объявляю о своем уходе. Я подбираю слова для пресс-конференции. Затем в мыслях всплывают лица: Брэд, Перри, мой отец - разочарованные, ошеломленные. Кроме того, думаю, уход из спорта не решит мою

главную проблему - не подскажет, что мне делать дальше со своей жизнью. Я буду двадцатипятилетним пенсионером - что-то вроде студента, бросившего университет за две недели до защиты диплома.

Нет, мне просто нужна новая цель. Все это время моя беда заключалась в том, что я ставил себе неправильные цели. Я никогда по- настоящему не хотел добиться первого места в рейтинге, этого хотели те, кто окружал меня. Ну вот, я - номер один. Компьютер любит меня. И что? То, чего, как мне кажется, я хотел с детства и чего хочу до сих пор, гораздо труднее и гораздо конкретнее. Я хочу выиграть Открытый чемпионат Франции. Так я соберу все четыре Шлема - полный комплект. И тогда стану всего лишь пятым в мире, сумевшим совершить это в новейшее время, и первым американцем.

Меня никогда не волновал составляемый компьютером рейтинг, равно как и число выигранных наград. Больше всего Шлемов у Роя Эмерсона: двенадцать. И все равно никто не ставит его выше Рода Лэйвера. Никто. Спортсмены, эксперты и историки тенниса, мнению которых я доверяю, - все считают Лэйвера лучшим, королем тенниса за четыре выигранных Больших шлема. Более того, он сделал это дважды. Правда, в те времена игрокам приходилось играть лишь на двух покрытиях - на траве и глине. И все же это величайшее достижение. Непревзойденно.

Я думаю о великих игроках прошлого, о том, как они пытались догнать Лэйвера, как мечтали выиграть все четыре Шлема. Каждый из них пропускал те или иные турниры, потому что количество их не интересовало. Им нужна была возможность участвовать в каждом из четырех главных турниров. Они боялись не быть причисленными к сонму великих, если один или два главных теннисных трофея сумеют ускользнуть.

Чем чаще я думаю об идее выиграть все четыре Шлема, тем больше она мне нравится. Вдруг, совершенно неожиданно, осознаю: вот то, о чем я давно мечтал. Раньше я отмахивался от этого желания, поскольку оно казалось невыполнимым - особенно после двух подряд поражений в финале Открытого чемпионата Франции. Кроме того, я позволил спортивной прессе и болельщикам сбить себя с пути: это они, не понимая сути, подсчитывают число выигранных игроком турниров Большого шлема и используют эту бессмысленную цифру для оценки его достижений. Выиграть все четыре - все равно что получить чашу Святого Грааля. И вот в 1995 году в Палермо я решил бросить все силы на то, чтобы добыть Грааль.

Брук тем временем решительно гонится за собственным Граалем. Она имеет успех на Бродвее, но ей хочется большего.

Гораздо большего. Ее стремление к успеху - словно голод, который ничем не утолить. Она хочет новых ярких ролей. Но с предложениями пока негусто, и я пытаюсь ей помочь. Объясняю, что публика по-настоящему еще не знает ее, а лишь думает, что знает. С подобной проблемой мне тоже приходилось сталкиваться. Кое-кто считает ее моделью, другие - актрисой. Брук необходимо доработать свой имидж. Я прошу Перри подумать над тем, как можно поспособствовать карьере Брук. Довольно скоро у него появляется готовый план действий. Перри уверен: будущее Брук связано с телевидением. Что ей нужно, так это сняться в хорошем сериале. Вскоре Брук уже вовсю занята прочтением сценарртев и поиском проектов, в которых могла бы блеснуть.

Перед началом Открытого чемпионата Франции 1995 года мы с Брук отправляемся на несколько дней на Фишер-Айленд. Нам обоим нужно отдохнуть и отоспаться. Увы, у меня не выходит ни первое, ни второе.

Я не могу отделаться от мыслей о Париже. По ночам лежу в постели, натянутый, как струна, мысленно рисуя на потолке схемы грядущих матчей.

В самолете, уносящем нас в Париж, продолжаю упорно думать о предстоящем турнире, несмотря на присутствие Брук. Сейчас у нее нет работы, так что она смогла полететь со мной.

- Наше первое путешествие в Париж, - Брук нежно целует меня.

- Да, - отвечаю я, погладив ее по руке.

Как объяснить ей, что мы летим совсем не в увеселительное путешествие? Что оно не имеет никакого отношения к нашим чувствам?

Мы останавливаемся в отеле Raphael неподалеку от Триумфальной арки. Брук приходит в восторг от старого скрипучего лифта с металлической дверью, которую приходится закрывать вручную. Мне нравится маленький бар в холле, где на столиках стоят зажженные свечи. Номера тоже небольшие, к тому же ни в одном нет телевизора, это приводит Брэда прямо-таки в ужас. Через несколько минут он уже переезжает из этого отеля в другой, более современный.

Брук говорит по-французски, так что с ней я получаю шанс лучше узнать Париж. Мне нравится бродить по городу без страха заблудиться: ведь Брук, если нужно, будет моей переводчицей. Я рассказываю ей о нашем с Фили первом визите в Париж, о Лувре и картине, так поразившей нас обоих. Она, заинтригованная, просит как можно скорее показать ей это полотно.

- В другой раз, - обещаю я.

Мы едим в модных ресторанах, гуляем по дальним парижским предместьям, куда я ни за что не рискнул бы отправиться в одиночку. Не-которые места кажутся мне очаровательными, но, как правило, эти прогулки оставляют меня безучастным: не хочу мысленно отвлекаться от турнира. Владелец одного из кафе приглашает нас вниз, в старинный винный погреб - пропахший плесенью средневековый склеп, где сложены покрытые пылью винные бутылки. Одну он передает Брук, та вглядывается в этикетку: на ней стоит дата - 1787. Она покачивает бутылку нежно, словно младенца, затем передает мне, пораженная.

- Я этого не понимаю, - шепчу я. - Бутылка. Пыльная. И что?

Она смотрит на меня раздраженно, будто хочет разбить ее о мою голову.

Этим же вечером мы с ней гуляем по набережной Сены. Сегодня ее тридцатый день рождения. Мы останавливаемся у каменных ступеней, ведущих к воде. Здесь я дарю ей свой подарок - бриллиантовый браслет с теннисными мотивами. Брук смеется, когда я надеваю его ей на запястье и пытаюсь застегнуть, возясь с застежкой. Мы восторгаемся тем, как играет лунный свет в его гранях. И тут за спиной Брук появляется шатающаяся фигура: нетрезвый француз прямо со ступеней неподалеку от нас пускает в воду мощную, упругую струю мочи. Обычно я не верю в предзнаменования, но эта картина кажется мне предвещающей недоброе. Увы, пока я не знаю, относится ли оно к чемпионату или к моим отношениям с Брук.

Наконец, начинается турнир. Я выигрываю первые четыре матча, не потеряв ни одного сета. Журналисты и комментаторы видят, что моя манера игры изменилась. Я стал сильнее, больше концентрируюсь на игре. Но отчетливее всего это видят другие игроки. Я всегда замечал, с каким молчаливым пиететом относятся теннисисты к сильнейшему среди них, как они бессловесно выделяют в своей среде того, кто, вероятнее всего, станет победителем. Именно так, впервые в карьере, здесь относятся ко мне. Я чувствую, как смотрят на меня в раздевалке. Изучают каждый мой шаг, малейшее движение, даже то, как укладываю вещи в спортивную сумку. Спортсмены поспешно отходят с моего пути, с готовностью уступают стол в раздевалке. Я чувствую, что уважение ко мне выросло на порядок; и хотя стараюсь не принимать это всерьез, невольно испытываю жгучую радость. Приятно, что так относятся ко мне, а не к кому-либо другому.

Брук, однако, не замечает никаких перемен, относится ко мне по- прежнему. Ночью я сижу в номере, глядя в окно на город и

чувствуя себя одиноким орлом на скале. А Брук продолжает болтать о «Бриолине», о Париже, о том, что такой-то сказал про то-то и то-то. Она не представляет всего объема работы, проделанного мной в зале у Джила, не понимает, скольких испытаний и жертв, какого уровня концентрации потребовала моя нынешняя уверенность в себе - и в достижимости поставленной грандиозной цели. Она даже не пытается понять. Ей гораздо интереснее, куда мы пойдем ужинать в следующий раз, в какой винный погреб заглянем. Она считает само собой разумеющейся мою будущую победу; хочет, чтобы я разделался со своими делами поскорее и мы наконец-то смогли как следует развлечься. С ее стороны это даже не эгоизм - лишь ошибочное убеждение, что победа естественна, а поражение - ненормально.

В четвертьфинале я встречаюсь с россиянином Кафельниковым, сравнившим меня когда-то с Иисусом. Я ухмыляюсь, глядя на него через сетку: парень, Иисус собирается выпороть тебя автомобильной антенной! Я знаю, что могу победить Кафельникова. Он тоже знает. Все это написано у нас на лицах. Но в начале первого сета, рванувшись за мячом, чувствую, как что-то рвется внутри. Сгибающая мышца бедра. Я стараюсь не обращать на нее внимания, делаю вид, что ничего не случилось, что у меня вообще нет бедра, - и все же оно есть и посылает волны боли вдоль всей ноги.

Я не могу наклоняться. Зову тренера, который дает мне две таблетки аспирина и сообщает, что ничего поделать нельзя. Когда он говорит это, глаза у него становятся размером с фишки для покера.

Проигрываю первый сет. Затем второй. В третьем втягиваю соперника в долгий обмен ударами. Я веду 4-1, публика подбадривает меня криками: «Вперед, Агасси!» Но с каждой минутой я двигаюсь все хуже. Кафельников выигрывает третий сет на тай-брейке. Я чувствую, как слабеют колени. Еще одна русская трагедия. Прощай, Грааль! Ухожу с корта, даже не собрав ракетки.

На самом деле проверкой моих сил должен был стать отнюдь не матч с Кафельниковым. Напротив меня должен был стоять Мустер, любитель потрепать волосы, непревзойденный мастер грунтовых кортов. Конечно, даже если бы я победил Кафельникова, вполне возможно, мне пришлось бы играть против Мустера, хромая на одну ногу. Однако я пообещал никогда не проигрывать Мустеру и собирался сдержать слово. Я уверен: у меня были шансы. Более того: кто бы ни стоял по другую сторону сетки, я мог бы дать ему грандиозный бой. Поэтому, покидая Париж, чувствую себя обманутым. Это был мой последний шанс.

Никогда больше я не прилечу в Париж столь сильным и юным. Никогда мое появление не вызовет благоговейный страх в раздевалке.

Я упустил блестящий шанс выиграть четыре Больших шлема.

Брук улетела домой раньше, и мы возвращаемся вдвоем с Джилом. Он спокойно рассуждает о том, как мы будем лечить пострадавшую мышцу бедра, как восстановимся после последних событий и начнем готовиться к предстоящему сезону на травяных кортах.

Мы проводим неделю в Вегасе бездельничая: смотрим кино и ждем, пока заживет бедро. Магнитно-резонансное исследование показало, что повреждение не фатально: мне нужен холод и покой.

Летим в Англию. На Уимблдоне 1995 года я посеян первым номером: ведь в мировой классификации все еще числюсь на первом месте. Болельщики приветствуют меня с радостным ликованием, ничуть не соответствующим моему настроению. Представители компании Nike приехали сюда заранее и вовсю нагнетали ажиотаж, продавая на всех углах «Наборы Агасси»: накладные бачки и остроконечные усики, как у злодея Фу Манчу[28] из старого фильма, и банданы. Я всякий раз поражаюсь, встречая парней, которые стремятся быть похожими на меня, а когда набор примеряют девушки, получается и вовсе форменный сюрреализм. Девушки с бачками и усиками - это зрелище почти способно вызвать у меня улыбку. Почти.

Каждый день идет дождь, но болельщики все равно собираются на стадионе. Они бросают вызов дождю и холоду, терпеливо выстаивают очередь, тянущуюся по всей Черч-роад, - только ради любви к теннису. Мне хочется постоять с ними, порасспрашивать и, в конце концов, по-нять: за что они его так любят? Интересно, как это - испытывать подобную страсть к игре. Кроме того, мне любопытно, переживут ли дождь все эти многочисленные фальшивые усики или развалятся на куски, как мой старый парик?

Я легко выигрываю два первых матча, затем обыгрываю Уитона в четырех сетах. Как раз в этот день сенсацией становится поведение Таранго: проиграв матч, он затеял драку с судьей, а затем и жена Таранго ударила судью по лицу. Это один из грандиознейших скандалов в истории Уимблдона. И вот теперь, вместо Таранго, я встречаюсь с Александром Мронцем из Германии. Журналисты спрашивают, кого из этих двух соперников я бы предпочел, и мне ужасно хочется рассказать им, как Таранго обманул когда-то меня, восьмилетнего. Но я молчу. Не хочу публичного скандала с Таранго и боюсь вступать в

конфликт с его женой. Так что отвечаю дипломатично: мне все равно, с кем играть, хотя Таранго, конечно же, более опасный соперник.

Легко обыгрываю Мронца в трех сетах.

В полуфинале встречаюсь с Беккером. Из восьми наших последних встреч я не проиграл ни одной. Пит уже в финале, поджидает победителя в матче Агасси - Беккер, то есть меня: стало традицией, что любой турнир Большого шлема заканчивается нашим с ним противостоянием.

Я легко выигрываю у Беккера первый сет, столь же непринужденно добиваюсь преимущества во втором - 4-1. Пит, я иду. Готовься! Но тут вдруг Беккер начинает играть сильно, грубо. Он вырывает несколько очков. Пробив брешь в моей самоуверенности, пускает в ход тяжелую артиллерию. Начинает играть с задней линии - совершенно нехарактерная для него тактика - и просто-таки подавляет меня силовым превосходством. Он выигрывает подачу. Я пока впереди, 4-2, но что-то уже треснуло у меня внутри. Не в бедре - в голове. Мысли вырываются из- под контроля. Я думаю о Пите, который ждет финала. О сестре Рите, чей муж Панчо проиграл в долгой, изнурительной борьбе с раком желудка. Думаю о Беккере, которого до сих пор тренирует Ник, - он, еще более за-горелый, чем обычно, с лицом цвета хорошо прожаренного стейка, смотрит на нас с высоты беккеровской ложи. Интересно, многие ли из моих секретов Ник выдал моему противнику? А рассказал ли, как я описываю его подачу? (Перед тем как ударить по мячу, Беккер высовывает язык и показывает им, словно стрелкой, в направлении удара). Я думаю о Брук, которая ходила на этой неделе за покупками в Harrods с подружкой Пита, студенткой юридического факультета Дилайной Малкей. Все эти мысли вихрем проносятся в сознании, повергая меня в пучину сомнений и тревоги. Беккер, пользуясь моментом, тут же захватывает инициативу и побеждает в четырех сетах.

Это поражение - одно из самых трагических для меня. После него я ни с кем не разговариваю. Джил, Брэд, Брук - никому из них не говорю ни слова. Я сломлен, раздавлен.

МЫ С БРУК собирались устроить каникулы - долгие, на несколько недель. Хотели отправиться в какое-нибудь уединенное место, без телефонной связи, без людей, поэтому решили арендовать остров Индиго, в двухсот сорока километрах от Нассау. После фиаско на Уимблдоне я собрался отменить отпуск, но Брук напомнила, что мы уже внесли плату за аренду острова и, по условиям договора, она в любом случае не будет возвращена.

- Ну и потом, это же рай, - добавила она. - Нам это нужно.

Я нахмурился.

Наш рай с самого начала напоминал тюрьму строгого режима. На острове - всего один дом, и в нем слишком тесно троим: Брук, мне и моей депрессии.

Брук нежится на солнце и ждет, пока я заговорю. Ее не пугает мое молчание, хотя она его и не понимает. Ее мир - это мир притворства, тогда как в моем некоторые вещи просто невозможно скрыть.

После двух дней молчания благодарю ее за терпение: теперь я вновь с ней.

- Пожалуй, пробегусь по берегу, - говорю я.

Начинаю с медленной пробежки, но вскоре перехожу к стометровым броскам на скорость. Мне уже пора думать о возвращении в форму, о восстановлении перед летним сезоном твердых покрытий.

Я ЛЕЧУ В ВАШИНГТОН на турнир, организованный компанией Legg Mason. Погода стоит удушающе жаркая. Мы с Брэдом боремся с акклиматизацией, проводим тренировки в самые жаркие дневные часы. Когда заканчиваем, вокруг собираются фанаты, выкрикивая вопросы и просьбы. Мало кто из теннисистов соглашается общаться со своими болельщиками, но я не упускаю такой возможности. Мне нравится разговаривать с ними, и потом, лучше уж болельщики, чем журналисты.

После того как я дал последний автограф, Брэд говорит, что хочет пива. Мне кажется, он что-то задумал. Я веду его в Tomb's - бар, где мы с Перри любили проводить время, когда я навещал его во время учебы в Джорджтауне. У него неприметная дверь, за которой начинается лестница, ведущая в сырую темноту с запахом давно не мытой уборной. Кухня здесь сообщается с залом, и повара готовят прямо на глазах у публики. Может быть, в других местах это идет на пользу заведению, но только не в Tomb's. Мы находим свободный кабинет и заказываем выпить. Брэд вне себя: здесь нет его любимого Bud Ice. С недовольным видом он заказывает обычный Bud. Я после тренировки чувствую себя прекрасно: расслабленным, полным сил. Мне удалось целых двадцать минут не вспоминать о Беккере. Но Брэд возвращает меня к мысли о нем. Достает какие-то листки из внутреннего кармана своего черного кашемирового пуловера и в возбуждении бросает их на стол:

- Беккер, - произносит он.

- Что?

- Смотри, чего он наговорил после того, как обыграл тебя на Уимблдоне.

- Какое мне дело?

- Он несет чушь.

- Какую чушь?

Брэд зачитывает вслух. Оказывается, во время послематчевой пресс- конференции Беккер жаловался, что на Уимблдоне обо мне заботятся гораздо сильнее, чем об остальных игроках. Организаторы турнира, с обидой говорит он, выпрыгивают из штанов, чтобы все мои матчи про-ходили только на центральном корте. Да и на всех остальных главных турнирах оргкомитет только что не целует меня в зад. Затем он переходит на личности. Говорит, что я считаю себя элитой тенниса, что не общаюсь с другими игроками и за это меня не любят в профессиональном сообществе. По его мнению, я слишком замкнут; быть может, если бы я был более открытым, другие игроки меня бы так не опасались.

Иными словами, он объявил мне войну.

Брэда Беккер никогда не волновал. Он называет его «сократиком» за вечные потуги казаться интеллектуалом, будучи на самом деле всего лишь фермером-переростком. Но теперь Брэд разъярен настолько, что даже здесь, за столиком в Tomb's, не может сидеть спокойно.

- Андре, - кипятится он, - этот урод объявил нам войну. Мы с ним еще встретимся, с этим недоноском. Мы с ним схлестнемся на чемпионате США. А до тех пор будем тренироваться. Мы ему отомстим.

Я вновь перечитываю слова Беккера. Я не могу в это поверить. Да, конечно, он недолюбливает меня, но чтобы настолько!.. Опустив глаза, я обнаруживаю, что непроизвольно сжимаю и разжимаю кулак.

- Ты слышишь меня? - продолжает бушевать Брэд. - Я хочу, чтобы ты сделал этого урода!

- Считай, что он готов.

Мы чокаемся бутылками, скрепляя нашу клятву.

Более того, обещаю себе, что продолжу побеждать и после Беккера. Я просто-напросто больше не буду проигрывать. По крайней мере в ближайшем будущем. Я устал от поражений, от разочарований и от тех, кто презирает мою игру так же, как я сам.

И ВОТ ПРИХОДИТ ОНО - лето 1995 года, Лето Мести. Подгоняемый злостью, я буквально врываюсь в финал вашингтонского турнира. Сейчас мой соперник - Эдберг. Я играю гораздо лучше, но в Вашингтоне под сорок, а на чудовищной жаре все игроки равны. С самого начала матча не могу сосредоточиться, никак не войду в привычный ритм.

К счастью, Эдберг тоже не может. Я выигрываю первый сет, он - второй, в третьем я быстро захватываю лидерство - 5-2.

Болельщики ликуют - по крайней мере те из них, кого еще не сразил солнечный удар. Матч несколько раз останавливают, чтобы кому-то из зрителей на трибунах могли оказать медицинскую помощь.

Выхожу на финальную подачу. И - вот оно, то, чего я опасался. У меня начинаются галлюцинации. Я не понимаю, в какой игре участвую. Может быть, это пинг-понг? Как, я должен перекидывать через сетку этот желтый ворсистый мячик? Кому? У меня стучат зубы. Я вижу, как с другой стороны сетки ко мне приближаются сразу три мяча, и бью по среднему.

Я надеюсь лишь на то, что у Эдберга - тоже галлюцинации. Вдруг он отключится раньше, чем я? Тогда я буду назван победителем. Жду, внимательно наблюдая за противником, но тут у меня сводит желудок. Эдберг выигрывает подачу.

Теперь он подает. Я прошу остановить матч, отхожу за линию и извергаю свой завтрак прямо в декоративный цветочный горшок рядом с кортом. Когда возвращаюсь к игре, Эдберг без проблем удерживает подачу.

Я вновь подаю. Мы втягиваемся в долгий и вялый обмен ударами, бессильно кладя мячи в середину корта, - будто десятилетние девочки, играющие в бадминтон. Он вновь отбирает мою подачу.

По пяти. Я роняю ракетку и, шатаясь, ухожу с корта.

Согласно неписаному правилу - хотя, возможно, где-то оно записано, - если ты уходишь с корта с ракеткой в руках, ты проиграл. Так что я оставляю ракетку на корте, чтобы дать зрителям понять: я еще вернусь. Даже в коматозном состоянии я помню о правилах тенниса, но не забываю и о законах природы. Все, что вошло в меня, на этой жаре должно выйти, и очень скоро. По дороге в раздевалку меня несколько раз тошнит. Забегаю в туалет и извергаю из себя продукты, которые ел несколько дней назад. А может, и несколько лет назад. Кажется, я впадаю в кому. Но кондиционер в раздевалке и образовавшаяся наконец пустота в желудке помогают мне вернуться к жизни.

Судья стучит в дверь:

- Андре, вас лишат очков, если вы сейчас же не вернетесь на корт.

Желудок пуст, голова кружится. Я выхожу. Отбираю у Эдберга мяч. Не спрашивайте меня - как. И вновь выхожу на финальную подачу.

Шатаясь, подхожу к сетке, над которой уже склонился Эдберг, близкий к обмороку. Церемонию награждения мы оба выдержали с трудом. Когда я получил кубок, меня чуть не вырвало прямо в него. Затем мне передали микрофон для благодарственных слов -

он тоже вызвал приступ! тошноты. Но я все-таки умудрился извиниться за свое поведение, особенно перед теми, кто сидит рядом с пострадавшим цветочным горшком. «Кроме того, - сказал я, - хочу выдвинуть официальное предложение о перенесении турнира в Исландию. А сейчас извините, меня снова тошнит». С этими словами я бросил микрофон и убежал.

Потом Брук спрашивала, почему я просто не ушел с корта.

Да потому, что это Лето Мести.

После матча Таранго публично осуждает мое поведение. Он требует объяснить, почему я покинул корт. Таранго заявил, что из-за меня за-держался матч в парном разряде, в котором он должен был играть. Мой враг раздражен. Я доволен. Хочется вернуться на корт, найти тот самый цветочный горшок, завернуть его в подарочную упаковку и послать Таранго с запиской: «Вот тебе аут, мошенник!»

Я ведь ничего не забываю. И Беккер скоро убедится в этом на собственной шкуре.

Из Вашингтона лечу в Монреаль, где стоит благословенная прохлада. Побеждаю там Пита в финале: в трех тяжелых, жестких сетах. Победить Пита всегда приятно, но в этот раз я почти равнодушен. Я жажду встречи с Беккером. Я обыгрываю Чанга в финале турнира в Цинциннати, благодарю Бога и лечу в Нью-Хейвен, обратно в жестокое пекло летнего солнца северо-восточных штатов. Дойдя до финала, встречаюсь с Крайчеком - высоким, почти двухметровым, здоровым, но удивительно легким в движениях спортсменом. Два шага - и он уже у сетки, рычит - кажется, готов зубами вцепиться тебе в сердце. Крайчек - обладатель сильнейшей подачи. Мне не хочется мучиться с ней три часа. Я выиграл три турнира подряд - надолго ли еще меня хватит? Впрочем, Брэд на корню пресекает подобные разговоры:

- Ты всего лишь тренируешься, не забыл? Еще один матч не на жизнь а насмерть - после многих таких же. Ну и сыграй его как следует!

Я стараюсь. Крайчек тоже. Он выигрывает первый сет 6-3. Во втором у него было два матч-пойнта. Но я не сдаюсь, довожу сет до тай-брейка и побеждаю, затем выигрываю третий сет. Моя беспроигрышная серия насчитывает уже двадцать матчей, я лучший в четвертом турнире подряд. В этом году выиграл шестьдесят три из семидесяти матчей, в том числе сорок четыре из сорока шести на твердом покрытии. Журналисты спрашивают, чувствую ли я себя непобедимым, отвечаю - нет. Они думают, что это лишь скромность, но я с ними честен. Это - единственно возможное ощущение в мое Лето Мести. Гордость вредна, стресс полезен. Я не хочу уверенности. Мне нужна ярость. Бесконечная,

всепожирающая ярость.

НА ТУРНИРЕ только и разговоров, что о моем соперничестве с Питом. Их подстегивает и новый рекламный ролик, недавно выпущенный Nike, в котором мы выходим из такси в центре Сан-Франциско, натягиваем сетку и начинаем играть. Воскресное приложение к The New York Times печатает большой материал о нашем соперничестве, о том, сколь разительно мы отличаемся друг от друга. Корреспондент описывает, насколько Пит погружен в теннис, как он любит эту игру. Интересно, что еще он наговорил бы о разделяющей нас с Питом пропасти, если бы знал мои истинные чувства к теннису.

Отбрасываю газету. Затем вновь беру ее в руки. Не хочу читать, но я должен. Это кажется странной причудой, бессмысленной тратой сил, ведь Пит сейчас занимает отнюдь не главное место в моих мыслях. День и ночь я думаю только о Беккере. Бегло проглядев статью, морщусь на вопросе о том, что Питу нравится во мне.

Ему особо нечего сказать, поэтому он процеживает: «Мне нравится его манера путешествовать».

НАКОНЕЦ, НАСТУПАЕТ АВГУСТ. Мы с Джилом и Брэдом едем в Нью-Йорк на Открытый чемпионат США 1995 года. В первое утро на стадионе Луи Армстронга я встречаю Брэда в раздевалке с турнирной таблицей в руках.

- Прекрасно! - говорит он, улыбаясь. - Просто великолепно. Класс!

В сетке турнира я - в одной половине с Беккером. Если все пойдет по разработанному Брэдом плану, мы с немцем встретимся в полуфинале. Затем - матч с Питом. Я думаю, как здорово было бы иметь возможность посмотреть на сетку своей жизни, спланировав путь к финалу.

Первые матчи играю на автопилоте. Знаю, чего хочу, вижу цель прямо перед собой, и сейчас мои соперники - лишь верстовые столбы на пути. Эдберг. Алекс Корретха. Петр Корда. Вопреки обыкновению.

Брэд после матчей не кипит от возмущения, не улыбается, не отмечает с шумом победу. Он занят Беккером. Он следит за его продвижением, прикидывает, какие еще матчи тому предстоят. Он хочет, чтобы Беккер выигрывал.

Когда я ухожу с корта с очередной победой, Брэд сухо приветствует меня:

- Неплохой сегодня день.

- Спасибо. Да, недурно все сложилось.

- Нет, я не про тебя. Я про «сократика». Он выиграл.

Пит знает свое дело. Он выиграл в своем полуфинале и

теперь ждет встречи с победителем пары Агасси - Беккер. Вновь возвращается Уимблдон. Часть вторая. Только я не думаю о Пите. Я стремился к встрече с Беккером, и вот теперь, когда время пришло, я так сконцентрирован на предстоящем, что это пугает даже меня самого.

Приятель как-то спрашивал, не испытываю ли я хоть мимолетного желания во время матча с заклятым врагом бросить ракетку и вцепиться ему в горло. Если речь идет о сражении не на жизнь, а насмерть, если в деле замешана личная неприязнь, не лучше ли предпочесть несколько раундов старого доброго бокса? Я отвечаю, что теннис и есть бокс. Любой теннисист рано или поздно сравнивает себя с боксером, поскольку наша игра, по сути, - бесконтактный кулачный бой. Теннисный матч - это ожесточенная схватка один на один, и выбор здесь столь же груб и прост, как на любом ринге: убей - или убьют тебя, бей - или будешь повержен. Удары, полученные в теннисе, ощущаются нутром. Это напоминает мне об оригинальном способе расправы с должниками, который практиковали ростовщики в Вегасе: они избивали жертву пакетом с апельсинами - оружием, не оставляющим на теле ни одного синяка.

Ничто человеческое мне не чуждо. Поэтому, когда мы с Беккером стоим в туннеле перед выходом на корт, я говорю своему охраннику Джеймсу:

- Держи нас на расстоянии. Не хочу, чтобы этот чертов немец попадался мне на глаза. Поверь, Джеймс, тебе же будет хуже, если мы встретимся.

Беккер чувствует примерно то же самое. Он помнит свои слова, догадывается, что я прочел их раз пятьдесят и хорошенько запомнил. Он знает, что они все лето не выходили у меня из головы, и понимает, что я жажду крови. Он жаждет того же. Я ему никогда не нравился, и для него тоже настало Лето Мести. Мы выходим на корт, не встречаясь взглядами, не приветствуя болельщиков. Мы сосредоточены на своих спортивных сумках - и предстоящей грязной работе.

С самого начала матч складывается, как я ожидал. Мы осыпаем друг друга насмешками, колкостями, ругательствами на двух языках. Я выигрываю первый сет 7-6. Беккер выглядит раздражающе спокойным. А почему бы и нет? Именно так начинался наш матч на Уимблдоне. Он не беспокоится, он ведь уже доказал, что может не только выдержать мой сильнейший удар, но и достойно ответить.

Я выигрываю второй сет 7-6. Вот теперь он засуетился, стал искать оружие против меня, пытаться вывести меня из равновесия. Он знает, что я могу потерять контроль над собой,

вот и сейчас ведет себя так, чтобы лишить меня хладнокровия. Он совершает то, на что лишь в крайности может пойти игрок, желая унизить другого: начинает посылать воздушные поцелуи в сторону моей ложи. В сторону Брук.

Я так разъярен, что моментально теряю фокус. В третьем сете я веду 4-2. Но Беккер ныряет за безнадежным мячом, достает его и выигрывает очко. Затем он отбирает мою подачу и выигрывает сет. Толпа беснуется. Зрители, кажется, поняли, что речь идет о выяснении личных отношений, что эти два парня недолюбливают друг друга и сводят здесь старые счеты. Они оценили сюжет и хотят увидеть развязку, и я чувствую себя вновь там, на Уимблдоне. Беккер, похоже, питается энергией толпы. Он все чаще посылает поцелуи Брук, по-волчьи ухмыляясь. В конце концов, однажды у него это сработало, так почему бы не повторить? Я смотрю на Брэда, сидящего рядом с Брук, - тот глядит на меня стальным взглядом, со своим фирменным выражением, означающим: «Давай! Сделай его!»

Четвертый сет. Мы идем ноздря в ноздрю. Оба удерживаем подачи, пытаясь улучить момент и отобрать подачу соперника. Я бросаю взгляд на часы. Половина десятого. Никто не расходится. Заприте двери, пошлите за сэндвичами, мы никуда не уйдем отсюда, пока это чертово дело не разрешится. Напряжение кажется осязаемым. Я никогда не хотел победы так сильно. Я никогда ничего не хотел так сильно. Я удерживаю подачу на счете 6-5, и теперь Беккер подает. Его задача - остаться в игре.

Он высовывает язык вправо - мяч летит вправо. Угадав направление, я отбиваю его сокрушающим ударом. Мощно отбиваю следующие две подачи. Теперь он подает при счете 0-40, тройной матч-пойнт.

Перри рявкает в его сторону, Брук издает оглушительные вопли. Беккер улыбается и машет им рукой, словно Мисс Америка. Он ошибается при первой подаче. Я знаю, что вторая будет агрессивной. Он чемпион и будет подавать по-чемпионски. Язык Беккера указывает на середину. Он явно будет подавать сильно, по центру. В таких случаях надо беспокоиться о высоком отскоке: приходится прыгать, чтобы до-стать мяч быстрее, чем он окажется выше плеча. Но я предвижу другой удар и остаюсь на месте. И моя ставка играет. Вот он, мяч, летит прямо на меня. Я слегка отодвигаюсь и вкладываю все свои силы в удар, который мог бы стать лучшим в моей жизни. Подача Беккера чуть сильнее, чем я ожидал, но я успеваю подстроиться. Вытянувшись на носках, я чувствую себя словно Уайатт Эрп[29], Человек-паук и Спартак в одном лице. Отклоняюсь назад. Каждый волосок на теле встает дыбом. Ракетка с силой бьет по мячу, и из моего рта

вырывается звериный вопль. Я знаю, что никогда больше не смогу повторить этот звук, точно так же, как не смогу нанести более мощный, более совершенный удар по мячу. Идеальный удар - лучший подарок заклятому врагу. Когда мяч приземляется на другой стороне корта, мой крик все еще висит в воздухе.

АААААРРРРР!

Мяч со свистом летит мимо Беккера. Матч Агасси.

Беккер подходит к сетке. Пусть постоит. Болельщики, вскочив на ноги, раскачиваются в экстазе. Я внимательно смотрю на Брук, Джила, Перри и Брэда. Особенно на Брэда. Ну давай же! Я не свожу с них взгляда. Беккер все еще стоит у сетки, но меня это не волнует. Я оставляю его в бесплодном ожидании, словно свидетеля Иеговы, постучавшегося в мою дверь. Наконец все-таки сдергиваю с руки напульсник, подхожу к сетке и, не глядя, сую ладонь куда-то в направлении соперника. Он, поймав, пожимает мне руку, и я тут же отдергиваю ее.

Телевизионщики бегут на корт, задают вопросы. Я отвечаю не думая. Затем с улыбкой смотрю в камеру и произношу:

- Пит, я иду!

Я спускаюсь в туннель, иду в тренировочную комнату. Джил уже здесь. Он переживает, понимая, каких физических сил стоила мне эта победа.

- Что-то мне не по себе, Джил.

- Ничего, парень, ложись.

В голове звенит, пот льется ручьем. На часах десять вечера, и меньше чем через восемнадцать часов мне играть в финале. За это время мне предстоит выйти из нынешнего состояния полубезумия, успокоиться, добраться до дома, съесть горячий ужин, выпить столько коктейля Джила, чтобы он начал литься у меня из ушей, и, наконец, поспать.

Джил везет меня: в особняк Брук. Мы ужинаем, после чего я забираюсь в душ на целый час. После такого душа хочется пожертвовать денег каким-нибудь защитникам окружающей среды или даже посадить дерево. В два часа ночи я падаю в постель рядом с Брук и проваливаюсь в сон.

ОТКРЫВАЮ ГЛАЗА пять часов спустя, не понимая, где я нахожусь. Сажусь - и испускаю крик почти столь же душераздирающий, как во время матча с Беккером. Я не могу двигаться.

Поначалу принимаю это за желудочный спазм, но потом понимаю, что дело куда серьезнее. Я скатываюсь с постели, встаю на четвереньки. Я знаю, что это. Со мной такое уже было. Травмирован межреберный хрящ. Я прекрасно представляю, какой удар сломал хрящ. Эта травма особенно мучительна,

потому что не позволяет полностью развернуть грудную клетку. Я с трудом могу дышать.

Помнится, это заживает около трех недель. Но у меня есть лишь девять часов до встречи с Питом. Сейчас семь утра, матч начнется в четыре. Я зову Брук, но она, похоже, куда-то ушла. Лежа на боку, громко произношу:

- Этого не может быть. Господи, пусть этого не случится.

Закрываю глаза и молюсь о том, чтобы суметь выйти на корт. Такая

просьба звучит глупо и самонадеянно, ведь я не могу даже стоять. Как ни пытаюсь, мне не удается подняться на ноги.

Господи, только не это. Я не могу не явиться на финал чемпионата США.

Я ползу к телефону, набираю Джила:

- Джилли, я совершенно не могу стоять.

- Сейчас буду.

Когда он появляется на пороге, я уже стою на ногах, но дышу с трудом. Я делюсь с Джилом своими соображениями о том, что это может быть. Он со мной согласен. Он ждет, пока я выпью чашку кофе, потом говорит:

- Пора. Надо ехать.

Мы смотрим на часы и делаем единственное, на что способны в подобных обстоятельствах, - разражаемся хохотом.

Джил везет меня на стадион. Я бью по мячу на тренировочном корте, и ребра пронзает боль. Наношу еще один удар - и кричу от боли. Бью в третий раз - все еще больно, но уже могу это перенести. По крайней мере могу дышать.

- Как себя чувствуешь?

- Лучше. Наверное, процентов на тридцать восемь.

Мы внимательно смотрим друг на друга. Быть может, этого будет до-статочно.

Но Пит-то готов на все сто процентов. Он выходит на корт, заряженный, морально готовый к той игре, которую я вчера демонстрировал Беккеру. Я проигрываю первый сет 6-4, затем - второй 6-3.

Тем не менее выигрываю третий сет. Делаю, что могу. Я использую приемы, требующие минимальной затраты сил. Я ищу компромиссы, кратчайшие расстояния, запасные выходы. Я вижу несколько шансов совершить чудо, но не в состоянии воспользоваться ими. Проигрываю четвертый сет - 7-5.

Журналисты набрасываются на меня с вопросами: каково это - выиграть двадцать шесть матчей подряд, выигрывать целое лето - лишь затем, чтобы запутаться в гигантской паутине по имени Пит? «А как вы думаете?» - хочется мне ответить. Вместо этого я

говорю:

- Следующим летом я собираюсь иногда проигрывать. А сейчас мой личный счет - 26-1. Правда, я бы отдал все предыдущие победы за одну- единственную - сегодня.

НА ПУТИ В ОСОБНЯК Брук я держусь за ребра, невидящим взглядом глядя в окно и вспоминая каждый взмах ракетки в это Лето Мести. Весь труд и гнев, победы и тренировки, пот и надежды - а в результате вновь та же пустота, то же разочарование. Неважно, сколько побед на твоем счету: если ты проиграл, тебя тут же сбросят с пьедестала. А в конце концов я всегда проигрываю, потому что в конце пути стоит Пит. Как обычно.

Брук аккуратно ведет машину. Она бросает на меня ласковые взгляды, сочувственно хмурится, но это кажется притворством, ведь она ничего не понимает. Она ждет, пока мне станет лучше, пока мое плохое настроение улетучится и все придет в норму. Поражение - ненормально.

Брук рассказывает мне, что уже придумала собственный ритуал на случай моего поражения. Он помогает ей убить время, до того как я приду в себя. Пока я пребываю в безмолвных страданиях, она разбирает свой гардероб: выбрасывает вещи, которые не надевала уже много месяцев, складывает свитера и футболки, убирает носки, колготки и туфли в ящики.

Этим же вечером я заглянул в ее гардероб.

Все в образцовом порядке.

За время наших недолгих отношений ей пришлось убить немало времени.

18

ИГРАЯ С ВИЛАНДЕРОМ на Кубке Дэвиса, я стал бить иначе, стараясь сберечь свой поврежденный межреберный хрящ. Но, когда пытаешься защитить одно, легко травмировать другое. Во время одного из непривычных ударов справа я потянул грудную мышцу, в игре, когда мускулы были разогретыми, я даже не почувствовал травмы, но на следующее утро, проснувшись, не смог пошевелиться.

Врачи запретили мне играть на несколько недель. Брэд был близок к самоубийству.

- Этот перерыв будет стоить тебе первого места в рейтинге, - воскликнул он.

Меня это не волнует. Пит - номер один, неважно, что думает об этом глупый компьютер. В этом году он выиграл два Больших шлема и нашу решающую дуэль в Нью-Йорке. Кроме того, первое

место в рейтинге по-прежнему кажется мне сущей ерундой. Конечно, мило, но не это моя цель. Впрочем, победа над Питом тоже не самоцель, но поражение ввергло меня в пучину бесконечной депрессии.

Я всегда с трудом переносил поражения, но это, от Пита, отличается от всех остальных. Это - супер-поражение, альфа и омега поражений, затмевающее все остальные. Проигрыши Питу, Курье, Гомесу были словно царапины в сравнении с копьем, вонзившимся в сердце. Каждый раз я ощущаю фиаско по-новому. Каждый день заставляю себя забыть о них - и не могу. Краткую передышку дают лишь мечты об уходе из спорта.

Тем временем Брук работает без перерывов. Ее актерская карьера не движется, так что по совету Перри она купила дом в Лос- Анджелесе и занята поиском подходящих ролей в телешоу. Недавно она получила неплохой контракт - эпизодическая роль в сериале «Друзья».

- Это самое популярное телешоу в мире! - восклицает она. - Номер один!

Я вздрагиваю. Снова эта фраза, а она даже не заметила.

Продюсер «Друзей» предлагает ей сыграть роль фанатки. Мне это кажется отвратительной идеей: ведь ей уже пришлось пережить немало неприятностей из-за фанатов и не в меру энергичных поклонников. Но Бруте, наоборот, полагает, что опыт общения с поклонниками поможет ей как следует вжиться в роль. Она говорит, что понимает образ мыслей, который двигает такими людьми.

- Андре, это же «Друзья»! После эпизода я, может быть, получу там постоянную роль. И потом, даже не считая того, что «Друзья» - самый популярный сериал, моя серия должна выйти в эфир сразу после Суперкубка. Пятьдесят миллионов зрителей! Для меня это - как для тебя Чемпионат США!

Аналогия из мира тенниса - самый простой способ помешать мне разделить ее мечты. Но я делаю вид, что рад, произношу правильные слова. «Если ты счастлива, - говорю я, - то я тоже счастлив». Она верит. Или делает вид. Я часто не вижу разницы.

Решено - я и Перри полетим с ней в Голливуд, посмотрим на съемки. Будем сидеть в ее ложе, как она обычно сидит в моей.

- Получится забавно, - радуется она.

- Вряд ли.

- Да ладно, будет здорово!

Я не очень-то хочу лететь. Но еще меньше мне охота слоняться по дому, разговаривая с самим собой. Травмированная грудь и раненое эго не располагают к одиночеству.

Несколько дней перед съемками мы проводим в лос-

анджелесском доме Брук. Каждый день к ней приходит приятель-актер, помогает учить роль. Я наблюдаю. Брук собранна и сосредоточенна, она вкладывает в работу все силы. Мне это знакомо. Я горжусь ею, заверяю, что она будет звездой. Впереди нас ждет только радость.

МЫ ПРИЕЗЖАЕМ НА СТУДИЮ после полудня. Нас тепло встречают полдюжины актеров. Насколько я понимаю, это и есть исполнители главных ролей в «Друзьях», но с таким же успехом это могут оказаться шесть безработных актеров из Вест-Ковина[30]. Я ведь ни разу не видел этого знаменитого сериала. Обнимая их, Брук краснеет и с трудом подбирает слова, несмотря на то что позади много дней совместных репетиций. Я ни разу не видел у нее подобного благоговения перед знаменитостями. Даже когда я знакомил ее с Барброй Стрейзанд, она не была так смущена.

Я остаюсь в тени, в нескольких шагах позади Брук. Не хочу отвлекать от нее внимание и не испытываю желания общаться. Но артисты оказываются любителями тенниса и изо всех сил пытаются втянуть меня в разговор. Они расспрашивают о травме, поздравляют с прошлогодними успехами. На мой взгляд, прошедший год в последнюю очередь можно назвать успешным, и все же я вежливо благодарю их, после чего отступаю обратно в тень.

Но они продолжают расспрашивать о Чемпионате США, соперничестве с Питом.

- Какие у вас отношения? Вы оба - великие теннисисты.

- Ну да.

- А вы дружите?

Дружим ли мы? С чего их это интересует? Или такие вопросы приходят им в головы лишь потому, что они - «Друзья»? Я никогда об этом не задумывался, но мне кажется, что да, мы с Питом друзья.

Я оборачиваюсь к Перри в поисках поддержки. Но он, подобно Брук, заворожен обществом знаменитостей. Он изо всех сил старается быть для них своим, обсуждает шоу-бизнес, сыплет именами, изображает человека, знающего актерскую кухню.

К счастью, Брук зовут в трейлер. Мы с Перри идем с ней и устраиваемся рядом, пока одна команда расчесывает и укладывает ей волосы, а другая занята макияжем и костюмом. Брук смотрит на себя в зеркало. Она такая счастливая, оживленная, словно девочка, наряжающаяся на празднование своего шестнадцатилетия. Я не в своей тарелке. Я, конечно, говорю все что нужно, улыбаюсь и подбадриваю ее, но внутри меня все мертво. Интересно, чувствует ли Брук то же, что я

сейчас, когда я сосредоточенно готовлюсь к турниру или переживаю поражение? Притворный интерес, односложные ответы, отсутствие внимания - неужели в эти моменты я общаюсь с ней именно так?

Мы идем к месту съемки. Декорации - квартира, оклеенная фиолетовыми обоями, с подержанной мебелью. Мы торчим неподалеку, убивая время, пока несколько здоровяков возятся со светом, а режиссер совещается со сценаристами. Кто-то шутит, стараясь разогреть публику. Я нахожу место в первом ряду, неподалеку от бутафорской двери, в которую должна войти Брук;. Публика шумит, съемочная группа тоже. Ожидание становится все напряженнее. Я не могу подавить зевоту и веду себя совсем как Пит, вынужденный смотреть «Бриолин». Почему, при всем моем уважении к Бродвею, здешняя суета вызывает во мне лишь презрение?

Раздается крик: «Тишина!», вслед за ним - следующий: «Начали!» Появляется Брук, стучится в дверь, та распахивается, и Брук произносит первую реплику. Толпа хохочет, издает радостные крики. «Снято!» - кричит режиссер. Несколькими рядами выше какая-то женщина вопит:

- Здорово, Брук!

Режиссер расточает похвалы, Брук слушает, кивает.

- Спасибо, - наконец, говорит она. - Но я могла бы сыграть лучше.

Она хочет повторить, просит дат ь ей еще один шанс. Режиссер соглашается.

Пока группа готовится к следующему дублю, Перри дает ей какие-то советы. Он ни черта не понимает в актерской профессии, но Брук сейчас чувствует себя так неуверенно, что готова выслушивать рекомендации от кого угодно. Она кивает. Перри говорит так уверенно, будто руководит целой студией.

- По местам, пожалуйста!

Брук, поблагодарив Перри, бежит к двери.

- Тишина!

Брук закрывает глаза.

- Начали!

Она стучит в дверь, повторяя все в точности, как в прошлый раз.

- Снято!

- Фантастика! - говорит ей режиссер.

Она спешит ко мне, спрашивает, понравилось ли мне. «Потрясающе!» - говорю я. Здесь нет ни капли лжи. Она действительно была потрясающей. Даже если меня бесит телевидение, раздражает вся эта фальшивая атмосфера, я уважаю

тяжелый труд и восхищаюсь ее преданностью работе. Поцеловав Брук, я говорю, что горжусь ею.

- Ты закончила?

- Нет, у меня еще одна сцена.

- Жаль.

Мы переходим к другим декорациям. Теперь это ресторан. Героиня Брук - на свидании с предметом своих грез, Джо. Ее усаживают за стол. И снова ожидание кажется мне бесконечным. Еще несколько указаний для Брук от Перри. Наконец, крик режиссера:

- Начали!

Актер, играющий Джо, с виду приятный парень. Но вот сцена начинается, и я уже готов набить ему физиономию. Брук по сценарию должна схватить руку Джо и лизнуть ее. Но она идет дальше, обсасывая его пальцы, словно рожок с мороженым. Снято! Режиссер объявляет, что все прошло замечательно, но все-таки стоит снять еще один дубль. Брук смеется, хохочет и Джо, вытирая руку салфеткой. Я смотрю на это в ужасе. Брук ничего не говорила мне про облизывание пальцев. Она знала, как я на такое реагирую.

Это не моя жизнь! На самом деле меня здесь нет, совсем не я сижу в окружении двухсот человек, глядя, как моя девушка облизывает руку какому-то парню.

Я смотрю на потолок, прямо на лампы.

Они собираются повторить.

- Тишина!

- Поехали!

Брук берет руку Джо и кладет в рот, до самых костяшек пальцев. В этот раз она закатывает глаза и ведет языком вдоль…

Я вскакиваю с места, бегу вниз, прочь, через боковую дверь. Вокруг темнота. Как могло стемнеть так быстро? За дверью - взятый мной в аренду «Линкольн». Следом выбегают недоумевающий Перри и взбешенная Брук, которая хватает меня за руку:

- Ты куда? Не уходи!

- Что случилось? - спрашивает Перри. - Что произошло?

- Вы знаете. Да оба вы все знаете!

Брук упрашивает меня остаться, Перри тоже. Я отвечаю категорическим отказом: не собираюсь смотреть, как Брук облизывает пальцы этому парню.

- Не делай этого, - просит она.

- Это ты мне говоришь? Возвращайтесь и получайте удовольствие. Ни пуха ни пера! Оближи ему еще одну ручонку. Я ухожу.

Я БЫСТРО МЧУСЬ ПО ШОССЕ, лавируя между машинами. Не знаю, куда еду, но точно не к Брук. К черту! Внезапно осознаю, что двигаюсь в направлении Вегаса, и не собираюсь останавливаться, пока не попаду туда. Вдавливаю газ в пол и лечу, вовсю нарушая скоростной режим, прочь, в пустыню, где моими спутниками будут только звезды.

Из радиоприемника слышатся лишь помехи, и я пытаюсь настроиться на волну своих эмоций. Конечно, я ревную, но, кроме того, чувствую себя каким-то растерянным, лишенным связи с самим собой. Как и Брук, я тоже играл роль - роль Тупого Бойфренда и, кажется, вполне успешно с ней справлялся. Но, когда началось облизывание рук, не смог продолжать игру Конечно, раньше я не раз видел Брук целующей других мужчин на сцене. Кроме того, однажды мне довелось встретиться с извращенцем, который охотно сообщил мне, что, когда Брук было пятнадцать, он снимался с ней в эротическом эпизоде. Но это - другое. Это - в границах допустимого. То есть я, честно говоря, точно не знаю, где именно проходят эти границы, но лизание пальцев - далеко за их пределами, однозначно.

Доезжаю до своего холостяцкого убежища в два часа ночи. Вождение утомило меня, притушило гнев. Я по-прежнему злюсь, но в то же время раскаиваюсь. Звоню Брук.

- Прости. Я просто… просто не мог больше там оставаться.

Она говорит, что все спрашивали ее обо мне, что я унизил ее, подверг опасности ее карьеру. Она жалуется: все наперебой хвалили ее, но она не получила от этого ни малейшего удовольствия, потому что единственный человек, с кем ей хотелось разделить успех, взял и сбежал.

- Из-за тебя я не могла сосредоточиться, - с обидой произносит она. - Мне пришлось выкинуть из головы мысли о тебе, чтобы сосредоточиться на своих репликах, а это очень сложно. Если бы я когда-нибудь сотворила что-либо подобное во время твоего матча, ты бы с ума сошел.

- Я не мог смотреть, как ты лижешь руку этого парня.

- Андре, это была роль. Роль! Ты забыл, что я актриса? Что этим я зарабатываю себе на жизнь? Что это все - не по правде?

Хотел бы я забыть!..

Начинаю оправдываться, но Брук заявляет, что не хочет ничего слышать, и вешает трубку.

Я стою в центре гостиной и чувствую, как пол уходит у меня из- под ног. Прикидываю вероятность землетрясения в Вегасе. Не знаю, что делать, куда встать. Я подхожу к полке, на которой стоят мои теннисные кубки, беру один и швыряю через всю гостиную и кухню. Он разлетается на осколки. Беру следующий и

швыряю в стену. Один за другим разбиваю все свои спортивные трофеи. Кубок Дэвиса? Бабах! Открытый чемпионат США? Бах! Уимблдон? Бах! Вытаскиваю из сумки ракетки и пытаюсь расколотить стеклянный кофейный столик, но лишь разбиваю ракетку вдребезги. Я подбираю разбитые кубки и швыряю их вновь и вновь об стены и мебель. Когда разбивать уже нечего, бросаюсь на кушетку, покрытую кусками штукатурки, отлетевшей со стен.

Несколько часов спустя открываю глаза. Обследую повреждения так, будто их нанес кто-то другой. Все это сделал не я, а тот, кто отвечает за половину сделанных мною глупостей.

Звонит телефон. Это Брук. Я вновь прошу прощения, сообщаю, что разбил свои кубки. Ее голос теплеет. Она беспокоится обо мне, огорчена тем, что я так расстроен, что я ревновал, что мне плохо. Я говорю, что люблю ее.

ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ В ШТУТГАРТЕ я открываю сезон матчей в закрытых помещениях. Если бы пришлось составлять список мест, в которые мне никогда не хотелось бы возвращаться, то из всех стран, городов, городков, деревень и селений Штутгарт уверенно занял бы первое место. Думаю, даже если бы я прожил тысячу лет, в Штутгарте за все эти годы со мной не случилось бы ничего хорошего. Ничего личного не имею против Штутгарта, просто не хочу здесь быть и играть в теннис тоже.

Тем не менее я здесь, и мне предстоит важный матч. Если выиграю, то упрочу свои позиции на первом месте в рейтинге, этим Брэд прямо- таки бредит. Играю с Маливаем Вашингтоном, мы с ним хорошо знакомы - юниорами постоянно встречались на корте. Прекрасный спортсмен, отлично контролирующий корт, он тем не менее всякий раз уступал мне. Его ноги будто сделаны из бронзы, поэтому я не в состоянии измотать его, как обычного соперника. Приходится брать хитростью. Выигрываю первый сет. Игра идет своим чередом, как вдруг я будто попадаю ногой в мышеловку. Бросаю взгляд вниз и вижу, что от моей кроссовки отвалилась подошва.

У меня нет с собой запасных кроссовок.

Останавливаю матч и сообщаю организаторам, что мне нужны новые кроссовки. По громкоговорителю на лающем немецком звучит объявление:

- Может ли кто-нибудь одолжить мистеру Агасси кроссовки размера десять с половиной?

- Только фирмы Nike, - добавляю я. - Это - условие контракта.

Мужчина на верхней трибуне, встав, размахивает своей кроссовкой.

Он говорит, что будет счастлив одолжить мне свою обувь.

Брэд, поднявшись по трибунам, приносит мне ее. И хотя у болельщика оказывается девятый размер, я натягиваю его пару, словно полоумная Золушка, и продолжаю игру.

Неужели это моя жизнь?

Я играю матч за звание первой ракетки мира в кроссовках, одолженных у незнакомца в Штутгарте. Вспоминаю, как отец ремонтировал наши детские ботинки с помощью теннисных мячиков. Это кажется еще более странным и глупым. Я морально измучен, думаю: почему бы просто не остановиться, не уйти, не улететь отсюда? Что меня держит? Как я ухитряюсь выбирать нужные удары, удерживать и отнимать подачи? Мысленно я уже покинул стадион, еду в горы, арендую лыжный домик, готовлю себе омлет, задираю ноги повыше и вдыхаю запах заснеженного леса…

Обещаю себе: если выиграю, уйду из тенниса. И если проиграю, тоже уйду.

Я проигрываю.

Но не ухожу. Наоборот, лечу в Австралию играть в турнире Большого шлема. Открытый чемпионат Австралии 1996 года начнется через несколько дней, и мне предстоит отстаивать свой чемпионский титул. Я сейчас похож на безумца - с глазами, налитыми кровью, с изможденным лицом. Стюарду стоило бы снять меня с рейса. Впрочем, я чуть было сам с него не сошел: через несколько минут после того, как мы с Брэдом вошли в самолет, я испытал острое желание вскочить с кресла и выбежать из салона. Брэд, видя выражение моего лица, взял меня за руку.

- Давай, - сказал он, - расслабься. Может, случится что-то хорошее. Заранее не предугадаешь.

Я глотаю снотворную таблетку, запиваю ее водкой - и открываю глаза уже после посадки в Мельбурне. Брэд везет нас в отель Сото. Голова моя окутана туманом, плотным, как картофельное пюре. Коридорный ведет меня в номер - с роялем и винтовой лестницей с полированными деревянными ступенями. Я пару раз ударяю по клавишам фортепьяно и лезу по лестнице в постель. Споткнувшись, падаю со ступеней, по пути рассекая колено об острый край металлического парапета. Вокруг все в крови.

Я ЗВОНЮ ДЖИЛУ, он прибегает через две минуты. Говорит, что повреждена коленная чашечка. «Нехороший порез - качает он головой, - нехороший ушиб». Он перевязывает мне ногу и укладывает в постель. Утром оставляет меня в номере, запретив тренироваться.

- Нужно поберечь твое колено, - говорит он. - Чудо, если оно выдержит семь матчей.

В первом круге играю, заметно прихрамывая, с повязкой на ноге и заклеенным лбом. Болельщики, журналисты, комментаторы видят: я - уже не тот, что год назад. Проигрываю первый сет и быстро теряю две подачи во втором. У меня есть шанс стать первым после Роско Таннера действующим чемпионом, проигравшим в первом же круге турнира Большого шлема.

Мой соперник - некий Гастон Этлис из Аргентины. Он даже не похож на теннисиста, скорее на школьного учителя, вышедшего на замену. Его локоны слиплись от пота, а на недавно выбритых щеках уже пробивается щетина. Он специализируется на парном разряде и на игру в одиночном был квалифицирован каким-то чудом. Похоже, Гастон сам не до конца верит в то, что оказался здесь. Такого соперника я мог бы победить одним взглядом, не выходя из раздевалки, и тем не менее он выиграл у меня в первом сете и ведет во втором. Боже мой. Он же сам мучается от происходящего! Если я выгляжу больным, то он, похоже, охвачен паникой, будто ему в рот засунули рогатую лягушку. Надеюсь, у него хватит духа покончить со мной здесь и сейчас, потому что мне лучше получить билет на выход в самом начале.

Но Этлис потеет, трясется и постоянно принимает никуда не годные решения.

Начинаю слабеть. Сегодня утром я побрил голову - начисто, до голой кожи, - чтобы наказать себя. За что? За то, что я до сих пор мучаюсь из- за сорванной съемки Брук в «Друзьях», за то, что разбил все кубки, за то, что приехал на турнир неподготовленным, и, разумеется, за то, что проиграл Питу на чертовом Чемпионате США. Джил все время говорит: «Тебе не под силу обмануть человека в зеркале». Так пусть этот человек расплачивается. В спортивной тусовке меня прозвали «карателем» за то, что заставляю соперников носиться по корту, как угорелых. Сейчас я упрямо стремлюсь покарать себя самого, заставляя голову пылать огнем.

Эта затея удалась. Австралийское солнце как огнем жжет голую кожу. Я браню себя, затем прощаю, потом перезагружаюсь и нахожу способ довести второй сет до тай-брейка, который выигрываю.

В голове мечутся обрывки мыслей. Что еще я могу сотворить со своей жизнью? Стоит ли мне расстаться с Брук? Или жениться на ней? Я проигрываю третий сет. И вновь Этлис не выдерживает свалившегося на него счастья. Я выигрываю четвертый сет, снова на тай-брейке. В пятом сете Этлис выбивается из сил и сдается. Я не горжусь, не чувствую облегчения. Я смущен. Моя голова

похожа на кровавый волдырь. Я вспоминаю отца, учившего обращаться с недругами: «Пусть у него мозг волдырями покроется!»

Позже журналисты спрашивают, мешает ли мне солнце. Я смеюсь. «Честно говоря, объясняю я, солнце - последнее, что меня беспокоит». Хочется добавить: «Просто я эмоционально изжарен», но предпочитаю смолчать.

В четвертьфинале играю с Курье. Он выиграл у меня шесть последних матчей подряд. У нас случались жестокие сражения как на кортах, так и в газетах. После того как он победил меня на Открытом чемпионате Франции в 1989 году, Курье жаловался, что мне уделяют слишком много внимания, из-за чего он чувствует себя при мне второй скрипкой.

- Похоже, у парня проблемы из-за низкой самооценки, - откомментировал я эти слова журналистам.

- Пусть посмотрит на себя! - отпарировал Курье.

Курье раздражал мой постоянно меняющийся внешний вид и сложное душевное состояние. Однажды на вопрос о том, что он думает о новом имидже Агасси, Курье ответил: «Вы имеете в виду новый имидж Агасси или обновленную) версию его нового имиджа?» С тех пор, однако, мы забыли старые обиды. Я признался Курье, что болею за его успех и хочу быть ему другом, и он ответил подобными же признаниями. И все же тень напряженности между нами еще существует и не исчезнет, пока один из нас не уйдет из спорта, - ведь истоки нашего соперничества уходят в детские годы, во времена Ника.

Матч начинается поздно, задержавшись из-за долгого окончания женского четвертьфинала. Мы выходим на корт около полуночи и играем девять геймов с подачи. Затем начинается дождь. Организаторы могли бы закрыть корт раздвижной крышей, но на это требуется сорок минут. Нам предлагают продолжить на следующий день, и мы соглашаемся.

Сон оказывается спасительным. Я встаю посвежевшим, полным решимости победить Курье. Однако по другую сторону сетки - не Курье, а его бледная тень. Несмотря на то что он выигрывает у меня два сета, Курье кажется неуверенным, перегоревшим. Мне это знакомо - я много раз наблюдал такое в зеркале. Устремляюсь на беззащитную жертву и выигрываю матч, впервые за много лет взяв верх над ним.

Когда журналисты интересуются моим мнением об игре противника, отвечаю:

- Он не добился того, чего хотел.

Эта победа позволяет мне вернуть первое место в мировой классификации. Я вновь сверг Пита с пьедестала. Но для меня это

лишь напоминание о том матче, в котором я не смог добиться победы.

В полуфинале встречаюсь с Чангом. Знаю, что могу победить, но уверен, что проиграю. Я просто обязан проиграть, ведь в финале ждет Беккер. Очередная битва с Беккером не на жизнь, а насмерть - последнее, что мне сейчас нужно. Я не справлюсь. У меня не хватит запала. Ну, а если выбирать между Беккером и Чангом, то я предпочел бы уступить Чангу. Кроме того, психологически проще проиграть в полуфинале, а не в финальном матче.

Итак, сегодня я проиграю. Поздравляю, Чанг. Ты с твоим Иисусом будешь счастлив.

Однако уступить по заказу трудно. Даже труднее, чем выиграть. Ведь надо проиграть так, чтобы не только публика, но и ты сам не понял, что сделал это нарочно: ведь ты неосознанно хочешь этого поражения. Разум пытается поддаться, но тело, благодаря мускульной памяти, сопротивляется. Да и сознание не то чтобы полностью стремится к проигрышу, лишь какая-то его раскольническая, бунтующая часть. Дурные решения принимаются в темных углах, далеко под поверхностью. Ты просто забываешь о важных мелочах: становишься медленнее в пробежке, слабее в рывке. Не так резко срываешься с места, не торопишься прыгнуть или нагнуться, все больше играешь руками, давая отдохнуть ногам и бедрам. Делаешь ошибки из-за беспечности, затем ошибаешься, желая нанести эффектный удар, потом еще пара ошибок - и медленно, но верно начинаешь проигрывать. Ты никогда не думаешь о том, чтобы специально загасить мяч в сетку. Все гораздо сложнее, гораздо изощреннее.

На послематчевой пресс-конференции Брэд объявляет журналистам:

- Сегодня Андре играл на пределе своих возможностей.

Это точно, думаю я. Но не буду говорить Брэду, что каждый день ощущаю себя на пределе. Он был бы шокирован, узнав, что сегодня я рад поражению, что предпочту находиться в самолете, несущем меня в Лос-Анджелес, а не на корте напротив нашего старого друга - «сократи- ка». Хочу быть где угодно, но не на этом корте. Даже в Голливуде, куда, собственно, и направляюсь. Раз уж я проиграл, вернусь домой вовремя, чтобы посмотреть Суперкубок, а затем - специальный часовой эпизод «Друзей», одну из ролей в котором исполнила Брук Шилдз.

19

ПЕРРИ ЦЕЛЫМИ ДНЯМИ мучает меня вопросами: что

случилось? что со мной не так? Не могу ответить. Сам не знаю. И, если честно, предпочитаю не знать. Я не хочу признаваться ни себе, ни Перри, что поражение от Пита выбило меня из колеи на столь долгий срок. Мне совершенно не хочется разматывать запутанный клубок моего подсознания. Не хочу заниматься самоанализом. Я даю слабину в своей долгой и проигрышной борьбе с самим собой.

В Сан-Хосе вновь проигрываю Питу. Определенно это совсем не то, что мне требовалось. Несколько раз за время матча я теряю самообладание, начиная осыпать проклятиями то собственную ракетку, то себя. Пит, кажется, ошеломлен моим взрывом. Судья штрафует меня за несдержанность в выражениях.

Ах, вы так? Ну получайте!

С подачи я посылаю мяч в верхний ярус.

Отправляюсь в Индиан-Уэллс, где проигрываю Чангу в четвертьфинале. Я просто не могу себя заставить выйти на послематчевую пресс- конференцию и сбегаю с нее, заплатив солидный штраф. Лечу в Монте- Карло - и проигрываю испанцу Альберто Косте за пятьдесят четыре минуты. Уходя с корта, слышу, как болельщики свистят и улюлюкают мне в спину. Такие же звуки звучат у меня в душе. Я хочу крикнуть всем:

- Вы правы!

- Что с тобой? - спрашивает Джил.

- Спекся, - объясняю я. - С тех пор как я проиграл Питу Чемпионат США, я потерял волю к победе.

- Тогда прекрати играть, - предлагает он. - Ты должен быть уверен в том, что ты делаешь.

- Я хочу уйти. Но не знаю, как и когда.

На Открытый чемпионат Франции 1996 года я прибываю в совершенно расстроенных чувствах. В первом круге на протяжении всего матча осыпаю себя ругательствами, получив за это официальное предупреждение. Кричу громче - и меня штрафуют на одно очко. Я уже в чертовом миллиметре от того, чтобы получить дисквалификацию на весь турнир. Начинается дождь. Во время перерыва сижу в раздевалке, глядя в одну точку, словно загипнотизированный. Когда игра возобновляется,, все же преодолеваю сопротивление противника, Хакобо Диаса, которого почти не вижу: его мокрая фигура сливается с пятнами луж, разбросанными по всему корту.

Победа над Диасом лишь отсрочила неизбежное. В следующем круге проигрываю Крису Вудраффу из штата Тенниси. Он всегда напоминал мне исполнителя песенок в стиле кантри, а его манера игры наводила на мысль, что выступления на родео стали бы для него гораздо лучшей карьерой. На грунтовых кортах

он неловок, но старается восполнить недостаток мастерства агрессивностью, особенно - при ударах слева. Не могу справиться с его агрессией. Делаю шестьдесят три ошибки. Победив, он не может сдержать своей безумной радости. Я пристально смотрю на него, завидуя отнюдь не победе, но его энтузиазму.

Журналисты обвиняют меня в том, что я подыгрываю соперникам, нарочно пропускаю мячи. Они ни черта не понимают. Когда я поддаюсь, они пишут, что я играю плохо; а когда я действительно играю плохо, они говорят, что я нарочно сливаю игру. Я уже почти готов признаться: я не поддаюсь, а наказываю себя за плохую игру. Если я знаю, что не заслуживаю победы, не имею на нее права, я сам определяю себе наказание.

Но я предпочитаю молчать. И вновь сбегаю со стадиона, не явившись на обязательную пресс-конференцию. С радостью плачу штраф: прекрасное вложение денег.

БРУК ЗАТАЩИЛА МЕНЯ В КЛУБ на Манхэттене: общий зал размером с телефонную будку, зато ресторан - просторный, выкрашенный в горчично-желтый цвет. Место называется Companola - мне нравится, как Брук произносит это слово, приятен его запах еды, по душе то, как мы с Брук чувствуем себя, зайдя сюда с улицы. Мне нравится фотография Синатры с автографом, висящая рядом с гардеробом.

Брук утверждает, что это ее любимый клуб в Нью-Йорке. По такому поводу я тоже решил считать его своим любимым. Сидим в углу, едим что-то легкое. В эти сумеречные часы толпа, приходящая пообедать, уже схлынула, а вечернее ресторанное паломничество еще не началось. Как правило, в это время горячее здесь не подают, но менеджер сделал для нас исключение.

Companola быстро становится продолжением нашей домашней кухни, а вскоре - и неотъемлемой частью наших отношений. Мы с Брук приходим сюда, чтобы вспомнить, почему нам хорошо вместе. Приходим сюда по особым случаям и в самые обычные дни, тем самым превращая их в небольшие праздники. Мы ходим сюда столь часто и с такой точностью появляемся здесь после каждого матча Открытого чемпионата США, что повара и официанты сверяют часы по нашему появлению. Во время пятого сета я иногда ловлю себя на мысли о работниках Companola, зная, что они не сводят взглядов с телеэкрана, пока возятся с моцареллой, помидорами и прошутто. Подбрасывая мяч при подаче, я знаю, что скоро буду сидеть за угловым столиком, поглощая креветки, обжаренные в масле, с белым винным соусом и лимоном, и равиоли, такие нежные и сладкие, что они вполне могли бы сойти за десерт. Выиграю я или проиграю - все равно. Когда мы с Брук войдем в зал, он взорвется аплодисментами.

Менеджер Companola Фрэнки всегда одет с иголочки, не хуже Джила. Итальянский костюм, цветастый галстук, шелковый носовой платок. Он всегда приветствует нас улыбкой во все тридцать два зуба и свежей порцией анекдотов. Представляя нас друг другу, Брук сказала: «Он мне - как второй отец». Для меня это волшебные слова. Второй отец - роль, к которой я питаю громадное уважение, так что к Фрэнки я сразу проникся симпатией. После знакомства он угостил нас бутылкой красного вина, рассказал кучу историй о знаменитостях, мошенниках, банкирах и гангстерах, регулярно бывающих в клубе, и заставил Брук хохотать так, что щеки у нее порозовели. Тут я проникся к нему еще большей симпатией.

- Джон Готти[31]? - говорит он. - Хотите узнать про Готти? Он всегда сидит здесь, за угловым столиком, лицом ко входу: если кто-нибудь решится его завалить, он хочет заметить это заранее.

- Иногда я чувствую себя так же, - признаюсь я.

Фрэнки неопределенно хмыкает, кивает:

- Догадываюсь.

Фрэнки честен, трудолюбив, искренен - словом, он из породы людей, которые мне симпатичны. Начинаю высматривать его, стоит нам переступить порог заведения. Когда Фрэнки, улыбаясь, протягивает руки и провожает за наш столик, мне становится легче, боль и страхи рассеиваются. Иногда ему приходится пересаживать посетителей, но мы с Брук предпочитаем не замечать их нахмуренных лиц и жалоб.

Особенно мне нравится в Фрэнки то, как он рассказывает о своих детях. Он любит их, гордится ими, показывает их фотографии, едва успев начать беседу. Он очень переживает за их будущее. Как-то вечером, устало облокотившись подбородком на руку, он признается мне, что, хотя его дети пока в младших классах, он уже переживает из-за высшего образования для них. Он в ужасе от цен на обучение и не знает, под силу ли ему такое бремя.

Несколькими днями позже я прошу Перри переписать на имя Фрэнки несколько акций Nike из отложенных мною на черный день. Когда мы с Брук в следующий раз приходим в Campanola я сообщаю об этом Фрэнки. Акции нельзя трогать в течение десяти лет, объясняю я, но к тому моменту они будут стоить достаточно, чтобы существенно облегчить бремя оплаты колледжа.

У Фрэнки задрожала нижняя губа.

- Андре, - говорит он, - не могу поверить, что ты сделал это для меня.

Он, похоже, в шоке. Я никогда не понимал значения и ценности образования, того, сколько трудностей испытывают из-

за него и дети, и родители. Раньше я не думал об образовании с этой точки зрения. Школа всегда была местом, которое я избегал, а вовсе не тем, куда стремился попасть. Эти акции я переписал на Фрэнки лишь потому, что он упомянул о колледже в разговоре, а я решил помочь. То, как он отреагировал на мою помощь, стало для меня ценным уроком.

Помощь Фрэнки принесла мне больше удовлетворения, радости, мира с самим собой, чем все остальные события 1996 года. Все время твержу себе: помни и держись за это - ты должен помогать людям. Лишь так мы делаем что-то значимое, то, что останется в памяти. Именно для этого и живем - чтобы приносить покой и безопасность другим.

В 1996 году покой кажется мне особенно ценным. Брук регулярно получает письма от неуравновешенных поклонников, угрожающих ей. а иногда и мне, смертью и разнообразными ужасами. Письма подробные, пугающие, наполненные безумием. Мы переправляем их в ФБР. Кроме того, просим Джила оставаться на связи с агентами, следить, как идет расследование. В некоторых случаях, когда отправителя письма можно отследить, Джил делается неуправляемым. Он садится в самолет и наносит визит чрезмерно рьяному поклоннику. Как правило, он появляется на работе или дома у автора письма рано утром, сразу после восхода солнца. Держа письмо в руках и пристально глядя автору в глаза, он тихо произносит:

- Я знаю, кто ты и где живешь. Теперь хорошенько посмотри на меня, потому что, если ты опять потревожишь Брук и Андре, ты увидишь меня еще раз. И будешь жалеть об этом до конца своих дней.

Но, оказывается, отправителей самых страшных писем отследить невозможно. Если в послании обещают совершить нечто ужасное в определенный день и час, Джил встает на страже у порога особняка Брук. Он так и стоит - на крыльце, в постоянном напряжении, глядя то влево, то вправо. Всю ночь. Ночь за ночью.

Все это напряжение и грязь Джил переживает очень тяжело. Он постоянно беспокоится, что сделал не все необходимое, что-то упустил. Боится, что однажды моргнет или посмотрит в другую сторону - и какой-нибудь подонок проскочит мимо. Эта мысль преследует его неотвязно, его грызет депрессия, а вместе с ним переживаю и я, ведь все это происходит по моей вине.

Тем не менее пытаюсь отвлечься от мрачных мыслей, внушить себе, что невозможно быть несчастным, когда у тебя есть солидный счет в банке и собственный самолет. Не помогает: меня снедают апатия и безнадежность, мучаюсь из-за того, что

проживаю жизнь, которую не выбирал, что меня преследуют люди, которых я не хочу видеть. Я не могу обсуждать это с Брук, поскольку боюсь признаваться перед ней в своих слабостях. Впадать в депрессию после поражения - это одно, но страдать от депрессии без причины, из-за неустроенности жизни в целом - это совсем другое.

Но, даже если бы я хотел обсудить свои проблемы с Брук, наши отношения в последние дни этому отнюдь не способствуют. Мы настроены на разные частоты в разных диапазонах. К примеру, когда я пытаюсь рассказать ей, как приятно было помогать Фрэнки, она, кажется, не слышит. Она была рада нас познакомить, но с тех пор остается к нему безразличной, как будто он сыграл свою роль и вот теперь должен покинуть сцену. Впрочем, так она ведет себя довольно часто. То же самое происходит со многими людьми и местами, с которыми знакомит меня Брук. Музеи, галереи, знаменитости, писатели, спектакли, друзья - часто я получаю больше от общения с ними, чем она сама. Но стоит мне начать получать удовольствие от чего бы то ни было, узнавать что-либо интересное - как для нее эта тема уже в прошлом.

Это заставляет меня задуматься, так ли уж мы подходим друг другу. Похоже, не очень… И все-таки я не могу отступать, не могу предложить ей сделать перерыв в наших отношениях, ведь от тенниса я уже отошел. Без Брук и тенниса у меня не останется ничего. Я боюсь пустоты, темноты. Поэтому цепляюсь за Брук, а она - за меня. И хотя наши судорожные объятия внешне похожи на любовь, они все же больше напоминают ту картину, которая так поразила меня в Лувре. Попытки удержаться за дорогого тебе человека.

Тем временем приближается вторая годовщина нашего знакомства, и я решаю отметить ее, узаконив наше с ней цепляние друг за друга. Два года - решающий срок для моих романов. Во всех предыдущих случаях именно через два года мне приходилось выбирать - узаконить отношения или расстаться. И я всегда выбирал расставание. Каждые пару лет либо я уставал от своей девушки, либо она - от меня. Казалось, мой «таймер любови» всегда поставлен на два года, потом в нем просто заканчивается завод. Мы провели с Венди два года - но она решила, что наши отношения должны быть открытыми, и это стало началом конца. До этого у меня в течение двух лет была связь с одной девушкой в Мемфисе, а потом я дал деру. Не знаю, почему моя личная жизнь всецело подчиняется двухлетнему циклу. Я даже не догадывался об этом, пока Перри не открыл мне глаза.

Так или иначе, я твердо решил положить этому конец. Мне двадцать шесть, я должен разрушить привычную схему, иначе к тридцати шести мне останется лишь вспоминать череду двухгодичных романов, каждый из которых закончился ничем. Если я собираюсь иметь семью, найти свое счастье, то должен разбить этот порочный круг, то есть проскочить двухгодичную отметку, прочно связав себя с партнершей.

Конечно, если подсчитывать непрерывный срок отношений, партнерство с Брук длится меньше двух лет. С учетом наших безумных расписаний, моих турниров, ее съемок мы вместе всего несколько месяцев. Мы еще только узнаем друг друга, только учимся быть вместе. Какая-то часть сознания твердит, что спешить ни к чему. Я просто-напросто пока не готов жениться. Но какая разница, чего я хочу? Когда мои поступки определялись моими желаниями? Я часто появлялся на турнире с желанием играть - лишь для того, чтобы вылететь в одном из первых раундов. Еще чаще мне приходилось приступать к игре безо всякого желания - что не мешало добиваться победы. Женитьба - это самый важный матч, это турнир, где на кону - возможность разделить свою жизнь с другим человеком. Может быть, и здесь будут действовать те же правила?

Ну и потом, все вокруг меня вдруг решили покончить с холостой жизнью: Перри, Фили, Джей Пи. Фили и Джей Пи даже познакомились со своими женами одновременно, на одной и той же вечеринке. После Лета Мести наступает Зима Свадеб.

Прошу у Перри совета. Мы часами разговариваем - очно, в Вегасе, и по телефону. Перри считает, что Брук - моя вторая половинка. Кто может быть лучше супермодели, да еще и с дипломом Принстонского университета?! Он напоминает, как много лет назад, в детстве, мы фантазировали о ней. Не предсказывал ли он еще тогда, что мы будем вместе? Предсказание сбылось - значит, это судьба. Так в чем проблема? Он напоминает мне про «Страну теней». Клайв Льюис не мог наслаждаться жизнью, не мог до конца повзрослеть, пока не впустил в свое сердце любовь. Именно любовь заставляет нас расти - вот о чем этот фильм. Об этом напоминает Льюис своим студентам: «Господь хочет, чтобы мы взрослели».

Перри говорит, что знает в Лос-Анджелесе прекрасного ювелира: у него он сам заказывал кольцо для помолвки. Он советует пока думать не о том, делать предложение или нет, а об обручальном кольце.

Брук уже объяснила мне, какое кольцо хочет: с круглым камнем, огранка от Тиффани. Она никогда не смущается рассказывать мне об украшениях, одежде, обуви, машинах. В

последнее время мы говорим в основном о вещах. Раньше любили беседовать о наших детских годах, мечтах и чувствах. Теперь гораздо охотнее обсуждаем диваны, стереосистемы, чизбургеры. И хотя я нахожу подобные беседы весьма интересными и считаю их неотъемлемой частью искусства жить красиво, все же боюсь, что мы придаем им слишком много значения.

Собираюсь с духом, звоню ювелиру и сообщаю, что мне нужно кольцо для помолвки. С трудом выговариваю эти слова. Сердце стучит с натугой. Это один из самых значимых моментов моей жизни, так почему же я не чувствую никакой радости? Но, прежде чем удается найти ответ, ювелир уже забрасывает меня кучей вопросов. Кольцо какого размера требуется?

Сколько карат в камне? Какого он должен быть цвета? Какой чистоты? Мне что-то рассказывают о прозрачности бриллиантов и четкости линий, а я думаю: «Может быть, огранщики бриллиантов умеют добиваться ясности и прозрачности. Но мне лично пока ничего не ясно».

- Мне нужно кольцо с круглым бриллиантом. Тиффани, - говорю я.

- Когда?

- Поскорее.

- Пожалуйста. У нас есть именно такое кольцо, как вам требуется.

Через несколько дней курьер привозит украшение, упакованное в

коробочку. Я ношу ее с собой две недели. Коробка оттягивает карман и беспокоит.

Брук в отъезде, на съемках. Каждый вечер мы болтаем по телефону, часто я держу одной рукой трубку, а другой поглаживаю кольцо. Она сейчас в Каролине, там очень холодно, а поскольку по сценарию погода стоит теплая, режиссер заставляет ее и других актеров сосать лед, чтобы не было пара от дыхания.

Но это все же лучше, чем облизывать чьи-то пальцы.

Брук цитирует мне несколько своих реплик, и мы смеемся - настолько неестественно они звучат. Как в плохом кино.

После разговора я обычно еду прокатиться: обогреватель в салоне включен на полную мощность, огни Стрипа мерцают, как бриллианты. Вспоминаю разговор, и мне кажется, что наши реплики звучат столь же неестественно, как и строки из сценария, прочитанные Брук. Я достаю из кармана коробочку, разглядываю кольцо. В нем отражаются уличные огни. Кладу его на приборную панель.

Где же ясность?..

У БРУК ЗАКАНЧИВАЮТСЯ СЪЕМКИ. Я не играю, и

спортивная пресса открыто, не скрывая радости, пишет о том, что я сдулся. Три Больших шлема, подсчитывают журналисты, - что ж, это куда больше, чем от него ожидалось. Брук полагает, что мы должны уехать. Как можно дальше. На сей раз выбор пал на Гавайи.

Беру кольцо с собой.

Мой желудок чуть не выскочил изо рта, когда самолет начал снижаться к вулканическим конусам. Я глазею на пальмы, на белую пену прибоя, на тропические леса, укрытые туманом, - еще один райский остров. Почему мы вечно вынуждены убегать на райские острова? Какой-то «синдром голубой лагуны». Я представляю себе, как вот сейчас откажет двигатель и самолет рухнет прямо в жерло вулкана. К моему разочарованию, мы приземляемся вполне благополучно.

Я забронировал бунгало в комплексе Mauna Lani. Две спальни, кухня, гостиная, бассейн, собственный повар и длинная полоса белоснежного песчаного пляжа, предназначенная только для нас двоих.

В первый день отдыха мы слоняемся по бунгало и расслабляемся в бассейне. Брук с головой поглощена книгой о том, как незамужней девушке оставаться счастливой после тридцати. Она держит ее прямо перед собой, время от времени, послюнив палец, с громким шуршанием переворачивает страницы. Мне не приходит в голову, что это может быть показательным выступлением. Я вообще не замечаю ничего вокруг, поскольку всецело поглощен мыслью о том, как сделать ей предложение.

- Андре, ты где-то витаешь.

- Нет, я здесь.

- Все в порядке?

«Оставь меня в покое! - говорю про себя. - Я пытаюсь решить, где и когда сделать тебе предложение».

Я похож на человека, задумавшего убийство: точно так же готовлю план, тщательно выбираю место и время. Правда, в отличие от меня, у убийцы есть мотив.

На третий день мы планируем поужинать у себя в бунгало. Предлагаю одеться к ужину, как к торжественному событию. «Классная идея!»- говорит Брук и час спустя выпархивает из спальни в струящемся белом платье до щиколоток. Облачаюсь в льняную рубашку и бежевые брюки: неправильный выбор, ведь карманы у брюк слишком мелкие и в них невозможно скрыть коробочку с кольцом. Я вынужден держать руку поверх кармана, прикрывая выпуклость.

Потягиваюсь, как перед матчем, встряхиваю ноги, затем

предлагаю прогуляться. «Хорошая мысль»,- соглашается Брук. Она делает глоток вина и улыбается - как обычно, еще не зная, что произойдет. Мы бредем вдоль берега десять минут и вот наконец оказываемся в той части пляжа, где нет ни следа цивилизации. Я верчу головой, убеждаясь, что вокруг никого. Ни туристов, ни папарацци. Берег совершенно безлюден. Я вспоминаю реплику из фильма «Лучший стрелок»: «Патроны были, опасности не было - и я зашел на цель».

Отстав от Брук на пару шагов, падаю на одно колено. Она оборачивается - и краски сбегают с ее лица, тогда как цвета заката, кажется, становятся еще ярче.

- Брук Криста Шилдз!

Много раз она упоминала: когда мужчина будет делать ей предложение, она хотела бы услышать из его уст свое полное имя - Брук Криста Шилдз. Мне ни разу не пришло в голову, поинтересоваться почему именно так, но сейчас я вспомнил это ее желание.

- Брук Криста Шилдз, ты меня слышишь?

Она кладет руку на лоб:

- Что? Ты собираешься?.. Постой, постой! Я не готова!

- Я тоже.

Она смахивает слезы, когда я достаю коробочку из кармана, со щелчком открываю ее, достаю кольцо и надеваю ей на палец.

- Брук Криста Шилдз! Ты станешь?..

Она тянет меня за руку вверх, поднимая с колена. Я целую ее, не в силах избавиться от мысли: «Что ж, надеюсь, это достаточно обдуманный поступок. Неужели именно с этой женщиной Андре Кирк Агасси проведет ближайшие девяносто лет?»

- Да! - отвечает Брук. - Да, да, да!

«Подожди! - думаю я. - Не спеши! Подожди!»

ОНА ХОЧЕТ еще дубль.

На следующий день Брук заявляет, что там, на берегу, была в таком шоке, что ничего не слышала. Она просит меня повторить предложение - слово в слово.

- Повтори это еще раз! - настаивает она. - Ведь я до сих пор не верю, что это произошло.

Я тоже.

Она начинает планировать свадьбу, не успев доехать до дома. Когда же мы возвращаемся в Лос-Анджелес, моя теннисная карьера как бы между делом начинает разваливаться. На турнирах я едва успеваю появиться, проигрывая в первых же матчах. Из-за этого все больше времени провожу дома, к радости Брук. Я сижу - тихий, беспомощный и могу часами участвовать в беседах про свадебные торты и приглашения.

Мы летим в Англию на Уимблдон 1996 года. Перед самым началом турнира Брук уговаривает меня пойти на ранний ужин в отель Dorchester. Я пытаюсь отвертеться, но она настаивает на своем. Вокруг нас - сплошь пожилые пары, все в твидовых костюмах, мужчины - в бабочках, женщины - в лентах. Половина, кажется, вот-вот уснет. В меню - миниатюрные сэндвичи с обрезанными корками, горы яичного салата, пшеничные лепешки с маслом и джемом - блюда, словно специально созданные, чтобы забивать артерии холестерином, даже не искупая это приятными вкусовыми ощущениями. Еда меня раздражает, да и все мероприятие кажется дурацким: словно утренник с чаем, организованный в доме престарелых. Я уже было собрался предложить Брук оплатить счет и уйти, но вдруг заметил, что она счастлива и прекрасно проводит время. Она хочет еще джема.

Мой соперник в первом круге - Дуг Флэч, номер 281 в мировой классификации. На этом турнире он квалифицировался куда выше, чем можно было ожидать, хотя по его игре этого не скажешь. Он бьется, будто в него вселился дух Рода Лэйвера, а я - я играю, будто Ральф Надер. Наш матч проходит на «корте смерти». Кажется, мне уже пора завести здесь собственную памятную табличку. Я быстренько проигрываю, и мы с Брук летим обратно в Лос-Анджелес, чтобы с новой силой предаться беседам о баттенбургских кружевах и шатрах, отделанных шифоном.

Чем ближе к лету, тем больше мои мысли крутятся вокруг торжественного события. И это отнюдь не моя свадьба, а Олимпийские игры в Атланте. Не знаю, почему они мне так интересны, - может, потому, что обещают свежие впечатления. Или потому, что лично мне это ничего не принесет. Я буду выступать за свою страну, за команду, в которой триста миллионов человек. Замкну круг. Когда-то мой отец был олимпийцем, и вот теперь - я.

Мы с Джилом планируем олимпийский режим, и я отдаю все силы тренировкам. Каждое утро занимаюсь по два часа, затем, в самые жаркие часы, бегаю вверх и вниз по «холму Джила». Мне нужна эта жара. Мне нужна эта боль.

После начала Игр газеты рвут меня на части за то, что я пропустил церемонию открытия. Между тем я приехал сюда за золотом, и мне необходима каждая частица энергии, вся способность к концентрации, на какую способен. Соревнования по теннису в этот раз в Стоун-Маунтин, в часе езды от центра города, где проходит церемония открытия Игр. Терпеть обычные для Джорджии в это время жару и влажность, потея в пиджаке и галстуке, ожидая несколько часов своей очереди, чтобы пройти по

стадиону, - и потом лететь в Стоун-Маунтин и демонстрировать там свою лучшую форму? Нет уж, увольте. Я был бы рад принять участие в этом пышном зрелище, насладиться олимпийским спектаклем - но не перед первым матчем. Именно игрой я докажу, что ставлю суть выше имиджа.

Как следует выспавшись, обыгрываю в первом раунде шведа Йонаса Бьоркмана. Во втором обхожу Кароля Кучеру из Словакии. В третьем мне достается соперник потруднее - итальянец Андреа Гауденци, демонстрирующий силовой стиль игры. Он наносит сокрушительные удары, а если соперник ведет себя по-джентельменски, начинает давить еще сильнее. Я не собираюсь быть предупредительным с итальянцем, но, увы, мяч не по-джентельменски ведет себя со мной. Я делаю все возможные ошибки. Прежде чем успеваю осознать, что происходит, проигрываю сет. Смотрю на Брэда. Что мне делать?

- Прекрати пропускать! - кричит тот.

Мудрый совет. Я прекращаю мазать по мячу, больше не пытаюсь подавать лишь победные мячи, усиливаю давление на Гауденци. Оказывается, все просто. Я выцарапываю победу: неловкую, но меня вполне устраивающую.

В четвертьфинале, во время матча с Феррейрой, я чуть было вновь не терплю поражение. Выигрывая в третьем сете 5-4, он подает решающий мяч. Ему еще не доводилось побеждать меня на корте, могу представить, что сейчас творится у него в голове. Я вспоминаю одну из отцовских фразочек: «Засунь ему в задницу уголек - обратно вытащишь бриллиант». (Круглый, огранка Тиффани.) Я знаю, что Феррейра трясется, как заяц, и это вселяет в меня уверенность. Навязываю обмен ударами, выигрываю подачу, а затем и матч.

В полуфинале встречаюсь с Линдером Паесом из Индии. Паес - прыгучий, как кузнечик, мощный сгусток кинетической энергии с самым быстрым ударом из всех, что я знаю. Вот только технике его никто не учил. Этот красавчик из Бомбея бьет медленно, предсказуемо, резко и чересчур высоко. Однако потом он выходит на сетку и играет столь ловко, что это спасает его. Через час ты уже понимаешь: этот парень, ни разу не ударив по мячу чисто, уверенно обыгрывает тебя. Я готов к этому, поэтому обыгрываю Паеса 7-6, 6-3.

В финале играю с испанцем Серхи Бругерой. Матч откладывают из- за грозы; синоптики утверждают, что мы сможем выйти на корт только через пять часов. Я жадно проглатываю сэндвич с цыпленком в специях из Wendy's. Удобная еда. В день матча я не думаю ни о калориях, ни о питательности. Волнуюсь лишь, хватит ли у меня энергии, не будет ли голод мешать игре.

Из-за нервов я редко испытываю голод в день матча, так что, если вдруг хочется есть, разрешаю себе есть все, что хочется. Однако стоит мне проглотить последний кусочек цыпленка, как тучи рассеиваются, гроза уходит, и на землю обрушивается жара. У меня в желудке болтается порция цыпленка со специями, а на корте тем временем уже больше 30 градусов, воздух густой, как подлива. Не могу двинуться с места, а ведь мне предстоит бороться за золото. Подобный желудочный дискомфорт - определенно слишком высокая цена за вкусную еду.

Но я не беспокоюсь. Джил спрашивает, как я себя чувствую, отвечаю: «Все о-кей. Буду бороться за каждый мяч, заставлю этого парня побегать. Если он собирался увезти золото к себе в Испанию, пусть выкинет эту мысль из головы».

«Вот это я понимаю, мой парень!» - с улыбкой шепчет мне на ухо Джил. Он утверждает, что впервые за долгое время в моих глазах нет страха, когда я выхожу на корт.

С первой подачи тесню Бругеру, заставляю носиться из угла в угол, прикрывая площадку размером с Барселону. Каждое выигранное мною очко для него - как пропущенный удар в корпус. В середине второго сета мы обмениваемся ударами. Он выигрывает очко и сравнивает счет. К следующей подаче готовится чересчур долго: я уже имею право жаловаться судье. По правилам я обязан это сделать, и судья, в свою очередь, должен вынести сопернику предупреждение. Вместо этого подхожу к мальчику, подающему мячи, беру полотенце и, улучив момент, шепчу Джилу:

- Ну, чем там занят наш приятель?

Джил улыбается. Можно даже сказать, что смеется, хотя он никогда не смеется, пока игра не окончена.

Бругера выигрывает очко, но мы с Джилом понимаем: одно выигранное очко будет стоить ему шести проигранных геймов.

- Вот он какой, мой мальчик! - кричит мне Джил.

ПОДНИМАЯСЬ НА ТРИБУНУ для награждения, пытаюсь представить себе, на что это будет похоже. Я столько раз видел эту церемонию по телевизору, - оправдает ли она мои ожидания? Или, как обычно, реальность окажется куда прозаичнее?

С одной стороны от меня - Паес, бронзовый призер, с другой - Бругера, завоевавший серебро. Моя ступень на тридцать сантиметров выше - один из немногих случаев, когда макушка Агасси возвышается над головами соперников. Сейчас, где бы ни стоял, я кажусь себе на три метра выше обычного. Мне на шею вешают золотую медаль. Играет национальный гимн. Чувствую, как колотится сердце, - и это чувство не имеет никакого отношения к теннису или ко мне лично. Это гораздо прекраснее,

чем я мог себе вообразить.

Высматриваю в толпе Джила, Брук, Брэда. Ищу глазами отца, но он где-то прячется. Накануне вечером он сказал, что, похоже, все-таки сумел меня кое-чему научить. И все же не хочет, чтобы его видели, потому что момент моего триумфа принадлежит лишь мне одному. Он не понимает: этот момент тем и прекрасен, что принадлежит всем.

ОДНАКО УЖЕ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ олимпийская лихорадка спадает. Почему - не могу понять. Я вновь на корте в Цинциннати и, кажется, схожу с ума. Играя исключительно за себя, в приступе гнева разбиваю ракетку. Тем не менее выигрываю турнир, это кажется смешным и усугубляет ощущение, что все, происходящее со мной, - лишь чья-то глупая шутка.

В августе, участвуя в чемпионате RCA в Индианаполисе, играю в первом раунде с Даниэлем Нестором, канадским сербом. Я уверенно веду. Но соперник отнимает подачу, и меня охватывает неожиданный приступ ярости. Ничего не могу поделать с этой вспышкой. Смотрю в небо и думаю, как хорошо было бы улететь отсюда. Раз уж мне это не дано, что ж, пусть летит хотя бы вот этот теннисный мяч. Лети на свободу, кругляш! Бью так, что мяч улетает поверх трибун за пределы стадиона.

Мне выносят предупреждение.

Судья на вышке, Дана Лаконто, объявляет в микрофон:

- Нарушение правил. Предупреждение. Немотивированная потеря мяча.

- Черт тебя побери, Дана.

Лаконто подзывает главного судью:

- Он только что сказал: «Черт тебя побери, Дана!»

Судья подходит ко мне:

- Вы действительно это сказали?

- Да.

- Матч закончен.

- Прекрасно. Черт бы побрал и вас тоже. И вашу судейскую бригаду.

На трибунах начинается бунт. Болельщики не слышат моих слов и

поэтому не понимают, что происходит. Они заплатили за билеты, а матч почему-то отменяют. Они топают ногами, поджигают сиденья, швыряют на корт бутылки с водой. Символ чемпионата - бультерьер Спадз Маккензи[32] - выскакивает на корт, уворачиваясь от бутылок и спинок кресел. Добежав до середины сетки, он пристраивается к ней и пускает струю.

Я с ним совершенно солидарен.

Пес радостно мчится с корта. Я бегу за ним, пригнув голову,

схватив сумку. Толпа беснуется, как в фильме о гладиаторах. На корт дождем сыплется мусор.

В раздевалке меня встречает Брэд:

- Слушай, что за…

- Они меня дисквалифицировали.

- За что?

- Я обозвал судью.

Брэд качает головой. Его семилетний сынишка Зак плачет из-за того, что люди вокруг так плохо обращаются с «дядей Андре», а Спадз Маккензи пописал на сетку. Я выпроваживаю обоих и остаюсь в раздевалке. Сижу там около часа, склонив голову. Вот такие дела. Еще один шаг вниз. Переживу. Мне так вполне удобно. Подножие скалы может быть весьма уютным, ведь ты, так или иначе, достиг финиша и тебе, наконец-то, никуда не надо идти.

Но, как выяснилось, это был не предел падения. Отправляюсь на Открытый чемпионат США 1996 года - и тут же оказываюсь втянутым в конфликт, связанный с посевом игроков. Кое-кто из участников жалуется, что организаторы относятся ко мне необъективно, что я специально был посеян выше, чем следует, лишь из-за того, что руководство турнира и CBS хотят видеть в финале меня и Сампраса. Австриец Мустер обзывает меня «примадонной». За это я с отдельным удовольствием выношу его волосатую задницу из четвертьфинала, продолжая держать обещание и выигрывать у Мустера каждый матч.

В полуфинале встречаюсь с Чангом. С нетерпением жду возможности расквитаться с ним за поражение, нанесенное мне несколько месяцев назад в Индиан-Уэллс. Это будет просто: Брэд утверждает, что карьера Чанга движется к закату. Обо мне говорят то же самое, но у меня есть золотая олимпийская медаль. Почти жалею, что не могу выйти в ней на игру. Однако Чангу плевать на мое олимпийское золото. Он подает шестнадцать мячей навылет, отыгрывает три брейк-пойнта, заставляет меня совершить сорок пять ошибок. Через семь лет после своей последней победы в турнире Большого шлема Чанг могуч, почти всесилен. Он победил, я повержен.

На следующее утро газеты смешивают меня с грязью. Я слил игру, поддался, не приложил ни малейшего усилия. Кажется, их разозлил мой проигрыш. Понятно почему: им лишний раз придется иметь дело с Чангом.

Я отказываюсь смотреть по телевизору финал, где Пит побеждает Чанга в трех сетах, но читаю о нем в газетах. Пресса, как о само собой разумеющемся, говорит о том, что Пит - лучший теннисист своего поколения.

В КОНЦЕ ГОДА ЛЕЧУ В МЮНХЕН. Болельщики освистывают меня изо всех сил. Проигрываю Марку Вудфорду, которого пару лет назад обыгрывал со счетом 6-0, 6-0. Брэда, кажется, скоро хватит удар. Он умоляет меня объяснить, в чем дело.

- Я не знаю.

- Скажи мне, парень. Признайся!

- Я бы сказал, если б знал.

Сходимся на том, что мне следует отдохнуть, пропустив Открытый чемпионат Австралии.

- Отправляйся домой, - говорит Брэд. - Отдохни. Побудь с невестой. Это лекарство отлично помогает, что бы у тебя ни болело.

20

МЫ С БРУК ПОКУПАЕМ ДОМ в Пасифик-Палисэйдз, Калифорния. Это совсем не то жилище, о котором я мечтал. Я всегда хотел просторный деревенский дом с запутанной планировкой и большой гостиной по соседству с кухней. Но Брук понравился именно этот - и вот мы живем в многоуровневой подделке под французскую сельскую архитектуру, прилепившейся к скале. В нем нет жизни, он кажется абсолютно стерильным: идеальный дом для семейной пары без детей, планирующей проводить все время в разных комнатах.

Агент по недвижимости разливался соловьем, расхваливая прекрасные пейзажи, открывающиеся из окон до самого горизонта. На переднем плане - панорама бульвара Сансет. Ночью из окна видно вывеску отеля Holiday Inn, в котором я останавливался после нашего первого свидания. Много ночей подряд смотрю на эту вывеску, размышляя, как сложилась бы жизнь, если бы я тогда притормозил, если бы не стал вновь звонить Брук. В конце концов решаю, что вид из наших окон значительно выигрывает, когда на город опускается туман или смог, скрывающий от глаз вывеску с названием отеля.

В конце 1996 года мы устраиваем вечеринку одновременно по поводу новоселья и Нового года, приглашаем в гости всю мою компанию из Вегаса и голливудских друзей Брук. Вопросами безопасности занимается Джил. После очередной порции писем с угрозами мы вынуждены предпринимать особые меры против нежелательных гостей, поэтому он весь вечер стоит на подъездной дорожке, сканируя каждого гостя. Приезжает Макинрой, и я все время подначиваю его, предполагая, что Джил пропустил его по недосмотру. Он сидит на террасе и разглагольствует о теннисе. Вряд ли какая-нибудь тема в эти дни

способна вызвать во мне меньше энтузиазма, так что я постоянно отлучаюсь. Провожу вечер возле камина, смешивая коктейль «Маргарита», глядя, как Джей Пи играет металлическими щетками на барабанах на манер Бадди Рича[33]. Я поддерживаю огонь, подкладываю ветки, уставившись в самое сердце пламени. Обещаю себе, что 1997-й будет лучше, чем 1996-й.

МЫ С БРУК СИДИМ на церемонии «Золотой глобус», когда раздается звонок от Джила. С его двенадцатилетней дочерью Касси случилось не-счастье. Она каталась на санках на горе Чарльстон, в часе к северу от Вегаса, куда отправилась на прогулку вместе с членами церковной общины. Санки въехали в ледяную глыбу. У Касси - перелом шейных позвонков. Бросив Брук, тут же лечу в Вегас, прибегаю в госпиталь прямо в смокинге. Встречаю Джил и Гей в холле - кажется, они с трудом держатся на ногах. Мы обнимаемся. Они говорят, что все очень плохо. Касси необходима операция. Врачи утверждают, что ее может парализовать.

Мы проводим в госпитале целые дни, общаясь с врачами и стараясь сделать для Касси все возможное. Джилу давно уже надо поехать домой и поспать, он едва держится на ногах, но не уходит: останется на своем посту, рядом с дочерью. Но у меня ведь есть огромный навороченный минивэн, купленный когда-то у отца Перри, со спутниковой тарелкой и выдвижной кроватью! Подвожу его прямо к стенам госпиталя, паркую у главного входа и показываю Джилу. Теперь, когда часы посещений заканчиваются, ему не придется ехать домой: достаточно спуститься вниз, в минивэн, где можно без помех вздремнуть в салоне. А поскольку стоянка возле госпиталя стоит денег, я набил держатели для чашек в салоне двадцатипятицентовиками для парковочных автоматов.

Джил бросает на меня странный взгляд, и я понимаю: впервые мы с ним поменялись ролями. Эти несколько дней мне предстоит помогать ему чувствовать себя сильнее.

КАССИ ВЫПИСЫВАЮТ через неделю. Врачи утверждают, что она вне опасности. Операция прошла удачно, и очень скоро девочка встанет на ноги. Тем не менее я сам собираюсь отвезти ее домой и остаться в Вегасе, чтобы понаблюдать за ее выздоровлением.

Джил не хочет даже слышать об этом. Он знает, что я должен лететь в Сан-Хосе. Объясняю, что собираюсь сняться с турнира.

- Ни в коем случае, - объясняет Джил. - Сейчас нам остается только одно - ждать и молиться. Я позвоню тебе, как только появятся новости. Поезжай. Играй.

Я никогда не спорил с Джилом, не собираюсь начинать и

сейчас. Безо всякой охоты отправляюсь в Сан-Хосе, чтобы выйти на корт - впервые за три месяца. Мой соперник - Марк Ноулз, однокашник по академии Боллетьери. Всю жизнь играя в парном разряде, теперь он пытается переквалифицироваться в одиночники. Он неплохой спортсмен, но победа над ним должна даться мне без труда. Я знаю его манеру игры лучше, чем он сам. И все-таки мы добираемся до третьего сета. И хотя в итоге побеждаю, это отнюдь не легкая победа, что раздражает меня до край-ности. Я продираюсь сквозь турнирную таблицу, и, кажется, мне не из-бежать встречи с Питом. Но в полуфинале проигрываю Грегу Руседски из Канады. Мысленно я уже в Вегасе.

СИЖУ В СВОЕМ ХОЛОСТЯЦКОМ ЛОГОВЕ и смотрю телевизор. Рядом Слим, мой ассистент. Я в дурном настроении. Касси никак не поправится, и врачи не могут выяснить причину. Джил на грани срыва. Между тем на горизонте все отчетливее маячит день моей свадьбы. Я все время думаю о том, как отложить ее, а то и вовсе отменить, но не могу придумать ничего путного.

Слим тоже нервничает. Недавно на свидании с подружкой у него порвался презерватив, а теперь у нее задержка. Во время рекламной паузы он встает и решительно объявляет, что у него есть лишь один выход - обдолбаться в хлам.

- Не хочешь составить компанию? - спрашивает он.

- А чем?

- Гэком.

- Что это за ерунда?

- Метамфетамин.

- А почему - гэк?

- Потому что под этой дурью ты будешь издавать определенный звук. Мысли бегут так быстро, что ты успеваешь лишь произносить - гэк, гэк, гэк.

- Со мной такое постоянно и без дури. А что за ощущения от него?

- Почувствуешь себя суперменом, чувак, говорю тебе.

Слышу, как будто кто-то другой, кто-то, стоящий прямо за моим плечом произносит:

- А что? Давай закинемся.

Слим высыпает на кофейный столик небольшую горку порошка, отделяет немного, втягивает в ноздрю. Затем готовит следующую порцию. Я вдыхаю порошок, откидываюсь на кровать и думаю о рубиконе, который только что перешел. На секунду испытываю сожаление, но оно тут же тонет в безбрежном океане грусти. Вдруг на меня накатывает волна эйфории, смывающая все неприятные мысли - нынешние и прошлые. Это - как укол

кортизона, впрыснутый в подкорку. Я никогда еще не чувствовал себя таким оживленным и полным надежд, и меня еще никогда так не переполняла энергия. Страшно хочется заняться уборкой. Я отдраиваю до блеска весь дом, сверху донизу. Вытираю пыль с мебели. Чищу ванну. Застилаю постели и мою полы. Когда дом отдраен до блеска, затеваю стирку. Перестирав все белье и тщательно сложив каждый свитер и футболку, я все еще чувствую себя переполненным энергией. Не хочу сидеть на месте. Если бы у меня было столовое серебро, я бы отчистил его, нашелся бы огромный кувшин, полный монет, завернул бы каждую из них в отдельную бумажку. Пытаюсь найти Слима и обнаруживаю его в гараже: он разбирает и вновь собирает двигатель своей машины. «Эй, чувак, - говорю ему,- я могу сейчас сделать все что утодно! Могу сесть в машину, доехать до Палм-Спрингз, сыграть в гольф на поле в 18 лунок, затем вернуться, приготовить обед и отправиться в бассейн».

Не сплю два дня, а когда все-таки засыпаю - то как убитый.

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ спустя играю против Скотта Дрейпера. Левша, талантливый теннисист, он выступает неплохо, но в прошлом я всегда побеждал его. По идее, у меня не должно возникнуть проблем и сейчас. И все-таки он без труда берет надо мной верх. Сегодня я настолько далек от победы, что начинаю сомневаться: неужели я мог побеждать его? Неужели еще совсем недавно я играл настолько лучше? Скотт превосходит меня в каждом моменте матча.

После игры журналисты спрашивают, все ли со мной в порядке. Они не обвиняют, не придираются. Говорят со мной, как Перри и Брэд: с искренней озабоченностью, пытаясь разобраться, что все-таки происходит.

А вот Брук это совсем не волнует. Теперь я постоянно проигрываю - за исключением тех случаев, когда вообще не являюсь на турнир, - а она лишь повторяет, что рада видеть меня около себя. К тому же, когда я стал играть реже, чем раньше, она заявила, что я гораздо реже впадаю в угрюмое настроение.

Ее безразличие отчасти связано со свадебными приготовлениями, но еще больше - с ее строгим предсвадебным режимом тренировок. Она работает с Джилом, чтобы выглядеть в свадебном платье как можно лучше. Она бегает, поднимает тяжести, растягивается, считает каждую калорию. Для дополнительной мотивации наклеила на дверцу холодильника фото, снабдив его волшебной рамкой в форме сердечка. Она говорит, что на снимке - идеальная женщина с идеальными ногами, именно такими, какие хотела бы иметь Брук.

Я смотрю на фото в изумлении, затем, протянув руку, трогаю

рамку.

- Это?..

- Да, - кивает Брук. - Штефи Граф.

В АПРЕЛЕ играю за Кубок Дэвиса, с нетерпением ожидая приступа вдохновения. Я много работаю, много тренируюсь. Наш противник - Нидерланды. Мой личный противник - Сьенг Схалкен, спортсмен ростом метр девяносто пять. По его подаче, однако, можно сделать ошибочный вывод, что он никак не выше метра. Тем не менее он хорошо работает с мячом. К тому же Схалкен, как и я, - агрессор: он предпочитает играть от задней линии, стараясь загнать противника до смерти. Я уверен в себе. Погода удивляет: день солнечный, но ветреный. Голландцы в деревянных ботинках размахивают тюльпанами. Обыгрываю Схалкена в трех утомительных сетах.

Через несколько дней играю с Яном Симеринком по прозвищу Мусорщик. Симеринк - левша, он отлично бьет слета, быстро перемещается под сетку и надежно ее обороняет. Это, однако, единственные комплименты, которые можно сказать о его игре, в целом неумелой и комичной. Пытаясь ударить справа, он постоянно промахивается, а удары слева получаются откровенно слабыми. Его подача ниже всякой критики. Одно слово - Мусорщик. Начинаю матч уверенно, но вскоре обнаруживаю, что слабость моего соперника сама по себе - мощное оружие. Его беспомощные удары все время держат в напряжении. Ты не можешь предугадать его действия, рассчитать время. Через два часа игры у меня гудят ноги, сбивается дыхание, раскалывается голова. К тому же я проигрываю два сета. Еле ухитряюсь победить в матче. Теперь на играх Кубка Дэвиса у меня на 24 победы приходится лишь 4 поражения - рекорд среди американских спортсменов. Пресса превозносит мое достижение, недоумевая, почему я не могу поддерживать тот же уровень и в других играх. Похвалы эти, конечно, весьма условны, но меня они греют.

Увы, Кубок Дэвиса внес свои коррективы в мой график: пришлось пропустить маникюр. Брук дала мне множество указаний, касающихся подготовки к свадьбе, и одним из строжайших ее требований было привести ногти в порядок. Грызть пальцы на нервной почве - одна из давних моих привычек. Но Брук хочет, чтобы, когда она будет надевать на мою руку обручальное кольцо, пальцы выглядели идеально. Я не успеваю закончить маникюр до матча с Мусорщиком, поэтому возвращаюсь к нему после игры. Сижу в кресле напротив маникюрши, глядя, как она колдует над моими кутикулами, и говорю себе, что эта картина куда глупее и пошлее нашей игры с Симеринком.

«Это и есть настоящий мусор», - думаю я.

19 АПРЕЛЯ 1997 Г ОДА мы с Брук вступаем в брак под стрекот лопастей четырех вертолетов: они кружат над нашими головами, под завязку набитые папарацци. Церемония проходит в Монтерее, в маленькой церкви. В помещении стоит невыносимая духота. Я готов отдать все на свете за глоток свежего воздуха, но окна остаются наглухо закрытыми, иначе шум вертолетов помешает таинству.

Я обливаюсь потом не только из-за жары. Главная причина в том, что мое тело и нервы напряжены до предела. Под монотонное бормотание священника пот капает у меня с бровей, подбородка, ушей. Все глядят на меня: гости тоже потеют, но не до такой степени. Мой новый смокинг Dunhill уже насквозь промок. Даже туфли хлюпают при ходьбе. Для церемонии мне подобрали обувь на высокой платформе - еще одно требование Брук. Ее рост метр восемьдесят два, и она не желает возвышаться надо мной на свадебных фотографиях, поэтому на ней старомодные бальные туфли на низком каблуке, я же чувствую себя как на ходулях.

Перед тем как нам выйти из церкви, ее покидает «фальшивая невеста» - подсадная утка, которая должна, изображая Брук, увести за собой папарацци. Впервые услышав об этом плане, я был категорически против. Сейчас, видя, как уезжает наша фальшивая Брук, ловлю себя на мысли, недостойной едва женившегося мужчины: я хочу уехать вместе с ней. Было бы здорово, если бы какой-нибудь подсадной жених мог занять мое место.

Нас ожидает конный экипаж, чтобы доставить на ранчо Стоунпайн, где пройдет торжественный прием. Однако к экипажу мы едем на автомобиле. Я сижу рядом с Брук, уставившись в пол, подавленный внезапным истерическим приступом потливости. Брук говорит, что в этом нет ничего страшного. Она пытается меня утешить, но ничего не выходит. Все идет не так.

Зал, где проходит прием, встречает нас оглушительным шумом. Передо мной плывет карусель знакомых лиц - Фили, Джил, Джей Пи, Брэд, Слим, мои родители. Тут же какие-то знаменитости, с которыми я не знаком и никогда не встречался. Друзья Брук? Друзья ее друзей? Какие- то артисты из «Друзей»? Я ловлю взглядом Перри, добровольно назначившего себя на должность свадебного распорядителя. Вооружившись наушниками с микрофоном, он постоянно остается на связи с фотографами, флористами, официантами. Он кажется таким напряженным и занятым, что его вид заставляет меня нервничать еще сильнее, хотя это едва ли возможно.

В конце вечера мы с Брук уходим в номер для молодоженов, который по моему указанию украшен сотнями свечей. Их слишком много, комната напоминает духовку. Я снова обливаюсь потом. Мы начинаем гасить свечи - и тут срабатывает датчик дыма. Быстро отключаем его и открываем окно. Пока комната проветривается, возвращаемся в ресторан и проводим нашу первую брачную ночь, поедая шоколадный мусс вместе с припозднившимися гостями.

На следующий день торжественно прибываем на пикник для членов семьи и друзей. По желанию Брук мы - в ковбойских шляпах и джинсовых рубашках - приезжаем на празднество на лошадях. Мою зовут Сахарок. Ее печально блестящие глаза напоминают о Пичез. Гости окружают, пытаются втянуть в разговор, поздравляют, хлопают по спине, а мне хочется лишь поскорее сбежать отсюда. Большую часть вечеринки провожу со Скайлером - моим племянником, сыном Риты и Панчо. Вооружившись луком и стрелами, мы азартно стреляем, целясь в ствол дальнего дуба. Натягивая тетиву, я вдруг чувствую резкую боль в запястье.

ПРОПУСКАЮ ОТКРЫТЫЙ ЧЕМПИОНАТ Франции 1997 года. Из всех покрытий грунт наиболее опасен для больной руки. У меня нет никаких шансов продержаться пять сетов против спецов по грунтовым покрытиям, изо всех сил тренировавшихся на кортах этого типа, пока я делал маникюр и разъезжал на Сахарке.

Тем не менее собираюсь на Уимблдон. Брук получила роль в Англии, значит, она сможет отправиться со мной. Сменить обстановку - не такая уж плохая идея. Это будет первая наша поездка в качестве супругов - и, слава Богу, не на остров.

Хотя, если разобраться, Великобритания - тоже остров.

В Лондоне мы прекрасно проводим несколько вечеров: ужины с друзьями, экспериментальный театр, прогулки вдоль Темзы. Звезды обещают мне неплохой турнир. Но, задумавшись, решаю, что лучше было бы прыгнуть в Темзу - привыкнув к безделью, я не могу заставить себя тренироваться.

Сообщаю Брэду и Джилу, что снимаюсь с турнира, потому что чувствую себя в ловушке.

- В какой еще ловушке, черт побери? - вскипает Брэд.

- Я играл в эту игру по множеству причин, и ни одна из них, похоже, не имела отношения ко мне лично, - отвечаю я.

Эти слова вырываются из меня помимо воли, как действия той ночью со Слимом. Но в них, кажется, скрыта истина, которая оказывается настолько важной, что я записываю невзначай сказанную фразу, чтобы затем повторить ее перед репортерами. И перед зеркалом.

Снявшись с турнира, я остаюсь в Лондоне, ожидая, пока у Брук закончатся съемки. Как-то вечером мы в компании ее друзей-актеров отправляемся во всемирно известный ресторан Ivy, который Брук не терпится посетить. В ресторане компания оживленно болтает, лишь я, пристроившись в конце стола, молча налегаю на еду. Я ем, как в послед-ний раз: заказываю пять блюд, а потом запихиваю в себя три порции вязкого пудинга со вкусом ирисок.

Одна из актрис замечает, сколько еды исчезает на моем конце стола. Смотрит на меня с беспокойством:

- Ты всегда так ешь? - спрашивает она.

Я ИГРАЮ В ВАШИНГТОНЕ, мой противник - Флэч. Брэд призывает отомстить ему за прошлогоднее поражение на Уимблдоне, но меня эта идея не вдохновляет. Мстить? Опять? Кажется, мы уже это проходили. Мне жаль, что Брэд, ослепленный своей «бредософией», не в состоянии понять мои чувства. Он что, думает, что он - Брук?

Я, разумеется, проигрываю Флэчу, после чего заявляю Брэду: все, я закрываю лавочку до конца лета.

- На все лето? - недоумевает тот.

- Увидимся осенью.

Брук живет в Лос-Анджелесе, я большую часть времени провожу в Вегасе. Слим тоже там, и мы постоянно закидываемся метамфетаминами. Мне приятно чувствовать себя счастливым, полным энергии, удачно выбравшимся из душной ловушки. Мне нравится вдохновение, пусть и вызванное химией. Я не сплю несколько ночей подряд, наслаждаясь тишиной. Никто не звонит, не шлет факсы, не беспокоит. Можно спокойно бродить по дому, раскладывать по местам выстиранное белье и размышлять.

- Я хочу избавиться от пустоты, - говорю Слиму.

- Да, - отвечает тот. - Понимаю.

Помимо прочих радостей химии, я испытываю откровенное наслаждение от саморазрушения, от сокращения собственной карьеры. Десятилетиями я предавался мазохизму как любитель и вот теперь пытаюсь выйти на серьезный профессиональный уровень.

Физические последствия, однако, чудовищны. После двух суток под наркотой, без минуты сна, я похож на зомби. У меня еще хватает нахальства недоумевать, почему мне так плохо: я же спортсмен! Мое тело должно справляться с такими нагрузками! Вот Слим постоянно под наркотой, а чувствует себя прекрасно.

Между тем Слима невозможно узнать. И дело здесь не только в наркотиках. Его всегда до дрожи пугала перспектива стать отцом, и вот однажды ночью он звонит мне из больницы и

сообщает: это все-таки произошло.

- Что именно?

- Она родила. На несколько месяцев раньше срока. Мальчика. Андре, он весит меньше килограмма. Доктора не знают, выживет ли он.

Я лечу в больницу Санрайз, где мы со Слимом когда-то появились на свет с разницей в двадцать четыре часа. Смотрю сквозь стекло на этого ребенка, едва достигающего размера моей ладони. Доктора говорят нам, что он очень слаб. Ему будут вводить антибиотики.

Наутро врачи сообщают: от антибиотиков пришлось отказаться. Лекарство вводили ребенку в ногу, и она воспалилась. Кроме того, он не в состоянии самостоятельно дышать, его надо держать на искусственной вентиляции легких. Это очень рискованно. Врачи считают, что легкие у ребенка недостаточно развиты для того, чтобы использовать аппарат ИВЛ. Но без аппарата мальчик умрет.

Слим молчит.

- Делайте все, что считаете нужным, - говорю я врачам.

Как и боялись медики, через несколько часов у ребенка отказывает одно легкое. Затем второе. Теперь ясно, что легкие ребенка не в состоянии вынести искусственную вентиляцию. Но жить без нее он не сможет. Они не знают, что делать.

Остается единственная надежда - аппаратура, которая может делать ту же работу, что и аппарат ИВЛ, не повреждая легкие. Она пропускает через себя кровь младенца, насыщая ее кислородом. Но ближайший подобный аппарат - в Фениксе.

Я заказываю медицинский самолет. Бригада врачей и медсестер отсоединяет младенца от аппарата ИВЛ и бережно, как хрупкое яйцо, несет на вертолетную площадку. Слим, его подруга и я летим другим самолетом. Медсестра дает нам номер телефона: приземлившись, мы сможем узнать по нему, пережил ли ребенок перелет.

Едва колеса нашего самолета касаются земли, я, сделав глубокий вдох, набираю номер:

- Он?..

- Он жив. Сейчас начнем подключать к аппаратуре.

В госпитале сидим и ждем. Стрелки часов, кажется, замерли. Слим безостановочно курит. Его подруга тихо плачет, невидяще глядя в журнал. Я отлучаюсь на минуту, чтобы позвонить Джилу. Он сообщает, что дела у Касси не очень хороши, она страдает от постоянных болей. Голос Джила в трубке похож на голос Слима.

Возвращаюсь в зал. Появляется врач, стаскивает с лица маску. Я не уверен, что смогу вынести еще одну плохую новость.

Доктор говорит, что ребенка благополучно подключили к аппаратуре. Пока все идет нормально. Все решится в ближайшие шесть месяцев.

Я снимаю для Слима и его подруги дом рядом с госпиталем. Затем лечу обратно в Лос-Анджелес. Наверное, следовало бы поспать во время полета, но я сижу, уставившись в спинку впереди стоящего кресла, и думаю о том, как хрупка наша жизнь. Все решится в ближайшие шесть месяцев. К кому из нас не относится эта пугающая фраза?..

Дома на кухне рассказываю Брук эту грустную, пугающую и чудесную историю. Она поражена - и озадачена.

- Как ты смог принять все это так близко к сердцу? - спрашивает она.

А как я мог не сделать этого?

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ СПУСТЯ Брэд уговаривает меня ненадолго вернуться к спорту и принять участие в чемпионате АТП[34] в Цинциннати. Я встречаюсь с бразильцем Густаво Куэртеном. Он разбивает меня наголову за сорок шесть минут. Это мое третье подряд поражение в первом круге. Галликсон[35] объявляет о моем исключении из команды Кубка Дэвиса. Я один из лучших американских игроков за историю этих соревнований, и все же я не обвиняю его. Что тут скажешь?

На Открытый чемпионат США 1997 года приезжаю несеяным - впервые за три года. Хожу повсюду в персиковой рубашке, и в торговых палатках их тут же начинают разбирать, как горячие пирожки. Удивительно: люди все еще хотят одеваться, как я. Интересно, давно ли они смотрели на меня внимательно?

Дохожу до одной шестнадцатой, где встречаюсь с Рафтером, играющим свой лучший сезон. Он добирался до полуфинала Открытого чемпионата Франции, и на текущем турнире Рафтер - мой личный фаворит. Он отлично подает и бьет с лета, чем-то напоминает Сампраса. Однако мне всегда казалось, что наша конкуренция с Рафтером была бы более эстетически совершенной: он постоянен. Пит может отвратительно играть тридцать восемь минут, а затем за одну яркую минуту выиграть сет. Рафтер играет хорошо все время. Его рост - сто восемьдесят восемь сантиметров, у него низко расположенный центр тяжести, поэтому он может маневрировать резко, как спортивное авто. Рафтер один из наиболее сложных соперников на этом турнире: его тяжело обойти, но еще труднее ненавидеть. Он умеет достойно побеждать и достойно проигрывать. Сегодня он побеждает, по-джентльменски жмет мне руку у сетки и улыбается; в его улыбке чувствуется жалость.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ предстоит играть в Штутгарте. Мне бы

следовало посидеть тихо, отдохнуть и потренироваться, но вместо этого я еду в Северную Каролину, в маленький городок Маунт-Плезант. Это из-за Брук. Она приятельствует с актером Дэвидом Стрикландом, играющим в ее новом сериале «Неожиданная Сьюзан», а Дэвид едет в Северную Каролину, чтобы отпраздновать день рождения с семьей. Брук решила, что стоит составить ему компанию. По ее мнению, нам не помешает съездить в деревню, подышать свежим воздухом, и я не успеваю придумать причину для отказа.

Маунт-Плезант - забавный типично южный городок. Однако, хотя его название и означает «приятная гора», вокруг не видно ни одной горы, только холмы. Да и приятного здесь немного. Дом Стрикланда - комфортабельный, со старинными деревянными полами, мягкими постелями; он полон теплого, обволакивающего запаха корицы и домашних пирогов. Однако каким-то невероятным образом дом оказался стоящим на самом краю поля для гольфа, которое заканчивается в восемнадцати метрах от задней двери. Поэтому я все время вынужден наблюдать, как кто-нибудь старается загнать мяч в лунку. Хозяйка дома, бабушка Стрикланд, - пышногрудая, с крепкими и румяными, как яблоки, щеками, как будто только что сошла с картинки, изображающей владелицу типичного сельского жилища. Бабуля вечно стоит у плиты, выпекая пироги или помешивая очередную порцию паэльи. Конечно, такую еду не назовешь подходящей для спортсмена, однако я каждый раз съедаю полную тарелку и прошу добавки.

Брук на седьмом небе от счастья. Отчасти я ее понимаю. Дом окружают волнистые холмы, старые деревья, листья которых уже окрасились в девять оттенков оранжевого, и, кроме того, ей нравится Дэвид. У них есть свой язык, состоящий из шуток, понятных лишь им двоим, и добродушных подначек. Время от времени они перевоплощаются в своих персонажей и разыгрывают экспромтом какую- нибудь сцену, после чего хохочут до хрипоты. Потом торопятся объяснить мне, что именно сейчас делали, о чем говорили, стараясь, чтобы я не чувствовал себя брошенным. Но этих слов слишком мало и они всегда опаздывают. Здесь я - пятое колесо в телеге.

Вечером становится прохладнее. Стылый воздух пахнет соснами и землей, навевая на меня грусть. Я стою на заднем дворе, глядя на звезды, думая: что со мной не так? почему этот завораживающий пейзаж не радует меня? Вспоминаю момент, когда мы с Фили много лет назад решили, что мне пора уходить из спорта. Как раз тогда мне позвонили с предложением сыграть здесь, в Северной Каролине. Остальное - уже история. Но до сих

пор я спрашиваю себя: а что, если бы?..

Решаю, что мне пора впрягаться в работу. Работа, как всегда, даст ответы на все вопросы. Кроме того, через несколько дней - турнир в Штутгарте. Было бы неплохо победить. Я звоню Брэду, и тот находит для тренировок корт неподалеку, всего в часе езды. Он добывает для меня спарринг-партнера - молодого парня, любителя тенниса, которому нечем заняться, кроме как каждый день стучать со мной по мячам. Ранним туманным утром еду в сторону Голубого хребта на встречу с ним. Я благодарю его за то, что уделил мне время, и слышу в ответ, что благодарить меня следует ему:

- Для меня это честь, мистер Агасси.

Чувствую себя преисполненным добродетели: даже здесь, в этом медвежьем углу, я не забываю о деле. Начинаем тренировку. Мы находимся высоко над уровнем моря, здесь мяч летит в самых непредска-зуемых направлениях, презирая законы гравитации. Совершенно бессмысленное занятие, подобное игре в невесомости.

А затем мой партнер повреждает себе плечо.

Следующие пару дней я провожу, поедая паэлью и отчаянно скучая. Когда мне становится настолько скучно, что, кажется, готов разбить голову о сосну, отправляюсь на курсы гольфа и развлекаюсь, пытаясь попасть в лунку прямо с крыльца.

Наконец, пора уезжать. Я целую на прощание Брук и бабушку Стрикланд и обнаруживаю, что оба поцелуя одинаково бесстрастны. Лечу в Майами, где пересаживаюсь на прямой рейс в Штутгарт. И кого же я вижу перед самой посадкой в самолет? Конечно, Пита! Как обычно. Он выглядит так, как будто весь последний месяц только и делал, что тренировался, а в свободное время лежал на койке в пустой камере, мечтая о победе надо мной. Сампрас кажется отдохнувшим и сконцентрированным, его ничто не способно отвлечь от намеченной цели. До этого я полагал, что наши с Питом различия слишком сильно раздуты прессой. Это казалось чрезвычайно удобной идеей: ведь для болельщиков, для Nike, для тенниса в целом было важно, чтобы мы с Питом оказались полными противоположностями, эдакими теннисными Yankees и Red Sox[36]. Игрок, обладающий лучшей подачей, против того, кто лучше всех отбивает чужие подачи. Застенчивый калифорниец против нахального уроженца Вегаса. Мне это казалось чушью. Или, используя любимое словечко Пита, нонсенсом. Но сейчас, пока мы с ним ведем светскую беседу у выхода на посадку, пропасть между нами вдруг кажется пугающе огромной, словно расстояние между добром и злом. Я часто говорил Брэду, что теннис занимает непропорционально большое

место в жизни Пита и чересчур незначительное - в моей. Однако, похоже, у Пита с пропорцией все в порядке. Теннис - его работа, и он выполняет ее вдохновенно и истово, тогда как все мои разговоры о жизни помимо тенниса так и остаются болтовней, удобным способом найти оправдание своим слабостям. Впервые за годы нашего знакомства, за все то время, что я удивляюсь его поступкам, начинаю завидовать его безмятежности. Хотелось бы мне столь же легко обходиться без вдохновения и столь же естественно не испытывать в нем потребности.

В ШТУТГАРТЕ проигрываю Мартину в первом круге. Брэд увозит меня со стадиона. В подобном настроении я его еще не видел. Он смотрит на меня с изумлением, грустью и, подобно Рафтеру, с жалостью. В отеле приглашает к себе в комнату.

Он лезет в мини-бар, извлекает оттуда две бутылки пива, даже не смотрит на этикетки. Его совершенно не смущает, что это немецкое пиво. Уж если Брэд пьет немецкое пиво, не замечая этого и не жалуясь, это неспроста.

На Брэде джинсы и черная водолазка. Он мрачен, суров - и я впервые замечаю, как он постарел.

- Андре, нам нужно принять важное решение, и мы сделаем это, прежде чем выйдем из комнаты.

- В чем дело, Брэд?

- Так не может больше продолжаться. Ты достоин большего. Ты был когда-то гораздо лучше. Пора покончить со всем этим - или начать все заново. Но ты не должен портить себе жизнь, как сейчас.

- Что?..

- Дай мне закончить. Ты еще можешь играть и выигрывать. По крайней мере, я так считаю. У нас есть шанс дождаться хороших времен. Но ты обязан полностью пересмотреть свою игру. Вернуться к истокам. Ты должен отказаться от турниров, перегруппироваться. С самого начала.

Если Брэд заявляет, что мне не надо участвовать в турнирах, это и правда серьезно.

- Вот что, - продолжает он. - Ты должен начать тренироваться так, будто не тренировался многие годы. Из последних сил. Пора привести в порядок тело и разум. Начни с самого низкого уровня. С партнеров, которые и помыслить не могли о том, чтобы когда-нибудь сыграть с тобой. Начни играть с ними.

Он замолкает, делает большой глоток пива. Я молчу. Мы на распутье и, кажется, шли сюда уже много месяцев. Или лет? Смотрю в окно, на автомобили, несущиеся мимо. Я ненавижу теннис больше всего на свете. Хотя… еще больше ненавижу самого себя. «Ну и что, что ты ненавидишь теннис? - говорю себе.

- Кого это волнует? В мире миллионы людей, которые ненавидят свою работу, - и все же они выполняют ее, чтобы обеспечить себя. Наверное, можно делать то, что ненавидишь, качественно, с удовольствием? Пожалуйста, кто тебе запретит ненавидеть теннис? Но ты должен уважать его. А заодно и себя».

- Хорошо Брэд, - произношу я. - Я не готов к тому, чтобы все бросить. Я твой. Говори, что делать, - все выполню.

МЕНЯЙСЯ.Пора меняться, Андре. Так больше не может продолжаться. Меняйся, меняйся, меняйся. Я говорю себе это слово каждый день по несколько раз, когда мажу маслом тост или чищу зубы. Оно не звучит угрожающе, скорее, наоборот, успокаивает. Мысль о том, что я должен стать совершенно другим, помогает сосредоточиться на главном. В этот раз меня не терзают мучительные сомнения, сопровождавшие раньше любую попытку заняться собственными проблемами. Теперь я не потерплю неудачи. Я не имею на это права: изменюсь сейчас - или никогда. Одна лишь мысль о том, чтобы остаться в своем нынешнем состоянии, быть именно таким Андре Агасси до конца своей жизни, заставляет меня краснеть от стыда.

И все же даже лучшим нашим намерениям, бывает, мешают внешние силы, которые мы сами когда-то вызвали к жизни. Наши решения, особенно неудачные, создают импульсы, а неожиданно сильный импульс бывает дико сложно погасить - об этом знает любой спортсмен. Даже если мы поклялись измениться, сожалеем о допущенных ошибках и стремимся искупить их, силы из прошлого продолжают толкать нас по неверному пути. Именно эти импульсы правят миром. Именно они придерживают нас за локоть: мол, подожди, не спеши, мы же еще здесь не закончили!.. Как любит говорить один мой друг, цитируя какую-то древнегреческую поэму, «вечные боги не так-то легко меняют решенья»[37].

Через несколько недель после Штутгарта иду по аэропорту Ла Гвардия. Звонит телефон: в трубке слышен грубый мужской голос, в котором, кажется, звучит неодобрение. Голос власти. Он представляется врачом, работающим с АТП (эти буквы вроде означают «Ассоциация теннисистов-профессионалов», думаю я). В его интонациях мне чудится знак катастрофы - он как будто собрался сообщить о моей смерти. Как выясняется, я недалек от истины. Этот врач проводил анализ моей мочи во время последнего турнира.

- Я должен сообщить вам, - заявляет мой собеседник, - что вы не прошли стандартный тест АТП на наркотики. В предоставленном вами образце мочи обнаружены следовые количества кристаллического метилена.

Я падаю в кресло в зале выдачи багажа, сдергиваю с плеча рюкзак и роняю его на пол.

- Мистер Агасси?

- Да, я слушаю. И что теперь?

- Существует стандартная процедура. Вам следует написать

письмо в Ассоциацию, в котором вы признаете свою вину или заявите о своей невиновности.

- Гм.

- Вы знали, что существует вероятность обнаружения наркотика в ваших анализах?

- Да. Да, я знал об этом.

- В этом случае в письме вы должны объяснить, как это получилось.

- И что потом?

- Потом ваше письмо будет рассмотрено на комиссии.

- И?..

- Если вы сознательно употребляли наркотики, то есть, если вас при-знают виновным в этом, вы будете подвергнуты дисциплинарному наказанию.

- Какому именно?

Мой собеседник напоминает, что в теннисе существует три вида проступков, связанных с употреблением химических веществ. Самый серьезный проступок - употребление допинга, это влечет за собой дисквалификацию на два года. Однако, добавляет он, кристаллический метилен явно принадлежит к другой группе - наркотикам, которые употребляют ради удовольствия, к так называемым веществам, изменяющим сознание.

- И что мне за это грозит? - спрашиваю я.

- Дисквалификация на три месяца.

- Что сделать, когда я напишу письмо?

- Я сообщу вам, по какому адресу его направить. Вам есть на чем записать?

Нашариваю в рюкзаке ноутбук. Собеседник сообщает мне точный адрес и индекс, я все тщательно записываю, ошарашенный новостью, но вовсе не собираясь писать письмо.

Доктор произносит еще несколько слов, которые проплывают мимо моего сознания. Поблагодарив его, вешаю трубку. С трудом выбравшись из аэропорта, подзываю такси. Сидя на заднем сиденье, невидяще глядя в грязное окно, произношу в затылок водителю:

- Так много придется менять…

Я еду прямиком в пустой особняк Брук. К счастью, она в Лос-Анджелесе: я никогда не умел скрывать от нее эмоции, пришлось бы сообщить ей все сразу, а сейчас это ни к чему. Падаю на постель и отключаюсь. Проснувшись через час, первым делом думаю, что мне приснился кошмар. Однако через несколько минут осознаю: все это было на самом деле. Телефонный звонок, врач и метамфетамин - реальность.

Мое имя, моя карьера - теперь все это стоит на кону, брошено

на игровой стол, за которым никто никогда не выигрывал. Все, чего я достиг, ради чего работал, скоро может обратиться в ничто. Мое недовольство теннисом всегда отчасти было связано с представлением об этой игре как о чем-то бессмысленном. Что ж, теперь все, чего я достиг, и вправду обессмыслится.

И поделом!

Лежу без сна до рассвета, соображая, что делать, к кому обратиться. Пытаюсь представить, каково это - быть публично опозоренным, и не из-за одежды или плохой игры, не из-за рекламного слогана, который кто-то навесил мне на шею, а исключительно из-за собственной глупости. Я стану изгоем. Вечным предупреждением.

Мне плохо, однако следующие несколько дней не поддаюсь панике. Только не сейчас, когда со всех сторон меня обступают другие, куда более серьезные горести, когда страдают многие из тех, кого я люблю.

Врачи собираются вновь оперировать шею маленькой Касси. Теперь очевидно, что первая операция была проведена неудачно. Я организую для нее перелет в Лос-Анджелес, где ей обеспечат лучший уход, однако все то время, что девочка восстанавливается после операции, она вынуждена неподвижно лежать на спине, не покидая больничной кровати, и очень страдает. Не в силах повернуть головы, Касси жалуется, что кожа у нее как будто пылает. Кроме того, у нее в комнате очень жарко, а Касси, как и ее отец, не переносит жары. Я целую девочку в щеку, шепчу ей:

- Не плачь. Мы справимся.

Смотрю на Джила, который, кажется, усыхает на глазах.

В ближайшем магазине покупаю самый мощный кондиционер, и мы с Джилом устанавливаем его в окне палаты, где лежит Касси. Я ставлю переключатель на максимальную мощность и нажимаю кнопку «Старт». Мы с Джилом хлопаем в ладоши, Касси улыбается, когда поток холодного воздуха сдувает челку с ее милого круглого личика.

Следующий мой визит - в магазин игрушек, в секцию, где продают приспособления для плавания. Покупаю резиновую надувную трубу, аккуратно подкладываю ее под Касси, уложив голову по центру, а затем осторожно надуваю. Голова девочки медленно приподнимается, шея при этом остается неподвижной. Взгляд, полный облегчения, радости, благодарности освещает ее лицо, и в этой мужественной маленькой девочке я вижу то, что так давно искал: улыбка, с которой она принимает страдания, моя помощь в облегчении ее участи - именно в этом и кроется первопричина всего. Сколько раз я мог уже понять это! Именно для этого мы здесь - чтобы бороться с болью и, по возможности,

облегчать страдания других. Так просто. И так трудно это понять.

Джил смотрит на нас с Касси, и у него на щеках блестят слезы.

Позднее, когда Касси уснула, а Джил клюет носом, устроившись в углу палаты, я сижу на стуле с жесткой спинкой и, раскрыв на коленях блокнот, пишу письмо в Ассоциацию. Письмо это - сплошная ложь, кое- где перемежающаяся крупицами правды.

Я признаюсь, что в моем организме были наркотики, однако заявляю, что никогда сознательно не принимал их. Я пишу, что Слим, мой администратор, которого я уже уволил, - известный торговец наркотиками; он периодически подмешивал себе метамфетамин в содовую (и это правда). Потом перехожу к главной порции лжи: заявляю, что не так давно по ошибке отпил из его стакана воду с наркотиками и таким образом, не желая того, принял дозу. Я утверждаю, что почувствовал все симптомы опьянения, однако надеялся, что наркотики быстро выйдут из моего организма, чего, к несчастью, не случилось.

Я прошу о понимании и снисхождении, торопливо дописывая концовку: «… Искренне и с уважением».

Сижу с письмом в руках и смотрю на лицо Касси. Конечно, мне стыдно. Я всегда предпочитал говорить правду. Вру я, как правило, неосознанно или самому себе. Но я будто вижу, какими глазами посмотрит на меня Касси, узнав, что дядя Андре - наркоман, отлученный за это на три месяца от игры в теннис, затем представляю себе миллионы лиц, глядящих на меня с тем же выражением, - и не могу придумать, что мне поможет, кроме лжи.

Обещаю себе, что эта ложь станет последней. Я отправлю письмо и этим ограничусь. Пусть остальным занимаются мои юристы. Не буду выступать перед комиссией, где мне придется лгать людям в лицо. Я не буду лгать об этой истории публично. Сейчас отошлю письмо, после чего положусь на судьбу и людей в дорогих костюмах. Если они смогут решить проблему тихо, без шума - прекрасно. Если нет, я смирюсь с тем, что меня ждет.

Просыпается Джил. Сложив письмо, я выхожу вместе с ним в холл.

В свете флуоресцентных ламп Джил выглядит еще более опустошенным. Он кажется - и я не могу в это поверить - слабым. Я совсем забыл, что именно в больничных коридорах мы постигаем истинный смысл жизни. Я обнимаю его, говорю, что люблю и что вместе мы преодолеем эту беду.

Он кивает, благодарит, бормочет что-то бессвязное. Мы долго молчим. Глаза Джила словно смотрят в бездну. Ему необходимо

отвлечься, он должен поговорить о чем угодно, только не о терзающих его страхах.

Я рассказываю, что решил вновь вернуться к серьезным занятиям теннисом, начав с самых нижних ступеней, чтобы затем пробиться обратно на вершину. Касси вдохновила меня на это.

Джил говорит, что хотел бы помочь мне.

- Тебе и так есть чем заняться.

- Эй, ты должен стоять на моих плечах, помнишь? Дотянешься?

Я поражен тем, что он все еще сохраняет веру в меня, хотя я дал ему столько поводов для разочарований. Мне двадцать семь, в этом возрасте карьера теннисиста уже движется к закату. А я говорю о втором шансе - и Джил даже бровью не ведет.

- Давай рискнем, - произносит он. - Я в деле.

МЫ НАЧИНАЕМ с самого начала, будто я - подросток, никогда всерьез не занимавшийся спортом. Так и есть - я толстый, медлительный и слабый, как котенок. За год я едва ли брал в руки гантели. Самое тяжелое, что мне приходилось поднимать за последнее время, это кондиционер для Касси. Мне придется вновь раскрывать возможности своего тела, аккуратно и постепенно возвращая ему былую силу.

Для начала мы садимся поговорить у Джила в зале. Я устроился на скамье, Джил облокотился на тренажер. Я честно рассказываю обо всем, что успел натворить со своим телом. О наркотиках, о дисквалификации. Не могу просить Джила вытащить меня из трясины, пока он не поймет, насколько глубоко я увяз. Кажется, он поражен и раздавлен не меньше, чем там, в палате своей дочери. Джил всегда напоминал мне атланта, и сейчас при взгляде на него кажется, что ему на плечи свалился тяжким грузом весь наш мир. Он будто держит на своих плечах жизни шести миллиардов человек. Его голос срывается.

Я еще никогда не был так противен самому себе.

Заверяю Джила, что завязал с наркотиками, что никогда больше к ним не притронусь. Джил прокашливается, благодарит меня за честность - после чего считает торжественную часть законченной:

- Где ты был, неважно. Важно, куда ты будешь двигаться.

- Куда мы будем двигаться!

- Точно!

Он подробно расписывает план занятий, составляет для меня диету.

- И больше не проси о снисхождении! - добавляет он. - Никакого фастфуда, никаких поблажек, никаких нарушений. И даже алкоголь придется сократить.

Кроме того, по плану Джила, мне предстоит придерживаться строгого графика. Еда, тренировка, поднятие тяжестей, теннисный корт - все - в определенные часы.

В мою жизнь добавит аскетизма и то, что теперь я буду реже видеться с женой. Интересно, заметит ли она это?

МЕСЯЦ ПРОХОДИТ в тяжелых, изматывающих занятиях с Джилом, вызывающих в памяти наш тренировочный лагерь 1995 года. Теперь мне предстоит турнир местного уровня: я стартую с самой нижней ступени профессионального тенниса. Победитель получает чек на 3500 долларов. Болельщиков на трибунах меньше, чем в удачный день собирается на школьном футбольном поле. Дело происходит на стадионе Университета Невады: знакомая местность, но крайне непривычная ситуация. Пока Джил паркует машину, я размышляю о том, чего достиг, а чего - не сумел. На этих кортах я играл, когда мне было семь лет. Сюда я приехал в тот день, когда Джил уволился, чтобы работать со мной. Я стоял здесь, у входа в его офис, от волнения подпрыгивая на одной ноге, пораженный открывшимися перспективами. И вот теперь, в нескольких шагах от этого места, я играю с дилетантами и сбитыми летчиками.

Такими, как я сам.

На турнире подобного уровня все делается быстро, особенно это заметно в комнате отдыха для игроков. Еда, предлагаемая перед матчем, напоминает паек, выдаваемый в самолете: резиновый цыпленок, переваренные овощи, вода без газа. Когда-то, давным-давно, на турнирах Большого шлема я, помнится, неспешно проходил вдоль бесконечных столов с закусками, переговариваясь с поварами в белых колпаках, пока те готовили для меня воздушный омлет и домашнюю пасту…

Увы, те времена прошли.

Унижения, однако, на этом не заканчиваются. На подобных турнирах очень мало мальчиков, подающих мячи. Естественно: ведь с мячами здесь напряженка. Каждому игроку положены лишь три штуки на весь матч. По обе стороны от корта тянется длинный ряд других кортов, на которых идут параллельные матчи. Подбрасывая мяч для подачи, вы видите игроков слева и справа, слышите, как они спорят. Никого не волнует, что они мешают вам сконцентрироваться. Все плевать хотели на вас и вашу концентрацию. То и дело мяч скачет мимо ваших ног, и вы слышите с соседнего корта возглас: «Помогите, пожалуйста!» Вы должны тут же бросить свои дела и перекинуть мячик обратно. Я вновь выступаю в роли мальчика, подающего мячи.

Кроме того, по ходу игры сами теннисисты управляют табло. Вручную. Во время смены площадок я меняю на табло маленькие

пластиковые цифры, похожие на детали детской игры. Болельщики смеются и выкрикивают оскорбления. Как низко, оказывается, могут пасть великие! «Имидж - все», да, парень? Чиновники высокого уровня открыто заявляют: Андре Агасси, участвующий в местных турнирах, - все равно что Брюс Спрингстин, играющий в баре на углу.

А почему бы, собственно, Спрингстину не сыграть на углу? Мне кажется, было бы здорово, если бы он выступал там время от времени.

Мой номер в мировой классификации - 141, ниже, чем когда бы то ни было за время моей взрослой карьеры. Газеты пишут, что я посрамлен, но они совершенно не правы. Я был посрамлен, когда говорил с Брэдом в номере отеля. Я был посрамлен, когда принимал вместе со Слимом наркотики. А сейчас я рад быть там, где нахожусь.

Брэд думает так же. Он не видит ничего унизительного в местных турнирах. Он вновь полон энергии, вновь отдается поставленной цели - за это я его люблю. Он тренирует меня так тщательно, будто мы на Уимблдоне. Брэд не сомневается: это - лишь первый шаг к возвращению мне титула первой ракетки мира. Разумеется, эту веру я тут же подвергаю испытанию. Сейчас я - лишь тень себя давнишнего. Мои руки и ноги, быть может, уже натренированы, а вот разум пока еще не в форме. Я дохожу до финала. Нервничая от напряжения, непривычных обстоятельств и насмешек с трибун, я проигрываю.

Но Брэда так просто не смутить.

- Кое-какие технические приемы придется подучить заново, - говорит он. - Надо заняться выбором ударов. Тебе стоит подкачать ту мышцу, которая по ходу матча помогает теннисисту понять, какой удар сейчас сыграет, а какой - нет. Помнишь, что тебе не нужно всякий раз демонстрировать лучший в мире удар?

Каждый удар - это догадка, подкрепленная знанием. Но свои знания я растерял. Теперь я неловок, как в годы зеленого юниорства. Двадцать два года я потратил на то, чтобы отшлифовать талант и выиграть свой первый Большой шлем. Чтобы все это потерять, хватило и двух лет.

ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ПОСЛЕ ВЕГАСА я играю на местном турнире в Бербанке[38]. Соревнования проходят в городском парке. На одной из сторон центрального корта растет огромное дерево, отбрасывающее тень длиной в семь метров. Из тысяч кортов, на которых мне приходилось играть, этот, безусловно, самый жалкий. Слышно, как в отдалении мальчишки играют в кикбол[39] и вышибалы, рычат двигателями машины, громко орут магнитолы.

Турнир приходится на День благодарения. Вместо того чтобы есть дома индейку, я борюсь за победу в городском парке Бербанка, упав в рейтинге на 120 пунктов по сравнению с позапрошлым Днем благодарения. Тем временем в Гетеборге вовсю идет турнир Кубка Дэвиса. Чанг и Сампрас сражаются против шведов. То, что я не участвую в этом бою, печально, но справедливо. Я не имею права быть там. Мое место здесь, под дурацким деревом на краю корта. И пока я не смирюсь с этим, не верну себе прежних позиций.

Разминаясь перед игрой, вдруг понимаю: я лишь в четырех минутах ходьбы от студии, где Брук снимается в «Неожиданной Сьюзан» и где Перри теперь работает продюсером. Шоу завоевало популярность, теперь Брук постоянно занята, работает по двенадцать часов в день. И все же довольно странно, что она не нашла времени заскочить хоть ненадолго, посмотреть на матч. Даже когда я возвращаюсь домой, она не интересуется, как прошла игра.

Впрочем, я тоже не расспрашиваю ее о «Неожиданной Сьюзан».

Мы говорим о шмотках.

ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗ я пропускаю тренировку из-за встречи с Перри, на которой мы закладываем основу моего благотворительного фонда. Эту идею мы обсуждали еще пятнадцать лет назад - пара юных идеалистов, набивших рты сладкими сэндвичами. Мы мечтали достичь жизненных вершин, чтобы внести свой вклад в переустройство мира. И вот , наконец, сделали это. Я заключил долгосрочный контракт с Nike, в ближайшее десятилетие он принесет мне десять миллионов. Купил родителям новый дом. Позаботился, как мог, о членах своей команды. Теперь, когда мои финансовые возможности существенно выросли, я могу свободнее распоряжаться деньгами. В 1997 году, несмотря на то что я достиг дна, а может быть, благодаря этому, я готов.

Я задумал помогать детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Взрослые всегда могут обратиться за помощью, тогда как дети слабы и безгласны. Поэтому первый проект, за который берется мой фонд, - создание приюта для детей, подвергшихся насилию или брошенных и отданных судом под опеку для защиты. В приюте будет медицинский кабинет и школа. Следующая наша программа должна ежегодно обеспечивать одеждой три тысячи нуждающихся детей города. Затем мы выделяем стипендии для студентов Университета Невады.

И, наконец, открываем «Клуб для мальчиков и девочек»: для

него фонд приобретает разваливающееся здание площадью двести пять квадратных метров, которое после достройки превращается в уникальное помещение площадью чуть более двух тысяч квадратных метров, с компьютерным залом, кафетерием, библиотекой и теннисными кортами. На открытие клуба приезжает сам Колин Пауэлл[40].

Я провожу в «Клубе для мальчиков и девочек» много беззаботных часов, общаясь с детьми и слушая их рассказы. Вожу их на корт, учу правильно держать ракетку. Вижу, как их глаза загораются: ведь они впервые играют в теннис. Сижу с ними в компьютерном зале: желающих провести время в Интернете очень много, и ребята подолгу терпеливо дожидаются своей очереди. Я с грустью и изумлением смотрю, как они стремятся к знаниям. Иногда провожу время в зале клуба, играя в пинг-понг с его малолетними гостями. Всякий раз, входя сюда, я вспоминаю о другом зале - в академии Боллетьери, где я стоял в первый вечер смертельно напуганный, прислонившись спиной к стене. Это воспоминание пробуждает во мне желание усыновить каждого попавшегося на глаза испуганного ребенка.

Как-то раз спрашиваю Стэна, управляющего «Клубом для мальчиков и девочек»:

- Что еще мы могли бы сделать, чтобы изменить к лучшему жизнь этих ребят?

- Надо бы занять их чем-то на целый день, - отзывается Стэн. - Иначе на каждый наш шаг вперед приходятся два шага назад. Ты, правда, хочешь изменить их жизнь? Добиться долгосрочного результата? Для этого нужно, чтобы они проводили здесь больше времени. А лучше всего - все свое время.

Вот почему в 1997 году я вновь встречаюсь с Перри, и мы обсуждаем, как можно было бы включить учебу в программу, которую мы предлагаем детям. Мы обсуждаем идею создания частной школы, но быстро приходим к выводу, что бюрократические препоны и финансовые риски неоправданно велики. Как раз в этот момент я случайно вижу в программе «60 минут» сюжет о чартерных[41] школах, и на меня снисходит озарение. Чартерные школы частично финансируются штатом, частично - из частных источников. Главная проблема - собрать нужные средства, однако спонсор может полностью контролировать расходование выделенной суммы. Чартерная школа позволит нам работать с детьми так, как мы считаем нужным. Мы сможем построить что-то свое, уникальное. Если же наша модель будет хорошо работать, идея распространится со скоростью лесного пожара. Быть может, мы сумеем создать идеальную модель национальной чартерной школы. Для

современного образования это стало бы прорывом.

И все-таки жизнь полна поразительных совпадений. Из-за сюжета в «60 минутах» отец отослал меня из дома, разбив мое сердце, теперь же «60 минут» освещают мне путь домой, помогая найти смысл жизни. Мы с Перри решаем создать лучшую в Америке чартерную школу. Собираемся нанять лучших учителей, назначить им высокие зарплаты, взамен возложив на них ответственность за результаты экзаменов и оценки по итогам года. Мы покажем всему миру, каких результатов можно добиться, задавая высочайшие стандарты и привлекая необходимые для их достижения финансовые ресурсы.

На открытие школы я выделю несколько миллионов долларов своих личных денег, однако нам придется дополнительно привлечь куда большие суммы. Мы решаем выпустить долговые обязательства на 40 миллионов долларов, а для последующей расплаты по ним вовсю эксплуатировать мою славу. По крайней мере так от нее будет хоть какой-то смысл. Теперь каждую знаменитость, с которой я знакомлюсь на вечеринке или через Брук, я приглашаю уделить частицу своего времени и таланта нашей школе, приехать к детям или выступить на ежегодном мероприятии по сбору средств, которое мы назвали «Детским Большим шлемом».

В ТО ВРЕМЯ КАК МЫ С ПЕРРИ ищем место для строительства школьного здания, мне звонит Гэри Мюллер, теннисист и тренер из Южной Африки. Он организует в Кейптауне благотворительный турнир для сбора средств в фонд Нельсона Манделы и интересуется, смогу ли я принять в нем участие.

- Мы не знаем, приедет ли на турнир сам Мандела, - говорит Мюллер.

- Если существует такая вероятность, я приеду, - отвечаю я.

Вскоре Гэри перезванивает.

- Хорошие новости, - восклицает он. - Ты встретишься с ним.

- Шутишь?

- Нет. Он подтвердил, что будет на турнире.

Я крепко сжимаю телефонную трубку. Я восхищаюсь Манделой много лет. Его борьба, годы, проведенные в заключении, чудесное освобождение и впечатляющая политическая карьера всегда вызывали во мне чувство глубокого благоговения. От мысли, что я встречусь с этим человеком, буду разговаривать с ним, у меня кружится голова.

Рассказываю об этом Брук. Таким счастливым она не видела меня давно, так что она, в свою очередь, очень рада и хочет поехать со мной. К тому же мероприятие состоится совсем недалеко от тех мест, где она снималась в 1993 году: именно

тогда начался наш «роман по факсу».

Она немедленно отправляется покупать подходящую одежду для сафари.

Джей Пи разделяет мое восхищение Манделой, поэтому я приглашаю его принять участие в поездке вместе с его женой Джони, которую мы с Брук очень любим. Вчетвером летим в Южную Африку, затем на другом самолете отправляемся в Йоханнесбург и уже оттуда на самолетике-развалюхе с пропеллером летим в самое сердце Африки. Однако гроза вынуждает нас совершить незапланированную посадку. Мы находим убежище в какой-то хижине, крытой соломой, в дыре посреди Африки. Сквозь звуки грома слышим голоса сотен животных, ищущих убежища от дождя. Глядя из нашей хижины на бескрайнюю саванну и грозовые облака, клубящиеся над горизонтом, мы с Джей Пи соглашаемся, что сегодня - один из ярчайших моментов в нашей жизни. Мы оба читаем сейчас мемуары Манделы «Долгий путь к свободе», однако чувствуем себя скорее героями одного из романов Хэмингуэя. Я думаю о словах, которые Мандела произнес в одном из интервью: «Неважно, куда вас уже завела жизнь: все равно впереди еще предстоит долгий путь». Вспоминаю об одной из любимых цитат Манделы - из стихотворения «Непобежденный»[42]: «Я - хозяин своей судьбы, я - капитан своей души».

Гроза проходит. Мы вновь заходим в самолет и летим в заповедник. Три дня проводим на сафари. Каждое утро, еще до рассвета, загружаемся в джип, долго едем, резко останавливаемся. В кромешной тьме сидим двадцать минут, не выключая двигателя. С первыми лучами рассвета обнаруживаем, что стоим на краю огромного, покрытого туманом болота, на берегах которого собрались десятки видов животных.

Здесь сотни импал и по крайней мере семьдесят пять зебр. Десятки жирафов высотой с двухэтажный дом танцуют вокруг нас, грациозно скользя между деревьями, и щиплют листву с верхних ветвей с таким звуком, будто кто-то ломает гигантские стебли сельдерея. Этот пейзаж словно нашептывает: все эти животные, начиная свой день в опасном мире, демонстрируют безмерное спокойствие и приятие всего сущего - почему ты не можешь жить так же?

Нас сопровождают водитель и стрелок. Стрелка зовут Джонсон. Мы в него влюблены. Это наш африканский Джил, он охраняет нас. Он знает, что нравится нам, и улыбается с гордостью истинного снайпера. Кроме того, он знает местность лучше, чем импалы. В одном месте взмахивает рукой в сторону деревьев, и тысячи маленьких обезьян, как по сигналу, срываются

с веток, словно облако осенних листьев.

Как-то утром, когда мы едем по бушу, наш джип вздрагивает и резко сворачивает вправо. Что случилось? Оказывается, мы чуть было не переехали льва, спящего посреди дороги.

Лев сидит и смотрит на нас. По его морде видно, что мы его разбудили. У льва огромная голова и глаза цвета лимонной газировки. От него исходит такой мощный мускусный запах, что у нас начинает шуметь в головах. А грива его похожа на мою прежнюю прическу.

- Молчите и не двигайтесь! - шепчет водитель.

- Почему?

- Потому что сейчас лев считает нас крупным хищником. Он сам нас боится. Если кто-то встанет, он догадается, что здесь всего несколько мелких человечков.

Что ж, зато честно.

Через нескольких минут лев вновь уходит в буш. Мы едем дальше.

Позже, вернувшись в лагерь, я подхожу к Джей Пи и шепотом сообщаю:

- Я должен тебе кое-что рассказать.

- Валяй.

- Сейчас у меня не самое простое время. Я стараюсь избавиться от всяческих проблем.

- И что?

- Я не могу рассказать подробно. Но хочу извиниться, если я кажусь не тем, кто я есть на самом деле.

- Если уж ты заговорил об этом - да, кажешься. А в чем дело?

- Я расскажу тебе, когда познакомимся поближе.

Джей Пи смеется. Но потом, заметив, что я не шучу, спрашивает:

- Все в порядке?

- Я не знаю. Честно, не знаю.

Я хочу рассказать ему о депрессии, о путанице мыслей, о времени, проведенном со Слимом, и грозящей дисквалификации от АТП. Но не могу. Не сейчас. Не раньше, чем все это останется позади. Теперь же все эти проблемы - словно лев, который сидит в нескольких десятках сантиметров и смотрит на меня сердитым взглядом. Я не готов говорить о своих проблемах из страха, что, если их высказать, они вновь начнут грызть меня. Я лишь хочу предупредить Джей Пи о том, что проблемы существуют.

Я говорю ему, что пытаюсь вновь вернуться в теннис, - и, если смогу пережить этот тяжелый период, сумею вернуться в строй, то все изменится. И я сам изменюсь. Но даже если ничего не выйдет, если для меня все кончено, даже если потеряю все, - все равно

буду другим.

- А почему все может быть кончено? - переспрашивает он.

- Я лишь хотел предупредить.

Джей Пи смотрит на меня с сочувствием и, сжимая руку, многословно напоминает: я сам - капитан своей судьбы.

МЫ ОТПРАВЛЯЕМСЯ В КЕЙПТАУН, где я играю на турнире с нетерпением ребенка, которому в субботу сказали убрать в доме, прежде чем идти гулять. И, наконец, долгожданный час настал. На вертолете нас доставляют на крышу здания, где у посадочной площадки нашу компанию встречает сам Мандела. Вокруг него толпятся фотографы, высокопоставленные чиновники, журналисты, помощники, но он возвышается над толпой. Он оказался не только выше, чем я ожидал, но и сильнее, здоровее. Он похож на бывшего спортсмена, и это кажется мне удивительным, если учесть годы его борьбы и страданий. Впрочем, первое впечатление меня не обмануло: Мандела действительно бывший спортсмен, ведь в юности он занимался боксом. Да и в тюрьме, как сказано в его мемуарах, старался поддерживать себя в форме с помощью бега на месте и игры в теннис на бугристом импровизированном корте. Однако при всей внешней силе улыбка у него добрая, почти ангельская.

Я шепчу Джей Пи, что Мандела кажется праведником. Он похож на Ганди: в нем нет ни грамма зла. Его глаза, испорченные многими годами работы на безжалостном солнце в тюремном известняковом карьере, полны мудрости. Очевидно, что этот человек знает нечто чрезвычайно важное о жизни. Он смотрит прямо на меня, пожимает руку и говорит, что восхищается моей игрой. От смущения могу лишь пробормотать что-то маловразумительное.

Мы идем вслед за ним в большую залу, где уже подан официальный ужин. Мы с Брук сидим за столиком самого Манделы. Брук - справа от меня; Мандела - рядом с ней. Всю дорогу он рассказывает нам истории из жизни. Я хочу о многом его спросить, но не дерзаю перебивать. Он рассказывает про остров Роббен, на котором провел восемнадцать из двадцати семи лет своего тюремного заключения, о том, как ему удалось наладить общий язык кое с кем из охранников. В качестве особой поблажки они иногда позволяли ему сходить на берег небольшого острова с удочкой, чтобы выловить на ужин пару рыбин. Он улыбается, вспоминая, и в улыбке этой сквозит ностальгия.

После ужина Мандела поднимается из-за стола и произносит прочувствованную речь. Основная ее мысль: все мы должны заботиться друг о друге, именно в этом и заключается цель нашей жизни. Но, кроме того, мы должны позаботиться о самих себе, а

для этого нужно взвешенно подходить к принятию решений, строительству отношений и даже своим словам. Нам следует тщательно управлять своей жизнью, иначе мы неизбежно станем жертвами. Мне кажется, что Мандела обращается лично ко мне, что он в курсе того, как бездарно я расходовал свой талант и здоровье.

Он говорит о расизме - не только в Южной Африке, но и во всем мире. Расизм - дитя невежества, утверждает он, и единственное спасение от него - образование. В тюрьме Мандела использовал каждую свободную минуту, чтобы учиться, создал там некое подобие университета, где он и другие заключенные преподавали друг другу самые разные дисциплины. Выжить в одиночестве тюремного заключения ему помогли книги; особенно он полюбил Толстого. Одним из самых жестоких наказаний, изобретенных для него тюремщиками, было лишение права учиться на четыре года. И вновь его слова, кажется, обращены прямо ко мне. Я вспоминаю о той работе, которую мы с Перри проделали в Вегасе, о нашей чартерной школе, и слова Манделы вселяют в меня новую энергию. В то же время я чувствую смущение. Впервые за много лет я столь ясно осознал собственный недостаток образования. Чувствую свою обделенность. Мне уже кажется, что недостаток образования - преступление, и я в нем виновен. Я думаю о многих тысячах жителей моего родного города, ставших жертвами этого преступления, лишенных образования и даже не представляющих себе, чего они лишились.

Наконец Мандела заговорил о себе. Он рассказывал, что любое путешествие трудно, и все же те, кто идут своим собственным путем, получают в дар ясность мысли. Когда он вновь опускается на стул, я понимаю: мой путь по сравнению с его - ничто. И все же это не главное. Ведь, по словам Манделы, любой путь по-своему важен и ни одна дорога не закрыта.

Я прощаюсь с Манделой, полностью подпав под его обаяние. Позже один приятель познакомил меня с получившим Пулитцеровскую премию романом «Смерть в семье»[43], где женщина в глубокой скорби думает: «Теперь я стала взрослым членом человеческой семьи». «Она думала, что никогда раньше ей не выпадало шанса узнать, сколько может вытерпеть человеческое существо, - говорится о героине далее. - И вот теперь она любила и почитала каждого, кому когда-либо доводилось страдать, включая и не сумевших вытерпеть уготованное им».

ЧТО-ТО В ЭТОМ РОДЕ я чувствовал, расставаясь с Манделой. Об этом думал, когда вертолет поднимался над взлетной

площадкой. Я любил и почитал любого, кому довелось когда бы то ни было испытать страдание. Теперь и я стал более взрослым членом человеческой семьи. Бог хочет, чтобы мы взрослели.

НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР. Последние часы кошмарного 1997 года. Мы с Брук отправляемся на очередную вечеринку. На следующее утро я просыпаюсь рано. Натягивая одеяло на голову, чтобы вздремнуть еще, вдруг вспоминаю, что у меня назначена тренировка с молодым спортсменом Винсом Спэйди. Я совсем уже было решаюсь отменить ее, но… «Нет, - решительно заявляю себе. - Ты не можешь этого сделать. Теперь ты - другой человек. Нельзя начинать 1998 год с тренировки, пропущенной из-за того, что ты проспал».

Я вытаскиваю себя из постели и отправляюсь на встречу со Спэйди. Хотя это просто тренировка, мы оба ждем ее с нетерпением. Спэйди превращает наш матч в настоящую битву, и я ценю его решительность, особенно после того, как добиваюсь победы. Я ухожу с корта измотанным, но сильным, как прежде.

- Это будет мой год, - говорю я Спэйди. - 1998-й -уже мой год.

Брук отправляется со мной на Открытый чемпионат Австралии. На ее

глазах я быстро расправляюсь с тремя соперниками. Увы, затем она смотрит нашу встречу с испанцем Альберто Берасатеги. Я выигрываю в двух сетах, но затем каким-то невероятным образом ухитряюсь проиграть матч. Берасатеги - неудобный соперник, и все же я уже почти одержал над ним верх. Абсолютно нелепый проигрыш, лишь несколько раз за карьеру мне доводилось проигрывать матч, в котором я опережал противника на два сета. Интересно, это - лишь случайное повторение ошибок прошлого или все-таки начало конца?

Отправляюсь на турнир в Сан-Хосе. Игра идет хорошо. В финале мы встречаемся с Питом Сампрасом. Он рад моему возвращению, рад видеть меня по другую сторону сетки. Похоже, даже скучал по мне. Должен признаться, я тоже соскучился. Я выигрываю, 6-2, 6-4, и, кажется, до самого конца он немножко болеет за меня. Он знает, чего я пытаюсь добиться и сколько усилий придется мне ради этого предпринять.

В раздевалке подшучиваю над тем, как легко мне досталась победа:

- Ну, и каково это - проиграть кому-то из второй сотни рейтинга?

- Ничего страшного, - отвечает Пит. - Это больше не повторится.

Затем я переключаюсь на последние сплетни о его личной жизни: говорят, он расстался со своей студенткой-юристкой и

теперь встречается с актрисой.

- Плохая идея, - заявляю я.

Эти слова застают нас обоих врасплох.

В комнате прессы меня сразу спрашивают про Пита и Марсело Риоса, который сражается за первое место в мировой классификации:

- И кто из них, по-вашему, будет первым номером?

- Никто.

Нервный смех.

- Я думаю, что сам стану первым.

Бурный хохот. Все изумленно глядят на меня, затем тщательно фиксируют это безумное пророчество в своих блокнотах.

В марте я еду в Скоттсдейл, где выигрываю уже второй стандартный турнир. Побеждаю австралийца Джейсона Столтенберга. Как и полагается типичному австралийцу, он старателен и спокоен, обладает способностью прекрасно бить с обеих сторон, навязывая свою игру. Встреча с таким соперником - прекрасная проверка для нервной системы. И я ее прохожу.

Лечу в Индиан-Уэллс, где побеждаю Рафтера, однако проигрываю юному дарованию по имени Жан-Мишель Гамбил. Его называют одной из ярчайших восходящих звезд тенниса. При взгляде на него мне становится любопытно: понимает ли он, что ждет его впереди? Готов ли он?

Добираюсь до Ки-Бискейн. Хочу победить, просто брежу этой победой. Не похоже на меня - настолько стремиться выиграть. Как правило, мне просто не хочется проигрывать. Разминаясь перед первым матчем, я напоминаю себе, что хочу победы, и прекрасно знаю, почему. Не ради возвращения, а ради моей новой команды. Я играю, чтобы достать деньги для моей школы, чтобы она обрела известность. Наконец- то я получил то, о чем всегда мечтал: возможность играть ради чего-то большего, нежели собственное эго, и все-таки близкого мне. Того, на чем стоит мое имя, но имеющего отношение не только ко мне. Это - Академия подготовки к колледжу имени Андре Агасси.

Сначала я не хотел включать свое имя в название школы. Но друзья убедили, что так нам будет легче завоевать солидный статус и доверие. Кроме того, мое имя может привлечь необходимые средства. «Академией» нашу школу назвал Перри. Я далеко не сразу понял, что это навек связало нашу школу с моим прошлым: с Брадентонской академией и Академией Боллетьери, двумя тюрьмами моего детства.

У МЕНЯ НЕТ ДРУЗЕЙ В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ, зато у Брук их полно. Поэтому все вечера она проводит на каких-то вечеринках,

а я… я остаюсь дома.

Хорошо, что Джей Пи живет недалеко, в округе Оранж. Ему несложно сесть за руль и отправиться на север, чтобы посидеть со мной у камина, раскуривая сигару и разговаривая о жизни. Его пасторское служение осталось в далеком прошлом, однако мне все время кажется, что во время наших бесед у камелька он читает проповедь, вполне подходящую для церковной кафедры. Мне нравится быть его паствой. В начале 1998 года проповеди Джей Пи коснулись, кажется, всех основных житейских проблем: мотивации, вдохновения, наследия, судьбы, возрождения. Он помог мне укрепить то ощущение собственной миссии, которое впервые зародилось во время встречи с Нельсоном Манделой.

Как-то ночью я задаю Джей Пи вопрос: я играю уверенно, у меня есть цель, ради которой выхожу на корт, так почему же меня по-прежнему не оставляет страх? Неужели он останется со мной навсегда?

- Надеюсь, что да, - отвечает он. - Страх - это огонь, горящий в тебе, Андре. Я бы не хотел, чтобы он тебя покинул.

Затем он глядит вокруг, затягивается сигарой и интересуется, почему никогда не видит моей жены. Когда бы он ни заехал ко мне, в любое время дня и ночи, она где-то гуляет со своими друзьями.

Ему интересно, не беспокоит ли это меня.

А я этого даже не замечаю.

В АПРЕЛЕ 1998 ГОДА в Монте-Карло я уступаю Питу Сампрасу. Он играет в полную силу. Больше никакого сочувствия в мой адрес: старое соперничество вновь ожило.

Я отправляюсь в Рим и, заселившись в отель, валяюсь в кровати, отдыхая после матча. Телефон звонит беспрерывно. Первый - Фили. Он едва сдерживает слезы. Его жена Марти только что родила дочь. Девочку назвали Картер Бейли. Голос брата звучит по-новому: он счастлив и преисполнен гордости. Он будто получил благословение. Кажется, Фили считает, что ему несравненно, удивительно повезло.

Я поздравляю брата и Марти, обещаю как можно скорее вернуться до-мой. Как только сможем, мы с Брук приедем познакомиться с новорожденной племянницей, говорю я, и у меня перехватывает горло.

Вновь звонит телефон. Сколько времени прошло после предыдущего звонка? Час? Три? В моей памяти оба звонка остались частью одного и того же туманного часа, хотя с таким же успехом их могло разделять несколько дней. Звонит мой юрист.

- Андре? Вы слышите нас? Андре?

- Да, я слышу вас.

- Ассоциация теннисистов-профессионалов внимательно рассмотрела объяснение, в котором вы столь искренне объяснили собственную не-виновность. Рад сообщить, что ваши объяснения приняты. Тест, в котором обнаружены наркотики, не засчитан. Дело будет закрыто.

- Меня не дисквалифицируют?

- Нет.

- Я могу продолжать свою карьеру? Свою жизнь?

- Да.

Переспрашиваю несколько раз:

- Вы уверены? Действительно дело закрыто? На самом деле?

- Да. Решение АТП однозначно. Они поверили вам и приняли объяснения. С радостью. Думаю, все будут счастливы забыть об этом прискорбном случае.

Я вешаю трубку и смотрю прямо перед собой, повторяя вновь и вновь: «Новая жизнь».

В ХОДЕ ОТКРЫТОГО ЧЕМПИОНАТА Франции 1998 года, в матче с россиянином Маратом Сафиным, я повредил плечо. Я уже забыл, каким тяжелым бывает мяч на этом грунтовом корте - как будто бьешь ракеткой по металлическому ядру. Плечо безбожно болит, но я благодарен за эту боль. Возможность получить травму на теннисном корте для меня теперь всегда будет привилегией.

Врачи говорят, что у меня ушиб, задет нерв. На две недели я ухожу от дел. Ни тренировок, ни спарринговв. Я скучаю по теннису и от всей души радуюсь тому, что скучаю.

На Уимблдоне встречаюсь с Томми Хаасом из Германии. В третьем сете, в ходе жестокой битвы на тай-брейке, судья на линии допускает грубую ошибку. Хаас подает мяч за пределы корта, но судья засчитывает попадание в площадку, тем самым позволив немцу добиться преимущества 6-3. Это - самая грубая судейская ошибка в моей карьере. Я знаю, что мяч был за пределами корта, уверен в этом, но попытки спорить заведомо ни к чему не приведут: второй судья на линии и судья на вышке утвердят решение коллеги. Я проигрываю тай-брейк и уступаю сопернику, выигравшему два сета против моего одного.

Организаторы останавливают матч из-за темноты. В отеле я смотрю выпуск новостей; в кадре отчетливо видно, как мяч падает в нескольких сантиметрах за линией. Мне остается только смеяться.

На следующий день, выходя на корт, все еще смеюсь и не думаю о судейской ошибке. Я просто рад быть здесь. Возможно, пока у меня не получается быть счастливым и хорошо играть одновременно: четвертый сет Хаас у меня выигрывает. После

матча он рассказывает репортерам, что я с детства был его кумиром:

- Я всегда восхищался Агасси, - говорит он. - И для меня эта победа - особенная: ведь мой соперник выиграл турнир в Уимблдоне в 1992 году, и теперь я могу всем рассказывать, что победил Андре Агасси - бывшего игрока номер один, выигравшего два Больших шлема.

Его речь звучит как панегирик. Интересно, этот парень полагает, что похоронил меня?

И не поправил ли его кто-нибудь на пресс-конференции, напомнив, что на самом деле я выиграл три Больших шлема?

БРУК ПОЛУЧИЛА РОЛЬ в экспериментальной картине «Черное и белое»[44]. Она счастлива, потому что режиссер фильма - гений, ей придется импровизировать, а ее волосы заплетут в дреды. Брук сутки живет в лесу, деля ночлег с другими актерами, занятыми в картине. В телефонном разговоре она сообщает, что они не выходят из своих ролей ни на минуту.

- Правда, это круто? - вопрошает Брук.

- Круто, - говорю я, закатывая глаза к потолку.

В свое первое утро дома, завтракая на кухне, она так и фонтанирует историями про Роберта Дауни-младшего, Майка Тайсона, Марлу Мэйплз и других кинозвезд. Стараюсь демонстрировать вежливый интерес. Брук спрашивает меня о теннисе и тоже делает вид, что ей интересно. Общаемся натянуто, как незнакомцы. Мы больше похожи не на супругов, завтракающих в общей кухне, а на тинэйджеров, которые провели вместе одну ночь в хостеле. Мы вежливы, учтивы и добры друг к другу, но равновесие это кажется столь хрупким, как будто вся конструкция может обрушиться в любой момент.

Я подкладываю в камин еще одно полено.

- Мне надо кое-что тебе сообщить, - говорит Брук. - Пока была на съемках, я сделала себе тату.

- Что!? - я поворачиваюсь к ней.

Мы идем в ванную, где больше света. Она приспускает джинсы и показывает мне: на ее бедре вытатуирована собака.

- А тебе не пришло в голову сначала посоветоваться со мной?

Не надо было так говорить, Брук называет подобные реплики «попытками ее контролировать». В самом деле, с каких это пор она должна спрашивать у меня разрешения на то, чтобы украсить собственное тело? Я возвращаюсь в кухню, наливаю себе еще одну чашку кофе и еще внимательнее смотрю в огонь.

ИЗ-ЗА НЕСОВПАДЕНИЯ рабочих графиков мы с Брук не смогли организовать достойный медовый месяц сразу после свадьбы. Сейчас, когда она закончила свой фильм, а я не слишком

занят, самое время восполнить это упущение. Мы решаем отправиться на остров Некер в архипелаге Британских Виргинских островов, к юго-востоку от острова Индиго. Он принадлежит миллиардеру Ричарду Брэнсону, который уверяет, что нам там непременно понравится.

- Настоящий райский остров! - хвастается он.

С первой же минуты на острове мы не можем найти общего языка. Вместе нам неудобно. Мы не можем договориться о том, как будем проводить время. Я хочу бездельничать, Брук хочет плавать с аквалангом. И хочет, чтобы я непременно пошел с ней. Это значит, что мне придется брать уроки. Пытаюсь объяснить ей, что идея во время собственного медового месяца брать уроки вызывает во мне немногим больше энтузиазма, чем колоноскопия и просмотр «Друзей» одновременно. Но Брук настаивает.

Мы проводим долгие часы в бассейне, где инструктор рассказывает о масках, кислородных баллонах и костюмах для подводного плавания. В мою маску постоянно просачивается вода: у меня быстро растет щетина, которая мешает маске плотно прилегать к коже. Я иду в номер побриться.

Когда возвращаюсь, инструктор объявляет: финальным заданием нашего урока будет игра в карты под водой. Если вы спокойно сможете сидеть на дне бассейна, играя в карты, и сумеете закончить игру, не испытывая желания вырваться на поверхность, значит, вы настоящий аквалангист. И вот посреди Карибского архипелага в полном водолазном снаряжении я сижу на дне бассейна и совсем не чувствую себя дайвером. Чувствую себя героем Дастина Хоффмана из фильма «Выпускник». Вылезаю из бассейна, заявив Брук, что не могу это выносить.

- Ты всегда боишься пробовать что-то новое.

- Сама пробуй. Плыви хоть на дно океана, если хочешь. Передавай привет Русалочке. Я буду в комнате.

Иду в кухню, заказываю большую тарелку картошки фри. Затем поднимаюсь в спальню, сбрасываю туфли, растягиваюсь на кровати и целый день смотрю телевизор.

Мы уезжаем с райского острова на три дня раньше, чем запланировали. Медовый месяц окончен.

Я В ВАШИНГТОНЕ, участвую в турнире, организованном компанией Legg Mason. Играть приходится под иссушающим солнцем, теннисисты клянут погоду; в другом случае я бы непременно к ним присоединился, но в этот раз мне помогают держаться чувство благодарности и твердая решимость. Чтобы поддержать их, каждое утро, проснувшись, я записываю на листе бумаги свои цели. Фиксируя их письменно, а затем проговаривая вслух, я в завершение произношу:

- И никаких компромиссов.

Незадолго до начала турнира провожу финальную тренировку с Брэдом. В этот раз работаю вполсилы. После тренировки Перри везет меня в отель. Молча смотрю в окно.

- Останови здесь, - прошу я.

- Зачем?

- Просто останови.

Перри подруливает к тротуару.

- Проезжай вперед три километра и жди меня там.

- Что ты собираешься делать? С ума сошел?

- Сегодня я мало работал.

Совершаю пробежку по парку Рок Крик - тому самому, где в 1987 году я выбросил свои ракетки. Бежать тяжело, кажется, вот-вот потеряю сознание. Но меня это не заботит. Пробежка, даже если она закончится инфарктом, подарит мне мир с самим собой сегодня вечером на важнейшие для меня десять минут перед тем, как я окончательно засну. Теперь я живу ради этих десяти минут. Они для меня все. Меня многие хвалили и многие порицали, и все же нет ничего хуже собственного порицания, которое колотится в голове целых десять минут, перед тем как вырублюсь.

Когда я сажусь в машину, лицо у меня темно-бордового цвета. Забираюсь на пассажирское сиденье, включаю кондиционер и улыбаюсь Перри.

- Вот такие мы крутые! - хмыкает он, передает полотенце и жмет на газ.

Я добираюсь до финала и вновь встречаюсь с Дрейпером. Я помню, как еще недавно изумлялся, что когда-то мог победить его. Помню, как качал головой от удивления, вспоминая, что оставлял его позади на турнирах. Тогда я был, кажется, в низшей точке своей карьеры. Теперь расправляюсь с ним за пятьдесят минут, 6-2, 6-0. Я выигрываю этот турнир в четвертый раз.

На турнире Mercedes-Benz до самого полуфинала не проигрываю ни единого сета и уверенно добиваюсь победы. На турнире дю Морье в Торонто вновь встречаюсь с Питом. Он прекрасно играет в первом сете, но во втором заметно слабеет. Я побеждаю. Эта победа стоит Питу первого места в рейтинге, а мне помогает подняться на девятое.

В полуфинале я встречаюсь с Крайчеком. Он все еще гордится победой на Уимблдоне в 1996-м: ведь он - единственный голландец, которому удалось достичь подобной вершины. К тому же в ходе турнира он победил Сампраса, принеся Питу единственный проигрыш на Уимблдоне на протяжении ряда лет. Но я - не Пит, и я - совсем не тот игрок, которого он когда-то знал под фамилией Агасси. Проигрывая один сет, Крайчек подает при

счете 3-4. 0:40, тройной брейк-поинт. Я отбиваю подачу одним из лучших ударов в своей карьере. Мяч, кажется, пролетает в сантиметре от сетки, оставляя на ней дымящийся след, будто ссадину. Крайчек закрывает глаза, размахивается и мощно бьет с лета. Этот мяч мог полететь, куда угодно, сам Крайчек, ударив по мячу, не мог знать, куда бьет. Разверни Крайчек ракетку еще на полградуса, мяч полетел бы прямиком в первый ряд зрителей, а я, лишив соперника подачи, смог бы контролировать игру. Увы, мой соперник выигрывает очко, побеждает в трех сетах и прерывает серию моих беспроигрышных игр. В былые времена мне было бы трудно это пережить. Сейчас же я говорю Брэду:

- Что ж, это теннис. Да, Большой брат?

К ОТКРЫТОМУ ЧЕМПИОНАТУ США 1998 года я - восьмая ракетка мира. Болельщики встречают меня с восторгом, что повышает настроение и облегчает игру. В шестнадцатом раунде встречаюсь с Кучерой, который, похоже, вознамерился измотать меня своей подачей. Он подбрасывает мяч, затем ловит, останавливается - и подбрасывает вновь. Он раздражает меня, и я проигрываю два сета. Затем вспоминаю: чем лучше играешь с Кучерой, тем лучше играет он. Подавай ему плохо - и он будет отвратительно бить в ответ. Вот в чем проблема: я слишком хорошо играю! На следующей своей подаче уже передразниваю Кучеру. Трибуны хохочут. Затем подаю исключительно дурацкий мяч. Я раздражаю его, и это помогает мне вернуть контроль над игрой.

Начинается дождь. Матч отложен до завтра.

Мы с Брук отправляемся на поздний ужин к ее друзьям-актерам. Небо прояснилось, и мы ужинаем под открытым небом в одном из ресторанчиков в центре города, где столики вынесены на крышу. После ужина прощаемся, стоя на улице.

- Удачи завтра! - кричат актеры, запрыгивая в такси и отправляясь выпивать дальше.

Брук провожает их взглядом, затем поворачивается ко мне. Она надула губы. Она пьяна. Она похожа на ребенка, которого заставляют делать совсем не то, чего он на самом деле хочет.

Я делаю большой глоток из бутылки с коктейлем Джила.

- Иди, - говорю я ей.

- Правда? Ты не возражаешь?

- Нет, - вру я. - Развлекайся.

Беру такси и еду на квартиру Брук. Она продала свой особняк, купив взамен это гнездышко в верхнем Ист-Энде. Я скучаю по особняку, по подъездной дорожке, на которой нес свою вахту Джил. Даже по безглазым и безволосым африканским маскам. Быть может, потому только, что они помнят времена,

когда мы с Брук не носили маски друг перед другом. Я допиваю коктейль Джила и ложусь в постель. Мгновенно засыпаю, но просыпаюсь, когда Брук несколько часов спустя возвращается домой.

- Спи, - шепчет она.

Я пытаюсь заснуть, но не могу. Приходится принять снотворное.

На следующий день даю Кучере жестокий бой. Цепляюсь за матч, но у соперника больше сил, больше резервов. Он побеждает меня в яростном пятом сете.

Я СИЖУ В УГЛУ ВАННОЙ в нашем доме в Лос-Анджелесе и наблюдаю, как Брук собирается на вечеринку. Я остаюсь дома - как обычно. Мы обсуждаем, почему всегда получается именно так.

Она обвиняет меня в отсутствии интереса к ее жизни. Утверждает, что меня не интересуют новые впечатления, новые люди, ее друзья. А ведь я мог бы каждый вечер водить компанию с гениями: писателями, художниками, артистами, музыкантами, режиссерами. Я мог бы посещать открытия художественных галерей, мировые премьеры, новые постановки, закрытые кинопоказы. Но нет, вместо этого я предпочитаю сидеть дома и смотреть телевизор, и, может быть, лишь иногда, когда на меня снисходит особая общительность, я согласен пригласить к ужину Джей Пи с Джони.

- Не буду тебе врать, - говорю я. - Вечер с Джей Пи и Джони - это звучит чертовски заманчиво.

- Андре, - горячится она, - они тебе не подходят. Перри, Джей Пи, Фили, Брэд - все они потакают твоим прихотям, смешат тебя, ободряют. Но никто из них не принимает твои интересы близко к сердцу.

- Ты думаешь, все мои друзья для меня не подходят?

- Все, кроме Джила.

- Все?

- Все. Особенно Перри.

Я знаю, что она жестоко обижена на Перри из-за того, что он бросил работу продюсера сериала «Неожиданная Сьюзан». Она обижена и на меня: ведь в их конфликте я отказался сразу же принять ее сторону. Но я не догадывался, что и остальные члены моей команды ей настолько же неприятны.

Отвернувшись от зеркала, Брук внезапно произносит:

- Ты, Андре, похож на розу, окруженную шипами.

- На розу, окруженную - чем, прости?

- На невинного юношу, из которого сосут кровь всякие прилипалы.

- Я не такой уж невинный юноша. А эти, как ты их называешь, «шипы» поддерживали меня с детских лет. Эти «шипы» спасли мою жизнь.

- Они тянут тебя назад. Мешают расти. Развиваться. Ты ведь не развиваешься, Андре.

МЫ С ПЕРРИ решили разместить нашу школу в самом неблагополучном районе западного Лас-Вегаса. Здесь она будет служить маяком. После многих месяцев поиска, уже почти отчаявшись найти место, на котором бы поместились все школьные службы, и к тому же доступное нам по цене, мы обнаружили участок в треть квадратного километра, удовлетворявший всем нашим требованиям. Обычный городской пустырь, окруженный ломбардами и домами-развалюхами, давно уже отжившими свой век. Именно отсюда когда-то пошел расти Лас-Вегас: сюда прибыли первые поселенцы, обустроив свой лагерь, впоследствии заброшенный. Мне нравится история этого места, которое было оставлено людьми: что может быть символичнее для того, чтобы менять к лучшему жизнь брошенных детей?

На церемонию закладки школы пришли десятки политиков, чиновников и лидеров местного сообщества. Журналисты, камеры, речи… Мы вонзаем золотую лопату в грязное земляное месиво, засыпанное мусором. Я смотрю вокруг и, кажется, провижу будущее этого места: слышу, как дети смеются, играют, задают вопросы. Здесь будут зарождаться мечты, будут помогать расти. Я настолько ошеломлен мыслями о том, каким станет это место через несколько лет - и через несколько десятилетий, когда меня уже здесь не будет, - что не слышу ни единой речи. Будущее заслоняет собой настоящее.

Затем кто-то грубо выталкивает меня из мира грез, требуя попозировать для групповой фотографии. Сверкает вспышка. Сегодняшнее событие - счастливое и одновременно пугающее: ведь столько еще предстоит сделать! Школу нужно создать, получить лицензию, найти финансирование - словом, битва будет долгой. Если бы не моя отчаянная попытка вернуть свое место в теннисе, восстановить здоровье и душевное равновесие, если бы не очевидные успехи, достигнутые на этом пути в последние несколько месяцев, не уверен, что у меня хватило бы духу взяться за это.

Все интересуются, где Брук, почему она не пришла на церемонию. Я отвечаю правду: я не знаю.

НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР, последние часы 1998 года. Мы с Брук устраиваем традиционную новогоднюю вечеринку. Неважно, сколь далеки мы друг от друга: она настаивает, чтобы в

праздничные дни мы не демонстрировали своих разногласий друзьям и родным. Как будто мы - актеры, а наши гости - публика. Но, даже когда зрители расходятся, Брук продолжает играть и я - вслед за ней. За несколько часов до появления приглашенных мы проводим что-то вроде репетиции в костюмах: пытаемся казаться счастливыми. И потом, когда все расходятся, все равно притворяемся: это уже больше похоже на вечеринку для труппы.

Сегодня друзей и родных Брук среди публики будет больше, чем моих. Один из членов ее когорты -новый пес, питбуль-альбинос по имени Сэм. Он рычит на моих друзей столь усердно, как будто Брук вкратце поведала ему, что она на самом деле о них думает.

Мы с Джей Пи сидим в углу гостиной и пристально смотрим на пса. Тот, в свою очередь, пялится на нас.

- Было бы круто, если бы эта собака сидела здесь, - говорит Джей Пи, показывая на место у моих ног.

Я смеюсь.

- Нет, правда. Сейчас это совершенно бессмысленная собака, не твоя собака. Не твой дом. Не твоя жизнь…

- Хм.

- Андре, этот стул украшен красными цветочками.

Я смотрю на стул, на котором сидит Джей Пи, словно впервые вижу его.

- Красные цветочки, Андре, - повторяет Джей Пи. - Красные цветочки.

ПОКА Я СОБИРАЮСЬ на Открытый чемпионат Австралии 1999 года, Брук хмурится и бесцельно бродит по дому. Ее раздражают мои попытки вернуться в спорт. С учетом наших напряженных отношений вряд ли ее волнует мой предстоящий отъезд. Но ее раздражает пустая, как она считает, трата моего времени. При этом она явно не чувствует одиночества.

Я прощаюсь с ней, она желает мне успеха.

Я дохожу до шестнадцатого раунда. В ночь перед игрой звоню Брук.

- Все это так трудно, - вздыхает она.

- Что все?

- Все. Мы с тобой.

- Да, правда.

- Мы так далеко друг от друга.

- Австралия далеко, да.

- Нет, не то. Даже если мы в одной комнате, мы все равно далеко друг от друга.

«Ты назвала всех моих друзей «шипами» и «прилипалами», -

думаю я. - Разумеется, после этого мы далеки друг от друга».

- Я знаю, - говорю я вслух.

- Когда ты вернешься, нам надо поговорить. Обязательно.

- О чем?

- Когда ты вернешься, - повторяет она. Кажется, она очень взволнована. Неужели она плачет?

- С кем ты играешь? - Брук решила сменить тему.

Я называю имя моего соперника. Брук в жизни не отличала эти имена друг от друга и не знает, что за человек стоит за каждым из них.

- Вас покажут по телевизору? - спрашивает она.

- Не знаю. Может быть.

- Я посмотрю.

- Хорошо. Спокойной ночи.

Несколько часов спустя я играю со Спэйди, тем самым, с которым играл тренировочный матч в новогодние праздники год назад. Он выступает вдвое хуже меня. В свои лучшие дни я бы победил его с линейкой в руках. Но тридцать две недели из последних пятидесяти двух я провел в путешествиях, и это не считая тренировок с Джилом, работы, связанной со школой, и семейных проблем. У меня не выходит из головы телефонный разговор с Брук. Спэйди обыгрывает меня в четырех сетах.

Газеты безжалостны. Они напоминают, что из последних шести турниров Большого шлема я стабильно вылетал на самых ранних этапах. Что ж, зато честно. Но они также пишут, что я выставляю себя на посмешище. «Что-то он подзадержался на сцене, - ерничает пресса. - Похоже, Агасси не в силах понять, когда подходит время прощаться. Он выиграл три Шлема. Ему почти двадцать девять. Сколько еще он намерен играть?»

И каждая вторая статья начинается с избитой фразы: «В то время как его ровесники уже подумывают уходить на покой…»

Я ПОЯВЛЯЮСЬ В ДВЕРЯХ и зову Брук. Тишина. Сейчас позднее утро, она наверняка уже на студии. Я целый день жду, пока Брук появится дома. Пытаюсь расслабиться, однако питбуль-альбинос, злобно провожающий меня взглядом, не способствует отдыху.

Брук появляется, когда на улице уже сгустился мрак. Погода испортилась. Начинается дождливый, неприветливый вечер. Она предлагает сходить поужинать.

- Суши?

- Прекрасно.

Мы едем в один из наших любимых ресторанов - Matsushita и присаживаемся в баре. Я голоден. Заказываю сашими из голубого тунца, роллы с крабом, желтохвостом, огурцом и авокадо. Брук

вздыхает:

- Ты вечно заказываешь одно и то же.

Я слишком голоден и устал, чтобы придавать значение ее замечаниям. Она снова вздыхает.

- Что не так?

- Я просто не могу смотреть тебе в глаза.

В ее глазах слезы.

- Брук?

- Правда, я не могу на тебя смотреть.

- Ну, что ты, не надо. Вдохни поглубже. Пожалуйста, прошу тебя, постарайся не плакать. Давай попросим счет и пойдем отсюда. Поговорим об этом дома.

Не знаю почему, но после всего, что газеты вывалили на меня за последние дни, мне все же не хочется, чтобы завтрашние номера пестрели сообщениями о том, что я был замечен ссорящимся с женой.

В машине Брук продолжает плакать.

- Я несчастна, - всхлипывает она. - Мы несчастны. И я не знаю, сможем ли мы быть счастливыми, если останемся вместе.

Вот, значит, что. Вот оно.

Я вхожу в дом, словно зомби. Достаю костюм из гардероба: вещи там расположены в столь идеальном порядке, что на это страшновато смотреть. Начинаю понимать, как тяжело, должно быть, приходилось Брук, вынужденной жить с моими поражениями, приступами молчания, взлетами и падениями. Но, кроме того, замечаю: в этом гардеробе моим вещам отведено до смешного мало места. Что ж, символично. Я вспоминаю слова Джей Пи: «Это не твой дом».

Хватаю несколько вешалок со своей одеждой и спускаюсь вниз.

Брук сидит на кухне, всхлипывая. Не плачет, как в ресторане и в машине, а всхлипывает. Она сидит у разделочного стола на табурете, как на островке. Снова на острове. Так или иначе, проводить время вместе нам удается только на островах. И мы сами - острова. Два острова. Не могу вспомнить, когда было иначе.

- Что ты делаешь? - спрашивает она. - Что происходит?

- Ты о чем? Я ухожу.

- На улице дождь. Подожди до утра.

- Зачем? Надо жить настоящим.

Я собираю самое необходимое: одежду, блендер, ямайский кофе, френч пресс - и подарок, который недавно сделала мне Брук. Это та самая пугающая картина, которая много лет назад так поразила нас с Фили в Лувре. Она заплатила художнику,

чтобы он сделал точную копию. Я смотрю на мужчину, который хватается за скалу. Как ему удалось до сих пор не упасть? Забрасываю вещи на заднее сиденье авто - недавно купленного «кадиллака» с откидной крышей. Он сделан в 1976-м - последнем году, когда выпускались машины этой серии. Машина ослепительно-белого цвета - поэтому я назвал ее Лили. Поворачиваю ключ в замке зажигания, и на приборной панели загораются огоньки, как на корпусе старого телевизора. На одометре 37 тысяч километров. Лили - моя полная противоположность. Старая, но с небольшим пробегом.

Я вылетаю на шоссе.

В километре от дома начинаю плакать. Сквозь слезы и наползающий туман едва могу разглядеть хромированную фигурку на капоте своей машины. Но продолжаю ехать до самого Сан-Бернардино. К этому времени туман сменился снегом, и проезд через горы закрыли. Я звоню Перри, чтобы узнать, существует ли другой путь в Вегас.

- Что случилось? - встревожился он.

- Мы расстаемся, - объясняю я. - Между нами все кончено.

Я вспоминаю день, когда расстался с Венди, как я, в расстроенных чувствах, припарковавшись у обочины, названивал Перри. Думаю о том, сколько всего произошло с тех пор, и вот я вновь, выйдя из припаркованной неподалеку машины, звоню Перри, сердце мое разбито.

Перри объясняет: другого пути в Вегас нет, так что мне теперь придется развернуться и, двигаясь к побережью, остановиться в первом же мотеле, где найдется свободная комната. Я еду медленно, пробиваясь сквозь снег. Машину то и дело заносит на скользкой дороге. Торможу у каждого мотеля, однако нигде нет свободных номеров. Наконец удается отхватить комнату в каком-то клоповнике в забытой богом калифорнийской глубинке. Я укладываюсь поверх вонючего покрывала и начинаю диалог с самим собой. Как, черт возьми, тебя занесло в эту дыру? Как ты дошел до такой жизни? Откуда столь обостренная реакция? Твой брак далек от совершенства, ты даже не знаешь, зачем женился и хотел ли ты этого на самом деле. Так почему же мысль о том, что все кончено, настолько тебя шокировала?

Потому что ты ненавидишь проигрывать. А развод - жестокое поражение. Но ты много раз страдал от жестоких поражений - чем же это отличается от других? Потому что даже не представляешь, что можно изменить к лучшему по результатам этого поражения.

Я ЗВОНЮ БРУК через три дня. Я раскаиваюсь, она непреклонна.

- Нам обоим нужно время подумать, - объявляет она. -

Разобраться в себе, и в это время нам не следует общаться.

- Разобраться в себе? Что это значит? И как долго это будет длиться?

- Три недели.

- Три? Откуда эта цифра?

Она не отвечает. Предлагает мне использовать это время, чтобы посетить психотерапевта.

ТЕРАПЕВТ - маленькая темная женщина - сидит в маленьком темном офисе в Вегасе. Я ерзаю на двухместном диванчике, такие в кино называют «местами для поцелуев», - в моем случае это название звучит отчетливо иронично. Она слушает меня, не перебивая. Я бы предпочел, чтобы она перебивала. Хочу ответов. Чем дольше я говорю, тем острее ощущение, что общаюсь сам с собой. Как всегда. Так нельзя спасти брак. Браки не сохраняются, и проблемы не решаются, когда говорит кто-то один.

Позже, ночью, просыпаюсь на полу. У меня затекла спина. Я иду в гостиную, где устраиваюсь на кушетке с блокнотом и ручкой. Страница за страницей пишу письмо Брук. Еще одно покаянное послание, сочиненное мной, но в этот раз все правда. Утром отправляю его Брук по факсу. Я вижу, как страницы блокнота ползут через аппарат, и вспоминаю, как все начиналось пять лет назад, как я отправлял факсы через аппарат Фили, как перехватывало у меня дыхание в ожидании остроумных, полных кокетства записок, отправленных мне из какой-то африканской хижины.

Мне никто не отвечает.

Я вновь отправляю письмо по факсу. И еще раз.

Но Брук не в Африке. Она гораздо дальше.

Набираю ее номер:

- Я помню, что ты сказала про три недели, но мне необходимо с тобой поговорить. Думаю, нам нужно встретиться и решить все эти наши проблемы вместе.

- Ох, Андре, - отвечает она.

Я жду.

- Ох, Андре, - повторяет она. - Ты совершенно не понимаешь. Это не «наши» проблемы. Это твои проблемы и мои проблемы. Отдельно.

Я отвечаю, что она кругом права и я действительно ничего не понимаю. Не понимаю, как мы до этого дошли. Признаюсь, каким несчастным чувствовал себя все это время. Прошу прощения за то, что мы так отдалились друг от друга, что был так холоден с ней. Рассказываю ей о постоянной круговерти, о центробежной силе, без которой не бывает этой проклятой жизни в теннисе, о поисках себя, о постоянных монологах, звучащих у меня в голове,

о депрессии. Я говорю обо всем, что у меня на сердце, но слова выходят топорными, нескладными, невразумительными. Это неудобно, но необходимо, потому что я не хочу терять ее, я и так терял слишком много, и уверен, что, если буду честен с ней, она даст мне еще один шанс.

Однако она отвечает, что сожалеет о моих страданиях, но ничем не может помочь. Она не в состоянии решить мои проблемы. Решить их могу только я.

Слушая гудки в трубке, понимаю, что получил окончательную отставку. Я спокоен. Теперь этот телефонный звонок кажется мне похожим на резкое, быстрое рукопожатие, которым обменялись у сетки два не подошедших друг другу партнера.

Я что-то ем, смотрю телевизор, рано ложусь спать. Утром звоню Перри и заявляю, что хочу оформить самый быстрый развод в истории разводов.

Отдаю приятелю свое платиновое обручальное кольцо и отправляю его в ближайший ломбард, попросив согласиться на первую же цену. Вырученные деньги вношу на счет нашей школы как благотворительный взнос от имени Брук Кристы Шилдз. В радости и в горе, в здравии и болезни она теперь останется в списке наших первых жертвователей.

22

ПЕРВЫЙ ТУРНИР в моей новой жизни без Брук проходит в Сан-Хосе. Джей Пи приезжает на несколько дней из округа Оранж для срочных консультаций. Он подбадривает, советует, увещевает и обещает, что хорошие времена еще настанут. Он понимает, что помрачения у меня чередуются с просветлениями: иногда я готов послать Брук к черту, а через пару минут уже опять тоскую по ней. Джей Пи утверждает, что это вполне естественно: в последние годы мое сознание все больше напоминало болото - стоячее, зловонное, расползающееся во все стороны. Теперь моя задача - превратить его в чистую реку, бурно мчащуюся по своему руслу. Мне нравится этот образ. Он все говорит и говорит, и, пока я слушаю, все в порядке. Я способен контролировать себя. Его слова - как кислородная маска, вовремя поднесенная к лицу.

Затем Джей Пи уезжает обратно в свой Оранж, и я вновь в смятении. На корте в разгар матча думаю о своем сопернике в самую последнюю очередь. Мои мысли заняты вопросом: если ты дал клятву перед Богом и родными и не сдержал ее, кем ты становишься?

Неудачником.

Я хожу по кругу, обвиняя себя во всех грехах. Судья на линии

слышит, как я обзываю себя нецензурными словами, и идет через корт к судье на вышке, докладывая, что я использую неподобающую лексику.

Судья выносит мне предупреждение.

И вот он идет, этот судья на линии, мимо меня обратно, к своему посту. Сердито смотрю на него. Чертов ханжа, стукач. Жалкий скандалист. Я знаю, что не должен этого делать, знаю, что расплата будет суровой, но просто не могу удержаться:

- Урод!

Он останавливается, разворачивается и вновь идет к судье на вышке.

На сей раз меня лишают очка.

Судья на линии вновь проходит мимо меня к своему месту.

- Все равно урод! - произношу я.

Он останавливается, разворачивается, опять подходит к судье на вышке, который вздыхает и наклоняется в своем кресле, вызывая судью- инспектора. Тот, в свою очередь, вздохнув, подзывает меня:

- Андре, вы назвали судью на линии уродом?

- Вы хотите, чтобы я солгал или сказал правду?

- Мне нужно знать, произнесли ли вы это слово.

- Да, произносил. А хотите, я вам кое-что скажу по секрету? Он действительно урод!

Меня выгоняют с турнира.

ЕДУ ОБРАТНО В ВЕГАС. Мне звонит Брэд, напоминая, что приближается турнир в Индиан-Уэллс. Я отвечаю, что у меня серьезные проблемы, о которых не могу ему сейчас рассказать. О моем участии в турнире в Индиан-Уэллс и речи быть не может.

Мне нужно прийти в себя, а для этого я должен провести как можно больше времени с Джилом. Каждый вечер мы покупаем полный пакет гамбургеров и катаемся по городу. Я то и дело безбожно нарушаю режим, однако Джил видит, что сейчас я должен есть с удовольствием. Кроме того, он, похоже, осознает: я могу откусить палец, если попытаться отобрать у меня еду.

Мы едем в горы, катаемся туда-сюда по Стрипу и слушаем диск с музыкой, специально выбранный Джилом по этому случаю. Он называет его «Слезы капали». Философия Джила такова, что нужно повсюду искать боль и привечать ее - ведь это и есть главная составляющая жизни. Если у тебя разбито сердце, говорит Джил, не надо от этого бежать - лучше позволь себе в полной мере пережить это. Если болит - пусть болит, говорит он. «Слезы капали» - это сборник наиболее горестных песен о любви. Мы слушаем его вновь и вновь, пока не заучиваем слова наизусть, так что, когда музыка заканчивается, Джил продолжает читать

тексты нараспев. На мой вкус, его декламация лучше, чем любое другое исполнение. Лично я предпочел бы речитатив Джила мелодичному пению Синатры.

С каждым годом голос моего наставника звучит все глубже, богаче, мягче. Когда он декламирует припев сентиментальной любовной песенки, он звучит, как Моисей и Элвис одновременно. Он достоин «Грэмми» за одно лишь исполнение песни Барри Манилоу «Please don't be scared»:

Чувство боли - тяжелая доля,

Но оно говорит, что ты жив.

Но больше всего меня впечатляет его версия баллады Роя Кларка «We can't build a fire under rain». Одна строчка особенно перекликается с нашими чувствами - моими и Джила:

Мы идем по привычке, куда ноги несли,

Притворяясь, что стремимся туда всей душой…

Если я не провожу время с Джилом, то запираюсь в своем новом доме. Его мы купили вместе с Брук для нечастых случаев, когда приезжали в Вегас. Теперь я называю его «Холостяцкой берлогой номер два». Мне нравится этот дом, он подходит мне гораздо больше, чем то жилище во французском сельском стиле, в котором мы обитали в Пасифик Пэлисэйдз. Увы, здесь нет камина, а без огня я не могу размышлять. Нанимаю рабочих, которые сложат для меня очаг.

Во время ремонта дом превращается в зону бедствия. На стенах висят огромные листы пластика. Мебель покрыта брезентом. На всех предметах лежит толстый слой пыли. Однажды утром, глядя в незаконченный пока камин, я вспоминаю Манделу. Думаю об обещаниях, данных себе и другим. Снимаю телефонную трубку и звоню Брэду:

- Приезжай в Вегас. Я готов играть.

Он обещает быть тотчас же.

Невероятно. Он мог уже отказаться работать со мной, и никто не сказал бы ему ни слова в осуждение. Вместо этого он бросает все по первому моему звонку. Все-таки нравится мне этот парень! Сейчас, пока он в дороге, я покаянно думаю о том, что из-за ремонта не смогу устроить его с комфортом. Затем улыбаюсь. У меня есть пара кожаных клубных стульев, стоящих напротив телевизора с большим экраном, и бар, набитый пивом Bud Ice. Так что можно не сомневаться, что все нужды Брэда будут удовлетворены.

Через пять часов Брэд вваливается в дверь, падает на один из кожаных стульев, открывает бутылку пива, и вот уже он выглядит

счастливым, будто находится в теплых материнских объятиях. Я присоединяюсь к нему с пивом. Бьет шесть часов. Мы переходим к «Маргарите» со льдом. В восемь вечера все еще сидим на клубных стульях, Брэд переключает каналы, ищет новости спорта.

- Слушай, Брэд, - говорю я. - Мне надо кое-что тебе сказать. Кое-что, о чем тебе стоит знать.

Брэд смотрит в экран. Я - в незаконченный очаг, пытаясь представить в нем языки пламени.

- Смотрел игру вчера вечером? - спрашивает Брэд. - В этом году Дьюка никому не победить.

- Брэд, это важно. Ты должен знать. Мы с Брук расстались. Мы разводимся.

Он разворачивается и смотрит мне прямо в глаза. Затем, уперев локти в колени, опускает лицо в ладони. Я не думал, что эта новость так его шокирует. Он остается в такой позе три секунды, а затем, подняв голову, улыбается мне во все тридцать два зуба.

- Это будет отличный год! - произносит Брэд.

- Что?

- У нас будет грандиозный год.

- Но…

- Это лучшее, что ты мог сделать ради своей игры.

- Но у меня беда. А ты…

- Беда? Значит, ты неверно смотришь на вещи. У вас нет детей. Ты свободен, как птица. Если бы у вас были дети - да, у тебя были бы серьезные проблемы. Но сейчас ты выскакиваешь оттуда совершенно бесплатно.

- Да уж.

- Весь мир лежит у твоих ног! Ты один и свободен ото всех этих драм.

Брэд похож на ненормального, его переполняет возбуждение. Он говорит, что скоро турнир в Ки-Бискейн, затем - грунтовый сезон, хорошие новости будут обязательно.

- Теперь ты сбросил это бремя. И хватит болтаться вокруг Вегаса, лелея свою боль. Лучше давай-ка добавим немного боли твоим соперникам.

- А знаешь, ты прав! Давай-ка по этому поводу выпьем еще по «Маргарите»!

- Теперь пора бы поесть, - говорю я в девять вечера.

Брэд тихо и удовлетворенно слизывает соль с края бокала. Он нашел спортивный канал и смотрит трансляцию вечернего матча из Индиан-Уэллс - Штефи Граф против Серены Уильямс. Он поворачивается ко мне и вновь широко улыбается:

- Вот твоя партия!

Он показывает на экран:

- Тебе стоило бы встречаться со Штефи Граф!

- Вот только она не хочет встречаться со мной.

Я рассказываю Брэду все начистоту. Про Открытый чемпионат Франции в 1991 году. Про Уимблдонский бал в 1992-м. Я пытался, но раз за разом безуспешно. Штефи Граф для меня - как Чемпионат Франции. Никак не могу добиться победы.

- Все это в прошлом, - говорит Брэд. - В то время ты плохо старался. Это было непохоже на тебя. Задать лишь один вопрос - и смыться? Чистый дилетантизм. С каких это пор ты позволяешь другим командовать твоей игрой? С каких пор считаешь, что «нет» - это ответ?

Я киваю. Наверное, он прав.

- Тебе нужен один лишь взгляд, - продолжает Брэд. - Проблеск света. Одна-единственная возможность.

Ближайший турнир, в котором мы со Штефи оба участвуем, - Ки-Бискейн. Брэд велит мне расслабиться: он сам придумает повод для встречи. Он знает тренера Штефи, Хайнца Гунтхарта. Он поговорит с ним о совместной тренировке.

КАК ТОЛЬКО МЫ ПОЯВЛЯЕМСЯ В КИ-БИСКЕЙН, Брэд звонит Хайнцу. Тот явно удивлен подобным предложением и отказывает. По его словам, Штефи ни за что не нарушит свой обычный график тренировок ради того, чтобы попрактиковаться с незнакомцем. Она очень строго соблюдает режим. Кроме того, она застенчива и для нее это будет некомфортно. Брэд настаивает, да и сам Хайнц, должно быть, в душе немного романтик. Он предлагает нам арендовать корт сразу после тренировки Штефи и приехать на место немного пораньше. Тогда Хайнц сможет как бы случайно предложить ей перекинуться со мной несколькими мячами.

- Все в порядке! - радуется Брэд. - Полдень. Ты. Я. Штефи. Хайнц. Начнем игру!

НАЧИНАТЬ СЛЕДУЕТ С ГЛАВНОГО. Я звоню Джей Пи и прошу его на максимальной скорости примчаться во Флориду. Мне нужен совет. Консультация. Поверенный в любовных делах. Потом я иду на корт и начинаю усиленно тренироваться: перед тренировкой со Штефани нужно быть во всеоружии.

В назначенный день мы с Брэдом приходим на корт на сорок минут раньше. Семь раз я играл в финале турниров Большого шлема и ни разу так не трепетал. Мы видим, что Хайнц со Штефи заняты тренировкой. Мы стоим с краю, наблюдая за ними. Через несколько минут Хайнц подзывает Штефи к сетке и что-то говорит ей, показывая на нас.

Она смотрит в нашу сторону.

Я улыбаюсь ей.

Она не отвечает на улыбку.

Она что-то отвечает Хайнцу, он вновь обращается к ней. Она качает головой и трусцой бежит к задней линии. Хайнц машет мне рукой, приглашая на корт.

Я быстро шнурую кроссовки. Выхватываю ракетку из сумки и выхожу на корт - затем резко снимаю рубашку. Это нахальство, я понимаю, но мне необходим отчаянный жест. Штефи смотрит на меня и едва заметно улыбается. Спасибо, Джил.

Мы начинаем игру. Штефи играет безупречно, и мне приходится прилагать недюжинные усилия, чтобы мяч от меня перелетал через сетку. Сетка - злейший враг. «Расслабься, - говорю я себе. - Не думай. Смелее, Андре, это всего лишь тренировка».

Но я ничего не могу с собой поделать. Впервые вижу такую красивую женщину. Когда она стоит спокойно, не двигаясь, она похожа на богиню. В движении же - словно песня. Я ее почитатель, ее болельщик. Мне давно было интересно испытать удар справа от Штефи Граф. Я множество раз видел его во время турниров и по телевизору и гадал, как чувствует себя мяч, отлетая от ее ракетки. Мячи по-разному ощущают себя, ударяясь о ракетки разных игроков, ведь у каждого свои особенности удара, сила, умение подкручивать. Теперь, играя с ней, я чувствую ее особенности. Это как коснуться ее, хотя мы стоим в двенадцати метрах друг от друга. Наши удары по мячу напоминают мне предварительные ласки.

Она делает серию ударов слева, выбивает фонтанчики пыли на корте своими знаменитыми резаными ударами. Я просто обязан поразить ее легкостью, с которой беру такие удары, и способностью контролировать мяч. Но это оказывается труднее, чем ожидал. Я пропускаю один удар и кричу ей:

- В следующий раз меня так просто не поймать!

Она ничего не отвечает и бьет еще один резаный мяч. Я отбиваю его с задней линии ударом слева, вложив в него все свои силы.

В ответ она все-таки посылает его в сетку.

- Теперь мы в расчете! - кричу я.

И вновь в ответ - молчание. Лишь следующий мяч летит дальше и быстрее.

Во время моих тренировок Брэд, как правило, все время занят. Он подбирает мячи, дает указания, болтает языком. Но не сейчас. Он сидит в кресле судьи на вышке и глядит на нас, не отрываясь, - словно спасатель на берегу бухты, кишащей акулами.

Стоит мне глянуть на него, он одними губами произносит одно слово: «Красота!»

На краю корта собираются зеваки. Несколько фотографов уже щелкают камерами. Интересно, зачем? Неужели совместная тренировка игроков разного пола - такая уж редкость? Или это лишь потому, что я в ступоре пропускаю каждый третий мяч? Со стороны это похоже на урок тенниса, который Штефи дает ухмыляющемуся субъекту' с голым торсом.

Через час и десять минут она машет мне рукой и идет к сетке:

- Спасибо, - говорит она.

Я рысью подбегаю к ней:

- Вам спасибо.

Я ухитряюсь изображать полную бесстрастность, пока она не начинает растяжку ног у подпорки сетки. Тут кровь бросается мне в голову. Я понимаю, что должен немедленно чем-то занять себя, каким-то физическим действием, иначе могу потерять сознание. Вообще-то я никогда не делал такую растяжку, - почему бы не начать прямо сейчас? Я кладу ногу на стойку сетки и делаю вид, что моя спина способна гнуться. Мы обсуждаем турнир, жалуемся на перелет, сравниваем свои впечатления о разных городах.

- Какой город нравится тебе больше всего? - спрашиваю я. - Где бы тебе хотелось жить, когда закончишь играть?

- Буду выбирать между Нью-Йорком и Сан-Франциско. Пока оба нравятся одинаково.

«А как насчет того, чтобы поселиться в Лас-Вегасе?» - думаю я.

- Мне эти два города тоже нравятся больше всего, - произношу вслух.

Она улыбается:

- Ну, что ж, еще раз спасибо!

- Взаимно!

Мы по-европейски целуем друг друга в щеки.

Мы с Брэдом плывем на пароме обратно на Фишер-Айлэнд, где нас уже ждет Джей Пи. Остаток ночи проводим втроем, рассуждая о Штефи как о сопернике. Брэд относится к ней примерно так же, как к Рафтеру или Питу. У нее есть сильные и слабые стороны. Она прервала свою тренировку, чтобы поиграть со мной, фактически взяв на себя роль тренера. Джей Пи то и дело звонит Джони, включает громкую связь, и мы пытаемся выяснить женский взгляд на проблему.

Эти разговоры продолжаются еще два дня. За ужином, в сауне, в баре отеля мы втроем только и говорим, что о Штефи. Мы строим заговоры, проводим, как говорят военные, рекогносцировку и разведку. Мне то и дело кажется, что мы планируем как минимум вторжение в Германию одновременно с

суши и с моря.

- Кажется, я ей совершенно безразличен, - говорю я.

- Она еще не знает, что ты сбежал от женушки, - возражает Брэд. - Газеты об этом еще не сообщали. Так что тебе нужно объяснить ей, что ты свободен, и рассказать о своих чувствах.

- Я пошлю ей цветы.

- Цветы - это неплохо. Но ты не можешь послать их от своего имени, - напоминает Джей Пи. - Иначе это тут же просочится в прессу. Мы попросим Джони послать букет, но на карточке пусть напишет твое имя.

- Хорошая идея.

Джони отправляется в цветочный магазин в Саус-Бич и, следуя моим указаниям, скупает там все розы. По сути целый розовый сад переезжает в комнату Штефи. В приложенной записке я благодарю Штефи за совместную тренировку и приглашаю ее на ужин. Затем сажусь рядом с телефоном и жду звонка.

Телефон молчит весь день. И весь следующий день.

Я гипнотизирую его взглядом, ору на него - но все напрасно: телефон не звонит. Меряю комнату шагами. Грызу ногти, пока пальцы не начинают кровоточить. В комнату входит Брэд и сочувственно предлагает мне выпить успокоительное.

- Что за ерунда! - ору я в ответ. - Ладно, я ей не нравлюсь, верю, но спасибо-то можно сказать?! Если она не позвонит сегодня вечером, я сам позвоню ей, клянусь!

Мы идем на террасу. Брэд выглядывает первым и хмыкает.

- Что такое?

- Кажется, я вижу твои цветы, - сообщает Джей Пи.

Они показывают на террасу номера напротив. Это явно номер Штефи: ведь там, на столике посреди террасы, стоят мои огромные букеты красных роз на длинных стеблях.

- Не очень-то хороший знак, - говорит Джей Пи.

- Да, нехороший, - соглашается Брэд.

РЕШАЕМ ДОЖДАТЬСЯ, пока Штефи выиграет свой первый матч. Мы уверены, что это случится, - и как только она это сделает, я позвоню ей. Джей Пи готовит меня к этому разговору. Он играет роль Штефи. Мы репетируем все возможные сценарии. Джей Пи отрабатывает со мной каждую реплику, которую только может бросить моя собеседница.

В первом круге она побеждает свою не слишком удачливую соперницу за сорок две минуты. Я подкупаю капитанов паромов, чтобы те, как только Штефи ступит на борт одного из них, сообщили мне об этом в ту же минуту. Через пятьдесят минут после матча раздается звонок:

- Она на борту.

Пятнадцать минут, чтобы добраться до острова, десять минут - чтобы доехать от порта до отеля. Затем я набираю дежурного и прошу соединить с ее комнатой. Я знаю ее номер, потому что до сих пор вижу мои злополучные цветы, уныло стоящие на столике посреди патио.

Она поднимает трубку на втором гудке.

- Привет, это Андре.

- Да?

- Я просто хотел позвонить и узнать, получила ли ты цветы?

- Да, получила.

- Хорошо.

Молчание.

- Не хотела бы быть неправильно понятой, - нарушает молчание она. - Я здесь с другом.

- Я понимаю. Извини.

Молчание.

- Удачи на турнире.

- Спасибо. Тебе тоже.

Зияющее молчание.

- Что ж, пока.

- Пока.

Я падаю на кровать и молча смотрю в пол.

- Один вопрос, - говорит Джей Пи. - Что такого она сказала, чтобы вызвать это выражение у тебя на лице? Какой сценарий мы не отрепетировали?

- Здесь ее приятель.

- А, черт!

Затем я улыбаюсь. Пытаюсь воспользоваться одной из оптимистичных рекомендаций Брэда. Может быть, она хотела подать мне знак? Наверняка ее бойфренд сидел рядом с ней.

- И что?

- Она просто не могла говорить. Но ведь она не сказала - мол, у меня есть бойфренд, оставь меня в покое, так? Она сказала: «Я здесь с другом».

- И что?

- Кажется, она намекает, что у меня есть шанс.

Джей Пи предлагает мне выпить.

НА ТУРНИРЕ я позволил себе отвлечься. В первом круге, в матче против Доминика Хрбаты из Словакии, я думаю только о Штефи и ее бойфренде. Понравились им мои розы или они изо всех сил делали вид, что их нет? Разумеется, Хрбаты одерживает верх в трех сетах.

Я выбываю из турнира. Пора покидать Фишер-Айлэнд. Вместо

этого слоняюсь по острову, сижу на берегу, продолжаю строить коварные планы вместе с Джей Пи и Брэдом.

Брэд утверждает, что бойфренд Штефи, возможно, приехал неожиданно.

- Кроме того, она даже не знает, что ты в разводе. Думает, что ты женат на Брук. Дай ей время. Пусть новость выйдет наружу. А затем - дерзай.

- Ты прав.

Брэд говорит, что с учетом поражения в матче с Хрбаты, мне явно необходимо принять участие еще в одном турнире до начала сезона грунтовых кортов.

- Поехали в Гонконг, - говорит Брэд. - Хватит сидеть тут, думать и говорить только о Штефи.

Следующее, что я осознаю: сижу в самолете, направляющемся в Китай. В головной части салона на экране горит надпись: «Расчетное время полета - 15 часов 37 минут».

Я смотрю на Брэда. 15 часов 37 минут? Чтобы я там сходил с ума по Штефи? Нет уж, спасибо!

Отстегиваю ремень и встаю.

- Ты куда?

- На выход.

- Не будь дураком. Садись. Расслабься. Мы вместе. Полетели играть.

Я вновь падаю на сиденье, заказываю две порции водки, принимаю снотворную таблетку, - и вот перелет, длившийся, казалось, целый месяц, закончен: мы прибыли на другой край земли. Я сижу в машине, мчащейся по шоссе сквозь Гонконг, и рассматриваю через окно громаду Международного финансового центра.

Звоню Перри, чтобы узнать, как продвигается мой развод.

- Юристы обсуждают детали, - отвечает тот. - А пока вам с Брук следует поработать над совместным заявлением.

Мы шлем факсы туда-сюда. Моя команда, ее команда. Текст вычитывают по очереди юристы и редакторы. То, что началось с факса, им же и заканчивается.

Наконец, Перри говорит, что заявление скоро будет опубликовано. Оно может появиться в газетах со дня на день.

Мы с Брэдом каждое утро спускаемся в гостиничный холл и скупаем все газеты, чтобы во время завтрака бегло просматривать страницу за страницей, выискивая нужный заголовок. Впервые в жизни я не могу дождаться, когда в прессе появится история о моей личной жизни. Каждое утро повторяю молитву: «Господи, пусть именно сегодня Штефи узнает, что я свободен».

Дни идут, но сообщения нет. Это почти так же тяжело, как

ждать звонка от Штефи. Если бы у меня на голове были волосы, я бы уже начал их рвать. И вот наконец на обложке People вижу наше с Брук фото. Заголовок гласит: «Нежданное расставание». На календаре - 26 апреля 1999 года, три дня до дня моего рождения, почти два года со дня нашей свадьбы.

Возрожденный, обновленный, я выигрываю турнир в Гонконге, но в самолете по пути домой не могу пошевелить рукой. Прямо из аэропорта спешу к Джилу. Он осматривает мое плечо, хмурится.

- Быть может, нам придется пропустить весь грунтовый сезон.

- Нет-нет-нет! - восклицает Брэд. - Нам нужно быть в Риме на Открытом чемпионате Италии.

- Ну пожалуйста! Я никогда не выиграю его. Может, забудем?

- Нет, - возражает Брэд. - Полетели-ка в Рим, там посмотрим, как поведет себя твое плечо. Ты ведь и в Гонконг не хотел, так? Но выиграл же! Мне кажется, процесс пошел.

Позволяю затащить себя в самолет, но в Риме проигрываю в третьем круге Рафтеру, которого победил совсем недавно в Индиан-Уэллс. Сейчас мне действительно больше всего хочется притормозить. При этом Брэд убеждает, что я должен принять участие в Международном командном турнире в Германии. У меня нет сил с ним спорить.

В Германии холодно и уныло, играть тяжело. Я почти готов убить Брэда: не могу простить, что ему удалось затащить меня в Дюссельдорф с больным плечом. В середине первого сета, проигрывая 3-4, я понимаю, что не в состоянии взмахнуть ракеткой. Отказываюсь от продолжения матча. «Мы едем домой, - говорю я Брэду. - Мне нужно заняться плечом. А кроме того, я собираюсь решить все вопросы со Штефи».

Когда мы садимся на борт самолета, следующего из Франкфурта в Сан-Франциско, я упорно молчу, я зол до безумия. В конце концов не выдерживаю:

- Вот что, Брэд. Я не спал всю ночь из-за этого чертова плеча. Сейчас я приму две таблетки снотворного и не услышу тебя в следующие двенадцать часов. А когда мы приземлимся, первое, что ты сделаешь, - снимешь меня с участия в Открытом чемпионате Франции.

Он два часа тратит на уговоры. «Ты не едешь в Вегас, - говорит он. - Не будешь сниматься с турнира. Поедешь в Сан-Франциско, ко мне домой. У меня есть гостевой домик с камином и дровами, как ты любишь. А потом мы полетим в Париж - играть. Это единственный Шлем, которого у тебя еще не было, и ты хочешь его завоевать, но не сможешь этого сделать, если не будешь играть».

- Чемпионат Франции? Ты шутишь. Этот поезд ушел.

- Откуда ты знаешь? Кто сказал, что этот год - не твой?

- Я сказал. Это не мой год.

- Послушай, ты лишь сейчас начал время от времени напоминать того спортсмена, которым был когда-то. Хотя бы поэтому мы должны остаться.

В его словах есть зерно истины. Конечно, мысль о том, что я могу выиграть Чемпионат Франции, - утопия. Но, если я снимусь с Чемпионата, мне будет легче сняться с Уимблдона. А там и год на исходе. А значит - прощай, возвращение, здравствуй, пенсия.

Когда мы приземлились в Сан-Франциско, я чувствовал такую усталость, что был не в состоянии спорить. Сел в машину Брэда, он отвез меня к себе и устроил в гостевом доме. Я проспал двенадцать часов, а проснувшись, увидел у постели мануального терапевта.

- Это не сработает, - заверяю я.

- Сработает, - возражает Брэд.

Хожу на процедуры дважды в день. Остальное время смотрю в одну точку и поддерживаю огонь в камине. К пятнице мне действительно становится лучше. Брэд улыбается. Мы тренируемся на корте на его заднем дворе: играем двадцать минут, затем я пробиваю несколько подач подряд.

- Звони Джилу, - говорю я. - Мы летим в Париж.

В НАШЕМ ПАРИЖСКОМ ОТЕЛЕ Брэд просматривает турнирную сетку.

- Как тебе? - интересуюсь я.

Молчание.

- Брэд?

- Хуже не бывает.

- Серьезно?

- Кошмар. В первом круге ты встречаешься с Франко Скиллари, левшой из Аргентины. Он, кажется, самый крутой из несеяных игроков на этом турнире. Большой специалист по грунтовым кортам.

- И зачем только ты меня сюда притащил?

Мы тренируемся всю субботу и воскресенье. В понедельник начинается турнир. В раздевалке, перевязывая ноги, вспоминаю, что забыл положить в сумку белье. Матч через пять минут. Разрешено ли играть без нижнего белья? Я не знаю даже, возможно ли это физически.

Брэд в шутку предлагает одолжить свое.

Мне еще никогда настолько не хотелось выиграть.

«Прекрасно, - думаю. - Я не собирался приезжать на этот турнир. Мне нечего здесь делать. В первом же круге я должен

играть с крутым спецом по грунту, да еще и на центральном корте. И почему бы при таком раскладе, спрашивается, не выйти на матч без белья?»

На стадионе собрались шестнадцать тысяч болельщиков, которые орут, будто крестьяне, штурмующие Версаль. Не успев вспотеть, я уже проигрываю сет и теряю подачу. Бросаю взгляд на свою ложу, нахожу глазами Брэда и Джила: «Помогите!» Брэд смотрит на меня с каменным лицом: мол, помоги себе сам.

Подтягиваю шорты, вдыхаю как можно глубже и медленно выпускаю воздух из легких. Говорю себе: хуже все равно не будет. Надо выиграть только один сет. Вырвать сет у такого парня для тебя уже достижение. Постарайся, пожалуйста.

Когда задача упрощается, она кажется более достижимой, хотя автоматически превращает меня в неудачника. Я начинаю бить слева, использовать свои сильные удары. В публике смятение: здесь от меня давно не видели хорошей игры. Надо сказать, я сам в недоумении.

Второй сет похож одновременно на уличный бой, матч по рестлингу и дуэль на расстоянии пятидесяти шагов. Скиллари не сдается, но я зубами выгрызаю у него преимущество - 7-5. Затем случается невероятное: выигрываю третий сет. Чувствую надежду, заполняющую меня с ног до головы. Смотрю на Скиллари - его надежда уже покинула. На его лице - ни следа эмоций. Один из самых подготовленных спортсменов на турнире, он не в состоянии заставить себя сделать рывок. С ним покончено. В четвертом сете играю на добивание и неожиданно ухожу с корта с самой невероятной победой в моей карьере.

Уже в отеле, весь покрытый пылью, говорю Джилу:

- Ты видел, как корчился этот крутой спец? Мы заставили его корчиться, Джил!

- Я видел.

Лифт в отеле небольшой, места в нем хватает на пять человек нормального телосложения - или на меня и Джила. Брэд пропустил нас вперед. Я нажал кнопку. Мы прислонились к стенкам - каждый в своем углу. Чувствую его взгляд.

- Что случилось?

- Ничего.

Он все так же не сводит с меня глаз.

- В чем дело, Джил?

- Все в порядке, - улыбается он и повторяет: - Все в порядке.

Во втором круге я вновь выступаю без белья. (Я больше никогда не надеваю белье на корте. Если что-то срабатывает, не стоит это менять.) Играю с французом Арно Клеманом. Выигрываю первый сет 6-2 и веду во втором. Моего соперника,

кажется, укачало, он будто спит на ходу. Но затем просыпается и выигрывает второй сет. А следом - третий. Как так получилось? Подаю при счете 4-5 в четвертом сете, 0-30. Я в двух очках от того, чтобы вылететь с турнира.

«Два очка, - только и думаю я. - Два очка».

Он бьет справа - мощный, победный удар. Я подхожу к линии, проверяю место падения мяча. Аут. Обвожу ракеткой место падения. Линейный судья подбегает для проверки. Он изучает место, словно Эркюль Пуаро, затем поднимает руку. Аут!

Если бы мяч попал в линию, мой противник заработал бы тройной матч-пойнт. Вместо этого счет становится 15-30. Согласитесь, есть разница. А что, если?..

Но я приказываю себе не думать о всяческих «если». «Андре. Отключи разум!» Две минуты я показываю лучшую свою игру. И мне удается удержаться. У нас по пяти.

Клеман подает. Будь на моем месте другой игрок, он бы добился преимущества. Но сейчас я - сын своего отца. Я отлично отбиваю чужие подачи. Не пропускаю ни единого мяча. Затем начинаю гонять его с одного края корта на другой, взад и вперед, пока язык не вываливается у него изо рта. Когда он - а с ним и зрители - уже уверены, что я не смогу загнать его сильнее, усиливаю нажим. Он мечется, как метроном. И вот - с ним покончено. Он клонится вперед, будто подстреленный в голову. У него начинаются судороги. Он зовет врача.

Я отбираю подачу и легко выигрываю четвертый сет.

В пятом побеждаю со счетом 6-0.

В раздевалке Брэд болтает сам с собой, со мной, с каждым, кто готов слушать:

- У него задняя шина лопнула! Видели? Шина - в клочья!

Журналисты спрашивают, считаю ли я своей удачей то, что у Клемана начались судороги.

- Удачей? Мне пришлось немало потрудиться ради этих судорог.

В отеле я вновь поднимаюсь в маленьком лифте вместе с Джилом. Лицо у меня покрыто земляной пылью, ею же забиты глаза, уши и рот, пропитана одежда. Я смотрю вниз. Никогда не думал, что грунт Ролан Гарроса, высыхая, так походит на кровь. Стараюсь хоть немного очиститься и вдруг замечаю, что Джил вновь внимательно смотрит на меня.

- Что случилось?

- Ничего, - отвечает он, улыбаясь.

В ТРЕТЬЕМ КРУГЕ я играю с Крисом Вудраффом. Я встречался с ним лишь однажды, в 1996-м, именно здесь - и проиграл. Это было кошмарное поражение. В тот раз я втайне считал, что у меня есть шанс на победу. Теперь с самого начала знаю, что одержу верх. Не сомневаюсь, что сегодня будет сервирована моя хорошо охлажденная месть. Я побеждаю 6-3, 6-4, 6-4 на том же корте, где он когда-то разгромил меня. О корте позаботился Брэд. Он хотел, чтобы я все вспомнил, чтобы этот матч всколыхнул давнюю обиду.

И вот я в шестнадцатом круге Открытого чемпионата Франции - впервые с 1995 года. Моя награда - Карлос Мойя, защищающий свой чемпионский титул.

- Не переживай, - утешает Брэд. - Да, Мойя чемпион, он хорош на грунте, но ты можешь выиграть время. Загоняй его, стой перед задней линией, бей по мячу рано, дави на него. Старайся бить под левую руку, но, если бьешь под правую, пусть в этом будет смысл и сила. Не просто бей - вколачивай изо всех сил. Пусть он почувствует твою хватку.

В первом сете хватку демонстрирует Мойя. Я проигрываю. Во втором запарываю две подачи. Я не могу перехватить инициативу. Не следую рекомендациям Брэда. Смотрю на нашу ложу. Брэд кричит: «Давай! Работай!»

Так, начнем сначала. Задаю жестокий ритм, мурлыча про себя: «Беги, Мойя, беги!» Заставляю его наматывать круги, вынуждаю пробежать целый бостонский марафон. Я выигрываю второй сет. Трибуны ликуют. В третьем заставляю Мойю бегать больше, чем трех своих последних соперников вместе взятых, и вдруг, неожиданно, он сдается. Он не хочет продолжать.

В начале четвертого сета я лучусь уверенностью. Прыгаю, чтобы Мойя видел: у меня еще полно сил. Он видит - и вздыхает. Я добиваю его и мчусь в раздевалку, где мы с Брэдом победно сдвигаем кулаки, да так, что моя кисть чуть не ломается.

В лифте отеля Джил вновь внимательно смотрит на меня.

- Джил, в чем все-таки дело?

- У меня есть предчувствие.

- Какое?

- Мне кажется, ты близишься к столкновению.

- С чем?

- С судьбой.

- Я, вроде, не верю в судьбу.

- Увидим. Нельзя разжечь огонь под дождем…

У НАС ДВА СВОБОДНЫХ ДНЯ, чтобы отдохнуть и подумать о вещах, не связанных с теннисом. Брэд узнал, что в нашем отеле живет Брюс Спрингстин, приехавший в Париж с концертом, и теперь предлагает сходить послушать артиста. Он заказывает три места в первом ряду.

Сначала мне не кажется, что идея отправиться развлекаться в город столь уж хороша. Но по всем каналам идут новости о чемпионате, а это не способствует подъему настроения. Вспоминаю, как кто- то насмехался надо мной за участие в местных турнирах, сравнивая со Спрингстином, которому вдруг вздумалось сыграть в местечковом баре.

- Хорошо, - соглашаюсь я. - Пойдемте, послушаем Босса.

Мы с Брэдом и Джилом входим в зал за несколько секунд до появления Спрингстина на сцене. Пока бежим по проходу, кто-то из зрителей узнает меня, показывает пальцем, выкрикивает: «Андре! Вперед, Андре!» Несколько человек подхватывают крики. Мы плюхаемся на свои места. Прожектор шарит по толпе - и вдруг останавливается. Наши лица появляются на гигантском экране над сценой. Толпа ревет, скандируя: «Вперед, Агасси!» Шестнадцать тысяч человек - столько же, сколько вмещает Ролан Гаррос, - поют, топают ногами. «Вперед, Агасси!» Эта фраза,

выкрикиваемая тысячами глоток, обретает скачущий ритм детской считалки: там-парам-парам-парам. Эти крики заразны: вот уже и Брэд присоединился к кричащим. Встаю, кланяюсь. Я польщен. Вдохновлен. Я был бы не против, если бы следующий матч начинался здесь и сейчас. Вперед, Агасси!

Вновь встаю. Сердце колотится где-то в горле. И вот, наконец, Босс выходит на сцену.

В ЧЕТВЕРТЬФИНАЛЕ встречаюсь с Марсело Филиппини из Уругвая. Первый сет проходит легко. Второй - не труднее. Я заставляю его бегать, он понемногу теряет силы. «Детка, давай, ноги передвигай, ведь мы рождены, чтобы вечно бежать[45]». Почти так же, как побеждать, я люблю заставлять соперников бегать до потери сил, с удовольствием наблюдая, как мои многолетние упражнения с Джилом оправдывают себя в эти две короткие недели. В третьем сете Филиппини даже не сопротивляется, я выигрываю 6-0.

- Да ты их всех изуродуешь, Андре! - кричит Брэд. - Покалечишь!

Я в полуфинале, мой противник - Хрбаты, который только что с легкостью выбил меня из турнирной сетки в Ки-Бискейн, где я мог думать лишь о Штефи. Выигрываю первый сет, 6-4, и следующий - 7-6. Небо закрывают тучи, начинает моросить. Мяч становится тяжелее, я уже не могу вести наступательную игру. Хрбаты пользуется этим и побеждает в третьем сете 6-3. В четвертом он ведет 2-1, и практически выигранный матч начинает от меня ускользать. Хрбаты пока проигрывает один сет, но он явно нашел свою игру. Кажется, я просто жду поражения.

Смотрю на Брэда. Тот показывает на небо: «Останавливай матч».

Я делаю знак судье на вышке и судье-инспектору. Указываю им на корт, превратившийся в грязное месиво, и заявляю, что не буду играть в таких условиях. Это опасно. Они изучают грязь, расползшуюся по корту, будто золотоискатели в поисках драгоценного металла, и, посовещавшись, останавливают игру.

За ужином с Джилом и Брэдом я пребываю в отвратительном настроении. Знаю, что игра сегодня была не в мою пользу. Только дождь стал спасением. Если бы не он, мы были бы уже в аэропорту. Но впереди еще целая ночь, чтобы думать и переживать за завтрашний день.

В молчании смотрю на еду.

Брэд с Джилом говорят обо мне, будто меня нет здесь.

- Физически он в порядке, - говорит Джил. - Он в прекрасной форме. Так что толкни-ка ему толковую речь. Порадуй тренерским напутствием.

- И что мне ему сказать?

- Придумай что-нибудь.

Брэд делает огромный глоток пива и поворачивается ко мне:

- Слушай, Андре, какое дело. Я хочу, чтобы завтра ты потратил двадцать восемь минут ради меня.

- Что?

- Двадцать восемь минут. Это скоростной забег. Ты на него вполне способен. Тебе надо выиграть пять геймов - и все. Двадцати восьми минут тебе вполне хватит.

- А погода? А мяч?

- Погода будет отличная.

- Обещали дождь.

- Нет, погода будет что надо. Так что с тебя - всего лишь двадцать восемь грандиозных минут.

Брэд знает мой образ мыслей, понимает, как работает мое сознание. Он знает, что максимально конкретные указания, четкие и ясные задачи для меня - как леденцы для ребенка. Но откуда он знает насчет погоды? Мне впервые пришло в голову, что Брэд - не столько тренер, сколько провидец.

Вернувшись в отель, мы с Джилом садимся в лифт.

- Все будет хорошо, - говорит Джил.

- Ага.

Перед тем как лечь спать, он заставляет меня выпить дозу коктейля Джила.

- Я не хочу.

- Надо. Выпей.

Накачав жидкостью под завязку, он, наконец, отпускает меня спать.

На следующий день, выходя на корт, я заметно напряжен. Проигрывая 1-2 в четвертом сете, я подаю - и отдаю сопернику два брейк-поинта. Нет, нет, нет. Отыгрываюсь, вновь поровну. Удерживаю подачу. Теперь сет затянется. Избежав катастрофы, неожиданно расслабляюсь. Я счастлив. Так часто бывает в спорте. Висишь на тонкой нити над бездонной пропастью, смертельный ужас отпечатался на твоем лице… И вдруг твой соперник ослабляет напряжение. И тут чувствуешь себя избранным и играешь вдохновенно. Выигрываю четвертый сет и матч. Я в финале.

Первый, на кого я бросаю взгляд, - Брэд, который возбужденно показывает пальцем на часы над кортом.

Двадцать восемь минут. Секунда в секунду.

Мой соперник в финале - украинец Андрей Медведев. Этого не может быть! Всего несколько месяцев назад мы с Брэдом столкнулись с Медведевым в ночном клубе в Монте-Карло. В тот

день он потерпел тяжелое поражение и пил, чтобы заглушить страдания. Мы пригласили его составить нам компанию. Он плюхнулся в кресло рядом с нашим столиком и объявил, что уходит из тенниса.

- Больше не могу играть в эту чертову игру, - объявил он. - Я слишком стар. Для меня в теннисе все кончено.

Я отговаривал его.

- Да ты что! - убеждал я. - Посмотри на меня: мне двадцать девять, у меня полно травм и один развод, а ты тут болтаешь о том, что уже ни на что не способен в свои двадцать четыре? Да у тебя блестящее будущее!

- Я плохо играю.

- Так займись своей игрой!

Он хотел советов и рекомендаций, просил проанализировать его игру, как я когда-то просил Брэда проанализировать мою. Что ж, я постарался сделать это в стиле Брэда: грубо, но честно. По моему мнению, Медведев - обладатель прекрасной подачи, отличного приема и удара слева. Правда, удар справа у него слабоват, и это ни для кого не секрет, но он может успешно скрывать эту слабость. Он довольно крупный спортсмен, так что для него не составит труда заставить соперников бить под нужную руку.

- Ты прекрасно двигаешься! - кричал я. - Вернись к основам. Первую подачу пробей изо всех сил - и бей слева в линию!

С того вечера он точно следовал моим советам. И вот теперь Медведев на коне. В ходе этого турнира он уверенно идет вперед и считается одним из фаворитов. Всякий раз, когда мы с ним сталкиваемся в раздевалке или где-нибудь в окрестностях Ролан Гарроса, заговорщицки улыбаемся и машем друг другу рукой.

Я и представить себе не мог, что нам предстоит стать соперниками.

Увы, Джил был не прав. Меня ждет столкновение не с судьбой, а с огнедышащим драконом, которого я сам вызвал из небытия.

ПАРИЖАНЕ то и дело подходят ко мне и желают удачи. Турнир для них - главная тема в любом разговоре. В ресторанах, кафе, на улицах они выкрикивают мое имя, целуют в щеки, подбадривают. История о появлении Агасси на концерте Спрингстина облетела первые полосы газет. Болельщики и пресса потрясены моим невероятным взлетом. Каждый находит в истории моего возвращения что-то глубоко личное.

Вечером перед финалом сижу в гостиничном номере, смотрю телевизор. Выключаю его и подхожу к окну. Я чувствую себя больным. Вспоминаю последние восемнадцать месяцев,

предыдущие восемнадцать лет. Миллионы мячей и решений. Я знаю, что сегодня - мой последний шанс выиграть Открытый чемпионат Франции, выиграть четвертый Шлем, собрав полный комплект. Меня пугает перспектива поражения, но и победа пугает не меньше. Принесет ли она счастье? Будет ли стоить затраченных усилий? Смогу ли я разумно ею распорядиться или бездарно растрачу?

Медведев тоже не выходит у меня из головы. У него - моя манера игры. Даже имя мое - Андрей. Андрей против Андре. Я против своего двойника.

Брэд и Джил стучатся в дверь:

- Идем ужинать?

Я приглашаю их войти ко мне на пару секунд. Они встают у двери и смотрят, как я открываю мини-бар и наливаю себе большую порцию водки. Брэд в изумлении открывает рот, видя, как я проглатываю спиртное одним глотком.

- Что ты, черт возьми, делаешь?..

- Брэд, я на грани нервного срыва. Я за весь день не смог съесть ни кусочка. Мне нужно поесть, а чтобы поесть, я должен расслабиться.

- Брэд, не волнуйся, - произносит Джил. - Он в порядке.

- По крайней мере выпей сейчас же большой стакан воды, - ворчит Брэд.

После ужина, вернувшись в номер, принимаю снотворное и растягиваюсь на постели. Звоню Джей Пи: у него сейчас утро.

- А у тебя который час?

- Очень поздно.

- Как ты?

- Очень тебя прошу, поговори со мной хотя бы пару минут о чем- нибудь кроме тенниса.

- Ты в порядке?

- О чем угодно, только не о теннисе!

- Хорошо. Договорились. Может, я прочитаю тебе стихотворение? Я сейчас много читаю стихов.

- Годится.

Он подходит к полке, вынимает книгу и тихо читает:

Хоть нет уж силы, нас переполнявшей[46]
В года былые, хоть не счесть потерь
Земных, хоть все вокруг переменилось,
Но жив в сердцах героев прежний пламень.
Пусть телом мы слабыно воля нас ведет
Бороться и искать, найти и не сдаваться.

Я засыпаю, не успев повесить телефонную трубку.

ДЖИЛ СТУЧИТ В ДВЕРЬ, одетый так, будто собирается на встречу с Шарлем де Голлем. На нем черное элегантное пальто спортивного покроя, черные брюки с тщательно отутюженными стрелками и черная шляпа. Кроме того, на нем подаренная мною цепочка. Я надеваю серьгу из этого же комплекта. Отец, Сын, Святой Дух.

В лифте он произносит:

- Все будет хорошо.

- Да, - отвечаю я.

Но хорошего, похоже, мало, понимаю я во время разминки. Я потею, как мышь, будто вновь оказался на собственной свадьбе. Я так нервничаю, что у меня стучат зубы. Ярко светит солнце, и это - повод порадо-ваться: мяч будет суше и легче. Но жара лишь заставляет меня потеть сильнее.

С самого начала матча я похож на развалину, хорошенько пропитанную потом. Делаю глупые ошибки, которые непростительны и для новичка. Мне хватает девятнадцати минут, чтобы проиграть первый сет 6-1. Медведев, между тем, выглядит удивительно спокойным. А почему бы и нет? Он делает все, что требуется, все, чему я научил его в Монте- Карло. Контролирует скорость игры, проворно двигается, пробивает с левой руки в линию при первой возможности. Его игра качественна, точна, безжалостна. Стоит мне двинуться вперед, попробовать выиграть очко, подойдя ближе к сетке, как он тут же пробивает мимо меня мощный удар слева.

На нем клетчатые шорты, больше пригодные для пляжа, да и в целом он выглядит так, будто собрался от души погулять где-нибудь на Ривьере. Он свеж и силен. Он будто отдыхает за игрой: кажется, Андрей мог бы провести здесь многие дни, ни капли не устав.

В начале второго сета небо затягивают темные тучи. Начинает моросить. Сотни зонтиков раскрываются над трибунами. Матч остановлен. Медведев бежит в раздевалку, я иду следом.

В раздевалке никого. Я хожу туда-сюда. Из крана капает вода. В такт каплям тихонько звенят дверцы металлических шкафчиков. Сижу на скамье, потею и смотрю в свой открытый шкаф.

Входят Брэд и Джил. Брэд, в белом пиджаке и белой шляпе, резко контрастирует с черными одеждами Джила. Брэд изо всех сил хлопает дверью и громко спрашивает:

- Что, черт возьми, происходит?

- Он слишком силен, Брэд. Я не могу его одолеть. Этот чувак

ростом метр девяносто пять, у него пушечная подача, и он никогда не промахивается. Он добивает меня своей подачей, добивает ударами слева, и я не могу угадать, куда он подает…

Брэд молчит. Я вспоминаю Ника, стоявшего почти на том же месте. Ник ничего не сказал мне, пока мы ждали окончания дождя, в тот день, когда я проиграл Курье восемь лет назад. Некоторые вещи все-таки не меняются. Тот же будто проклятый для меня турнир, то же чувство мучительного, до тошноты, волнения, и то же холодное безразличие тренера.

- Ты издеваешься? - ору я на Брэда. - За все эти годы ты решил выбрать именно этот момент, чтобы помолчать? Именно сейчас ты, наконец, решил заткнуться?

Брэд смотрит на меня в изумлении, а затем начинает визжать. Брэд, никогда ни на кого не повышающий голос, выходит из себя:

- А что ты, черт возьми, хочешь от меня услышать? Что именно ты хочешь услышать, а? Ты считаешь, что он слишком силен. Откуда ты знаешь, черт побери? Ты даже не знаешь, как он играет! Там, на корте, ты так охвачен паникой, - странно, что его вообще заметил! Слишком силен? Только на твоем фоне, черт бы тебя побрал!

- Но…

- По крайней мере начни играть. Если ты проиграешь, сделаешь это на своих условиях. Хотя бы бей по мячу!

- Но…

- Андре, если ты не знаешь, как бить, вот тебе подсказка. Бей так же, как он. Если он бьет слева через весь корт, ты тоже бей слева через площадку. Только бей чуть лучше, чем он. Не лучше, чем все, вместе взятые, в этом гнусном мире, а лучше, чем один-единственный парень. Да наплюй ты на его подачу! Она не будет иметь никакого значения, когда ты сам начнешь бить. Просто бей. Если мы сегодня проиграем - прекрасно, я это переживу. Но давай уж проигрывать на наших условиях. В эти тринадцать дней я видел, как ты боролся. Как держал удар, изматывал противника. Так что прекрати себя жалеть, ныть, что он слишком силен для тебя и, ради всего святого, не пытайся быть идеальным игроком! Просто смотри на мяч и бей по нему. Слышишь меня, Андре? Заставь этого парня считаться с тобой, почувствовать твою силу. Ты не двигаешься, не бьешь по мячу. Просто стоишь на месте. Если уж идешь ко дну - хорошо, иди, но перед этим жахни по противнику из всех стволов! Всегда, если идешь ко дну, успей дать залп!

Он открывает дверцу шкафчика - и с грохотом захлопывает ее. Шкафчик жалостно дребезжит.

Входит судья:

- Прошу вас на корт, джентльмены.

БРЭД И ДЖИЛ покидают раздевалку. В дверях Джил незаметно хлопает Брэда по плечу.

Медленно выхожу на корт. Короткая разминка, затем - снова игра. Я забыл счет и был вынужден посмотреть на табло, чтобы вспомнить его. Ах, да. Я веду во втором сете, 1-0. Но подает Медведев. Я опять вспоминаю финал 1991 года, наш матч с Курье, когда начавшийся дождь напрочь сломал ритм игры. Быть может, сегодня мне за это воздастся. Возможно, такова моя теннисная судьба: если тогда дождь сбил с толку, то сегодня он, напротив, выведет меня на правильный путь.

Но Медведев продолжает играть в том же стиле: прессует, заставляя меня отступать и обороняться, не давая перехватить инициативу. День сегодня влажный и пасмурный, это, кажется, добавляет Медведеву сил. Ему нравится медленный ритм. Он, подобно разъяренному слону, получает удовольствие, топча меня своими огромными ногами. В первом же гейме он подает мяч со скоростью сто девяносто три километра в час. Через секунду счет уже 1-1.

Затем он отнимает у меня подачу, удерживает ее, вновь отнимает и доводит счет до 6-2.

В третьем сете каждый удерживает свою подачу в течение пяти геймов. И вдруг, впервые за матч, необъяснимым образом я отнимаю подачу соперника. Веду 4-2. В толпе слышатся изумленные вздохи и перешептывания.

Однако и Медведев отнимает подачу. Удержав ее, он добивается счета 4-4.

Вновь появляется солнце. Под горячими лучами грунт начинает сохнуть. Скорость игры понемногу растет. Я подаю, при счете 15-15 мы разыгрываем очко в безумном темпе, и я беру над соперником верх с помощью отличного удара с лета с левой руки. Теперь, при счете 30-15, я вспоминаю, как Брэд велел мне смотреть на мяч и бить по нему. Отправляю мяч в полет. Свою первую подачу сопровождаю громким рычанием. Аут. Я спешно подаю вновь. Вновь аут. Двойная ошибка. 30-30.

Вот оно. Именно так я себе все и представлял. Медведев в шести очках от чемпионского титула. Но я проигрываю на условиях Брэда, а не на своих собственных.

Я вновь подаю. Аут. Я упрямо отказываюсь подавать второй мяч с меньшей силой. Опять аут. Две двойных ошибки подряд.

Итак, счет 30-40. Брейк-пойнт. Я хожу кругами, жмуря глаза, готовый расплакаться. Нужно взять себя в руки. Я подхожу к линии, подкидываю мяч - и вновь теряю подачу. Целых пять

подач! Еще одна - и Медведев будет подавать на матч за чемпионский титул Открытого чемпионата Франции.

Он наклоняется вперед. Готовясь к подаче соперника, ты всегда пытаешься сообразить, что у него на душе. Медведев знает, что после пяти потерянных подач я пребываю в потерянных чувствах. И поэтому он предполагает, что у меня не хватит духу играть агрессивно. Он жаждет мягкой подачи, считает, у меня нет другого выбора. Он стоит в площадке, оставив далеко за собой заднюю линию, давая мне понять, что ждет от меня слабой подачи, и ответным ударом собирается забить мяч прямо мне в глотку. Его взгляд недвусмысленно говорит: «Ну что, сдулся? Да тебе пороху не хватит показать свою злость!»

Это - поворотная точка матча, а возможно - и наших жизней. Проверка воли, решимости, мужества. Я не желаю отступать. Подбрасываю мяч в воздух. В противовес ожиданиям Медведева, бью резко и сильно, ему под левую руку. Мяч, отклоняясь с правильного курса, делает неприятнейший отскок. Медведев, однако, дотягивается, отбивая его в центр корта. Я бью справа, рассчитывая, что мяч упадет позади соперника. Он вновь берет мяч, бьет слева мне под ноги. Я наклоняюсь и неловко бью с лета. Мяч попадает в линию, Медведев перебрасывает его через сетку, и я, в свою очередь, посылаю его на половину соперника ударом столь нежным, что мяч падает недалеко от сетки и там затихает. Слабый удар - но какой сильный ход!

Удерживаю подачу и вприпрыжку отправляюсь на свое место. Толпа беснуется. Вектор силы не переменился, но сдвинулся. Медведев владел игрой, но упустил свой шанс. Судя по его лицу, он это понимает.

«Вперед, Агасси! Вперед, Агасси!»

Надо сыграть один гейм в полную силу. Тогда можно выиграть сет и по крайней мере уйти с корта с высоко поднятой головой.

Тучи давно рассеялись. Солнце высушило корт, и темп игры взвинтился до максимума. Когда мы возвращаемся после перерыва, я вижу, как Медведев угрюмо смотрит на небо. Он мечтает, чтобы вернулся дождь. Не хочет играть под палящим солнцем. Потеет. Его ноздри раздуваются, будто у лошади, нет, скорее как у дракона. Ты можешь победить дракона. Он отстает - 0-40. Я выигрываю подачу - и третий сет.

Теперь мы играем по моим правилам. Гоняю соперника из угла в угол, бью по мячу изо всех сил, словом, делаю все, что посоветовал мне Брэд. Медведев двигается медленнее, он заметно расстроен. Он слишком долго думал о победе. Он был лишь в пяти очках от нее, всего в пяти очках, и это не дает ему покоя. Эта

мысль снова и снова стучит у него в голове. «Я был так близко. Я почти победил. Я уже видел финишную ленточку!» - вот что повторяет он себе снова и снова. Он весь в прошлом, я же - в настоящем. Он думает, я - чувствую. Не думай, Андре. Бей сильнее!

В четвертом сете вновь отнимаю у него подачу. А затем начинается настоящая битва. Мы демонстрируем серьезный теннис, и каждый из нас, бормоча что-то под нос, старается двигаться быстрее и играть качественнее. Но у меня есть секретное оружие, которое я смогу пустить в ход, когда понадобится очко: игра у сетки. Все мои приемы игры у сетки срабатывают, и это явно создает Медведеву проблемы. Он начинает играть с параноидальной осторожностью. Стоит мне сделать вид, что выхожу к сетке, он вздрагивает. Я подпрыгиваю - он делает рывок.

Выигрываю четвертый сет.

В пятом быстро отыгрываю подачу и начинаю вести 3-2. Ага! В матче явно наступил перелом. То, что должно было по праву принадлежать мне в 1990, 1991 и 1995 годах, вновь рядом. Я впереди, 5-3. Он подает, 40-15. У меня два матч-пойнта. Я должен выиграть сейчас, потому что не хочу продолжать этот матч. Если я не выиграю в этот миг, возможно, не выиграю вообще. Если сейчас я не выиграю, то мне и в старости придется вспоминать Открытый чемпионат Франции и Медведева, скрючившись в кресле-качалке, укрыв ноги клетчатым пледом… Уже десять лет этот турнир не дает мне покоя, и мысль о том, что я буду страдать из-за него еще лет восемьдесят, совершенно невыносима. После всех этих тяжелых тренировок, после моего нежданного возвращения и поразительного результата на турнире, не победить - значит, больше никогда не почувствовать себя по- настоящему счастливым. И тогда Брэду придется окончить свои дни в психиатрической лечебнице. Финишная линия - кажется, я уже могу ее поцеловать. Она толкает меня вперед.

Медведев выигрывает оба матч-пойнта. Вновь поровну. Я выигрываю следующее очко. Еще один матч-пойнт.

«Сейчас! - кричу я про себя. - Выигрывай сейчас!»

Но следующее очко выигрывает мой соперник. Гейм за ним.

Смена площадок, кажется, длится вечность. Вытирая лицо полотенцем, бросаю взгляд на Брэда, ожидая увидеть его столь же безутешным, как я сам. Но его лицо сосредоточенно. Он показывает мне четыре пальца. Еще четыре очка. Четыре очка, цена которых равна четырем Большим шлемам. Давай! Пошел!

Если я проиграю этот матч, это случится не потому, что я

плохо исполняю указания Брэда. Его голос звучит у меня в ушах: «Вернись к тому, что получается хорошо». То есть к удару Медведева с правой.

Мы выходим на корт. Собираюсь бить Медведеву под правую руку, и он знает об этом. Первый мяч, направленный в линию, он отбивает осторожно. В сетку. Тем не менее он выигрывает следующее очко, когда я, в свою очередь, бью в сетку справа.

И тут совершенно неожиданно тело вспоминает совсем, казалось, забытый удар, с которым Медведев не может справиться. Он бьет мяч правой, явно утомившись, и тот уходит в аут. Я вновь подаю, еще сильнее, и вновь он посылает мяч в сетку.

Решающее очко в битве за чемпионский титул. Половина болельщиков скандирует мое имя, вторая половина свистит. Я вновь мощно подаю, и когда Медведев по-мальчишечьи неловко отбивает мяч, я - вторым из присутствующих на игре - понимаю, что Андре Агасси - победитель Открытого чемпионата Франции. Первым это понял Брэд. Третьим - Медведев. Его мяч падает далеко за линией. Наблюдать за его падением - настоящее счастье.

Я воздеваю руки. Ракетка падает на землю. Рыдаю и хватаюсь за голову. Я почти испуган свалившимся на меня невероятным ощущением счастья. Вот уж не думал, что победа может быть столь прекрасна. Не знал, что она может значить так много. Но она воистину прекрасна, и я ничего не могу с этим поделать. Меня переполняет счастье, я благодарен Брэду, Джилу, Парижу - даже Брук и Нику. Без Ника я никогда бы не оказался здесь. Без взлетов и падений нашей жизни с Брук, без страданий наших последних совместных дней этого бы не случилось. И даже себе я пусть немного, но все же благодарен за все те верные и ошибочные шаги, которые привели меня сюда.

Ухожу с корта, посылая воздушные поцелуи. Это - самый искренний жест, которым я могу выразить переполняющую меня благодарность. Клянусь себе: теперь, уходя с корта - неважно, с победой или поражением, - я непременно буду повторять этот жест. Буду рассылать поцелуи во все стороны, неся благодарность каждому.

МЫ УСТРАИВАЕМ НЕБОЛЬШУЮ ВЕЧЕРИНКУ в итальянском ресторане Stressa в центре Парижа - недалеко от Сены и от того места, где я подарил Брук браслет с теннисной символикой. Я пью шампанское из кубка. Джил пьет кока-колу - и не может сдержать улыбки. То и дело он накрывает мою руку своей кистью весом с толковый словарь и шепчет:

- Ты сделал это!

- Мы это сделали, Джилли.

Подъезжает Макинрой. Он протягивает мне телефонную трубку со словами:

- Тут кое-кто хочет с тобой поздороваться.

- Андре? Андре! Поздравляю! Я смотрел вечером матч, это было здорово! Завидую!

Это Борг.

- Завидуешь? Почему?

- То, что ты сделал, удавалось немногим из нас.

Уже занимается рассвет, когда мы с Брэдом возвращаемся в отель. Он обнимает меня:

- Наше путешествие завершилось правильно.

- Ты о чем?

- Понимаешь, большинство путешествий в нашей жизни заканчивается по-идиотски. А вот это закончилось правильно.

Я обнимаю его за плечи. Это - одно из немногих предсказаний, в которых мой провидец ошибся. Наше путешествие только начинается.

23

В САЛОНЕ «КОНКОРДА» на пути в Нью-Йорк Брэд говорит, что это судьба. У него с собой пара бутылок пива.

- В 1999-м ты выиграл Чемпионат Франции в мужском разряде, - говорит он. - А кто, скажи мне, победил в женском разряде? А?

Я улыбаюсь.

- Правильно, Штефи Граф. Это судьба, вы просто обязаны быть вместе. Лишь два человека в современной истории выигрывали все четыре Больших шлема и золотую медаль - ты и Штефи Граф. Вам просто необходимо пожениться. Вот тебе мое предсказание.

С этими словами он вытаскивает бортовой журнал из кармана на спинке сиденья и небрежно карябает в верхнем правом углу: «2001 - Штефи Агасси».

- Черт возьми, ты это о чем?

- Вы поженитесь в 2001 году. А в 2002-м родите первого ребенка.

- Брэд, она не свободна, ты забыл?

- После этих двух недель ты все еще считаешь что-либо невозмож-ным?

- Ну, хорошо. Теперь, когда я выиграл Чемпионат Франции, я и правда чувствую себя несколько более… не знаю, как сказать… достойным, наверное.

- Ну, вот, теперь ты говоришь дело.

Я не верю, что судьба может помочь выиграть теннисный турнир. Никакая судьба не поможет забить больше победных мячей. Не хочу спорить с Брэдом обо всем, что тот наговорил, но все-таки отрываю угол от обложки журнала - уж больно мне нравится сделанная Брэдом надпись! - и прячу его очередное пророчество в карман.

Следующие несколько дней мы проводим на Фишер-Айлэнде, празднуя и восстанавливая силы. Прилетает жена Брэда, Кимми, а также Джей Пи и Джони. Поздно ночью мы включаем музыку и слушаем «That's life» Синатры. Кимми и Джони. как девушки-танцовщицы, пляшут под музыку на столе и кровати.

В конце концов я отправляюсь на корт при отеле. Несколько дней мы играем с Брэдом, после чего вылетаем в Лондон. Уже в самолете, преодолев половину пути над Атлантикой, я вспоминаю: мы прибываем как раз в день рождения Штефи. А что, если это шанс? Вдруг мы встретимся? Надо бы на всякий случай запастись каким-нибудь подарком.

Я смотрю на Брэда. Он спит. Знаю, что сразу из аэропорта он хочет отправиться на тренировочные корты Уимблдона, так что вряд ли у меня будет время заскочить в магазин. Значит, поздравительной открыткой придется разжиться здесь и сейчас. Но как?

И тут я замечаю симпатичную обложку бортового меню: оно украшено картинкой, изображающей деревенскую церковь в лунном свете. Итак, я сооружаю открытку из двух обложек, а внутри пишу текст: «Дорогая Штефи! Поздравляю тебя с днем рождения. Наверное, ты сейчас очень гордишься победой. Поздравляю тебя с Кубком, который, насколько я знаю, сделан лишь из серебра, но ценность его для тебя наверняка гораздо выше».

Я проделываю в обоих меню дырки, осталось лишь скрепить половинки вместе. Прошу стюардессу принести мне ленточку или веревочку. Может быть, есть тесьма с блестками? Стюардесса находит мне веревочку из пальмовых волокон, снятую с горлышка бутылки с шампанским. Я тщательно продеваю веревку сквозь отверстия, как будто перетягиваю ракетку.

Закончив открытку, бужу Брэда и демонстрирую ему мое изделие:

- Смотри! Старая добрая ручная работа.

Он рассматривает мое изделие, кивает одобрительно:

- Все, что тебе нужно, - один взгляд. Это только начало, - повторяет он.

Я прячу открытку в свою спортивную сумку и жду.

В АОРАНГИ-ПАРКЕ, тренировочной зоне Уимблдона, корты

построены ярусами и поэтому походят на ацтекский храм. Мы с Брэдом играем полчаса на среднем уровне. После тренировки я, как всегда, трачу кучу времени на то, чтобы собрать сумку. После трансатлантического перелета разобрать вещи непросто. Я тщательно укладываю вещи, пакую мокрую футболку в пластиковый пакет, и тут Брэд хлопает меня по плечу:

- Она идет, парень!

Я вскидываюсь, как ирландский сеттер. Если бы у меня был хвост, он бы ходил ходуном из стороны в сторону. Она в двенадцати метрах от меня. На ней облегающие синие теплые брюки. Я впервые замечаю, что ходит она, слегка поворачивая носки внутрь, как и я. Ее светлые волосы, собранные сзади в конский хвост, блестят на солнце. Вновь мне кажется, что у нее над головой светится нимб.

Останавливаюсь рядом. Она, по европейской традиции, дважды целует меня в щеки:

- Поздравляю с победой на Чемпионате Франции. Я так радовалась за тебя. У меня даже слезы на глазах выступили.

- У меня тоже.

Она улыбается.

- И я тебя поздравляю, - отвечаю я. - Ты была первой. Можно сказать, разогрела для меня корт.

- Спасибо.

Молчание.

К счастью, поблизости не видно ни болельщиков, ни фотографов, так что Штефи не напряжена и никуда не торопится. Я тоже не волнуюсь. Однако Брэд явно хочет мне что-то сказать, посвистывая, словно пропускающий воздух шарик.

- Ой, прости! - вспоминаю я. - У меня есть подарок. Я вспомнил, что у тебя день рождения, и сам сделал открытку. Поздравляю!

Штефи, взяв подарок, разглядывает его несколько секунд, затем растроганно смотрит на меня:

- Откуда ты знал про мой день рождения?

- Просто знал.

- Спасибо, очень приятно.

Она быстро уходит.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ она возвращается с тренировки как раз в тот момент, когда приезжаем мы с Брэдом. Вокруг полно фанатов и репортеров, и Штефи, похоже, очень стесняется. Она замедляет шаг, слегка машет мне рукой и шепотом спрашивает:

- Как тебя найти?

- Я дам Хайнцу свой номер телефона.

- Хорошо.

После тренировки мы с Перри и Брэдом сидим в арендованном доме и спорим, когда она позвонит.

- Скоро, - утверждает Брэд.

- Очень скоро, - уточняет Перри.

Проходит день. Звонка нет.

И еще один день - все еще не звонит.

Не нахожу себе места. В понедельник начинается Уимблдон, а я не могу спать, не могу думать. Даже снотворное не помогает побороть мое волнение.

- Лучше бы она позвонила, - говорит Брэд. - Иначе ты рискуешь вылететь в первом круге.

В субботу вечером, сразу после ужина, звонит телефон.

- Алло!

- Привет, это Штефани.

- Штефани?

- Штефани.

- Штефани - Граф?

- Да.

- Значит, тебя зовут Штефани?

Она объяснила: мама в детстве звала ее Штефи, об этом пронюхали журналисты, в результате это имя к ней прицепилось. Но сама себя она называет Штефани.

- Значит, Штефани, - говорю я.

Разговаривая с ней, я скольжу по деревянному полу гостиной в шерстяных носках, словно на лыжах. Брэд призывает меня угомониться и сесть в кресло, иначе я сейчас сломаю ногу или вывихну колено. Тогда я начинаю быстрым шагом мерить комнату по периметру. Брэд, улыбаясь, говорит Перри:

- Грядет удачный Уимблдон.

- Тссс! - шикаю я, уходя в дальнюю комнату.

- Слушай, - обращаюсь я к Штефани. - Там, в Ки-Бискейн, ты сказала, что не хочешь недопонимания между нами. И я тоже. И поэтому я хочу сказать тебе, просто сказать, прежде чем мы продолжим говорить, что я считаю тебя красавицей. Я уважаю тебя, восхищаюсь тобой и был бы просто счастлив, если бы мог познакомиться с тобой поближе. Это и есть моя цель, план действий и главное желание. Скажи мне, что это возможно. Скажи, что мы можем пойти поужинать.

- Нет.

- Ну, пожалуйста.

- Нет, это невозможно, здесь невозможно.

- Хорошо. Не здесь. Можем мы поужинать где-нибудь еще?

- Нет. У меня есть друг.

Я думаю: друг. Все еще друг. Я читал о нем. Он гонщик. Они

вместе уже шесть лет. Пытаюсь придумать что-нибудь умное, что я мог бы сказать ей, чтобы убедить ее дать нам возможность побыть вместе. Но молчание тянется уже слишком долго, момент упущен, и я могу пробормотать лишь:

- Шесть лет - долгий срок.

- Да. Да, очень.

- Если ты не двигаешься вперед - ты откатываешься назад. Этому меня научила жизнь.

Она молчит. Но даже по ее молчанию я понимаю, что задел чувствительную струну.

- Быть может, это не совсем то, что тебе нужно? - продолжаю я. - То есть я бы не хотел лезть со своими умозаключениями, но все-таки…

Я почти не дышу. Она не пытается спорить.

- Я ни в коей мере не хочу быть неуважительным по отношению к тебе и не хочу допускать никаких вольностей, но, быть может, все-таки согласишься хотя бы подумать о том, что - возможно, только возможно - тебе стоило бы познакомиться со мной ближе?

- Нет.

- Быть может, хотя бы чашку кофе?..

- Я не могу появляться с тобой на публике. Это будет неправильно.

- Тогда, быть может, я могу писать тебе письма?

Она смеется.

- Можно, я пришлю тебе подарок? Могу я хотя бы дать тебе возможность узнать меня лучше, прежде чем ты решишь: воспользуешься ли ты этой возможностью?

- Нет.

- И даже письма?..

- Мою почту читают.

- Понимаю.

Стучу себя кулаком по лбу. «Думай, Андре, думай».

- Хорошо, - наконец говорю я. - А как тебе такая идея: следующий твой турнир в Сан-Франциско, а у нас с Брэдом как раз там тренировки. Ты ведь говорила, что любишь Сан-Франциско. Быть может, мы сможем встретиться там?

- Это возможно.

- Возможно?

Я жду, пока она скажет что-нибудь более конкретное. Но она молчит.

- Тогда я позвоню тебе? Или ты сама позвонишь?

- Позвони мне после этого турнира.

Она дает мне номер мобильного. Я записываю его на

бумажной салфетке, целую ее и укладываю в свою спортивную сумку.

Дойдя до полуфинала, играю с Рафтером. Побеждаю его в трех сетах. Мне нет нужды интересоваться, с кем я встречаюсь в финале. Это Пит. Как обычно. Я, пошатываясь, возвращаюсь домой, принимаю бодрящий душ, ем и ложусь спать. Но тут звонит телефон. Я уверен, что это Штефани: хочет пожелать мне удачи в матче с Питом, подтвердить нашу встречу в Сан-Франциско.

Но это Брук. Она в Лондоне, хочет зайти в гости.

Едва я успел повесить трубку, как Перри уже возник у меня за спиной:

- Андре, скажи, что ты отказался. Скажи, что ты не позволишь этой женщине явиться сюда.

- Она придет. Утром.

- Перед тем как тебе играть в финале Уимблдона?

- Все будет хорошо.

ОНА ПРИЕЗЖАЕТ В ДЕСЯТЬ в огромной британской шляпе, украшенной пластиковым букетом, с широкими свисающими полями. Я устраиваю ей экскурсию по дому, мы сравниваем его с жилищами, которые нам доводилось снимать в прежние времена. Интересуюсь, не хочет ли она выпить.

- У тебя есть чай?

- Конечно.

Я слышу, как Брэд кашляет в соседней комнате. Я знаю, что означает этот кашель. Сегодня вечером - финальная игра. Спортсмен ни в коем случае не должен менять свой график в утро перед финалом. Во время турнира я каждое утро пил кофе. Значит, я должен выпить кофе и сейчас.

Но я хочу быть хорошим хозяином. Завариваю чай в чайнике, и мы пьем его за столом возле кухонного окна. Болтаем о пустяках. Я интересуюсь, хочет ли она что-нибудь сообщить мне. Она говорит, что скучает. Она пришла, чтобы сообщить мне об этом.

На углу стола Брук обнаруживает стопку журналов - несколько экземпляров последнего номера Sports Illustrated с моим портретом на обложке. «Неожиданный Андре» - гласит заголовок (совершенно неожиданно я, кажется, начинаю ненавидеть это слово - «неожиданный»). Это прислали организаторы турнира, объясняю я ей: они хотят, чтобы я подписал несколько экземпляров для болельщиков и персонала турнира.

Брук, взяв журнал, разглядывает мое фото. Я наблюдаю за ней и вспоминаю тот день, тринадцать лет назад, когда мы с

Перри сидели у него в спальне, оклеенной сотнями обложек Sports Illustrated, и мечтали о Брук. А теперь - вот она, здесь, и на обложке Sports Illustrated - мой портрет, Перри - бывший продюсер ее телешоу, и мы едва в состоянии сказать друг другу несколько слов.

- Неожиданный Андре, - зачитывает она заголовок вслух.

Она смотрит на меня со значением:

- Ох, Андре!

- Что?

- О, Андре, мне так жаль!

- Почему?

- Сегодня - твой звездный час, а они продолжают писать обо мне.

ШТЕФАНИ ТОЖЕ ВЫХОДИТ В ФИНАЛ, где проигрывает Линдси Дэвенпорт. Кроме того, она с Макинроем участвует в соревнованиях в парном разряде. Они доходят до полуфинала, но Штефани снимается из-за травмы подколенного сухожилия. Когда я в раздевалке готовлюсь к матчу с Питом, Макинрой как раз рассказывает игрокам, что Штефани бросила его в заведомо проигрышной ситуации.

- Ну и сука! - возмущается он. - Сама захотела играть со мной в парном разряде, и вот мы в полуфинале, а она соскакивает, представьте себе!

Брэд кладет руку мне на плечо. Спокойно, чемпион.

Игру с Питом я начинаю агрессивно. Мысли разбегаются: как Мак мог сказать такое о Штефани? Что это за дурацкая шляпа была на Брук? Но каким-то невероятным образом я при этом демонстрирую решительную игру. Счет в первом сете - 3-3. Пит подает при 0-40. Тройной брейк- пойнт. Я вижу, как Брэд смеется, бьет Перри по плечу, кричит: «Давай! Пошел!» Я начинаю думать о Борге - последнем, кто мог бы выиграть подряд Чемпионат Франции и Уимблдон, а у меня такая победа уже почти в кармане. Я представляю, как Борг вновь звонит мне с поздравлениями: «Андре? Это я, Бьорн. Очень тебе завидую».

Пит возвращает меня с небес на землю. Две подачи, которые невозможно взять. И вновь подача навылет. Гейм, Сампрас.

Я смотрю на Пита в изумлении. Никто в мире никогда еще так не подавал. Ни один теннисист за всю историю не смог бы взять эти подачи.

Он обыгрывает меня в трех сетах, заканчивая матч двумя подачами навылет - словно венчая плавное концертное выступление двумя громкими, резкими аккордами. Этот матч прервал серию из четырнадцати победных игр в турнирах Большого шлема - такая череда выигрышей у меня случалась

крайне редко. Однако в историю он войдет как шестая победа Пита на Уимблдоне, подарившая ему двенадцатый в карьере Большой шлем: это рекорд, который, разумеется, будет записан на скрижалях истории. Позже Пит рассказал мне: он никогда не видел, чтобы я бил по мячу так сильно и чисто, как в первых шести геймах. Именно это заставило его усилить игру и увеличить скорость подачи еще на тридцать два километра в час.

В раздевалке мне предстоит стандартный допинг-тест. Я очень хочу писать и еще больше - скорее добраться до дома и позвонить Штефани, но мне приходится ждать: мочевой пузырь у меня, как у кита. Кажется, это никогда не закончится.

Бросив сумку в главном зале, кидаюсь к телефону, как на мяч соперника. Трясущимися пальцами набираю номер. Автоответчик. Я оставляю сообщение: «Привет, это Андре. Турнир закончил. Проиграл Питу. Сочувствую тебе по поводу проигрыша Линдси. Позвони мне, когда сможешь».

Жду. День заканчивается. Звонка нет. Второй день. Телефон молчит.

Я смотрю на него в упор и заклинаю: «Позвони!»

Вновь набираю ее номер, опять оставляю сообщение на автоответчике. Ничего.

Я снова лечу на Западное побережье. Едва успев приземлиться, проверяю свой автоответчик. Ничего.

Отправляюсь в Нью-Йорк на благотворительное мероприятие. Там проверяю автоответчик каждые пятнадцать минут. Ничего.

Здесь мы встречаемся с Джей Пи - и отправляемся в загул: в P.J. Clarke’s и в Companola. И тут и там нас встречают овациями. Я вижу своего приятеля, Бо Дитла, бывшего полицейского, переквалифицировавшегося в телеведущего. Бо сидит за длинным столом в компании друзей: Русского Майка, Шелли Портного, Аля Томата и Джо Сковородника. Они буквально затаскивают нас в компанию.

Джей Пи спрашивает Джо Сковородника, откуда у него такое прозвище.

- Люблю готовить! - отвечает тот.

Мы все разражаемся хохотом, когда у Джона звонит телефон и тот рявкает в трубку:

- Сковородник слушает!

Бо рассказывает о вечеринке, которую собирается устроить в выходные в Хэмптонсе и настойчиво приглашает нас с Джей Пи.

- Сковородник сам встанет к плите, - говорит он. - Назовите ему свое любимое блюдо, абсолютно любое, и он приготовит его.

Я вспоминаю о четверговых вечерах в доме Джила - давным-давно, сто лет назад.

И отвечаю Бо, что мы обязательно придем.

В ДОМЕ У БО ТОЛПА. Кажется, в ней перемешались персонажи «Хороших парней» и «Форреста Гампа». Мы сидим у бассейна, курим сигары и пьем текилу. Время от времени я достаю из кармана салфетку с номером Штефани и внимательно разглядываю его. В какой-то момент я отправляюсь в дом и набираю ее с домашнего телефона Бо - на случай, если она внесла мой собственный номер в черный список. Но вновь натыкаюсь на автоответчик.

Расстроенный, я выпиваю три или четыре явно лишних «Маргариты», после чего, выложив сотовый телефон и бумажник на стул, «бомбочкой» плюхаюсь в бассейн прямо в одежде. Вся тусовка прыгает за мной.

Час спустя я вновь проверяю свой автоответчик. Одно новое сообщение.

Телефон почему-то не прозвонил.

«Привет! - голос Штефани. - Извини, что не перезвонила. Я сильно разболелась, прямо разваливалась после Уимблдона. Пришлось сняться с турнира в Сан-Франциско и уехать домой, в Германию. Но сейчас мне уже лучше. Позвони, когда сможешь».

Разумеется, своего номера не оставила, ведь она уже дала мне его.

Я хлопаю себя по карману. Куда же я дел ее телефон?

У меня холодеет кровь. Я вспоминаю, что написал ее номер на салфетке, которая была у меня в кармане, когда я прыгнул в бассейн. Я осторожно извлекаю ее из кармана. Увы, на ней не осталось ничего, кроме великолепного набора размытых пятен.

Я вспоминаю, что звонил Штефани с домашнего телефона Бо. Хватаю Бо за руку и объявляю: неважно, сколько это будет стоить, кого ему придется попросить об одолжении, подмазать, запугать или убить, но он должен достать список всех телефонных номеров, на которые сегодня звонили из его дома. И сделать это следует тотчас же.

- Нет проблем, - говорит Бо.

Он звонит парню, который знает другого парня, у приятеля которого есть двоюродный брат, работающий в телефонной компании. Через час список номеров у нас в руках - внушительный, как телефонная книга Питтсбурга. Взглянув на него, Бо хватается за голову:

- Нужно получше следить за вами, идиоты! Теперь я понимаю, почему на оплату телефонных счетов уходит такая уйма денег!

Так или иначе, вожделенный номер у меня в руках. Записываю его в шести различных местах, в том числе на руке. Я

набираю его, и Штефани снимает трубку на третьем гудке. Я рассказываю, чего мне стоило отыскать ее. Она смеется.

- Нам обоим скоро играть недалеко от Лос-Анджелеса. Может быть, мы там встретимся? Это возможно? - спрашиваю я.

- Да, - отвечает она. - Как только закончишь турнир.

Я ЛЕЧУ В ЛОС-АНДЖЕЛЕС. Игра идет хорошо. В финале встречаюсь с Питом и проигрываю 7-6, 7-6. Но мне плевать. Ухожу с корта самым счастливым человеком на Земле.

Принимаю душ, бреюсь, одеваюсь. Затем хватаю спортивную сумку и иду к двери, возле которой обнаруживаю Брук.

Она услышала, что я в Лос-Анджелесе, и решила зайти посмотреть на мою игру. Она оглядывает меня с ног до головы:

- Вау, ты при полном параде! Намечается важное свидание?

- Да.

- И с кем же?

Я молчу.

- Джил! - зовет она. - С кем это у него свидание?

- Лучше спроси об этом Андре, - отвечает тот.

Она внимательно смотрит на меня. Я вздыхаю.

- Я встречаюсь со Штефани Граф.

- Штефани?

- Штефи.

Я знаю: она, как и я, вспоминает фотографию на дверце холодильника.

- Не говори никому, пожалуйста, - прошу я. - Она не любит выставлять напоказ свою частную жизнь и вообще не любит внимание.

- Не скажу ни единой живой душе.

- Спасибо.

- Ты классно выглядишь.

- Правда?

- Конечно.

- Спасибо.

Вновь беру сумку. Брук вместе со мной идет в туннель под стадионом, в котором устроена парковка для спортсменов.

- Привет, Лили! - восклицает она, кладя руку на сверкающий белой краской «кадиллак». Крыша уже опущена. Я бросаю сумку на заднее сиденье.

- Желаю хорошо провести время! - Брук целует меня в щеку.

Я медленно отъезжаю, глядя на Брук в зеркало заднего вида. И вновь я уезжаю от нее, и вновь меня увозит Лили. Но теперь я знаю, что эта наша встреча - последняя. Больше нам не придется общаться.

ПО ДОРОГЕ В САН-ДИЕГО, где играет Штефи, я звоню Перри,

и он устраивает мне образцовую накачку. Не напрягайся, напоминает он, не пытайся быть мистером Совершенство. Просто будь собой.

Я думаю, что легко смог бы следовать этому совету на корте, но что касается свидания - тут я в полной растерянности.

- Понимаешь, - объясняет Перри. - Есть люди-термометры, а есть - люди-термостаты. Ты - термостат. Ты не можешь измерить температуру в комнате, зато можешь ее изменить. Будь собой, демонстрируй уверенность, принимай на себя ответственность. Покажи ей, какой ты на самом деле.

- Думаю, у меня получится. Слушай, как ты думаешь, какие комплименты пойдут лучше - выше или ниже пояса?

- Выше пояса. Девушкам нравится, когда хвалят их волосы.

- Ну, не всегда. Уж мне-то можешь поверить. Но мне кажется, что всякие нахальные намеки - это классно.

- Ее волосы, Андре, волосы.

- Нет, все-таки лучшие комплименты - ниже пояса. Лучше я буду дерзким парнем, чем бедным рыцарем.

Штефани арендует апартаменты в большом отеле. Отыскав его, я никак не могу найти ее номер, мне приходится звонить Штефани, чтобы она направила меня.

- Ты на какой машине?

- На «кадиллаке» размером с круизный лайнер.

- Ах, да! Я тебя вижу.

Подняв глаза, замечаю, как она машет мне рукой, стоя на высоком зеленом холме.

- Стой там! - кричит она, быстро сбегает с холма и, кажется, уже готова запрыгнуть в машину.

- Подожди, - прошу я. - Хочу вручить тебе подарок. Давай зайдем к тебе на минутку!

- Гм, - она, кажется, не рада идее.

- Только на минутку!

Она неохотно отправляется обратно, вверх по склону холма. Я же, сделав круг, паркуюсь у главного входа в ее апартаменты.

Вручаю ей подарок - коробку фигурных свечей, которую купил для нее в Лос-Анджелесе. Кажется, они ей нравятся.

- О-кей, - говорит она. - Готов?

- Я думал, что для начала мы выпьем.

- Выпьем? Чего?

- Не знаю. Может, красного вина?

Оказывается, у нее нет вина.

- Но мы можем заказать в номер.

Она вздыхает и протягивает мне винную карту, предлагая самому сделать выбор.

Когда парнишка из службы доставки стучит в дверь, она просит меня подождать на кухне. Не хочет, чтобы нас видели вместе, чувствует себя напряженной и виноватой. Она представляет, как этот парнишка потом будет рассказывать о нас своим коллегам, таким же мальчикам- посыльным. У нее ведь есть друг.

- Но мы всего лишь…

- Нет времени объяснять, - она выталкивает меня в кухню.

Я слышу, как курьер, явно влюбленный в Штефани, что-то говорит, а она нервничает не меньше его, хотя и по другой причине. Она пытается поскорее выгнать его, он же долго возится с бутылкой - и, разумеется, роняет ее. Шато Бешвель 1989 года.

Когда парень, наконец, уходит, я помогаю Штефани убрать осколки.

- Кажется, начало прекрасное! - объявляю я. - Ты согласна?

Я ЗАКАЗАЛ СТОЛИК в ресторане George on Cove с видом на океан. Мы оба заказываем цыпленка с овощами на подушке из картофельного пюре. Штефани ест быстрее, чем я, не притрагиваясь к вину. Я понимаю: она не склонна ни к обжорству, ни к гурманству и вряд ли захочет после сытного обеда расслабиться за чашкой кофе. Боится, что ее узнают.

Говорим о моем фонде. Штефани поражена рассказом о чартерной школе. У нее есть собственный благотворительный фонд - он занимается помощью детям, которых не обошли стороной войны и насилие, детям из таких мест, как ЮАР или Косово.

Разговор сам собой перескакивает на Брэда. Я рассказываю, какой он замечательный тренер, о его удивительной манере общаться с людьми. Мы смеемся над тем, как он помогал мне устроить сегодняшний вечер. Я не рассказываю ей о его предсказании и не спрашиваю о ее приятеле. Интересуюсь, чем она занимается в свободное время, и она отвечает, что любит океан.

- Хочешь, завтра поедем на пляж?

- Я думала, ты собираешься в Канаду.

- Ничего, одну ночь могу и не поспать.

Она думает.

- Хорошо.

После ужина отвожу ее в апартаменты. Она дважды целует меня в щеку - этот жест все больше напоминает мне прием самозащиты из арсенала каратиста - и убегает в дом.

На обратном пути я звоню Брэду. Он уже в Канаде, где время сдвинуто на час вперед. Я разбудил его.

- Молодец! - говорит он сонно, подавляя зевок, когда я

рассказал ему о свидании. - Продолжай в том же духе!

ОНА РАССТИЛАЕТ ПОЛОТЕНЦЕ на песке и стягивает джинсы. Под ними белый закрытый купальник. Она заходит в воду до колен, останавливается и смотрит вдаль, на горизонт, упирая одну руку в бедро, а другой прикрывая глаза от солнца, словно козырьком.

- Ты идешь? - кричит она.

- Не знаю.

На мне белые теннисные шорты. Я даже не подумал взять с собой плавки: ведь я - дитя пустыни. Я не слишком ловко чувствую себя в воде, но сейчас, если надо, готов доплыть до Китая. В одних теннисных шортах подхожу к Штефани. Она смеется над моим купальным костюмом, притворно ужасаясь тому, что я не ношу белья. Я рассказываю, что это началось на Открытом чемпионате Франции, и с тех пор я никогда не изменял этой привычке.

Мы впервые говорим о теннисе. Когда я сообщаю, что ненавижу его, она смотрит на меня так, будто хочет сказать: «Ну, разумеется. Наверное, все его ненавидят».

Я рассказываю ей про Джила, спрашиваю, как она поддерживает себя в форме. Она говорит, что раньше тренировалась с немецкой олимпийской сборной по легкой атлетике.

- И какая у тебя любимая дистанция?

- 800 метров.

- Серьезная дистанция. И каков твой результат?

Она застенчиво улыбается.

- Ты не хочешь мне сказать?

Нет ответа.

- Да ладно тебе! Расскажи, быстро ли ты бегаешь?

Она показывает в дальнюю точку пляжа, где на песке лежит красный воздушный шар:

- Видишь ту красную точку?

- Вижу.

- Спорим, ты меня не догонишь!

- Правда?

24

Я В КАНАДЕ - ОНА В НЬЮ-ЙОРКЕ. Я в Вегасе - она в Лос-Анджелесе. Мы все время созваниваемся. Как-то вечером она просит рассказать о том, что я люблю: любимой песне, книге, фильме, еде.

- Думаю, ты никогда не слышала про мой любимый фильм.

- Так расскажи.

- Он вышел несколько лет назад. Называется «Страна теней». Про писателя Клайва Льюиса.

Судя по звуку, у нее из рук выпала телефонная трубка.

- Невероятно, - говорит она. - Просто невозможно. Это и мой любимый фильм!

- Он про преданность, про способность открыть себя для любви.

- Да. Я знаю.

- Мы словно каменные глыбы… и содрогаемся под ударами божьего долота, которые сквозь боль делают нас совершеннее.

- Да. Совершеннее.

Я ИГРАЮ В МОНРЕАЛЕ. Мой соперник в полуфинале - Евгений Кафельников. Я не в состоянии выиграть ни единого очка. Вторая ракетка мира громит меня столь немилосердно, что зрители на трибунах прикрывают глаза. Думаю, что не смогу объяснить результаты этого матча. Я не понимаю, что сегодня со мной происходит. Я не просто проигрываю, но будто вовсе разучился играть. Это не выбивает меня из колеи. В раздевалке я встречаю Ларри, тренера Кафельникова. Он стоит у стенки, улыбаясь.

- Ларри, это была самая жалкая игра, какую я когда-либо видел. И я хочу пообещать тебе одну вещь. Передай своему подопечному, что мне придется пару раз учинить ему за это показательный разгром.

В тот же день мне звонит Штефани. Она в аэропорту Лос-Анджелеса.

- Как турнир? - спрашиваю я.

- У меня травма.

- Ох, сочувствую.

- С меня достаточно.

- Ты сейчас куда?

- Назад, в Германию. Надо закончить кое-какие дела.

Я знаю, о каких делах идет речь. Она собирается поговорить со своим бойфрендом, рассказать обо мне и покончить, наконец, с их связью. По моей физиономии невольно расползается дурацкая улыбка.

ИДЕТ 1999 ГОД. Вернувшись из Германии, она предлагает встретиться в Нью-Йорке. Мы можем провести вместе время до начала Открытого чемпионата США. Еще она собирается провести пресс- конференцию.

- Пресс-конференцию? Зачем?

- Объявлю, что ухожу из тенниса.

- Ты уходишь из тенниса?!

- Я же тебе говорила. С меня достаточно.

- Я думал, что речь идет только о турнире! Я не знал, что ты решила вообще покончить со спортом!

Я думаю о теннисе без Штефани Граф - величайшей теннисистки всех времен - и чувствую, какая это громадная потеря для всех. Я спрашиваю, каково это - понимать, что больше никогда не придется выходить с ракеткой на корт ради победы. Подобные вопросы журналисты задают мне каждый день. И все же я не могу удержаться. Я хочу это знать и задаю этот вопрос со смесью любопытства и зависти.

Штефани утверждает, что это прекрасно. Она в гармонии с собой и готова завершить карьеру.

Интересно, а готов ли к этому я? Некоторое время я упоенно размышляю о собственном уходе из тенниса. Но через неделю в Вашингтоне встречаюсь в финале турнира с Кафельниковым и обыгрываю его 7-6, 6-1. После матча выразительно смотрю на Ларри, его тренера. Что ж, обещание есть обещание.

Я понимаю, что еще не вышел в тираж. Мне предстоит сдержать еще несколько обещаний.

Я ВОТ-ВОТ ВНОВЬ ЗАЙМУ ПЕРВУЮ СТРОЧКУ мировой классификации. Теперь уже это не цель моего отца, Перри или Брэда - и, напоминаю себе, даже не моя собственная. Я взбегаю к вершине по одному склону холма Джила, спускаюсь по противоположному. Тренируюсь ради первого номера в рейтинге, Открытого чемпионата США и, как ни странно, ради Штефани.

- Я просто мечтаю наконец вас познакомить, - говорю я Джилу.

Она прилетает в Нью-Йорк, и я тут же умыкаю ее в деревню, на ферму XIX века, принадлежащую моему приятелю. Ферма - это километры простора и несколько огромных каменных каминов. В каждой из комнат мы можем подолгу сидеть, глядя в огонь, и разговаривать. Я рассказываю ей, что люблю поджигать всякие предметы.

- Я тоже, - отзывается она.

Листья еще только начинают опадать, и каждое окно - словно рама, обрамляющая картину с изображением желто-багряных лесов и гор. Кругом на многие километры- только мы одни.

Мы гуляем по окрестностям, катаемся по близлежащим городкам и бесцельно шатаемся по антикварным лавкам. Ночью валяемся в кровати и смотрим старую «Розовую пантеру». Взахлеб хохочем над Питером Селлерсом и даже останавливаем фильм, чтобы перевести дыхание.

Она уезжает через три дня. Ей предстоит провести праздники с семьей. Я умоляю ее приехать на заключительный уик-энд

Открытого чемпионата США ради меня. Смотреть матч из моей ложи. На секунду мелькает мысль: не сглазить бы, столь уверенно заявляя, что буду играть в финальный уик-энд турнира. Но мне плевать.

Она обещает постараться.

Я дохожу до полуфинала. Предстоит встреча с Кафельниковым. Штефани звонит и сообщает, что прилетит. Но она не хочет сидеть в моей ложе, еще не готова.

- Хорошо, я обеспечу тебе другое место.

- Я сама позабочусь о месте. Не волнуйся. Я знаю этот стадион, как свои пять пальцев.

Я смеюсь. Да уж, она его точно знает.

Она смотрит матч с верхней трибуны. На ней бейсболка, глубоко надвинутая на глаза. Разумеется, камера CBS выцепила ее лицо в толпе, и Макинрой не преминул откомментировать это: организаторам турнира, заявил он, должно быть стыдно за то, что они не сумели предоставить Штефи Граф лучшего места.

Я вновь побеждаю Кафельникова. Евгений, передавай привет Ларри!

В финале я встречаюсь с Мартином. Я надеялся на встречу с Питом и даже заявил официально, что хочу играть именно с Сампрасом. Однако Пит снялся с турнира из-за проблем со спиной. Так что мой соперник - Мартин. Я видел его по другую сторону сетки в самые сложные моменты моей карьеры. В 1994 году, на Уимблдоне, когда я только начал осваивать уроки Брэда, я проиграл ему в пяти сетах. В том же году на Открытом чемпионате США Лупика предсказал, что Мартин выбьет меня из полуфинала, и я поверил его прогнозу, но тем не менее сумел побороть Мартина и выиграть турнир. В 1997 году в Штутгарте именно мой бесславный проигрыш Мартину в первом круге заставил Брэда пойти на решительное объяснение. И вот теперь игра с Мартином станет испытанием для моей зрелости, покажет, удастся ли мне удержать завоеванное или все это растает как дым.

В первом же гейме легко беру верх. Болельщики активно поддерживают меня. Мартин не теряет самообладания. Он заставляет меня попотеть в первом сете, во втором давит еще сильнее, доведя его до напряженного тай-брейка. Потом он выигрывает третий сет - и еще более напряженный тай-брейк. Он ведет, имея два выигранных сета против одного. Здесь это всегда означало победу: за последние двадцать шесть лет ни один игрок не смог еще переломить подобное отставание в финальном матче этого турнира. По глазам Мартина вижу, что он празднует победу и ждет, когда я продемонстрирую бреши в психической обороне.

Он надеется, что сейчас я поддамся, превращусь в того нервного, излишне эмоционального Андре, с которым он не раз встречался раньше. Но я не ломаюсь и не сдаюсь. Выигрываю четвертый сет 6-3. В пятом сете, когда Мартин уже выглядит измочаленным, я переполнен энергией. Я выигрываю сет, 6-2, и ухожу с корта, зная, что излечился, вернулся. Я счастлив, что Штефани здесь и видит это. В последних двух сетах я допустил всего пять ошибок. Ни разу за время матча не потерял свою подачу, - кажется, впервые в моей карьере я не потерял ни одной подачи в течение матча из пяти сетов. И этот матч принес мне пятый Шлем. Я решаю, что когда буду в Вегасе, то поставлю пять сотен на пятый номер в рулетку.

Во время послематчевой пресс-конференции один из журналистов интересуется: почему нью-йоркская публика столь горячо меня приветствовала?

Честно говоря, не знаю. Но высказываю догадку:

- Они увидели, что я повзрослел.

Разумеется, болельщики во всех городах наблюдали за моим взрослением. Но у нью-йоркской публики ожидания выше, и это помогло ускорить мое становление, придав ему новую энергию.

Впервые в жизни я почувствовал - и даже рискнул объявить в слух: я - взрослый.

ШТЕФАНИ ЛЕТИТ СО МНОЙ В ЛАС-ВЕГАС. Мы предаемся типичным для Вегаса развлечениям: играем в казино, смотрим шоу, идем на бокс вместе с Брэдом и Кимми.

Матч Оскар де ла Хойя против Феликса Тринидада - наше первое официальное свидание на публике. Торжественный день выхода из подполья. На следующий день фотографии, на которых мы держимся за руки и целуемся на зрительских местах рядом с рингом, появляются в газетах.

- Теперь пути назад нет, - объявляю я.

Она пристально смотрит на меня, затем ее лицо медленно озаряется благодарной улыбкой.

Штефани останавливается у меня дома на уик-энд, который растягивается на целую неделю. Неделя превращается в месяц. Однажды мне звонит Джей Пи, интересуется, как идут дела.

- Как нельзя лучше.

- Когда у тебя следующая встреча со Штефани?

- Она все еще здесь.

Я прикрываю рот рукой и шепчу в трубку:

- У нас все еще не закончилось свидание номер три. Она осталась у меня.

- Что?

Я понимаю, что рано или поздно она должна будет уехать в

Германию - хотя бы для того, чтобы забрать вещи. Но пока мы не говорим об этом, не собираюсь первым заводить этот разговор. Я не хочу ничего менять в нашей жизни.

Это похоже на страх разбудить лунатика, куда-то бредущего во сне.

Однако вскоре и мне надо отправиться в Германию - на турнир в Штутгарте. Штефани летит со мной, она даже согласна сидеть в моей ложе. Я счастлив, что мы будем там вместе. В конце концов, Штутгарт много значит для нас обоих. Именно там она стала профессиональной теннисисткой, а я вернулся в профессиональный теннис. Тем не менее в самолете мы не говорим ни слова о теннисе. Мы говорим о детях. Я признаюсь, что хотел бы иметь от нее детей. Это, конечно, наглость с моей стороны, но я ничего не могу с собой поделать. Она берет меня за руку. У нее в глазах слезы. Затем она отворачивается к окну.

В наш последний день в Штутгарте Штефани нужно встать рано: у нее утренний рейс. Она целует меня в лоб на прощание. Я накрываю голову подушкой и вновь проваливаюсь в сон. Проснувшись часом позже, бреду в ванную. Там, в открытом несессере, лежат оставленные Штефани противозачаточные таблетки. Это - послание от нее: «Они мне больше не нужны».

Я НЕ ТОЛЬКО возвращаю себе первое место в мировой классификации, ко и сохраняю его до конца 1999 года. Впервые заканчиваю год на высшей строчке рейтинга. Прерываю победное шествие Пита, который шесть лет подряд праздновал новый год, будучи первой ракеткой мира. Я выигрываю Открытый чемпионат Парижа, став первым игроком в мужском разряде, выигравшем в течение года Чемпионаты Франции и Парижа. Но Чемпионат мира АТП все же проигрываю Питу. Это наша двадцать восьмая встреча. Он ведет со счетом 17-11. Если считать лишь финальные игры турниров Большого шлема, его преимущество - 3 к 1. Спортивные журналисты пишут, что от нашего соперничества осталось не так уж много: ведь Пит всегда выигрывает. Я не могу с ними спорить, но это меня больше не расстраивает.

Делаю единственное, что могу: отправляюсь к Джилу и заставляю свои мышцы гореть. Бегаю вверх и вниз по холму Джила, пока все не начинает плыть у меня перед глазами. Я бегаю днем и ночью, и даже рождественским вечером. Джил - со мной, он следит за результатами с секундомером в руках. Он говорит, что, добежав до вершины холма, я дышу так громко, что он слышит меня от подножия. Я бегаю, пока меня не начинает рвать прямо на колючий кустарник. Наконец, поймав меня на вершине, Джил велит мне остановиться. Мы стоим и смотрим на рождественскую иллюминацию вдалеке и на падающие звезды в

небе.

- Я тобой горжусь, - говорит Джил. - За то, что ты здесь. Сегодня, в Рождество. Это много значит.

- Спасибо, что ты сегодня со мной, - отвечаю я. - За то, что отказался ради меня от семейного Рождества. Наверняка ты мог бы быть сейчас в гораздо более интересном месте.

- Из всех мест я предпочитаю именно это, - откликается Джил.

В самом начале Открытого чемпионата Австралии 2000 года я побеждаю в двух сетах Мариано Пуэрта, который публично превозносит мою высочайшую концентрацию. Я чувствую, что нам вновь предстоит встретиться с Питом, и, разумеется, мы встречаемся - на сей раз в полуфинале. Я проиграл в четырех из пяти наших последних встреч, и в этот раз он снова, в ударе. Он подает тридцать семь мячей навылет - больше, чем когда бы то ни было в матчах со мной. Но я вспоминаю рождественский вечер с Джилом, и в двух очках от поражения у меня случается огромный прилив энергии. Я побеждаю в матче и становлюсь первым игроком после Лэйвера, выступавшим в финалах четырех турниров Большого шлема подряд.

В финале вновь играю с Кафельниковым. Мне требуется время для разогрева. Я все еще не восстановился после битвы с Питом. Я проигрываю первый сет, но все же нахожу свой ритм и выигрываю матч в четыре сета. Это мой шестой Шлем. На послематчевой пресс-конференции я благодарю Брэда и Джила за то, что научили меня не останавливаться, пока не покажу лучшее, на что я способен. Болельщики выкрикивают имя Штефани, интересуются, что происходит между нами.

- Это не для публики, - отшучиваюсь я. На самом деле я хотел бы сообщить о нас всему миру. И я сделаю это. Скоро.

- Я верю, что Андре Агасси не перестанет бороться, - заявляет Джил в интервью The New York Times.

- На последних четырех турнирах Большого шлема он выиграл 27 матчей, а проиграл лишь один. Только Род Лэйвер, Дон Бадж и Штефи Граф выступали лучше, - говорит Брэд в интервью The Washington Post.

Даже сам Брэд не до конца понимает, насколько я изумлен, оказавшись в подобной компании.

25

ШТЕФАНИ СООБЩАЕТ МНЕ, что ее отец приезжает в Вегас. (Ее родители давно в разводе, и мать, Хайди, живет в пятнадцати минутах от нас.) Итак, приближается неизбежное. Нашим отцам

предстоит встретиться. Эта перспектива заставляет нервничать нас обоих.

Петер Граф - вежливый, утонченный, начитанный. Он любит анекдоты, то и дело рассказывает их, но я никак не могу понять, в чем их соль, из-за его ужасного английского. Я бы хотел, чтобы он мне нравился, тем более вижу: он явно стремится понравиться мне, - и все же чувствую себя напряженно в его присутствии, ведь я знаю историю их семьи. Отец Штефи - немецкий Майк Агасси. Бывший футболист, настоящий фанатик тенниса, он заставлял Штефани играть, еще когда она не умела самостоятельно проситься на горшок. В отличие от моего отца, Петер всю жизнь управлял карьерой и финансовыми делами дочери. Кроме того, он провел два года в тюрьме за уклонение от уплаты налогов. Я ни разу не обмолвился об этом, однако в его присутствии чувствую, будто в комнату ворвался немецкий боевой танк.

Мне следовало бы догадаться заранее: прибыв в Вегас, Петер в первую очередь захочет увидеть не плотину Гувера и не бульвар Стрип, а сконструированную моим отцом машину для подачи мячей. Он много слышал о ней, и теперь хочет рассмотреть поближе. Я везу его в отцовский дом. Всю дорогу он говорит что-то явно дружелюбным тоном, но я почти ничего не понимаю. Может, он говорит по-немецки? Нет, это смесь немецкого, английского и теннисного языков. Он расспрашивает о моем отце. Как часто он сам играет? Хороший ли он игрок? Словом, Петер пытается оценить моего отца перед встречей с ним.

Отец не слишком - то ладит с теми, кто плохо говорит по-английски, к тому же он не любит незнакомцев. Так что, когда мы только входим в двери родительского дома, я понимаю, что у нас уже целых две про-блемы. Однако, к моему облегчению, спорт оказывается универсальным языком, и двое мужчин, оба - в прошлом спортсмены, с легкостью объясняются с помощью движений, жестов, звуков. Я сообщаю отцу, что Петер хочет посмотреть его знаменитый агрегат. Отец явно польщен. Он ведет нас на задний двор, на корт, и выкатывает дракона. Подняв основание повыше, включает мотор. Он говорит без умолку, прочитывает Петеру целую лекцию, кричит, стараясь перекричать дракона, в счастливом неведении того, что Петер не понимает ни слова.

- Встань там, - приказывает мне отец.

Вручив мне ракетку, он указывает на противоположную сторону корта и нацеливает машину прямо мне в голову.

- Показываю, - объявляет он.

Я содрогаюсь от накативших ужасных воспоминаний. Лишь мысль о текиле, которая ждет меня в доме, помогает остаться на

ногах.

Петер встает позади и смотрит, как я бью.

- А-а, - бормочет он. - Йа-йа, гут!

Отец ускоряет подачу мячей. Он крутит диск настройки, пока мячи не начинают вылетать практически без перерыва. Кажется, отец добавил дракону еще одну передачу. Не помню, чтобы раньше мячи вылетали с такой скоростью. После очередного удара я не успеваю отвести ракетку назад, чтобы размахнуться для следующего. Петер бранит меня за промахи. Он отбирает у меня ракетку, отодвигая в сторону.

- Вот какой удар тебе нужен, - говорит он. - У тебя никогда не было такого удара.

Он показывает мне знаменитый резаный удар Штефани, хвастаясь, что сам учил ее такому.

- Тебе нужна более тихая ракетка, - произносит он. - Вот такая.

Мой отец багровеет. Во-первых, Петер прослушал его лекцию. Во-

вторых, он вмешивается в обучение его звездного ученика. Он обходит сетку, крича на ходу:

- Этот резаный удар - дерьмо! Если Штефани использовала его, ей давно стоило уйти на покой.

Затем он демонстрирует удар слева с двух рук, которому сам обучил меня.

- С этим ударом Штефани выиграла бы тридцать два Шлема! - восклицает он.

Эти двое мужчин не в состоянии понять друг друга, и все же между ними разгорается жаркий спор. Я отворачиваюсь, сосредоточившись на ударах, сконцентрировав все свое внимание на драконе. Краем уха слышу как Петер упоминает моих вечных соперников, Пита Сампраса и Рафтера. Отец в ответ говорит что-то о заклятых противницах Штефани - Монике Селеш и Линдси Дэвенпорт. Затем отец упоминает бокс: он использует аналогии из боксерской практики, и Петер протестующе вопит.

- Я тоже был боксером, - говорит Петер. - И уж с тобой-то я бы справился.

Общаясь с моим отцом, можно позволить себе все что угодно, но только не это. Только не это! Внутри у меня все сжимается: я знаю, что сейчас случится. Я подхожу как раз вовремя: шестидесятитрехлетний отец Штефани снимает с себя рубашку и говорит моему шестидесятидевятилетнему отцу:

- Посмотри на меня! В какой я форме. Я выше тебя. Могу покончить с тобой одним ударом!

- Ты так считаешь? - отвечает мой отец. - Ну, давай

попробуем!

Петер начинает бормотать какие-то ругательства по-немецки, отец

отвечает ему на фарси. Оба поднимают руки, сжатые в кулаки. Они кружат один вокруг другого, делают обманные движения, раскачиваясь из стороны в сторону, но, раньше чем кто-то из них успевает нанести удар, я встаю между ними, отталкивая их в разные стороны.

- Этот козел несет чушь! - кричит отец.

- Может быть, папа, но - пожалуйста, не надо!

Оба запыхались, вспотели. Отец грозно таращит глаза. По голой груди Петера градом катится пот. Оба, однако, понимают, что я не допущу продолжения схватки, поэтому беззвучно расходятся по разным углам. Я выключаю дракона, и мы покидаем корт.

Дома Штефани целует меня и интересуется, как прошла встреча.

- Потом расскажу, - говорю я, протягивая руку к бутылке текилы.

Я не помню, когда в последний раз «Маргарита» пришлась мне так кстати.

УДАЧНО ВЫСТУПАЮ НА КУБКЕ ДЭВИСА, однако выбываю в первых же играх в Скоттсдейле, а ведь на этом турнире я привык доминировать. Неудачно выступаю в Атланте, потянув к тому же сухожилие. В Риме я вылетаю в третьем круге, после чего с неохотой признаю: так больше не может продолжаться. Я не могу участвовать во всех турнирах подряд. Мне скоро тридцать, так что к выбору соревнований следует подходить с большей ответственностью.

Теперь на каждом втором интервью меня спрашивают об окончании карьеры. Я отвечаю, что моя лучшая игра еще впереди, в ответ журналисты понимающе улыбаются, словно остроумной шутке. А между тем я еще никогда не был так серьезен.

Когда приходит время защищать свой чемпионский титул на Чемпионате Франции, я жду, что на Ролан Гаррос меня захлестнет волна ностальгии. Однако после реконструкции стадион изменился до неузнаваемости: появились дополнительные места на трибунах, полностью перестроены раздевалки. Мне не нравится то, что получилось. Совсем не нравится. Я хотел бы, чтобы Ролан Гаррос всегда оставался прежним. Я надеялся каждый год выходить на центральный корт и ощущать магию 1999-го, - момента, когда моя жизнь изменилась. Тогда, на послематчевой пресс-конференции, после победы над Медведевым я сообщил журналистам, что теперь могу

покинуть теннис без сожалений. Но через год я понял, что был неправ. Одно сожаление все же останется со мной навсегда - сожаление о невозможности вернуться назад, чтобы пережить тот Чемпионат Франции еще и еще раз.

Во втором круге я играю с Кучерой. Он знает мои слабые стороны. Когда я встречаю его перед матчем в раздевалке, у него, кажется, уже бурлит в крови пара литров адреналина. Похоже, он до сих пор прокручивает в голове картины того разгрома, который учинил мне на Открытом чемпионате США 1998 года. Он прекрасно играет, заставляя меня бегать до изнеможения. И, хотя я выдерживаю предложенный им темп, натираю правую ногу так, что она покрывается волдырями. Прохромав к краю корта, я прошу перерыв из-за травмы. Тренер перевязывает мне ступню, но главная ссадина не здесь, она у меня в мозгах. Больше в этом матче я не выигрываю ни одного гейма.

Бросаю взгляд в ложу. Штефани опустила голову. Она никогда не видела, чтобы я так проигрывал.

Позже я скажу ей: сам не понимаю, почему иногда, совершенно неожиданно, я так расклеиваюсь. Она делится со мной своим опытом: не думай, говорит она, положись на чувства.

Я слышал это и раньше. Это напоминает слова моего отца, только мягче и дружелюбнее. Когда это произносит Штефани, они наполняются особенным смыслом.

Мы много дней обсуждаем, что это значит - не думать, а чувствовать. Штефани говорит, что не думать - это лишь полдела. Надо разрешить себе чувствовать.

А иногда Штефани понимает, что говорить ничего не надо. Она касается моей щеки, склоняет голову, и я вижу, что она все понимает, что она со мной. И этого достаточно. Именно это мне и нужно.

На дворе 2000 год. Мы едем на Уимблдон. Я счастлив, наблюдая за Штефани, открывающей для себя Лондон. Наконец-то, радуется она, можно по-настоящему рассмотреть этот прекрасный город, который раньше скрывался от нее за туманом турнирного напряжения и травм. Теннисисты путешествуют не меньше других спортсменов, но стресс и напряжение игры не дает нам предаваться осмотру достопримечательностей. И вот теперь Штефани увидит все!

Она бродит по городу, заходя в магазины и парки. Она отправляется в знаменитый ресторан-блинную, куда давно мечтала сходить. Там подают 150 различных видов блинов, и Штефани ухитряется попробовать почти все, не беспокоясь о том, как это отразится на ее игре.

Я же, как полагается, из всего Лондона вижу лишь турнирную

таблицу и пробиваю себе путь в полуфинал, где встречаюсь с Рафтером. Он сделал отличную карьеру. Дважды победитель Открытого чемпионата США, успевший побывать первым номером в мировой классификации. Говорят, он понемногу пытается оправиться после операции на плече, что, впрочем, не мешает ему мощно бить как с левой, так и с правой руки. Если он не подает навылет, он крепко держится за свою подачу, не пропуская ни единого мяча. Я пытаюсь посылать ему «свечи», стараюсь загонять его ударами, которые, кажется, невозможно достать, - и все же он всякий раз в нужный момент оказывается у мяча. Мы демонстрируем теннис высочайшего класса, матч длится три с половиной часа. Наконец, мы дожили до шестого гейма в пятом сете. Пытаясь хоть как-то усилить вторую подачу, я допускаю двойную ошибку.

Брейк-пойнт.

Я подаю, он резко отбивает, и я посылаю мяч в сетку.

Не могу ничего изменить. Он выигрывает очки с первой подачи в 74% случаев, и именно его первая подача приводит его в финал. Рафтер заслужил право встретиться с Питом в борьбе за чемпионское звание. Я мечтал сыграть с Питом, мечтал, чтобы за мной наблюдала Штефани, - но этому не бывать. Год назад я победил здесь Рафтера в полуфинале, когда он впервые почувствовал боли в плече. И вот теперь, полностью вылечив плечо, он возвращается и, в свою очередь, выбивает меня из полуфинала. Мне нравится Рафтер и симметрия. Я не могу спорить с судьбой, распорядившейся именно так.

Мы со Штефани летим домой. Мне надо отдохнуть. Однако на нас начинают сыпаться дурные вести. У моей сестры Тами диагностировали рак груди. Несколько дней спустя моей матери ставят такой же диагноз. Я отказываюсь от места в олимпийской сборной, отправляющейся в Сидней. Хочу проводить как можно больше времени со своими родными. Мне необходимо перестать играть на ближайший год или, по меньшей мере, до января.

Но мама и слышать об этом не хочет.

- Поезжай, - говорит она. - Делай свою работу. Играй.

Я стараюсь. Я лечу в Вашингтон, но играю так, как играю всегда, когда не могу сконцентрироваться. Играя против Алекса Корретхи, я в гневе ломаю три ракетки и проигрываю в двух бездарных сетах.

На Открытом чемпионате США 2000 года я посеян под первым номером. Все считают меня фаворитом. Вечером накануне турнира я сижу с Джилом в отеле Lowell, чувствуя себя последним неудачником. Это мог быть счастливый момент моей жизни. Я мог выиграть этот турнир, поразить весь мир. А мне все

равно.

- Джил, зачем мне играть здесь?

- Может, тебе и не стоит играть.

- Почему я чувствую себя так? Вновь, как прежде?

Это, конечно, риторический вопрос. Касси полностью поправилась и мечтает о колледже. Но Джил никогда не забудет, как себя чувствуешь, когда родной человек лежит на больничной койке. Он заранее знает, что я хочу сказать. Почему должны страдать те, кого мы любим? Почему жизнь не бывает безоблачной? Почему каждый день на этой планете кого-то ждет потеря?

- Ты не можешь играть, пока к тебе не вернется вдохновение, - резюмирует Джил. - Такова твоя природа. Но вдохновение к тебе приходит, только если у твоих близких все в порядке. За это я тебя и люблю.

- Я подведу людей, если не буду играть. А если буду, подведу свою семью.

Джил кивает.

- Почему теннис так часто противоречит жизни?

Он молчит.

- Мы с этим закончили, да? Я имею в виду, мы закончили гонку? Мы в конце этого чертова пути, так?

- Не знаю, - отвечает Джил. - Я знаю, что у тебя внутри еще многое осталось невостребованным. И у меня - тоже. Если мы уйдем сейчас - ничего страшного. Но нам еще есть что сказать, и, насколько я помню, ты обещал себе играть до самого конца.

В первый день тренировок, играя с Брэдом, я не могу нормально подавать, даже если бы от подачи зависела моя жизнь. Я ухожу с корта, и Брэд понимает: не надо меня ни о чем спрашивать. Возвращаюсь в отель и два часа лежу в постели, уставившись в потолок, понимая, что не задержусь в Нью-Йорке надолго.

В первом круге играю с Алексом Кимом, студентом Стенфорда. Мой соперник сам не свой от волнения. Я сочувствую ему и все же выигрываю в двух сетах. Во втором круге мой соперник - Клеман. Стоит жара, мы оба обливаемся потом еще до розыгрыша первого очка. Я начинаю удачно, отбираю подачу и выхожу вперед - 3-1. Все в порядке. Однако вдруг будто превращаюсь в неопытного новичка. На глазах у всего зала полностью проваливаю игру.

Пресса вновь заводит песню о том, что Агасси пора уходить. Джил пытается объяснить журналистам мои проблемы. «Андре ведут эмоции, сердце, вера, - объясняет Джил, - он зависит от тех, кого любит. Когда у них проблемы, вы сразу видите это по его игре».

По пути со стадиона Артура Эша со мной заговаривает какая-то девочка:

- Мне жаль, что ты проиграл!

- Не стоит переживать по этому поводу, милая!

Она улыбается.

Я СПЕШУ ДОМОЙ, в Вегас, чтобы быть рядом с мамой. Но она вполне безмятежна, погружена в свои книжки и пазлы, как бы пристыжая нас своим непоколебимым спокойствием. Я понимаю, что все эти годы недооценивал ее, ошибочно принимая ее молчание за слабость и уступчивость. Я вижу, что мой отец натренировал ее, как и всех нас, и за ее внешним обликом скрывается многое, чего не заметишь с первого взгляда.

Я также вижу, что сейчас, в опасный момент ее жизни, она хочет, чтобы ее ценили. Я всегда считал само собой разумеющимся все, что она делает для нас, и полагал, что ее это устраивает, ей достаточно пазлов. Но сейчас мама хочет дать мне понять: она сильнее, чем я предполагал. Она переносит лечение, не жалуясь, ждет, что я буду этим гордиться, и желает, чтобы я знал, что сам сделан из того же теста. Она пережила ежедневное общение с моим отцом, она переживет и это. И я тоже.

Тами лечится в Сиэттле. Ей тоже лучше. Ей сделали операцию, и, перед тем как начать химиотерапию, она прилетела в Вегас, чтобы провести время с семьей. Она признается мне, что ужасно боится потерять волосы. Я отвечаю, что бояться нечего: лично для меня расставание с волосами стало одним из самых

радостных моментов в жизни. Она смеется.

Она предлагает: быть может, ей стоит избавиться от волос прежде, чем их отнимет у нее рак? Это было бы что-то вроде оборонительной операции, позволяющей сохранить контроль над своей жизнью.

Мне нравится эта идея. Обещаю ей помочь.

Мы устраиваем барбекю у меня дома. Перед тем как начинают съезжаться гости, мы запираемся в ванной. С Фили и Штефани в роли свидетелей мы проводим торжественную церемонию бритья головы. Тами хочет, чтобы эту почетную обязанность исполнил я, и вручает мне электробритву. Я ставлю регулятор на бритье под ноль и интересуюсь, не хочет ли она для начала оставить на голове ирокез:

- Это, возможно, твой единственный шанс узнать, как ты будешь с ним выглядеть!

- Нет, - отвечает Тами. - Просто брей.

Я быстро и чисто выбриваю ей голову. Тами улыбается, словно Элвис в день своего ухода в армию. Пока ее пряди падают на пол, я не устаю повторять, что все будет хорошо. «Теперь ты свободна, Тами, - говорю я. - По крайней мере твои волосы точно вырастут обратно, а вот у нас с Фили они ушли безвозвратно - прощай навсегда, шевелюра!» Она смеется все радостнее, и я счастлив, что могу рассмешить сестру, которая плачет каждый день.

К НОЯБРЮ 2000 ГОДА мое семейство, в целом, идет на поправку, так что я могу вернуться к тренировкам. В январе мы летим в Австралию. Перед посадкой я нахожусь в прекрасном настроении. Люблю Австралию! Может быть, в одной из прошлых жизней я был аборигеном. Я чувствую себя здесь как дома. Люблю спорткомплекс Рода Лэйвера, всегда с радостью играю на стадионе имени великого теннисиста.

Я поспорил с Брэдом, что выиграю этот турнир. Я предчувствую это. Если выиграю, Брэду придется прыгнуть в Ярру - зловонную грязную речушку, катящую свои воды через Мельбурн. Я пробиваюсь в полуфинал, где вновь встречаюсь с Рафтером. Мы три часа ведем яростную битву, наполненную бесконечными, как перебранки, ударами, в которых никто не хочет уступать. Он ведет - два сета против одного. Но затем силы оставляют его. На австралийской жаре мы оба обливаемся потом, но у него уже, кажется, начинаются судороги. Я выигрываю следующие два сета.

В финале встречаюсь с Клеманом. Это - матч-реванш, ответ на то, как четыре месяца назад он вышиб меня из Открытого чемпионата США. Во время игры я почти не покидаю задней

линии. Я допускаю лишь несколько ошибок и быстро их исправляю. Пока Клеман бормочет что-то себе под нос по-французски, я наслаждаюсь безмятежным спокойствием. Я - сын своей матери. Побеждаю в двух сетах.

Это мой седьмой Шлем, он поднимает меня на десятую строчку в списке игроков всех времен и народов. Я - в одном списке с Макинроем, Виландером и другими - строчкой выше Беккера и Эдберга. Только я и Виландер в современной истории тенниса трижды выигрывали Открытый чемпионат Австралии. Но в данный момент я хочу лишь посмотреть, как Брэд поплывет по Ярре, и улететь домой к Штефани.

НАЧАЛО 2001 ГОДА мы проводим в моей второй холостяцкой берлоге, превращая ее из жилища одинокого мужчины в нормальный семейный дом. Бродим по магазинам в поисках мебели, которая нравится нам обоим. Устраиваем небольшие домашние ужины. Заполночь разговариваем о будущем. Штефани купила пластиковую доску для кухни, на которой так удобно оставлять друг другу записки с мелкими поручениями. Я тут же переименовываю ее в «Доску благодарностей». Повесив ее на стену в кухне, я обещаю Штефани каждый вечер писать здесь что-нибудь о любви, причем всякий раз что-то новое. Еще я покупаю ящик Шато Бешвель 1989 года, и мы решаем каждый год откупоривать бутылку в годовщину нашего первого свидания.

В Индиан-Уэллс я дохожу до финала, где встречаюсь с Питом. Я выигрываю. После матча, в раздевалке, он сообщает мне, что собирается жениться на Бриджит Уилсон, актрисе, с которой встречается.

- У меня до сих пор аллергия на актрис, - говорю я.

Я не шучу. Но он смеется.

Он рассказывает, что встретился с Бриджит на съемках фильма «К черту любовь».

Я смеюсь. Но он не шутит.

Я хотел бы сказать Питу многое - и о браке, и об актрисах, но не могу. Не те отношения. Хотел бы как следует расспросить его: как ему удается сохранять столь высокую концентрацию и не жалеет ли он, что столь безоглядно посвятил свою жизнь теннису. Но все же мы слишком разные люди, и это плюс наше продолжающееся соперничество не оставляет места для подобной откровенности. Я понимаю, что, невзирая на наше взаимное влияние, на нашу как-бы дружбу, мы остаемся друг для друга незнакомцами и, возможно, останемся ими до конца жизни. Я искренне желаю ему всего самого лучшего. На мой вкус, любимая женщина рядом - это настоящее счастье. Сейчас, потратив кучу времени на то, чтобы собрать свою так называемую команду,

единственное, чего я хочу, быть ценным членом команды Штефани. Я надеюсь, что Пит думает о своей невесте точно так же. Я надеюсь, что о своем месте в ее сердце он печется так же искренне, как и о своем месте в истории. Хотелось бы мне сказать ему эти слова.

Через час после окончания турнира мы со Штефани уже даем урок тенниса. Уэйн Гретцки[47] выкупил на благотворительном аукционе возможность брать у нас уроки тенниса для своих детей. Мы с удовольствием занимаемся с маленькими Гретцки. Когда наступает вечер, мы медленно едем обратно в Лос-Анджелес, по дороге болтая о том, какие милые дети у хоккеиста. Я вспоминаю детей Кевина Костнера.

Штефани бросает взгляд в окно, затем - на меня:

- По-моему, у меня задержка.

- Что?

- Задержка.

- Ты имеешь в виду… о, Господи!

Мы останавливаемся у каждой аптеки, скупая все тесты на беременность, которые попадаются нам на глаза, и отправляемся в отель Bel-Air. Штефани идет в ванную. Когда она наконец выходит, по выражению ее лица невозможно прочесть ничего. Она протягивает мне полоску:

- Синяя.

- И что это значит?

- Ты сам знаешь, что это значит.

- Что будет мальчик?

- Это значит, что я беременна.

Она повторяет тест еще раз. И еще. Полоска исправно становится синей.

Мы оба этого хотели, так что она очень рада - но и испуганна. Столь многое теперь изменится! Что будет с ее телом? У нас остается лишь не-сколько часов, которые мы проведем вместе, потом меня ждет ночной рейс на Майами, а ей предстоит лететь в Германию. Мы идем ужинать в Matsushita. Мы сидим в суши-баре, держась за руки, и рассказываем друг другу, как здорово теперь будет складываться наша жизнь. Лишь позже я понял: Matsushita - тот самый ресторан, где окончательно разрушились наши отношения с Брук. Совсем как в теннисе, где тот самый корт, на котором ты пережил худшее из поражений, может впоследствии стать ареной твоего триумфа.

После ужина, слез и радости я заявляю:

- Мне кажется, пора пожениться.

Ее глаза широко распахиваются. Мне так кажется.

Мы решаем, что не будем устраивать шума. Никакой церкви.

Никакого торта. Никакого платья. Мы сделаем это, как только выдастся свободный день в период теннисного межсезонья.

Я СИЖУ НА ЧАСОВОМ ИНТЕРВЬЮ с Чарли Роузом, гениальным телеведущим, и что-то вру ему. Я не хотел лгать, но все его вопросы уже несут в себе ответ - такой, который он хочет услышать.

- В детстве вы любили теннис?

- Да.

- Вам нравилось играть?

- Я был готов спать с ракеткой.

- Оглядываясь на то, что сделал для вас ваш отец, готовы ли вы сказать ему: я благодарен тебе за раннюю науку, которая помогла мне воспитать в себе волю к победе?

- Я рад, что играю в теннис, и рад, что отец занялся со мной этим видом спорта.

Мой голос звучит так, будто я под гипнозом или мне тщательно промыли мозги. Для меня это не ново. Я говорю те же слова, которые говорил раньше, которые произносил во время бесчисленных пресс-конференций, интервью, светских бесед. Интересно, остаются ли они ложью, если я сам уже отчасти поверил в них? Если за счет многочисленных повторений они покрылись тонкой патиной правды?

В этот раз, однако, лживые слова чувствуются по-другому, иначе звучат. Они висят в воздухе, оставляют во рту горьковатый привкус. После интервью я чувствую легкую тошноту. Это не вина, но сожаление. Ощущение упущенной возможности. Я пытаюсь представить, что вышло бы, как поступил бы Роуз, сколько удовольствия мы оба могли получить от этого часа, если бы я был искренен с ним - и с самим собой. На самом деле, Чарли, я ненавижу теннис!

Тошнота не проходит несколько дней. Когда интервью выходит в эфир, она еще усиливается. И тогда я обещаю себе, что однажды посмотрю интервьюеру уровня Роуза прямо в глаза - и выложу всю неприкрашенную правду.

НА ОТКРЫТОМ ЧЕМПИОНАТЕ ФРАНЦИИ 2001 года в моей ложе сидит невидимое существо. Штефани на четвертом месяце, и присутствие на матче нашего пока не рожденного ребенка придает мне юношескую легкость ног. Я дохожу до шестнадцатого круга и встречаюсь со Скиллари. У нас с ним знатная история противостояния. Когда мы вы-ходим на корт, кажется, нас связывает история куда более богатая, чем у Франции с Англией. Присутствие Скиллари будто возвращает меня обратно в 1999 год, к одному из труднейших матчей в моей карьере. К одному из поворотных пунктов. Если бы он победил

тогда, два года назад, вряд ли я был бы сейчас здесь, вряд ли здесь была бы Штефани и, конечно, наш будущий ребенок.

Вдохновленный этими мыслями, я чувствую себя уверенно. По ходу матча я становлюсь все свежее, все сосредоточеннее. Ничто, кажется, не может отвлечь меня от игры. Разошедшиеся фанаты кричат мне что- то оскорбительное. Я смеюсь в ответ. Очень опасно падаю, подвернув ногу и поранив колено, но не обращаю на это никакого внимания. Ничто и никто не остановит меня, и уж точно не Скиллари. Постепенно я совсем перестаю его опасаться. Я абсолютно уверен в себе, более чем когда бы то ни было.

В четвертьфинале встречаюсь с французом Себастьяном Грожаном. Первый сет я провожу в неслыханном темпе, проиграв лишь один гейм, но потом Грожан, кажется, открывает свежий запас веры в себя и в свою победу. Сейчас мы равно уверены в себе, однако удары у него получаются лучше. Он отнимает у меня подачу, доводит счет до 2-0, затем вновь отнимает подачу - и выигрывает второй сет так же просто, как я выиграл первый.

В третьем он тут же отнимает подачу, выигрывает гейм с помощью великолепной свечки, удерживает свою подачу и вновь отнимает мою. В этом сете я обречен.

В четвертом я получаю шанс отыграть его подачу, но не могу. Я бью слева - слишком слабый, позорный для меня удар. Увидев, как мяч уходит за пределы корта, я понимаю, что упустил время. Соперник выходит на финальную подачу, я сопротивляюсь изо всех сил - но мой удар справа уходит в сетку. Матч-пойнт. Грожан заканчивает матч ударом навылет.

После матча журналисты интересуются, повлияло ли на мою концентрацию появление на стадионе президента США Билла Клинтона. Из всех причин поражения, которые я когда-либо слышал или изобретал, эта - самая идиотская. Я даже не знал, что Клинтон был на стадионе, отвечаю я. Меня занимали совсем другие, невидимые наблюдатели.

Я ПРИВОЖУ ШТЕФАНИ К ДЖИЛУ в зал под предлогом тренировки. Она улыбается, потому что знает истинную причину нашего совместного визита.

Джил интересуется самочувствием Штефани, предлагает ей присесть, спрашивает, чего бы ей хотелось попить. Он подводит ее к велотренажеру, и она плавно садится в седло. Она внимательно изучает полку, которую Джил специально повесил на одну из стен, чтобы держать на ней мои кубки с турниров Большого шлема, включая и те, что я восстановил после вспышки гнева из-за визита на съемки «Друзей».

Крутя в руках эспандер, я, наконец, обращаюсь к Джилу:

- Слушай, Джил, тут такое дело… Мы выбрали имя для сына.

- Да? И какое?

- Джаден.

- Мне нравится, - Джил, улыбаясь, кивает. - Хорошее имя.

- А второе имя, мне кажется, еще лучше.

- И какое же?

- Джил.

Он изумленно смотрит на меня.

- Получается Джаден Джил Агасси. Если он вырастет хотя бы вполовину таким мужественным, как ты, его ждет феноменальный успех в жизни, а если я смогу быть ему хотя бы вполовину таким же хорошим отцом, каким ты был для меня, я буду считать, что перевыполнил план.

Штефани плачет. Мои глаза тоже наполняются слезами. Джил стоит в трех метрах от нас, рядом с тренажером для ног. У него за ухом - его фирменный карандаш, очки оседлали кончик носа, в руках - его вечный блокнот, похожий на записную книжку да Винчи. В три шага он подходит ко мне и сжимает меня в объятиях. Я чувствую щекой его цепочку. Отец, Сын, Святой дух.

В 2001 ГОДУ НА УИМБЛДОНЕ я близок к победе над Рафтером. В пятом сете подаю решающий мяч. В двух очках от победы неуверенно бью справа - и сетка. В следующий раз - пропускаю простейший удар справа. И вот теперь мой соперник вновь воспрянул духом, и уже он считает, что близок к победе.

- Урод! - кричу я.

Судья на линии тут же сообщает об этом судье на вышке.

Я получаю предупреждение за грубую брань.

Теперь я не могу думать ни о чем, кроме судьи на линии с его чрез-мерным усердием. Я проигрываю сет 8-6, а затем и матч. Я разочарован, и в то же время поражение не кажется мне столь уж значимым.

Помимо здоровья Штефани и грядущего пополнения семьи, я постоянно думаю о нашей школе, которая должна открыться этой осенью. Сейчас в ней набирается двести учеников с третьего по пятый класс, хотя мы планируем за два года расшириться до полного учебного цикла - с нулевого до двенадцатого класса.

Мне нравится концепция нашей школы и ее дизайн, но особенно я горд тем, что мы, не жалея, вкладываем деньги в свои начинания. Много денег. Мы с Перри с ужасом узнали, что Невада тратит на образование меньше, чем почти любой другой штат США, - $6800 на одного ученика, тогда как в среднем по стране эта цифра равна $8600. Мы по-клялись, что в нашей школе дела будут обстоять не в пример лучше. Будем вкладывать в детей максимум средств, полученных как через государственное

финансирование, так и от частных пожертвований, и докажем, что в образовании, как и везде, финансирование важно.

Кроме того, занятия в нашей школе будут продолжаться дольше обычного - восемь часов вместо обычных для Невады шести. Ведь для усвоения знаний требуются как время, так и практика. А еще мы собираемся активно привлекать родителей. Хотя бы один из родителей каждого ученика должен уделять школе по двенадцать часов в месяц, например, сопровождая учеников на экскурсии. Мы хотим, чтобы родители были нашими партнерами, чтобы они включались в учебный процесс и полностью отвечали за подготовку детей к колледжу.

Время от времени, устав или загрустив, я подъезжаю к школьному зданию и смотрю, как оно обретает форму. Изо всех моих противоречий это кажется мне самым поразительным и даже забавным: мальчишка, боявшийся и ненавидевший школу, превратился в мужчину, который черпает вдохновение в зрелище собственной строящейся школы.

Увы, я не могу приехать на ее открытие: играю на Открытом чемпионате США 2001 года. Я играю за мою школу, а значит, показываю лучшее, на что способен. После четырех кругов я встречаюсь с Питом в четвертьфинале. Когда мы выходим из-под трибун, понимаем: сегодня будет наша самая жестокая битва. Мы оба чувствуем это. Сегодня наша тридцать вторая встреча, у него больше побед -17 против моих 14. И вот сегодня на наших лицах отчетливо проступает жестокость. Именно здесь и сейчас разрешится наше соперничество. Победитель получает все.

Казалось бы, Пит не в лучшей форме. Уже четырнадцать месяцев он не побеждал в турнирах Большого шлема. Дела у него не шли, и он открыто говорил о своем уходе из спорта. Но все это не имеет значения, когда он играет со мной. Тем не менее я выигрываю первый сет на тай- брейке и теперь настроен оптимистично по поводу своих шансов. Первый выигранный у Пита сет становится в общей сложности сорок девятым выигранным сетом на этом турнире - против одного, в котором я потерпел поражение.

Вот только Питу никто, похоже, не сообщил эти цифры. Он выигрывает второй сет на тай-брейке.

Третий тоже заканчивается тай-брейком. Я допускаю несколько дурацких ошибок - сказывается усталость. Пит выигрывает этот сет.

В четвертом сете мы несколько раз втягиваемся в бесконечные обмены ударами. Впереди - еще один тай-брейк. Мы играем уже три часа, и за это время ни один из нас не смог отнять подачу соперника. Уже за полночь. Трибуны - больше двадцати

трех тысяч болельщиков - встают. Не давая нам начать очередной тай-брейк, зрители устраивают свой собственный, топая ногами и аплодируя. Пока мы вновь не приступили к игре, они по-своему говорят нам «спасибо».

Я тронут. Вижу, что Пита это тоже не оставило равнодушным. Но я не могу думать о болельщиках. Не могу позволить себе думать ни о чем, кроме как о пятом сете, которого должен добиться во что бы то ни стало.

Пит понимает, что, если игра перейдет в пятый сет, преимущество будет на моей стороне. Он знает, что должен мощно отыграть тай-брейк, чтобы не допустить этого. И у него получается. Вечер безупречного тенниса заканчивается моим ударом справа, попавшим в сетку.

Пит кричит.

Мое сердце начинает биться ровнее. Я стараюсь почувствовать горечь, но не могу. Интересно, оттого ли, что я уже привык проигрывать Питу в решающих играх? Или оттого, что моя карьера и вся жизнь стали богаче, содержательнее? Так или иначе, я хлопаю Пита по плечу и желаю ему удачи. Конечно, это еще не похоже на прощание, но уже смахивает на репетицию прощания, которое, вероятно, не за горами.

В ОКТЯБРЕ 2001 ГОДА, за три дня до предполагаемых родов Штефани, мы приглашаем к нам в дом наших мам и судью штата Невада.

Я люблю видеть Штефани рядом с моей мамой: двух самых застенчивых женщин в моей жизни. Штефани часто привозит маме в подарок пару новых пазлов. А я, в свою очередь, обожаю маму Штефани, Хайди. Она похожа на Штефани, так что ее вид всегда приводит меня в хорошее настроение.

Мы вдвоем стоим перед судьей - босые и в джинсах. Вместо свадебных колец - веревочки из пальмового волокна, такие же, которыми я когда-то скрепил первую подаренную ей именинную открытку. Это совпадение, впрочем, мы заметили гораздо позже.

Отец говорит, что нисколько не был обижен, не получив приглашения. Ему оно не нужно. Он совсем не хочет быть гостем на свадьбе. Ему вообще не нравятся свадьбы (с моей первой женитьбы он ушел в самый разгар церемонии). Его совершенно не волнует, где, когда и как Штефани станет моей женой, - главное, чтобы я, наконец-таки взял ее в жены. Ведь она величайшая теннисистка всех времен и народов, утверждает отец. Чего же еще желать?

Судья быстро проговаривает все необходимые формальности, и мы со Штефани собираемся сказать «да», когда к нам прибывает бригада рабочих, чтобы привести в порядок газоны. Я выскакиваю

из дома и прошу их на пять минут выключить свои газонокосилки и пылесосы для листвы, чтобы дать нам пожениться. Рабочие просят прощения. Один прижимает палец к губам.

Судья доходит до слов «…властью, данной мне…» - и, наконец-то, наконец-то, в присутствии двух матерей и трех ландшафтных рабочих Штефи Граф становится Штефани Агасси.

26

СЕЗОН РОЖДЕНИЙ И ПЕРЕРОЖДЕНИЙ. Через несколько недель после открытия нашей школы рождается сын. В родильном зале, когда доктор передает мне в руки Джадена Джила, чувствую себя совершенно сбитым с толку. Я люблю его так сильно, что мое сердце готово лопнуть, будто перезрелый фрукт. Не могу дождаться возможности получше рассмотреть его. И в то же время меня захлестывают вопросы: кто этот прекрасный гость? готовы ли мы со Штефани к появлению в нашем доме этого замечательного незнакомца? Я и сам кажусь себе чужаком, пытаясь понять: кем я стану для своего сына? Будет ли он любить меня?

Мы привозим Джадена домой, и я часами смотрю на него. Мне интересно, кто он, откуда пришел к нам, кем собирается стать. Я спрашиваю себя, как стать для него всем тем, в чем сам я нуждался когда-то, но так и не смог получить. Я хочу немедленно бросить спорт и проводить с ним все свое время. Но сейчас я обязан играть - больше, чем когда бы то ни было. Ради него, ради его будущего и ради учеников моей школы.

Мой первый матч после рождения сына - победа над Рафтером в турнире серии «Мастерс» в Сиднее. После игры я говорю журналистам: вряд ли я смогу играть достаточно долго, чтобы мой сын успел увидеть меня на корте, но для меня это было бы самой заветной мечтой.

Затем я снимаюсь с Открытого чемпионата Австралии 2002 года. У меня ноет запястье, не могу играть. Брэд расстроен. Я не ожидал от него ничего подобного. Однако в этот раз его больше мучает другая, более серьезная проблема.

День спустя он предлагает поговорить. Мы встречаемся за кофе, и он, наконец, признается начистоту:

- Андре, мы с тобой проделали большую работу. Но теперь она за-кончена. Мы сделали все, что могли. Сейчас топчемся на месте, не пред-принимаем никаких новых шагов. Мой запас трюков иссяк, друг.

- Но…

- Мы проработали вместе восемь лет и, наверное, могли бы

еще годик-другой. Но тебе уже тридцать два. У тебя теперь есть семья. Но-вые интересы. Быть может, тебе стоит на финишной прямой пригласить в команду нового человека? Кого-то, кто сможет придумать для тебя новую мотивацию?

Он замолкает, смотрит на меня, затем переводит взгляд в пространство.

- Ну, вот и все, - говорит он. - Черт возьми, мы с тобой так близки, я так боялся, что под конец начнем перепалку, но, вроде, обошлось.

Когда он уходит, меня охватывает меланхолия сродни той, что чувствуешь воскресным вечером после отлично проведенных выходных. Я знаю, Брэд испытывает то же самое. Быть может, это неправильное расставание, но для нас оно, несомненно, лучшее из возможных.

Я ЗАКРЫВАЮ ГЛАЗА и пытаюсь представить рядом с собой нового тренера. Первым мне приходит в голову Даррен Кэйхилл. Он только что закончил тренировать Ллейтона Хьюитта, достигнув вместе с ним блестящих результатов: он - номер один в мировой классификации и один из лучших в том, что касается правильного выбора удара. Не в последнюю очередь именно Даррена следует благодарить за эти успехи. Недавно мы с ним случайно встретились в Сиднее и долго разговаривали об отцовстве. Этот разговор нас неожиданно сблизил. Даррен, такой же, как и я, молодой отец, посоветовал мне книгу о том, как приучить детей хорошо спать. Он превозносил эту книгу до небес, утверждая, что уже весь теннисный мир знает, как прекрасно спит его сын.

Даррен всегда был мне симпатичен. Мне нравится его легкий характер, а его австралийский акцент я нахожу успокаивающим. Он меня почти усыпляет. Я читаю рекомендованную им книгу - и специально звоню из Австралии Штефани, чтобы процитировать кое-какие отрывки. Оказалось, рекомендации прекрасно работают.

Звоню Даррену, сообщаю, что расстался с Брэдом, и интересуюсь, не хочет ли он работать со мной. Даррен отвечает, что польщен предложением, хотя вот-вот собирался подписать контракт с Маратом Сафиным. Впрочем, он в любом случае поразмыслит обо всем и свяжется со мной.

- Хорошо, - говорю я. - Думай, сколько тебе нужно.

Перезваниваю ему через полчаса. И говорю:

- Черт возьми, о чем тут еще думать? Зачем тебе тренировать Сафина? Ты никогда не будешь знать, чего от него ожидать. Ты просто обязан работать со мной. Клянусь тебе, Даррен, я еще способен на многое. Моя карьера не закончена. Я сосредоточен на

ней - и мне нужен человек, который поможет сохранить концентрацию.

- Хорошо, - смеется он. - Договорились.

Он даже не упомянул о деньгах.

ШТЕФАНИ И ДЖАДЕН летят со мной в Ки-Бискейн. На дворе - апрель 2002-го, до моего тридцать второго дня рождения осталось несколько дней. На турнире полно игроков вдвое моложе меня, младотурков вроде Энди Роддика, очередного, уже не упомню, какого по счету, спасителя американского тенниса. Н-да, бедный мальчик. Здесь же - новая сенсация, юное дарование из Швейцарии по имени Роджер Федерер.

Я хочу выиграть этот турнир ради своей жены и шестимесячного сына. Но ничуть не боюсь проиграть - и тоже из-за них. Каждый вечер, возвращаясь домой после игры, качая колыбель Джадена и обнимая Штефани, с трудом могу вспомнить, выиграл я или проиграл. Теннис исчезает из памяти столь же быстро, как солнце с небосклона. Мне кажется даже, что на моей ведущей руке исчезают мозоли, воспаленные нервы спины перестают болеть. Прежде всего я отец и лишь потом - теннисист. Эта перемена произошла внезапно, без предупреждения.

Как-то утром Штефани решилась уйти в магазин, устроив мне небольшую тренировку: оставив со мной Джадена. Это мой первый опыт наедине с сыном.

- У вас все будет в порядке? - спрашивает она.

- Конечно.

Сажаю Джадена на полку в ванной, прислонив к зеркалу, и разрешаю играть с моей зубной щеткой, пока я собираюсь. Ему нравится сосать зубную щетку, глядя, как я брею голову электробритвой.

- Как тебе твой лысый папа? - спрашиваю я.

Он улыбается.

- Знаешь, сын, я когда-то был таким же, как ты: с длинными волосами, торчащими во все стороны. Этим зачесом на лысину ты никого не обманешь.

Он улыбается еще шире, разумеется, не понимая ни слова.

Я перебираю его волосы пальцами.

- Похоже, ты слишком зарос, дорогой. Здесь надо кое-что убрать.

Я меняю насадку на электробритве на ту, что оставляет короткие волосы на голове. Однако, когда я провожу бритвой по маленькой головке сына, на ней остается яркая полоса кожи - белая, как задняя линия на корте.

Не та насадка. Штефани меня убьет. Я должен подровнять

мальчику волосы, пока она не вернулась домой. Но моя нервная попытка подровнять сыну прическу приводит к тому, что они становятся все короче. Прежде чем я понимаю, что происходит, мой сын становится еще более лысым, чем я. Он похож на Мини-Мы[48].

Вернувшись, Штефани застывает на пороге, глядя на нас вытаращенными глазами:

- Что это за?.. Андре! - восклицает она. - Боже мой, что на тебя нашло? Я оставила вас всего на сорок пять минут - и ты побрил ребенка?!

И она разражается драматическими тирадами на немецком.

Я объяснил, что это был несчастный случай. Не та насадка. Я умоляю о прощении:

- Я знаю, ты думаешь, что я сделал это нарочно. Тем более я всегда шучу о желании побрить весь мир. Но, честное слово, Штефани, это была всего лишь ошибка.

Я пытаюсь напомнить ей о поверье: если побрить ребенку волосы, они будут расти быстрее и гуще. Но она поднимает руку и разражается хохотом. Она просто сгибается пополам от смеха. Теперь и Джаден смеется над своей хохочущей мамой. И вот мы все хихикаем, потирая то голову Джадена, то мою, и шутим, что волосатой осталась только Штефани и теперь ей следует быть настороже даже во сне. Я смеюсь до изнеможения. Через несколько дней, в финале турнира в Ки-Бискейн, я одерживаю верх над Федерером. Это достойная победа. Он крут, как истинный великий игрок. Он приехал на турнир, имея в своем активе двадцать три победы в текущем году.

Это моя пятьдесят первая победа в турнирах и семисотая - в матчах. Но для меня нынешний турнир запомнится не победой над Федерером, а нашим смехом. Интересно, не этот ли смех помог мне победить? Ведь после того, как от души посмеешься вместе с теми, кого любишь, гораздо легче чувствовать себя свободным, быть собой.

В начале 2002 года между мной и Дарреном устанавливается полное взаимопонимание. Мы говорим на одном языке, видим мир в одинаковых красках. Он укрепляет мое доверие, когда осмеливается предложить мне сменить струны на ракетке - и этим улучшить ее.

Я всегда играл со струнами ProBlend - наполовину кевларовыми, наполовину нейлоновыми. На них можно удержать четырехкилограммового марлина. Они никогда не подводят, никогда не лопаются, но и не в состоянии подкручивать мяч. Играть с ними - все равно что отбивать мяч крышкой от мусорного бака. В последние годы все говорят, что теннис

меняется, игроки становятся мощнее, ракетки - больше, но самые существенные перемены коснулись струн. Появление новых эластичных струн из полиэстера, позволяющих бить мощные крученые удары, вознесло ничем не выдающихся игроков до статуса великих, великих же превратило в легендарных.

Я, однако, никогда не любил перемен. И вот теперь Даррен уговорил меня попробовать новые струны. Мы - на Открытом чемпионате Италии. Я только что сыграл в первом круге с Николасом Кифером из Германии. Я победил - 6-3, 6-2. Но сейчас говорю Даррену, что, по справедливости, должен был потерпеть поражение. Я играл отвратительно, неуверенно. Грунтовое покрытие - не мое.

- Тебе нужны новые струны, - отвечает Даррен.

Я хмурюсь. Я настроен скептически. Однажды уже пробовал поменять ракетку - ничего хорошего из этого не вышло.

Он натягивает новые струны, вновь повторяет:

- Просто попробуй.

На тренировке я в течение двух часов не упускаю ни единого мяча. И не пропускаю ни одного мяча до самого конца турнира. До этого мне ни разу не доводилось выигрывать Открытый чемпионат Италии. Зато я выиграл его теперь - благодаря Даррену и его волшебным струнам.

С БОЛЬШИМ НЕТЕРПЕНИЕМ жду Открытого чемпионата Франции 2002 года. Я взволнован и настроен на борьбу - в конце концов, у меня есть поводы для оптимизма. Я только что победил на турнире, Джаден стал лучше спать, к тому же у меня есть новое оружие. В четвертом круге проигрываю два сета и подачу приглашенному специальным решением организаторов Полю-Анри Матье из Франции. Ему двадцать лет, и все же я в лучшей физической форме. Сынок, в теннисе часов не считают, - я готов оставаться здесь хоть целый день.

Начинается дождь. Я сижу в раздевалке и вспоминаю, как Брэд орал на меня в 1999-м. Его тирада до сих пор звучит у меня в ушах, от первого до последнего слова. Выходя на корт, я улыбаюсь. Веду 40-0, когда Матье выигрывает мою подачу. Я, однако, сохраняю спокойствие и в свою очередь возвращаю подачу. В пятом сете он выходит вперед, 3-1. И вновь я отказываюсь смириться с поражением.

- У любого спортсмена, кроме Агасси, я бы выиграл этот матч, - при-знается потом Матье журналистам.

Следующий мой соперник - испанец Хуан Карлос Ферреро. Снова идет дождь. Я интересуюсь, будет ли матч остановлен на ночь. Ферреро ведет и не хочет останавливаться. Он явно раздражен, когда судьи удовлетворяют мою просьбу и

откладывают игру. На следующий день он выплескивает на меня свое раздражение. В третьем сете у меня время от времени появляется возможность отыграться, но Ферреро быстро пресекает мои попытки. Он выигрывает сет, и я вижу, как по мере моего отставания растет его уверенность.

Я спокоен, когда вместе с Дарреном ухожу с корта. Меня устраивает моя игра. Да, я допускал ошибки, у меня случались сбои, но я верю, что мы справимся с чем угодно. У меня побаливает спина - но лишь оттого, что я много наклоняюсь, уча Джадена ходить. Прекрасная боль.

Через несколько недель мы отправляемся на Уимблдон, где уверенность покидает меня. Новые струны играют со мной злую шутку. На травяном покрытии мои усиленные крученые удары заставляют мячи летать, словно шарики, надутые гелием. Во втором круге я играю с Парадорном Шричапаном из Таиланда. Он хороший игрок, но не более. Шричапан занимает шестьдесят седьмое место в мировой классификации, и то, что я могу проиграть, кажется невероятным. И все же в первом сете он берет верх.

Я пробую все возможное, чтобы вернуть себе преимущество. Ничего не получается. Мои мячи - словно воздушные эклеры, которые жадно пожирает Шричапан. Я никогда не видел, чтобы человек так быстро вырастал до огромных размеров, как Шричапан, отбивающий мой удар справа. Он делает замах, стоя на пятках, и единственная сознательная мысль, которая приходит мне в голову: хотелось бы мне бить по мячу, как он, и при этом попадать. Как я могу дать понять всем, собравшимся на стадионе, что я не виноват? Это все из-за струн! Во втором сете я корректирую игру, даю противнику настоящий бой и играю вполне достойно, но Шричапан непробиваемо уверен в себе. Он знает, что это его день; а когда ты уверен в этом, обычно случаются чудеса. Он бьет шальной удар, который каким-то чудом цепляет заднюю линию, затем выигрывает тай-брейк - и вот он уже на два сета впереди. В третьем сете я спокойно проигрываю.

Слабым утешением служит лишь то, что в тот же день проигрывает и Пит.

Следующие два дня мы с Дарреном экспериментируем с различными комбинациями струн. Я объявляю ему, что не могу играть с этим его новым полиэстером, но и уверенность мою в старых струнах Даррен подорвал безвозвратно. В итоге я заявляю, что, если вернусь к ProBlend, больше не буду играть.

Даррен мрачнеет. Лишь полгода он проработал моим тренером, внес небольшое усовершенствование по части струн - и

вот, быть может, он тем самым неумышленно приблизил мой уход из спорта. Он обещает сделать все, что в его силах, и найти подходящую для меня комбинацию.

- Найди что-нибудь, чтобы я мог подавать, стоя на пятках, как Шричапан, - прошу я. - Найди что-нибудь, чтобы я стал, как он.

- Будет сделано!

Он работает день и ночь и, кажется, находит комбинацию, которая его устраивает. Мы летим в Лос-Анджелес, где я испытываю ее, - никаких нареканий. Я выигрываю Кубок Mercedes-Benz.

Потом мы перебираемся в Цинциннати. Я играю достойно, но недостаточно хорошо для победы. Затем в Вашингтоне обыгрываю Энквиста, который всегда был для меня очень трудным соперником. После него встречаюсь еще с одним мальчиком, обещающим стать теннисной сенсацией, - двадцатидвухлетним Джеймсом Блейком. Он демонстрирует красивый, элегантный теннис. Я не дотягиваю до его уровня - по крайней мере сейчас. Он моложе, быстрее, у него лучше подготовка. Кроме того, он достаточно наслышан обо мне и о моих достижениях, чтобы демонстрировать лучшее, на что способен. Я польщен тем, что он вышел на игру со мной в полном вооружении. Это льстит моему самолюбию, хоть и означает, что против него у меня нет шансов. За это поражение мне не приходится винить струны на ракетке.

Я отправляюсь на Открытый чемпионат США 2002 года, не зная, какой результат смогу показать. Я преодолеваю начальные ступени и в четвертьфинале встречаюсь с белорусом Максимом Мирным по прозвищу "Зверь". «Зверь» - отнюдь не преувеличение. В нем сто девяносто пять сантиметров роста, к тому же он обладатель самой устрашающей подачи из тех, что мне приходилось видеть. Кажется, посланный им мяч, словно комета, оставляет за собой пылающий желтый хвост, когда взлетает над сеткой и затем обрушивается на соперника. Мне нечем ответить на эту подачу. Он выигрывает первый сет с прямо-таки нечеловеческой легкостью.

Тем не менее во втором Мирный допускает несколько ошибок - и тем самым дает мне импульс к победе. Теперь я лучше понимаю его первую подачу. До конца матча мы оба демонстрируем высококлассную игру, и, когда его последний удар справа уходит в аут, я не могу поверить своим глазам. Я в полуфинале.

За все мои старания мне достается встреча с Хьюиттом, посеянным под первым номером, победителем последнего Уимблдона. Ко всему прочему, он еще и бывший ученик Даррена. То, что Даррен несколько лет тренировал Хьюитта, добавляет

нашей встрече энергии и напряжения. Даррен хочет, чтобы я обыграл Хьюитта, и я хочу его обыграть - ради Даррена. Но в первом же сете быстро отстаю, 0-3. У меня есть вся необходимая информация о Хьюитте - полученная от Даррена и вынесенная из наших предыдущих встреч, но мне все-таки нужно время, чтобы раскусить соперника. Когда это удается, ситуация меняется. Я бросаюсь вперед и выигрываю первый сет, 6-4. Вижу, как гаснет огонь в глазах Хьюитта. Выигрываю второй сет. На обмене ударами он выигрывает третий. В четвертом сете он неожиданно ошибается на первой подаче, и у меня получается обыграть его на второй. О, Господи! Я в финале.

Это значит, я встречаюсь с Питом. Как обычно. За всю карьеру мы сыграли с ним тридцать три матча, четыре из них - в финале турниров Большого шлема. Он ведет в счете 19-14, а в финалах Большого шлема - 3-1. Он утверждает, что именно в игре со мной демонстрирует лучшее, на что способен. Я же полагаю, что дело в другом: это я, встречаясь с Питом, показываю свою худшую игру. Вечером накануне финала невольно вспоминаю все случаи, когда я собирался победить его, но итогом было поражение. Его успехи в игре со мной начались именно здесь, в Нью-Йорке, двенадцать лет назад, когда он разгромил меня в двух сетах. Тогда я был фаворитом турнира. Как и сейчас.

Потягивая перед сном волшебную воду Джила, убеждаю себя: в этот раз все будет иначе. Пит не выигрывал турниры Большого шлема больше двух лет. Его карьера близка к закату. Я же лишь начинаю новый виток.

Забираюсь под одеяло и вспоминаю, как несколько лет назад в Палм-Спрингз мы с Брэдом сидели в итальянском ресторане Mama Gina's и в другом конце зала заметили Пита, обедавшего с друзьями. По пути к выходу он остановился у нашего столика поздороваться.

- «Удачи завтра!»

- «Тебе тоже». Затем мы увидели его через окно: он ждал, пока подъедет машина. Мы оба молча размышляли о том, как изменил нашу жизнь этот человек. Когда Пит уехал, я спросил у Джила: сколько Пит оставил официанту на чай?

- Пять баксов максимум, - хмыкнул Брэд.

- Ничего подобного, - возразил я. - Этот парень - миллионер. Только призовых он заработал около сорока миллионов. Не может быть, чтобы он не оставил хотя бы десятку.

- Спорим?

- Спорим.

Мы быстро доели и встали из-за стола.

- Послушайте! - обратился я к официанту. - Скажите, только

честно: сколько чаевых оставил мистер Сампрас?

Официант потупился. Он явно раздумывал, не попал ли в какое- нибудь телешоу со скрытой камерой.

Мы объяснили парнишке: мы поспорили, так что нам просто необходима его полная и абсолютная откровенность. В конце концов он прошептал:

- Вы действительно хотите знать?

- Еще бы!

- Он оставил один доллар.

Брэд прижал руку к сердцу.

- Но это не все, - продолжил официант. - Он оставил доллар - и велел поделиться им с парнем, который подгонял его машину.

Да, Пит и я отличаемся во всем, насколько это возможно. И вот теперь, проваливаясь в сон перед нашим, быть может, последним финалом, я обещаю себе, что завтра мир увидит наши истинные различия.

МЫ НАЧИНАЕМ ПОЗДНО-спасибо футболистам из New York Jets[49] задержавшим своим матчем телетрансляцию. Это мне на руку. Я в лучшей форме, и мне выгодно, если игра затянется заполночь. Но быстро проигрываю два сета. Пит бьет меня, как ребенка, не могу поверить, что это происходит.

И тут я замечаю, что он измочален. И стар. Я выигрываю третий сет с явным преимуществом, и весь стадион видит, как чаша весов начинает склоняться в мою сторону. Трибуны сходят с ума. Им неважно, кто выиграет, - они хотят видеть пять сетов борьбы Агасси с Сампрасом. В ходе четвертого сета я понимаю, как часто у меня это бывает в играх с Питом: если сумею дотянуть игру до пятого сета, победа будет за мной. Я свежее. Я играю лучше. Мы - самые возрастные игроки из всех, игравших в финале Открытого чемпионата США за последние тридцать лет, но я ощущаю себя одним из тех мальчишек, которые все чаще становятся сенсациями на турнирах. Я чувствую себя частью нового поколения.

При счете 3-4 Пит подает, у меня два брейк-пойнта. Выиграв этот гейм, я смогу выиграть сет одной подачей. Это - центральный гейм нашего матча. Пит собирается, отыгрывает первый брейк-пойнт. На втором я мощно бью ему в ноги. Я уверен, что мяч упал за ним и уже праздную победу, но Пит ухитряется повернуться, парировать мяч ударом с полулета, аккуратно падающим на мою сторону сетки. Поровну.

Я начинаю нервничать. Пит отыгрывает гейм и подачу.

И вот уже Сампрас подает решающий мяч. В такие моменты он хладнокровен, как профессиональный киллер. Все происходит очень быстро.

Удар навылет. Еще один. Удар с лета с левой руки, который невозможно достать.

Аплодисменты. Рукопожатие у сетки.

Пит дружески улыбается и хлопает меня по спине. Но это выражение я уже видел на его лице и точно знаю, что оно означает.

Вот тебе бакс, парень. Подгони мою машину.

27

МЕДЛЕННО ОТКРЫВАЮ ГЛАЗА. Я лежу на полу рядом с кроватью. Сажусь, хочу пожелать Штефани доброго утра, но тут вспоминаю, что она сейчас в Вегасе, а я - в Санкт-Петербурге.

Нет, Санкт-Петербург был на прошлой неделе. Я в Париже.

Нет, Париж был после Санкт-Петербурга.

Я в Шанхае. Да, точно, сегодня я в Китае.

Подхожу к окну, отдергиваю шторы. Линию горизонта как будто на-рисовал художник-наркоман. Это похоже на Лас-Вегас, каким он мог предстать в фантастическом романе. Каждое здание выстроено в собственном невероятном стиле и ярко отпечатано на фоне ярко-синего неба. Строго говоря, неважно, где я нахожусь, потому что какая-то часть меня остается в тех местах, где я играл - в России, во Франции, в дюжине других. Но главная часть меня, как всегда, дома - со Штефани и Джаденом.

Неважно, где я, - корты везде одинаковы, и цель моя тоже остается неизменной: к концу 2002 года я хочу занять первую строчку в мировой классификации. Если смогу победить здесь, в Шанхае, если добьюсь этой маленькой победы, стану старейшим из лучших игроков в истории мужского тенниса, побив рекорд Коннорса.

Он никто - а ты легенда!

Я хочу этого, говорю я себе. Не то чтобы в этом нуждался, но я очень этого хочу.

Заказываю кофе в номер, затем сажусь за стол и делаю запись в дневнике. На меня это непохоже - вести дневник, я недавно его завел - и вот, привык. Что-то заставляет меня писать. Я одержим этими записями - отчасти из-за растущего страха, что Джаден не успеет узнать меня как следует. Ведь моя жизнь проходит в самолетах, а наш мир становится все более опасным и непредсказуемым. И поэтому я боюсь, что не успею поделиться с сыном всем, что успел увидеть и узнать. Поэтому, где бы я ни был, каждый вечер наспех царапаю для него несколько строк. Случайные мысли, впечатления, уроки, полученные от жизни. И вот сейчас, перед тем как отправиться на шанхайский стадион:

«Привет, сын! Ты сейчас с мамой в Вегасе, а я в Шанхае и очень по тебе скучаю. После этого турнира у меня есть шанс получить первое место в рейтинге. Но, честно тебе скажу, я в состоянии думать лишь о том, как бы побыстрее попасть домой, к тебе. Я испытываю очень большие нагрузки в своем теннисе, но что-то подталкивает меня продолжать. Мне потребовалось время, чтобы это понять. Я за это так долго боролся и сейчас стараюсь работать как можно больше. Пусть все остальное сложится так, как сложится. По большей части все это не слишком приятно, но я стараюсь с этим бороться ради того хорошего, что могу сделать - для тенниса, для твоего будущего, для многих ребят в моей школе. Всегда цени других людей, Джаден. Забота о них дарит умиротворение. Я люблю тебя, и я всегда с тобой».

Закрываю дневник, выхожу из номера и иду на игру, где терплю поражение от чеха Иржи Новака. Унизительно. Более того, не могу даже уехать домой, поскольку мне предстоит утешительный матч.

Вернувшись в отель, обуреваемый эмоциями, я вновь пишу Джадену:

«Я только что проиграл матч и чувствую себя ужасно. Я не хочу идти на завтрашнюю игру настолько, что даже мечтал получить травму. Представь себе, каково это - так сильно не хотеть что-то делать, что желаешь получить увечье. Джаден, если когда-нибудь чувства будут захлестывать тебя, как меня сегодня вечером, просто успокойся и продолжай работать, не сдавайся. Прими худшие из возможных последствий и осознай, что они не столь уж кошмарны. Это и будет твой шанс достигнуть мира с собой. Я хотел покончить с турниром, полететь домой и увидеть тебя. Мне трудно остаться и играть, мне так легко отправиться домой и быть с тобой. И поэтому я остаюсь».

В КОНЦЕ ГОДА, как и предполагалось, первую строчку мирового рейтинга занимает Хьюитт. Я заявляю Джилу, что мы должны удвоить наши усилия. Он разрабатывает новый режим тренировок, соответствующий моему нынешнему возрасту. Он берет идеи из своих записных книжек, и мы проводим многие недели в работе над все более изношенной нижней половиной моего тела. День за днем он стоит надо мной, глядя, как я накачиваю ноги, покрикивая: «Давай-давай! Австралия ждет!»

- Слабые ноги командуют тобой, - говорит Джил. - Сильные - выполняют твои команды.

К тому времени, когда мы поднимаемся на борт Ambient Express, который доставит нас из Вегаса в Сидней, я чувствую, что мог бы преодолеть этот путь бегом или даже вплавь. На Открытом чемпионате Австралии 2003 года я посеян под вторым номером.

Выхожу на бой, грозный и опасный, как хищный зверь. Дохожу до полуфинала и за девяносто минут побеждаю Феррейру. В шести матчах проигрываю лишь один сет.

В финале встречаюсь с немцем Райнером Шуттлером. Я выигрываю в трех сетах, проиграв лишь пять геймов и вписав в историю Чемпионата Австралии самую убедительную победу. Мой восьмой Шлем, мое лучшее выступление за всю карьеру. Я в шутку говорю Штефани, что это было похоже на один из ее матчей: пожалуй, в этот раз я ближе всего подошел к тому, чтобы ощутить уровень ее превосходства над соперницами.

Получая кубок, говорю собравшейся толпе:

- Сегодня - не простой день, один из тех, что составляют основу жизни. Такие дни, как сегодня, случаются редко.

Кое-кто потом утверждал, что я вещал, как будто пережил опыт близкой смерти. Хотя, скорее, это был опыт полной жизни. Так говорят люди, которые почти не жили по-настоящему.

В тридцать один год я - самый возрастной игрок, выигравший Большой шлем, и пресса не может обойти эту тему стороной. Снова и снова, до самого моего отлета из Австралии, журналисты спрашивают, собираюсь ли я уходить из спорта. Отвечаю, что больше не планирую что-либо заканчивать, зато планирую многое начать. Журналисты сообщают, что я - последний в своем поколении. Последний из могикан 1980-х. Чанг объявил о своем уходе. Курье не играет уже три года. Ко мне относятся как к эксцентричному старикашке: ведь Штефани вновь ждет ребенка, и все видели, как мы катаемся на минивэне по окрестностям Вегаса. Я чувствую себя вечным.

Парадоксально, но недостаток гибкости, похоже, помог мне растянуть свою карьеру, продлить жизнь в спорте. Поскольку повернуться, как положено, я не могу, мне приходится прижимать ракетку ближе к телу и постоянно держать мяч в поле зрения. Таким образом, мой скелет и мышцы избавлены от избыточного давления и слишком сильных скручиваний. В такой форме, как сейчас, по утверждению Джила, мое тело способно протянуть в большом спорте еще года три.

ПОСЛЕ КОРОТКОГО ОТДЫХА в Вегасе мы летим в Ки-Бискейн. Я выигрывал этот турнир два года подряд, а в общей сложности - пять раз. И сейчас никто не может меня остановить. Я дохожу до финала, где одерживаю победу в двух сетах над Карлосом Мойей, моим соперником со времен Открытого чемпионата Франции, пятой ракеткой мира. Это моя шестая победа здесь, в Ки-Бискейн, - тем самым я превзошел рекорд Штефани. И вновь я шучу, говоря ей, что наконец-то сумел сделать что-то лучше, чем она. Но мне следует помнить: в

Штефани очень силен дух соперничества, поэтому слишком часто шутить на подобные темы с ней не стоит.

Я УЧАСТВУЮ В ЧЕМПИОНАТЕ США среди мужчин на грунтовых кортах в Хьюстоне. Мне достаточно выйти в финал, чтобы вновь получить титул первой ракетки мира. И я делаю это. Я одерживаю победу над Юргеном Мельцером - 6-4, 6-1 - и отправляюсь праздновать с Дарреном и Джилом. Выпиваю несколько коктейлей с водкой и клюквенным соком. Меня нисколько не волнует завтрашняя встреча с Роддиком в финале чемпионата, ведь я уже занимаю первую строчку в мировой классификации. И поэтому на следующий день одерживаю победу. Ничто не дает лучшей готовности к матчу, чем великолепный коктейль из заинтересованности в успехе и безразличия.

За несколько дней до тридцатитрехлетия я становлюсь самым возраст-ным игроком, занявшим первое место в мировой классификации. Я лечу в Рим, чувствуя себя как Понс де Леон[50], отправившийся на поиски источника вечной молодости. Однако, сходя с трапа, ощущаю вполне старческие боли в плече. Я плохо играю в первом круге, но не особо забочусь об этом, предпочитая выбросить проблему из головы. Несколько недель спустя, на Открытом чемпионате Франции 2003 года, плечо все еще болит, однако тренируюсь в полную силу. Даррен утверждает, что я в отличной форме.

Во втором круге играю на корте имени Сюзанн Ленглен, с которым у меня связано множество плохих воспоминаний. В 1996-м я проиграл здесь Вудраффу, в 1998-м - Сафину. Сейчас играю с мальчишкой из Хорватии, Марио Анчичем. Проигрываю два сета и начинаю отставать в третьем. Анчичу девятнадцать лет, в нем сто девяносто пять сантиметров роста, он отлично подает и бьет с лета - и ничуть меня не боится. Корт имени Сюзанн Ленглен считается медленным, даже туповатым, но сегодня мяч летает очень быстро. Мне совсем не просто его контролировать. Тем не менее я беру себя в руки и выигрываю очередные два сета. К пятому совершенно измочален, плечо категорически отказывается работать, и, завоевав четыре матч-пойнта, я последовательно проваливаю их все. На трех из них совершаю двойную ошибку при подаче. В конце концов я все-таки выигрываю у этого мальчишки, но лишь потому, что он боится поражения больше меня.

В четвертьфинале предстоит встреча еще с одним представителем молодняка - аргентинцем Гильермо Кориа. Он публично заявляет, что я - его герой. На это говорю журналистам, что лучше бы я не был его героем, а взамен играл бы с ним не на

грунте. Господи, как же я ненавижу эту грязь! Из пяти первых геймов проигрываю четыре. Но затем выигрываю сет. Господи, как я люблю эту грязь!

Впрочем, Кориа сохраняет спокойствие. Во втором сете он с ходу завоевывает преимущество - 5-1. Не пропускает ни одного мяча, играет быстро и еще ускоряется по ходу игры. Мог ли я когда-нибудь двигаться с такой же скоростью? Я пытаюсь смутить его, выходя к сетке, но это бесполезно. Сегодня он просто-напросто сильнее. Кориа выбивает меня из турнирной сетки - и с первого места в мировой классификации.

В Англии на разогревочном турнире перед Уимблдоном я одерживаю победу над австралийцем Петером Луцаком. Это тысячный матч в моей карьере. Когда мне говорят об этом, я едва удерживаюсь на ногах. Позже, за бокалом вина со Штефани, прогоняю в памяти всю эту тысячу игр.

- Я помню каждый матч, - признаюсь Штефани.

- Разумеется, - соглашается она.

На день рождения я везу Штефани в Лондон на концерт Энни Леннокс, одной из любимейших ее певиц. Но сегодня она и моя личная муза. Кажется, Энни все время обращается только ко мне. Надо бы сказать Джилу, чтобы включил пару композиций Леннокс в свой сборник «Слезы капали - 2». И еще - неплохо бы слушать ее перед каждым матчем:

Никогда не пройти мне этой тропой,
И мечта останется лишь мечтой …[51]

Я - ОДИН ИЗ ФАВОРИТОВ Уимблдона в 2003 году. Почему? Ни один теннисист, успевший стать отцом, не выигрывал этот турнир с 1980-х годов. Отцы не выигрывают Больших шлемов. В третьем круге я играю с марокканцем Юнесом Эль-Айнауи, который тоже недавно отпраздновал пополнение семейства. Я шучу с журналистами, утверждая, что с удовольствием сыграю с тем, кто спит так же мало, как я.

Перед матчем Даррен инструктирует меня:

- В самом начале, когда будешь доставать этого парня ударами слева и увидишь, что он бьет резаный мяч, отбивай его с лета. Так ты дашь ему понять, что он не сможет отсидеться за осторожными ударами, в оборонительной позиции. Нет, ему придется придумать что-нибудь нестандартное. Это твое предупреждение потом непременно спровоцирует его на ошибки.

Хороший совет. Я быстро добиваюсь преимущества, выигрываю два сета против одного. Но Эль-Айнауи не сдается. В четвертом сете он показывает все, на что способен, и

зарабатывает три сетбола. Я не хочу до-водить дело до пятого сета. Даже думать не желаю о том, чтобы играть матч из пяти сетов. Последние розыгрыши четвертого сета кажутся мне пугающими, и я делаю все, что рекомендовал Даррен. К тому моменту, когда выигрываю этот матч, я выжат, как лимон. Мне предстоит свободный день, но я знаю, что его не хватит для полноценного отдыха.

В четвертом раунде играю с австралийцем Марком Филиппуссисом, совсем юным мальчишкой, который считается безумно талантливым, но, увы, бездумно разбазаривающим свой дар. У него мощнейшая подача, и сегодня он, кажется, подает еще сильнее, чем всегда: скорость мяча доходит до 225 километров в час. Он подает навылет сорок шесть раз. Тем не менее матч продолжается, двигаясь к ожидаемому нами обоими пятому сету. При счете 3-4 он подает, и каким-то чудом я зарабатываю брейк-пойнт. Он ошибается в первой подаче. Я уже чувствую на губах привкус победы. Следующую подачу он посылает со скоростью 222 километра в час прямо в центр корта. Скорость устрашающая, однако я успеваю догадаться, куда идет мяч. Выбрасываю вперед ракетку и перекидываю мяч на его сторону корта. Филиппуссис может лишь беспомощно наблюдать за его полетом. Мяч чуть не врезается в него, однако приземляется в сантиметре от задней линии. Аут.

Если бы мяч попал в корт, это придало бы мне сил и я мог бы выиграть весь матч с одной подачи. Увы, этому не бывать. Теперь Филиппуссис поверил в свою удачу, даже, кажется, стал капельку выше ростом. Он играет на победу. Все происходит в мгновение ока. Минуту назад меня отделяла от триумфа лишь одна подача, и вот уже мой соперник вскидывает руки в радостном жесте. Это теннис.

В раздевалке я по-новому чувствую свое тело. Игра на травяных кортах становится суровым испытанием, и пять сетов на траве оставляют меня совершенно без сил. Кроме того, корты Уимблдона в этом году выровнены, как никогда, что означает: долгие обмены ударами, больше движения, больше прыжков, больше наклонов. Моя спина - настоящая проблема. С ней никогда не было легко, теперь же ее состояние меня по-настоящему тревожит. Боль, начинаясь от спины, пробегает по ягодицам, охватывает колено, отдается в голени и стреляет в лодыжке. Так что мне повезло, что я проиграл Филиппуссису и не прошел в следующий круг. Иначе все равно пришлось бы сниматься с матча.

НА СТАРТЕ ОТКРЫТОГО ЧЕМПИОНАТА США 2003 года Пит Сампрас объявляет о своем уходе. Несколько раз во время пресс-

конференции ему приходится останавливаться, чтобы взять себя в руки. Я тоже глубоко потрясен. Наше соперничество красной нитью прошло через всю мою карьеру. Поражения в играх с Питом всегда были для меня очень болезненными, но они же по большому счету научили меня не терять надежду. Если бы я чаще побеждал в наших с ним схватках или если бы он принадлежал к другому поколению игроков - возможно, моя карьера была бы более удачной, быть может, меня бы считали лучшим игроком. Но тогда я бы многое потерял.

Несколько часов после пресс-конференции Сампраса я остро чувствую свое одиночество. Итак, я остался один. Я - последний играющий американец, побеждавший в турнирах Большого шлема. Отвечая на вопросы репортеров о моем самочувствии, говорю:

- Это похоже на то, как если бы вам пришлось прекратить танцевать с тем, с кем вы пришли на танцы.

Потом я понимаю: моя аналогия неточна. Ведь это они уходят с танцев, не я. Я все еще танцую.

Я добираюсь до четвертьфинала и встречаюсь с Кориа, обыгравшим меня на Открытом чемпионате Франции. Мне не терпится выйти на корт и сразиться с ним, но матч откладывается на несколько дней из-за дождя. Я заперт в отеле, где могу лишь читать и ждать. Смотрю, как по оконному стеклу скатываются капли дождя, серо-седые, как моя щетина. Каждая капля - словно еще одна минута жизни, утекающая сквозь пальцы.

Джил заставляет меня пить свою волшебную водичку и отдыхать. Он постоянно говорит, что все будет в порядке. Но он тоже все понимает. Время уходит. Наконец тучи рассеиваются, и мы выходим на корт. Кориа - уже не тот, что был в Париже. У него травмирована нога, и я пользуюсь этим. Безжалостно гоняю его по корту, перемалываю в труху - и выигрываю два сета.

В третьем я добываю четыре матч-пойнта - и бездарно растрачиваю их все. Я смотрю на свою ложу и вижу Джила. Он явно не в своей тарелке. За все время нашей совместной работы он ни разу не уходил с моих матчей - даже в уборную. Ни одного раза. Он говорит, что не хочет по-кидать свое место: ведь, взглянув на свою ложу, я могу увидеть его кресло пустым - и запаниковать. Он заслуживает лучшего. Я сосредоточиваюсь на игре, оцениваю ситуацию - и выигрываю матч.

Времени на отдых нет. Дождь поломал весь турнирный график. На следующий день мне предстоит встретиться в полуфинале с Ферреро, только что выигравшим Открытый чемпионат Франции. Уверенность, кажется, сочится даже из его пор. Он на тысячу лет моложе меня и не скрывает этого. Он

разбивает меня наголову в четырех сетах.

Я кланяюсь на все четыре стороны и посылаю воздушные поцелуи трибунам. Я уверен: зрители поняли, что я отдал им все. Возле раздевалки встречаю ждущих меня Джадена и Штефани. При виде беременной жены мое разочарование от поражения рассеивается, словно облако.

НАША ДОЧЬ появилась на свет 3 октября 2003 года. Еще одна пре-красная незнакомка. Мы назвали ее Джаз Эль - и тайно поклялись, что она никогда не будет играть в теннис, как и наш сын. (По правде говоря, у нас во дворе нет даже теннисного корта.) Но есть еще кое-что, чего она сама категорически не желает делать, - а именно, спать. По сравнению с ней Джаден - настоящий соня. Неудивительно, что на Открытом чемпионате Австралии 2004 года я похож на зомби. Все остальные игроки тем временем выглядят так, будто только что встали с постели, со вкусом проспав часов двенадцать. Они полны энергии и сил. Такое ощущение, что все поголовно нарастили себе мышцы - не иначе каждый из них обзавелся собственным Джилом.

Мои ноги чувствуют себя вполне терпимо до самого полуфинала, где я встречаюсь с Сафиным, быстроногим, как дикая собака. Почти весь прошлый год он пропустил из-за травмы кисти. Теперь он полностью излечился, отлично отдохнул и его невозможно остановить. Слева на-право, вперед и назад - кажется, наши обмены ударами длятся вечность. Ни один из нас не желает пропускать мячи, ошибаться - и через четыре часа игры ни один не готов отказаться от победы. Точнее, мы оба жаждем ее еще больше, чем в начале игры. Но у Сафина - преимущество в подаче. Он выигрывает пятый сет, и я уже не верю, что недавно праздновал победу в Австралии.

Неужели конец? Я слышу этот вопрос каждый день, много месяцев и даже лет. Но лишь сейчас впервые он беспокоит меня.

- ОТДЫХ - ТВОЙ ДРУГ, - говорит Джил. - Тебе надо больше отдыхать между турнирами, тщательнее выбирать соревнования, в которых ты участвуешь. Рим и Гамбург? Мимо. Кубок Дэвиса? Извините, не смогу. Ты должен сохранить силы для самых важных турниров, и ближайший из них - Открытый чемпионат Франции.

В итоге, когда мы прибываем в Париж, я чувствую себя помолодевшим на несколько лет. Даррен, ознакомившись с турнирной таблицей, прочит мне легкий путь в полуфинал.

Мой соперник в первом круге - Джером Хайнель, двадцатитрехлетний француз, номер 271 в мировом рейтинге. У него пока нет даже тренера. Даррен считает, что проблем у меня с ним не будет.

Проблем, однако, полно. Я выхожу на игру совершенно

выдохшимся. Каждый удар слева бью в сетку. «Ты можешь лучше! - кричу я себе. - Еще не все кончено! Твоя карьера не должна заканчиваться так!» Джил, сидя в первом ряду, кусает губу.

Дело не только в возрасте. И не только в грунте. Я не могу правильно ударить по мячу. Я достаточно отдохнул, но, как выяснилось, от безделья мой старый механизм ржавеет.

Газеты называют это самым позорным поражением в моей карьере. Хайнель объявляет журналистам, что друзья придали ему бодрости перед матчем, уверив в неизбежной победе: ведь совсем недавно я проиграл игроку его уровня. «Что значит - вашего уровня?» - спрашивают его, и он, не стесняясь, отвечает:

- Плохо играющему.

- Мы на финишной прямой, - объявляет репортерам Джил. - И все, о чем я прошу судьбу, - чтобы нам не пришлось пересечь финишную черту, хромая на обе ноги.

В июне я снимаюсь с Уимблдона. Я проиграл четыре матча подряд - это самая длинная череда поражений с 1997 года, и я чувствую себя так, будто мои кости сделаны из фарфора. Как-то раз Джил, усевшись напротив меня, объявляет, что больше не может смотреть на мои мучения. Ради нас обоих я должен всерьез подумать об уходе из спорта.

Я обещаю подумать об уходе, но сначала мне придется вспомнить о карьере Штефани. Ее пригласили в Международный зал теннисной славы[52]. Ничего удивительного: она выиграла больше турниров Большого шлема, чем кто бы то ни было в истории женского тенниса за исключением Маргарет Корт. Она попросила, чтобы я представил ее на вступительной церемонии. Мы летим в Ньюпорт, штат Род-Айленд. Это знаковый день. Мы впервые покидаем детей на ночь. Кроме того, я впервые вижу, как Штефани нервничает. Предстоящая церемония ее путает, Штефи не любит привлекать к себе внимание и вся дрожит. Она боится сказать что-нибудь не то или забыть кого-нибудь поблагодарить.

Я тоже ужасно волнуюсь. Я несколько недель размышлял над своей речью. Мне впервые придется говорить о Штефани на публике, и я чувствую себя так, будто мне предстоит прочитать всему миру одну из записок с нашей кухонной «Доски благодарностей». Джей Пи помогает мне составить несколько вариантов выступления. Словом, я готов, и даже слишком, но, когда иду к трибуне, у меня сбивается дыхание. Едва начав говорить, я успокаиваюсь: ведь я обожаю ту, о которой буду говорить, никто не знает ее лучше меня. Любой мужчина должен иметь возможность представлять свою жену на вступительной церемонии в ее личном Зале славы.

Я смотрю в зал, вижу там лица болельщиков и бывших

чемпионов и хочу поведать им всем о Штефани. Пусть они узнают о ней то, что знаю я. Я сравниваю ее с мастеровыми и ремесленниками, строившими великие соборы Средневековья: выводя крышу, своды погреба, другие части, не видимые для публики, они сохраняли все то же высочайшее мастерство и оставались столь же требовательными к своей работе. К каждому излому каждому незаметному углу они подходили все с той же меркой высочайшего перфекционизма. Такова Штефани. И в то же время она сама - собор, великий памятник совершенству. Целых пять минут я превозношу ее спортивную этику, достоинство, силу и грацию, ее вклад в теннис. И в заключение делюсь самой главной правдой, которую знаю о ней:

- Итак, леди и джентльмены, счастлив представить вам величайшую из женщин, которых я когда-либо знал!

28

ВОКРУГ МЕНЯ только и разговоров, что об уходе из спорта: Штефани, Пита, моем. Тем временем я только и делаю, что играю, нацеливаясь на следующий турнир Большого шлема. В Цинциннати, ко всеобщему удивлению, побеждаю Роддика в полуфинале и впервые с предыдущего ноября выхожу в финал турнира АТП. Одержав верх над Хьюиттом, я становлюсь самым старшим победителем турнира АТП со времен Коннорса.

Через месяц на Открытом чемпионате США я заявляю журналистам, что собираюсь выиграть турнир. Они смеются, похоже, подозревая меня в старческом слабоумии.

Мы со Штефани снимаем дом за городом, в Вестчестере. Там гораздо просторнее, чем в отеле, к тому же нам не придется таскать коляску по запруженным толпой улицам Манхэттена. Здорово, что в подвале дома имеется комната для игр, она же - моя спальня накануне матча. Там я могу перейти с кровати на пол, когда разболится спина, и не потрево-жить при этом Штефани. В ответ на мои слова, что отцы не выигрывают Больших шлемов, Штефани говорит, что я могу отправиться в подвал и чувствовать себя совершенно одиноким, если мне это необходимо.

Вижу, как мой образ жизни становится все более утомительным для нее. Я вечно отсутствующий муж, отец, связанный сторонними обязательствами. Ей приходится нести на себе основной груз заботы о детях. Но жена никогда не жалуется. Она все понимает и постоянно старается создавать для меня атмосферу, в которой я мог бы думать только о теннисе. Штефани помнит, как важно это было для нее самой, когда она еще

выступала на турнирах. К примеру, когда Штефани везет нас на стадион, она точно знает, какая именно песенка из «Улицы Сезам» заставит Джадена и Джаз сидеть тихо, чтобы мы с Дарреном могли обсудить стратегию матча. К питанию она относится так же ревностно, как Джил, и никогда не забывает, что регулярность еды не менее важна, чем ее состав. Когда после матча я еду домой с Дарреном и Джилом, знаю, что на моей тарелке сразу будет лежать горячая лазанья с пузырящейся сырной корочкой.

Я знаю, что и Джаден, и Джаз, и дети Даррена будут накормлены, умыты и приготовлены ко сну.

Лишь с помощью Штефани я дохожу до четвертьфинала, где встречаюсь с Федерером, посеянным под первым номером. Это уже не тот Федерер, которого я разгромил в Ки-Бискейн. На моих глазах он вырос в одного из величайших теннисистов всех времен. Он методично идет вперед, выигрывая в двух сетах и уступив лишь в одном. Я ничего не могу поделать, разве что отойти с его пути и, стоя на обочине, восхищаться его великолепным искусством и безграничным спокойствием. Он самый величественный из виденных мной игроков. Однако, раньше чем он успевает покончить со мной, матч останавливают из-за дождя.

Направляясь домой, в Вестчестер, я задумчиво смотрю в окно машины, повторяя себе: не думай о завтрашнем дне. Кроме того, мне не стоит думать и об ужине, поскольку из-за остановленного матча я еду домой на несколько часов раньше, чем предполагалось. Но Штефани, разумеется, успевает проконсультироваться со службой прогнозов. Кто-то сообщил ей про грозу, когда дождь собирался над Олбани, и она, прыгнув за руль, успела как раз вовремя, чтобы все приготовить. Так что, когда мы заходим в дом, она целует нас в щеки и передает тарелки плавным движением, изящным, как ее подача. В этот момент я мечтаю еще раз пригласить в дом судью, чтобы скрепить клятвой наши супружеские узы.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ поднимается ураганный ветер с порывами до шестидесяти пяти километров в час. Я еле прорываюсь сквозь ветер и ураганную игру Федерера - и все-таки сравниваю счет в матче, выиграв два сета подряд. Федерер смотрит себе под ноги: его удивляет происходящее.

Но затем он приспосабливается - лучше, чем я. Кажется, он может на лету приноровиться к чему угодно. Он вытягивает труднейший пятый сет - и я готов заявить во всеуслышание, что Федерер становится лучшим игроком всех времен.

Не успел стихнуть ветер, как с новой силой взвихрились

разговоры о моем уходе. Журналисты спрашивают, зачем я продолжаю играть. Объясняю, что это - моя работа. У меня есть семья, есть школа, нуждающаяся в поддержке. За счет каждого удара по мячу многие люди получают вполне ощутимую помощь. Через месяц после Открытого чемпионата США мы со Штефани проводим девятый ежегодный Детский большой шлем, позволивший собрать 6 миллионов долларов на благотворительные нужды. А в общей сложности мы накопили для моего фонда уже 40 миллионов.

Объясняю журналистам, что я еще могу играть. Не знаю, надолго ли, но пока могу. Я еще способен побеждать.

Журналисты вновь шокированы.

Быть может, они не до конца понимают меня, поскольку я не рассказываю им всего, не объясняю свои мотивы. Но я пока не могу этого сделать, ведь сам только начинаю их осознавать. Я продолжаю играть, потому что это мой собственный выбор. Даже если жизнь не идеальна, всегда есть шанс ее изменить. Возможность выбора меняет все.

ИДЕТ 2005 ГОД. На Открытом чемпионате Австралии я одерживаю победу над Тейлором Дентом в трех сетах и выхожу в четвертый круг. На выходе из раздевалки меня останавливает обаятельный телекомментатор. Это Курье. Странно видеть его в новой роли, ведь для меня он по-прежнему - величайший чемпион. Надо сказать, работа на телевидении ему идет: у Курье это здорово получается, и сам он, кажется, доволен. Я отношусь к нему с большим уважением - надеюсь, как и он ко мне. Наши разногласия кажутся теперь давней юношеской историей.

Протянув микрофон, он спрашивает:

- Скоро ли Джаден Агасси сыграет с сыном Пита Сампраса?

- Я надеюсь, что мой сын сам выберет себе дорогу в жизни, - произношу я и тут же добавляю: - Надеюсь, он выберет теннис, который мне так дорог!

Это старая ложь, но сейчас - еще более позорная, ведь в ней замешан мой сын. Эта ложь грозит перейти к нему по наследству. Мы со Штефани твердо решили, что не хотим безумной жизни теннисистов для Джадена и Джаз, - что же заставило меня произнести эти слова? Как всегда, я сказал то, что хотели от меня услышать. Но помимо этого, вдохновленный сегодняшней победой, я чувствую, что теннис - прекрасный спорт, в котором мне, безусловно, везло, - и теперь я хочу отдать ему должное. К тому же, стоя перед безмерно уважаемым мною чемпионом, я чувствую вину за свою ненависть к теннису. Так, быть может, моя ложь - лишь способ скрыть эту вину или даже попытка искупления?

В ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ Джил добавил к моим тренировкам несколько новых комплексов. Теперь он кормит меня, как спартанского воина, и эта новая диета помогает мне обрести отличную форму.

Кроме того, я получил укол кортизона - третий в этом году. За год их можно сделать не больше четырех. Доктора уверены, что это рискованно, ведь до сих пор неизвестно, как в долгосрочной перспективе этот гормон повлияет на спинной мозг и печень. Но меня это не волнует, пока спина работает исправно.

Я дохожу до четвертьфинала, где вновь встречаюсь с Федерером. Он убирает меня со своего пути, словно учитель, уверенный в превосходстве над учеником. Больше, чем остальные представители молодой поросли, пришедшей на смену моему поколению, Федерер заставляет меня ощущать свой возраст. Наблюдая его учтивость, живость, его великолепное искусство наносить удары и мягкие, как у пумы, движения, вспоминаю, что начинал свою карьеру, когда ракетки еще делали из дерева. А мой зять Панчо Гонсалес был чемпионом в то время, когда оккупированный союзниками Берлин разделился на восточную и западную зоны. Он соперничал еще с Фредом Перри. Федерер родился в год, когда я познакомился с Перри.

ПЕРЕД ОТЛЕТОМ В РИМ мне исполняется тридцать пять. Штефани и дети летят в Италию вместе со мной. Я хочу вместе с женой отправиться гулять по городу, посмотреть Колизей и Пантеон, но не могу. В отрочестве я был слишком стеснителен и закомплексован, чтобы выходить из отеля. Теперь же, когда я с удовольствием побродил бы по римским достопримечательностям, этому мешает больная спина. По мнению докторов, одна долгая прогулка по асфальтированной мостовой способна сократить действие кортизона с трех месяцев до одного.

Я выигрываю первые четыре матча, после чего уступаю юному Гильермо Кории. Зрители аплодируют мне стоя, я же, испытывая отвращение к себе, чувствую вину перед ними. Журналисты вновь атакуют вопросами об уходе на пенсию.

- Думаю об этом четырнадцать раз в году, - отвечаю я. - Ведь именно в таком числе турниров я участвую. Именно столько раз в год я вынужден давать интервью в этих дурацких пресс-конференциях.

В первом круге Открытого чемпионата Франции 2005 года играю с финном Яркко Ниеминеном. Лишь шагнув на корт, записываю новую строчку в свою книгу рекордов. Это - мой пятьдесят восьмой турнир Большого шлема. На один больше, чем у Чанга, Коннорса, Лендла и Феррейры. Больше, чем у кого бы то

ни было в наше время. Моя спина, однако, равнодушна к знаменательной дате. Кортизон перестает действовать. Мне больно подавать мяч и даже стоять. Дышать - и то тяжело. Я думаю, не пора ли подойти к сетке и сдаться. Но это - Ролан Гаррос. Я не могу уйти без боя с этого корта. Только не с этого! Уж лучше пусть меня вынесут с него на ракетках.

Я глотаю восемь таблеток сильнейшего обезболивающего. Во время смены площадок закрываю лицо полотенцем - и украдкой грызу его край, чтобы хоть как-то успокоить боль. В третьем сете Джил понимает: что-то не так. Ударив по мячу, я отнюдь не тороплюсь обратно, в центр корта. За все эти годы он ни разу не видел такого, я всегда бежал после удара в центр корта. Стоять для меня невозможно, немыслимо - так же, как для него уйти в уборную во время одного из моих матчей. После игры идем с Джилом в ресторан, я скрючен, как креветка. Джил говорит:

- Мы не можем все время черпать и черпать резервы из твоего тела.

Я снимаюсь с Уимблдона, и мы пытаемся подготовиться к летнему сезону кортов с твердым покрытием. Это необходимо, хоть и выглядит весьма рискованным. Теперь мне придется отдавать все свое время и силы всего нескольким турнирам, а значит, возможностей ошибаться станет меньше, а напряжение, напротив, возрастет. Поражения станут болезненнее.

Джил зарывается в свои записные книжки. Он гордится тем, что я ни разу не был травмирован в его тренажерном зале, и теперь я вижу, что чем больше стареет мое тело, тем сильнее он напрягается. Джил всегда умел проводить тренировки без травм, но теперь ему кажется, что каждая тренировка по привычному плану несет риск для моего здоровья.

- Некоторые упражнения тебе больше не следует делать, - объявляет он. - Зато число других надо удвоить.

Мы проводим многие часы в тренажерном зале, рассуждая о том, кто я как личность, что за стержень поддерживает меня.

- Отныне и до самого конца стержень - самое главное, - говорит Джил.

Я СНЯЛСЯ С УИМБЛДОНА, и пресса тут же разразилась новой порцией панегириков на тему: «Теннисисты его поколения уже ушли из спорта…»

Я перестаю читать газеты и журналы.

На исходе лета участвую в турнире на кубок Merecedes-Benz - и по-беждаю. Джаден уже достаточно подрос, чтобы ходить на мои матчи. Во время церемонии награждения он выбегает на корт, думая, что кубок - его. Что, конечно же, правда.

Я лечу в Монреаль, где ногтями и зубами прогрызаю себе

путь в финал. Там встречаюсь с совсем юным мальчиком из Испании, о котором уже говорит весь теннисный мир. Рафаэль Надаль. Я не могу победить его. Даже не могу понять его стиль: никогда не видел на корте ничего подобного.

На Открытом чемпионате США 2005 года я - сенсация, популярный аттракцион: тридцатипятилетний игрок, участвующий в турнире Большого шлема. Я играю в этом турнире двадцатый год подряд: многие из сегодняшних теннисистов еще не прожили столько на этом свете. Я помню, как сражался с Коннорсом, выбив его из двадцатого в карьере Открытого чемпионата США. Я не склонен к риторическим вопросам о том, куда утекло время. Прекрасно знаю, куда оно девалось. Каждый сыгранный сет я чувствую своим позвоночником.

В первом круге встречаюсь с Разваном Сабау из Румынии. Накануне мне сделали четвертый, последний в этом году укол кортизона, так что спина полностью онемела. Я могу использовать свои основные удары, доставляя тем самым проблемы Сабау. Когда твои удары способны поражать соперника, когда он не успевает среагировать на подачу, которую ты можешь выполнить сто раз подряд, понимаешь, что день выдался прекрасный. Как будто ты раз за разом достаешь соперника прямыми в челюсть и при этом держишь про запас свой самый мощный удар. Я побеждаю за шестьдесят девять минут.

Журналисты говорят, что это была настоящая бойня. Они интересуются: не жалко ли мне было жестоко разгромленного соперника?

- Я не собираюсь помогать кому бы то ни было избежать опыта поражений, - отвечаю я.

Журналисты смеются.

Но я отвечал совершенно серьезно.

Во втором круге играю с Карловичем из Хорватии. Его официально заявленный рост - два метра, но, когда его измеряли, он, должно быть, стоял по колено в канаве. Он похож на тотемную колонну, на телеграфный столб, и его мячи летят по неправильной траектории. Когда Карлович подает, корт, кажется, становится вдвое больше, а сетка - на тридцать сантиметров ниже. До этого я ни разу не играл с таким огромным соперником. Даже не знаю, как подготовиться к такой игре.

В раздевалке подхожу к Карловичу, чтобы представиться. Он очень мил, свеж, его глаза горят счастьем от участия в турнире. Я прошу его поднять как можно выше руку, которую он использует при подаче, и подзываю Даррена. Мы тянем шеи, глядя вверх и пытаясь разглядеть кончики пальцев Карловича. Безуспешно.

- Представь себе ракетку в этой руке, - говорю я Даррену. - А

теперь представь, как он прыгает. А потом прикинь, на какой высоте в этот момент находится ракетка и как с нее отлетает мяч. Черт возьми, это как если бы он подавал с борта дирижабля!

Даррен смеется, Карлович тоже. Он обещает продать мне кусочек своего роста для матча-реванша.

К счастью, я знаю, что огромный рост во время игры будет налагать на Карловича ограничения. Ему наверняка сложно брать низкие мячи, трудно прыгать. Кроме того, по словам Даррена, двигается Карлович не слишком резво. Я помню правило: не стоит тратить энергию, подсчитывая, сколько раз сопернику удалось пробить навылет. Нужно просто выждать, пока он раз или два ошибется на первой подаче, и тогда наброситься на него. Тут и решится судьба матча. Карлович тоже знает об этом, и моя задача - заставить его почувствовать неуверенность, поэтому мне необходимо держать его в постоянном напряжении во время второй подачи. То есть не допускать ни единого промаха.

Я побеждаю в двух сетах.

В третьем круге встречаюсь с Томасом Бердичем, прекрасным игроком. Примерно два года назад мы с ним сражались на Открытом чемпионате Австралии. Еще тогда Даррен предупреждал меня:

- Тебе сейчас предстоит играть с восемнадцатилетним ребенком, который показывает настоящий теннис, так что будь с ним повнимательнее. Он прекрасно бьет с обеих рук, у него пушечная подача, и через несколько лет он, вне всякого сомнения, попадет в десятку лучших игроков.

Даррен не преувеличивал. Среди теннисистов, с которыми мне пришлось встречаться в течение этого года, Бердич оказался одним из лучших. Я выиграл у него в Австралии - 6-0, 6-2, 6-4 - и решил, что мне просто повезло. Хорошо, что играть пришлось лишь до трех побед.

Однако, как ни странно, игра Бердича с тех пор мало изменилась к лучшему. Ему явно не хватает умения принимать решения. Он похож на меня до встречи с Брэдом: чтобы выиграть очко, ему необходимо думать. Он не понимает, насколько выгодно для него вынуждать соперника проигрывать. Одержав победу в матче и пожимая его руку, я хочу посоветовать Томасу расслабиться, но не могу. Это не мое дело.

Следующий мой соперник - бельгиец Ксавье Малисс. Он прекрасно двигается и бьет мощно, как из пращи. Кроме того, у него прекрасный удар с правой и подача, которую почти невозможно взять. Но ему недостает устойчивости, да и его удар слева - так себе: глядя на то, как свободно он бьет по мячу, ожидаешь гораздо большего. Кажется, его больше волнует, как он

выглядит, чем то, каким получится удар. Он не способен пробить слева в площадку, поэтому не в состоянии меня обыграть. Если соперник не может как следует ударить слева, я полностью контролирую ход игры. Противнику необходимо сдвинуть меня с места, заставить двигаться, вынудить занять позицию, где мы с ним будем находиться в прямом контакте, - иначе ему придется играть на моих условиях, а они довольно жестоки. Особенно сейчас, когда я стал старше.

Вечером накануне матча мы с Курье решили выпить по рюмочке в отеле. Он предупреждает: Малисс играет здорово.

- Может быть, - отвечаю я. - И все-таки я очень жду матча. Я нечасто так говорю, - но это будет забавно.

Игра действительно получается забавной, как спектакль в кукольном театре. Складывается впечатление, что я дергаю за ниточку - и Малисс тут же подпрыгивает. Вновь поражаюсь тому, сколь близкая связь рождается между игроками на корте. Сетка, которая должна бы разделять, на самом деле связывает вас вместе, словно паутина. Через два часа битвы кажется, что ты заперт в клетке со своим соперником. Тебе мерещится, что это его пот льется по твоей спине, а его дыхание затуманивает тебе взгляд…

Я веду, выигрывая у соперника два сета, мое преимущество очевидно. Малисс не верит в себя. Он перестает думать, что не случайно оказался здесь, на турнире. Но в начале третьего сета Малиссу вдруг надоедает носиться из одного угла корта в другой. Теперь он переполнен эмоциями, играет страстно - и сразу начинает демонстрировать мастерство, удивляющее даже его самого. Он бьет слева в площадку, бьет чисто, по-следовательно. Я смотрю на него с интересом, думая: «Парень, если ты продолжишь в том же духе - я в тебя поверю».

И он продолжает классно играть!

На его лице, в его теле чувствуется облегчение. Он пока еще не верит, что победит, но уже знает, что это - хороший матч. Малисс выигрывает третий сет на тай-брейке. Теперь меня охватывает ярость. «У меня есть более интересные планы, нежели возиться здесь с тобой еще час. За это ты у меня сейчас попляшешь!..»

Но Малисс больше не выполняет мои приказы. Сет, один - единственный сет, полностью изменил его настрой, вдохнул в него уверенность. Ксавье больше не боится. Он всего лишь хотел показать первоклассную игру - и ему это удалось, так что теперь он может позволить себе рисковать. В четвертом сете наши роли меняются: теперь он диктует правила. Он выигрывает, и нам предстоит пятый.

Малисс уже выдыхается, в то время как я только начал черпать из резервов, заложенных Джилом, - надежных, как долгосрочный банковский депозит. Их хватает. Подходя к сетке, Ксавье улыбается, всячески выказывая мне уважение. Я стар и сегодня с его помощью стал еще дряхлее, но он знает: я заставил его работать, копнуть поглубже, узнать самого себя лучше.

В раздевалке Курье бьет меня по плечу:

- Ты сдержал слово. Говорил, что собираешься получить удовольствие, и действительно, было похоже, что ты развлекаешься.

Развлечение?! Тогда почему я чувствую себя, будто меня переехал грузовик?

Я ГОТОВ К МЕСЯЦУ НЕСТЕРПИМОЙ ЖАРЫ. Следующий матч уже маячит вдали. Мой предполагаемый соперник играет, как одержимый. Это Блейк. В прошлый раз, когда мы с ним встретились в Вашингтоне, он разгромил меня наголову, подавив своей агрессией. Говорят, с тех пор его уровень игры здорово вырос.

Моя единственная надежда - на то, что в этот раз он не станет выплескивать свою агрессию. Особенно сейчас, когда стало прохладнее. В такую погоду нью-йоркские корты становятся медленнее, что на руку таким быстрым ребятам, как Блейк. На медленных кортах он, в отличие от соперника, успевает куда угодно и может устроить прессинг по полной программе. Я в таких случаях чувствую, что должен работать больше, и в отчаянии начинаю играть небрежно.

С того самого момента, как мы выходим на корт, начинают сбываться мои самые ужасные предчувствия. Блейк - мистер Агрессия, он стоит за задней линией на моей второй подаче, мощно бьет с обеих рук и заставляет меня суетиться. Он энергично крушит меня в первом сете - 6-3. Во втором снова разгром, и тот же счет - 6-3.

Однако в начале третьего сета корт, кажется, осеняет тень Малисса. Я не могу обыграть этого парня, поэтому пытаюсь показать класс. Освободившись от мыслей о победе, играю гораздо лучше - прекращаю думать и начинаю чувствовать. Мои удары следуют быстрее, решения диктуют мне инстинкты, а не логика. Вижу, как Блейк притормаживает, уловив перемену. Что, черт возьми, происходит? Он давил на меня, и вот теперь я совершаю хитрый трюк, и все мгновенно меняется. Блейк уходит в свой угол, не в силах поверить, что его увечный, деморализованный противник все еще подает признаки жизни.

У Блейка масса фанатов в Нью-Йорке. Компания Nike, с которой я больше не работаю, раздала им футболки, вдохновив

на приветственные крики. Когда я начинаю обыгрывать Блейка в третьем сете, крики смолкают. Я выигрываю сет, на трибунах стоит тишина.

Весь четвертый сет Блейк паникует, забыв об агрессии. Я вижу, как он напряженно размышляет, почти что слышу его мысли: «У меня ничего не получается!»

Выигрываю и четвертый сет.

Теперь Блейк замечает, насколько выгодна моя способность не думать. Он решает повторить этот трюк. В самом начале пятого сета он отключает мозги. Наконец, после трех часов матча, играем на равных. Мы оба возбуждены, но его возбуждение оказывается сильнее. В десятом гейме он подает решающий мяч… и вновь начинает думать. Мозг включается сам собой, без команды.

Блейк давит, я отвечаю на его удары и отнимаю подачу. Настроение трибун меняется, болельщики начинают скандировать: «Андре! Андре!»

Подаю и удерживаю подачу.

Во время смены площадок на стадионе стоит гул, как на рок-концерте. В ушах звенит. Чтобы отвлечься от чудовищного шума, мне приходится обернуть голову полотенцем.

Блейк подает и удерживает подачу. Тай-брейк.

Многие игроки старой школы говорили, что пятый сет не имеет никакого отношения к теннису. Это правда. В пятом сете все зависит от эмоционального настроя и состояния игрока. Я понемногу покидаю свое тело. Тело, встретимся позже! За мою карьеру подобное случалось несколько раз, но сегодняшний опыт - приятный. Я доверяю умениям своего тела и отхожу в сторону, чтобы ему не мешать. Удаляю свою личность из уравнения. При счете 6-5 на матч-пойнте мощно подаю мяч. Соперник отбивает мне под удар справа. Я бью ему под левую руку. Он оборачивается, и я понимаю - ошибка! Если он решил взять этот мяч с другой стороны, значит, он торопится, не в состоянии мыслить ясно. Противник уходит со своей позиции, позволяет мячу вести собственную игру. Он сам себе не дает пробить наилучший из возможных ударов. Я понимаю, что Блейк либо отобьет его слишком слабо, либо совершит ошибку.

В любом случае я догадываюсь, куда сейчас упадет мяч. Бросаю взгляд на точку, в которой он должен приземлиться. Блейк поворачивается, изгибается и бьет изо всех сил. Мяч приземляется в трех метрах от того места, где я его ожидал. Навылет.

Я здорово ошибся.

Отхожу назад и готовлюсь к следующему розыгрышу.

При счете 6-6 мы начинаем убийственный обмен ударами. На мой удар слева он отвечает своим слева. Я словно огромный развязавшийся мешок, наполненный пульсирующими нервами. После обмена десятком ударов постоянно ждешь решающего шага, причем от соперника. Я жду. Жду. Но Блейк, кажется, не собирается поднимать ставки. Придется это сделать мне. Делаю вид, будто собираюсь бить прямой удар, а вместо этого делаю укороченный слева. Сердце замирает.

Во время игры бывают моменты, когда ты хочешь просто ударить по мячу - твердо и сильно. Но в крови так бушует адреналин, что бьешь слишком далеко. Это часто случается с Блейком - он не в состоянии рассчитать скорость, его мячи летят быстрее, чем нужно. Он так торопится, что набегает на мяч скорее, чем предполагал. Так происходит и сейчас. Он рвется на мой укороченный слева, схватив ракетку для удара от самой земли, однако подбегает слишком быстро и поэтому ударить снизу не может. Мяч перед ним - но он неправильно держит ракетку. Вместо того чтобы ударить со всей силой, он шлепает по мячу и по инерции касается земли у сетки, а я отбиваю с левой руки в линию. Мяч пролетает на значительном расстоянии от Блейка.

Итак, 6-7, он подает. Вновь у меня матч-пойнт. Блейк ошибается в первой подаче. У меня есть доля секунды, чтобы понять, какой будет вторая подача. Агрессивной? Мягкой? Думаю, что он предпочтет играть аккуратно и будет бить мне под удар слева. Где встать? Стоит ли рискнуть и пробежать до предполагаемого места падения мяча? Но тогда у меня не будет времени изменить позицию, если я ошибусь. Может, пойти обычным путем и встать в центре? Так я смогу отбить среднестатистическую подачу, как бы он ни ударил. Но, коли удар окажется лучше среднего, я ничего не смогу- поделать…

Если уж кому и принимать окончательное решение в этом матче, окончательное среди ста тысяч принятых сегодня решений, то пусть это буду я. Полагаюсь на интуицию и жду мяча в вычисленном месте. Действительно, он бьет мне под левую руку. Мяч, как мыльный пузырь, летит как раз туда, где я его жду. На моем теле каждый волосок встает дыбом. Чувствую, что стадион встал. Я говорю себе: «Давай хороший удар, давай, давай, бей, черт тебя побери!» Когда мяч отлетает от ракетки, слежу за каждым дюймом его полета, вижу, как он медленно спивается с собственной тенью. Они становятся единым целым, и я шепчу:

- Мячик, пройди, ну пожалуйста!

Он проходит.

Когда Блейк обнимает меня у сетки, мы оба знаем, что

совершили подвиг. Но я осознаю это яснее, поскольку сыграл на восемьсот игр больше, чем он. Этот матч отличается от всех остальных - я еще никогда не играл столь интеллектуально, используя аналитические способности. Теперь я испытываю истинную гордость достигнутым результатом. Хотел бы оставить на нем автограф.

После того как с моих ног сняли бинты и закончилась пресс-конференция, мы с Джилом, Перри, Дарреном и Фили отправляемся выпить и закусить в P.J.Clarke's. Когда около четырех утра я возвращаюсь в отель, Штефани уже спит. Но, стоит мне войти в комнату, она просыпается и садится на постели, улыбаясь:

- Ты сумасшедший, - произносит она.

Я смеюсь.

- Это было невероятно, - продолжает Штефани. - Ты теперь герой!

Да, дорогая, я герой.

Я лежу на полу возле кровати, пытаясь заснуть, но невольно снова и снова прокручиваю в голове сегодняшний матч.

Неожиданно у меня над головой, в темноте, как будто бы ангельский голос шепчет:

- Как ты себя чувствуешь?

- Это был не худший способ провести вечер.

В ПОЛУФИНАЛЕ я встречаюсь с Робби Джинепри, расхваливаемым на все лады парнишкой из Джорджии. Телеканал CBS хочет, чтобы наш матч поставили на вечер. Я падаю на колени перед директором турнира: если мне повезет и я выиграю этот матч, мне необходимо завтра же вернуться домой. Будет неправильно, объясняю я ему, если тридцатипятилетнему старику не удастся отдохнуть, в отличие от его двадцатидвухлетнего противника по финалу.

Он идет мне навстречу: наш матч передвигают на более раннее время.

После двух игр из пяти сетов мои шансы победить Джинепри оцениваются как нулевые. Он быстро двигается, прекрасно бьет с обеих рук, играет лучше - и он молод. Я же осознаю, что еще до матча с Джинепри придется пробивать сомкнувшуюся вокруг меня стену усталости. В последних трех сетах матча с Блейком я демонстрировал свой лучший теннис, но они оказались и самыми изматывающими в моей жизни. Я решаю, что с Джинепри буду стимулировать выработку адреналина, представляя, что уступаю сопернику два сета и тем самым пытаясь вызвать в себе такое же бездумное состояние, как во время матча с Блейком.

Это срабатывает. В состоянии искусственного напряжения я

выигрываю первый сет. Теперь моя задача - сохранить силы до финала. Я бью размеренно, думаю о своем следующем сопернике, и, разумеется, это дает Джинепри шанс играть лучше. Он побеждает во втором сете.

Я гоню из головы мысли о финале, полностью сосредоточившись на Джинепри. Он вымотан, затратил много энергии в попытках спасти матч. Третий сет за мной.

Но он выигрывает в четвертом.

Я просто обязан начать пятый сет в ярости. Я не в состоянии выиграть каждое очко. Не могу бросаться на каждый мяч, на любой укороченный удар. Я не способен состязаться в скорости с мальчишкой, у которого наверняка еще не до конца сменились молочные зубы. Он хочет, чтобы игра продолжалась ночь напролет, а у меня энергии и физических возможностей осталось ровно на сорок пять минут. Может быть, даже на тридцать пять.

Я выигрываю сет. Это кажется невероятным, но в тридцать пять лет я - в финале Открытого чемпионата США. Даррен, Джил и Штефани вытаскивают меня, обессилевшего, из раздевалки и оказывают помощь. Даррен хватает ракетки и бегом несется с ними к Роману, отвечающему за перетяжку струн. Джил вливает в меня свой волшебный напиток. Штефани ведет меня в машину. Мы едем в Four Seasons смотреть матч, в котором Федерер и Хьюитт будут оспаривать друг у друга право сразиться со старым калекой из Вегаса.

Перед финалом нет ничего более расслабляющего, чем просмотр второго полуфинала. Ты говоришь себе: «Неважно, что я сейчас чувствую, мне все равно легче, чем вот этим двум парням». Разумеется, Федерер выигрывает. Я откидываюсь на кровать и думаю о нем, в уверенности, что где-то там он сейчас тоже размышляет исключительно обо мне. С этого момента и до завтрашнего полудня я должен делать все чуть лучше, чем он, - в том числе спать.

Но я - отец. Раньше перед матчем я спал до половины двенадцатого. Теперь встаю самое позднее в половине восьмого. Штефани уговаривает детей вести себя тихо, но я знаю, что они уже встали и хотят увидеть папу. Более того - папа тоже хочет увидеться с ними.

После завтрака целую их на прощание. Направляясь на стадион вместе с Джилом, я спокоен. Знаю, что у меня нет шансов. Я старик. Кроме того, я сыграл подряд три матча из пяти сетов. Будем смотреть на вещи реально: максимум, на что я могу надеяться, это затянуть матч на три или четыре сета. Если игра пойдет быстро, то физическая форма не будет иметь решающего значения, - тогда мне, возможно, повезет.

Федерер выходит на корт, он похож на актера Гэри Гранта. На секунду мне приходит в голову фантазия, что перед матчем он наденет смокинг и аскотский галстук[53]. Он непробиваемо спокоен, а я суечусь, даже когда подаю при счете 40-15. Он опасен в любой зоне корта, мне негде спрятаться. А когда скрыться невозможно, я не могу играть как следует. Федерер выигрывает первый сет. Я старательно вызываю в себе ярость и делаю все, что могу, пытаясь выбить его из равновесия. Во втором сете отыгрываю подачу, затем еще одну - и выигрываю сет.

«Быть может, у мистера Гранта сегодня все-таки будут проблемы», - думаю я.

В третьем сете вновь отбираю подачу и веду 4-2. Подаю, и холодок бежит по моей спине. Федерер отбивает неудачно. Еще немного - и счет будет 5-2 в мою пользу, и на какой-то миг мы оба осознаем, что, быть может, сегодня здесь произойдет нечто удивительное. Мы смотрим друг другу в глаза и разделяем это мгновение. Затем, при счете 30-0, я подаю мяч ему под удар слева, он разворачивается и попадает по мячу твердой частью ракетки. Мяч издает звук, будто в детстве, когда я нарочно допускал на тренировке ошибку. Но этот кривой, неудачный мяч каким-то чудом переваливается через сетку и падает на моей стороне площадки. Победный мяч. Федерер отбирает мою подачу.

На тай-брейке он демонстрирует совершенно невероятную игру. Похоже, что он включил дополнительную передачу, которой нет ни у одного другого игрока. Он выигрывает 7-1.

В этот момент я, кажется, начинаю разваливаться на части. Мышцы ног будто молят о пощаде. Спина просто-напросто отказывается дальше терпеть все это безобразие. Мои решения становятся примитивными. Я помню, сколь тонки грани на теннисном корте, сколь малое расстояние разделяет величие и посредственность, славу и безвестность, счастье и отчаяние. Мы сыграли трудный матч. Мы шли ноздря в ноздрю. И вот теперь, после тай-брейка, заставившего меня открыть рот от восхищения, я разбит наголову.

Подходя к сетке, я знаю, что проиграл лучшему - тому, кто возвышается, словно Эверест, над спортсменами своего поколения. Заранее жалею молодых, которым придется вступать с ним в единоборство. Сочувствую тому, кому предстоит играть роль Агасси и для которого этот человек будет его Сампрасом. И хотя я не упоминаю в интервью Пита, думаю именно о нем, объясняя журналистам:

- Все очень просто. У большинства людей есть слабости. У Федерера их нет.

29

В 2006 ГОДУ я снимаюсь с Открытого чемпионата Австралии, а затем пропускаю и весь сезон грунтовых кортов. Мне это категорически не нравится, но следует хранить себя для Уимблдона, который, как я по секрету от всех решил для себя, станет для меня последним. Я берегусь для Уимблдона - никогда не думал, что произнесу нечто подобное. Не предполагал, что достойное, уважительное прощание с Уимблдоном окажется столь важным для меня.

Уимблдон - моя Святая земля. Здесь блистала моя жена. Здесь я впервые подумал, что могу победить, а затем доказал это себе и всему миру. Тут я научился кланяться, преклонять колени, делать то, чего мне не хотелось, носить то, что я не хочу надевать, - и при этом оставаться в живых. И неважно, насколько я ненавижу теннис: эта игра - мой дом. В детстве я ненавидел отчий кров, однако, уехав, очень скоро почувствовал жестокую ностальгию. Это воспоминание добавляет мне смирения в последние минуты карьеры.

Я сообщаю Даррену: предстоящий Уимблдон станет для меня последним, а Открытый чемпионат США будет моим прощальным турниром. Когда начинается Уимблдон, мы делаем соответствующее объявление. Я поражен, насколько быстро изменилось отношение соперников ко мне: я для них больше не противник, не угроза. Я ушел в отставку. Меня можно не принимать в расчет. Стена разрушена.

Журналисты спрашивают: почему сейчас? Почему вы выбрали этот момент? Я объясняю, что ничего не выбирал: я просто не могу больше играть. Это финишная линия, которую я искал и которая неумолимо притягивает меня. «Не могу играть» - это вовсе не то же, что «отказываюсь играть». Бессознательно я ждал момента, когда у меня не останется выбора.

Билл Коллинз, авторитетный теннисный комментатор и историк, соавтор биографии Лэйвера, подводит итог моей карьеры, заявив: он поднялся от панка до совершенства. Услышав это, чувствую раздражение: на мой вкус, он пожертвовал точностью ради эффектной формулировки. Я никогда не был панком - и уж сейчас меня никак нельзя назвать совершенством.

Кроме того, некоторые журналисты пытаются рассуждать о моей трансформации, и это слово меня тоже бесит. Трансформация - это переход из одного состояния в другое, тогда как я до начала процесса не представлял собой ничего достойного. Я не трансформировался, я формировался. Занимаясь теннисом всерьез, я был похож на большинство детей: не знал,

кто я на самом деле, и бунтовал, когда старшие пытались мне это объяснить. Полагаю, что старшее поколение всегда делает одну и туже ошибку в отношениях с молодыми: к ним относятся, как к законченному продукту, тогда как на самом деле они постоянно меняются. Это все равно что рассуждать о матче до его окончания: мне частенько доводилось обращать поражение в победу, обыгрывать соперников, которые были уверены в своем превосходстве, - поэтому я не считаю такой подход верным.

Хорошо это или плохо, но то, что я представляю собой сейчас - моя первая и единственная личность. Я не менял свой имидж - лишь нашел его. Я не изменял образ мыслей - просто открыл его для себя. Джей Пи помог мне сформулировать эту мысль. По его словам, мой постоянно изменявшийся внешний вид, моя одежда, мои волосы сбивали людей с толку: все были уверены, что я знаю, кто я такой. Мои попытки самопознания все ошибочно принимали за самовыражение.

К сожалению, в начале лета 2006 года, несмотря на все старания Джей Пи и других, я не в состоянии объяснить все это журналистам. Но даже если бы я мог, Английский клуб крокета и лаун-тенниса[54] был бы для этого явно неподходящим местом.

Я не могу объяснить все даже Штефани, но это и не нужно. Она и так понимает. Дни и часы перед Уимблдоном она смотрит мне в глаза и похлопывает по щеке. Она говорит о моей карьере, о своей, рассказывает о своем последнем Уимблдоне. Штефани не знала тогда, что он последний, и теперь говорит, что мой вариант гораздо лучше, ведь я буду играть на своих условиях.

В первом круге встречаюсь с сербом Борисом Пашански. На шее у меня - цепочка, сделанная Джаденом: она собрана из букв, составляющих фразу «крутой папа». Когда я выхожу на корт, трибуны долго и громко аплодируют. На первой подаче не вижу площадки: у меня в глазах стоят слезы. Мне кажется, что играю в доспехах, что спина туго стянута ими, но я держусь, иду вперед и побеждаю.

Во втором круге обыгрываю в двух сетах Андреаса Септи из Италии. Я играю очень хорошо, и это вселяет надежду перед матчем третьего круга, где моим соперником будет Надаль. Он - настоящий псих, зверь, воплощение природной силы - самый мощный и гибкий игрок, которого мне приходилось встречать. Но я полагаю - таков туманящий эффект победы - что смогу дать ему бой. Думаю, что у меня неплохие шансы.

Проигрываю в первом сете, 7-6, утешаю себя тем, что победа была близка… Затем он меня просто изничтожает. Матч продолжается семьдесят минут. У меня было лишь пятьдесят пять, затем спина начала болеть. По ходу матча на подаче Надаля

не могу стоять спокойно. Я должен двигаться, топать ногами, разгоняя по телу кровь. Напряжение так велико, боль настолько сильна, что я не в состоянии думать о том, как отбивать: все силы уходят на сохранение вертикального положения.

После игры наступает необычный момент: организаторы Уимблдона, вопреки традиции, проводят со мной и Надалем интервью прямо на корте. Такое происходит впервые в истории Уимблдона.

- Я знал, что рано или поздно заставлю Уимблдон поступиться традициями, - объявляю Джилу.

Он не смеется. Он никогда не смеется, пока бой не кончен.

- Я ведь почти закончил, - говорю ему.

Лечу в Вашингтон и играю с прошедшим отборочный тур итальянцем Андреа Стоппини. Он громит меня, будто это я проходил отборочные игры. Меня охватывает стыд. Я полагал, что перед Открытым чемпионатом США необходимо настроиться, привести себя в форму, - но происшедшее в Вашингтоне меня шокирует. Говорю журналистам, что борьба за финал карьеры отнимает у меня больше сил, чем я предполагал:

- Наверняка многие из вас не слишком-то любят свою работу, - пытаюсь я объяснить происходящее со мной. - Но только представьте себе, что кто-нибудь сообщил вам: вот эта статья обо мне станет для вас последней, и больше до конца жизни вы не напишете ни строчки. Ну, и как вы себя после этого будете чувствовать?

ВСЯ МОЯ КОМАНДА ЛЕТИТ В НЬЮ-ЙОРК. Штефани, дети, родители, Перри, Джил, Даррен, Фили. Мы захватываем отель Four Seasons и оккупируем наш любимый ресторан Campanola. Дети улыбаются, когда на входе нас встречают аплодисментами. Мне кажется, даже овации теперь звучат по другому. У них иной тембр, иной подтекст. Они предназначены не только мне, но всем, кому приходится заканчивать важное и непростое дело.

Фрэнки усаживает нас за угловой столик, суетится вокруг Штефани и детей. Он предлагает Джадену мои любимые блюда, и я понимаю, что сыну они нравятся. Джаз, кажется, тоже нравится еда, хоть она и настаивает, чтобы все закуски лежали на тарелках отдельно, не соприкасаясь друг с другом. Я смотрю, как Штефани следит за детьми, как она улыбается, и думаю о нас четверых - совершенно разных личностях. Таких непохожих внешне и все же составляющих единое целое. Полный комплект. Вечером накануне последнего турнира я наслаждаюсь чувством, которое необходимо каждому, пониманием, которое снисходит на нас лишь изредка: все в жизни взаимосвязано, то, что кажется ее концом, оборачивается лишь началом - и наоборот.

В первом круге мой соперник - Андрей Павел из Румынии. Во время игры мою спину то и дело заклинивает, однако, невзирая на неспособность гнуться, я ухитряюсь вырвать победу. Умоляю Даррена организовать мне на завтра укол кортизона, но не уверен, что даже с ним сумею сыграть следующий матч.

Нет, мне не обыграть Маркоса Багдатиса. Он восьмая ракетка мира. Он здоровенный сильный парень с Кипра, в самом расцвете сил. Он доходил до финала на Открытом чемпионате Австралии и до полуфинала - на Уимблдоне.

Но тем не менее каким-то чудом побеждаю. После этого я лишь способен доплестись по туннелю до раздевалки, где моя спина окончательно отказывается функционировать. Даррен и Джил тащат меня, словно мешок с грязным бельем, на массажный стол, в то время как команда Багдатиса устраивает его на столе по соседству. У него жестокие судороги. Штефани целует меня. Джил заставляет пить. Тренер говорит, что врачи уже идут, включает телевизор, и все выходят из комнаты, оставляя вдвоем нас с Багдатисом, корчащихся и стонущих от боли.

По телевизору показывают самые яркие моменты нашего матча. Спортивный канал.

Краем глаза замечаю какое-то движение. Я поворачиваюсь и вижу, как Багдатис протягивает мне руку. На его лице написано: «Мы сделали это!» Я, дотягиваясь, беру его за руку, и мы лежим так, взявшись за руки, в то время как на экране мелькают кадры нашей ожесточенной битвы.

Мы освобождаемся от этого матча. А затем я отпускаю все остальные проблемы в своей жизни.

Наконец, приходят врачи. У них уходит полчаса, чтобы с помощью тренеров поставить нас с Багдатисом на ноги. Багдатис покидает раздевалку первым, осторожно ступая и опираясь на плечо тренера. Затем Джил и Даррен ведут меня к автостоянке, убеждая сделать еще несколько шагов при помощи соблазнительных описаний чизбургера и мартини в P.J.Clarke’s. На часах - два ночи.

- Крепись, парень, - говорит Даррен, когда мы добираемся до стоянки. - Машина в том конце площадки.

Мы смотрим на одинокий автомобиль в середине парковки. Он в шестистах метрах от нас. Я не могу преодолеть это расстояние.

- Разумеется, стой здесь, - отвечает Даррен. - Сейчас пригоню сюда.

Он убегает. Я говорю Джилу, что не могу стоять. Пока мы ждем, мне нужно прилечь. Он ставит мою сумку на асфальт, я сажусь, а затем и ложусь, используя ее как подушку.

Смотрю на Джила и вижу лишь его улыбку. Над ним - звезды. Мириады звезд. Я смотрю на вышки прожекторов, окаймляющие стадион: они тоже похожи на звезды, только больше и ближе.

Вдруг слышен взрыв. Звук такой, будто открыли гигантскую банку с теннисными мячами. Один из прожекторов гаснет. Затем еще один. И еще.

Я закрываю глаза. Все кончено.

Нет. О Господи, нет! На самом деле это не кончится никогда.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я, прихрамывая, иду через холл отеля, когда какой-то человек, выйдя из тени, хватает меня за руку.

- Прекрати это, - говорит он.

- Что?

Это мой отец - или его призрак. У него мертвенно-бледное лицо. Кажется, он не спал несколько недель.

- Папа? О чем ты?

- Просто прекрати это. Поезжай домой. Ты сделал это. Все кончено.

Он признается, что молился о моем уходе, что не мог дождаться, когда силы окончательно покинут меня и ему больше не придется смотреть на мои мучения. Больше ему не придется видеть мои матчи, у него от них сердце выпрыгивает из груди. Не надо будет бодрствовать до двух ночи, чтобы увидеть трансляцию игры с другого края планеты и выцепить взглядом очередного вундеркинда, с которым мне вскоре, возможно, придется встретиться. Он уже не может выносить весь этот ужас.

Он говорит, как будто… возможно ли это?

Да, я вижу это в его глазах. Мне знаком этот взгляд.

Он ненавидит теннис!

- Не заставляй себя! - умоляет он. - После вчерашнего вечера тебе больше ничего не надо доказывать. Я не могу видеть, как ты себя мучишь! Это слишком больно.

Я кладу руку ему на плечо:

- Извини. Пап, я не могу вот так просто взять и уйти.

ЗА ПОЛЧАСА ДО МАТЧА мне делают противовоспалительный укол. Но это не кортизон, он гораздо менее эффективен. В матче третьего круга против Бенджамина Беккера я могу разве что оставаться на ногах.

Я смотрю на табло. Трясу головой. Вновь и вновь спрашиваю себя: возможно ли, что фамилия моего соперника в последнем матче - Беккер? В начале года я говорил Даррену, что хотел бы в своей финальной игре встретиться с кем-то, кого люблю и уважаю, или уж с совершенно незнакомым игроком.

Итак, мне выпал второй вариант.

Беккер обыгрывает меня в четырех сетах. Чувствую, как лопается на моей груди финишная ленточка.

Организаторы Открытого чемпионата США просят, прежде чем я уйду в раздевалку, сказать несколько слов болельщикам на трибунах и телезрителям. Я точно знаю, о чем хочу говорить.

Я знал это много лет. Но мне все равно требуется несколько секунд, чтобы обрести голос:

- ЕСЛИ ВЕРИТЬ ТАБЛО, сегодня я проиграл. Но табло не сообщает, что я выиграл при этом. За прошедший двадцать один год я обрел преданность многих людей: ведь вы болели за меня на корте и в жизни.

Я нашел вдохновение: ведь вы желали мне успеха даже в худшие мо-менты моей жизни. Я получал великодушную поддержку: вы подставляли мне плечо, помогая держаться на ногах, двигаться к мечте - мечте, которую я никогда не обрел бы без вас. Теперь у меня есть все вы, и я сохраню память о каждом в сердце до конца жизни.

ЭТО - ВЕЛИЧАЙШИЙ КОМПЛИМЕНТ, которым я мог наградить своих болельщиков. Я сравнил их с Джилом.

В раздевалке стоит мертвая тишина. За годы в теннисе я заметил: если ты проигрываешь, в раздевалке все бесстрастны. Дверь распахивается от твоего пинка, потому что ты толкнул ее сильнее, чем следовало, - входишь, и все тут же бросаются врассыпную от телевизора, по которому только что наблюдали, как тебе надрали задницу. Все вечно делают вид, что ничего не видели и вообще о тебе ни слова не говорили. Однако в этот раз все, кто есть в раздевалке, по-прежнему сидят вокруг телевизора. Никто не встает. Никто не притворяется. Отойдя от экрана, все медленно идут ко мне. Мне аплодируют и свистят - и тренеры, и теннисисты, и охранник Джеймс.

Лишь один человек стоит в стороне, не аплодируя. Я вижу его боковым зрением. Он облокотился на дальнюю стену, бездумно глядя в пространство, скрестив руки на груди.

Коннорс.

Теперь он тренирует Роддика. Бедный Энди.

Я улыбаюсь. Могу лишь восхищаться тем, что Коннорс верен себе, он не меняется. Всем следует хранить такое же постоянство.

- В вашей жизни еще будут аплодисменты, - обращаюсь я ко всем игрокам. - Но аплодисменты от вас - самые важные. Желаю каждому услышать их в конце пути.

Спасибо. Прощайте! И берегите себя.

НАЧАЛО

ВЕСЬ ДЕНЬ ДОЖДЬ то прекращался, то возобновлялся с новой силой.

- Ну, что? - спрашивает Штефани, всматриваясь в небо.

- Пошли, - говорю я. - Давай, попробуем. Я хотел бы, чтобы ты сделала это.

Хотел бы! Штефани хмурится. Она-то всегда готова, но готова ли ее икроножная мышца? Проблемы с ногой не отпускают Штефани с того самого момента, как она ушла из тенниса. Она бросает взгляд вниз: дурацкая голень! На следующей неделе у нее благотворительный матч в Токио: она собирает деньги для детского сада, который ее стараниями открылся в Эритрее. И хотя такой матч - всего лишь спектакль, она хочет отыграть его «на отлично». Штефани по-прежнему стремится все делать «на отлично».

Прошел уже год с тех пор, как я в последний раз покинул корт. На дворе осень 2007-го. Мы всю неделю собирались съездить сыграть друг против друга. Но наступил назначенный день - и надо же, чтобы именно сейчас впервые за год в Вегасе пошел дождь.

Нельзя разжечь огонь под дождем.

Штефани вновь смотрит на небо. Затем - на часы:

- Сегодня будет насыщенный день.

Ей еще предстоит забрать Джадена из школы. В нашем распоряжении совсем немного времени.

ЕСЛИ ДОЖДЬ не позволит нам сыграть, я мог бы навестить свою школу. Посещаю ее при любой возможности: я изумляюсь тому, как она выросла! Теперь это огромный учебный комплекс площадью почти две с половиной тысячи квадратных метров, Здесь учатся пятьсот ребят, и еще восемьсот записаны в лист ожидания.

В помещениях школы, на оснащение которых ушло сорок миллионов долларов, есть все, что угодно детской душе. Телестудия, оборудованная по последнему слову техники. Компьютерный класс с несколькими дюжинами машин вдоль стен и огромным белым мягким диваном. Первоклассный тренажерный зал, оборудованный не хуже, чем в самых пафосных спортивных клубах Вегаса. Помимо тренажеров, здесь есть гимнастический зал и душевые, такие же современные и блестящие чистотой, как в лучших отелях нашего города. Мне особенно приятно, что зал выглядит столь же сверкающим, а краска - столь же свежей, как в день его открытия. Ученики, родители, жители соседних кварталов - все относятся к школе с большим пиететом. За то время, что здесь существует школа, район ничуть не изменился к лучшему: недавно, когда я

проводил здесь экскурсию, на другой стороне улицы кого-то застрелили. При этом за восемь лет ни одно школьное окно не было разбито, ни одну стену не испачкали граффити.

Куда бы вы ни глянули, везде заметите легкие штрихи, мелкие детали, показывающие, как эта школа отличается от других, насколько она совершенна во всем. На центральном окне огромными буквами выведено слово, ставшее нашим неофициальным девизом: «ВЕРЬ!». Каждая классная комната залита светом. Непрямые лучи из окон, выходящих на южную сторону, лучи ламп, проходящие сквозь современные отражатели, создают мягкий рассеянный свет, идеальный для чтения и сосредоточения. Учителям не приходится то и дело щелкать выключателями, чтобы сберечь деньги, а ученики избавлены от головных болей и депрессий, вызываемых стандартными флуоресцентными лампами - о них я помню слишком хорошо.

Территория школы оформлена по образу и подобию университетских кампусов - с уединенными уголками и удобными площадками, где может собраться сразу много людей. Все стены сложены из камня - бордового и бледно-розового кварцита, добытого в близлежащем карьере. Вдоль дорожек высажены тоненькие сливовые деревья. Тропинки сходятся у восхитительного каменного дуба - символического Дерева надежды, которое мы посадили здесь еще до того, как заложили первый камень будущего школьного здания. «Начинать надо с главного», - заявили мне архитекторы, после чего посадили Дерево надежды и поручили строителям поливать саженец, а также не загораживать его от света, покуда вокруг идет строительство.

Школа занимает относительно небольшую территорию - три тысячи квадратных метров, однако недостаток места оказался даже на руку общему архитектурному замыслу. Архитекторы решили, что территория будет символизировать короткое путешествие по извилистой дороге - такое же, как сама жизнь. Где бы вы ни стояли, можете увидеть в одной стороне точку, из которой вышли, а в другой - конечную цель пути. Подготовишки и ученики младших классов могут глазеть на высокое школьное здание, ожидающее их, при этом им не будут слышны голоса старших ребят: зачем пугать маленьких? Ученики старших классов могут взглянуть на свои первые классные комнаты, где они учились в младшей школе, но при этом им не мешают пронзительные вопли с детской площадки: зачем беспокоить взрослых ребят?

Местные архитекторы Майк дель Гатто и Роб Гурдисон вложили душу в этот проект. Многие месяцы они вникали в

историю этих мест, изучали помещения чартерных школ по всей Америке, экспериментировали с различными замыслами. Затем, ночь за ночью, создавали планы, рисуя их на столе для пинг-понга в подвале у Майка. Они собрали первую модель будущей школы из картона и фанеры на теннисном столе, не углядев в этом иронии.

Именно им принадлежала идея заставить само здание рассказывать истории и обучать. В центре школьного здания мы хотели разместить огромные фотографии Мартина Лютера Кинга, Махатмы Ганди и, конечно же, Нельсона Манделы, с вдохновляющими цитатами этих великих людей, написанными на стеклянных табличках под портретами. Поскольку большинство учеников нашей школы - афроамериканцы, мы попросили Майка и Роба врезать в одну из стен силуэт Большой Медведицы из стекла, окрашенного под мрамор, а в другую, справа от нее, - один-единственный стеклянный блок, символизирующий Полярную звезду. Именно Большая Медведица и Полярная звезда были когда-то ориентирами для беглых рабов, указывали им путь к свободе.

Я тоже внес свой вклад в школьную эстетику: по моей просьбе в общем зале для старших школьников был установлен блестящий черный рояль Steinway. Когда инструмент доставили, все ребята тут же сгрудились вокруг, и я изрядно удивил их, тут же сыграв «Lean on te» Билла Уизерса. К моему несказанному удовольствию, ученики не знали, кто я, - а когда учителя рассказали им, кто я, это не изменило их отношения ко мне.

Я мечтал о школе, в которой не будет места для унылой рутины, о заведении, где ежедневные открытия станут нормой. Так и вышло. Каждый день в школе Агасси происходит что-нибудь необычное. Президент Клинтон запросто может заехать туда провести урок истории. Шакил О'Нил - поработать денек учителем физкультуры. Вы можете встретить здесь Лэнса Армстронга, прогуливающегося по коридорам, или Мохаммеда Али с бейджем посетителя, ведущего бой с тенью под восхищенным взглядом кого-то из новичков. В дверях классной комнаты легко столкнуться с Джанет Джексон, Элтоном Джоном или кем-то из музыкантов фанк-группы «Earth, Wind amp; Fire». Еще одна неожиданность ждет впереди: когда мы откроем гимнастический зал, сразу проведем у себя в Вегасе Матч всех звезд НБА. Пригласим молодых игроков, выступающих в НБА один-два года, сыграть одну из внеплановых игр в школе, и пусть это будет первый матч в новом школьном зале. Ребятам понравится.

Наши учителя - просто-напросто лучшие в мире. Мы

стремились собрать людей умных и проницательных, страстных и вдохновенных, не боящихся нового и вкладывающих душу в свою профессию. От каждого преподавателя мы ждем одного: веры в то, что любой школьник способен учиться. Эта мысль кажется до обидного самоочевидной, однако в наше время она - редкость.

В школе Агасси учебный день, равно как и учебный год, продолжаются дольше, чем обычно. Поэтому с точки зрения размеров почасовой оплаты наши педагоги зачастую получают меньше, чем их коллеги в других школах. Но зато в их распоряжении больше ресурсов, они пользуются абсолютной свободой и имеют гораздо больше возможностей менять жизнь ребят к лучшему.

Мы считаем, что школьная форма необходима. Наша форма - тенниска с брюками, шортами или юбкой в официальных цветах школы - бордовом и темно-синем. Ведь форма снижает напряженность между сверстниками и в долгосрочной перспективе экономит родительские деньги. Всякий раз, входя в школу, я с усмешкой думаю: какая все-таки ирония в том, что я сам стал горячим сторонником формы! Было бы здорово, если бы организаторы Уимблдона, оказавшись в Вегасе, попросили меня устроить экскурсию по городу, - хотел бы я увидеть их лица, когда я упомяну о строгом дресс-коде в моей школе!

Здесь действует еще одно строгое правило, которым я особенно горжусь. С повторения «Правила уважения» начинается каждый школьный день. Когда захожу в школу, обязательно заглядываю в один из классов и прошу детей прочесть его вслух вместе со мной:

Уважение - основа дисциплины.
Уважение и к старшим, и к равным.
Уважение к себе и к правилам.
Уважение начинается дома,
Оно продолжается в школе
И сопровождает нас всю жизнь.

Я всякий раз говорю детям: если вы выучите это простое правило, если примете его близко к сердцу, сможете многого добиться.

Проходя по коридорам, заглядывая в классные комнаты, я вижу, как дети ценят этот дом. От педагогов и других служащих я слышал множество историй о том, как она изменила к лучшему жизни учеников. Каждого из школьников мы просим написать на эту тему эссе и потом используем этот материал для ежегодных мероприятий по сбору средств. Далеко не все эссе повествуют о трудностях и тяжких испытаниях, но именно такие запоминаются. Вот, к примеру, история девочки, которая живет со своей больной

матерью. Женщина много лет не может работать из-за неизлечимой болезни легких. Мать и дочь живут в оккупированной тараканами квартире в районе, где правят банды гангстеров, так что школа для девочки - единственное убежище. Она отлично учится и пишет с трогательной гордостью: «… поняла, что, если буду учиться хорошо, то никто не спросит, что происходит дома, и мне не придется никому об этом рассказывать. Сейчас мне семнадцать, и, несмотря на то что каждый день я вижу, как ухудшается здоровье матери, на то, что я живу в квартире с тараканами, что нами командуют бандиты, что я вынуждена работать и содержать семью, я все-таки буду учиться в колледже».

Еще одна девочка пишет о тяжелых отношениях с отцом, который большую часть ее детства провел в тюрьме. Недавно он вышел на свободу, и дочь встретилась с ним - болезненно худым, живущим с какой-то ужасной женщиной «… в сломанном трейлере, где стоит зловонный запах нечистот и метамфетамина». Не желая повторять ошибки своих родителей, девочка добилась выдающихся успехов в учебе. «Я не хочу катиться по наклонной, как многие другие. В моих силах изменить собственное будущее, и я никогда не сдамся».

Как-то раз, когда я проходил по зданию для старшеклассников, меня остановил пятнадцатилетний паренек - застенчивый, круглощекий, с вы-разительным взглядом. Он спросил, можно ли поговорить со мной с глазу на глаз.

- Конечно, - ответил я.

Мы зашли в зал.

Он не знал, с чего начать, и я посоветовал ему начать с начала.

- Год назад в моей жизни все переменилось, - проговорил мальчик. - Умер мой отец. То есть его убили. Вы понимаете, да?

- Мне очень жаль.

- После этого я совсем растерялся. Я не знал, что делать.

Его глаза наполнились слезами.

- А потом пришел сюда, в школу. И здесь нашел себя и обрел надежду. Эта школа подарила мне жизнь, мистер Агасси. И поэтому я ждал, пока вы здесь появитесь, а когда вас увидел, я должен был сказать это вам - ну, вы понимаете, да? Спасибо за все!

Я обнял мальчишку и сказал, что это я должен благодарить его.

В СТАРШИХ КЛАССАХ в нашей школе ребят ориентируют на продолжение обучения в колледже. Ученикам постоянно повторяют: «Школа для вас - лишь трамплин. Не расслабляйтесь,

ваша главная цель - колледж». На случай, если кто-нибудь об этом забудет, есть много способов напомнить о продолжении учебы: плакаты колледжей висят на стенах; главный коридор школы носит название Колледж-стрит… Металлическим воздушным мостом между двумя зданиями до сих пор никто не пользовался и не будет, пока наши первые выпускники не получат дипломы и не поступят в колледж. И вот тогда выпускники перейдут по этому мосту в секретную комнату, где запишут свои имена в Главной школьной книге, оставят наказы для следующего выпуска и будущих поколений. Я собираюсь обратиться с речью к первому выпускному классу. Мысли об этой речи не дают мне покоя, мы с Джей Пи и Джилом уже вовсю работаем над ней.

Главной темой выступления должны стать противоречия. Друзья говорят, что мне стоит освежить в памяти слова Уолта Уитмена:

- Я противоречу сам себе? Прекрасно, значит, я противоречу сам себе.

Раньше я не предполагал, что подобная точка зрения имеет право на существование. Теперь же руководствуюсь ею, она - моя Полярная звезда. Вот об этом я и расскажу моим ученикам. Жизнь - это теннисный матч между полными противоположностями, в ней соседствуют победа и поражение, любовь и ненависть, открытость и скрытность. Чем раньше осмыслишь этот болезненный факт, тем лучше - останется лишь осознать эти противоположности внутри себя. Если не сможешь совместить их или примирить, просто прими их и живи дальше. Единственное, чего делать ни в коем случае не следует, - игнорировать их.

Какой еще мыслью я могу поделиться с выпускниками? Чему еще их может научить тот, кого выгнали из девятого класса?

- ДОЖДЬ КОНЧИЛСЯ, - говорит Штефани.

- Давай, поехали! - отзываюсь я.

Она натягивает теннисную юбку, я влезаю в шорты. Мы едем на общественный корт на другом конце улицы. В магазинчике со всякими мелочами для тенниса девчушка за прилавком читает журнал со светскими сплетнями. Подняв на нас глаза, она чуть было не выпускает изо рта жвачку.

- Привет, - обращаюсь к ней я.

- Привет.

- У вас открыто?

- Да.

- Можно арендовать корт на один час?

- Гм. Да.

- И почем?

- Четырнадцать долларов.

- Хорошо.

Я отдаю ей деньги.

- Идите на центральный корт, - приглашает она.

Мы спускаемся вниз, в мини-амфитеатр, к синим теннисным кортам, окруженным металлическими скамьями для зрителей. Ставим наши сумки рядом, начинаем растягиваться, постанывая и подшучивая друг над другом, вспоминая, как давно обоим не приходилось этого делать.

Я шарю в сумке в поисках напульсников, бинтов, мячей.

- Тебе какую сторону? - спрашивает Штефани.

- Вот эту.

- Я так и знала.

Она мягко бьет справа. Я, скрипя, как Железный Дровосек, неловко дотягиваюсь до мяча и отбиваю. Мы вежливо, аккуратно обмениваемся ударами, и вдруг Штефани бьет слева в линию, и мяч, сорвавшись с ее ракетки, гудит, словно проходящий мимо скорый поезд. Я бросаю на жену убийственный взгляд, говорящий: ага, значит, так мы будем играть?

Она делает свой фирменный резаный удар мне под левую руку. Сгибаю колени и отбиваю мяч, вложив в удар все свои силы.

- Этот удар оплатил нам немало счетов, дорогая! - кричу я.

Она, улыбнувшись, сдувает прядь волос со лба.

Наши плечи развернулись, мышцы разогрелись. Темп игры увеличивается. Бью по мячу сильно, чисто, моя Штефани - тоже. От простого обмена ударами мы постепенно переходим к борьбе за каждое очко. Она неудачно бьет справа, я с криком отбиваю слева - и посылаю мяч в сетку.

Впервые за двадцать лет мне не удался удар слева. Смотрю на мяч, лежащий у сетки. Меня раздражает поражение. Я говорю Штефани, что расстроен, чувствую, что слегка злюсь, но затем начинаю хохотать. Штефани тоже смеется, мы возвращаемся к игре.

С каждым ударом она выглядит все более счастливой: голень не тревожит ее, значит, в Токио все пройдет прекрасно. Штефани не беспокоится о своей травме, теперь мы можем играть по-настоящему. Игра так захватывает, что мы не замечаем начавшийся дождь. Когда появляются первые зрители, мы не видим и их.

Люди подходят один за другим, толпа становится все больше. На трибунах появляются все новые и новые лица. Похоже, зрители звонят по телефону своим знакомым, а те - своим, сообщая: Агасси и Граф играют ради удовольствия здесь, на общественном корте. Как Рокки Бальбоа и Аполло Крид[55] после того, как погасли огни и двери зала заперли до утра.

Дождь льет все сильнее, но мы не останавливаемся. Играем в полную силу. В руках у зрителей появляются камеры. Сверкают вспышки. Отраженные и усиленные дождевыми каплями, они кажутся необычайно яркими. Меня это не беспокоит, Штефани же их просто не замечает. Все вокруг окутывается дымкой, мы видим лишь мяч, сетку, друг друга.

Долгий обмен ударами. Десять перелетов мяча. Пятнадцать. В конце концов я пропускаю удар. На корте валяется куча мячиков. Подбираю три, засовываю один в карман.

- Давай вернемся, вдвоем! Как думаешь? - кричу я Штефани.

Она не отвечает.

- Ты и я! Прямо на этой неделе!

Нет ответа. Ее концентрация, как всегда, заставляет меня устыдиться. Штефани никогда не делает на корте лишних движений и не любит без нужды сорить словами. Джей Пи как-то обратил мое внимание на то, что для трех человек, оказавших самое сильное влияние на мою жизнь - отца, Джила и Штефани, - английский язык не родной. И все трое лучше всего понимают физические доводы.

Штефани вкладывается в каждый удар. Каждый мяч важен. Она не устает, никогда не промахивается. Смотреть на нее - не просто удовольствие, это привилегия. Меня часто спрашивают, на что это похоже, но я никак не могу подобрать нужное слово. Слово «привилегия» - на мой вкус, ближе всего к истине.

Я вновь промахиваюсь. Она смотрит на меня искоса, ждет.

Подаю. Она отбивает, затем делает свой фирменный жест, будто прихлопывая ладонью комара. Значит, с нее хватит. Пора ехать за Джаденом. Штефани уходит с корта.

- Давай еще? - кричу я.

- Что? - она останавливается, смотрит на меня и улыбается.

- Ну, хорошо, - она возвращается к задней линии. Это глупо, но в этом - моя суть, и она это понимает. У нас впереди множество дел - замечательных, интересных дел. Штефани с нетерпением ждет возможности заняться ими. И я тоже… Но сейчас ничего не могу с собой поделать.

Я просто хочу еще немного поиграть в теннис.

БЛАГОДАРНОСТИ

ЭТА КНИГА никогда не увидела бы свет без помощи моего друга Джея Морингера.

Еще до того как мы познакомились, именно он впервые заставил меня всерьез задуматься о том, чтобы изложить свою историю в книге. Во время финала Открытого чемпионата США

2006 года я каждую свободную минуту утыкался в потрясающую автобиографию Морингера «Нежный бар». Эта книга задевала самые глубокие струны моей души. Я был в таком восторге, что в один прекрасный момент начал ограничивать количество прочитанных страниц в день. Поначалу чтение «Нежного бара» стало способом отвлечься от непростых чувств, обуревавших в конце карьеры, но постепенно сама книга вызвала во мне бурю эмоций. Я испугался, что книга закончится раньше, чем моя карьера.

После первого круга я позвонил Морингеру, представился, рассказал, как восхитило меня его произведение, и пригласил его в Вегас на ужин. Как я и подозревал, мы сразу же нашли общий язык, и за этим ужином последовало множество других. Как-то я спросил, не будет ли он против поработать со мной, помочь мне в написании мемуаров, придать им литературную форму. Я хотел, чтобы он показал мою жизнь глазами лауреата Пулитцеровской премии. К моему удивлению, он согласился.

Морингер переехал в Лас-Вегас, и мы приступили к работе. У нас, как выяснилось, были одинаковые этические принципы в работе, один и тот же бескомпромиссный, перфекционистский подход к достижению цели. Мы выработали специальный ритуал ежедневных встреч: с аппетитом сжевав по паре буррито, мы несколько часов наговаривали текст на диктофон. Для нас не существовало запрещенных тем, поэтому наши беседы подчас были забавны, но иногда - весьма болезненны. Мы не придерживались хронологического порядка и не обсуждали тему за темой, позволяя беседе течь свободно, отталкиваясь от материалов, собранных для этой книги нашим замечательным юным помощником Беном Коэном, которого, несомненно, ждет впечатляющая карьера.

После многих месяцев работы у нас скопился целый ящик диктофонных кассет, на которых была записана история моей жизни. Самоотверженная Ким Уэллс перенесла эти записи на бумагу, а затем Морингер переработал их в цельную историю. Джонатан Сигал, наш прекрасный мудрейший редактор в издательстве Knopf, и Сонни Мета, настоящий Род Лэйвер издательского дела, помогли нам превратить первую версию во вторую, а затем и в третью. После этого все факты, изложенные в тексте, скрупулезно проверил Эрик Меркадо, несомненно, земное воплощение Шерлока Холмса. Никогда еще я не проводил столько времени, читая и перечитывая, обсуждая слова и фразы, даты и цифры. Насколько понимаю, это было более всего похоже на зубрежку перед экзаменом.

Я много раз просил Морингера поставить на этой книге свое

имя. Но он посчитал, что на ее обложке имя может быть только одно. Гордясь проделанной нами работой, он все же не счел себя вправе подписывать своим именем историю жизни другого человека. «Это твои истории, твои люди, твои битвы», - сказал он, еще раз продемонстрировав то благородство души, которое я разглядел еще в его автобиографии. Я знал, что спорить не следует, ведь упрямство - еще одно качество, которое нас объединяет. Но все же я настоял на том, чтобы в послесловии раскрыть его роль в работе над книгой и публично принести ему мою благодарность.

Кроме того, я хочу поблагодарить первых читателей, которым мы посылали черновые копии и отрывки из книги и каждый из которых внес значительный вклад в работу над текстом. Среди них - Филипп и Марти Агасси, Слоан и Роджер Барнетты, Иван Блумберг, Даррен Кэйхилл, Венди Неткин Коэн, Брэд Гилберт, Дэвид Гилмор, Крис и Варан- да Ханди, Бил Хастид, Макгро Милхейвен, Стив Миллер, Дороти Морингер, Джон и Джони Паренти, Джил Рейес, Джейми Роуз, Ган Рудер, Джон Рассел, Брук Шилдз, Венди Стюарт Гудсан и Барбра Стрейзанд. Каждому из них я приношу свою глубокую благодарность.

Отдельное спасибо Рону Борета за его несгибаемую твердость, за способность понимать меня, за внимательное прочтение этой книги, за его бесценные советы по всем вопросам - от психологии до стратегии, за то, что он помог мне по-новому понять, что значит лучший ДРУГ.

Но более всех я благодарен Штефани, Джадену и Джаз Агасси. Вы-нужденные жить со мной бок о бок и целых два года делить меня с этой книгой, они никогда не жаловались, зато подбадривали и давали возможность закончить этот труд. Неизменная любовь и поддержка Штефани постоянно вдохновляли меня, а улыбки Джадена и Джаз наполняли меня энергией так же, как пища насыщает кровь сахаром.

Однажды, когда я работал над второй версией книги, Джаден привел домой своего приятеля. Листы рукописи стопками высились на кухонном столе, и приятель спросил Джадена:

- Что это?

- Это папина книга! - ответил мой сын таким голосом, каким раньше говорил лишь о Санта Клаусе и музыкальной видеоигре Guitar Hero.

Я надеюсь, что и десять, и тридцать, и шестьдесят лет спустя Джаден и его сестра будут все так же гордиться этой книгой. Она была написана ради них и им же, в первую очередь, адресована. Я хотел бы, чтобы она помогла им избежать моих ошибок, став одной из многих книг, которые обеспечат им комфорт,

удовольствие и дадут нужный совет. Я очень поздно открыл для себя магию книг. Из всех ошибок, от которых я хочу предостеречь своих детей, именно эту я бы поставил в самом начале списка.

notes

Примечания

1

Джил Рейес - знаменитый американский фитнес-тренер. До встречи с А. Агасси отвечал за физическую подготовку баскетболистов в университете Штата Невада.

2

Даррен Кэйхилл - австралийский теннисист, закончил свою карьеру в 1994 году, после чего стал тренером и комментатором спортивного телеканала ESPN.

3

Центральный корт Открытого чемпионата США, самый вместительный теннисный стадион в мире. Находится в Нью-Йорке.

4

Джеймс Скотт Коннорс - американский теннисист, с 1974 года 160 недель сохранял звание первой ракетки мира. Завершил профессиональную карьеру в 1996 году сейчас тренирует молодых теннисистов.

5

Аэропорт Ла Гвардия замыкает тройку самых больших аэропортов в Нью- Йорке, крупнее него - международный аэропорт им. Дж.Ф. Кеннеди и аэропорт Либерти в Ньюарке.

6

Список чемпионов: Мартина Навратилова (чехословацкая, позже - американская теннисистка, за карьеру выиграла 18 турниров Большого шлема в одиночном разряде, была первой ракетой мира в 1978-1987 гг.), Иван Лендл (чехословацкий, впоследствии - американский теннисист, обладатель 10 кубков Большого шлема. Первая ракетка мира в 1983 г.), Джон Макинрой (американский теннисист, первая ракетка мира 1982-1985 гг. Семь раз выигрывал турниры Большого шлема), Штефани Граф (жена Андре Агасси, немецкая теннисистка, 22 раза выигрывала турниры Большого шлема, 377 недель возглавляла рейтинг WTA - абсолютный рекорд женского и мужского тенниса).

7

ФИЛЬМ, СНЯТЫЙ совместно киностудиями Leavesden Studios и Paramount Pictures в 1970 году. Режиссер -Мэл Стюарт. В роли Вилли Вонки - Джил Уайлдер.

8

Бьорн Руне Борг - шведский теннисист. С августа 1977 года - первая ракетка мира. Сохранял этот статус в течение 109 недель. Ушел из спорта в 1993 году.

9

Лаура Браниган - американская поп-певица (1957-2004), исполнительница танцевальных хитов в стиле «евродиско», в том числе известных композиций «Gloria» и «Self Control».

10

Бетонная плотина (высота 221 м) с электростанцией расположена в Черном каньоне (нижнее течение реки Колорадо) на границе американских штатов Невада и Аризона.

11

Остров недалеко от Манхаттана, в устье реки Гудзон, до 1954 года - самый крупный пункт приема иммигрантов в США.

12

Американский художник и иллюстратор (1894-1878 гг.). Излюбленная темя его картин - американский обиход, жизнь простых людей.

13

Современный американский актер, за роль второго плана в фильме «Бонни и Клайд» был выдвинут на премию «Оскар».

14

Американский актер, исполнитель роли Космо Брауна в мюзикле «Поющие под дождем».

15

Американский актер и певец, «специализируется» по семейным и детским фильмам.

16

Алан Кинг - американский актер. Организовал мужской теннисный турнир своего имени в Лас-Вегасе, проходивший ежегодно с 1972 по 1985 год.

17

Имеется в виду американский футбол.

18

А. Агасси имеет в виду американский футбол, здесь и дальше.

19

7Eleven - сеть маленьких продовольственных магазинов с кафетериями.

20

Важное сражение между английскими и американскими войсками, произошедшее в ходе Войны за независимость США 17 июня 1775 года.

21

Город на западе штата Невада.

22

Бейсбольная команда из Лос-Анджелеса

23

КАВС - спортивный теле- и радиоканал Лос-Анджелеса

24

Триллер 1972 года, режиссер Джон Бурман.

25

Американский джазовый саксофонист, лауреат премии «Гремми».

26

Ведущий авторского спортивного ток-шоу на радио Лос-Анджелеса и телешоу на канале ESPN.

27

Детский фильм про бейсбол.

28

«Маска Фу Манчу» - фантастический фильм ужасов (США, 1932 г.). Злодея Фу Манчу - героя в длинных усах - сыграл Борис Карлофф.

29

Национальный герой США, занимался борьбой с преступностью на Диком Западе на рубеже XIX и XX веков. Про приключения Эрпа снято как минимум 12 полнометражных художественных фильмов.

30

Пригород Лос-Анджелеса (32 км на восток от центра города). Здесь часто снимают квартиры люди, мечтающие о карьере актера в Голливуде.

31

Легендарный итало-американский мафиози, член «Коза ностра», глава «семьи» Гамбино.

32

Бультерьер, рекламный символ пива Bud Light.

33

Бадди Рич (1917-1987) - легендарный американский джазовый барабанщик.

34

Чемпионат Ассоциации теннисистов-профессионалов

35

Том Галликсон - капитан сборной США по теннису

36

Легендарные американские бейсбольные команды, вечные противники.

37

Строчка из «Одиссеи» Гомера (пер. В. Вересаева).

38

Город в Калифорнии, округ Лос-Анджелес, США.

39

(От англ. kick-удар, ball-мяч) -детская игра наподобие бейсбола. Мяч отбивают не битой, а ногой, его можно бросить в игрока, чтобы вывести того из игры. Потом надо добежать до базы, чтобы получить очко.

40

Политик, советник по национальной безопасности США (1987-1989 гг.), 65-й госсекретарь США (2001-2004 гг.).

41

Школы с государственно-частным софинансированием.

42

Стихотворение Уильяма Эрнста Хенли, английского поэта XIX века.

43

Роман Джеймса Руфуса Эйджи, за который автору посмертно присудили Пулитцеровскую премию в 1958 году.

44

Фильм 1999 г., режиссер - Джеймс Тобак.

45

Слова из песни Брюса Спрингстина «Tramps like us», пер. Е. Милицкой.

46

Альфред Теннисон, «Улисс». Текст дан в переводе Е. Милицкой.

47

Легендарный канадский хоккеист.

48

Маленький лысый персонаж серии фильмов об Остине Пауэрсе.

49

Команда по американскому футболу.

50

Испанский конкистадор. Известен своими поисками источника вечной молодости, в ходе которых Понс де Леон случайно открыл территорию, где сейчас располагается американский штат Флорида.

Композиция называется «Why».

52

Музей и Международный зал теннисной славы находятся в г. Ньюпорт (США). Членами «Зала» становятся самые великие, с точки зрения сотрудников Международной федерации тенниса, теннисисты - сейчас в «Зале» чуть более 200 спортсменов (с 1955 по 2009 год).

53

Галстук с очень широкими концами, который заматывают вокруг шеи под подбородком.

All England Croquet and Lawn Tennis Club - теннисный клуб, на территории которого проходит Уимблдонский турнир.

55

Персонажи фильма «Рокки», реж. Джон Эвилдсен.